

АНДРЕЙ ПУШКАШ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ ВАРВАРСТВО

ЗАКАРПАТЬЕ 1918–1945

 европа

Серия «Евровосток»
Институт славяноведения РАН

Андрей Пушкаш

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
или
ВАРВАРСТВО
ЗАКАРПАТЬЕ 1918–1945

Москва
Издательство «Европа»
2006

УДК 94
ББК 63.3(2)6
П91

Серия «Евровосток»
основана в 2005 году

Пушкаш А.

П91 Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945 / Андрей Пушкаш; Институт славяноведения РАН. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 564 с. – (Евровосток)

Монография посвящена одному из самых сложных и запутанных периодов в истории Закарпатья, борьбе европейских держав за контроль над этим краем. Раскрыты многие прежде не известные либо вызывавшие противоречивое толкование эпизоды внутренней и внешней политики соседних государств в изучаемый период. Большое внимание уделено судьбам многочисленного населения, проживавшего в Закарпатье при различных властях и режимах. При написании труда были использованы не публиковавшиеся ранее материалы из архивов Венгрии, Польши, Германии, Чехии, Словакии, России. Многие из этих документов сегодня недоступны.

The monograph is dedicated to one of the most difficult and complex periods in the history of Transcarpathia and the struggle of the European powers to control it. The author reveals many of previously unknown or controversial episodes of internal and external politics of these states during the reviewed period. Major attention is given to the fates of the vast population that inhabited Transcarpathia under different powers and regimes. This historical effort made use of previously unpublished materials from the archives of Hungary, Poland, Germany, Czech Republic, Slovakia and Russia. Many of these documents are unavailable today.

УДК 94
ББК 63.3(2)6

ISBN 5-9739-0083-5

© Институт славяноведения РАН, 2006
© Издательство «Европа», 2006

ВВЕДЕНИЕ

Закарпатьем (или Подкарпатьем) называли южные склоны зеленых Карпат в центре Европы. До прихода венгров в район Карпат и Дунайского бассейна оно было заселено в основном славянскими племенами, что признавали и крупные венгерские историки первой половины XX века Балинт Хоман и Дюла Секфю из школы «истории духа». Однако в то же время они утверждали, что местное славянское население в конце первого и в начале второго тысячелетия ассимилировалось в венгерской массе. Хоман, занимавшийся древней и средневековой историей Венгрии, признавал достоверность венгерской Хроники Анонима, где описаны подробности о населении, которое встретили венгры, пришедшие через Веречанский (Вереский) перевал и Трансильванию. Говорится в ней и о кровном союзе семи вождей венгерских племен, заключенном в Ужгороде¹.

Историки периода Венгерской Народной Республики в первых томах десятитомной истории (в 20 книгах) подтверждают эту мысль².

По народным преданиям и изысканиям русских исследователей, в период по-

явления венгров в районе Карпат территорию Подкарпатья и севернее Карпат (как отмечено и на исторических картах) заселяли славянские племена, именовавшиеся белохорватами. Историки П.П. Сова³ и Н.Н. Лелекач⁴, изучавшие этот период, утверждают, что славянский союз белохорватов существовал в названном регионе начиная с конца первой половины первого тысячелетия новой эры. По упоминаниям в древних хрониках известно, что в походе киевского князя Олега в 906 году на Царьгород участвовали и белохорваты, предки закарпатцев. По мнению венгерских историков – родственники поляков, живших по соседству с ними.

В IX – начале X века, по данным Хроники Анонима, когда венгерские племена стали просачиваться по Вересцкому перевалу в район Ужгородского и Боржавского укреплений, там правил князь Лаборец. Эти события сохранились и в устных преданиях, согласно которым венгры разгромили Лаборца и захватили его владения.

Балинт Хоман считал, что в то время в этом регионе Европы вплоть до верховья Тисы пребывали болгарские славяне.

Среди тогдашних их князей называл и Лаборца⁵. Белохорватов он разместил на землях севернее и западнее от Подкарпатья, в т. ч. Словакии, считая их основным составным элементом будущих словаков.

Н.Н. Лелекач в упомянутом исследовании пришел к выводу, что Закарпатье в X–XI веках входило в состав Киевской Руси. П.П. Сова ссылаясь на «засеки» (т. е. границу продвижения венгров в северо-восточном направлении) в доказательство того, что разрозненные венгерские племена даже в XI веке не смогли захватить все Закарпатье. Они заняли только часть его (по долинам рек Тисы и Латорицы)⁶. Причем этому в немалой степени способствовали династические связи венгерских князей и королей с великими князьями Киевской Руси⁷.

В конце XII – начале XIII века ситуация изменилась. Венгерские короли, не добившись успеха в своих походах на запад и юго-запад, попытались, используя междоусобные распри на Руси, расширить свою власть в северо-восточном направлении, овладеть территорией, которую населяли славяне-русины. Бела III с 1188 года вел так называемые Галицкие войны под предлогом помощи Владимиру Ярославичу. Однако, придя в Галицию, Бела III присвоил себе титул короля этой земли и поставил у власти своего сына – будущего венгерского короля Эндре II. Но уже в 1190 году галицкие бояре при помощи польского короля изгнали Эндре. Став королем Венгрии, Эндре II продолжил походы на Галицию. А после того как в бою с поляками в 1205 году погиб галицко-волынский князь Роман, Эндре сам непосредственно втянулся в междоусобную борьбу русских князей за овладе-

ние Галичем. У погибшего князя Романа остались два сына – малолетний Даниил (Данило) и только что родившийся Василько. Эндре II усыновил Даниила, оставил сначала в Галиче для его охраны своего войска, а затем поселил его при своем дворе. После похода 1205 года Эндре II прибавил к своим титулам еще один – король Галиции и Владимира (Лодомерии).

Борьба русских князей за Галич продолжалась. Эндре II также не желал отказываться от этих «своих» владений и в 1208 году направил в Галицию войска под предводительством воеводы Трансильвании Бенедика. Его правление, однако, вызвало в Галиции большое сопротивление, и он вскоре вынужден был бежать в Венгрию.

Новый правящий князь Галича Владимир просил Эндре II отпустить домой Даниила Романовича. Венгерский король на эту просьбу не откликнулся. У него были замыслы женить Даниила на своей дочери, после чего присоединить Галицкое княжество к своему королевству по примеру Хорватии. К Даниле в Венгрии при дворе Эндре II относились с уважением. В 1211 году Эндре II вновь нашел повод для посылки в Галицию мощной военной экспедиции. В этой армии в походе находился и десятилетний Данило, которому на этот раз достался престол Галицкой Руси. Однако, будучи малолетним, он только формально находился у власти. Правил галицкие бояре. В 1212 году Эндре II в Галиче расправился с некоторыми боярами, но вскоре и сам Данило вместе с матерью вынужден был искать убежище в Венгрии.

В 1213 году Эндре II вновь собрал войско в поход против Галицкой Руси, однако в пути получил известие об убийстве своей

жены Гертруды и вернулся. Данило с матерью переехал в Польшу. Эндре II в сговоре с краковским князем с благословения папы римского королем Галиции короновал своего второго сына Калмана. Но уже в 1215 году Калман был изгнан из Галича. Там была установлена власть Мстислава, на дочери которого женился Данило. В этой ситуации в союзе с краковским князем Эндре II восстановил в конце 1216 года «рутенское королевство Калмана». Так юго-западное княжество Руси вновь попало под венгерское господство. Но это правление было недолговечным. Великий князь киевский и князь смоленский Владимир IV Рюрикович с 1216 года воевал не только с владимиристо-суздальскими князьями, но и с венгерским королем, у которого отбил занятый Галич.

В 1219 году Калман потерпел поражение. В Галиче к власти пришел Мстислав, предложивший свою младшую дочь в жены младшему сыну Андрея II – Эндре, который на рубеже 1226–1227 годов стал во главе Галицкого княжества. В начале 1229 года Галич отвоевал Данило Романович, но, помня доброе отношение к нему венгерского короля Эндре II, отпустил домой его сына. Вскоре старший сын венгерского короля Бела повел войска против Данилы, но потерпел в Галиции поражение.

В 1231 году Александр из Перемышля и Судислав, который находился в бегстве, обосновавшись в Венгрии, уговорили Эндре II и его сыновей организовать новый поход на Галицкую Русь. В результате в Галиче у власти вновь оказался Эндре – сын венгерского короля. В этих условиях Владимир IV, великий князь киевский, вновь помог Даниле Галицкому в войне против венгров (1232). В 1234 го-

ду Владимир II и Данило заключили военно-политический союз. Но к этому времени Данило и Василько уже нанесли венграм поражение под Перемышлем⁸.

В 1234 году Эндре умер. Данило занял Галич. Этим закончились длившиеся около полувека венгерские походы в Галицию, в ходе которых венгры закрепились в Закарпатье.

В 1235 году Данило Галицкий вновь был вынужден бежать в Венгрию, спасаясь от восставших против него галицких бояр. В том же году после смерти Эндре II королем Венгрии стал его старший сын Бела IV. В 1237 году Даниил вернул себе Галич. Влияние его росло. В 1239 году великий князь смоленский Ростислав III Мстиславович (женой которого была венгерская принцесса Анна) занял киевский престол. Но он был изгнан Даниилом Галицким, взят им в плен и вывезен в Венгрию, где и умер в 1240 году. Сам же Данило Галицкий стал последним великим князем Киевской Руси и великим герцогом Галиции и Волыни. Но вскоре татаро-монгольские полчища не только захватили Киев, но и разорили Галицко-Волынское княжество.

После ухода татар Данило Галицкий и Бела IV заключили долгосрочный договор (1246), рассчитанный на 20 лет, что означало отказ Венгрии от притязаний на верховную власть над Галицко-Волынской Русью. Подкарпатская Русь осталась под властью венгерских королей и, как и Галицко-Волынская Русь, – оторванной от своих восточнославянских соплеменников еще на целых семь столетий.

В XVI–XVII веках Венгрия была разделена на три части. Центральную захватили турки. Западная и северная части ока-

зались под властью Габсбургов, а Трансильвания попала в вассальную зависимость от Османской империи. Тогда же западная часть Подкарпатья находилась под властью Габсбургов, а восточная — Трансильванского княжества. После изгнания турок и установления господства Габсбургов над всей территорией Венгрии Закарпатье также оказалось в условиях габсбургского абсолютизма.

В дни венгерской антигабсбургской революции и гражданской войны 1848–1849 годов жители Закарпатья, как и другие славянские народы Габсбургской империи, поддерживали экспедиционную русскую армию И.Ф. Паскевича.

В материалах Будапештского архива по подготовке мирных договоров после Второй мировой войны сохранилось письмо — ответ на просьбу директора гимназии из Подкарпатья В. Сулинчака. Авторами ответа могли быть мадьяризованные русины: Антал Годинка, Шандор Бонкало, Гиадор Стрипский (оставшиеся в хортистской Венгрии) или один из них, воспринявших венгерскую националистическую концепцию, согласно которой первыми организаторами государства в районе Карпат и Дуная были венгры. До них якобы его не было. Сулинчак собирался написать статью и просил предоставить ему материалы о позиции русинов в революции 1848–1849 годов. Но из Будапешта пришел отказ. О данном аспекте рекомендовалось не писать вообще. При чем мотивировалось это следующим:

«Руський средний народ не проявил должного взаимопонимания с нашей освободительной борьбой». За исключением ужгородских малых попов, другие русины не вступили в армию гонимых. Те

русины, которых мобилизовали в армию гонимых в западной части Подкарпатья, перебежали к австрийским солдатам. По заметкам того времени, русины вообще симпатизировали русским, считали их братьями. Об этом говорили те русские офицеры, которые принимали участие в подавлении освободительной борьбы и подготовили записи, а также заметки подкарпатских русинов (Виктор Добрянский, Иван Сильвай и др.). «Только мукачевский греко-католический парохус (приходской священник. — А. П.) Еромош Хайду писал в провенгерском духе и не хвалил русских солдат»⁹, — завершил автор письма.

С 1867 года в дуалистической Австро-Венгерской монархии Закарпатье находилось в составе Венгерского королевства. Это был период беспощадного национального и социального угнетения населения. Мадьяризацию национальных меньшинств, составлявших около половины жителей Венгрии, правительство проводило особенно усиленно с развитием венгерского национализма в конце XIX — начале XX века. Оно стремилось добиться полной ассимиляции иноязычных жителей страны. Для достижения этого применялись различные методы. Прежде всего, было введено принудительное преподавание во всех государственных школах всех предметов на венгерском языке.

Так было и в Подкарпатья (Kárpátalja), как обычно власти называли край проживания славянской народности (постепенно превращавшейся в нацию) наравне с наименованием Верхний край (Felvidék). Население этого края со времени Средневековья называли латинским термином «рутены» (rutheni, rutének) или,

в некоторые периоды, его самоназванием — русины. Славянское население этого края, столетиями жившее (пока шло формирование трех восточнославянских наций — русской, украинской и белорусской) в изоляции в пределах иностранного государства, сохранило свои язык, обычаи, культуру. В первой половине XX века русины идентифицировали себя с жившими на востоке другими украинцами, которых довольно долго называли малороссами.

В начале XX века к осуществлению плана ассимиляции венгерское правительство привлекло и церковь, особенно греко-католическую, или униатскую, получившую это название после Ужгородской унии 1646 года. Процесс перехода от православия к новой религии шел медленно, со скрипом. Как римско-католическая церковь, так и венгерские власти вынуждены были согласиться на сохранение церковнославянского языка в богослужении и восточных обрядов.

Это, несомненно, способствовало сохранению населением его самобытности. К тому же властям не удалось (несмотря на массовые аресты и преследования, как Мараморош-Сиготский процесс 1913–1914 гг.) полностью искоренить православие. Примерно пятая часть славянского населения оставалась православной.

Нужно подчеркнуть, что тогда венгерские власти придерживались точки зрения, согласно которой все жители страны — венгры. В 1909 году Августин Волошин (будущий премьер-министр и президент Карпатской Украины в 1939 г.) был редактором газеты «Наука» (дотированной правительством) и по требованию премьер-министра Венгрии пообещал

употреблять в политическом тексте выражение «наш венгерский народ», а в статьях общественного характера — «наша угроруська народность». Он согласился быть проводником венгерского языка и заявил, что будет держаться в стороне от украинского и русского литературных направлений¹⁰.

По поручению мукачевской епархии была создана комиссия под председательством Гезы Каминского с заданием разработки инструкций о введении преподавания на венгерском языке и в церковных школах. В результате было установлено: первый год детей обучать только устному венгерскому языку, а со второго класса — и письменному, чтобы затем можно было вести на венгерском языке и преподавание религии и религиозного пения. Для облегчения мадьяризации названной комиссией был разработан алфавит «фонетического звучания» для печатания русских молитвенников венгерскими литератами и ликвидации кириллицы¹¹.

Предпринимались и попытки группы священников слить греко-католическую церковь с римско-католической. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что некоторые священники «проявили инициативу» и не только вели пропаганду в этом направлении, но и принимали решения. Так, 27 марта 1915 года греко-католические священники Нижневерецкого округа единогласно приняли решение — просьбу, направленную мукачевскому епископу Анталу Паппу, административным органам Берегского комитата, венгерским правительству и Национальному собранию.

В ней, в частности, указывалось, что народ, который живет в северо-восточ-

ной части нашей отчизны, знают как «рутеннов» или «малорусов». Но эти названия неправильные. «Ибо мы венгры, приросшие к той земле, куда наши предки пришли по милости венгров». И требовали, чтобы тот народ называли «объединенными венгерскими католиками». Главную причину того, что народ внешне мадяризуется значительно медленнее, чем внутреннее его убеждение, собравшиеся видели в том, что «в наших церквах мы молимся по-руськи», и просили разрешения молиться «в наших церквах на венгерском языке». А также детей в школах обучать на венгерском языке и объединить юлианский и григорианский календари.

Если будет удовлетворена эта просьба, заверяли участники собрания, то за короткое время в Карпатах «руськое слово будет таким редким явлением как белая ворона»¹².

9 августа 1915 года эстергомский архиепископ, примас римско-католической церкви Венгрии Янош Чернох провел строго секретное совещание элиты греко-католической церкви (над которой он имел право контроля). На нем присутствовали 16 человек, в том числе мукачевский епископ Антал Папп, пряшевский епископ Иштван Новак, ряд каноников и преподавателей религии, где обсуждался вопрос замены кириллицы латинским шрифтом как в государственных, так и в церковных школах. Во вступительном слове, наряду с подчеркиванием секретности и избегания просачивания предмета обсуждения в печать, он еще допускал сохранение староцерковного языка, обычаев, свят. Стремясь смягчить все то, что происходило, он заявлял, мол, речь

идет только о замене кириллицы на латинские литеры, что уже сделало правительство Австрии в Далмации с целью противодействия проникновению чужих идей из Сербии¹³. На северо-востоке Венгрии так пытались воспрепятствовать проникновению украинских идей из Галиции и схизмы из России.

Однако, несмотря на убаюкивающую речь примаса, наступление с целью ассимиляции населения продолжалось, игнорируя яростное сопротивление верующих. В 1918 году усилилось противостояние населения запрещению юлианского календаря, о чем священники доносили в епископат. Наместник епископа в Мараморш-Сиготе Ш. Сабо сообщал: верующие открыто выступали против реформы календаря, что стало общим явлением в Хустском, Тячевском и Тересвянском округах¹⁴.

Замена юлианского календаря григорианским вызвала у населения такую ненависть и злобу и одновременно страх священников за свою судьбу, что они сплошь и рядом обращались за помощью к вооруженным силам, жандармам и армии, пытаясь усмирить непокорных. Народ «уже не доверяет не только священникам, но еще в большей мере властям»¹⁵, сообщалось в одном из донесений по церковной линии. 20 июня 1918 года уже епископ Мукачевской епархии обратился с циркулярным письмом ко всем священникам быть осторожными. Ибо часть людей, «зараженных анархизмом в России», может воспользоваться тем, что объединение календарей и замена алфавита вызвали в нашей епархии возмущение консервативно настроенного населения. Поэтому рекомендовал им быть

с верующими ласковыми и если нужно — помогать им¹⁶.

Приближались конец Первой мировой войны, распад Австро-Венгерской монархии, приведший к существенным изменениям и в судьбе славянского населения этого региона. Задачей данного исследования является в научном плане раскрыть процесс становления, развития населения Закарпатья на первом этапе новейшей истории — в межвоенный период и в годы Второй мировой войны. Для этого привлечены материалы опубликованных документов во многих странах, а также хранящиеся в архивах России, Украины, Венгрии, Германии, Польши и др.

По проблемам истории Подкарпатья периода 1918—1945 годов серьезных научных исследований, за исключением нескольких статей, не было. Они создавались по ходу событий практически на протяжении всего сложного процесса преобразований в крае, в том числе и связанных с переходом его территории от одного государства к другому, что не могло не оказать влияния на взгляды авторов рассматриваемых трудов.

Несмотря на это, уже созданы и историографические обзоры. Некоторые из них заслуживают особого внимания. В хронологическом порядке прежде всего следует назвать анализ И.Г. Коломийца источников и литературы в написанном им первом капитальном труде (свыше 67 печатных листов) «Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX столетия» в двух томах. Историографическому анализу литературы и источников посвящены 129 страниц¹⁷.

Иван Гаврилович Коломиец, оказавшись политическим репрессированным, в годы Второй мировой войны попросился на фронт и был реабилитирован. Кандидат исторических наук — после демобилизации работал в Ужгородском историческом музее. В начале 1946 года был открыт Ужгородский университет, и Коломиец перешел туда на работу, где преподавал всеобщую историю нового времени. Одновременно в соавторстве в газете «Закарпатская Украина» опубликовал ряд острых полемических статей и нажил себе недругов. Те и подняли вопрос, что он в своей автобиографии не писал о вышеназванных сюжетах. Защищаясь, Коломиец ссылаясь на реабилитацию, которая давала ему на это право. Созданное этим вокруг него общественное мнение привело к смене им места работы. Он переехал в Томский университет, где и был написан его основной труд. Кроме того, в Томске он опубликовал «Очерки по истории Закарпатья» в двух частях. Первая вышла в 1953, а вторая — в 1959 году. При жизни Коломийца в словацком Прешове опубликована только первая часть «Очерков».

В этом обзоре автор всесторонне проанализировал и обобщил проработанный им объемный материал, почерпнутый из доступных в то время архивных источников, в том числе и из центральных хранилищ СССР, а также фактически имевшуюся к этому времени всю литературу по изучаемому периоду. Были использованы исследования, опубликованные во многих странах мира.

И.Г. Коломиец дал не только оценку эпохе подкарпатских «будителей», но и

всесторонне рассмотрел позицию выходцев из Подкарпатья, ставших мадяронами: Александра Бонкало, Антала Годинки, Гиадора Стрипского, а также показал истинное лицо Ореста Сабо. Он тщательно изучил все доступные ему труды по истории края, сохранившиеся в библиотеках и музеях России и Центральной Европы.

Коломиец проанализировал взгляды О. Сабо, который был в 1918 году, после победы буржуазно-демократической революции в Венгрии, министром по делам Руськой Краины (так тогда стали именовать Подкарпатье). Он подчеркивал, что Сабо пытался доказать отсутствие генетического единства русского и украинского народов, а закарпатские украинцы не имеют ничего общего с проживающими на востоке соплеменниками. Коломиец привел высказывания из книги Сабо, опубликованной в 1913 году. В ней Сабо утверждал: «Малорусский народ является наиболее древним славянским племенем с наиболее чистой славянской кровью и имя свое ведет от племени „Русь”, а потому малорус называет великоросса, который издревле смешан с кровью татарской и чудской, „москалем” и всячески стремится отгородиться от него».

В разделе «Общая характеристика рутенов» Сабо приписывал им «приверженность к старине», пьянство и неспособность к культурному развитию, восхваляя вместе с тем их «богобойность». Он осуждал «схизматическое движение», выражавшее, как известно, протест против окатоличивания и ассимиляции закарпатского украинского населения, отмечал И.Г. Коломиец¹⁸.

Он всесторонне рассмотрел и писания профессора Будапештского и Братиславского университетов Антала Годинки. Тот опубликовал более 20 трудов по истории Закарпатья в целях оправдания и увековечения господства венгерских правящих кругов над закарпатскими славянами. Причем он пытался обосновать это «научно». В своей монографии «История Мукачевского греко-католического епископства» он «отрицал, — пишет Коломиец, — автохтонность славяно-русского населения в Закарпатье» и распространял тезис «о колонизации Закарпатья «угрорусами» только после татаро-монгольского нашествия на Киевскую Русь, когда территория Закарпатья уже была завоевана венгерскими королями».

«Все произведения А. Годинки были пронизаны... враждебной своему народу идеей, смысл которой сводился к бездоказательному утверждению об отсутствии всякой общности между закарпатскими русинами и русским народом», — писал Коломиец. Национальное угнетение, преследование языка и культуры закарпатских украинцев Годинка оправдывал «приобщением» их «к высокой западной цивилизации»¹⁹.

В историографическом обзоре И. Коломиец подверг критике и взгляды Александра Бонкало и Гиадора Стрипского. Первый — профессор Печского и Будапештского университетов, а второй — чиновник, редактор, сотрудник Будапештского национального музея, в годы Второй мировой войны был одним из активных деятелей в Закарпатье, а Бонкало стал первым председателем созданного там «Подкарпатского общества наук». Оба они (Стрипский и Бонкало) выступали как

против русского, так и украинского языков. Они были сторонниками «живого языка», то есть создания «угрорусского литературного» языка (на базе закарпатских диалектов) как обособленного, самостоятельного языка отдельной народности, нации, выпестованной на свято-сепанской идее верности венгерскому государству, восхваляя его как *gens fidelissima* – вернейшее племя – за участие на стороне венгров в войне против Габсбургов под руководством Ференца II Ракоци.

Но чего не могли отрицать и вышеназванные мадяроны – это близости закарпатских говоров с малорусским (т. е. украинским) языком.

В 1995 году вышел в свет второй том «Очерков истории Закарпатья (1918–1945)», содержащий обширный историографический обзор²⁰, включающий из украинских изданий множество журнальных статей, научно-популярных брошюр и исследований, в которых сюжеты закарпатской истории только затрагиваются. Автор рассматриваемого параграфа на эту тему опубликовал монографию²¹, послужившую основой названной части обзора. Он издавал и другие историографические обзоры, в том числе в соавторстве с М.В. Трояном. В них отмечены как публикации документов по отдельным проблемам, так и капитальное шеститомное издание²² с отдельными подзаголовками по томам.

Уделено внимание коллективному труду, опубликованному в Киеве на украинском (1969) и русском (1982) языках в серии многотомного издания «История городов и сел Украинской ССР. Закарпатская область»²³.

Данилюк в своем обзоре перечислил научно-популярные брошюры, изданные

на Украине (в основном в 20-е гг. XX в.), а также биографические изыскания – о деятелях коммунистического движения в Закарпатье. Там же названы статьи, публиковавшиеся в журналах и ученых записках Ужгородского государственного университета, по проблемам греко-католической церкви, социально-экономического движения, работа Б.И. Спивака²⁴ и других о революционном движении. Наравне с этой проблематикой разрабатывалась и нашла отражение в обзоре история коммунистической организации края, как обобщающие труды, так и многочисленные статьи.

В начале 90-х годов XX века пристальное внимание ученые Ужгорода уделяли вопросам истории Карпатской Украины, которые до того затрагивались только в критическом плане. Теперь же все диаметрально противоположно. Переводились, а если были изданы на Западе на украинском языке, то перепечатывались книги политэмигрантов из края волны 1939 и 1944–1945 годов. Они носили в основном характер воспоминаний, в которых отражено видение их авторами событий, участниками которых они были. Позицию их принимали на веру.

Одним из самых добросовестных авторов ряда частей второго тома «Очерков» является В.И. Илько. Но в обзоре больше всего не повезло ему. По его основному труду назван только автореферат докторской диссертации²⁵.

В обзоре упомянут и сборник печатных трудов М. Болдижара²⁶, как и его работы по проблемам греко-католической церкви. Там же содержится значительный перечень работ, посвященных партизанской борьбе, освобождению края совет-

скими войсками и воссоединению его с СССР. Они носят в основном характер воспоминаний, за исключением исследований О.Д. Довганича.

Вторая часть историографического обзора посвящена зарубежным авторам, в основном чехословацким и венгерским. Этот краткий очерк написали три автора: И.М. Гранчак, В.П. Приходько и И.И. Поп. Он отразил всю эклектику взглядов тома. Создается впечатление, что авторы не читали куски друг друга или, не договорившись, сознательно оставили, как получилось.

В целом же самым большим недостатком второго тома «Очерков» является небрежное отношение к научному аппарату (искажение фамилий и названий трудов, путаница в сносках, пропуски строк и т. п.). Этого можно было избежать, если бы члены редколлегии внимательно прочитали хотя бы верстку. Это во-первых. А во-вторых, авторы частей стояли на разных позициях (или колебались) в оценке, в определении, кто такие славянские жители многонационального Закарпатья: русские, украинцы или русины, то есть особая нация.

После распада СССР, накануне написания «Очерков», та часть интеллигенции Закарпатья, которая свои взгляды обращала сначала на Прагу, а после выхода из состава ЧСР Словакии – на Будапешт, предпринимала все для выхода края из состава Украины. Не добившись успеха, они стали добиваться особого положения области в составе Украины. Странники их в Ужгороде образовали свое правительство. Основным политическим козырем в их руках был «русинизм», то есть попытка обосновать мысль, что якобы

коренное местное славянское население не имеет ничего общего с восточнославянскими народами: русскими, украинцами и белорусами, а является четвертой восточнославянской нацией – «русинами», ориентирующимися на Запад. Киевское правительство Украины отреагировало назначением своей администрации в Ужгороде. Разочаровавшись, часть участников этого движения подались за рубеж, откуда продолжают пропаганду своих взглядов. Правительство их сторонников в Ужгороде заявило о своем роспуске.

Кстати, в «Очерках» почти повсеместно вместо «русский язык» и т. п. употребляется термин «российский язык» и т. д., хотя известно, что такого языка нет.

В конце обсуждаемого историографического обзора названа книга П.Р. Магочия, посвященная проблеме Подкарпатской Руси. Причем одному аспекту – формированию национального самосознания²⁷. Названная книга вышла на английском языке в двух изданиях – в 1978 и 1979 году. Автор ее проживал в Канаде, но труд свой опубликовал в США и Англии на базе Кембриджского и Гарвардского университетов. Во втором томе «Очерков» работа его высоко оценена. «Наиболее выдающейся, – писали авторы обзора, – на наш взгляд, является монографическая работа американского ученого П.Р. Магочия, в которой он рассматривает процесс кристаллизации национального самосознания русинов за столетний период, с 1848 по 1949 г.». Как заметил читатель, и в этом случае авторы обзора допустили неточность (вместо 1948 дали год 1949-й). Похвальная оценка труда Магочия давалась для того, чтобы авторы могли написать следующее со-

звучное их взглядам предложение: Магочий «уделил большое внимание политическим процессам в крае в первой половине XX столетия. Он объективно оценил влияние и силу всех трех культурных и политических направлений: русофильского, русинского и украинофильского...»²⁸ Если бы авторы историографического обзора прочитали книгу до конца, то заметили бы, что Магочий, в послесловии к изданию ее на украинском языке, фактически отказался от своего основного вывода (о победе украинского направления над двумя другими), поскольку после падения коммунизма и распада СССР возникла новая ситуация. Русинизм вновь вышел на мировую арену. А ведь именно в этом утверждении Магочий, как и его сторонники, ошибся.

В концепцию авторов обзора вписывается и оценка вышеупомянутыми А. Бонкало и А. Годиной правильным того факта, что «включение Закарпатья в состав Чехословакии нарушило процесс самостоятельного развития русинов»²⁹.

Авторы отдельных разделов и частей «Очерков» излагали в книге события каждый по своему разумению, и в результате получилась «сборная солянка» взглядов по названным проблемам. В самой Закарпатской области спор вокруг этих вопросов стих. Часть участников дискуссии отказалась от своих прежних взглядов. Другие подались за рубеж и там продолжают пропаганду своих убеждений.

Этой цели служит и историографический обзор И.И. Попа³⁰. Прежде всего нужно сказать о заглавии. За основу названия края почему-то принято официальное наименование периода чехословацкого правления, после чего его название не-

сколько раз менялось. К тому же обзор посвящен не столько истории русинов, сколько Закарпатья в целом, причем, как правило, истории Средневековья и нового времени, в меньшей степени новейшему периоду. Относительно последнего позитивной оценки удостоены лишь те чешские историки, которые громче осуждали политику руководства СССР за его позицию в последний год войны в Европе, да отчасти словацкие. Среди венгерских историков И.И. Поп выделил А. Годику, известного мадярона, отстаивавшего «обособленность развития русинов» от восточных славян, их языка и культуры под венгерским и словацким влиянием. Автор обзора назвал его видным венгерским ученым «русинского происхождения»³¹.

Не повезло украинским ученым, не разделяющим точки зрения И. Попа, как пишет он сам о себе, «русинского историка»³². На Украине историки в большинстве своем, утверждает Поп, «остаются в состоянии закомплексованности марксистскими идеями. Поэтому не могут понять иную, кроме марксистской, методологию и не могут воспринять концепции ученых других стран»³³. В качестве примера он привел историю Закарпатья в двух томах (с древнейших времен до 1945 г.). Она вышла под редакцией И.М. Гранчака³⁴.

И.И. Поп воспринял историографические обзоры И.Г. Коломийца и Д. Данилюка сугубо критически. Между тем высказывания его о трудах Коломийца наводят на мысль, что он их в руках не держал. Иначе он не напутал бы о времени и месте их издания. Д. Данилюк издал несколько историографических работ, но написал и книгу по истории Закарпатья в биографиях и портретах³⁵. Она позволи-

ла Попу написать о ее авторе, что тот «демонстрирует понимание историографии как суммы библиографических данных об отдельных историках и исторических деятелях». При этом он считает их лишенными научной объективности, «ибо написаны они с позиции украинского национального неоромантизма». Затем переходит к рассуждению о позиции украинских историков вообще. Вроде: «Украинские авторы не признают самобытности русинов, а поэтому не вносят ничего нового в понимание сути их истории»³⁶. И тут продолжил восхваление Магочия, работы которого, по мнению Попа, резко контрастируют с подобными «трудами», хотя речь (судя по сноске) идет по сути о справочном материале — издаваемых им раз в десятилетие дополнениях к аннотируемой библиографии. В полемике Попа с противниками его взглядов по проблеме «русинизма», затронувшей все узловые пробемы новейшей истории Закарпатья, на первом месте — закономерность и законность включения его в состав Украины. Ведь это было мечтой большинства населения края, и оно свое волеизъявление выразило не только в ноябре 1944, а и в январе 1919 года, но тогда не посчитались с ним. Иван Иванович все эти факты оспаривает. В полемике больше всего досталось киевскому литературоведу О. Мишаничу, прешовскому историку И. Ванату и американскому — В. Маркушу (Маркусю), прибегавшим, по мнению Попа, «к крайне агрессивным формам»³⁷. Да и Поп в ходе полемики смаковал и повторял высказывания некоторых зарубежных историков: «агрессия СССР», «аннексия Закарпатья» и т. д. В то же время он привел

в своем обзоре основные публикации против собственных взглядов и «русинизма» вообще.

Среди них упомянул и об издании в Киеве (в 2002 г.) критики Мишанича на «Энциклопедию Подкарпатской Руси»³⁸. Это сборник материалов, в котором И.И. Поп выступал в качестве ответственного редактора, составителя и автора отдельных частей. На эту энциклопедию написал рецензию и Б.Й. Желицки³⁹. Он выступил в защиту сторонников «русинизма» по политическим соображениям, поддерживая инициативу венгерских историков прошлого о якобы существовании особой народности или нации русинов, над которой господствовать венгры имеют историческое право. Прежде всего нужно заметить, что рецензент выдал Попа за автора всего труда. В нашей же практике это не принято. Нет смысла и места во введении разбирать неточности, которыми изобилуют труд, а за ним и рецензия, но необходимо остановиться на кредо автора последней, согласно которому самыми большими друзьями закарпатских русинов были венгры (речь идет о хортистских правителях). Далее он пишет, что в марте 1939 года группа политиков (имеется в виду Карпатской Украины) оказалась вынужденной покинуть пределы края, «который снова вошел в состав Венгрии», «но уже под новым названием — Подкарпатская Воеводина (Kárpátaljai Vajdaság) с правом самоуправления». Что ни предложение — то противоречие правде. Никакой автономии, данной венгерским правительством хортистов русинам, не было. После захвата края военным путем был установлен оккупационный режим и край был отдан на

разграбление армии, проводившей зачистку. Затем последовала диктатура регента Хорти и назначенных им сменявших друг друга регентских комиссаров. Это правление сопровождалось произволом жандармерии, арестами, расстрелами, интернированием, тюрьмами, концлагерями, вылившимися в течение пятилетней оккупации в физическое уничтожение пятой части населения края.

Кошунственно звучит следующее предложение: «Как ни странно, но именно эти годы, как подчеркивается в энциклопедии, и стали наиболее плодородным периодом для русинского национального развития»⁴⁰. Есть в рецензии Желицкого еще один момент, который можно бы не упоминать, но, поскольку он упорно повторяет его и после того, как об этом между нами уже шла речь, нужно сказать: в марте 1939 года состоялся не XIX, а XVIII съезд ВКП(б), на котором с докладом выступал И.В. Сталин и сравнивал Карпатскую Украину с козявкой, а не с комаром, как утверждает Желицкий⁴¹.

В историографическом обзоре среди иностранных авторов фигурирует и книга английского ученого Макартни, в которой содержится часть, посвященная Подкарпатской Руси периода 1919–1937 годов. Будучи сторонником венгерских хортистов, он употребляет не официальное название края того времени в составе Чехословакии – Подкарпатская Русь, а, «якобы для краткости», «Рутения». Он за-

трагивает ряд вопросов, в том числе оставливается на «верховинской акции» Эгана еще при венгерской власти, призванной помочь «горцам», жившим в условиях полуголодного существования. Приводит статистические данные венгерской 1910 и чехословацкой 1930 года переписей населения, сравнивает их и др.⁴²

В самом конце XX столетия опубликован сборник статей, посвященных событиям в Закарпатье под властью Венгрии в 1938–1944 годах. Редакторами были Василий Маркусь и Василий Худанич⁴³. В сборник включены статьи по истории, экономическому положению, культурной жизни, истории греко-католической и православной церкви в крае. Состав авторов – от местных историков, литераторов, языковедов до эмигрантов в США, Венгрии, в числе которых и монах ордена Св. Василия, долгие десятилетия проживавший в Риме.

Добротностью выделяются исторический очерк В. Худанича, совместная статья П. Чучки и В. Маркуся о положении в области культуры в Закарпатье накануне и в годы Второй мировой войны и ряд других публикаций.

В 2003 году вышла книга В.В. Марьиной, посвященная политике Бенеша и Сталина в отношении Закарпатской Украины в годы Второй мировой войны. По сюжету она перекликается с вышедшим в Будапеште на венгерском языке в 1998 году исследованием Б.Й. Желицкого⁴⁴.

Часть первая

Закарпатье в революционной
буре 1918–1919 годов

Глава первая

Планы воюющих сторон по переустройству Средней и Юго-Восточной Европы. Распад Австро-Венгерской монархии

Вскоре после начала Первой мировой войны правящие круги Австро-Венгерской монархии и кайзеровской Германии, составивших основную силу Тройственного союза, подняли вопрос об унии этих двух государств после окончания войны.

Эти планы изложены в книге Фридриха Наумана под названием «Средняя Европа» (Mittel-Europa). Они предусматривали (в случае успешного для них завершения войны) объединение народов в одном государстве, простирающемся вплоть до Ближнего Востока, включая и Балканский полуостров, под немецким руководством. В основу этого государства предполагалось положить таможенную унию¹.

В Венгрии этими планами (Средней Европы) активнее всего занимались леворадикальные группы. Они организовали в феврале – апреле 1916 года в журнале «Двадцатый век» (Huszadik Század) дискуссию с привлечением широкой общественности. Хотя в конце концов эта идея была похоронена, но она сохранилась в умах сторонников перешедшего

тогда в оппозицию к венгерскому правительству графа Михая Каройи.

В ходе этих дискуссий лидер небольшой радикальной партии Оскар Яси предложил создать в Средней Европе союз равноправных государств, который, по его мнению, должен был стать ступенью к образованию Соединенных Штатов Европы.

Однако вскоре под влиянием событий Яси отказался от этой идеи и в работе, вышедшей в 1918 году, незадолго до распада Австро-Венгрии, по собственному признанию, вернулся к замыслу Лайоша Кошута – Дунайской федерации.

По Оскару Яси, в Дунайскую федерацию вошли бы Венгрия (без Хорватии и Словении), из немецкой части Австрии Нижняя и Верхняя Австрия, Тироль, Штирия и Каринтия, а также историческая Чехия и Галиция, из Польши – Русско-Польское объединение; кроме того, Хорватия, Словения, Далмация, Истрия, Босния и Герцеговина, а также Сербия и Черногория и часть Иллирии, к которым со временем присоединились бы Балканские страны – Румыния, Болгария, Греция

с Критом и греческими островами. Это было бы государство с территорией 1 193 305 кв. км. Оно строилось бы на основе широкой экономической и культурной автономии. В нем общими были бы оборона, пошлина, торговля, внешняя политика и транспорт. Армия предполагалась в каждом государстве отдельная, с общим командованием в федерации².

По замыслу Яси, Венгрия была бы географическим центром, обеспечивающим связь со всеми землями. Без нее экономическая и культурная интеграция была бы невыполнима. Раньше Венгрия была только посредником распространения немецкой культуры в восточном и южном направлениях. За Венгрией эта роль осталась бы и в будущем³.

Эти доктринерские замыслы Яси правительство Михая Каройи пыталось провести в жизнь, с этой целью он был включен в состав правительства. Об этом будет сказано ниже.

Каким же было положение национальных меньшинств в Австро-Венгрии в период Первой мировой войны? В Австрийской империи национальная политика строилась на супрематии одной нации — австро-немцев, насчитывавшей 36,4% населения⁴. В то время национальные меньшинства в Венгерском королевстве составляли 58,8% населения.

Недовольство австро-венгерской системой зрело не только в среде эксплуатируемых слоев угнетенных национальностей, но и части господствующих кругов как Австрии, так и Венгрии. Однако последние предпочитали союз друг с другом ради сохранения власти над другими народами монархии. Пользуясь такой ситуацией, правители Венгрии проводили по-

литику открытого террора, особенно в отношении сербов и украинцев. В Закарпатье и Восточной Галиции, прифронтовой полосе, применялись военные законы, свирепствовали военные трибуналы⁵.

Уже в конце первого года войны началось активное действие чешской эмиграции во главе с Т.Г. Масариком и Э. Бенешем, которые были депутатами австрийского райхсрата и эмигрировали. В странах Антанты опекали политических деятелей, эмигрировавших из Австро-Венгрии, прежде всего потому, что они желали ее поражения в войне. Но эмигранты имели и другие цели: они добивались слома государственной системы монархии, чтобы на ее развалинах образовать в Средней и Юго-Восточной Европе новые государства. Но в этом отношении тогда еще цели эмигрантов и правительств стран Антанты не совпадали. Последние рассчитывали на ослабленную Австро-Венгрию в качестве противовеса России в послевоенный период⁶.

Сторонники Масарика в эмиграции вели пропаганду за создание самостоятельной Чехословакии. В феврале 1916 года в Париже был создан Чешский национальный совет во главе с Масариком⁷. Но тогда правительства Англии и Франции еще открыто не одобряли эти далекоидущие цели эмиграции. Правительство России поддерживало идею объединения Чехии и Словакии, но предпочтительнее считало остаться им в составе преобразованной на триалистической основе Австро-Венгерской монархии, полагая осуществлять свое влияние через славянский элемент, составлявший треть часть ее населения.

Югославянское население тоже поднялось на борьбу. Эмигранты-славяне из

Австро-Венгрии обосновались сначала в Италии. Но после вступления в войну этой страны переместились в Лондон, где под руководством депутата австрийского райхсрата Анте Трумбича в мае 1915 года был создан Югославянский совет⁸. Сербские политические деятели позже, с конца 1915 года, когда после оккупации Сербии вынуждены были и сами эмигрировать, склонились к созданию югославянского государства.

В это время движения национальных меньшинств, проживавших в монархии, еще придерживались мнения о необходимости добиваться расширения своих прав, оставаясь в составе Австро-Венгрии. Но в 1917 году эта позиция все более отступала на задний план, и доминирующей становилась идея создания новых самостоятельных государств.

Влияние на изменение позиции оказывали как становившееся безвыходным положение Австро-Венгрии в результате поражения на фронтах, внутренних неурядиц, сопровождавшихся антивоенными, революционными движениями, так и усиливавшаяся зависимость от Германии, а также революции в России.

Чешские депутаты австрийского райхсрата 29 мая 1917 года уже требовали преобразования Австрии в равноправную федерацию на такой основе, чтобы Чехия и Словакия составляли отдельное государственное объединение⁹. В те дни украинские депутаты высказали пожелание образовать украинское единство внутри монархии.

Создание чехословацкого и югославянского государств было краеугольной политикой и эмигрантских кругов этих народов. Но тогда еще не было единства

между целями и взглядами эмиграции и движения внутри монархии, но в 1917 году они стали сближаться.

Значительным шагом югославянской эмиграции было заключение 20 июля 1917 года на Корфу пакта между сербским лидером Н. Пашичем и руководителем лондонского югославянского совета Анте Трумбичем о создании в будущем сербо-словенского федеративного государства¹⁰.

13 мая 1918 года в Питсбурге (США) Масарик подписал с руководителями словацких организаций соглашение о вхождении Словакии на права автономии в состав чехословацкого государства.

Венгерские правительство и парламент не шли на уступки требованиям национальных меньшинств и беспощадно подавляли их выступления. Решение этих вопросов, как и претензии венгров на руководящую роль в Дунайском бассейне, зависело от исхода войны. Массы национальных меньшинств возлагали надежды только на победу стран Антанты. В первой половине 1918 года в руководящих кругах угнетенных национальностей созрело понимание перехода к политике, проводившейся эмигрантскими кругами с начала войны: национальный вопрос в Австро-Венгрии необходимо решать путем отделения от монархии. Конкретно это проявилось 8 апреля 1918 года в Риме на конгрессе представителей военнопленных из Австро-Венгрии¹¹.

Венгерское большинство в парламенте оставалось глухим к любым требованиям представителей угнетенных национальных меньшинств¹².

В 1918 году и страны Антанты, и США стали менять свои позиции в отношении

судьбы Австро-Венгрии. Франция с весны 1918 года, а США позже пришли к выводу о необходимости ликвидации Австро-Венгерской монархии. 29 мая 1918 года Р. Лансинг заявил, что правительство США знакомо с решениями, принятыми в Риме в апреле, и с большой симпатией относится к стремлениям чехов и югославян к независимости¹³. 3 июля на шестом заседании Верховного военного совета в Версале главы правительств Франции, Англии и Италии (Клемансо, Ллойд Джордж и Орландо) присоединились к заявлению правительства США. Они приняли также решение о восстановлении независимого польского государства¹⁴. С тех пор целью Антанты и США стало создание чехословацкого, югославянского и польского государств.

С конца июня Франция считала Чехословацкий национальный совет правительством воюющей стороны. Такое же заявление в начале августа сделало английское, а 3 сентября — американское правительство¹⁵. Таким образом, совет стал не только воюющей стороной, но и основой новой системы государств, которые предполагалось образовать в Средней Европе после победы в войне.

Между тем положение центральных держав ухудшилось. 29 сентября 1918 года в Салониках Болгария подписала перемирие. С капитуляцией Болгарии войска Антанты неумолимо приближались к границам монархии.

В событиях конца сентября — начала октября политические деятели и массы угнетенных национальностей видели не только начало поражения центральных держав, но и конец Австро-Венгерской монархии. Со 2 октября в райхсрате Авст-

рии вновь обсуждали возможность преобразования Австрии на федеральных началах. Но основные ораторы чешских, словенских и польских депутатов в своих выступлениях уже требовали независимости своих народов¹⁶.

Аналогичное положение сложилось у венгерского правительства в отношениях с хорватами. 16 августа в Люблине был создан Югославянский национальный совет монархии¹⁷. 5–6 октября в Загребе он был расширен, и в народное вече вошли депутаты саборов Хорватии, Боснии и Герцеговины, местных ландтагов Крайны, Истрии и Далмации. Вече объявило себя политическим представителем югославянских народов монархии. Совет создал исполнительный комитет — правящий орган, считавший себя и представителем проживавших в Венгерском королевстве сербов¹⁸.

Всеобщая политическая забастовка в Чехии настолько потрясла венский двор, что с тех пор Чехия фактически управлялась Прагой.

11 октября в Кракове был образован Польский национальный совет. Начался распад империи Габсбургов.

Император Австрии Карл I (он же венгерский король Карл IV) попытался приостановить этот процесс и 16 октября издал манифест о преобразовании Австрии в федеративное государство, в котором «каждый народ создает на территории своего проживания свое отдельное государство». Но этот манифест не распространялся на территорию Венгерского королевства¹⁹. Монарх намеревался сохранить общую армию и общее ведение внешней политики.

По замыслу австрийского императора, манифест был рассчитан и на руководи-

лей США и Антанты – он надеялся получить более благоприятные условия перемирия и мира. Австро-венгерское руководство больше всего устраивала идея Вильсона «о мире без победы». Однако эти надежды не сбылись. 18 октября Роберт Лансинг передал через шведского посланника для Вены ответ на запрос министра иностранных дел И. Буриана от 4 октября 1918 года к США с предложением заключить «всеобщий мир» на основе 14 пунктов Вильсона. В нем он сообщал: «...президент уже не может признать основой мира только предоставление автономии этим народам, а вынужден придерживаться того, чтобы они сами, а не он, судили о том, какие действия со стороны правительства Австро-Венгрии могут удовлетворить их стремления»²⁰. Вильсон предложил правителям монархии начать переговоры с Чешским национальным советом и представителями Народного вече югославских земель империи.

28 октября Чешский национальный совет официально сообщил о выходе Чехии из состава Австрии и об образовании независимого чехословацкого государства, через два дня Национальный совет Словакии провозгласил независимость края от Венгрии и заявил об объединении Словакии в едином государстве с чехами.

В день начала революции в Вене, 28 сентября 1918 года, Народный собор в Загребе, опираясь на поддержку восставших солдат, декларировал разрыв с Вен-

герским королевством и Австрийской империей и присоединение Хорватии к Королевству сербов, хорватов и словенцев²¹.

Временное национальное собрание Австрии, созданное 21 октября, 30 октября взяло власть на территории в свои руки и образовало австро-немецкое правительство во главе с Карлом Реннером. В ночь на 1 ноября украинцы Галиции провозгласили свою независимость от Австрии. Военный комитет созданной во Львове 18 октября Украинской национальной рады сместил австрийского имперского наместника и передал власть в руки Рады.

Распад австрийской части завершился, а Венгерского королевства продолжался.

Революция в Венгрии 30–31 октября завершилась переходом власти в руки правительства оппозиции, возглавлявшейся Михаем Каройи. Премьер сначала пытался спасти власть Габсбургов в Венгрии, но уже через два дня под напором революционных масс, требовавших республики, отказался от этой идеи.

Через две недели в Австрии была установлена республиканская форма правления, 16 ноября Венгерский национальный совет и правительство провозгласили Венгрию народной республикой. Господство Габсбургов было свергнуто.

Так в результате войны и революций распалась еще одна многонациональная монархия, просуществовавшая полвека в Центральной Европе.

Глава вторая

Закарпатье в буржуазно-демократической революции

Австро-Венгерская монархия ушла в прошлое. Из всех территорий проживания славянских народов только Подкарпатье осталось в составе Венгрии. Население этой страны в своей массе поддержало революционные обещания нового венгерского правительства, направленные на демократические преобразования.

Тогда жители этого края находились под сильным впечатлением и влиянием событий в России, где в 1917 году произошли две революции. О них они знали не только из газетных сообщений, но и из рассказов тысяч бывших солдат австро-венгерской армии, вернувшихся из русского плена. Многие из них активно участвовали в революционных событиях в России, это были в основном крестьяне, мечтавшие разделить между собой помещичьи земли, как это произошло в России.

Весть о революции в Будапеште быстро дошла до самых уголков северо-восточной провинции — Подкарпатья. Там люди, особенно в городах и крупных населенных пунктах, вышли на улицы и не

только приветствовали свержение ненавистного им режима в Венгрии, но и сами 1–2 ноября изгоняли представителей чужой власти — чиновников, нотариусов, жандармов, вынужденных бежать с территории края. Об этом уже 1 ноября 1918 года писала газета «Голос народа» (Népszava) — орган самой организованной и влиятельной в новом демократическом правительстве партии — СДПВ.

В Подкарпатье события начались в центре Ужанского комитета в Ужгороде. На сторону митингующих горожан перешел местный гарнизон и освободившиеся из лагеря русские военнопленные. Движение охватило весь комитат, особенно Перечинский округ, где рабочие установили контроль над химическим заводом фирмы «Бантлима» в Перечине и его филиалами в окрестных селах¹.

Аналогичные события 1–2 ноября происходили во всех уголках края. Везде устанавливалась «народная охрана», поддерживавшая порядок. В Мукачево инициатором ее создания были рабочие табачной фабрики, кирпичных заводов и железнодорожники.

Такие же события разворачивались в Берегове и Берегском комитате, в том числе в Великих Лучках, Чинадиеве, Нижних Воротах, Берегах. В селе Загатье жандармерия пыталась помешать действиям крестьян, но была разоружена и изгнана вместе с нотарием и старостой.

По сообщениям прессы, крестьяне самым активным образом выступали в комитате Мараморш, в частности, в селах Иза, Вышково, Тересва, Терново, поддержанные солекопами Солотвино².

Революция, как всегда и везде, сопровождалась неизбежными, хотя преходящими, издержками. В Подкарпатье почти полностью прекратилось производство не только на химических предприятиях сухой перегонки древесины в Перечине, Сваляве и Великом Бычкове, но и на небольших заводах по металлообработке в Ужгороде, Фридьешове и других; бездействовали кирпичные заводы по всему краю. Почти полная безработица вызывала недовольство рабочих.

Не сбывались и чаяния основной массы населения — крестьянства. Правительство обещало и даже приняло закон об аграрной реформе, но дело с места не сдвинулось и после того, как Михай Каройи по собственному почину разделил среди крестьян свое имение в Калкаполне — венгерские помещики не последовали его примеру. Между тем крестьяне, в том числе и в Подкарпатье, начали самочинный передел помещичьих и церковных земель, их экспроприацию. Так, жители села Великий Раковец на Иршавщине изгнали помещика и захватили его земли, а бедняки сел Шаланки и Великие Комяты разделили между собой землю и скот графа Жилинского. Для подавления там

крестьянского выступления из Берегова прибыл отряд народной гвардии, но он не смог справиться с поставленной перед ним задачей. Еще 1 декабря 1918 года нотариус из Шаланок сообщал вышестоящим властям, что «здесь полный беспорядок»³. Помещичьи земли были захвачены и в Новом Селе, Подмонастыре, а также в других селах Подкарпатья. Начальник округа 11 ноября просил военное командование немедленно прислать военный отряд, ибо в пяти селах население и возвратившиеся домой солдаты «делят имущество, господствует анархия, крестьянские восстания»⁴.

В условиях развала старой венгерской администрации по всему Подкарпатью власть брали в свои руки советы (рады). Они создавались из представителей всех слоев населения в различных формах на предприятиях, фабриках, заводах, а также как органы местного самоуправления в городах и селах. Как правило, они избирались, но были случаи, когда и назначались вышестоящими органами. В некоторых местах, например в Солотвине, были две рады: рабочая, избранная шахтерами, и отдельно сельская. В Вилоке также две — железнодорожников и крестьянская. В Мукачево — рада сельскохозяйственных батраков и своя у рабочих. В Берегове — рабочих, а также солдат. В Сваляве была создана объединенная Рада рабочих и крестьян⁵. К концу ноября 1918 года в Подкарпатье уже насчитывалось около 500 рад. По политическому и социальному составу они были неодинаковыми (от рабочих до национальных)⁶. Образовались окружные и комитатские рады. Среди них своей активностью выделялась комитатская Угочанская рада в Севлюше,

установившая контроль за всей жизнью людей — от решения экономических вопросов до школьных и культурных дел⁷.

После победы революции и распада Австрийской империи новое венгерское правительство пыталось сохранить в составе Венгрии хотя бы часть земель, населенных славянами и румынами. Как раз в то время в Трансильвании развернулось широкое национальное движение румынского населения. 9 ноября 1918 года, когда Румыния объявила войну Германии, действовавший в Араде Национальный совет румын направил правительству Венгрии меморандум. В нем сообщалось, что совет «берет в свои руки всю полноту власти над населенными румынами территориями Венгрии и Трансильвании». К ним совет относил всю Трансильванию с Сейкейской землей, комитаты Банат, Арад, Бихар, Сатмар, Силадь, а также «румынские территории комитатов Бекеш, Чанад и Угоча»⁸.

Меморандум в ультимативной форме требовал ответа к 12 ноября, что означало отвод с названных территорий венгерских войск и администрации. Выехавшую в Арад делегацию венгерского правительства возглавил Оскар Яси.

Яси под воздействием событий продолжал уточнять и менять свои взгляды. В октябре он изложил программу партии радикалов, предусматривавшую:

- федерализацию монархии (преобразование ее в союз пяти государств);
- установление «персональной унии» (и в ее рамках независимости);
- проведение пацифистской политики;
- обеспечение свободы торговли;
- заключение мира без аннексий и контрибуций;

- образование союза европейских государств;
- всеобщее разоружение⁹.

На съезде партии 14 октября 1918 года было принято требование замены существовавшего правительства новым, «демократическим по составу, настойчивым в делах», которое может спасти территориальную интеграцию Венгрии и «избавить общество от революционных конвульсий»¹⁰.

На переговорах в Араде 12–14 ноября 1918 года, то есть после победы буржуазно-демократической революции (с румынской стороны делегацию возглавлял Юлиу Маниу), Яси пытался убедить румын, что действия их противоречат идеям Вильсона, ибо они хотят установить власть и над венгерским, и над немецким населением, там проживающим. Яси предлагал румынам отказаться от территориального деления на комитаты и принять идею Восточной Швейцарии, то есть по образцу швейцарских кантонов обеспечить права национальным меньшинствам, что одновременно означало бы расчленение Венгрии на автономные части по национальному признаку. Румынская делегация тогда уже знала о тайных договорах по переустройству Европы после войны и на уступки венгерской делегации не шла¹¹. Попытка Яси добиться сохранения этих территорий в составе Венгрии не увенчалась успехом — 1 декабря 1918 года на митинге в городе Алба-Юлия было принято решение присоединить их к Румынии.

В ноябре — декабре 1918 года развернулось мощное национальное и социальное движение национальных меньшинств на оставшихся под управлением

венгерского правительства землях. Венгерские войска беспощадно подавляли движение сербов в районе Муры и русинов (украинцев) в Подкарпатье. Подобное положение было и в Словакии, где заменившая жандармерию национальная охрана расправлялась с крестьянским движением. Многие из его участников стали жертвами сотрудничавших между собой венгерских и словацких карательных органов¹².

Венгерское правительство Каройи направило в Прагу радикального публициста Гезу Шупку (с полномочиями посланника) для ведения переговоров об урегулировании словацкого вопроса; интересы чехословацкого правительства в Будапеште представлял известный словацкий политический деятель Корнел Стодола. Однако в условиях военных столкновений миссия Гезы Шупки не увенчалась успехом.

Между тем Корнела Стодолу в Будапеште сменил словацкий политический деятель Милан Годжа. Еще до вступления в должность посланника он вел тайные переговоры от имени Словацкого национального совета с премьером Михаем Каройи и Оскаром Яси, возглавлявшим делегацию венгерской стороны, которые считали важным договориться с представителями Словакии и сохранить ее в составе Венгрии.

На заседании венгерского правительства 29 ноября в ходе обсуждения условий этого соглашения Михай Каройи высказался «за необходимость его заключения со Словацким национальным советом, которое открыло бы надежду... отторгнуть словаков от чехов»¹³.

1 декабря Оскар Яси докладывал правительству о новых осложнениях, воз-

никших в ходе переговоров. К этому времени пражское правительство дезавуировало Годжу, разъяснив, что ему поручено ликвидировать проблемы прежних отношений и не вести никаких переговоров политического характера. При этом Эдуард Бенеш считал, что Милан Годжа действует в полном согласии с устремлениями чехов; в свою очередь, венгерское правительство было уверено, что Годжа втайне от Праги ведет переговоры от имени Словацкого национального совета. Своими поступками Годжа давал основание так думать обеим сторонам. Открыто он заявлял, что окончательное решение – создание чехословацкого государства, а в ходе переговоров с Яси добивался уступок для Словакии в случае вхождения ее в венгерское государство.

Милан Годжа предлагал образовать вместо одного парламента отдельные национальные собрания Венгрии и Словакии, решать общие вопросы и принимать общие законы на заседании делегаций этих собраний. Он рекомендовал проведение новой переписи населения в городах, где по старой статистике процент венгерского населения был завышен. Венгерское правительство соглашалось предоставить автономии западной части Словакии, против чего возразили словаки восточные¹⁴.

В ходе дискуссии многие из венгерских министров высказывались против любых уступок словакам. Наиболее остро развивался спор о парламенте. Министр земледелия Барна Буза «обещал словакам все, только не парламент». Некоторые министры венгерского правительства высказались за предоставление словакам некоторых прав (с целью удержания их в составе

Венгрии). Мотивировали они свою позицию отсутствием иных вариантов решения этого вопроса в пользу Венгрии.

Оскар Яси, отстаивая свою точку зрения, подчеркивал, что у венгров нет другого выхода, как идти на соглашение. Было бы хорошо, рассуждал он, если бы словаки приняли идею конфедерации, ибо венгры уже опоздали иным путем привлечь их на свою сторону. Кроме того, у венгров, заявил он, нет силы для осуществления противоположной точки зрения. Яси попытался убедить министров и другими аргументами, в том числе напугать их социалистической революцией¹⁵.

Позиция министров способствовала провалу переговоров. Правительство Каррой цеплялось за идею сохранения «Великой Венгрии» и провозглашало принципами своей внешней политики «вильсонизм» (в его понимании начала 1918 года).

Венгерский историк Тибор Хайду полагает, что правительству Каррой нужно было признать за национальностями право на отделение и одновременно добиваться более выгодных границ. Можно было бы начать торги венгерской буржуазии с чехословацкой по вопросу Большого житного острова и части Рутенфёлда¹⁶, то есть Подкарпатье.

Между тем события в Подкарпатье вокруг судьбы края, его будущего, прежде всего государственной принадлежности, усложнялись. 6 ноября 1918 года в Ужгороде по предложению епископа Антала Паппа была создана Народная рада угорусинов (рутенгов) Венгрии в составе 35 человек (Йосиф Каминский, Петр Гебей, Евмен Сабо и другие). Инициатором ее образования были сторонники сохранения края в составе Венгрии, в основ-

ном представители клира греко-католической церкви. Председателем рады был избран Шимон Сабо, а секретарем – Августин Волошин. 19 ноября рада передала правительству уже Народной республики Венгрии свои более чем скромные пожелания: назначить во главе комитатов (жуп) Мараморош, Берег, Унг и Угоча новых лиц, «связанных с русинским населением»; создать рутенский отдел в министерстве культуры; основать кафедру рутенского языка при университете. Правительство (в его ситуации) с готовностью пообещало это сделать и даже назначило прежнего правительственного комиссара комитата Унг Ореста Сабо уполномоченным венгерского правительства по Подкарпатскому краю. Аналогичные решения принимали и в местах, где венгерское население составляло большинство.

По инициативе правительственного уполномоченного принимались меры к сохранению края в составе Венгрии. В таком духе выступала и венгерская печать всех политических направлений. Эту проблему обсуждали и повсеместно создававшиеся в Подкарпатье рады различных уровней и состава. Так, образованная 8 ноября 1918 года Украинская (руська) народная рада Ясиня сразу приняла решение о присоединении к Украине. Председателем ее был Степан Ключурак-младший. Рада поручила ему (с Иваном Климпушем) посетить по этому поводу Западно-Украинскую народную республику. Принял их премьер С. Голубович, который не обещал в ближайшее время оказать помощь Ясинскому совету из-за войны с Польшей, для ведения которой он нуждается в венгерской помощи ору-

жием, боеприпасами и транзите поставок из других стран через Венгрию. Но в то же время правительство республики заявило, что территории, на которых в Венгрии проживают украинцы, являются частью Украины.

Венгерское правительство Каройи в свою очередь (как уже было сказано выше) вело переговоры с провенгерски настроенными представителями национальных меньшинств распадавшейся Венгрии с целью сохранения хотя бы их части под властью Венгрии даже ценой превращения страны в федеративную республику, но безуспешно. Для торга оставалось одно Подкарпатье. В этих условиях Орест Сабо созвал на 10 декабря 1918 года в Будапеште совещание для обсуждения будущей судьбы украинцев (русинов). Специальным поездом из Подкарпатья прибыли 200 человек¹⁷. Организаторы рассчитывали на безоговорочное одобрение их планов¹⁸. Надежды их не были лишены основания. Среди них был Орест Сабо, Агошт (Августин) Штефан и другие сторонники сохранения Подкарпатья в составе Венгрии.

По утверждению участника совещания в Будапеште Степана Клочурака, большинство делегатов из Подкарпатья (в основном священники и учителя) были за сохранение края в составе Венгрии. Однако среди них находились и сторонники украинской ориентации, в том числе Михайло Медве и Петро Долинай¹⁹. Делегаты были направлены со всех концов Подкарпатья, Ясинская рада, в частности, послала делегацию в составе восьми человек²⁰.

В первый день (10 декабря) до обеда состоялась встреча делегации с предста-

вителями столичной интеллигенции, которых представляли венгерские сторонники, выходцы из русинской среды, изучавшие в Венгрии историю, литературу и культуру подкарпатских русинов и ставшие почти венграми, — Анталом Годинкой, Александром (Шандором) Бонкало, Гиадором Стрипским и другими. Орест Сабо зачитал манифест, в котором утверждалось, что население Подкарпатья желает остаться в составе Венгрии как ее автономная часть. Однако замыслы венгерского правительства встретили сопротивление представителей регионов Свалявы, Мукачева и Марамороша, выступивших против того, чтобы проблемы будущего русинов решались в Будапеште, и требовавших обсудить их в Подкарпатья, учитывая наказания повсеместно создававшихся народных рад, содержавшие и требования выхода из состава Венгрии. Первым против манифеста выступил Юлий Брашайко, заявивший, что этот вопрос нужно решать на месте, а не в Будапеште, ибо «наш народ смотрит в другую сторону». Петр Долинай из Ремет (в то время священник в Мараморошском комитате) высказался против ведения дискуссии на венгерском языке.

После обеда состоялся «съезд», на котором преобладали крестьяне из разных концов Подкарпатья. Председателем его был избран адвокат из Рахова Агошт (Августин) Штефан. Патриотическую речь за воссоединение края с Украиной произнес Михаил Андрашко (будущий нотариус в Севлюше). Он привел слова песни: «Душу и тело мы положим за нашу свободу и докажем, что мы братья из казацкого роду».

В таком же духе выступал и Степан Клочурак, предложив распустить собра-

ние, поскольку оно не имеет права решать судьбу края в Будапеште. Председательствовавший в то время Штефан бросил реплику с призывом не слушать его, ибо «он говорит как жид-большевик». Выступивший затем Дмитрий Симулик из Изы поддержал Клочурака. С речью в защиту венгерских предложений выступил будущий организатор провенгерской партии Автономный земледельческий союз (в ЧСР) учитель из Хуста Иван Куртяк, но участники собрания не дали ему возможности закончить речь. Ориентация на союз с Венгрией на съезде в Будапеште, по мнению Клочурака, «полностью провалилась»²¹.

У венгерского правительства не было аргументов для возражений против предложения продолжить обсуждение этого вопроса в Подкарпатье. На съезде в Будапеште решили провести собрание в Хусте – выдвинутые рекомендации Мукачева и Ужгорода были отклонены. Орест Сабо, для того чтобы ослабить позицию противников ориентации на Венгрию, предложил Клочураку пост секретаря в министерстве, но тот отказался.

За развитием событий внимательно следило венгерское правительство и даже пыталось управлять ими. 18 декабря 1918 года в Сиготе (Сигет) было созвано собрание делегатов со всего Мараморшского комитата. Инициатором его был местный адвокат Иван Гошук. Протокол этого собрания, составленный священником Андреем Медвецким, полностью включен в воспоминания Степана Клочурака. Председателем собрания был избран Михаил Брашайко (брат Юлия). Иван Гошук и Агошт Штефан выступали за дальнейшее пребывание Подкарпатых

в составе Венгрии, но на правах автономии. Однако большинство ораторов (В. Климпуш и другие) заявили, что «от Венгрии нам ничего не нужно», и выражали желание объединить «все русские земли в одном украинском государстве». И в Сиготе сторонники венгерской ориентации не достигли желаемых для венгерского правительства результатов. Там была создана Мараморошская русская (украинская) народная рада. Председателем ее был избран адвокат из Рахова Михаил Брашайко. Одновременно был образован штаб будущего войска²². На этом собрании приняли решение избрать народные рады во всех населенных пунктах края и созвать 21 января 1919 года в Хусте съезд их представителей (по одному делегату от тысячи жителей, а где их 1200 – то по два).

На закрытом заседании Рады выступил представитель Западно-Украинской народной республики О. Дудакевич и заявил, что он «убедился: украинский народ Венгрии видит свое счастье только в воссоединении с Украиной»²³.

Венгерское правительство результаты этих совещаний истолковало и использовало в своих интересах. Как отмечал Андраш Шиклош, автор статьи по этой проблеме в восьмом томе «Истории Венгрии», «после того как собрание (в Будапеште 10 декабря. – А. П.) если и не единогласно, но все же стало на позицию согласования и направленных к этой цели предложений, 25 декабря венгерское правительство опубликовало народный закон об автономии русинской (рутенской) нации, проживающей в Венгрии»²⁴.

Народный закон 1918 года предполагал создание из частей комитатов Мараморош, Угоча, Берг и Унг, населенных

русинами, автономной области – Русьской Краины (Краины) для украинцев, или, как их тогда называли, русинов (рутенев), проживавших в современной Закарпатской области Украины²⁵.

Этот закон предоставлял украинцам (русинам), проживавшим на этой территории, право на самоопределение в делах внутреннего управления, создание собственных органов власти, чтобы самостоятельно решать автономные дела как в законодательном, так и в административном отношении. К автономным делам относились: внутреннее управление, правосудие, общее образование, народное просвещение, религия, проблемы использования местного языка.

Законодательным органом автономной области в автономных делах закон объявлял Русьское национальное собрание, а в общих делах – Государственное собрание Венгрии. К общим делам относились: внешние, военные, финансовые, экономические, транспортные, социально-экономические и политические, а также вопросы, связанные с гражданством и законодательством по гражданскому и уголовному праву.

Во Всеенгерское государственное собрание украинцам (русинам) разрешалось посылать своих депутатов. Невенгерские национальные меньшинства могли претендовать на культурную автономию по месту проживания.

По этому закону все государственные земли, леса, места добычи полезных ископаемых на территории автономии переходили «во владение законного представительства русьской нации»²⁶. Окончательное урегулирование всех этих вопро-

сов откладывалось до созыва Учредительного национального собрания.

Поскольку было обнародовано, что закон вступает в силу в день его опубликования, то вскоре были созданы органы управления Русьской Краины. Во главе Русьской автономной области с центром в Мукачево учреждался пост правителя (регента) – губернатора. Им был назначен адвокат из Рахова Агоштон Штефан. Инспекцию и контроль над ним осуществлял назначенный министром в венгерском правительстве по делам Русьской Краины (прежний уполномоченный правительства) Орест Сабо. Он подчинился Венгерскому государственному собранию, а по делам автономии – и Русьскому национальному собранию. Местом его пребывания был Будапешт.

Правая венгерская печать того времени посчитала эту куцую автономию чрезмерной уступкой русинам и развернула против нее кампанию.

Авторы «Очерков истории Закарпатья» подвергли детальному разбору и критике этот закон, местами допуская «неточности» в переводе в угоду подтверждения своей позиции²⁷.

Противники автономии зря беспокоились. Ведь границы этого края не устанавливались, а вышеперечисленные четыре комитата не совпадали с этнической границей проживания русинов. По данным переписи населения Венгрии 1910 года, в этих четырех комитатах проживало 42% русинов, 11% румын, 4% словаков, 31% венгров, 11% немцев²⁸.

О необходимости критического подхода в использовании в научных трудах этих данных свидетельствует тот факт, что в названных комитатах проживало 15%

евреев. Статистика о них не упоминает, поскольку они были включены в две последние категории – венгров и немцев. Венгерский историк постеснялся детализировать этот вопрос, и за него это сделал его английский коллега. Он еще в 1937 году сопоставил венгерскую перепись населения 1910 года (где графа «национальность» отсутствовала и была заменена графой «родной язык») с чехословацкими переписями 1921 и 1930 годов по принципу национальности. Он обращал внимание на то, что венгерская перепись 1910 года показала в Подкарпатье (и предлагал это учесть) наличие 319 361 русина (169 434 венгров, 62 187 немцев, 15 387 румын и т. д.) из всего населения, насчитывавшего 671 468 человек. Если цифры переписи 1930 года (446 911 русинов) показывают, по его мнению, нормальное этническое развитие после 1921 года (когда их насчитывалось 372 599 человек, а венгров – 103 690, немцев – 10 326), то при сравнении данных 1921 и 1910 годов нужно вносить поправки – учитывать, что в переписи 1910 года официально рассматривали идиш как один из немецких диалектов. В результате не менее 53 942 человек из них вошли в квалификацию «немецкоязычных». Кроме того, 30 680 человек, записанных венгероязычными, были евреями по национальности²⁹.

Большинство русинов на равнине быстро ассимилировалось с венграми. Но к 1918 году этот процесс не завершился, поэтому до сих пор, писал Макартни, существуют русинские и частично русинские села к югу от Ужгорода и Мукачева и даже южнее современной границы, то есть в Трианонской Венгрии. Существо-

вало также много сел, жители которых утратили свой русинский язык, но принадлежали к греко-католической церкви, которая была практически местной отличительной чертой русинов, тогда как настоящие венгры, немцы и словаки были либо римо-католиками, либо протестантами. В 1918 году 97% русинов были униатами³⁰.

На этом основании чехи и русины критиковали венгерскую статистику 1919 года как занижающую число русинов, поскольку религиозная статистика определяла число униатов в Северо-Восточной Венгрии (не считая румын) более высоким, попросту говоря, не учитывала всех русинов. И если определять национальность человека по национальности его предков, заключал Макартни, «то их точка зрения абсолютно правильная». Однако в ряде случаев процесс ассимиляции русинов в венгерской среде завершился в предыдущем поколении.

К тому же надо вспомнить, что ареал, где живут русины, простирается и на запад, и на восток от нынешних границ Закарпатской области. С одной стороны, на востоке, между Черной (должно быть Белой. – А. П.) Тисой и Вишовой живет несколько тысяч русинов под румынским управлением. С другой стороны, в Словакии русины расселены вплоть до подножия Высоких Татр. Чехословацкая перепись населения в 1921 году зарегистрировала 85 628 русинов в Словакии и 91 079 – в 1930 году, хотя русины утверждают (отчасти и в этом случае основываясь на вероисповедании), что число их должно быть существенно выше. Из всех народов довоенной Венгрии русины, которые являлись доминирующей национальностью автономной территории в Чехословакии,

«были, возможно, самыми бедными и игнорируемыми»³¹, писал о них английский историк.

Макартни, говоря о доминирующем элементе в национальном составе населения Подкарпатья, по поводу русинов употребил выражение «в теории». Но не только в теории, а и фактически по сравнению с другими национальностями края они составляли абсолютное большинство.

Причем в создававшихся в дни революции 1918 года и позже народных радах именно русины брали в свои руки управление всей жизнью населения. В самом уголке северо-восточной части Подкарпатья, в верховье Черной Тисы, в поселке Ясиня уже 1 ноября была создана милиция из бывших солдат, насчитывавшая 80 человек. В ее ряды вступили и братья Климпуши – Иван и Василий. 3 ноября в Ясиня вернулся Степан Клочурак, которому предложили возглавить милицию. Когда 8 ноября 1918 года в поселке была избрана Украинская народная рада в составе 42 человек, председателем ее стал Степан Клочурак-младший, как писал он о себе в воспоминаниях. Из состава совета было избрано главное управление – 12 человек. На первом заседании рады было принято решение о воссоединении с Украиной, и с этой целью она поручила Степану Клочураку и Ивану Климпушу посетить столицу Западно-Украинской народной республики. Принял их премьер С. Голубович, который не обещал им оказать помощь в ближайшее время из-за войны с поляками, так как республика не может ссориться с Венгрией. Делегация добилась только декларации республики (от 13 ноября 1918 года) о том, что территория Венгрии, на которой проживают ук-

раинцы, является частью Украины. Еще делегация установила контакт с редакцией газеты «Нове життя» (Новая жизнь), которая печатала вести и из Ясиня³².

Венгерское правительство Каройи не стерпело такой самостоятельности и послало в Ясиня 20 декабря из Будапешта правительственного комиссара Калмана Фюзешшери. Прибыл он в сопровождении вооруженных сил. На следующий день он выступил на заседании рады с пропагандой намерения правительства дать Подкарпатья автономию в составе Венгрии. Но его предложение было отвергнуто в выступлении М. Сабадюка, который подчеркивал: нам выгоднее жить в украинском государстве, чем иметь автономию в составе Венгрии.

Реакция венгерской стороны была следующей. Утром 22 декабря 1918 года воинский отряд из Сейкейской дивизии (600 солдат и 20 офицеров) вошел в Ясиня. Вслед за ними возвратилась венгерская администрация и жандармерия. Были сняты украинские и восстановлены венгерские надписи.

2 января 1919 года в Станиславе произошло провозглашение объединения Западной Украины с Украинской республикой (директорией). От Ясиня там присутствовали Степан Клочурак, Евгений Пуза и Иван Климпуш. Клочурак выступил с предложением присоединить Закарпатье к Украине. Ясинская делегация встретила с главой Национальной рады Западно-Украинской народной республики Е. Петрушевичем. Но президент, как и раньше премьер-министр, не обещал выполнить их просьбу – оказать военную помощь, пока идет война с поляками. Тогда они встретились и с государ-

ственным секретарем обороны Дмитрием Витовским³³.

Может быть, на основе беседы с ним было согласовано, что 6 января 1919 года весь состав главного управления УНР Ясиня пойдет «колядовать от хаты до хаты». В результате «наколядовали» 86 вооруженных гуцулов. На помощь им из Коломыи прибыли 23 солдата. В ночь с 7 на 8 января в Ясиня произошло восстание, и венгерские воинские части и жандармерия были разоружены³⁴.

Тогда же, 8 января 1919 года, было провозглашено образование Гуцульской республики и принято решение увеличить численность милиции до 300 человек. В гуцульскую гвардию вступило более 500 солдат³⁵.

О событиях в Ясиня Дмитрий Немчук информировал братьев Бращайко в Хусте.

Гуцульскую республику долгое время замалчивали, историки о ней не писали. Имеется, однако, серьезное научное исследование по этой проблеме Петра Кондратовича Смияна, более 30 лет тому назад защищенное в качестве докторской диссертации в Киевском государственном университете. Материалы диссертации частично использованы в его книге по проблеме национального и революционного движения в Закарпатье под влиянием революций в России³⁶. Автор параграфа о Гуцульской республике в «Очерках» знал об этом, и тем более удивительно, что затем он отмечает в основном недостатки работы П.К. Смияна. В то же время он отдает предпочтение газетной статье сомнительного с научной точки зрения содержания и изобилующему неточностями сборнику трудов М. Болдижара³⁷. События разворачивались зимой и

весной, когда не было возможности осуществить такие дела и преобразования, которые описаны в «Очерках».

К тому же Гуцульская республика предприняла военный поход на Сигот без всякой подготовки и надобности, это была авантюра. Главнокомандующим считался Степан Ключурак. Он написал воспоминания, частично опубликованные еще в 1934 году в календаре «Земля і воля» в Ужгороде, затем доработал их в 1956 году и издал в Нью-Йорке в 1978-м³⁸. В этих публикациях он отметил, что уже на четвертый день после разоружения венгерских частей в Ясиня войска только что провозглашенной Гуцульской республики двинулись в поход на город Сигот (Сигет). В тот день ясинское войско насчитывало 800 человек. На поддержку им 12 января прибыл полутысячный отряд из Коломыи. Объединенными силами 13 января 1919 года заняли Квасы и Билин, 14-го, при поддержке местных сил Петра Петенка, взяли Рахов и Бирлибаш (Костиловку), а 15-го – Требушаны, Вишову и Великий Бычков. Население приветствовало их как освободителей. Сиготом войска овладели почти без боя, тогда в армии гуцулов уже насчитывалось 1100 воинов – 600 из них были ясинские, а остальные пришли на помощь из Коломыи.

Они намеревались продолжить поход в направлении Хуста, но до него не дошли из-за столкновения с румынами, получившими подкрепление в Сиготе. В результате боя 18 украинцев погибли и 39 были ранены. После этой трагедии отряд из Коломыи был отозван – галичане мотивировали свои действия тем, что они против Румынии не воюют.

Войска Гуцульской республики отступили. Василий Климпущ оставил и тисодолинянский окружной центр — Рахов. Попенко в ходе этих событий погиб. Отступавшие остановились у села Богдан, которое осталось в составе Гуцульской республики³⁹.

Одновременно с наступлением на Сигот из Западно-Украинской народной республики в Подкарпатье по железной дороге были отправлены войска в направлении Мукачево — Чоп (а по некоторым сведениям и в Великий Березный — Ужгород, что маловероятно, поскольку с 12 января Ужгород уже был оккупирован чешскими войсками). После недельного пребывания галицких войск в окрестностях Мукачева они были отозваны в Стрый⁴⁰.

Трудно согласиться с попыткой автора параграфа о Гуцульской республике в «Очерках» доказать, что ее власть существовала только до первой декады апреля 1919 года, ссылаясь на планы советской власти в Венгрии о проведении выборов и в населенных пунктах вокруг Ясиня. Но ведь это были только планы. Нет данных, что они стали реальностью. Кроме того, Рахов и его окрестные села были буферной зоной между румынской армией и Гуцульской республикой. Спецотдел румынской армии из Сигота начал аресты членов Ясинской народной рады только 11 июня, а до тех пор они находились у власти. Что касается ссылок на венгерский архив, то действительно, донесения из Рахова в период советской власти могли быть, но сноски оформлены неправильно. В Венгерском государственном архиве материалы хранятся по единицам хранения, а не по связкам (ма-

териалы архива постоянно перемещаются из одной связки в другую, и нумерации страниц внутри связок не существует). По сноскам, приведенным в названном труде, в венгерских архивах нужный материал отыскать нельзя. В том, что при советской власти в Венгрии из Тисодолинянского окружного управления (Рахов) донесения приходили, противоречия нет, ибо в Будапеште считали Рахов подчиняющимся ему, но это не значит, что так поступали и села, оккупированные румынами, и населенные пункты, входившие в состав Гуцульской республики.

В ноябре 1918 года в Будапеште находилась делегация Западно-Украинской народной республики. В результате переговоров (в том числе и с Эрнё Гарамии) было заключено соглашение по экономическим, транспортным вопросам и обмену информацией⁴¹, как отмечалось в то время в венгерской печати. В дальнейшем сотрудничество венгерского правительства с руководством республики расширялось — в связи с войной с Польшей будапештский завод Манфреда Вайса поставлял в Западную Украину оружие и боеприпасы. Аналогичное соглашение у Венгрии было и с Польшей, которую Венгрия также снабжала вооружением и снаряжением⁴².

В конце 1918-го — начале 1919 года в Закарпатье происходили бурные события. Повсеместно шла подготовка к намеченному на 21 января 1919 года съезду, везде создавались народные советы и избирались представители. Акция сопровождалась переходом власти в руки новых избранных органов, обсуждались наказания делегатам на съезд. Этот период отмечен массовыми выступлениями крестьян

в таких крупных населенных пунктах, как Билки. Следует отметить, что к этому времени жандармерии уже было дано указание физически расправляться со смутьянами, которые выступают против сохранения целостности венгерского государства. Но существующие силовые органы не справлялись с массовыми выступлениями населения Закарпатья.

В Ужокском комитате крестьянское движение охватывало большинство сел, особенно окрестностей Ужгорода и Перечина. Пресса сообщала о выступлениях в восточной части края: Тербле, Тересве, Нанково, Вышково и другие населенные пункты. Крестьяне вооружались, изгоняли старых венгерских чиновников, заменяли их новыми, которым доверяли⁴³.

Венгерские власти прибегали к разным методам противодействия решениям народных рад: от указания министра внутренних дел расправляться с противниками сохранения Подкарпатья в составе Венгрии до преследования делегатов, избранных на съезд в Хуст, и организации препятствий их приезду (выставили жандармские заставы на дорогах, на некоторых участках, например Королево – Хуст, остановили железнодорожное сообщение и т. д.). Несмотря на чинимые властями препятствия, съезд в Хусте собрался в намеченный срок – 21 января 1919 года. До сих пор не найдены оригинальные документы решений съезда, сохранилась только резолюция съезда, опубликованная в работе А. Бадана⁴⁴, но в этом варианте опущены пятый и шестой пункты. Имеются также две копии протокола на венгерском и украинском языках. По мнению историков, изучавших этот вопрос, эти документы созданы не в ходе

работы съезда, а значительно позже, так как тексты не вполне идентичны. По воспоминаниям Степана Клочурака известно, что в период пребывания делегации из Подкарпатья в Станиславе (7 мая 1919 года) Михаил Брашайко передал президенту Е. Петрушевичу одобренную съездом резолюцию. В состав делегации входили 192 участника хустского съезда, в числе которых были атаман Евгений Пуза, Степан Клочурак, Н. Немчук. В резолюции содержалось требование к мирной конференции: присоединить территорию Венгрии, населенную украинцами, к Украине.

На съезде в Хусте, который был самым репрезентативным форумом того времени в Подкарпатье, кроме избранных в населенных пунктах делегатов с официально оформленными документами своих полномочий (420 человек) присутствовало более тысячи гостей из соседних и отдаленных поселений. Среди официальных делегатов Мараморошский комитат представляли делегаты из 80 населенных пунктов, Бережский – 57, Угочанский – 29, Ужковский – 9; всего 175 человек⁴⁵. На съезде в Хусте присутствовали и представители оккупированного Ужгорода: Ю. Гаджега, В. Желтвай, А. Бокшай и другие.

К этому времени Ужгород уже был оккупирован чехословацкими войсками, точнее – чешскими легионерами. Еще 28 ноября 1918 года Эдвард Бенеш в телеграмме из Парижа сообщал премьеру Чехословакии К. Крамаржу в Прагу, что мирная конференция разрешила чешским войскам оккупировать западную часть Подкарпатья от Римавской Сobotы до реки Уж, а оттуда по этой реке вверх до Карпат. Бенеш рекомендовал осуществ-

вить занятие этой территории без шума⁴⁶. 24 декабря, когда чешские войска подошли к этому региону, представитель Антанты официально предъявил венгерскому правительству требование передать Чехословакии западную часть Подкарпатья. 12 января 1919 года 31-й полк чешских легионеров вступил в Ужгород. Командовал им итальянский полковник Чаффи. Одновременно на востоке Закарпатья румынские войска захватили несколько населенных пунктов, в том числе Великий Бычков, и постепенно продвинулись почти к Рахову.

21 января 1919 года в спортивном зале горожанской школы съезд открыл председатель Хустской народной рады Михаил Брашайко. Во вступительном слове, а затем и в своей речи на съезде он охарактеризовал историю и положение края под многовековым господством венгров, современную ситуацию. Он подчеркивал благоприятную обстановку и возможность решить судьбу края по собственному усмотрению и призвал делегатов открыто высказывать свое мнение о том, как жить населению в будущем. Он был избран председателем съезда. Секретарями стали представители из Апши и Великого Березного.

Одним из первых на съезде выступил министр венгерского правительства по делам Русьской Краины Орест Сабо и всячески восхвалял новую политику венгерского правительства, его закон 1918 года о предоставлении русинам автономии, который якобы решает все проблемы жизни местного населения. Его пропагандистское выступление, имевшее целью удержать хотя бы последнюю часть славянской земли под венгерским гос-

подством, не смогло поколебать воли делегатов⁴⁷. Выступивший посланец из Нанкова Иван Волошук внес предложение объединить Закарпатье со всей Украиной. Его рекомендацию делегаты съезда поддержали и одобрили. В зале раздавались выкрики «Да здравствует Украина!».

Затем выступали представители Хуста В. Теллак, М. Филак, делегат Салдобоша Ю. Лукач, сельский нотариус Ю. Чучка, преподаватель Ужгородской учительской семинарии В. Желтвай и другие. Все они поддерживали предложение воссоединить Закарпатье с Украиной. До сих пор между историками ведется спор, с какой именно Украиной, так как в то время на территории Украины существовало три государственных объединения различной политической ориентации. Троян, Спивак, а за ними и Гранчак в своих исследованиях ссылаются на один и тот же источник — копии протокола Хустского съезда на венгерском и украинском языках, хранящиеся в Закарпатском областном архиве, для подтверждения различных позиций.

Ю. Гаджега (Ю. Русак) обратил внимание в своих воспоминаниях на то, что на Хустском съезде подвергли критике деятельность Рады русинов (рутенев) Венгрии, созданной провенгерскими сторонниками в Ужгороде. Не одобряли поддержку ею закона 1918 года, отвергали Руськую Краину и все то, что обещали венгры русинам, многие столетия проживавшим под их господством⁴⁸.

Особенностью того периода истории Закарпатья было отсутствие в крае высшего учебного заведения (кроме греко-католической духовной семинарии в Ужгороде). Духовенство преобладало среди

интеллигенции, причем большинство из них было настроено провенгерски. Августин Волошин в своих воспоминаниях, опубликованных в Ужгороде еще в 1923 году⁴⁹, описывал, как венгры заменили в государственных школах кириллицу латинской азбукой. В качестве своей заслуги отмечал, что в церковных школах это было разрешено только с четвертого класса⁵⁰.

Он приводит выдержку из статьи, опубликованной в газете *Budapesti Hirlap* 23 января 1916 года. В ней было написано: «В нашем отечестве (то есть Венгрии. — *А. П.*) есть одна нация, что насчитывает 300 тыс. душ, которая в современных военных условиях заслуживает нашего внимания. Это русины... Они уже перестали называть себя [отдельным] народом и считают себя венграми. Они не имеют никаких политических aspirations ни в украинском, ни в русском направлении. Их интеллигенция настолько мадьяризовалась, что уже разговаривать порусски не умеет»⁵¹. Автор статьи требовал ввести в Мукачевской епархии, по примеру Пряшевской, латинскую азбуку взамен кириллицы.

Августин Волошин остановился, как он ее назвал, на «раде угрорусского народа». (Речь идет о Рутенской раде Венгрии, председателем которой был избран каноник Шимон (Симеон) Сабо, а секретарем Августин Волошин.) Эта рада была образована в составе 30 человек не 5 октября, как пишет Волошин, а 6 ноября 1918 года, то есть уже после победы революции в Венгрии. Говоря о программе рады, он «немного» затушевывал ее смысл, открыто не заявлял, что ее целью, как и венгерского правительства, было сохранить прежнюю целостность венгерского госу-

дарства, а в дальнейшем «добиваться всех тех прав, которые предоставит новая демократическая Венгрия невенгерским народам».

В народном законе 1918 года Волошина смущало и не удовлетворяло то, что в состав автономного края — Русьской Краины — намечалось включить лишь четыре восточных комитата. Решение судьбы остальных пяти комитатов (расположенных на запад от Ужгорода), в которых проживали и русины, откладывалось до мирной конференции.

На той же странице «Воспоминаний» содержится и объяснение Волошина, почему он отошел от провенгерской ориентации именно в то время. Это объяснялось тем, что венгерский премьер Михай Каройи не обещал (о чем он известил Волошина через министра по делам Русьской Краины Ореста Сабо) добиться международного признания автономии для русинов хотя бы в указанных четырех комитатах, ссылаясь на отсутствие контакта со странами Антанты.

Вот почему, как пишет Волошин, эта рада (точнее, ее делегация) 1 января 1919 года посетила в Будапеште посланника Чехословакии в Венгрии Милана Годжу (Ходжу) и просила оккупировать чехословацкими войсками все Подкарпатье⁵².

Свалявская русьская народная рада во главе с Михаилом Комарницким занимала двойственную позицию. С одной стороны, она заявляла о стремлении объединения с Украиной, где «делят землю среди крестьян», а с другой — участвовала в переговорах с Миланом Годжей в Будапеште о присоединении края к Чехословакии. Эта двойственность отражена

и в манифесте, который делегация Свалявской рады (с 452 подписями) вручила Годже. Спивак и Троян считали этот документ сфальсифицированным, так как в нем отражено желание присоединить Закарпатье «к украинскому государству или, учитывая хозяйственные связи, еще лучше к Чехословацкой республике». Там же содержалась просьба оккупировать Закарпатье украинскими или чешскими войсками. Сообщение об этих переговорах помещено в деле № 1 за 1919 год министерства иностранных дел Чехословакии. В этой папке сохранилось и донесение Годжи из Будапешта о переговорах с делегацией Рады рутенов Венгрии (во главе с Августином Волошиным). Они состоялись 1 января 1919 года. От письменных обязательств делегация Волошина уклонилась до прибытия чешских войск в Ужгород.

Годжа действовал и в другом направлении. Он установил контакт со священником Омеляном Невицким, который вместе со своей женой Ириной создал 8 ноября 1918 года в небольшом селении на Пряшевщине (сегодня Словакия) в Старой Любовне Руськую народную раду (Магочий ошибочно считал, что эта рада была образована первой в Подкарпатье). Годжа хотел склонить их к союзу с Чехословакией. Сам Невицкий, несмотря на крайне радикальные взгляды Ирины, сначала разделял планы галицких русофилов и мечтал объединить свой край с лемками по обе стороны Карпат. Но главной его целью было выйти из состава Венгрии. В написанном ими манифесте они протестовали «против любого господства иностранных государств над нашей руською землею»⁵³.

Невицкий продолжал изучать общественное мнение и не особенно реагировал на предложения Годжи. На заседании Любовнянской рады 19 ноября 1918 года в Пряшеве особую активность проявил сын священника адвокат Антал Бескид, который сменил на посту председателя рады Невицкого. Вскоре в переименованной в Пряшевскую раде произошел раскол. Надо полагать, по основному вопросу — о будущей государственной принадлежности края. Пряшевская рада утвердила манифест, изобилвавший выражениями «национальная свобода», «самоуправление», но в нем отсутствовало конкретное упоминание о том, к какому государству совет желает присоединить свой край. Это можно считать тактическим ходом Антала Бескида, который к этому времени, по крайней мере скрыто, уже был за присоединение Подкарпатя к Чехословакии, о чем свидетельствуют и его тесные контакты со Словацким национальным советом. Невицкий тогда еще продолжал придерживаться своих взглядов о необходимости «объединения с Русью — Украиной».

На сторону Бескида переметнулась и Русская (Галицкая) народная рада лемков. Объединившись с фракцией Антала Бескида, 21 декабря 1918 года они создали Карпаторусскую народную раду, которая по прибытии на Пряшевщину чехословацких легионеров в конце декабря уже открыто выступала за присоединение Подкарпатя к Чехословакии⁵⁴.

Рекомендация о присоединении Закарпатя к Чехословакии исходила из США. (Эти вопросы затрагивал Петр Гаталак в брошюре, изданной в Чехословакии в 1935 году⁵⁵. В научном плане проб-

лема оригинально освещена в статье И.Н. Мельниковой⁵⁶, затем, в конце XX века, к ней обратились сначала П.Р. Магочий, а позже – автор соответствующего параграфа обобщающего труда (второго тома) по истории Закарпатья⁵⁷.)

По мере приближения конца Первой мировой войны и изменения в позиции Вудро Вильсона по отношению к угнетенным народам Австро-Венгрии и Германии эмигранты из этих государств, живущие в США, в том числе и из Подкарпатья, все больше стали интересоваться судьбой своей родины. В условиях трудного положения на родине можно говорить о массовой эмиграции за океан в конце XIX – начале XX века, для того чтобы подзаработать и улучшить свое убогое существование.

В США, да и в других странах Нового Света статистика иммигрантов по национальности в то время не велась. Подсчеты осуществлялись в основном по принадлежности к той или иной религии. Такой метод дает только приблизительную достоверность приводимых цифр об их национальности, поэтому и неудивительна «возмущенная реакция» некоторых исследователей, когда приводимые данные значительно расходятся с их представлениями.

Разобраться в этом вопросе пытались многие. Но одни собирали данные о США, другие – в США и Канаде, а некоторые считали эмигрантов на всем американском континенте. Приводимые ими цифры колеблются от 100 до 400 тыс. закарпатских русинов в эмиграции за океаном. Так, П. Магочий, проживающий то в Канаде, то в США, привел данные на 1914 год, по которым около

100 тыс. русинов из Подкарпатья находилось на заработках в Новом Свете⁵⁸. Он назвал основные районы их работы в США (Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси и Огайо) и изучил созданные ими общества вблизи Питсбурга, в штате Пенсильвания. Это были страховые компании, объединявшиеся на религиозной основе.

Самым большим из них было «Объединение греко-католических русских братств». В 1918 году оно насчитывало около 90 тыс. членов – взрослых и молодежи. Местом его пребывания был Уилкс-Барри. Объединение издавало газету «Американский Русский Вестник» (выходил с 1892 по 1952 год). Меньшим по составу было другое такого же характера общество, называвшееся «Собранием греко-католических церковных братств», находившееся под руководством иерархии той же церкви. Оно имело свой печатный орган. В этом обществе учитывали только участников спортивных молодежных организаций – их было около 9 тыс. человек.

В «Очерках» рассмотрены разные данные о наличии в начале XX века за океаном (в том числе в США и Канаде) от 130–150 до 400 тысяч эмигрантов из Угорской Руси. Последнюю цифру автор параграфа «Очерков» считает «явно преувеличенной». Но за неимением других данных он только заметил, что это сделано с целью, дабы придать больший вес решению этих организаций в США по поводу будущей судьбы народа Закарпатья⁵⁹.

Английский ученый Макартни полагает, что из Венгрии с 1899 по 1914 год «примерно 50 тыс. русинов эмигрировало в Америку» (из них 44 тысячи – на постоянное жительство), и сегодня (писал он

в середине 30-х годов) диаспора русинов в США составляет почти 300 тыс. человек⁶⁰.

На протяжении более 30 лет среди эмигрантов в США, происходивших из Галиции, Буковины и Подкарпатья, шли споры: кого кем считать. Размежевание произошло в апреле 1918 года, когда римские церковные власти разделили греко-католических верующих в США на две ветви — галицкую и подкарпатскую — с отдельными церковными иерархиями.

Только после победы Февральской революции в России — 13 июля 1917 года — в Нью-Йорке собрался Русский конгресс с целью добиваться выхода Угорской Руси из состава Венгрии. Организатором его был оказавшийся к этому времени в США Петр Гаталак (он работал чиновником в России, а после освобождения из лагеря военнопленных через Швейцарию эмигрировал в США). Участниками конгресса были считавшие себя русскими выходцы в основном из Галиции, Буковины и Подкарпатья. Гаталак позже писал: «Мы, как русские, хотели тогда присоединить Угорскую Русь к Российскому царству»⁶¹. Да и чехи тогда мечтали, продолжал Гаталак, чтобы некий русский князь вступил на чешский трон в качестве их короля. На названном конгрессе участие не принимали считавшие себя украинцами эмигранты из Галиции и Буковины, как и греко-католическая элита из Подкарпатья, полагавшая, что населению этого края лучше остаться в составе Венгрии.

Угорскую Русь на этом конгрессе представлял журналист Николай Пачута. Он был главой «карпато-русской» политической организации «Русская народная оборона в Америке» и до начала 1918 года — редактором газеты греко-католиче-

ского объединения, но после перехода в православие был изгнан из организации. Однако активную деятельность он не прекратил. В адрес президента Вудро Вильсона он сочинил меморандум с предложением присоединить Угорскую Русь к будущей чехословацкой республике.

Меморандум Русского конгресса, составленный на русском, английском, французском и итальянском языках, был послан в соответствующие посольства в США. Представитель посольства России посоветовал посетившей его делегации обратиться за поддержкой в посольства Великобритании, Франции и Италии. Принявший их советник посольства Великобритании поинтересовался, как делегация относится к революции в России. Гости ответили, что революция закончена. Тогда советник информировал их о мнении их посланника, согласно которому она только началась и беспорядок будет длиться несколько десятилетий, затем спросил, не лучше ли Подкарпатской Руси переждать время в составе другой страны, например Польши.

Гаталак позже считал, что его инициатива присоединения края к России стала невозможной после победы Октябрьской революции 1917 года, ибо «мы не хотели идти под власть коммунистов»⁶². Вновь встал вопрос: как быть, если население Подкарпатья не желает оставаться в составе Венгрии?

1 мая 1918 года в США прибыл известный борец против австрийского господства в Чехии Томаш Г. Масарик. Он приехал туда после пребывания в России, в том числе и на Украине, где вел беседы также с украинскими представителями (после Брестского мира, где уже присут-

ствовали делегаты Украинской народной республики). Сторонники Советской России образовали свое правительство в Харькове. Хотя Масарик тогда еще ясно не высказывался, но уже вынашивал планы присоединить к Словакии значительную часть территории Подкарпатья. Магочий в своей книге пишет, что у Масарика в то время и в мыслях не было присоединить к будущему чехословацкому государству всю Подкарпатскую Русь.

В брошюре Гаталака говорится о ряде памятных записок, переданных президенту Вильсону, о которых Магочий пишет, что они ему неизвестны. Гаталак также утверждал, что он написал меморандум Масарику еще в Ростове-на-Дону, но ответа не получил. Затем пишет о втором меморандуме, направленном Масарику, когда тот прибыл в США.

Гаталак заметил, что заместитель председателя Чехословацкого национального комитета получил меморандум еще в апреле 1918 года и договорился с государственным секретарем Робертом Лансингом о присоединении Подкарпатья к будущей Чехословацкой республике.

Среди эмигрантов – выходцев из Закарпатья единства взглядов по поводу будущего края не было. Клерикалы в первой половине 1918 года самым лучшим решением считали и в дальнейшем оставаться в составе Венгрии. Они проявили активность на очередном съезде Греко-католического объединения, на котором присутствовали и светские политические деятели (съезд состоялся 9–21 июня 1918 года в Кливленде, штат Огайо, и Бредлоке, штат Пенсильвания), где было принято решение освободить Угорскую Русь из-под венгерского ига⁶³.

Две греко-католические организации («Соединение» и «Собрание») в США объединились и 23 июля 1918 года образовали в Гомстедде (штат Пенсильвания) Американскую народную раду угро-русинов. Правда, в момент ее создания значительная часть ее членов придерживалась провенгерской ориентации. Возглавил объединение священник Николай Чопей, но были избраны и четыре его заместителя, в том числе и Юлий Гардош, который незадолго до того заменил Миколу Пачуту на посту руководителя Греко-католического соединения. Рада провозгласила себя единственным законным представителем угро-русинов в США и одобрила Гомстедскую резолюцию. Основные ее положения гласили: если останутся довоенные границы, русины, как самое верное племя – *gens fidelissima*, заслужили, чтобы Венгрия предоставила им автономию; если же будут новые границы, то они должны быть согласованы со всеми народами; следовательно, угро-русины могут присоединиться только к своим близким братьям по крови, языку и религии – галицким и буковинским русинам; если угро-русины будут поделены в результате чужих поползновений, Народная рада потребует для угро-русинов автономии, чтобы они могли сохранить свой национальный характер⁶⁴.

В последующие недели в среде эмигрантов из Подкарпатья в США продолжались дискуссии, обмен мнениями в печати по вопросу выбора лучшего варианта будущего для населения края. Между тем события в Европе развивались стремительно, Первая мировая война шла к концу. Нужно было делать выбор безотлагательно... Казалось, выбор был ши-

рок – Россия, Украина, Румыния, Польша, Венгрия. И в то же время решение этой сложной проблемы мало зависело от желания населения края, тем более от небольшой его горстки, по воле судьбы очутившейся в эмиграции в США.

Одно было ясно: наступал неминуемый проигрыш войны странами центральных государств, в том числе и Австро-Венгрией, которая уже находилась на стадии распада. Большинство населения Подкарпатья надеялось на скорую возможность освободиться из-под многовекового венгерского господства, то есть один из вариантов – остаться в составе Венгрии, о чем шла речь в Гомстедской резолюции, был неприемлем не только для населения края, но не устраивал и лидеров стран-победительниц – Антанты и США, собиравшихся перекраивать карту Европы по своему усмотрению.

В то время, после победы Октябрьской революции 1917 года в России, бывшие ее союзники по Антанте не только порвали с ней, но и попытались силой оружия приостановить начавшийся революционный процесс. В результате этого отпала возможность присоединить Угорскую Русь не только к России, но и к Украине.

На территории Украины в то время возникли два государственных объединения – Советская Украина с центром в Харькове и Украинская народная республика с центром в Киеве, а в ноябре 1918 года прибавилась Западно-Украинская народная республика. На территории Украины шла гражданская война. С юга наступали войска Деникина, воевавшего против Советской России, которого не устраивали цели ни одной из украинских республик. В гражданскую вой-

ну постепенно втянулась и Директория Украинской народной республики, объявившая 16 января 1919 года войну и России, поэтому она сотрудничала с интервентами и Деникиным. После своего образования Западно-Украинская народная республика оказалась в состоянии войны с Польшей, претендовавшей на Восточную Галицию. 1 декабря 1918 года представители правительства Западно-Украинской республики подписали в Ростове предварительное соглашение об объединении с Украинской народной республикой, которое в январе 1919 года было ратифицировано обеими сторонами. Однако оно оказалось только формальным.

Директория Украинской народной республики, которую после Винниченко возглавил С. Петлюра, отступала на запад, теряя свою власть. Во внешней политике она ориентировалась на Антанту и США. В первом квартале 1919 года шел процесс расширения советской власти на Украине. Вооруженные силы Директории были разгромлены советскими войсками: 5 февраля 1919 года был освобожден Киев. 20 марта Директория бежала из Жмеринки в Проскуров, часть министров оттуда переехала в Ровно, а другая – в Каменец-Подольский. Правительство Остапенко скомпрометировало себя переговорами с Антантой. 9 апреля был создан «социалистический» кабинет во главе с Б. Мартосом, но вскоре под натиском советских войск и новое правительство вынуждено было бежать из Ровно. «И вновь, – пишет Винниченко, – пошла «вагонная» жизнь, блуждания по станциям, городкам, без пристанища, беспорядочно, без войска, без территории и с врагами со всех сторон. Были моменты, когда

под властью атаманско-«социалистического» правительства было несколько верст железной дороги...»⁶⁵ Как раз в то время появилась частушка: «В вагоне Директория, под вагоном территория».

Какое положение было в Западной Украине? Там продолжала существовать провозглашенная в середине ноября 1918 года Западно-Украинская народная республика с правительством, именуемым Государственным секретариатом.

В ноябре 1918 года Польша начала войну против западноукраинского государства с целью овладеть Восточной Галицией. Население края оказало сопротивление. Правители республики при помощи тех же западных стран Антанты, которые оказывали поддержку Польше в захвате этой территории, стремились не допустить воссоединения Восточной Галиции с Советской Украиной. С этой целью они объединились с петлюровцами, добивавшимися соглашения с Польшей.

Правительство Западно-Украинской народной республики неоднократно отклоняло предложения Советской Украины о совместной борьбе против польской интервенции. 31 марта 1919 года президент Е. Петрушевич на заседании Государственного секретариата заявил, что «сейчас переговоры с Советами были бы опасными, ибо они были бы гласными, — а это привело бы к разрыву с Антантой»⁶⁶.

Страны Антанты и США рассматривали польско-украинскую войну (за установление монопольной власти в Восточной Галиции) с точки зрения возможности использования ее в антисоветской борьбе⁶⁷. И они добились (в марте — апреле 1919 года) того, что Западно-Украинская народная республика прекратила воен-

ные действия против Польши, но продолжила борьбу совместно с Петлюрой против Красной армии. Советские войска Украины в то время вели борьбу с вооруженными силами националистов, белой армией Деникина и иностранными интервентами.

После победы советской власти в Венгрии ее руководители надеялись на возможность создания единого фронта с советскими государствами на востоке. Бела Кун предполагал, что разногласия на Украине можно было решить путем политического соглашения с руководителями различных политических партий и течений, как в Венгрии, объединив коммунистов и социал-демократов (социалистов и меньшевиков), или образовать правительство на коалиционной основе. Ведь было образовано в конце 1917 года и функционировало в первой половине 1918-го коалиционное правительство РСФСР, признавшее советскую власть. Бела Кун весной 1919 года предпринял ряд конкретных шагов в этом направлении.

Однако этих мер оказалось недостаточно для достижения намеченной цели, несмотря на то что правительства Советской Украины и Советской России поддержали эти усилия. В частности, венгерское правительство, как пишет В. Винниченко в своих воспоминаниях, обратилось к нему с предложением принять участие в создании единой советской власти на Украине. Он согласился быть посредником между украинскими левыми социалистическими течениями и российским Советским правительством в деле формирования на Украине «украинского национального советского правительства». Это правительство должно бы-

ло ликвидировать Директорию, Галицкий государственный секретариат, привлечь на свою сторону все социалистические течения и главным образом галицкую армию. Таким образом был бы создан сплошной советский фронт, объединивший Венгрию, Галицию, Украину и Россию.

Он согласился на переговоры, прибыл в Будапешт, хотя и не верил в их положительный исход, зная обстановку на Украине. Винниченко отмечал также глубокую убежденность венгерской стороны в полном успехе, считая ее позицию навивной⁶⁸.

Когда план Куна не был осуществлен, Революционный правительственный совет надеялся договориться хотя бы о транзитном железнодорожном движении между Венгрией и Советской Украиной через Галицию⁶⁹.

Антонов-Овсеенко 13 апреля, определяя задачу первой украинской армии, наряду с другими указывал также и на необходимость установить связь с Венгерской советской республикой. Информировав В.И. Ленина о положении на Украине и тех переговорах, которые велись с Западно-Украинской народной республикой с участием Белы Куна, Антонов-Овсеенко 16 апреля писал, что если попытки увенчаются успехом и будет заключен мир с галицкими властями, то останется достаточно сил для прорыва через Буковину в Венгрию⁷⁰. Но правительство Западной Украины не посчиталось с тем, что советские войска, ведя борьбу с петлюровцами, воздерживались от столкновения с войсками Западно-Украинской республики. Попытки достичь договоренности и на этот раз не увенчались успехом. Между тем крепла связь между советскими

республиками России и Украины: Седьмой Всероссийский съезд Советов подтвердил, что Украинская ССР и РСФСР объявляют себя федерацией на основе резолюции ЦИК Украины от 18 мая 1919 года и ВЦИК от 1 июня⁷¹.

Другие две республики на Украине терпели поражение. Западно-Украинская народная республика сначала перебазировалась из Львова в Станислав, затем продолжила отступление на восток. Каменец-Подольский стал последним совместным пристанищем Киевской Директории и Западно-Украинской республики.

Поскольку в руководстве народных рад Закарпатья, ориентировавшихся на Украину, объединение с ней, преобладали в основном сторонники националистических взглядов, им стало ясно, что их мечта пока неосуществима. Оставалась одна возможность: искать связь с побеждавшей Советской Украиной. Но этого они не хотели.

Ставший у руководства Американской радой угро-русинов энергичный бизнесмен Юлий Гардош обратился к молодому юристу — консультанту в фирме «Дженерал моторс» в Питсбурге Григорию Жатковичу, выходцу из Подкарпатья (Григорий эмигрировал ребенком вместе с отцом, затем учился в Нью-Йорке и Питсбурге, стал известным юристом. Отец его, Павел Жаткович, был журналистом, издававшим в США газету «Американский Русский Вестник»), с просьбой подготовить вместе с Михаилом Ганчиным меморандум президенту США Вудро Вильсону. Этот меморандум был подготовлен и обсужден 1 октября 1918 года. В нем еще не шла речь о присоединении Подкарпатья к Чехословакии, предлагалось

Парижской мирной конференции признать Угорскую Русь суверенным, независимым государством; если это невозможно, то создать единое государство русинов: подкарпатских, галицких и буковинских; а если бы, по планам великих держав, Подкарпатье оставалось бы в составе Венгрии, то предоставить ему самую широкую автономию⁷².

21 октября Григорий Жаткович, Михаил Ганчин (в сопровождении еще двух членов рады) вручили меморандум президенту США Вудро Вильсону. Ознакомившись с его содержанием, Вильсон (по разным мотивам) отклонил все три предложения. Одновременно порекомендовал искать возможности присоединиться к какому-либо большому государству, например, объединиться в федерацию с чехословацким государством, для чего предложил вступить в Союз демократических народов Средней Европы (уже насчитывавший 11 наций, ранее называвшийся Унией угнетенных народов). Председателем этого союза в США был Т.Г. Масарик. Григорий Жаткович немедленно принял это предложение и начал переговоры с Масариком по этой проблеме. 26 октября Угорская Русь была принята в вышеназванную организацию в качестве ее равноправного члена. На приложенной карте было начертано: Русиния.

Масарик и Жаткович сразу повели переговоры о вхождении Подкарпатья в состав будущего чехословацкого государства на правах широкой автономии в качестве федеративной республики. На словах Масарик обещал все, что требовал Жаткович, в том числе и решить «на справедливой основе» границы между

Подкарпатьем и Словакией, что особенно волновало русинов. Если же русины решатся войти в состав Чехословакии, то они будут, заявлял Масарик, самостоятельной ее частью.

Три дня спустя (29 октября) в Гомстедте на заседании центрального правления Американской рады угро-русинов Жаткович проинформировал присутствовавших о своих встречах и беседах с Вильсоном и Масариком, из чего было ясно, что он склонился к чехословацкому варианту решения судьбы Подкарпатья. Между тем в эмигрантской печати продолжались споры по этой проблеме.

Этой дискуссии был положен конец, когда на съезде Американской рады угро-русинов 12 ноября 1918 года было принято окончательное решение в пользу чехословацкого варианта. Григорий Жаткович провел решением съезда следующее постановление: «Угро-Русь, сохраняя самые широкие автономные права как держава, объединяется на федеративной основе с Чехословацкой демократической республикой с условием, что нашей крайне должны принадлежать все давнейшие угро-русские комитаты: Спиш, Шариш, Земплин, Абауй, Боршод, Унг, Угоча, Берег и Мараморош»⁷³. Но это было нереально, по крайней мере в отношении пяти названных первыми комитатов, на которые уже раньше предъявили претензии словаки и начали их постепенную оккупацию чешскими легионерами, закончив ее к концу года. За туманными обещаниями Масарик скрывал свои истинные намерения. До конца своей жизни и далее на протяжении всего почти двадцатилетнего господства чехов в Подкарпатской Руси правители Чехословакии уклоня-

лись от переговоров об установлении границы между Словакией и Закарпатьем.

Жаткович в те дни постоянно находился в контакте с Масариком. Президент Вильсон получил от Жатковича сообщение о принятом в Скрантоне решении от 12 ноября и в ответной телеграмме поздравил его с достигнутым «прогрессом на пути удовлетворительного решения».

Однако, чувствуя слабую юридическую основу этого решения, которое может быть на мирной конференции отклонено, президент США предложил подкрепить его плебисцитом «среди всех эмигрантов из Закарпатья». Это было частично сделано в ноябре – декабре 1918 года. Мы уже упоминали об отсутствии в то время в США статистики об иммигрантах по национальному происхождению, численность которых можно оценить по статистике эмиграции на религиозной основе. После отделения греко-католической церкви Подкарпатья от галицкой это можно было заменить религиозной принадлежностью.

Во время раздела греко-католических общин (объединений) выяснилось, что закарпатских приходов из них насчитывалось 1038. Им-то и были разосланы анкеты с вопросом: куда присоединить Подкарпатье – к Чехословакии или Украине? Можно было предлагать и другие варианты. Причем было решено проводить голосование не прямое, а через выборщиков. Мнение 50 человек считалось за один голос⁷⁴.

Этот вопрос многие историки и другие исследователи затрагивали в своих трудах и статьях. Нужно обратить внимание на следующее. Даже по данным, приведен-

ным Магочием, эмигрантов из Закарпатья в то время в США было более 100 тыс. человек. На разосланные анкеты ответило только 418 церковных «объединений» и «соединений», то есть менее 40%.

На протяжении XX столетия многие историки и журналисты пытались разобраться в том, как был проведен референдум и каков его результат. Внимание этой проблеме уделял Хунтер Миллер. Он вел (вместе с Масариком) дела так называемого Союза средневропейских демократических народов⁷⁵. На данных Миллера построил свои выводы английский историк Карлайсл А. Макартни⁷⁶. Специальную статью плебисциту посвятил Иосиф Данко⁷⁷. На этой проблеме останавливался и Виктор Мамати, причем придавал ей преувеличенное значение, считая, что это решение стало определяющим в будущей судьбе народа целого края в Европе⁷⁸. В связи с этим следует обратить внимание и на оценку этих событий некоторыми другими исследователями. Так, Б. Спивак и М. Троян в упоминавшемся труде писали: «По решению Скрантонского конгресса в ноябре – декабре 1918 года была разыграна комедия «плебисцита» среди всех эмигрантов из Закарпатья в США»⁷⁹.

Многие останавливавшиеся на плебисците «всех русинов» в США в конце 1918 года (Петр Гаталак, Карлайсл Макартни и другие), разобравшиеся в технике его проведения и подсчета голосов, удовлетворились заявлением о том, что проголосовали за присоединение Закарпатья к Чехословацкой республике 67% принявших участие в референдуме и 28% проголосовали за присоединение к Украине. Остальные голосовали за присоеди-

нение к России, Венгрии и другим странам, за образование независимого государства.

Но нашлись и такие, кто сам захотел уточнить, как это произошло. Одним из первых среди них оказался Иван Ванат⁸⁰. По его стопам пошел П.А. Петрище, автор параграфа книги названного исследования «Участие закарпатской эмиграции в политическом самоопределении закарпатской общности». В результате они приводят данные, несущественно расходящиеся с данными своих предшественников. К тому же П. Магочий отмечает, что из 1102 респондентов 310 высказались за объединение Закарпаття с Украиной. Каждый школьник может посчитать, что это не 28%, а 29% (то есть все они занизили этот результат на 1%). Петрище не обратил на это внимания, но он взялся пересчитать результаты выборов по данным Ваната и довел результат до 30% (по его мнению, ответов было 1113, из которых 332 – за присоединение к Украине). По сути дела это ничего не меняло, за присоединение к Чехословакии оставалось 67%. Вильсон, как и Жаткович, был доволен этим результатом.

Следует отметить, что автор этого сюжета во втором томе «Очерков» допустил целый ряд неточностей. Так, Петрище пишет, что 13 участников высказались за присоединение Подкарпаття к Прикарпатской Руси, 10 – к России. И далее: «За предложение оставить Закарпатье в составе Венгрии проголосовало 9 человек, а за возможность приобщиться к Галиции проголосовал всего один»⁸¹. Во-первых, как можно приводить эти цифры в сочетании со словом «человек», если извест-

но, что ответы на вопросы анкеты, разосланной по церковным приходам, общинам, центрам, нужно было заполнить от имени каждых 50 человек. Это значит, что 332 поданные за Украину анкеты означали не менее 16 600 голосов. Следовательно, 9 человек не могли голосовать за Венгрию и один – за Галицию. Во-вторых, с каких пор Прикарпатье не Галиция и приводится отдельно? Нельзя согласиться еще с одним утверждением Петрище о том, что это было мнение эмигрантов «не всех», а только «их двух третьих»⁸². В голосовании приняло участие всего около 55 тысяч членов церковных приходов, общин (объединений) греко-католиков из Подкарпаття в США. На деле это лишь две трети из 39%, откликнувшихся на разосланные анкеты, то есть 23% эмигрантов из Закарпаття в США, а не их две трети.

Результаты этого опроса немедленно были доложены президенту США Вильсону и президенту Чехословакии Масарику. Теперь уже можно было игнорировать, не принимать во внимание мнение местного населения, решение съезда народных рад в Хусте.

Поднимал этот вопрос (в своей брошюре) и Валтер К. Ганак (Ханак), ассистент по архивоведению в Техасском университете. (Он участвовал в войне в Корее как летчик в чине капитана военно-воздушных сил Техаса⁸³.) Он привел данные о процентном соотношении на референдуме ноября – декабря 1918 года (те же, что и Макартни), краткий обзор положения Подкарпатской Руси в составе Чехословакии. Но сделал это в духе холодной войны, с целью, чтобы в конце брошюры написать о мерах, предприня-

тых русинами, их организациями в США (насчитывавшими, по его мнению, в то время 250 тыс. человек) против присоединения Закарпатской Украины к Советской Украине (ошибочно полагая, что это происходило в апреле 1945 года)⁸⁴.

Однако манипуляции 1918 года тогда повторить не удалось. Другие были времена. После принятия съездом представителей народных комитетов манифеста о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной в ноябре 1944 года в Ужгороде даже не обратили внимания на усилия, предпринимавшиеся некоторыми эмигрантами в США.

Как реагировали руководители США, Антанты и Чехословакии в условиях конца 1918-го – начала 1919 года, заимев в своих руках такой козырь, как результаты плебисцита эмигрантов из Закарпатья в США? Одной из основных задач собравшиеся в Париже на мирную конференцию лидеры этих стран считали наглухо закрыть Европу от революционных идей, надвигавшихся с востока. Эдуард Бенеш позднее говорил, что союзники и США, учитывая международную обстановку, заранее решили не пустить Россию через Подкарпатье в Среднюю Европу, ибо это было бы опасным для Европы⁸⁵.

18 января 1919 года в Париже президент Франции Раймон Пуанкаре открыл мирную конференцию, председателем которой был избран Ж.Б. Клемансо. Хотя формально в конференции участвовали 27 государств, большинство из них явились фактически пассивными. Все важнейшие вопросы решались «советом десяти», «советом четырех» и «советом пяти».

В «совет десяти» входили главы правительств и министры иностранных дел

следующих стран: США – Т. В. Вильсон и Роберт Лансинг, Великобритании – Д. Ллойд Джордж и А. Д. Бальфур, Франции – Ж.Б. Клемансо и С.Ж. Пишон, Италии – Орландо и Г.С. Соннино, два представителя Японии – Макино и Синда. Совет действовал с января до середины февраля.

С 24 марта начал функционировать «совет четырех», состоявший из глав правительств США, Великобритании, Франции и Италии. По существу на Парижской конференции только три участника – США, Великобритания и Франция – играли решающую роль.

После подписания Версальского договора с Германией от 28 июня 1919 года (к этому времени были обсуждены и основные проблемы мирных договоров с Турцией, Болгарией, Австрией и Венгрией) Вильсон, Ллойд Джордж и Орландо вернулись в свои страны. Окончательная подготовка текстов договоров с союзниками Германии была поручена «совету пяти»: министрам иностранных дел США, Великобритании, Франции, Италии и специальному представителю Японии.

Победители в войне собрались перекраивать карту Европы за счет побежденных.

Чехословакия тоже была приглашена на конференцию в качестве страны, воевавшей на стороне победителей. В Париже ее представлял премьер-министр Карел Крамарж и министр иностранных дел Эдуард Бенеш. Защищать чехословацкие интересы по проблемам Подкарпатья в Париж был приглашен Антон Григорьевич Бескид. Последний оттеснил создателя Любовнянской народной рады священника Евгения Невицкого и в ноябре 1918 года стал играть одну из руководя-

щих ролей в реорганизованной раде, ставшей Пряшевской народной радой. Хотя оба лидера придерживались русофильских взглядов, по поводу дальнейшей судьбы родного края стояли на противоположных позициях. Невицкий продолжал настаивать на присоединении Подкарпатья к Украине. Адвокат по образованию, Бескид один из первых встал на сторону присоединения его к Чехословацкой республике и в январе 1919 года оказался на Парижской мирной конференции как представитель этого края. Для ясности необходимо подчеркнуть, что к этому времени президент Т.Г. Масарик не только пообещал словакам комитаты западнее Ужгорода и часть комитата Унг, в которых проживало около 90 тыс. русинов, но и добился от союзников оккупации этой территории, включая город Ужгород, чешскими войсками.

13 февраля на помощь Бескиду в Париж из США прибыли Григорий Жаткович и Юлий Гардош с документами: резолюцией Скрантонского съезда Американской рады угро-русинов и результатами плебисцита представителей эмигрантов из Подкарпатья. Эти материалы были более чем кстати, если учесть, что в распоряжении чешской делегации были только материалы Свалявской народной рады, но они были составлены так, что их можно было толковать двояко (присоединить к Украине или Чехословакии), а также Пряшевской народной рады, территория которой уже фактически находилась под юрисдикцией Словакии.

Бескид, Гардош и Жаткович были включены в состав Русинской комиссии и не только начали переговоры с Крамаржем и Бенешем, но и заручились под-

держкой личного представителя Вильсона полковника Хауза. Кроме того, ставилась задача склонить на свою сторону поверенного Клемансо дипломата Андре Тарлье.

На Парижской мирной конференции не было ни одного представителя с той территории Подкарпатья (комитатов Унг, Берег, Угоча и Мараморош), судьбу которой предстояло решать. Позиция этих комитатов, судя по решениям местных рад, расходилась с теми предложениями, которые настойчиво проводила чехословацкая делегация.

Вопросы Подкарпатья рассматривались 5 февраля 1919 года Комиссией по чехословацкому вопросу в составе представителей США, Франции, Великобритании и Италии под председательством Жюля Камбона. Этот представитель Франции особое внимание обращал на создание барьера против проникновения России на южные склоны Карпат. На заседании комиссии с докладом выступил Эдуард Бенеш, который изложил проблему Подкарпатья в соответствии с меморандумом № 6, в котором объяснил причину, почему Чехословакия выносит этот вопрос на обсуждение мирной конференции. Он признавал, что эта территория никогда не входила в круг интересов Чехии, но международное положение, революции и гражданская война в России и на Украине не дают возможности присоединить Подкарпатье к ним, поэтому лучшего варианта для освобождающегося из-под венгерского господства края, чем присоединить его на правах широкой автономии к Чехословацкой республике, нет. Хотя это, по его мнению, и будет в тягость Чехословакии, но компенсиру-

ется установлением ею общей границы с Румынией, а через нее и с сербо-хорватословенским государством.

Английский эксперт лорд Артур Бальфур, усмотрев в этом предложении возможность усиления позиции Франции в Юго-Восточной Европе, рекомендовал превратить Угорскую Русь в подмандатную территорию стран Антанты. Председатель на заседании комиссии Камбон промолчал. Оратор от Италии высказался за раздел Подкарпатья между Польшей, Чехословакией, Венгрией и Румынией, что лишило бы русских возможности оказаться на южных склонах Карпат и угрозать Адриатике⁸⁶.

Как показали дебаты в комиссии по чехословацкому вопросу, позиция ее членов, по крайней мере для представителей чешского правительства, была отнюдь не обнадеживающей. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Григорий Жаткович и Юлий Гардош отправились на бывшую родину с целью заручиться более весомыми доказательствами желания местного населения добровольно присоединиться к Чехословацкой республике.

10 марта 1919 года Жаткович появился в оккупированном чешскими легионерами Ужгороде. Он был проинформирован чешской стороной о переменах во взглядах части бывших членов Народной рады русинов (рутенгов) Венгрии, переименовавшейся в Ужгородскую народную раду, и ее переориентации с Будапешта на Прагу. Жаткович обратился к Августину Волошину и его сторонникам с просьбой поддержать присоединение края к Чехословацкой республике. Что касается Ужгородской рады, то сложностей там про-

изойти не могло. Еще в конце января эту раду посетили два представителя пражского правительства, два капитана – Писецки и Ваки, и информировали ее о работе Масарика в интересах Подкарпатской Руси, особенно Американской народной рады русинов. Как свидетельствует Августин Волошин, Ужгородская рада присоединилась к их решению включить Закарпатье в состав Чехословакии⁸⁷. Теперь возник замысел созвать представителей трех основных народных рад (Пряшевской, Ужгородской и Хустской) и их решением подтвердить мнение Ужгородской рады.

Однако события развивались стремительно. 22–23 марта на не оккупированной чешскими и румынскими войсками территории края с центром в Мукачеве была установлена советская власть Руськой Краины в качестве федеративной части Венгерской советской республики.

Созыв народных рад и обсуждение проблем Подкарпатья на мирной конференции в Париже отодвигалось до лучших времен.

Между прочим, падение либерального венгерского правительства Михая Каройи и Ш. Беринкеи было спровоцировано руководителями мирной конференции. 21 февраля 1919 года специальная комиссия во главе с французским представителем Андре Тардье докладывала на мирной конференции в Париже «совету десяти» о венгеро-румынском конфликте. Комиссия предложила отвести как румынские, так и венгерские войска по всей линии их соприкосновения, образовав таким образом нейтральную зону. В эту зону предполагалось ввести войска Франции, Великобритании, Италии

и США⁸⁸. Комиссия Андре Тардые продолжила работу и даже предложила расширить и удлинить нейтральную зону, включив в нее Закарпатье⁸⁹. К тому же еще не был решен Верховным советом Антанты спор между Чехословакией и Румынией, претендовавшими на Русьскую Краину.

26 февраля «совет десяти» принял проект создания нейтральной зоны⁹⁰. Однако после возвращения в Париж Т.В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа выяснилось, что план нейтральной зоны нереален из-за отсутствия у Антанты и США «благонадежных» и свободных войск для ее оккупации. В связи с этим 16 марта Верховный военный совет Антанты принял решение об оккупации восточных частей Венгрии и Подкарпатья румынскими войсками, а западной части Русьской Краины — чехословацкими.

17 марта Т.В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж одобрили ноту венгерскому правительству с требованием отвода венгерских войск с названных территорий и создания нейтральной зоны. 20 марта ее получил (с указанием вручить правительству Венгрии) руководитель военной миссии Антанты и США в Будапеште подполковник Вискс⁹¹.

Венгерское правительство не могло принять ноту из-за потери больших территорий и подало в отставку. Новое правительство социалистов провозгласило Венгрию советской республикой и отклонило ноту Антанты и США⁹².

Советская власть в Венгрии продержалась 133 дня, а на территории Русьской Краины — всего 40 дней и была свергнута в результате скоординированного наступления чехословацких и румынских

войск, закулисным дирижером которого выступали страны Антанты и США. С запада на восток наступали чешские легионеры, а с востока — румынские войска. Они встретились в районе Мукачево — Берегово в последний день апреля.

Утверждения, имеющиеся в исторической литературе, о том, что якобы чехи ждали решения Парижской мирной конференции и только в начале августа 1919 года достигли Берегова (румынские войска оккупировали Берегово еще 27 апреля 1919 года), не соответствуют действительности. Эта версия выдвинута Магочиим и построена на недоразумении. Речь идет об арьергардных боях гвардии Русьской Краины в районе Чопа, отступавшей в глубь Венгрии. К сожалению, эта версия принята и в «Очерках истории Закарпатья», она призвана оправдать военную оккупацию Подкарпатья чешскими войсками.

Во многих комиссиях Парижской мирной конференции затрагивали проблему Подкарпатья. Кроме комиссии по чехословацкому вопросу она обсуждалась на Главной комиссии по территориальным проблемам, в комиссии по Украине, но там ее представителей не признали полномочными говорить от имени населения Подкарпатья.

В своих воспоминаниях Августин Волошин писал, что 8 мая 1919 года в Ужгороде собрались представители трех рад — Пряшевской, Хустской и Ужгородской. Они избрали Центральную русьскую народную раду в составе 30 человек и решили выслать в Прагу делегацию в составе ста человек, чтобы там торжественно провозгласить присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии⁹³.

Сколько было этих «представителей», собравшихся в Ужгороде, точно неизвестно. В исторической литературе для пущей важности приведены данные — «почти 200 делегатов», а в «заседании Центральной руськой народной рады приняли участие почти 1200 человек».

В связи с этим следует обратить внимание еще на одно событие тех дней. 7 мая Станислав, тогдашнюю столицу Западно-Украинской народной республики, посетила делегация участников Хустского съезда (132 человека). В ее составе были: Михаил Бращайко, атаман Евгений Пуза, Н. Немчук (он же Немчук), Степан Клочурак, который в своих воспоминаниях записал: «У нас, особенно на востоке Закарпатья, кроме Украины, другой ориентации не было». С речью выступил Михаил Бращайко. Принял их и президент Е. Петрушевич, которому Бращайко передал одобренную Хустским съездом резолюцию (с требованием к мирной конференции присоединить населенную украинцами территорию Венгрии к Украине). Брат Михаила Юлий Бращайко выехал в Ужгород на совещание, посвященное будущему Угорской Руси. 8 мая в выступлении на заседании Центральной руськой народной рады от ее имени он дал согласие на присоединение территории Венгрии, населенной украинцами, к Чехословакии, «пока на международном форуме окончательно не будет решено дело Украины»⁹⁴.

8 мая и в Париже Совет министров иностранных дел великих держав обсуждал проблему Подкарпатья. На этот раз основную роль играл Артур Бальфур. Обсуждали различные варианты, и остано-

вились на предложении присоединить его к Чехословакии.

На этом заседании даже высказывались рекомендации, учитывая этническую близость словаков и русинов, присоединить Подкарпатье к Чехии даже без автономии русинам. По предложению Жюля Лароша решили не передавать эту проблему на рассмотрение в комиссию меньшинств, а прямо в комиссию по чехословацкому вопросу. С этим согласились С.Ж. Пишон и Роберт Лансинг⁹⁵.

События тех дней освещены в изданиях Ужгорода по работам Борщака и Журавского, а меморандум Бенеша от 17 мая на заседании комиссии по чехословацким вопросам — по монографии Ивана Ваната.

В этом документе русинам уже предлагалась не широкая автономия на федеративной основе (как в Скрантонской резолюции) и не суверенно «независимый штат в Чехо-словацко-руськой республике» (как требовал Григорий Жаткович), а только «значительная» автономия. Эти изменения были выдвинуты Бенешем и сторонниками тех, кто стремился по-прежнему сохранить свое господство над русинами, считая народ чрезмерно отсталым, объясняя это отсутствием у него достаточно подготовленных кадров, которые могли бы справиться с управлением краем. Эти взгляды нашли отражение и в рапорте Гарольда Никольсона «совету четырех», в котором содержалось предложение одобрить меморандум Бенеша. 23 мая Совет министров иностранных дел великих держав рассмотрел рапорт комиссии. С.Ж. Пишон предложил принять ее выводы. В рапорте констатировалось, что, по словам Бенеша, Чехословакия

стремится к федеративному устройству, однако об этом рано говорить, поскольку население республики находится на разных уровнях экономического, культурного развития и национального самосознания. В частности, указывалось, что к самостоятельности не подготовлены карпаторусины: они еще на протяжении нескольких лет не приобретут «достаточной квалификации» и не смогут управлять краем. В это время вместо них править Подкарпатьем придется представителям центрального чехословацкого правительства. Поняв хитрый ход по поводу автономии, Роберт Лансинг потребовал, чтобы «все же, по мере возможности, служащими в Подкарпатской Руси назначались карпаторусины».

Зря беспокоились члены Совета министров иностранных дел. Меморандум Бенеша от 17 мая был составлен таким образом, чтобы можно было обойти любое его положение и не предоставлять автономии русинам на протяжении следующих двух десятилетий. В этом он преуспел.

В меморандуме на первом месте указывалось, что территория южнокарпатских русинов получит наименование, согласованное Чехословацкой республикой с будущим парламентом края. В этом документе, состоявшем из шести пунктов, указывалось, что парламент этого края будет пользоваться законодательным правом в области языка, просвещения, религии и некоторых других, которые сможет передать центральная власть республики в его компетенцию. Но решения его подлежат ратификации президентом республики и утверждению губернатором края, ответственным перед своим парламентом. По всем другим вопросам Руськая

Краина будет подчинена законодательной системе республики. Русины будут избирать своих делегатов в парламент Чехословацкой республики, но они не будут иметь права голоса по вопросам, переданным в ведение местного законодательного собрания. Служащих до сельской категории назначать будет губернатор, а выше — президент, как и министра без портфеля для русинов в пражском правительстве⁶.

Эти положения Бенеша легли в основу доклада Гарольда Никольсона, которому было поручено подготовить для «совета четырех» заключение по этому вопросу. Английский дипломат поддержал чехословацкую позицию. В последней декаде мая проект прошел несколько комиссий, в том числе 23 мая — Комиссию министров иностранных дел. Уже на основе этого в Версальском договоре с Германией от 28 июня 1919 года в статье 81 сказано: «Германия признает, как это уже сделали союзные и объединившиеся державы, полную независимость чехословацкого государства, которое включит в себя автономную территорию русинов к югу от Карпат. Она заявляет о согласии на границы этого государства, как они будут определены главными союзными и объединившимися державами и другими заинтересованными государствами»⁷.

В июле — августе продолжалось обсуждение вопроса края проживания русинов в Комиссии новых государств и высших сферах мирной конференции, и в результате проект Бенеша претерпел некоторые незначительные изменения и в четырех пунктах был изложен в договоре с Чехословакией, подписанном 10 сентября 1919 года в Сен-Жермене. Пункты, ка-

савшиеся Подкарпатской Руси, были следующими:

«Ст. 10. Чехословакия обязуется образовать из территории русинов к югу от Карпат, в определенных главными союзными и объединившимися державами границах, автономную единицу в составе чехословацкого государства и предоставить ей наибольшую степень самоуправления, совместимую с единством чехословацкого государства.

Ст. 11. Территория русинов к югу от Карпат будет иметь особый парламент. Этот парламент будет обладать законодательными правами во всех вопросах, касающихся языка, школы и религии, области местного управления и в других вопросах, которые законы чехословацкого государства могут отнести к его компетенции. Губернатор территории русинов будет назначаться президентом Чехословацкой республики и будет ответствен перед русинским парламентом.

Ст. 12. Чехословакия соглашается на то, что должностные лица на территории русинов будут выбираться, поскольку [насколько] возможно, из числа жителей этой земли.

Ст. 13. Чехословакия гарантирует территории русинов справедливое представительство в законодательном собрании

Чехословацкой республики, в какое собрание эта территория будет посылать депутатов, избранных согласно конституции Чехословацкой республики. Депутаты эти не будут, однако, иметь права голосовать в чехословацком парламенте по законодательным вопросам того же рода, что и вопросы, отнесенные к компетенции русинского парламента»⁹⁸.

Так творцами версальской системы была решена судьба Подкарпатской Руси. Это была единственная попытка из всех договоров, подписанных в окрестностях Парижа, решить проблему путем предоставления территориальной автономии, но и она на практике оказалась пустым обещанием, позволившим чехословацким властям затягивать ее осуществление вплоть до конца 30-х годов. К тому же руководители мирной конференции «оплатили» участие румынских и чехословацких войск в свержении советской власти в Подкарпатье и Венгрии. В результате Румыния получила одобрение «миротворцев» на удержание за собой оккупированных ею в ходе боев 14 украинских сел на левом берегу Тисы, а Чехословакия включила в юрисдикцию Словакии около 90 тыс. человек украинской национальности, компактно проживавших на территории от реки Попрад до Ужгорода.

Глава третья

Советская власть в Руськой Краине

Выше уже отмечалось, что в 1919 году в Подкарпатье советская власть продержалась всего 40 дней. Вслед за отставкой правительства Беринкеи — Каройи, созданием Объединенной социалистической партии и провозглашением Венгрии советской республикой 21 марта 1919 года в течение следующих трех дней советская власть была распространена и в Закарпатье. Эта бескровная революция, ее результаты были поддержаны большинством населения края. Обнищавшее в годы войны и революций, оно надеялось на быстрое улучшение своего положения.

Даже Магочий не смог обойти эту проблему, но писал о ней в основном в негативном плане. Утверждая, что советская власть «не пустила глубоких корней» в массах, что якобы она была установлена только в Берегском округе около Мукачева и так далее, а Гуцульская республика, по его мнению, контролировала большую часть Мараморошского комитата¹. Трудно сказать, чем вызвана такая необъективность — отсутствием у автора материалов, которые позволили бы применить

научный подход, или желанием преднамеренно исказить действительность. Ученые Ужгородского университета М. Троян и Б. Спивак основательно изучили эту проблему и опубликовали совместную книгу². Причем Троян, автор монографии по истории Венгерской коммуны, хорошо знал не только венгерские архивы. Он, житель Мукачева, основательно изучил материалы Мукачевского филиала ЗОГА, собрал и записал воспоминания участников событий и сдал их на хранение в тот же филиал.

Между прочим, Магочий, упоминая проект конституции Руськой Краины, не счел нужным сказать, что первой конституцией в истории Венгрии была конституция, провозглашавшая ее Венгерской федеративной республикой, в состав которой на правах члена федерации входила и Руськая Краина.

Троян и Спивак в своей совместной работе доказали, что в течение трех дней (22–24 марта) советская власть была установлена почти на всей территории Закарпатья. В том числе во всех семи округах Берегского комитата; на всей территории

Угочанского комитата (в трех округах); на большей части Ужанского комитата (в Середнянском округе, частично на территории Великоберезнянского и Перечинского округов – центр обоих временно находился в Турья Реметах); в 37 из 46 сел Великокапушанского округа и частично в Ужгородском округе с центром в Чопе. (Остальная территория Ужанского комитата была оккупирована чехословацкими войсками.) Кроме того, на территории Мараморшского комитата в Хустском, Должанском, Воловском, Тячевском, Тересвянском округах и частично в Тисодолинянском, то есть в тех населенных пунктах, где еще не было румынских оккупационных войск³.

В исторической литературе подробно изучен и описан процесс создания советских органов в Закарпатье. Определяя роль советов, их исполкомов и директориумов (сельских, городских, комитатских), установлено, что в ходе выборов, проведенных в апреле, окружные (в понятии районных) рады избирались представителями сельских рад, а они создавали свои исполкомы. В округах директориумов не было. Уполномоченные окружных рад избирали советы комитатов, а те свой исполком и директориум. Избранные советы по социальному составу не были однородными. Советы комитатов избирали делегатов и на Всевенгерский съезд советов. Членами Всевенгерского исполнительного комитета были избраны семь выходцев из Закарпатья⁴. Историки в своих трудах перечислили поименно почти всех активных участников тех событий всех уровней.

Наименование края – Руськая Краина – сохранилось и при советской власти,

как и личный состав служащих (кроме одиозных фигур). Еще за несколько дней до провозглашения советской власти в Венгрии министр по делам Руськой Краины Орест Сабо, убедившись в невозможности удержать Закарпатье в составе Венгрии, подал в отставку. На его место в должности народного комиссара по руським делам 25 марта 1919 года Революционный правительственный совет Венгрии назначил занимавшего при правительстве Каройи пост губернатора Руськой Краины адвоката Августина (Агоштона) Штефана⁵.

Судя по его публичным выступлениям, в том числе и на заседаниях венгерского правительства, он быстро переориентировался и выступал в духе «истинного» социалиста. (Но он еще долго оставался мадьяроном и только в 1925 году возвратился из Польши, куда бежал, спасаясь от чешских войск, в Чехословакию, где стал депутатом чехословацкого парламента от аграрной партии.) Находясь в Будапеште, он пытался проводить в Закарпатье собственную политику: стремился лишить новые органы власти, избранные на местах в апреле, их полномочий и реанимировать избранное в начале марта, еще при старой власти, собрание в качестве законодательного органа. Он предпринял две попытки собрать его заседание, но из-за крайне правых позиций его членов они закончились безуспешно.

Проявив настойчивость, Штефан на одном из заседаний Революционного правительственного совета Венгрии просил наркомов согласиться с его предложением превратить избранные советы из административных органов в совещательные, которые могли бы только обсу-

ждать вопросы, но не принимать решения⁶. Нашлись у него и сторонники. Штефан просил также заменить окружающих политических уполномоченных, назначавшихся Революционным правительственным советом. В результате этого шага он добился назначения политическим уполномоченным по Мукачеву своего друга и единомышленника Йосифа Каминского. В тот же день он делал доклад на заседании Революционного правительственного совета Венгрии о «всем комплексе русьского вопроса», начиная с исторического экскурса о проживающем там народе, а также о его положении и отношениях к Венгрии. В докладе он информировал о новых назначениях в Русьской Краине после установления диктатуры пролетариата, поднимал вопрос о конституции для Русьской Краины, о необходимости создания русьской гвардии и революционного суда. Для решения территориального вопроса он просил выслать на место комиссию в составе народных комиссаров. По этой проблеме его поддержали ряд наркомов.

После обсуждения доклада Революционный правительственный совет постановил эти частные вопросы решать после подготовки Всеенгерской конституции и уполномочил наркомов по русьским и немецким делам отстранить от должностей не соответствующих им чиновников⁷.

На заседании Революционного правительственного совета Венгрии 26 апреля 1919 года (когда контрреволюционные мятежи в Мукачеве и Берегове были уже в разгаре) Августин Штефан просил, чтобы народные комиссары не вступали в контакт с представителями автономного края без его ведома⁸. Свяzano это было с

проходившими в этих городах арестами мятежников, которых нарком по русьским делам стремился выгородить.

40 дней – это крайне короткий период не только для решения таких масштабных задач, которые выдвигало новое правительство Венгрии (в составе которой оставалось Закарпатье), – смены социально-экономического и политического общественного строя. Революционный правительственный совет в чрезмерном темпе издавал декреты и постановления о замене органов власти, национализации банков и других финансовых учреждений, промышленных и торговых предприятий вплоть до мелких и кустарных. Учитывая опасность, грозившую со стороны стран Антанты и их союзников – Румынии и Чехословакии, он поспешно создавал вооруженные силы на новой основе – красную гвардию и Красную армию, опираясь на уже существовавшую рабочую охрану.

В ходе преобразований в Закарпатье на первый план выдвигалось решение аграрно-крестьянского вопроса. Это было вызвано тем, что в то время около 80% населения края было занято в сельском хозяйстве и лесоводстве. Правительство хотело обойти в сельском хозяйстве демократический этап преобразований и не разделило национализированные и конфискованные помещичьи и церковные крупные и средние имения (свыше 100 хольдов) среди неимущих и бедных крестьян, сельскохозяйственных рабочих, а превратило их в сельскохозяйственные кооперативы. Мотивировалось это необходимостью обеспечения рабочих и армии продуктами питания. Оплата труда работникам кооперативов была

увеличена в несколько раз. Но она всех рабочих не во всем удовлетворяла. Мелкие и средние крестьянские хозяйства оставались в пользовании прежних владельцев, но их хозяйственное положение, подорванное четырехлетней войной, привело к голоду в некоторых горных районах. Обычно в летнее время домашний скот выпасали на полонинах. В собственно Венгрии этот вопрос не был столь актуальным и в масштабе всей страны не решался. В связи с этим в Подкарпатье в некоторых местах, в том числе и в районе Рахова, местные власти взяли инициативу на себя и наделили отдельные села пастбищами.

Промышленных предприятий в крае было немного. Это три химических предприятия по сухой перегонке дерева, несколько кирпичных заводов, табачная фабрика в Мукачеве, мелкие литейные и металлические предприятия, а также предприятия по обработке дерева и шахты по добыче соли. Некоторые из них частично уже находились на территории, захваченной румынскими и чехословацкими войсками. На оставшихся в Русьской Крайне фабриках и заводах делались попытки наладить производство, повысить заработки рабочих, улучшить их положение.

Предпринимались меры для организации новой системы образования, печати, культуры и целый ряд других, встречавших поддержку широких масс населения.

Однако в условиях угрозы интервенции армий соседних государств с целью свержения существовавшей власти основные усилия были направлены на организацию отпора нашествию. В соседних с Венгрией государствах было осуществлено несколько срочных военных меро-

приятий. Правительства Румынии и Чехословакии распорядились строго закрыть границу и пополнить войска, стоявшие на демаркационных линиях. В то же время они обратились с просьбой к странам Антанты помочь оружием и продовольствием. «Для разгрома большевизма прошу поставок оружия, особенно пулеметов и револьверов и необходимых боеприпасов», – 22 марта телеграфировал чехословацкий министр обороны В.И. Клофач в Париж. С аналогичной просьбой обратился он и к итальянскому правительству. Свои просьбы он подкреплял тем, что «Чехословакия чувствует себя в опасности в результате венгерской большевистской революции и вынуждена будет вмешаться»⁹. Так же поступил и премьер-министр Румынии И. Брэтиану. Он получил от Д. Ллойд Джорджа английское военное снаряжение на 100 тыс. человек¹⁰.

В организации интервенции роль инициаторов взяли на себя генералитет Франции, прежде всего командующий Восточной армией французов Л. Франше д'Эспере, а также руководители ее военных миссий в Румынии и Чехословакии. «Франция просит Румынию и Чехословакию сделать все, чтобы связь венгров с украинцами стала невозможной. Союзники уже предприняли нужные меры, чтобы отделить Венгрию от остальной части Европы. Здесь занимаются идеей создания большой международной армии, чтобы при помощи ее воздвигнуть могучий барьер от Балтийского до Черного моря между российским и средневропейским большевизмом»¹¹, – сообщал в Бухарест 25 марта полковник Димитру, румынский офицер связи при штабе Л. Франше д'Эспере.

Во исполнение этого плана уже 29 марта было издано распоряжение В.И. Клофача, содержавшее указание 3-й чехословацкой дивизии под командованием французского генерала Эннока оккупировать Подкарпатье.

Венгерскому правительству было ясно, что для защиты завоеваний социальных свобод нужна надежная боеспособная армия. 25 марта был опубликован декрет о создании Красной армии. Подчеркивая ее классовый характер, в декрете отмечалось, что армия «формируется, прежде всего, из организованных рабочих, включая и находящихся в настоящее время под ружьем воинов-пролетариев». Декрет определил и задачи армии: «все ее воины в равной мере обязаны защищать интересы революционного пролетариата, давать отпор всем его внешним и внутренним врагам, бороться за освобождение мирового пролетариата»¹².

Эти меры были необходимыми. Уже в середине апреля Венгрии была навязана война. 16 апреля с востока в западном направлении начали наступление румынские войска, в том числе из района Сигота (Сигет) в юго-восточной части Подкарпатье. Они с боями продвигались в направлении Тячева, Хуста, Севлюша, Берегова. Им оказывали упорное сопротивление отряды народной гвардии и части Красной армии. Особенно кровопролитные сражения проходили в окрестностях Королева и Великой Копани 20–21 апреля. Обороной Севлюша руководил уполномоченный по Угочанскому комитату С. Кутлан. Мне приходилось в середине 1930-х годов в Севлюше слышать рассказы очевидцев о боях по защите города от наступающих румынских войск под руко-

водством моего учителя Кутлана. Румыны наступали с применением пулеметов и артиллерии. После двух дней кровопролитных боев город и окрестности были сланы. В городе началась расправа над потерпевшими поражение. Часть задержанных была расстреляна. Путь на Берегово и Мукачево был открыт. С 23 апреля от Ужгорода на восток в направлении Мукачева начали наступление чехословацкие войска. Другая группа их направилась на юг, в сторону Чопа, но встретила мощное сопротивление.

Между тем румынские войска 27 апреля с боями взяли Берегово, а на следующий день овладели Мукачевом. 30 апреля в этот город прибыли и чехословацкие войска. Две трети территории Руськой Краины оказалось в руках румынских оккупантов. Народная гвардия и русинская дивизия Красной армии вместе с видными деятелями местных органов власти перед превосходящими силами противника отступили на территорию Венгрии. Воинские части продолжали оказывать сопротивление румынским войскам еще неделю, до 3 мая удерживали Чоп от наступающих чехословацких войск. Таким образом, в начале мая 1919 года все Закарпатье было оккупировано румынскими и чехословацкими войсками. Но отступившие в Венгрию русинские воинские части не сложили оружие. Пополнив свои ряды, русинская гвардия и дивизия вместе с венгерскими частями участвовали в знаменитом наступлении на северо-восток. 21 мая они освободили Мишколц, 5 июня – Шаторалуйхей, прорвали фронт противника и разъединили чешские и румынские армии. В боях за Мишколц участвовали два батальона мукачевской бригады в составе

3-го армейского корпуса. Они принимали участие и в освобождении города Кошице. В битве у Абоша 6–9 июня были разгромлены значительные силы чехословацкой армии. Одновременно (в конце мая – начале июня) отдельный русинский батальон вел бои в районе Требишов – Михайловцы. Его воины освободили эти города и удостоились высокой похвалы главнокомандующего венгерской Красной армии в центральной газете¹³.

В первой декаде июня венгерские войска, в составе которых сражались и закарпатские русины, сравнительно небольшими силами при активной поддержке словацких рабочих заняли ряд городов. 11 июня 1919 года они вышли у Бардеева к вершинам Карпат, не имея перед собой серьезных сил противника. На южных склонах Карпат, в западной части Подкарпатье находились отрезанные от основных сил, к тому же полностью деморализованные чехословацкие части. В Ужгороде восстал считавшийся надежным 66-й пехотный полк чешских легионеров. Он был пополнен мобилизованным местным населением. Большая часть восставших разбежалась¹⁴. Путь для венгерской армии в Подкарпатье и Галицию был открыт. С ее передовыми отрядами, продвигавшимися с юга к перевалам, вступали в контакт партизанские отряды Подкарпатье и Галиции. Одна из поставленных перед наступавшими войсками задач – прорыв созданного единого фронта интервентов – была осуществлена. «Целью освободительных боев, – говорил правительственный комиссар северо-восточного фронта Тибор Самуэли после освобождения Кошице, – является разъединение чешской и румынской армий и осуществ-

вление соединения с русской Красной Армией»¹⁵. Эти события вызвали подъем революционной борьбы в Словакии. В Восточной и значительной части Центральной Словакии создавались местные советы, которые брали власть в свои руки. 16 июня в Прешове была провозглашена Словацкая советская республика.

В период северо-восточного наступления по решению «совета четырех» Ж.Б. Клемансо предъявил венгерскому правительству ряд ультиматумов с требованием прекратить наступление против Чехословакии и отвести венгерские войска за определенную для Венгрии демаркационную линию. Ноты сопровождались то угрозами, то посулами. В конце концов советская власть в Венгрии была свергнута путем правительственного переворота 1 августа.

После свержения советской власти в Русьской Краине в мае 1919 года в Ужгороде на заседании Центральной руськой народной рады было поддержано решение Американской угро-руськой народной рады о присоединении края к Чехословацкой республике. Председателем Центральной руськой народной рады был избран Антон Бескид. Это произошло 8 мая, а 20 мая в Прагу прибыла из Ужгорода делегация в составе 114 человек с целью вручить чешским правителям решение Центральной рады о согласии на присоединение края к Чехословацкой республике. Прием, оказанным делегации в столице Чехии, делегаты были вполне удовлетворены. Об этом свидетельствуют речи, произнесенные в Праге Антоном Бескидом, Григорием Жатковичем (которого Центральная руськая народная рада рекомендовала на пост

министра по делам Подкарпатской Руси в правительстве Чехословакии) и Августином Волошиным. Он в своих воспоминаниях отметил, что из Праги «возвратились домой с надеждой на лучшее будущее»¹⁶.

Ясинская рада заявляла, что она признает только решение Хустского съезда от 21 января 1919 года, то есть присоединение Подкарпатя к Украине. Но Е. Пуза посоветовал ей согласиться с решением Центральной руськой народной рады, чтобы не допустить раздела края на три части.

Положение на Украине и в Закарпатье было сложным. Неоккупированной оставалась пока только Гуцульская республика. 11 июня 1919 года румынский спецотдел из Сигота добрался до Ясиня и начал аресты членов народной рады. Суд приговорил Степана Клочурака к шести месяцам интернирования. Он был освобожден через три месяца из румынской крепости Брашов и уехал на Украину, присоединившись к остаткам петлюровских войск. На Днестре около Могилева командовал сотней (ротой). В своих воспоминаниях он описал беспорядки, анархию, царившие в петлюровских войсках. После Винницы последним общим пристанищем двух украинских правительств – Директории и Западно-Украинской народной республики – был Каменец-Подольский. Как пишет Клочурак, «на главной площади Каменец-Подольска отдал честь атаману С. Петлюре и президенту ЗУНР Е. Петрушевичу. Но через несколько дней наши правительства

и войска разбежались в три стороны». Директория во главе с Петлюрой – к полякам, Е. Петрушевич – к румынам, а галицкая армия – часть к Деникину, а другая – к советской власти. «А мы из Угорской Руси – в свою сторону»¹⁷.

В то время на территории Украины побеждала советская власть. По своему менталитету все лидеры Закарпатя того времени (не считая сторонников советской власти, отступавших с войсками вглубь Венгрии) были воспитаны в основном в клерикальном духе. Они предпочли присоединиться к далекой и неведомой им Праге, веря в обещание автономии, хотя уже тогда многие из них понимали, что эти обещания останутся пустым звуком. Лидеры Закарпатя того периода, священники или выходцы в основном из семей священнослужителей, согласились на долгую (до 1923 года) военную оккупацию края. В 1920 году чешские войска оккупировали всю территорию Подкарпатской Руси. Румыны вынуждены были покинуть захваченную ими часть края по требованию мирной конференции.

По решению Сен-Жерменского мирного договора от 10 сентября 1919 года Подкарпатье было включено в состав Чехословакии на правах автономного края. Но чешским властям удавалось на протяжении двух десятилетий не выполнять взятые на себя обязательства по мирному договору. Они сумели сохранить населенную русинами Пряшевщину (от Попрада до Ужгорода) под своей властью.

Часть вторая

Подкарпатье в составе
Чехословакии

Глава первая

В годы военной диктатуры

Население Закарпатья решение мирной конференции о включении края в состав Чехословацкой республики восприняло в надежде на улучшение своего положения в славянском государстве. Трудности заключались в том, что переход из одного государства в другое и притом из одной общественно-экономической формации в другую — дело непростое. Ситуация осложнялась еще и тем, что переход осуществлялся военным путем, причем двумя государствами — Чехословакией и Румынией. Если население края еще возлагало какие-то надежды на помощь со стороны Чехословацкой республики, то этого нельзя сказать в отношении Румынии — ее войска вели себя грубо, часто прибегали к насилию, репрессиям, подавлению недовольства местного населения. Не уступали им в западной части края и чешские легионеры.

Немного времени понадобилось для того, чтобы населению стало ясно: чешские правители его просто обманули широкими обещаниями.

Еще до Сен-Жерменского мирного договора от 10 сентября 1919 года француз-

ский генерал Эдмон Эннок, подписывавшийся на воззваниях к населению «верховным главнокомандующим Подкарпатской Руси», 6 июня 1919 года своим приказом провозгласил военную диктатуру. Румынские оккупационные войска из восточной части края были выведены только в июне 1920-го, но Эннок 18 ноября 1919 года распространил военную диктатуру на всю Подкарпатскую Русь. В конце того же года Эннока сменил генерал Пари, но военная диктатура в крае сохранилась до 1923 года.

В начале июля 1919-го в Праге президент Томаш Масарик, министр внутренних дел Антонин Швегла и Григорий Жаткович обсуждали ряд нерешенных проблем, в том числе границы между Словакией и Подкарпатской Русью, а также организацию администрации в крае. Совещание проходило не в духе предположений Жатковича, а в духе намерений его партнеров — в основном обсуждалось, как бы уйти от обещаний широкой автономии. Не считаясь с мнением Жатковича, Масарик поддержал Швеглу, и в конце июля Прага прислала в Ужго-

род чешского чиновника Яна Брейха с заданием организовать гражданскую администрацию. Через три недели он уже официально возглавил ее.

Чехословацкое правительство 12 августа учредило для Подкарпатской Руси временную директорию в качестве совещательного органа при военной администрации. Председателем ее был назначен Григорий Жаткович, членами были Юлий Брашайко, Августин Волошин, Ю. Гаджега, К. Проккоп и Э. Тороньский.

Временная директория с совещательными полномочиями взялась за подготовку законопроектов, необходимых для обустройства автономного края. Она пыталась оказывать влияние и на военного диктатора, и на гражданскую администрацию, но успеха не имела, с ее рекомендациями никто не считался. Григорий Жаткович продолжал надеяться, что ему удастся переломить ситуацию, несмотря на то что ему была известна позиция министра внутренних дел. Он рассчитывал на поддержку со стороны президента Томаша Масарика.

В октябре 1919 года А. Швегла вместе с администратором Яном Брейха подготовили проект генерального статута об организации и администрации Подкарпатской Руси. На этом этапе Жаткович вновь проявил активность: он внес в проект значительные поправки, изменения, дополнения и предложения и вручил документ президенту Масарику¹. После незначительных изменений, сделанных рукой президента², проект был утвержден чехословацким правительством, и генерал Эннок с администратором Брейхом опубликовали его в виде воззвания к народу 18 ноября 1919 года.

Председатель русской директории Григорий Жаткович заявил в Ужгороде газете *Közlöny*, что для организации управления русской автономной территорией готовится и вскоре будет опубликован специальный документ – статут³. В нем говорится, что подкарпатский русский народ – народ свободный и Чехословацкая республика взялась за организацию автономного управления в тех делах, в которых, по решению парижского договора, народ имеет право на самоопределение, еще до того, как будет возможность созвать национальное собрание⁴.

В первой части статута изложены положения Сен-Жерменского мирного договора (статьи 10–13), касающиеся Подкарпатской Руси. Во второй части рассмотрены такие проблемы границ русской территории:

- демаркационная линия, разделяющая словаков и русинов, проходит от села Чоп до северной окраины города Ужгорода. Причем так, что железная дорога отходит к Словакии, а территория на восток и город Ужгород на север по реке Уж до Карпат и вся территория на восток от этой линии будет принадлежать к руському государству и считаться русской автономной территорией;
- южная граница Руськой автономной территории определена мирной конференцией так, что граница Венгрии проходит южнее Чопа, а начиная от Чопа железнодорожная линия останется на русской территории вплоть до Мараморош-Сигота. Сам город отходит к Румынии. Далее граница проходит вверх по течению Тисы на север и соответствует границе между Венгрией и Галицией;

- поскольку часть русского народа по решению мирной конференции составляет национальное меньшинство в Словакии, то чехословацкое правительство предложило представителям двух народов договориться о возможности включения компактной русской территории в Словакии в состав территории русской автономии.

В данном вопросе чешские представители кривили душой. Достаточно припомнить, как они с самого начала возникновения вопроса о возможном присоединении Подкарпатья к Чехословакии поспешно и без шума добились согласия стран Антанты и оккупировали территорию проживания русинов на запад от Ужгорода. Они знали, что словаки в этом вопросе русинам на уступки не пойдут. Представители Подкарпатской Руси на протяжении двух десятилетий постоянно поднимали эту проблему, но пражские и братиславские представители оставались на своей позиции.

Часть статута «Наименование, язык и школа» определила, что до решения закононо избранного парламента руськая автономная территория будет именоваться «Подкарпатская Русь». Наряду с этим можно использовать название «Русинско» (по-чешски – Русиния). Документ предполагает, что официальным языком и языком преподавания во всех школах будет язык местного народа. Языком обучения в первых классах школы будет руський, обучение на нем будет продолжаться и в высших классах школы. В высших классах школы будут преподавать и венгерский язык, но обучение руському языку обязательное. Школы венгерского национального меньшинства, как и всех

меньшинств в республике, защищены мирной конференцией договорами о меньшинствах, законами и постановлениями республики.

Для обеспечения порядка и закладки основ нового государства и администрации автономии создается временная директория, которая будет функционировать как совещательный орган. В обобщающем обзоре о Чехословакии от 3 января 1920 года для главного командования венгерской национальной армии сказано: «Председатель Руськой директории малорус д-р Григорий Жаткович. Членами Директории были назначены: малорус Августин Волошин, чех д-р Брейха, майор Евгений Пуза, адвокат из Старой Любовни д-р Эмил Тороньский, адвокат из Хуста д-р Юлий Брашайко и д-р Юлий Гаджега»⁵.

Итак, директория была учреждена чехословацким правительством задолго до принятия генерального статута, она в качестве комиссии занималась вопросами языка, школы, решала административные вопросы, рекомендовала назначить или уволить тех служащих, которым администрация поручила вести дела. Служащих и персонал обслуживания назначал администратор (даже и для директории), они были ему подчинены и перед ним ответственны.

Если администрация и директория не достигли согласия по каким-либо вопросам, то это намечалось предоставить для решения президенту республики или уполномоченному им для этого лицу, исключая администратора. Приговор президента или его уполномоченного окончателен и обязательен к исполнению. До решения дело оставалось в подвешенном

состоянии. Ведомства администрации и директории прекратят свое существование, как только вступит в силу конституция русской автономии, которая будет осуществлена на основе решений мирной конференции.

Выборы членов русского парламента (по предписанию генерального статута) должны были быть проведены не позднее 90 дней после выборов депутатов в парламент Чехословакии.

Деятельность администрации и директории объявлялась временной и преходящей, их права и обязанности не могли рассматриваться прецедентом на будущее⁶.

Подписанное Эдмоном Энноком и подготовленное к печати обращение к населению о генеральном статуте по приказу министра внутренних дел завизировал администратор Ян Брейха.

Правительство Чехословакии в то время было занято подготовкой проекта конституции страны и ее административным разделом. Подкарпатскую Русь сначала поделили на четыре жупы (Ужгородскую, Мукачевскую, Береговскую и Мараморошскую), а позже, в августе 1921-го, был проведен новый административно-территориальный раздел края на три жупы:

- Ужгородскую с центром в Ужгороде и округами Ужгородским, Середнянским, Перечинским и Велико-Бережнянским;
- Береговскую с центром в Мукачеве и округами Мукачевским, Нижне-Верецким, Свалявским, Росвиговским, Иршавским, Косинским, Тисагатским, а также городами Мукачево и Берегово;
- Мараморошскую с центром в Хусте и округами Тячевским, Тересванским,

Велико-Бычковским, Раховским, Хустским, Долганским, Воловским и Велико-Севлюшским.

В связи с подготовкой конституции Чехословацкой республики и выборов в ее законодательный орган директория Подкарпатской Руси пыталась активизировать свою деятельность. Выдвигались требования политического (в том числе пересмотр объявленной границы между Словакией и Подкарпатьем, осуществление автономии) и экономического характера. Чешские власти обходили их стороной, потому что не считали их входящими в компетенцию директории, а администрация Яна Брейха просто игнорировала их.

Не такой представлял свою роль в Закарпатье Григорий Жаткович, отправляясь из США на свою бывшую родину, как получалось на практике. В конце 1919 года генерал Эдмон Эннок был заменен на посту военного диктатора французским генералом Пари. В этой ситуации Жаткович направил чехословацкому правительству письмо с требованием отозвать с поста руководителя администрации Подкарпатья Яна Брейха.

Но премьер не спешил с ответом. В конце января 1920 года директория во главе с ее председателем Жатковичем отправилась в Прагу на встречу с президентом Томашем Масариком и вручила ему свой ультиматум. Основные требования к чехословацким властям сводились к следующему: признать в письменной форме право края на обещанную автономию, подтвердить переход бывшей государственной собственности королевства Венгрии на территории Подкарпатской Руси «в собственность нашего края». Далее предлагалось назна-

чить в составе правительства Чехословакии министра без портфеля по делам Подкарпатья, упразднить существование администрации и директории как отдельных учреждений, назначить временного, но полновластного губернатора с правом назначать служащих автономного края, с титулом советника. После назначения президентом губернатора предлагалось упразднить военный режим⁷.

Пражские власти и на этот раз не спешили, и директория 19 февраля 1920 года подала в отставку.

Через 10 дней, 29 февраля 1920 года, была принята конституция Чехословацкой республики. В ней были зафиксированы основные положения Сен-Жерменского мирного договора, касавшиеся Подкарпатья, с некоторыми редакционными уточнениями в пользу центральной пражской власти. Но это особого значения не имело, поскольку обещание автономии Подкарпатья осталось только на бумаге, осуществлять его на практике власти не собирались. В то же время конституция Чехословакии по своим декларативным заявлениям в период между двумя мировыми войнами была самой демократичной в Средней Европе⁸. Уже ее общие положения обеспечивали населению края, прежде всего в области политической жизни, больше прав, чем у него было в прежние столетия.

В апреле 1920 года в Чехословакии прошли выборы в парламент. Закарпатье в них участия не принимало: не только центральное правительство, но и местная власть в Ужгороде боялись, что недовольное политикой правительства население края может проголосовать против него. Основания для такого вывода безу-

словно были: обанкротившиеся советники администратора, входившие ранее в директорию и Центральную русскую народную раду, знали настроения в народе и проводить выборы не рекомендовали. В условиях голода в горных районах, о чем писал властям Августин Волошин, и экономического кризиса это вообще было рискованно.

Чтобы не оттолкнуть от ориентации на Чехию всех тех, кто способствовал осуществлению чешских планов и замыслов в отношении Подкарпатья в дни решения проблемы на мирной конференции, президент республики решил частично удовлетворить требования посетившей его в январе делегации. Но сделал он это своеобразно. Сначала правительство 26 апреля 1920 года, ссылаясь на конституцию, отменило генеральный статут. На основе этого президент уволил администратора Яна Брейха и вместо него, по предложению правительства, назначил 5 мая временным губернатором Подкарпатской Руси Григория Жатковича. Должность губернатора учреждалась временно — до созыва государственного собрания Подкарпатской Руси. Но этого пришлось ждать не 90 дней после выборов в парламент Чехословакии, как было обещано генеральным статутом, а почти целых два десятилетия.

Одновременно был учрежден пост вице-губернатора, на который был назначен чешский чиновник П. Эренфельд, становившийся непосредственным руководителем всех референций гражданского управления. Он замещал губернатора во всех необходимых случаях (болезни, отсутствия и так далее) и визировал его официальные документы. Споры между

губернатором и его заместителем решались правительством. При этом почта, железные дороги и таможня прямо подчинялись Праге. При губернаторе создавался совет, состоявший частью из выборных, а частью из назначенных представителей, число которых менялось⁹.

Правители нового государства обещали передать местным властям право распоряжаться ресурсами края, но не спешили с этим. На практике они превратили его экономику в источник сырья для Чехии и выгодный рынок сбыта своих товаров. Весной 1920 года особенно сложным было положение населения восточных районов края, где еще сохранялась румынская оккупация. Жители села Грушово в своей жалобе писали: «Румыны грабят, воруют, где только могут... Они говорят нам: если будете принадлежать к Румынии, мы с вами будем вести себя лучше»¹⁰. В том же документе они сообщали, что оставаться в составе Румынии не хотят.

Обстановка в Подкарпатье обострялась еще и тем, что населению стало известно решение пражских властей не проводить в крае выборы, хотя там уже проходил бурный процесс создания политических партий (об этом будет сказано ниже). Некоторые из уже существовавших партий считали оскорбительным для населения края надуманный тезис, что якобы оно не подготовлено к выборам из-за своей отсталости. Но выборы в крае уже проходили в дни советской власти – в апреле 1919 года, проходили они и до того, даже в период правления Михая Каройи. Население разделяло мнение местных руководителей, сообщавших в Прагу о повсеместном росте

недовольства чешским правлением, послужившем поводом для отказа в проведении выборов в крае. В марте – апреле 1919 года в Руськой Краине создавались массовые организации Объединенной социалистической партии, которые частично уцелели и после свержения советской власти, в нее входили все члены профсоюзов. Эти организации послужили основой создания Международной социалистической партии Подкарпатской Руси.

Недовольные политикой правительства республики народные массы края во всех городах и крупных населенных пунктах 1 мая 1920 года вышли на улицу и приняли участие в демонстрациях, митингах, шествиях, протестуя против военного режима. Обстановка усложнялась переброской в Подкарпатье дополнительных карательных частей. Среди волны демонстраций, прокатившейся по всему краю от Ужгорода до Ясиня, выделялись митинги в Ужгороде, Мукачево и Свалявском округе. В митинге в Ужгороде участвовало около 10 тыс. человек, в том числе и крестьяне окрестных сел. Ораторами были местные лидеры – Иван Мондок и другие. На митинге в Мукачево присутствовали представители Праги и Кошице. В Поляне собралось более 8 тыс. участников митинга из Свалявского округа. На этом митинге выступили лесоруб И. Коштура и венгерский по происхождению писатель из Подкарпатья Бела Иллеш. На этих и многих других митингах выдвигались требования политического характера не только в отношении чешских властей, но и в защиту Советской России, с осуждением белого террора хортистов, бушевавшего в то время в Венгрии¹¹.

Время для назначения Григория Жатковича губернатором в разгар бурных событий никак нельзя было назвать благоприятным. Протесты против пражского правительства не стихали, поэтому он не спешил из Праги на место назначения, тем более что противники чешского военного режима использовали в пропаганде и сам факт назначения Жатковича губернатором.

18 июня он выехал из Праги в Ужгород. В тот же день в Подкарпатской Руси началась забастовка не только против чешских властей, но и против прибытия Жатковича, вскоре переросшая в первую в истории края всеобщую забастовку. На следующий день губернатор прибыл в Ужгород. Фабрики и заводы не работали. Закрыты были все лавки. Город, как и вся область, выглядел вымершим. Нового губернатора встретили военный диктатор, администратор и небольшая группа сторонников Августина Волошина и СДП. Жаткович был одним из инициаторов движения русинов в США за присоединение Подкарпатя к Чехословакии. Это давало ему основание надеяться на поддержку со стороны властей Праги, от которых он добивался обещанной для Подкарпатской Руси автономии. Она, по его представлению, должна была быть похожа по правам, которыми следовало наделить Подкарпатскую Русь, на штат в США, он надеялся использовать все хорошее, что было тогда в Америке, и перенести это на почву Русинии, как нравилось ему называть этот край. Но Григорию Жатковичу пришлось разочароваться — все это не входило в планы Томаша Масарика. К тому же ко времени назначения Жатковича на должность гу-

бернатора часть его сторонников в Подкарпатье (особенно из бывшей Пряшевской народной рады), в том числе Антал Бескид, с которым они вместе отстаивали чешские интересы в Париже, отошла от него. В оппозиции к новому губернатору оказался и другой сторонник русофильского направления в Центральной русьской народной раде — Андрей Гагатко, эмигрант из Галиции.

Международная социалистическая партия Подкарпатской Руси, обсудив создавшуюся ситуацию, приняла решение 20 июня прекратить забастовку протеста. Однако борьба не прекратилась: в июле — августе она была направлена на поддержку Красной армии Советской России, воевавшей против Польши. Ее передовые части уже были под Львовом и Варшавой.

Обстановка в Чехословакии обострилась до предела в декабре 1920 года. Тогда правящая коалиция поддержала правых из социал-демократической партии, которые вели спор внутри партии с «марксистской левой» по вопросу раздела партийного имущества. В городах Чехии пролилась кровь, в столкновениях с полицией и войсками погибли 13 человек. Власти, напуганные возможностью свержения существующего строя, прибегли к широкомасштабным репрессиям — было арестовано больше 3 тыс. человек. В Подкарпатской Руси вновь вспыхнула всеобщая забастовка в знак солидарности с чешскими рабочими. Она длилась с 16 по 21 декабря. Участники ее требовали отставки правительства Я. Черни, приказавшего применить оружие против рабочих, и настаивали на уходе Жатковича с поста временного губернатора Подкарпатской Руси¹².

В этих условиях Жаткович, убедившись в том, что чехословацкие власти его просто обманули и не собираются предоставлять краю обещанную автономию и решать другие спорные вопросы, 16 марта 1921 года подал в отставку и после ее оформления 13 мая выехал в США¹³. В течение последующих двух лет обязанности губернатора выполнял чех Петер Эренфельд. В августе

1923 года был назначен новый, уже постоянный губернатор Антал Бескид, который занимал этот пост 10 лет, до конца своей жизни, «почти ничего не делая»¹⁴, как писал о нем Магочий. Чешским властям такой губернатор и был нужен.

Обострение внутривластной борьбы в Чехии откликлось и в восточной ее провинции.

Глава вторая

Восстановление и расширение деятельности партий в Подкарпатской Руси

Толчком к восстановлению и расширению деятельности партий в Подкарпатье послужила подготовка к выборам в Национальное собрание Чехословакии в первой половине 1920 года. Начавшийся процесс возрождения партийно-политической деятельности был нелегким. Революционные события, потрясавшие республику в первые годы ее существования, с одной стороны, способствовали этому процессу, а с другой — сохранившаяся в крае военная диктатура тормозила ее. Как свидетельствуют факты, чехословацкие власти боялись сохранявшихся в Подкарпатье провенгерских настроений, открыто поддержанных извне хортистами — пришедшими к власти в Венгрии сторонниками бывшего адмирала австро-венгерского флота Миклоша Хорти. Они открыто заявляли о намерении восстановить «Великую Венгрию» в довоенных границах, то есть отторгнуть от Чехии Словакию и Подкарпатскую Русь. Причем в Чехословакии они опирались не только на венгерскую ирреденту, но и на определенные местные слои полумадьяризованной интеллигенции. Сле-

довательно, у пражских властей было основание для беспокойства.

Как упоминалось выше, в Подкарпатской Руси первыми начали возрождаться в конце 1919 года созданные при советской власти организации Объединенной социалистической партии. В марте 1920-го она была оформлена в новую партию под названием «Международная социалистическая партия Подкарпатской Руси». Эта партия протестовала против срыва выборов в Подкарпатье правителями Праги и деятелями из Центральной русской народной рады, видя в этом проявление недоверия населению края. Эта партия стала самой влиятельной и многочисленной партией восточной провинции республики. Способствовали этому и многие опытные деятели бывшей Социалистической партии Венгрии, спасавшиеся от хортистского белого террора в Подкарпатье, включившиеся в работу по созданию Международной социалистической партии. Именно эта политическая организация стала вдохновителем трех всеобщих забастовок в крае на протяжении одного 1920 года.

В марте 1921-го Международная социалистическая партия Подкарпатской Руси объединилась с Коммунистической партией Чехословакии и образовала краевую организацию этой партии. С тех пор ее деятельности способствовал еще больший успех.

Социал-демократическая партия в Чехословакии с самого образования занимала важное место в партийной жизни страны. На выборах в Национальное собрание в апреле 1920 года она получила 75 мандатов из 300 (собрал в Чехии и Словакии 1,5 млн. голосов). В Подкарпатской Руси социал-демократическая партия была образована 16 мая 1920 года путем слияния существовавших к этому времени на национальной основе русьской, венгерской и еврейской партий такого же названия. Возглавил ее бывший депутат австрийского райхсрата от Галиции Я. Остапчук. Среди членов руководства были уже такие известные в политической жизни края деятели, как Е. Пуза, Степан Клочурак, Василий Климуш и другие. Это была партия рабочего класса и части интеллигенции, руководители которой придерживались реформистских взглядов и линии II Интернационала. Партия издавала газету «Народ», а позже – «Вперед», по-венгерски «Előre».

Лидеры распадавшейся Центральной русьской народной рады стали организаторами других партий, часть из которых с самого начала носила характер оппозиционных по отношению к центральной власти. Среди них выделялась Карпато-русская трудовая партия, созданная в июле 1920 года деятелями Центральной русьской народной рады русофильского направления Андреем Гагатко и Иларио-

ном Цуркановичем при участии Константина Прокопа и Юлия Гаджеги. Печатным органом партии был еженедельник «Русская земля».

Тогда же, в июле 1920-го, в Ужгороде Руськая народная партия была переименована в Руськую хлеборобскую партию. Среди видных ее учредителей были Юлий Бращайко и Августин Волошин. Брат Юлия Михаил Бращайко редактировал ее газету «Руськая нива».

В апреле 1920 года была создана еще одна партия аналогичного названия – Подкарпатский земледельческий союз, – рассчитывавшая на поддержку зажиточного и среднего крестьянства. В числе ее организаторов следует прежде всего назвать Михаила Демко и Иосифа Каминского. Но тут же среди руководителей окружных организаций уже встречаются будущие ее руководители Иван Куртык и Андрей Бродий. С политической позицией одного из них, Куртыка, читатель мог уже познакомиться по его выступлению на Хустском съезде 21 января 1919 года, где он выступал за сохранение Подкарпатья в составе Венгрии.

В это время в восточной части республики начали возникать филиалы чешских партий. Самым значительным из них был филиал аграрной партии, руководителем которого в Подкарпатской Руси стал Эдмунд Бачинский.

Созданные в крае партии имели довольно подробные программы. Как правило, все они в политической области выдвигали на первое место необходимость выполнения решений Сен-Жерменского мирного договора – предоставления краю самой широкой автономии, установления справедливых границ со

Словакией, проведения выборов в местный парламент.

Затем следовали проблемы, решение которых волновало большинство населения края. Но здесь единства взглядов не было. Одни партии требовали раздела крупнопоместных, государственных и церковных земель среди безземельных и малоземельных крестьян безвозмездно (коммунисты), другие предлагали выкупить земли у крупных владельцев (агрии), третьи упоминали о проблеме в общих фразах, не желая раскрывать своих истинных целей (Подкарпатский земледельческий союз, ПЗС).

Некоторые партии поднимали языковой и национальный вопросы. Одни (партия Гагатко) требовали решить их однозначно: население Подкарпатья русское, и официальным языком обучения в школах и в учреждениях должен быть русский. Партия Брацайко — Волошина отстаивала русский (малорусский) язык, под которым подразумевался украинский¹.

Картина партийной жизни была бы неполной, если не напомнить, что кроме этих партий создавались партии в отдельных селах и городах, скоро сходявшие с политической сцены, а также целый спектр их был образован венгерским и еврейским национальными меньшинствами. Подкарпатье было многонациональным краем: по чехословацкой переписи 1921 года в Подкарпатской Руси проживало русинов, русских и украинцев 372 500 человек, более 70% населения. В то же время там насчитывалось 103 690 венгров, 79 715 евреев, 19 755 чехов и слова-

ков, немногим более 10 тыс. немцев и столько же румын².

Одной из первых венгерских партий в Подкарпатье чехословацкого периода была создана Партия венгерского права. Возглавил ее Эндре Корлат. Партия издавала ежедневную газету *Kárpáti Magyar Hírlap*. Почти одновременно возникла партия мелких сельских хозяев под руководством Кароя Хокки. Ее печатным органом был *Natárosi Újság*. Третья партия была создана бывшим венгерским офицером А. Арки под названием Автономная партия автохтонов, она издавала газету *Óslakó*. Все эти партии на начальном этапе сотрудничали между собой, а затем объединились в одной венгерской партии во главе с Эндре Корлатом, которая продолжала издавать все три газеты. Лидер ее пока осторожничал и вел себя лояльно по отношению к пражскому правительству.

Самый высокий процент среди жителей Мукачевы составляли евреи. Там была создана сионистская партия под руководством доктора Шпигеля. Он издавал газету на венгерском языке *Zsidó Néplap*. Ортодоксальная еврейская партия действовала в Ужгороде и объединяла в основном работников торговли, руководили ею К. Вайс и Г. Райзман, тоже выходцы из этой среды. Еврейская гражданская партия первоначально была создана в Севлюше, во главе ее сначала стоял Гутман. Она действовала среди самых зажиточных слоев этого национального меньшинства³.

Так выглядела политическая карта Подкарпатья в годы чехословацкой военной диктатуры.

Глава третья

Планы хортистской Венгрии в отношении Подкарпатья

Миклош Хорти еще только «обособился» в Шиофоке, провозгласив себя главнокомандующим венгерской национальной армии, не будучи регентом, а в его штабе «главного командования» уже разрабатывалась авантюристическая концепция внешней политики хортистов. Это была «Памятная записка» от 23 октября 1919 года для премьер-министра и министров иностранных и военных дел. В ней отражены планы, направленные на восстановление «Великой Венгрии»: вернуть потерянные в результате войны территории (в том числе и Подкарпатскую Русь) путем войны против соседних стран, и предпринята попытка определить круг возможных союзников¹.

Хорти и позже, в том числе в 1920 году, вынашивал планы войны против Чехословакии. Его поддерживала Польша. Но если требования установления венгеро-польской границы в основном высказывались с польской стороны тогда еще только в печати, то венгерским правительством они были изложены и в «Памятной записке» от 8 февраля 1920 года, которую венгерская делегация вручила

Парижской мирной конференции. В ней, ссылаясь на «большевистскую опасность», выдвигалось требование возвратить Венгрии Подкарпатье и восстановить венгеро-польскую границу, проведя в Подкарпатской Руси и Словакии плебисцит². Эти открытые притязания сопровождались тайными дипломатическими акциями. В частности, в дипломатической переписке с Польшей Хорти обещал полякам не только оружие и боеприпасы для борьбы против Советской России, но и венгерские войска, в том числе 30 тыс. гусар. Однако в конце концов Франция не дала свое добро, ссылаясь на позицию Чехословакии и Румынии, которые не согласились пропустить через свою территорию венгерские войска. Несколько позже венгерский премьер-министр Пал Телеки известил посланника в Варшаве о решении создать в составе польской армии неофициально военный отряд³. Переговоры по этому вопросу велись до октября 1920 года с целью заручиться поддержкой Польши в захвате Словакии и Подкарпатской Руси, но безрезультатно.

Ратификация венгерским правительством мирного договора вызвала недовольство крайних правых националистов. Один из руководителей белых банд Пал Пронаи готовил военное нападение на Чехословакию с целью захвата Словакии и Подкарпатской Руси. Начало его было намечено на 24 декабря 1920 года⁴, но Миклош Хорти и Пал Телеки помешали ему — они склонялись к плану совместных действий с Польшей и надеялись вновь договориться с Ю. Пилсудским. Хотя крайние националисты и в последующие годы не отказывались от планов насильственного захвата Словакии и Подкарпатской Руси, но к концу 1920 года стало ясно: осуществить эти планы в то время таким путем было невозможно.

Однако мысль реванша не покидала регента Хорти все время между двумя мировыми войнами, менялась только тактика в достижении этой цели. В доверительной беседе с временным поверенным в делах Польши в Венгрии Лазаревским Хорти откровенничал: «Я человек верующий, но как венгр, готов сегодня связаться с дьяволом, если он мне поможет достичь моей цели»⁵. В качестве примера он привел слова, сказанные ему Бетленом после визита в Анкару: «Кемаль связался с большевиками. Представление у него о них то же самое, что и у нас с вами, — продолжал Хорти. — Но те большевики дали Кемалю все, когда был голым и ничего не имел (от ремня до орудий), и Турция теперь им благодарна за свое существование и в дальнейшем обеспечит им надежный тыл».

Правители Венгрии развернули особенно сильную агитацию и пропаганду за возвращение утерянных территорий вну-

три страны. Создавались различные реваншистские организации, сочинили молитву для школьников «Верую», заканчивавшуюся словами: «Верую в Воскресение Великой Венгрии», которой начинались и заканчивались занятия, а в некоторых школах — и каждый урок. Выдвинули лозунг «Нет, нет, никогда!», отпечатали плакаты и листовки и заполнили ими всю страну. Этот лозунг означал, что Венгрия никогда не согласится с территориальными потерями.

Хортисты в своей пропаганде широко использовали выходцев из Подкарпатя, оставшихся в эмиграции в Венгрии, некоторых из них мы уже упоминали. Бывший начальник комитата Берег Миклош Куткафалви в августе 1919 года в Будапеште основал «угро-рутенскую партию» и от ее имени посылал петиции на Парижскую мирную конференцию, а затем и в Лигу Наций. В начале 1922-го в венгерской печати сообщалось: эта партия «провела совещание под руководством Миклоша Куткафалви и хочет доказать Бенешу, что Подкарпатская Русь насильственно оторвана от Венгрии и присоединена к Чехословацкой республике»⁶.

В первой половине 20-х годов венгерское правительство широко не рекламировало за рубежом свои далекоидущие планы. В уже упоминавшейся беседе Хорти с польским представителем венгерский правитель говорил: «Общая граница с Польшей — это проблема для нас кардинальная. Над ней надо работать, а говорить о чем-то другом. Открытая постановка ее могла бы создать преграды»⁷. После подписания договора о дружбе и арбитраже между Венгрией и Италией в 1927 году положение изменилось: Вен-

грия вышла из внешнеполитической изоляции и началась открытая пропаганда пересмотра границ, установленных Трианонским мирным договором.

21 июля 1927 года в английской газете «Дейли мейл» (Daily Mail) вышла статья под названием «Место Венгрии под солнцем». В ней владелец газеты лорд Герольд Сидней Ротермир писал о необходимости пересмотра Трианонского мирного договора и подчеркивал, что безопасность Центральной Европы может быть обеспечена только путем изменения границ, установленных этим договором⁸.

Германский консул в Кошице одно из своих донесений в Берлин посвятил взглядам руководителей венгерского меньшинства в Чехословакии на проблему Карпатороссии. Он сообщил, что один из руководящих членов Венгерской партии Чехословакии заявил, что правящие круги Венгрии убеждены — помочь тяжелому экономическому положению в Подкарпатской Руси можно только путем далекого урегулирования границ между Чехословакией и Венгрией, подразумевая под этим передачу Подкарпатъя Венгрии⁹.

Особое внимание на эту статью обратили германские дипломаты. Первое сообщение о статье лорда Ротермира в Daily Mail «Место Венгрии под солнцем» в МИД Германии поступило от немецкого посланника в Софии 22 июля 1927 года. Затем аналогичная информация прибыла в Берлин из Лондона (30 июля), из Будапешта (2 августа), из Праги (12 августа). Посланник Германии в Праге, ссылаясь на статью в местной газете Venkov, предположил, что этот материал написан в Будапеште, а лорд Ротермир только подписал его.

Отражавшая взгляды словацких клерикалов из Народной партии газета Slovak писала, что Глинка, Егличка и другие «тянут к Венгрии», то есть фактически выступают за передачу Фелвидека Венгрии¹⁰.

2 августа 1927 года германский посланник доносил из Будапешта об основании в этой стране Венгерской ревизионистской лиги под влиянием акции Ротермира¹¹. 27 июля германский посланник в Праге информировал Берлин о заочной дискуссии в чехословацкой печати между лордом Ротермиром и Эдвардом Бенешем. Он обратил внимание МИДа своей страны на то, что чешская пресса остро нападала на лорда Ротермира¹². В то же время в донесении немецкого посланника в Варшаве от 25 августа в связи с выступлением Ротермира приведена цитата из газеты Warszawianka, констатировавшей, что отношения Польши с Венгрией «выдержаны в духе традиционной дружбы»¹³. Консул Германии в Братиславе 1 сентября сообщил о позиции отдельных партий в отношении этой акции: Словацкая народная партия поддержала инициативу Ротермира, а остальные словацкие и чешские партии образовали единый фронт против него. Венгры — национальное меньшинство в Словакии и Подкарпатской Руси — разделились, одни были «за», а другие — «против». Евреи «против» Ротермира, а немцы — «за». Автономный земледельческий союз Закарпатья также выступил в поддержку Ротермира¹⁴.

3 сентября 1927 года руководитель германского консульства в Кошице информировал свое руководство о прошедших в городе протестах против «акции Ротермира»¹⁵.

Вместе с тем 20 октября посланник Германии в Будапеште Ханс Шён сообщил в свое министерство в Берлине о том, что венгерский премьер-министр Иштван Бетлен после летних каникул провел первую конференцию Партии единства, на которой в качестве главных обсуждались вопросы об отношении венгерского правительства к акции Ротермира и ревизии Трианонского мирного договора. Премьер Бетлен утверждал, что Ротермир принял свою инициативу, не будучи в контакте с венгерским правительством¹⁶.

Однако МИД Германии имел основания усомниться в этом, опираясь на полученную 15 февраля 1928 года информацию берлинского посланника в Лондоне. Немецкий дипломат сообщал об опубликованной в Daily Mail серии статей съездившего в Венгрию публициста Роберта Дональда, направленных против Чехословакии, в поддержку акции Ротермира в пользу Венгрии¹⁷.

После подписания договора о дружбе и арбитраже с Италией в 1927 году в Венгрии усилилась открытая пропаганда пересмотра границ, установленных Трианонским мирным договором. Венгерское правительство сочло возможным выступить с требованием восстановить Венгрию в границах «государства святого Иштвана», то есть фактически добиться возвращения потерянных в войну и отошедших к соседним странам территорий, по величине в два раза превышавших саму Венгрию.

В конце 20-х – начале 30-х годов Венгрия в союзе с Италией вела военные приготовления для достижения своих целей, но чтобы «не дразнить соседей», выступала с идеей «мирного» осуществле-

ния намеченных планов. В то же время регент Венгрии со своими военными серьезно готовили нападение на Чехословакию с целью овладения Фелвидеком, то есть Верхним краем – под этим термином тогда понимали Словакию и Подкарпатскую Русь¹⁸.

Одна из венгерских газет утверждала, что у Венгрии в Англии два хороших друга: палата лордов и «Дейли мейл». В ходе дискуссии депутат-консерватор Виктор Казалет поддерживал ревизионистскую политику Венгрии: «Я думаю, что сейчас положение для мира в Европе столь несправедливо и опасно, что всеобщая ревизия венгерских границ не заставит себя долго ждать»¹⁹.

В Daily Mail в августе 1928 года была опубликована новая статья, в которой говорилось, что с Венгрией поступили несправедливо. Те обещания, которые содержались в письме Мильерана²⁰, при помощи которого Венгрию склонили подписать Трианонский договор, не выполнены²¹. В мае – июне 1929 года председатель Венгерского национального союза²² барон Жигмонд Перени совершил поездку в Англию, где пробыл две с половиной недели. Он устанавливал контакты с политическими деятелями, поддерживавшими венгерские устремления, направленные на ревизию границ, установленных в Трианоне. Среди них был и лорд Ротермир. После возвращения из поездки в Лондон Жигмонд Перени заявил представителям печати, что теперь уже «вопрос венгерской ревизии попал на благоприятную почву»²³.

В 1930 году венгерская печать часто обращалась к проблеме ревизионизма. Когда вышла первая книга на француз-

ском языке Антала Улейна, посвященная проблеме «упорядочения» Трианонского мирного договора, была опубликована большая статья в газете «Мадяршаг». В ней приведены слова профессора Сцелла: «Каждое правительство имеет право путем переговоров проводить политику пересмотра мира». Автор статьи французский профессор Лонс Виллат в заключение отмечает, что венгры не отказались от идеи тысячелетней империи Святого Иштвана, от «Великой Венгрии»²⁴.

«Турецко-венгерская дружба» — так озаглавлена передовая статья, посвященная пребыванию премьера Иштвана Бетлена в Турции. Его большим достижением стало то, что вслед за Муссолини в Анкаре раздалась голоса за пересмотр Трианонского мирного договора, а это приближает трианонских венгров к ревизии мирных договоров²⁵.

В июле 1930 года в газете *Dzien Polski* опубликована статья, в которой подробно говорится о политике чехов в Подкарпатской Руси. Поводом послужил выход книги Фердинанда Герандо²⁶. В ней утверждалось, что в результате этой политики там распространяется коммунизм и украинизм, а последний очень опасен для Польши, ибо мог бы привести к отторжению от нее Восточной Галиции. Автор статьи привел фрагмент из этой книги, в котором содержалось ранее опубликованное профессором Пражского университета Бидло²⁷ высказывание руководителя Чехословакии о том, что Подкарпатская Русь только временно принадлежит Чехословакии и в свое время будет присоединена к Украине. Автор статьи по этому поводу высказал свое мнение: «Если так, то нам нужно заявить: Рутенфёлд надо вернуть Венгрии»²⁸.

Венгерскую сторону, проводившую политику, направленную на воссоздание «Великой Венгрии», беспокоила позиция правительства СССР. Еще 28 октября 1924 года из Мишкольца доносили в Генштаб Венгрии о заявлении наркома иностранных дел СССР Георгия Чичерина на заседании исполкома. Его суть такова: положение Советского Союза упрочилось тем, что многие государства признали его де-юре. На это не оказывает влияния то обстоятельство, что Чехословакия с этим все еще опаздывает. Тем более что Россия не признала аннексию Закарпатье и не склонна признать этого и в будущем, как и никогда не успокоится в аннексии Бессарабии²⁹.

В то же время в 1930 году в венгерской печати подняли вопрос о руководящей роли венгров. Журналист Шандор Петё опубликовал в газете «Мадяршаг» статью по этой проблеме. В полемику с ним вступила газета премьер-министра Чехословакии *Česer*. В ней было сказано, что Петё писал: история дала венграм власть над другими народами на вечные времена. В защиту своего автора венгерская газета опубликовала ответ. Она утверждает, что статью Петё исказили, ибо он писал только о Дунайском бассейне, а это совсем другое дело. Там, исходя из численного соотношения, материальной, моральной и культурной силы, а также из-за географического положения венгерской нации принадлежит руководящая роль. Однако это далеко не означает угнетения, порабощения или уничтожения других народов³⁰.

Как видно из вышеприведенных материалов, Польша, исходя из своих интересов, поддерживала венгерские террито-

риальные притязания, прежде всего к Чехословакии. В июне 1931 года выходящая в Катовице газета *Polska Jutrzejka* («Завтрашняя Польша») опубликовала статью, посвященную Подкарпатской Руси. В ней, по ее утверждению, «сейчас все более широкий размах набирают бедность, голод и большевизм», ибо чехи так ведут себя с населением, «как с неграми африканских колоний». Так искажали положение дел польские журналисты в угоду венграм. А венгерская печать сообщала об этом с восторгом в статье под заголовком «Поляки требуют общей венгеро-польской границы»³¹ (то есть передачи Подкарпатья Венгрии).

Венгерские ревизионистские требования в определенной форме преподнес в ноябре 1933 года бывший премьер-министр граф Иштван Бетлен в докладе в Англии. Прежде всего он потребовал без всяких условий присоединить к Венгрии населенные венграми пограничные территории соседних государств. А словакам и рутенам (то есть подкарпатским украинцам) предоставить такую автономию, которая дала бы им возможность самим решить свою судьбу при международном контроле, надеясь, что те прого-

лосовали бы за свое присоединение к Венгрии. Трансильвании он предлагал обеспечить самостоятельность при полном равноправии проживающих там народов. В Бачке и Банате он высказывался за проведение плебисцита, как на таких территориях, где после турецкого господства нет национальности, которая составляла бы большинство³².

Английский историк Макартни, открыто поддерживавший политику хортистов, сразу после Второй мировой войны опубликовал книгу, посвященную Дунайскому бассейну, в которой размышлял: «Опыт последних десятилетий показал, что в Восточной Европе только те планы могут претендовать на успех, которые учитывают интересы всех народов, а не только избранных. Не только Австро-Венгрия распалась, но развалился союз Чехословакии, Румынии и Югославии, несмотря на то что он опирался на французскую армию и благосклонное отношение к нему Лиги Наций»³³.

В последующие годы, особенно после прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера, тактика хортистов по проблеме ревизии границ, установленных в Трианоне, продолжала меняться.

Глава четвертая

Социально-экономическое положение

Население Подкарпатской Руси в годы военной диктатуры и экономического кризиса (1919–1923) не могло почувствовать улучшения от замены венгерского господства на чехословацкое. Меры, предпринимаемые в области просвещения и культуры, тоже не проявлялись немедленно. Надежда на улучшение материального положения четырех пятых населения, которые фактически продолжали прозябать в нищете, не сбывалась.

Во втором томе «Очерков» по истории Закарпатья к лучшим частям книги относятся главы, написанные В.И. Илько в соавторстве со своим сыном и А.В. Хлантой. Они опираются на солидное научное исследование, защищенное в качестве докторской диссертации. Имеются в виду прежде всего главы, относящиеся к состоянию промышленности и сельского хозяйства в Подкарпатской Руси в 1920-х – начале 1930-х годов¹.

Как указывалось выше, чехословацкое правительство не реагировало на требования политических деятелей Подкарпатья передать во владение автономного

края государственную собственность бывшего венгерского королевства. Более того, оно сделало все возможное (издав в 1920 году постановление о нострификации) для перехода в руки чешского финансового капитала и частного имущества иностранцев, имевшегося долями почти во всех отраслях народного хозяйства. Так, в собственности чешских предпринимателей, финансового капитала и иностранцев находились: три химических завода, почти все деревообрабатывающие предприятия, мебельные фабрики, спичечная фабрика и другое имущество². На протяжении всего периода господства чехов в крае не было построено ни одного промышленного перерабатывающего предприятия. Край рассматривали как базу сырья для чешской промышленности и рынок сбыта чешских товаров.

На страницах, отмеченных в сноске, авторы дважды обращаются к такому факту: из шахт в Солотвине, которые чехословацкое государство прибрало к своим рукам, временами обеспечивали солью всю республику. Но власти не поставили на месте добычи соледобывальную мель-

ницу, а вывозили соль за многие сотни километров в Моравию, в Оломоуце и Жилине дробили ее, упаковывали и пускали в продажу втридорога, в том числе и в Подкарпатье. В 1928 году чехословацкое правительство продало (всего за 36 млн. чешских корун) доминию австрийского графа Шёнборна-Бухгайма франко-бельгийско-швейцарской финансовой группе, получившей наименование фирмы «Латорица». Эти владения в Подкарпатье распространялись на 150 поселений (всего их тогда в крае насчитывалось около 500). Фирме стал принадлежать и ряд промышленных предприятий.

Характеризующим политикой чехословацкого правительства является и установление им дискриминационных тарифов на перевозки по железной дороге по отношению к своей восточной провинции. На товары (фрукты, виноград и другие), вывозившиеся из Подкарпатской Руси в Чехию, налоги и пошлины были в два — четыре раза выше, чем на товары, завозившиеся из Чехии в Закарпатье.

В 1930 году почти половина территории Подкарпатья была покрыта лесами (48,5% — 612 332 гектара). Более половины лесного массива принадлежало государству, остальное — частным лицам, акционерным обществам, урбариальным и сельским общинам, церкви. Более половины составляли буковые леса, а прочее (из лиственных твердых пород) приходилось на дуб и граб. Определенную долю составляли хвойные — качественные сосна и ель. Наличие такого богатства обусловило превращение лесоводства в одну из основных отраслей народного хозяйства, причем более половины заготовленной буковой древесины использо-

вали химические заводы для сухой перегонки (дистилляции). Самым мощным среди них был Великобычковский завод, дававший половину всей продукции этого типа производства. Три государственных лесозаготовительных управления (Ужгородское, Буштинское и Раховское) в первой половине 1920-х годов заготовили 512 тыс. кубометров древесины, а во второй половине увеличили заготовки на треть³.

Для ускорения вывоза леса к местам его вырубki прокладывались узкоколейные железные дороги. Часть заготовленного леса перерабатывалась на местных государственных и частных предприятиях. В начале 1920-х годов их было в Подкарпатье около 40, а позже это число возросло до 46. Но большая часть леса сплавлялась в виде кругляка по Тисе в Венгрию. Некоторые виды ценных пород древесины вывозились для переработки в Чехию, а также в соседние государства — Австрию, Германию и Италию. Часть готовой продукции шла на экспорт даже в Англию.

Горнорудной промышленности по добыче железной руды в 1920-е годы не повезло. Слабо развитая чугунолитейная и обрабатывающая промышленность продолжала сокращаться. Она не выдерживала конкуренции развитой чешской промышленности. До того она обеспечивала скудные потребности края в незамысловатом инвентаре и домашнем инструменте, несмотря на то что залежи руды были незначительны и добыча ее нерентабельна. Теперь же месторождения в западной части Подкарпатья (Ужгородском, Перечинском округах) повсеместно были заброшены. Работали только те шахты, ко-

торые обеспечивали сырьем заводы по выплавке чугуна и изготовлявшие домашние инструменты, а также орудия труда (топоры, молотки, серпы, косы, мотыги, утюги и так далее). Такие предприятия работали (хотя и с перебоями) в Долгом, Фридьешове и Кобылецкой Поляне.

Завод по производству спичек «Вулкан» в Чинадиево был обеспечен сырьем мягкой породы – осиной, он выпускал в год около 10 млн. коробок спичек и обеспечивал потребности населения края. Но с 1923 года завод перешел под контроль чешского картеля «Соло» и к концу 1920-х работал уже на половину своей мощности, а потом почти прекратил выпуск продукции⁴.

В пищевой промышленности традиционной была мукомольная. В крае в разные годы работало около 650 мельниц, перерабатывавших почти весь урожай пшеницы, ржи и кукурузы на муку. Причем на этих же мельницах было перемолото и 69% пшеницы привозной⁵.

Водочная промышленность регулировалась правительственным постановлением республики от 1921 года, обеспечивавшим чешским монополиям возможность поставок этой продукции в восточную провинцию. Единственный пивоваренный завод в Подгорянах, ранее принадлежавший Шёнборну, обеспечивал внутренние потребности населения. В Подкарпатье выращивали табак, а в Мукачеве (с конца XIX века) работала табачная фабрика, сначала специализировавшаяся на выпуске сигар «Куба» и «Коста-Рика». В чешский период она продолжала выпускать сотни тысяч сигарет.

В 1920-е годы в Подкарпатье работало несколько электростанций, использовав-

ших паровые двигатели. В 1925 году их объединили, а в 1932-м в Ужгороде началось строительство гидроэлектростанции, которая освещала почти все крупные поселения Подкарпатье и снабжала энергией часть промышленных объектов. Мощность ее была 20 млн. киловатт-часов. Часть выработанной ею энергии передавалась в Восточную Словакию.

В те годы в Подкарпатье довольно успешно развивались кустарные промыслы, хотя им приходилось выдерживать жестокую конкуренцию с фабрично-заводской продукцией за сбыт своих товаров. Наравне с этим и в сельской местности жители занимались кустарными промыслами. В 1930 году в 23 селах насчитывалось 96 кустарных мастерских по изготовлению полотна, сукна, шерстяных ковров, художественных вышивок, плетеной мебели, корзин (представителей этого промысла из-за Карпат и сегодня можно встретить со своей продукцией на московских рынках). Тогда в Подкарпатье этим промыслом занималось около 50 тыс. человек.

В Подкарпатье было много каменных карьеров, особенно с гранитными породами и разного рода глинами, которые использовались при сооружении дорог, тоннелей, мостов, для изготовления кирпича для строительства жилых домов, новых административных зданий в Ужгороде и других местах, а также в чешских колониях для таможенных и финансовых служб.

В результате бурного строительства Ужгород из провинциального городка превратился в современный город – краевой центр. В 1929 году в Ужгороде был построен аэродром, и город получил воздушную связь не только с чехосло-

вацкими городами, но и с зарубежными странами.

В 1920-е годы произошли значительные изменения в социальной структуре населения края в сторону увеличения числа занятых в промышленности и некоторых других отраслях. Число занятых в промышленности возросло с 63 до 85,5 тысячи человек, в торговле — с 20 до 41,5 тыс. человек, на транспорте — с 15 до 23 тыс. человек⁶.

1920–1930-е годы характеризовались дальнейшим процессом социального расслоения населения. Все ярче стали выделяться слои, становившиеся богаче в результате приспособления к капиталистическому производству. В ходу был лозунг «каждый человек может стать миллионером». В качестве примера приводился Томаш Батя, который из простого сапожника стал в городе Злинь крупным предпринимателем, обувным фабрикантом с мировой известностью.

Но, несмотря на это, промышленность в Подкарпатской Руси оставалась слабо развитой. По статистическим данным, в 1930 году в промышленности края уже было занято 90 тыс. рабочих. Однако, если быть объективным, то среди них фабрично-заводских рабочих было только 16–18 тысяч. В эту цифру были включены ремесленники, занятые на транспорте и в связи, в торговле, строительстве, в коммунальных службах. Если учесть членов их семей, то это уже почти половина населения края.

По чехословацкой переписи в Подкарпатской Руси в 1921 году всего проживало 595 тыс. человек, а в 1930-м — 709 тысяч. К названным 90 тысячам было прибавлено более 100 тысяч сельской бедноты (по-

ловиной из которой была занята в сельском и лесном хозяйстве). Короче говоря, группа ученых насчитала на 1930 год рабочих наемного труда в крае 250–270 тыс. человек⁷. Если это было бы так, то с членами семей они составили бы число большее, чем население края. Достаточно сказать, что приведенные цифры превышали число принявших участие в Подкарпатье в голосовании на выборах в чехословацкий парламент (в 1924, 1925 и 1929 годах) или в 1920-е годы численность населения края увеличилась на 114 тыс. человек, в основном за счет естественного прироста. Из переписи 1930 года видно, что почти 113 тыс. семей занимались сельским хозяйством. Значительная часть сельского населения, в абсолютном большинстве своем крестьянского, жила в трудных условиях, и часть членов таких семей вынуждена была заниматься приработками, но это еще не дает основания для перевода их в разряд рабочих.

За весь период вхождения Подкарпатя в состав Чехословакии основной отраслью народного хозяйства оставалось сельское хозяйство. В 1919 году советская власть в крае существовала очень недолго, поэтому особых изменений в сельском хозяйстве не произошло, крестьяне землей официально наделены не были. Поэтому после свержения советской власти румынский и чешский оккупационные режимы быстро восстановили старые порядки. Их и капиталистическими трудно назвать, если учесть уйму феодальных пережитков, прежде всего сохранившееся крупнопоместное землевладение. Правда, в 1919 году чехословацкое правительство заявило о проведе-

нии аграрной реформы, но она затрагивала в основном латифундии бывших венгерских и австрийских землевладельцев, да и то не всех. Для «целей аграрной реформы» было изъято за выкуп 104 землевладения, к ним была присовокуплена часть государственных земель. В целом в фонде для аграрной реформы оказалось 253 429 гектаров⁸. Из этих земель на лучших участках было создано 29 новых крупных латифундий, 146 образцовых хозяйств, часть земель вернули бывшим хозяевам, часть роздали колонистам. Для крестьян осталось 30,3 тыс. га, причем худших земель⁹. Значительная часть из этих наделов в последующие годы мирового кризиса была продана с молотка — получившие участки по реформе не смогли расплатиться за них.

Соотношение владельцев отдельных категорий земель и их количество по статистике 1930 года показывает таблица 1¹⁰.

В.И. Илько много лет работал над изучением положения подкарпатского села

и крестьянства в XX веке. На эту тему он защитил докторскую диссертацию. Ту часть ее, которая относится к чехословацкому периоду, он депонировал в ИНИОН АН СССР в Москве¹¹. Его добротное и всестороннее исследование заслуживает всяческой похвалы. Оно легло в основу написания параграфа по этой проблеме во втором томе «Очерков», опубликованных в 1995 году. Его научное исследование опирается на широкий круг источников (в том числе архивных) и литературы. В результате и выжимки из него в очерках оказались одной из лучших частей тома¹².

Состояние сельского хозяйства и положение крестьянства автор сравнивает с развитыми частями Чехословакии, в частности с Чехией, и для Подкарпатье вырисовывается плачевная картина. Он обращает внимание и на трудности выравнивания уровней в республике, которые усугублялись отсутствием у пражских правителей таких целей и желания.

Он отмечает и позитивные моменты, которые благоприятствовали улучшению

Таблица 1. Владельцы отдельных категорий земель

Площадь владений, га	Количество хозяйств	Доля хозяйств, %	Общая площадь
До 0,1	2416	2,1	230,14
0,1–0,5	10 424	9,2	3365,72
0,5–1	11 939	10,6	8892,19
1–2	25 575	22,6	37 982,82
2–5	34 465	30,5	114 955,33
5–10	18 486	16,4	128 480,79
10–20	6790	6,0	91 006,53
20–30	1215	1,1	29 262,62
30–50	596	0,5	22 721,98
50–100	346	0,3	24 085,18
100–200	289	0,3	40 678,87
200–500	244	0,2	76 507,76
Свыше 500	175	0,2	653 692,08
Всего	112 960	100	1 232 870,01

в смысле повышения урожайности, увеличения сельскохозяйственных площадей под ходовыми культурами, в том числе под посевом кукурузы, самой трудоемкой, но в то же время и самой высокоурожайной культуры, особенно в равнинных районах края; картофеля и других культур, пользовавшихся спросом, расширения посадки табака, различных технических культур, увеличения сборов винограда и производства вина, расширения садоводства, выращивания слив, яблок, грецкого ореха и так далее. Одновременно этот автор указывает на трудности сбыта этих товаров и скота из-за дискриминационных тарифов, установленных на железнодорожном транспорте, о чем шла речь выше.

Не могу не высказать одно критическое замечание, когда идет речь о сравнении урожайности сельскохозяйственных культур, в частности пшеницы, в разных по величине наделах. Ссылаясь на свои подсчеты, автор указывает, что в бедняц-

ких хозяйствах она составляла 2,2 центнера с гектара¹³. Это абсурд. Тогда сев шел вручную. На гектар пашни таким методом расходовали около 2,5 центнера посевного зерна пшеницы. Нет необходимости доказывать, что никакой крестьянин не станет засеивать поле, которое не вернет ему даже высеянное зерно.

Монополии добились сохранения в крае низких цен не только на сырье, но и на продукцию сельского хозяйства, в частности в животноводстве. Перекупщики закупали скот у крестьян по совершенно заниженным ценам, особенно в годы кризиса, что вело к дальнейшему ухудшению питания населения. В горных районах основными продуктами были картофель и кукурузная мука.

Сохранив крупнопоместное землевладение, чешские власти оставили крестьян на голодное прозябание. Обещанную автономию краю не дали, боясь потерять власть над Подкарпатьем.

Глава пятая

Политика чехословацкого правительства в отношении к Подкарпатской Руси

Как отметил один из венгерских наблюдателей за развитием событий в Чехословакии, первый премьер-министр республики Карел Крамарж поддерживал включение Подкарпатя в состав Чехословакии, руководствуясь своими будущими планами. Будучи панславистом и противником советской власти в России, он стремился даже ценой предоставления краю автономии удержать его в сфере своего влияния с расчетом, чтобы в свое время обеспечить Чехословакии «славянский мост для связи с Великой Россией»¹.

Но после первых муниципальных выборов в чешских землях в июне 1919 года (на которых его Национально-демократическая партия чешских консерваторов потерпела сокрушительное поражение) он вскоре должен был расстаться со своим постом. Этим в Подкарпатье потеряли официальную поддержку Праги сторонники русофильского направления, причем они открыто, в печати, перешли в оппозицию к чехословацкому правительству социал-демократа Властимила Тусара. В этом отношении особую активность

проявляла партия Андрея Гагатко и Илариона Цуркановича. К тому же поднимала голову венгерская ирредента не только из Будапешта, но и внутри края. Поэтому чехословацкие власти считали своими опасными противниками не только прорусское движение, но и ту часть русского, которая опиралась на мадяронов и поддерживалась значительной долей духовенства.

В чешской печати публиковались статьи и даже выходили брошюры, подчеркивавшие, что в Подкарпатье у чехов только одно дружеское им течение – украинское (малоруськое), поэтому на него и нужно опираться. В то время в Чехии было не много людей, так или иначе знавших положение в восточной провинции. Большинство в правящих кругах Праги считало местную интеллигенцию не подготовленной к самоуправлению, а население края – не заслуживающим доверия. Никого из местного населения не нашли достойным занять руководящий пост, хотя это содержалось в рекомендациях мирного договора. Это позволило им далее сохранять административную

власть в своих руках и постепенно наводнить край чешской жандармерией.

Был еще один очень важный вопрос: каким должен быть язык обучения в школах и общения с местным населением в официальных инстанциях? По Сен-Жерменскому мирному договору это должен быть «местный язык», но окончательное решение этой проблемы возлагалось на государственное собрание – сейм, который должен был быть созван (по генеральному статуту по управлению Подкарпатской Русью) не позднее 90 дней после первых выборов в Национальное собрание Чехословакии. Все основные положения Сен-Жерменского мирного договора зафиксированы в конституции Чехословакии 1920 года. Но генеральный статут со ссылкой на наличие конституции был отменен. Эта хитрая уловка дала возможность пражским властям не созывать сейм в обозначенный в статуте срок. За весь период существования первой, домюнхенской, Чехословацкой республики (послемюнхенская получила название второй) автономия краю не была предоставлена. Выборы в сейм Подкарпатской Руси были назначены только на 12 февраля 1939 года. До тех пор вопрос о языке использовался по принципу «разделяй и властвуй».

Чешские чиновники информировали Прагу, что единого самоназвания среди населения нет, одни называют себя руснаками, другие – русинами, а третьи – карпатскими русинами. Язык свой именуют *guská řeč*². Как сказано в продолжении приведенной там цитаты, «язык у них малоруський (украинский)... а сам народ этнографически есть малоруським»³. Этот вывод пражских правителей

на тот момент политически устраивал, сам премьер-министр Тусар придерживался такой же точки зрения. Он был переизбран на новый срок после выборов в Национальное собрание в 1920 году.

В Подкарпатье главным инспектором школьного управления был назначен чех Йозеф Пешек. Он разделял выводы комиссии министерства просвещения, собравшейся в конце 1919 года в составе 15 чешских академиков и лингвистов, которые пришли к выводу, что этот вопрос нужно решать на месте, а не в Праге. Но они констатировали, что славянское население края малоруськое и языком преподавания в школах должен быть украинский язык. Пешек тут же пригласил в Ужгород из Галиции Ивана Панькевича, украинского лингвиста, и вменил ему в обязанность регулировать в крае язык преподавания в школе и официальной документации в учреждениях. Панькевич принялся за разработку грамматики, которая обеспечила бы переход закарпатских диалектов к литературному украинскому языку. В своем труде он сохранил старую орфографию с буквой «ять» и добавил новую «о» с крышей (ô), поскольку эта буква должна была стать переходной от «о» к «і» и читалась как в немецком «іі». Она была призвана удовлетворить и гуцульский регион, где она произносилась как буква «і» (кінь, віл – в русском: конь, вол), и жителей низменных районов, где произносили эту букву от «о» до «і» (например: *küny, vül*).

После ухода Жатковича с поста губернатора всеми делами в Подкарпатье стал заправлять вице-губернатор – чех Петер Эренфельд. Он придерживался проукраинской ориентации и оставался у власти

до отмены военного оккупационного режима в августе 1923 года.

Вслед за этим в политике Праги по отношению к Подкарпатской Руси начались изменения. В чехословацком правительстве упрочил свои позиции аграрий Антонин Швегла. Он, потеснив социал-демократическую партию, фактически с октября 1922-го по февраль 1929 года был не только почти бессменным премьером правительства, но и руководителем «комитета пяти» — неконституционного фактически тайного форума при президенте Томаше Масарике, так называемой группы града (кремля, производного от Градчани — резиденции президента).

Перемена политики правительства Чехословацкой республики в отношении своей восточной провинции отразилась прежде всего на национальном вопросе. Правда, если в начале 1923 года премьер Антонин Швегла еще высказывался против предоставления краю обещанной автономии «из-за его отсталости», то уже после отмены военной диктатуры в крае он порекомендовал президенту Масарику назначить губернатором Подкарпатья Антала Бескида. Но и на этот раз он подобрал кандидатуру не из местного населения «автономного края», как предлагала мирная конференция, а из Пряшевщины, то есть с территории западной части, включенной с самого начала существования республики в состав Словакии.

Бескид не отличался от своих коллег в Подкарпатской Руси ни задатками организатора, ни работоспособностью, разве что амбициями. Некоторые исследователи этой проблемы оправдывали поступок Шwegлы не только ролью Бескида в Парижской мирной конференции, где

он проявился сторонником включения края в состав Чехословакии, но и тем, что он придерживался той точки зрения, что население Подкарпатья по национальности русское. И якобы этим Швегла стремился консолидировать положение в провинции, что возможно было сделать только путем привлечения на сторону правительства партий, исповедовавших русофильские взгляды, тем более что он планировал и провел осенью 1923 года первые выборы в местные органы самоуправления в Подкарпатье. Премьер надеялся добиться поддержки населением края политики правительства, точнее, партий правящего блока. Авторы «Очерков» в параграфе о партиях писали об объединении в Подкарпатье пяти партий, считавшихся аграрными, и утверждали, что этот блок на выборах в местное самоуправление собрал 75% голосов⁴.

По другим данным, правда, иной группировки, все русские партии получили 40 тыс. голосов, 15 тыс. — коммунисты, партии венгров и евреев — 55 тыс., и 21 тыс. — партии среднего класса и местные группы неполитического характера⁵.

Как свидетельствуют события, эта мера не привела ни к консолидации положения в крае (блок распался в начале 1924 года), ни к поддержке правящей коалиции в Праге, что подтвердили выборы в Национальное собрание Чехословакии, состоявшиеся в этом же году.

Назначение Бескида президентом Масариком по предложению правительства Шwegлы губернатором Подкарпатской Руси было уступкой русофильскому течению. Он не только заявил о своих близких или совпадающих взглядах с Аграрной партией Чехословакии, но и утвер-

ждал, что языком преподавания в школах может быть только русский. Все это вызвало протесты и негодование большинства учителей края, проукраинских националистических партий, возмущались даже те, кто до того поддерживал правительственный блок. Лидер Народной (христианской) партии Августин Волошин обвинил новый режим Антонина Шwegлы в проведении политики, противоположной достижениям первых лет, политики, направленной против тех, кто был за присоединение края к Чехословакии (имея в виду и себя), хотя те могли бы поступить и по-другому (существовала Украина)⁶.

Эта политика Праги усугублялась назначением вице-губернатором Антонина Розсипала, лидера Чешской аграрной партии, который фактически был правителем края. Он тоже придерживался русофильских взглядов.

В исторической литературе поднимается вопрос: почему чехословацкое правительство проводило политику постоянных обещаний, в том числе и в ответах Лиге Наций на жалобы, поступавшие туда с разных сторон, и в то же время затягивало предоставление автономии краю, хотя Прага подписала обязательства с Парижской мирной конференцией по этому вопросу и давала аналогичные обещания и населению Подкарпатья? Ответ на этот вопрос дает анализ настроения обманутого населения провинции. После выборов в органы местного (сельского) самоуправления в 1923 году, на которых блок аграрных партий показал обнадеживающие для премьера Шwegлы результаты, он решил провести довыборы в Национальное собрание Чехословакии (палату

депутатов и сейм) от восточной провинции, но пока не рискнул проводить выборы в Национальное собрание (сейм) Подкарпатской Руси. Довыборы были назначены на март 1924 года и широко рекламировались в чехословацкой печати, из чего можно было сделать вывод, что якобы выполняется обещание о предоставлении автономии.

Однако на этот раз замысел аграриев не прошел – их блок распался еще до выборов, а результаты голосования оказались для них неожиданными. В выборах приняли участие 13 партий и партийных блоков, голосование проходило по партийным спискам (кандидаты от партий заносились в отдельные бюллетени, каждая партия имела свой номер и цвет). За неделю до выборов избиратели получали на дому пачку бюллетеней всех участвовавших в выборах партий и пустой конверт, в который вкладывали бюллетень той партии, за которую собирались отдать свой голос, и отправлялись к урнам. Из 254 724 избирателей, принявших участие в голосовании, 100 242 человека (почти 40%) проголосовали за коммунистическую партию. Она получила четыре мандата из девяти в палату представителей и два из четырех – в сенат. Вслед за ней шли Венгерская партия автохтонов с 28 тыс. голосов, Автономный земледельческий союз (21 тысяча), почти столько же собрала социал-демократическая партия. Карпаторусская трудовая партия получила 20 тыс. голосов, а Республиканская аграрная партия – 15 тысяч (6,4%). Эти партии прошли в парламент, каждая из них получила по одному месту в палате представителей. Кроме того, автохтоны и Автономный земледельческий союз

получили по одному месту в сенате. Остальные партии, принимавшие участие в выборах, набрали менее 3 тыс. голосов каждая⁷. В результате сторонники пражского правительства получили поддержку только 40% населения⁸.

После этих выборов стало ясно, что пражское правительство любым способом будет откладывать решение проблемы автономии Подкарпатской Руси до тех пор, пока сторонники этой власти не получат поддержки большинства населения края. В печати проскальзывали даже суждения о сроках (после воспитания чехами нового поколения или полстолетия и тому подобное). Посланный Швеглой в Подкарпатскую Русь поправлять дела Чешской аграрной партии его молодой воспитанник Ян Брандейс позднее писал о якобы истинной причине успеха коммунистов в крае, объясняя его невероятной отсталостью рабочих и крестьян, особенно в верховинских селах, жители которых исповедуют антииндивидуализм и коллективизм. Он обращал внимание на условия их жизни и страшную нищету. Жили они в похожих друг на друга низких темных деревянных домах из одной комнаты и сарая. Имели небольшие участки земли, одинаково одевались, ежедневно ели одно и то же. И делал вывод: пока существует эта бедность, будет влияние коммунистов⁹.

Вместе с Брандейсом аграрная партия послала в Подкарпатскую Русь еще одного энергичного активиста – Йозефа Заица. Используя ресурс правящей партии, они развернули такую пропаганду и иного рода деятельность, что им удалось постепенно добиться перелома в пользу аграрной партии. Уже на парламентских

выборах 1925 года она увеличила свой вес в восточной провинции с 6,4 до 14,2%. Коммунисты получили меньше голосов, чем в 1924 году, но остались на первом месте по числу поданных за них бюллетеней.

Среди мер, проведенных правящей коалицией после выборов, особого внимания заслуживает административная реформа в Чехословакии. В результате нее Подкарпатская Русь превратилась в четвертую землю (край) (после Чехии, Моравии и Силезии, Словакии), получив новое наименование – *Země Podkarpátorská* (Подкарпаторусский край)¹⁰. Демаркационная линия со Словакией становилась окончательной границей. Административная реформа вступила в силу с 1928 года и сопровождалась внутренней реформой в крае. Восточная провинция была поделена на 12 округов. В Ужгороде была образована краевая рада в составе 24 человек, две трети которой избирались, а одна треть – назначалась. Вице-губернатор (чех) Антонин Розсипал стал президентом края, а заодно и председателем рады. Он был прямо подчинен Праге, и фактическим руководителем провинции стал он, а не губернатор.

Против административной реформы поднялась волна протестов. По этому вопросу на время совместно выступили русофилы из партии Андрея Гагатко и украинофилы из партии Августина Волошина. Депутаты и сенаторы выступали в чехословацком парламенте, писали петиции в Лигу Наций, президенту и правительству. Но чехословацкие власти на все это не реагировали, протесты замалчивались и игнорировались.

В 1929 году были проведены внеочередные выборы в парламент Чехослова-

нии, в результате которых правительственный блок партий в Подкарпатье впервые получил большинство. Аграрная партия собрала 77 419 голосов, а число сторонников коммунистов сократилось с 75 669 человек в 1925 году до 40 582 человек. Автономный земледельческий союз получил 48 609 голосов, а венгерские партии — 30 455 голосов¹¹.

Объяснялось это не только усилением пропагандистской деятельности аграрной партии, использовавшей административный ресурс, но и кризисом внутри чехословацкой компартии и начавшимся мировым экономическим кризисом.

Однако в 1930-е годы положение в крае изменилось вновь в пользу оппозиции к правительству Чехословакии. Положение в стране в целом становилось все более тревожным, особенно после прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера и его нацистской партии. Внутри страны активизировались немецкое, венгерское и польское национальные меньшинства. Поднимали голову реваншистские силы и в некоторых соседних странах.

В связи с политической чехословацкого правительства в отношении Подкарпатья в исторической литературе поднимался вопрос: была ли она направлена на чехизацию края? Одни считают, что такая попытка была, а другие однозначно отрицают. Магочий полагает, что у чешского правительства и намерений не было превратить закарпатских украинцев в чехов. Сторонники первой точки зрения опираются прежде всего на данные, связанные с соотношением чехов и представителей других национальностей в управлении краем, и политику в области образования. Это та область, которой прави-

тельство уделяло особое внимание. По этим проблемам есть возможность привести следующие данные. В Подкарпатской Руси в 1921 году среди нотариусов (это не нотариусы в современном понимании слова, а руководители администрации в волостях и выше, назначенные представители власти на местах) было 104 чеха и словака, 69 русинов, 65 венгров, 4 еврея, 1 румын и 1 немец¹².

В 1927 году в Подкарпатье среди государственных служащих в администрации было 255 чехов, 17 словаков, 142 русина, 56 венгров и 22 представителя других национальностей¹³.

Более детально это положение отражено на 1935 год. В земском (краевом) управлении были заняты семь чехов и один украинский эмигрант. Из 12 начальников округов 7 человек были чехами, один — украинским эмигрантом, два — русскими эмигрантами и два — русинами. Главными нотариусами были чех и русин. Нотариусами и их помощниками работали 163 чеха, 11 украинских эмигрантов, 3 русских эмигранта, 42 русина и 29 венгров. Помощниками глав администрации были 21 чех, 3 украинских и 1 русский эмигрант и 3 русина. Служащих насчитывалось: 497 чехов, 20 украинских и 12 русских эмигрантов, 85 русинов и 54 венгра. Даже среди обслуживающего персонала было 24 чеха, 1 русский эмигрант, 6 русинов и 5 венгров¹⁴.

Следовательно, краем правил назначенный вице-губернатор, получивший должность президента, при помощи чешской бюрократии. Губернатор оставался номинальной фигурой. Как показывают вышеприведенные данные, все важные и ответственные посты находились ис-

ключительно в руках чехов либо эмигрантов. И среднее звено иерархии принимало в свою среду местных жителей осторожно и в такой пропорции, чтобы не нарушить внутренний характер самой администрации. В низших слоях администрации, у которых фактически не было никакой власти, местные жители, включая представителей национальных меньшинств, были представлены более широко, хотя и здесь их уравнивали большим числом чехов или прибегали к другим методам, в том числе в населенных пунктах, где на выборах побеждали оппозиционные партии и избирали неугодным властям старост, на место избранных назначали правительственных комиссаров¹⁵. Такой была система, созданная правительством Чехословакии для контроля над русинами. Хотя ее руководители временами под воздействием требований местных партий либо в ответ на робкие запросы Совета Лиги Наций делали заявления, что когда-то они выполнят взятые на себя обязательства и предоставят провинции автономию. Но, как отметил тогда английский историк, следивший за развитием событий в этом регионе, эти обещания с годами становились все менее конкретными.

Можно усомниться в достоверности категорического утверждения второй группы историков, отрицавших ассимиляторские намерения чехословацкого правительства. Об этом свидетельствует следующее: по данным чехословацкой переписи 1921 года, в это время в Подкарпатье насчитывалось 19 775 чехов, а по переписи 1930 года их стало уже 33 961 человек¹⁶. Это время историки называют временем первого наплыва чехов в Подкар-

патье. Чешский язык как предмет преподавался во всех школах всех уровней. Создавались чешские школы: в 1920 году их насчитывалось 22 из 475 начальных школ, в 1931-м — 158 из 727 начальных, две горожанские школы и одно педагогическое училище (средняя школа). В 1930-е годы начальные школы стали восьмиклассными. В 1938 году из 803 (народных) начальных школ чешских было 188. Кроме того, к этому времени из 44 горожанских школ 23 были чешскими, чешскими были также гимназия и педучилище. Из школ национальных меньшинств больше всего было венгерских.

В этом вопросе проблема заключалась и в том, что чешские школы открывали, прибегая к различным подтасовкам, и в таких селах, в которых чехи не проживали вообще. Это давало повод оппозиционным партиям требовать закрыть чешские школы в тех местах, где не было учеников. Затрагивая этот вопрос во втором томе «Очерков», М.И. Кляп утверждал, что это только «проявление несправедливости» и «чешского шовинизма», «но не курс политики правительства», прибегая к странной аргументации: «ибо программы чехизации в документах не встречаем»¹⁷. В связи с этим возникает вопрос: где, когда и какое правительство решалось на включение в свою программу намерения ассимиляции? Везде, где она проводилась, она проходила тихо, обманым путем.

В том же труде председатель редколлегии, ответственный редактор, руководитель авторского коллектива и автор многих частей тома И.М. Гранчак привел такой факт. В начале 1930 года вице-губернатор Антонин Розсипал дал рас-

поряжение школьным инспекторам, чтобы те в своем общении с судами, всеми учреждениями, предприятиями и другими организациями республики пользовались «исключительно чешским языком» как государственным¹⁸. Кроме того, автор отметил, что цензоры запрещали в публичных выступлениях употребление наименования «Закарпатская Украина», а давали указания пользоваться конституционным названием «Подкарпатская Русь». Во время переписи населения 1930 года исполнители получили директиву властей все местное славянское население записывать по национальности русинами, в том числе и тех, которые считали себя украинцами¹⁹.

Не в пользу точки зрения противников ассимиляции и то, что произошло с теми русинами, которые оказались на правах национального меньшинства под словацким управлением. По статистике 1930 года их там проживало 91 079 человек, а в следующей переписи их уже было зафиксировано только 35 435 человек. Остальные в основном были ассимилированы в словацкой среде.

Невыполнение чехами обязательств по предоставлению автономии Подкарпатью затрагивало и русинов, проживавших в Восточной Словакии на правах национального меньшинства. Они, конечно, надеялись на временный характер своего положения, но их постигло разочарование. Они не могли пользоваться и той иллюзорной автономией, которую якобы частично получили русины в восточной провинции, ибо и там уже никто не верил в этот миф.

Внутреннее положение Чехословакии усложнялось не только поразившим и ее мировым экономическим кризисом, ростом безработицы, подъемом борьбы масс за свои права, активизацией национальных меньшинств и оппозиционных партий, но и внешней угрозой как со стороны Германии, так и со стороны Венгрии, которая в 1930-е годы не прекращала высказывать свои претензии к соседним странам, в том числе и к Чехословакии. В зависимости от складывавшейся обстановки Венгрия или обостряла территориальные претензии, или сглаживала их, ведя переговоры с соседними странами.

Глава шестая

В условиях мирового экономического кризиса и депрессии

Начавшийся в США осенью 1929 года кризис перепроизводства быстро распространился на большинство стран Европы. В середине 1930 года преобладающая часть отраслей чехословацкой промышленности уже была охвачена кризисом, в 1933-м промышленное производство снизилось до 60,2% — уровня 1929 года. Значительная часть промышленных предприятий (порядка 15%) были закрыты¹. Как и в других странах Западной и Средней Европы, в Чехословакии кризис поразил финансовую сферу и охватил сельскохозяйственное производство. В 1933 году уровень производства достиг нижней точки и даже в 1936-м не поднялся полностью до уровня 1929 года.

Социальные последствия кризиса наиболее ощутимо сказались в Подкарпатской Руси — самой отсталой окраине республики. Из 92 промышленных предприятий в крае (с числом рабочих более 20 человек) в первые годы кризиса предприниматели полностью остановили производство на одной трети фабрик и заводов. Половина оставшихся предприятий работала не на полную мощность.

В годы кризиса число безработных в Чехословакии достигло 1 млн. человек, из которых 100 тысяч приходилось на Подкарпатье². В их числе оказались 35 тыс. лесорубов, потерявших работу из-за сокращения экспорта древесины за рубеж. Приведенные данные представляются заниженными, поскольку только в Тячевском округе в конце 20-х годов на лесоразработках были заняты 34 тыс. лесорубов, а в 1933 году их было всего 140 человек³.

Кризис больно ударил по местной промышленности: на треть упало производство химических заводов в Великом Бычкове, Перечине и Сваляве; чугунолитейные и металлообрабатывающие предприятия в Кобылецкой Поляне, Долгом и Фридьешове были вынуждены полностью прекратить производство. Часть кирпично-черепичных заводов закрылась в связи с резким сокращением жилищного строительства.

Процесс обнищания основной массы населения Подкарпатья особенно сказывался на жителях Верховины, которые бедствовали и до кризиса. Их положение стало

настолько одиозным, что даже депутаты и сенаторы чехословацкого парламента поднимали этот вопрос на своих заседаниях. Проблема получила широкую международную огласку и освещение в зарубежной печати, включая периодику США, Великобритании и Германии. О бедственном положении населения этих районов и царящем там голоде говорили члены Комиссии международной помощи на пресс-конференции в Праге в мае 1932 года. В ней принимали участие английские и немецкие писатели и журналисты. Истинную глубину трагедии местных жителей может проиллюстрировать запрос сенатора чехословацкого парламента Ивана Лакоты, потребовавшего у правительства ответить, почему не принимаются меры для повышения благосостояния проживающих в крае людей. По словам сенатора, верховинцы в этих районах питались по большей части бурьяном, но и его не могли посолить, ибо соль была для них недоступной роскошью. При этом перекупщики зерна торговали кукурузой по ценам, минимум в два раза превосходящим закупочные⁴. Жители села Боронява писали о своей крайней нищете, о том, что голодают, в хате нет ни куска хлеба, а дети голы и босы⁵.

Социальный гнет, переплетавшийся с национальным, и их обострение в первой половине 30-х годов неизбежно вело к усилению всех видов борьбы многонационального населения за свои права. Чехословацкое же правительство решило упрочить свои позиции после выборов 1929 года путем, с одной стороны, расширения своей социальной базы, а с другой — консолидации правых сил. В правительство вновь вошла социал-демокра-

тическая партия, из-за чего его назвали расширенной коалицией. Но основную его силу и впредь составляли сторонники аграрной партии. Прежние закулисно правившие «пятерки» и «восьмерки» заменил политический комитет министров. Новое правительство возглавил крупный землевладелец и предприниматель Ф. Удержал. Он недолго находился у власти — не смог справиться с экономическим кризисом, и его сменило правительство Я. Малипетра, слывшего человеком «сильной руки». Он одновременно с вмешательством государства в хозяйственную жизнь повел широкое наступление на демократические права и свободы, пытаясь помочь предпринимателям выбраться из кризиса за счет снижения жизненного уровня широких народных масс.

В результате такой политики рабочие и крестьяне Подкарпатской Руси использовали все доступные им возможности для выживания. Но старые формы забастовочной борьбы в новых условиях, тем более в условиях усиления политического и национального гнета, оказались непригодными. Правительство предприняло ряд мер, направленных на преследование оппозиционно настроенных к нему партий и общественных организаций. В местах массовых выступлений (в Хустском, Перечинском, Тячевском округах) правительство вводило осадное положение и давало свободу действия жандармерии и полиции. В годы кризиса в крае было арестовано около 6 тыс. участников массовых движений, особенно участников «голодных походов». Правительство выпускало даже сельские представительства, в которых преобладали левые и симпатизировавшие им. За годы кризиса ка-

рательные органы в крае численно были доведены до 5 тысяч человек, то есть увеличены на треть. Создавались новые жандармские станции, пополнялись составы уже действовавших в местах нотарских управлений. Из Чехии прибывало все больше не только служащих, но и ремесленников, торговцев и особенно земледельцев-колонистов, получавших наделы в лучших районах на равнинах⁶.

Как вели себя политические партии в годы кризиса? Объединившаяся в 1929 году с чешской социал-демократической партией ее подкарпатская организация, краевой комитет, как и партия в целом, участвовавшая в правительстве, призывали все население республики к мирному сожительству, к поддержке правительства, которое якобы способно спокойным путем решить все проблемы сложной жизни в годы кризиса.

Новое руководство Коммунистической партии Чехословакии во главе с Клементом Готвальдом после V съезда (1929 год) продолжило линию, выработанную III Коминтерном, особенно обращая внимание на конечную цель — взятие власти революционным путем. Оно пыталось расширить круг своих союзников в среде крестьянства, но мало чего достигло. Но, выступив в защиту безработных, голодающих, против политики правительства, подавлявшего силой выступления рабочих и крестьян за свои права, за годы кризиса эта партия утратила численность своих рядов. Тогда же был обновлен и Закарпатский крайком: к руководству пришли молодые Е. Клима, Олекса Борканюк и другие. Они придерживались линии Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии, но в годы кризиса активно отстаива-

ли интересы голодающих, участвовали в их «голодных походах», проводили массовые митинги и демонстрации, особенно успешно в первомайские дни. Все это приводило рабочих и крестьян на сторону компартии, влияние ее росло.

Во втором томе «Очерков» краевая организация компартии, ее руководители подвергнуты критике за одностороннее освещение ими положения в Советском Союзе и Советской Украине. Критики считали его приукрашенным, а граждан СССР бесправными, что, мягко говоря, не совсем объективно. Автор рассматриваемого параграфа считает, что эту односторонность «воспринимали особенно враждебно»⁷, только он не уточняет, кто именно. Ведь в годы кризиса и стагнации краевая коммунистическая организация увеличила число поданных за нее голосов от 40 583 на парламентских выборах в 1929 году до 78 994 в 1935 году, то есть почти удвоила число своих сторонников⁸.

В то же время удостоена похвалы аграрная партия, ее программа и пропаганда, хотя она в этот период, с 1929 по 1935 год — потеряла 17 тыс. голосов. При чем к ней относится следующее предложение: «Часто она больше защищала состоятельных крестьян, чем сельскую бедноту»⁹. В действительности же это была партия промышленного финансового капитала и крупных землевладельцев, почти непрерывно правящая партия, душа коалиции всего периода 1920–1930-х годов в Чехословакии, у которой и в мыслях не было защищать сельскую бедноту.

Не упоминая о провенгерской деятельности Автономного земледельческого союза, которым в то время руководил Иван Куртяк, автор параграфа обратил

внимание только на смену курса партии в сторону конкретных мер, направленных на защиту населения. Автор утверждал, что якобы эта партия отложила проблему программы автономии. В действительности же в 1931 году был опубликован законопроект Иосифа Каминского об автономии Подкарпатской Руси. Основные его положения следующие: Подкарпатская Русь посылает в чехословацкий парламент 14 депутатов и 7 сенаторов; краевой сейм состоит из 42 членов, губернатор назначается президентом республики по предложению правительства из трех кандидатов, рекомендованных краевым сеймом. Губернатор является и членом правительства Чехословацкой республики. Он издает распоряжения, назначает чиновников и судей. Губернское управление было бы автономным¹⁰.

В упоминавшихся «Очерках» подробно описаны факты и почти все формы борьбы рабочих и крестьян Подкарпатья против социального и национального гнета. Отражены ее позитивные результаты. Особое внимание уделено созданию и деятельности в годы кризиса Союза трудящегося крестьянства, организованного левыми силами для расширения их социальной базы. Они добились значительных успехов¹¹. Говоря о связях подкарпатских трудовых коллективов с общественностью Советской Украины, автор положительно оценивал их, но не удержался, чтобы не написать такую фразу: Советская Украина «хотя и была в вассальной зависимости от Москвы, но все же была украинской державой».

В то же время в крае активизировалась часть венгерского населения, находившаяся под влиянием партии А. Акоша —

Автономной партии автохтонов. Эта партия имела влияние среди венгерской молодежи. Она открыто повела реваншистскую пропаганду за возвращение Подкарпатья в лоно Свято-Стефанской империи, а остальные венгерские партии пока остерегались открытых антиправительственных выступлений.

Не отставали реваншисты и за рубежом. Венгерская газета клерикалов *Nemzeti Újság* поместила статью с двумя картами. На одной из них Словакия и Подкарпатская Русь были включены в состав Венгрии, на другой — коридор из СССР через Восточную Галицию доходит до Подкарпатской Руси. Через этот чехословацко-советский коридор «панславистско-большевистская струя зальет Среднюю Европу, Дунайский бассейн, Балканы в направлении Адриатического и Черного морей». По мнению венгерских радикальных националистов, это означало бы присоединение к России части Польши. Следующим шагом после предоставления Рутенфелду автономии стало бы ее присоединение к России. Поэтому предлагалось незамедлительно создать общую венгеро-польскую границу. Только «эта сильная плотина сможет удержать постоянно рвущуюся на Запад русскую великодержавную экспансию», считали реваншисты¹².

В июле 1934 года в венгерской газете *Pesti Napló* была опубликована статья, в которой приводились слова одного из польских политических деятелей: «Мы горячо желаем, чтобы на основе сопроводительного письма Мильерана об условиях Трианонского мирного договора Венгрия вновь получила те территории, которые создадут общую польско-венгерскую границу»¹³.

Польская сторона предпринимала и другие меры для достижения этих целей. При этом официальные органы, в том числе МИД Польши, часто преследовали свои корыстные интересы. В этой связи особого внимания заслуживает фигура одного из самых противоречивых политиков Подкарпатя периода 1920–1930-х годов Степана Андреевича Фенцика. Амбициозный греко-католический священник, он любой ценой хотел стать руководящей личностью в крае, независимо от того, на каком поприще — церковном или политическом. В начале 30-х годов он претендовал на пост епископа Мукачевской епархии, но не был избран, проиграв Александру Стойке.

С 1920 года Фенцик уделяет все большее внимание именно политической деятельности, став фактическим руководителем культурно-просветительного общества имени Духновича, проповедовавшего русофильские настроения, а затем став издателем газеты «Карпаторусский Голос» (1932–1934 годы). В это время у Степана Фенцика созревает идея о создании собственной партии, получившей впоследствии название Русской национальной автономной (РНАП). Позже в специальном донесении в Варшаву польский посланник в Праге Марьян Ходацкий писал, что якобы до образования партии Степана Фенцика идею автономии отстаивал только Автономный земельный союз Ивана Куртяка, получившего инструкции из Будапешта. (Информация посланника была неточной, ибо все основные партии края периодически поднимали эту проблему, требовали выполнения решений Парижской мирной конференции.) Но представите-

ли Автономного земледельческого союза ни разу остро не выступили с требованием к чехословацкому правительству о предоставлении автономии Подкарпатской Руси. Аналогично пассивно вели себя и венгерские партии в Чехословакии, «сохраняя лишь великовенгерский дух». Куртяковцы и венгры кормили своих сторонников обещаниями, что «скоро на Русь» вступят венгерские войска, считая правление чехов там временным.

Когда С. Фенцик под покровительством губернатора Подкарпатской Руси Антала Григоровича Бескида приступил, по договоренности с польским посольством в Праге, к организации своего движения, он, по тактическим соображениям, обязался встать на позицию принадлежности Подкарпатской Руси к ЧСР. Одновременно он пообещал острее всего бороться «против чешского влияния в этой провинции и добиваться от чехов выполнения данных ими обязательств о предоставлении Закарпатья самой широкой автономии, объединять русинов под лозунгом «Подкарпатская Русь — для карпатороссов».

По отношению к Автономному земледельческому союзу Степан Фенцик должен был избегать открытой конфронтации и в то же время не поддерживать членов венгерской ирреденты, однако выступать с ними единым фронтом в вопросах автономии и изживания чешского влияния¹⁴.

Получив обещание МИДа Польши о материальной поддержке его начинания, Степан Фенцик отправился в США, имея цель скрыть источники финансирования. Он заявлял, что помогать ему будут якобы родственники, живущие в

США, и для этого он планирует создать в Соединенных Штатах центры, на которые мог бы опереться. Там уже существовала провенгерская организация Алексея Юлиевича Геровского, работавшего в тандеме с Иваном Куртяком. Куртяковцы с самого начала увидели в фенциковцах своих конкурентов.

27 октября 1934 года на американскую землю вступил доктор Степан Фенцик, как он тогда сам о себе писал, «главный редактор газеты «Карпаторусский Голос» и главный секретарь и организатор культурно-просветительного общества Духновича».

В первой произнесенной там речи он заявил: «По вашему почину рождена свободная, автономная Подкарпатская Русь» (намекая на движение Григория Жатковича в США). В США был создан Подкарпато-русский союз. Согласно договоренности с Польшей, Фенцик выдвинул лозунг: «Неделимая Чехословацкая республика от Хеба до Ясиня, неделимая Подкарпатская Русь от Попрада до Тисы и неделимая русская культура от Попрада до Владивостока»¹⁵.

В своих путевых заметках он жаловался: «Мне очень больно, что министр Бенеш называет меня мадяроном». В другом месте он продолжал: «Все те господа, которые на страницах русских, чешских и мадярских правительственных газет называли меня «ирредентистом, Егличкой»¹⁶, ревизионистом», будут отвечать не только перед историей, но и перед народом»¹⁷. На прощальном банкете в Нью-Йорке 29 марта 1935 года Фенцик заверил собравшихся, что «никогда не станет на службу к врагам и не пойдет против русского народа, против веры»¹⁸.

9 апреля 1935 года, по сообщению Фенцика в вышеназванной книге, в Хебе он был арестован, 36 дней просидел в ужгородской тюрьме, а 13 мая выпущен под залог в 50 тыс. чешских крон. 19 мая 1935 года его избрали депутатом чехословацкого парламента.

Так завершилась поездка карпато-русского «фюрера» Фенцика в США. В результате был создан канал пересылки «субсидий», «гонораров» Фенцику из Польши в США, откуда их переводили в Ужгород на счета Русинского (кличка Фенцика) – в Словацком банке (ул. Маломостецкая, д. 1) на счет под девизом «Карпат» XV-41, и в Дунайском банке (на той же улице, дом 7) на счет под девизом «Кавказ» 10613.

В материалах архива МИДа Польши сохранились сведения о доходах Фенцика, составлявших около 10 тыс. чешских корун в месяц, которые он тратил на текущие расходы, не считая ежемесячных дотаций МИДа Польши по 20 тыс. чешских корун. При создании Русской национальной автономной партии Фенцика в Чехословакии замысел польской стороны заключался в основном в том, чтобы при помощи русского движения в Подкарпатье образовать противовес украинскому движению в крае, представители которого поддерживали связь с украинским национальным движением в Восточной Галиции, которая в период между двумя мировыми войнами находилась под польской властью (носила наименование Сходня Мала Польска) и вызывала опасение в правящих кругах Варшавы из-за возможности потери этой территории в результате объединения Восточной Галиции с Подкарпатской Русью.

Представителем Фенцика в США был Ержи Берзинец, который стал там секретарем Союза карпатороссов. Польский консул в Питсбурге Кароль Рипка 4 февраля 1936 года доносил МИДу Польши о карпато-русской активности в США, о том, как работает там Союз карпатороссов, какие в нем есть течения и какова роль попа Берзинца. По мнению консула, в Союзе карпатороссов насчитывалось 460 тыс. человек, объединенных в четыре политические организации, располагавшие капиталом в 25 млн. долларов. Издавались собственные русскоязычные газеты: «Востокъ», «Правда», «Православный Вестникъ», «Любовь», «Карпаторусское слово».

Поляк отмечал наличие в движении незначительной части венгрофилов во главе с А.Ю. Геровским. Родился Геровский во Львове, воспитывался и вырос в доме деда по матери, национального деятеля Подкарпатья Адольфа Добрянского. До Первой мировой войны Алексей Геровский работал журналистом в Черновцах, подвергался преследованиям со стороны венгерского и австрийского правительств. С 1915 по 1917 год он работал советником в российском царском МИДе, потом присоединился к армии Антона Деникина. После войны Геровский прибыл в Закарпатье, вел агитацию против правительства Чехословакии. В 1927 году он эмигрировал в Югославию. Там его сторонники ставили перед собой две задачи: ослаблять узы Югославии с Чехословакией и не допустить признания Югославией Советского Союза. В скупщине в Белграде был образован в 1927 году Сербо-Закарпаторусский комитет из представителей всех —

правительственных и оппозиционных — партий, который одновременно с другими задачами пообещал защищать автономные права Карпатской Руси. На первом его заседании присутствовал и А.Ю. Геровский¹⁹. В 1928 году А.Ю. Геровский переехал в США, где через несколько лет, в 1935 году, стал секретарем Карпаторусского союза.

В дипломатических польских кругах в США не было единства взглядов на деятельность и роль там Геровского и Фенцика. Польский консул в Нью-Йорке (13 января 1936 года) проявил себя сторонником Геровского, информируя о «поведении» Фенцика в США в негативном плане (человек низкой культуры, влез в религиозные дрязги американских русинов), и лояльно относился к консулу Чехословакии²⁰.

Геровский в феврале 1936 года передал через бывшего советника польского посольства в Вашингтоне М. Кванишевского, в то время председателя Польско-американского общества, в МИД Польши памятную записку. В ней говорилось: «Подкарпатская Русь представляет интерес для Польши, она отрезает от Польши симпатизирующую ей Венгрию, которая могла бы помочь в войне против СССР». Он предлагал ликвидировать коридор с Румынией и Югославией — передать Подкарпатскую Русь Венгрии. «Закарпатцы там (в Венгрии. — А. П.) будут чувствовать себя так хорошо, как французы в Швейцарии», а в Закарпатье он вообще желал избавиться от чешского господства. В памятной записке он рассуждал: хорошо бы развернуть деятельность через Америку, где в 1935 году А.Ю. Геровский создал Карпаторусский союз. В случае кооперации карпатороссов с Польшей нуж-

но вести борьбу с «панкарпатороссами», стремящимися объединить Подкарпатскую Русь с Восточной Галицией. «Эта неосуществимая химера чрезвычайно вредна для реальных интересов Подкарпатской Руси, и она может принести пользу только чехам и большевикам»²¹.

Польский консул в Питсбурге, наоборот, сначала полностью поддерживал Фенцика и его экспонента Берзинца. В феврале 1936 года он писал: «Фенцика все признают своим вождем, особенно после его прошлогоднего ареста, страдальцем за освобождение из-под чешского господства». Хотя избрать его епископом: «Пусть приезжает к июню»²². В том же месяце в другом донесении Кароль Рипка сообщал в Варшаву, что 4 февраля решили принять Фенцика в США, дают ему пост епископа и в его распоряжение предоставляют резиденцию стоимостью 75 тыс. долларов²³.

Еще в середине декабря 1935 года польский генеральный консул в Вашингтоне доносил в МИД Варшавы, что Ержи Берзинец, по инструкции Русинского, хотел бы установить контакт с Польшей и получать материальную поддержку от нее, как имеет Алексей Геровский от Венгрии. Он собирается в Чехословакию через Гдыню²⁴. В результате длительной дипломатической переписки, содержащей высказывания за и против, ему было отказано. 16 марта 1936 года МИД Варшавы сообщил консулу, что он не может поддерживать Берзинца финансами²⁵.

Между тем Степан Фенцик в вопросе «гонорара» оказался щепетильным и настырным. На его жалобу по поводу того, что на счет из Америки в 1935 году поступил 121 «пакет» вместо положенных 160,

консул в Ужгороде писал 25 февраля 1936 года, что это правдоподобно. Финансы не сработали, а это деморализует Русинского. «Трудно от Русинского конкретно что-то требовать, если обещания материального характера не выполняются», — писал консул М. Халупчинский²⁶.

Польский МИД информировал 16 марта 1936 года своего посланника в Праге Марьяна Ходацкого о расколе Карпаторусского союза в США, причем умалчивал о роли Русинского, а сообщал, что Берзинец якобы является диверсией чехов²⁷.

Поскольку замысел договоренности Фенцика с польской стороной заключался в том, чтобы в Закарпатье знали о якобы финансовой поддержке его движения родственниками в США, он должен был иметь там опорные пункты. Для этого он не мог использовать Геровского, ибо тот, как и Егличка, считался предателем. Он не установил контакта с Геровским, но и не ставил целью разгромить его организации. Он хотел сохранить свое влияние через Берзинца. Фенцик лез «в драку с Геровским лишь для самообороны. Иначе он не мог бы работать на Руси», — писал посланник. В то же время он просил министра иностранных дел Польши заполучить для Геровского и Автономного земледельческого союза инструкции от Венгрии, чтобы те перестали вести борьбу против Фенцика и объединились с ним в античешской акции на Руси, но не на филовенгерской основе²⁸.

В письме польскому посланнику в Будапеште польский МИД давал указание переговорить с венгерскими властями об Автономном земледельческом союзе, чтобы тот не выступал против Польши и группы Фенцика, и сообщить им о по-

лучении Фенциком аналогичной инструкции²⁹.

В письме из польского посольства в Праге в МИД Польши (10 июля 1936 года) об отношениях Русинского с союзом сказано: «Лучше, если бы он остался в Закарпатье. Бежать в Польшу всегда сможет. В Америке, раз там есть Геровский, Фенцик не нужен. Если бы его (Фенцика) арестовали (в Чехословакии. — А. П.), то можно бы извлечь из этого пользу», полагал посланник, превратить его в «русского» мученика за дело русское, «если властям не удалось бы доказать, что он берет польские субсидии».

Несмотря на достигнутую договоренность между министром иностранных дел Польши и венгерским премьером Дьюлой Гёмбёшем, «куртыковцы не прекратили вести настоящую войну с Русинским», а он после ознакомления с письмом польского посланника в Будапеште об инструкциях венгерских властей Автономному земледельческому союзу стал вести себя сдержанно³⁰.

25 июля 1936 года МИД Польши дал указание посланнику в Вашингтоне сообщить Геровскому: если он хочет иметь хорошие отношения с правительством Польши, то пусть уладит связи с Фенциком и его группой в Закарпатье, а в США пусть заключит соглашение с Берзинцем «о ненападении», чтобы не ослаблять силы, преследующие единые цели³¹.

Между тем Степан Фенцик не прекращал зорко следить за поступлениями «субсидий» на свои счета в ужгородских банках. 18 марта 1936 года прибыла из Праги в Варшаву телеграмма посланника Марьяна Ходацкого, что Русинский с декабря 1935 года не получил обычных де-

нег. Он просил «прислать посылки из Америки». Через неделю он уведомил МИД, что задолженность Русинскому составляет около 100 тыс. чешских корун. В ответе сообщалось: дотация на февраль составляет 2 тыс. долларов³².

Посланник в Праге Ходацкий 28 марта 1936 года доносил в МИД Варшавы, что там он выдал Русинскому 18 740 чешских корун, а раньше — 6 тысяч, то есть всего Русинский получил 24 740 корун, то есть 1 тыс. долларов³³. 5 мая Русинский просил еще тысячу долларов. 4 июня для него переведено 1520 долларов³⁴.

Приведем еще некоторые цифры: 8 июля 1936 года из Варшавы в Нью-Йорк перевели 2 тыс. долларов для пересылки в Ужгород Русинскому³⁵.

5 августа 1936 года посланник в Праге в сообщении в Варшаву напомнил, что Русинскому обещали ежемесячную дотацию по 20 тыс. корун. С 1 апреля 1935 года он получил из Америки 10 тыс. долларов, что равнялось 245 тыс. корун, от посольства (в Праге) — 40 500 корун. То есть всего им было получено 285 500 корун, а ему до 31 июля 1936 года, то есть за 15 месяцев, причиталось 300 тыс. корун. Посланник просил МИД Польши доплатить недостающую сумму — 14 500 корун³⁶.

О дальнейшем развитии этих событий будет сказано ниже. Однако уже здесь можно обратить внимание на то, что в таком маленьком крае, как Подкарпатье, в период между двумя мировыми войнами существовали две политические партии, финансировавшиеся правительствами иностранных государств. Автономный земледельческий союз был первым среди них, он начал действовать с 1920 года, первые годы под названием Подкарпат-

ский земледельческий союз. Эта организация была известна в 1920-х – начале 1930-х годов как партия Ивана Куртяка, которую после его смерти в 1933 году возглавил Андрей Бродий. Эта партия почти не маскировала свою конечную цель – вернуть край под власть Венгрии. С самого начала и до конца существования этой партии ее деятельность поддерживалась венгерским правительством хортистов.

Причем оно финансировало не только Ивана Куртяка, который еще при правительстве Михая Каройи открыто выступал за сохранение Подкарпатья в составе Венгрии, а после включения его в состав Чехословакии отказался принести присягу на верность ей, поменял профессию учителя на профессию политика и делал все для поддержки планов и интересов Венгрии, но и его преемника на посту руководителя Автономного земледельческого союза. Андрей Бродий продолжил политику своего предшественника. Венгерские историки, Магда Адам и другие, в своих трудах приводили отрывочные суммы, выплаченные этим лидерам и их стороннику в США Алексею Геровскому.

Положение второй партии аналогичного типа – Русской национальной автономной партии и ее руководителя Степана Фенцика было более шепетильным. Эта партия создавалась по прямому заказу польского правительства, с определенным целевым заданием и в первой половине 1930-х годов добилась успеха. Ее лидер Степан Фенцик стал депутатом чехословацкого парламента. О его тайных планах знали в Будапеште и следили за его деятельностью с подозрением. Его партия стояла на пути Автономного земледельческого союза.

Обе эти партии манипулировали словом «автономия» и включили его в свои программы и названия партий. Они воспользовались невыполнением чехословацким правительством постановлений Парижской мирной конференции и собственного обещания предоставить Подкарпатской Руси автономию, выдавали себя борцами за интересы населения края. Только в 1934 году правительство Чехословакии начало обращать более серьезное внимание на положение в своей восточной провинции.

Глава седьмая

Накануне перемен

В разгар экономического кризиса в Чехословакии были проведены муниципальные выборы. В Ужгороде в них участвовало 19 партий и блоков. Абсолютное большинство среди них составляли чешские (некоторые под названием «чехословацкие») партии или их филиалы.

В выборах приняли участие 10 220 человек. На первом месте в столице Подкарпатя оказались объединенные венгерские партии — 2123 голоса, второе место заняли коммунисты с 2050 голосами. Отдельными списками шли венгерские социал-демократы, собравшие 186 голосов своих сторонников, Чехословацкая рабочая партия коммунистов — 360 голосов, три еврейские партии: сионистов, получивших 830 голосов, ортодоксов — 512 и Еврейская народная партия — 250 голосов. Республиканская аграрная партия собрала всего 589 голосов, а Чехословацкая социал-демократическая — на один голос меньше. Народно-христианская партия (Волошина) набрала 340 голосов, а Блок русских партий — 262 голоса. Остальные голоса поделили между собой выступавшие под разными наименованиями чеш-

ские партии, набравшие ничтожное количество голосов¹.

В связи с таким результатом голосования возникает вопрос: каким был национальный состав жителей основных городов Подкарпатской Руси — Ужгорода, Мукачева и Берегова? По чехословацкой переписи 1930 года в Ужгороде в то время проживало 26 675 человек. Из них русинами были записаны 6200 человек, венграми — 4490, евреями — 7357 (27,6%), чехами (чехословаками) — 4572 человека². Во втором по величине городе Мукачево состав основных национальностей выглядел следующим образом. Из всего населения, 26 102 человек, русинов в нем проживало 6476, венгров — 5561, евреев — 11 313 (43,9%), чехов — 2284 человека. В Берегове тогда было всего 19 007 человек, из них русинами себя считали 1954 человека, венграми — 9180, евреями — 5680 (29,9%), чехами — 2279 человек³.

Как свидетельствует статистика, все три основных города Подкарпатской Руси были многонациональными, и в то же время ни одна национальность в них не имела абсолютного большинства.

Кроме того, выборы в муниципалитет Ужгорода приоткрыли расклад политических сил и позволили предположить тенденции развития ситуации. Прежде всего, вопросы вызывало незначительное влияние Республиканской аграрной партии и ее союзников по правящей коалиции. Это был сигнал о потере первого места, завоеванного на парламентских выборах в 1929 году. Этому способствовала не только политика пражского правительства по отношению к Карпаторусьскому краю, как официально именовался он в эти годы, но, среди прочего, и последствия экономического кризиса.

Эти разрушительные последствия так и не были преодолены до конца существования довоенной Чехословакии. Положение разоренной промышленности называлось словом «стагнация», единственное исключение — три химических завода, выполнявших военные заказы. В 1930-е годы в Подкарпатье насчитывалось более 120 фабрично-заводских предприятий. В годы кризиса многие закрылись, пять из них не возобновили производство. Из 107 действовавших под конец 1930-х годов более половины были деревообрабатывающими, 17 — строительными, 6 — металлообрабатывающими и так далее. На этих предприятиях были заняты 19 113 рабочих⁴. Из них 4625 человек работали в деревообрабатывающей промышленности, 1222 — в химической, 1145 человек — в промышленности стройматериалов⁵.

Продолжался процесс обнищания сельского населения. Категория малоземельного крестьянства увеличилась, продолжалось разорение крестьянских хозяйств, не имевших возможности вырваться из долгов, взятых под земельный

заклад. Не могли они выплачивать и всевозможные налоги и поборы. В эти годы население целых районов края на 80–100% оказалось должниками банков за кредиты, проценты на них и за неуплату налогов. В 1936 году только ипотечная задолженность жителей края составляла около 800 млн. корун, причем 487 миллионов из этой суммы приходилось на малоземельных крестьян⁶.

В торговле все еще не была прекращена дискриминационная политика тарифов по перевозке товаров железной дорогой, об этом мы уже писали.

По данным чехословацкой статистики, в 1930 году население края насчитывало 725 957 человек. Из них 446 916 человек — украинцев, местных жителей, называвшихся русинами (они составляли тогда 62,2% всего населения); венгров — 109 427 человек (14%); евреев — 91 255 (11%); чехов и словаков — 33 961; немцев — 13 249; румын — 12 641; цыган — 1357 человек⁷.

Закарпатье было бедным краем, население которого в основном занималось сельским хозяйством и лесоводством. Среди занятых в этих отраслях хозяйства было 366 тыс. русинов (украинцев), 67 тыс. венгров, 19 тыс. евреев, 6 тыс. немцев, 5 тыс. чехов и словаков. Следовательно, подавляющее число крестьян и лесорубов составляли русины.

Работавших в промышленности и разных сферах ремесла было 86 тыс. человек. Из них — 28 тыс. русинов, 22 тыс. евреев, 19 тыс. венгров, почти 3 тыс. немцев. В этой области деятельности вслед за русинами по численности шли евреи и венгры.

В торговле, на транспорте и в банковском деле были заняты 64 тыс. человек,

то есть только на четверть меньше, чем в промышленности и промыслах, причем более половины работавших в этих сферах составляли евреи. Их было 35 тыс., русинов — 12 тыс., венгров — 8 тыс. и почти 5 тыс. чехов и словаков. Евреи занимались торговлей не только в городах, но и почти повсеместно в селах. Среди горожан был велик удельный вес еврейского элемента, о чем сказано выше.

Большой бедой для населения Подкарпатской Руси являлась постоянная безработица или неполная занятость. Еще в начале 1936 года четверть всех рабочих оставалась безработной, а среди сезонных рабочих и отходников до половины не могли найти работу. Помощь со стороны государства безработным была обставлена так, что ее на короткий срок (до шести недель) могла получать примерно только 20-я часть безработных, да и то мизерные геллеры, которых семейным не хватало и на один хлеб.

В то же время предприниматели, пользуясь безработицей и тяжелым экономическим положением в крае вообще, ухудшали условия труда тех, кому удалось сохранить место работы. Особенно это проявлялось в нарушении провозглашенного в республике восьмичасового рабочего дня, который часто произвольно увеличивали до 12 часов (а иногда местами и больше). Одновременно шел процесс сокращения поденной оплаты на государственных предприятиях. Так, по данным лесных дирекций, поденщина с 1929 по 1936 год сократилась на треть⁸.

Официальные правительственные круги не скрывали, что сохраняют Подкарпатский край как резервуар рабочей силы для других частей республики, осо-

бенно Чехии и Моравии. Существовавшие в крае посреднические организации за десятилетие (с 1928 по 1938 год) завербовали на работу в Чехию более 100 тыс. человек⁹. Особенно были довольны в чешских семьях домработницами из Подкарпатя, поскольку они выполняли любую работу за мизерную плату.

Такое положение населения края создавало благоприятную почву для деятельности политических партий: одним — для обмана населения различными обещаниями, другим — для мобилизации трудовых масс на борьбу за улучшение жизни угнетенного народа.

Приход к власти в Германии национал-социалистов во главе с Адольфом Гитлером, начавшим явочным порядком ломать предписания мирных договоров версальской системы, нерешительность и попустительство ему со стороны Англии и Франции вдохновляли и другие страны на реванш за поражение в Первой мировой войне. В частности, Венгрия с нетерпением ждала момента, когда и она сможет реально вступить на путь постепенного территориального приращения страны. А у Будапешта были претензии ко всем окружавшим страну государствам — Чехословакии, Румынии, Югославии, сплоченным в Малой антанте, острием своим направленной против Венгрии. Тогда Венгрия не высказывала открыто свои требования к Австрии, находясь в договорных отношениях с блоком стран Римских протоколов — Италией и Австрией.

Будучи малой и слабо вооруженной страной, руководители которой понимали, что собственными силами страна не сможет одолеть своих противников, Венгрия до поры до времени маскировала

свои цели заявлениями о том, что добиваться изменения намерена мирными средствами. И в то же время Венгрия искала союзников, при помощи которых, если подвернется случай, смогла бы обратиться к силовым действиям. В середине 30-х годов ее правители стали убеждаться, что Германия безнаказанно совершает один шаг за другим, нарушая взятые на себя обязательства по Версальскому мирному договору. Гитлеровцы стали консультировать своих венгерских собеседников, они рекомендовали избрать тактику поочередного решения территориальных вопросов. Лично Гитлер, соизмеряя свои планы, в беседах с венгерскими руководителями несколько раз рекомендовал им сосредоточить свои усилия прежде всего против Чехословакии, в которой Венгрии интересовала Словакия и, в первую очередь, Подкарпатская Русь. Поскольку хортисты с момента возникновения их режима рассчитывали на Германию как потенциального союзника, они клюнули на эти предложения, способствовали сближению Италии с Германией и довольно цинично пожертвовали Австрией¹⁰. Предложения германских руководителей импонировали венгерским и потому, что они были облечены в формулу «что вместе потеряли, то вместе и приобретем». Она позволяла хортистам надеяться на военный союз с гитлеровской Германией.

В связи с этим положение в Чехословакии усложнялось из-за международных отношений в Европе и мире. В то время (в середине 1930-х годов) в политической жизни республики намечалась перегруппировка сил. Предполагалось привлечь на свою сторону крайне правых вплоть до

фашиствующих и тем самым расширить базу сторонников, ориентированных на Берлин. Этот процесс происходил и внутри партий правящей коалиции. Аграрии хотели упрочить свои позиции путем включения в правящую коалицию Судето-немецкой партии Генлейна и словацкой партии глинковцев.

Тогдашнее руководство страны, видя опасность со стороны вырисовывавшегося фашистского блока, установило после 16-летней волокиты дипломатические отношения с Советским Союзом на принципе суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Когда в марте 1935 года гитлеровская Германия в одностороннем порядке ввела всеобщую воинскую повинность и вместе с Польшей сорвала заключение Восточноевропейского пакта, Чехословакия вслед за Францией подписала 16 мая 1935 года договор с СССР о взаимопомощи. Однако он отличался от соглашения с Францией оговоркой, на которой настаивала делегация Чехословакии, что он вступает в силу только в том случае, если Франция окажет помощь подвергшейся нападению стране.

Через три дня после этого, 19 мая, состоялись выборы в чехословацкий парламент. Вышеизложенные события оказали влияние на их исход. Вдохновленные политикой Германии судетские немцы – партия Генлейна вышли на первое место в чехословацком парламенте, получив 44 мандата. Глинковцы в Словакии в блоке с более мелкими автономистскими партиями собрали 489 641 голос (на 80 тыс. больше, чем в 1929 году) и получили в палате представителей чехословацкого парламента 22 мандата¹¹.

Компартия собрала на 96 тыс. голосов больше, чем на предыдущих выборах, и сохранила 30 мест в палате депутатов. В целом расстановка политических сил в республике почти не изменилась. Новым председателем Республиканской (аграрной) партии стал лидер ее правого крыла Рудольф Беран, взявший курс на сближение с Германией, надеясь достичь этого путем постепенной фашизации страны.

В ноябре 1935 года руководство аграрной партии без согласования с партнерами по правящей коалиции заменило премьер-министра на представителя словацкого крыла своей партии Милана Годжу. Старый больной президент республики Томаш Масарик известил нового премьера о своем намерении подать в отставку и на этот пост рекомендовал своего сподвижника с периода эмиграции в годы Первой мировой войны и бессменного министра иностранных дел Чехословакии с момента ее образования Эдварда Бенеша. Но аграрная партия попыталась провести свою кандидатуру, однако безуспешно. 18 декабря 1935 года Бенеш был избран президентом уже в первом туре голосования.

Что происходило к этому времени в Подкарпатской Руси? Тогда на выборах в чехословацкий парламент на первое место вышла краевая организация Коммунистической партии Чехословакии, собрав 78 994 голоса¹², она получила три места в палате представителей. Оба филиала Республиканской аграрной партии Чехословакии в Подкарпатской Руси, русский и украинский, набрали 60 774 голоса и получили два мандата в палате представителей. Украинский филиал Социал-демократической партии Чехословакии полу-

чил поддержку 29 717 избирателей и одно место в палате представителей. Эта партия входила в состав правящей коалиции, потерпевшей в Подкарпатской Руси сокрушительное поражение — оппозиция к ней собрала 63% голосов. Среди других партий, участвовавших в выборах, больше всех голосов собрал Автономный земледельческий союз (партия Куртыка — Бродия) — 44 982 голоса и вошел в парламент с одним мандатом. На этих выборах у них появился конкурент, тоже выступавший под лозунгом борьбы за автономию края. Это была Русская национальная автономная партия, созданная Степаном Фенциком в марте 1935 года и с ходу вошедшая в парламент, получив на выборах вместе с Русской трудовой партией немногим больше 28 тыс. голосов. Объединенная венгерская партия в блоке с немцами собрала 34 тыс. голосов, и ей также достался один парламентский мандат. Остальные партии в парламент не прошли. Народная христианская партия (Волошина и братьев Брашайко) вместе с Чешской народной партией в Подкарпатской Руси получили всего 7321 голос¹³.

Еще до выборов 1935 года чехословацкое правительство начало менять свое отношение к Подкарпатской Руси. До прихода Гитлера к власти в Германии эта восточная область его особенно не интересовала, и в печати мелькали сообщения, что даже правящая верхушка в Праге считает ее вхождение в состав Чехословакии временным. Но теперь, когда венгерское правительство начало открыто предъявлять претензии на возвращение ей этого края и со стороны Германии нависла прямая угроза самому существованию Чехословакии, правительство ее призадумало.

лось. Прежде всего оно попыталось сплотить все части республики, создать внутреннее единство для ее защиты. Министр иностранных дел Эдвард Бенеш для этого развернул бурную деятельность и на международной арене. Участились встречи с союзниками по Малой антанте. В ноябре – декабре 1933 года Бенеш совершил турне по Словакии и в выступлении в Нове Замки 7 декабря заявил, высказываясь против венгерской ревизионистской аферы и рассчитывая на завоевание общественного мнения: «Без Словакии и Подкарпатской Руси не была бы возможной Малая антанта и вся концепция Средней Европы». Далее Бенеш подчеркивал: «Мы никогда не оставим Подкарпатскую Русь. Через Словакию и Подкарпатскую Русь мы строим свою политику, связанную с Малой антантой и всей Центральной Европой. Мы сохраним территориальную связь с Румынией»¹⁴.

В конце турне по Словакии Эдвард Бенеш встретился в Кошице с министром иностранных дел Румынии Николае Титулеску. Встреча проходила под знаком демонстрации силы Малой антанты против венгерской пропаганды, направленной на пересмотр, ревизию границ, установленных мирными договорами, как отмечал в своем донесении из Праги в Варшаву 11 декабря 1933 года польский посланник В. Гжибаньский. Они провели в городе митинг. «Их выступления с балкона выглядели довольно театрально», — отметил посланник. Основным мотивом Титулеску было: «ревизия — это война», и он обещал, что Румыния будет защищать Словакию.

В том же донесении польский посланник считал, что, может быть, тезис Бене-

ша был бы более реальным, если сформулировать его наоборот: «без Малой антанты и цельной концепции Средней Европы невозможно было бы удержать Словакию и Подкарпатскую Русь»¹⁵ — имея в виду в составе Чехословакии.

У Бенеша и Титулеску было основание бить тревогу. Пришедший к власти в Венгрии Дюла Гёмбёш раньше Гитлера в Германии произносил по всякому поводу много речей. Смысл их заключался в следующем: сначала он продолжил бытовавший в общественных кругах венгерский тезис «мирная ревизия мирными средствами», и в отличие от прежнего периода, когда эта проблема по тактическим соображениям пропагандировалась общественными организациями, он уже в декабре 1932 года как глава правительства заявил: «Мы официально представляем мирную ревизию». Он еще за два месяца до того в своей программе подчеркивал, что под «воскресением Венгрии» понимает «мирную ревизию»¹⁶. В интервью австрийской газете он вновь говорил о ревизии «мирными средствами»¹⁷.

После прихода Гитлера к власти тон заявлений Гёмбёша меняется. В беседе с корреспондентом германской газеты *Berliner Börsen-Zeitung* он сказал, что «Венгрия и Германия в известной мере связаны единой судьбой». В другом месте венгерский премьер открыто заявил: «Если ищите результаты моей работы, то это то, что ревизия стала международной проблемой»¹⁸.

Когда в мае 1933 года Бенеш и Титулеску предложили Гёмбёшу обсудить проблемы ревизии за зеленым столом, то последовал ответ венгерского премьера: «Предпосылкой мира является: сгладить

те несправедливости, на которых построена современная Европа»¹⁹.

В выступлении по радио, говоря о целях внешней политики Венгрии, премьер подчеркнул: «Упразднить несправедливости и ревизия»²⁰. Так постепенно ревизия становилась открытой официальной политикой венгерского правительства.

На ужине Союза общественных организаций итальянский посланник герцог Асканио Колонна в выступлении сказал, что венгерская и итальянская нации выполняют совместное творческое призвание, когда требуют ускорить исправление несправедливостей. В ответ Гёмбёш подчеркнул: «Если кто-то и понял историческое призвание Венгрии, так это Муссолини». Венгерский премьер повернулся в сторону портрета Бенито Муссолини, висевшего в зале, и продолжил: «Муссолини как в больших международных вопросах, так и в национальном занимает такую позицию, с которой мы полностью согласны». И добавил, что он готов следовать его примеру.

На выступления Бенеша и Титулеску в Кошице, о чем шла речь выше, Гёмбёш отреагировал следующим образом: он не поддерживает предложенное Бенешем Европейское единство вместо Дунайского, «пока в Европе не будут упразднены все несправедливости»²¹.

В период пребывания Гёмбёша в Риме в марте 1934 года Муссолини торжественно пообещал Венгрии, которую «изолировали, ограбили и унизили», помочь ей осуществить пересмотр Трианонского мирного договора и вернуть ей утраченные территории²².

Так ревизия из общественного мнения стала программой правительства, а отсюда и мировой проблемой²³.

Продолжая свою политику единства внутри страны и на международной арене, Эдвард Бенеш посетил Ужгород и 3 мая 1934 года произнес там двухчасовую речь. Поскольку он был одним из инициаторов идеи не предоставлять Подкарпатской Руси широкого самоуправления, а управлять краем из Праги при помощи чешской бюрократии, то ему нечего было сказать по интересовавшему население вопросу. Он начиная с 1919 года продолжал периодически пропагандировать надуманный тезис: якобы население края настолько отсталое не только из-за бедности, но и из-за отсутствия в его среде в достаточном количестве образованных людей, которые могли бы управлять краем. Ему пришлось остановиться только на истории включения территории проживания русинов к югу от Карпат в состав Чехословакии, где он был не просто участником, а, можно сказать, режиссером событий. Рассказывал он там об успехах чехословацкого правительства за прошедшие годы, особенно в области просвещения и школьного образования, и предложил всем трем течениям, придерживавшимся различных точек зрения по языковой проблеме – русофилам, украинцам и сторонникам русинизма, – договориться между собой.

С тех пор чехословацкое правительство стало на позицию поддержки «руського течения», в отличие от первых лет, когда поддерживало «малоруськое», то есть украинское, а затем целое десятилетие – прорусское. Эдвард Бенеш восхвалял проведенную в Чехословакии аграрную реформу, но ничего не сказал о том, что в Подкарпатье бедное крестьянство как не имело земли, так и осталось без нее и по-

сле реформы. Он затрагивал и проблему автономии и обещал предоставить ее русинам, как было записано в решениях Сен-Жерменского мирного договора и зафиксировано в конституции Чехословакии. Но когда? Этого он так и не сказал. Все перечисления Бенеша были направлены на то, чтобы убедить слушателей, да и тех, кто прочитает его выступление в газетах и отдельных брошюрах, опубликованных на французском, русском, чешском и украинском языках, в том, какую заботу проявляла и какие усилия предпринимала чешская администрация «в интересах русского народа»²⁴.

Лейтмотивом выступления Бенеша были его заявления о том, что Подкарпатская Русь является неотъемлемой частью Чехословацкой республики, судьба которой, таким образом, решена на столетия, и обещал совместно с приглашенными на лекцию слушателями защищать ее от всяких ревизионистских посягательств²⁵. Последний пассаж был не только направлен на сохранение единства Чехословацкой республики, но и прежде всего был адресован венгерским правителям.

В Венгрии отреагировали немедленно. На следующий день после выступления Бенеша в Ужгороде в газете «Мадяршаг» была опубликована статья «Против ревизии». В ней содержался ответ на выступление Георге Татареску в Клуже и Эдварда Бенеша в Ужгороде, в котором чехословацкий министр иностранных дел вновь обещал дать русинам автономию, чтобы «не допустить установления общей венгеро-польской границы»²⁶, то есть не дать возможности захвата Подкарпатской Руси хортистской Венгрией.

Проблемы ревизии мирных договоров затрагивал Дюла Гёмбёш и в выступлении в палате представителей венгерского парламента о внешней и внутренней политике²⁷.

После встречи Муссолини с Гитлером в Венеции Гёмбёш заявил: «Я могу смело сказать, что оправдалась моя внешняя политика»²⁸, направленная на содействие сближению фашистской Италии с нацистской Германией в расчете на расширение круга своих сторонников. И он уже на второй день после этого в выступлении в Шопроне ответил Бенешу и Титулеску: «Дайте ревизию, тогда сядем за стол переговоров»²⁹. Этот ответ звучал как ультиматум и означал: сначала верните требуемую от Чехословакии территорию, а после этого можно встретиться и за зеленым столом.

После избрания Бенеша президентом Чехословакии министром иностранных дел был назначен его единомышленник Камиль Крофта, который продолжал отстаивать установки Бенеша о необходимости защиты республики, в том числе и Подкарпатской Руси, от посягательств ревизионистов³⁰.

Угрозу фашизма и войны, прежде всего в Европе, понимали в середине 1930-х годов правящие круги многих государств, стремившихся оградить свои страны при помощи создания правительств народного фронта, как это было во Франции. Но вскоре это правительство было оттеснено от власти сторонниками сговора с гитлеровской Германией, перешедшими на позицию английских политиков, группировавшихся вокруг Невилла Чемберлена, сторонников так называемой политики умиротворения, пытавшихся сначала

удовлетворить аппетиты гитлеровцев за счет стран Средней Европы.

В 1935 году VII конгресс Коминтерна обсудил возникшую проблему и выработал новую политическую линию, направленную на создание единого народного фронта борьбы против фашизма и войны за спасение демократии. Таким образом он отодвинул на будущее стратегическую установку на социалистическую революцию и выдвинул в качестве первоочередной задачи борьбу за сохранение мира против рвавшихся в бой фашистов и нацистов, то есть задачу демократической революции. Между прочим, на этой базе в годы Второй мировой войны было создано объединение демократических государств — антигитлеровская коалиция.

Чехословацкая компартия на основе решений VII конгресса Коминтерна разработала программу действий, принятую на VII съезде партии в 1936 году. Она включала в себя обеспечение прав всех наций и народностей республики, расширение демократических прав и свобод населения, создание на базе единства рабочего класса широкого народного фронта борьбы против фашизма, за право чехословацкого государства на существование. Она ставила задачу упрочения союза Чехословацкой республики с Советским Союзом³¹.

Все, что сказано по этому поводу во втором томе «Очерков», свидетельствует о том, что авторы главы не разобрались в различии таких понятий, как политическая линия, стратегия и тактика³². Иначе они не стали бы критиковать Алексея (Олекса) Борканюка за его труды, опубликованные в свое время: «Всі до бою...» и «Чим є для нас Радянський Союз»³³.

Один из авторов этой главы первым написал хвалебную брошюру, посвященную жизни и деятельности А.А. Борканюка, секретаря Закарпатского крайкома Коммунистической партии Чехословакии, Героя Советского Союза, а другой — воевал в составе чехословацкого корпуса свободы против гитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Главный недостаток в трудах Борканюка авторы главы увидели в показе достижений СССР и Советской Украины в области экономики, просвещения, образования, науки. В вину ему ставят доброе отношение к Советскому Союзу, откуда вытекает односторонность, замалчивание «сплошной русификации на Украине» и другие недостатки, имевшие место в СССР. Учитывая положение и происхождение авторов этой главы, они вряд ли смогли бы получить высшее образование, а не то что стать учеными с научными степенями и званиями, если бы после Второй мировой войны Закарпатье не вошло в состав Украинской ССР.

Далее авторы главы распространили эти взгляды на всех коммунистов Закарпатье: «Коммунисты не только безосновательно восхваляли СССР, чем вносили путаницу в общественно-политическую жизнь, но и подвергали анафеме всех борцов за дело украинской государственности. Украина для крайкома возможна была только в союзе с СССР. Соборная украинская держава отвергалась как вражеская идея»³⁴. Авторы приведенных строк забыли или сознательно умалчивают о том, что именно в период вхождения Украины в состав СССР все земли Украины были собраны в единую державу, без СССР сегодняшней Украины не было бы.

До этого соборная Украина была только мифом. Свидетельство этому – революционные события и гражданская война на Украине 1917–1921 годов. Создание такой Украины не допустили тогда правившие бал творцы версальской системы.

Положение в Подкарпатской Руси после выборов в чехословацкий парламент, расклад политических сил, смена правительства в ноябре 1935 года (премьером стал правый лидер словацкого крыла аграрной партии Милан Годжа), неудачная попытка лидеров аграриев провести на пост президента свою кандидатуру, избрание Эдварда Бенеша президентом республики – все это завершило 1935 год.

В своей речи в Ужгороде Бенеш обещал, хотя и не конкретно, «в ближайшее время» предоставить Подкарпатью автономию. Новый премьер Милан Годжа сразу после прихода к власти решил оценить возможность решения этого вопроса. В проектах всех партий, ставивших его в повестку дня в 1930-е годы, с самого начала десятилетия содержались требования предоставить самую широкую автономию не только краю проживания русинов на южных склонах Карпат (на восток от Ужгорода), но и на Пряшевщине (от Попрада до Ужгорода). Учитывая это, Годжа решил посоветоваться прежде всего со своими земляками – словаками, в состав края которых с самого начала образования Чехословакии были включены земли того региона, в котором проживали русины. Естественно, словацкие власти не желали выпустить эту территорию из своих рук. После этого Годжа целый год уклонялся от разговора на эту тему с представителями Карпаторусьского края.

Поскольку Бенеш и Годжа понимали нереальность их рекомендации трем течениям в Подкарпатской Руси (прорусскому, украинскому и сторонникам местного «русского» языка) договориться о единой политике, единстве действий на будущее, они решили, что на данном этапе для чехословацкого правительства выгоднее всего опереться на «русское» течение, хотя оно было самым слабым. Но среди чешских этнографов появились охотники теоретически поддержать свое правительство. Так, один из них стал обосновывать старую венгерскую идею об обособленности, самостоятельности «русской» нации, которую легко будет слить с чешской и словацкой общностью³⁵.

Первым шагом в этом направлении были перемены в управлении краем. Еще сразу после выступления Бенеша в Ужгороде (май 1935 года) был снят с поста исполняющего обязанности губернатора (после смерти Антала Бескида в 1933 году) чех Антонин Розсипал, поддерживавший русофильское направление. Новым губернатором был назначен Константин Грабарь, пользовавшийся репутацией сторонника русинизма и согласившийся проводить прочехословацкую политику. Власть его оставалась ограниченной. Фактически он занимался в основном сглаживанием споров между русо- и украинофилами. Такой губернатор устраивал пражских правителей.

Какое же было действительное соотношение сил в политической и культурной жизни в Подкарпатской Руси между этими тремя течениями? Ранее уже говорилось о партийно-политической структуре, складывавшейся в 1920-е годы, о кристаллизации взглядов их активистов,

о переходе политических деятелей из одной партии в другую.

В обзоре политического положения в Подкарпатской Руси от 15 февраля 1937 года указывалось, что там борются за свое влияние пять сил: украинская, русофильская, прочехословацкая централистская, коммунистическая и венгерская. В принципе с этим можно было бы согласиться, если абстрагироваться от того, какие партии к какой силе отнесены автором справки. Так, по его мнению, «чисто украинское движение представляют»: Народно-христианская партия Августина Волошина и братьев Бращайко (Юлия и Михаила), которая поддерживает связи с Чехословацкой народной партией, с аналогичным движением в Восточной Галиции и общенациональной украинской эмиграцией как в Чехословакии, так и за рубежом. Эта партия издавала газеты «Українське Слово» и «Свобода».

К этому движению принадлежала и Украинская социал-демократическая партия. Ею руководил депутат чехословацкого парламента Юлий Ревай. Она сотрудничала с Социал-демократической партией Чехословакии, поддерживала постоянные связи с Украинской партией радикалов в Восточной Галиции, с украинскими группами в эмиграции и главным образом с эсерами (Григорьев) в Праге. Ее печатным органом была газета «Вперед».

Украинского направления была и Селянская партия во главе с Ириной Невицкой, придерживавшейся исключительно националистических взглядов, она поддерживала связи с крайне националистическими украинскими группами. Ее радикализм и шовинизм не способствовали росту авторитета. У этой партии

была своя газета «Народна Сила». Председателем Селянской партии считался крестьянин из села Грушово Иван Боднар. Партия сотрудничала даже с чешскими фашистами группы Гайды.

Чешские партии в Подкарпатской Руси создавали свои филиалы. Так, Республиканская аграрная партия имела целых три, в том числе украинский. Возглавил ее перешедший из социал-демократической партии Степан Клочурак. Партия издавала газету на украинском языке «Земля і Воля». Все эти четыре партии украинского направления были, по сути, лишь партиями салонного типа, активность они проявляли в предвыборные периоды, исключение составляли только социал-демократы, у которых была достаточно развита партийная структура.

В эту группу партий составителем справки не была включена краевая организация Коммунистической партии Чехословакии – самой влиятельной партии в Подкарпатской Руси: на довыборах в чехословацкий парламент в 1924 году она собрала более 100 тыс. голосов и стала самой крупной фракцией от Подкарпатъя в высшем законодательном органе Чехословацкой республики. Это была партия, которая первой после совещаний в Коминтерне и в чехословацкой компартии заняла позицию, что славяне Закарпатъя по национальности являются украинцами. С тех пор, с 1926 года, газету «Карпатська Правда» и другую печатную литературу она издавала на украинском языке. И в 1935 году компартия оставалась самой влиятельной политической силой края. Тогда она на выборах в чехословацкий парламент собрала 79 405 голосов³⁶ и получила три мандата в палате представителей – больше,

чем любая другая партия, принимавшая участие в выборах.

Из общественных организаций украинской ориентации, на которые опирались партии, считавшиеся такими (националистического толка), было общество «Просвіта». Оно имело восемь филиалов, 223 читальни, 146 драматических кружков, 21 оркестр (250 музыкантов), 98 хоров с 3304 участниками, 47 спортивных кружков, в которых занимались 680 человек³⁷. Председателем общества был Юлий Брашайко, адвокат из Ужгорода, а заместителем — Николай Долиной, главный врач ужгородской больницы.

По численности в Закарпатье сторонников между проукраинскими и прорусскими партиями фактически сохранялся паритет. Прорусских партий было тоже пять, правда, если не принимать во внимание малочисленную партию Русское национальное объединение под руководством директора гимназии Николая Драгулы, в которую входили в основном местные интеллигенты, считавшие себя русскими.

Среди партий прорусской ориентации на первом месте следует упомянуть русский филиал Республиканской аграрной партии Чехословакии, который фактически весь период существования республики между двумя мировыми войнами держал власть в своих руках. Печатный орган его назывался «Земледельческая политика». В Подкарпатье он проводил чешскую централистскую политику. Руководителями его были сенатор Эдмунд Бачинский, депутаты палаты представителей Павел Коссей и инженер Йозеф Заиц. Они использовали русофильское движение прежде всего против украинского движения.

К тому же чехи, создав в своей аграрной партии прорусский филиал, развалили единство действий других партий, выступавших под ширмой русскости.

К этим партиям относились Автономный земледельческий союз (партия Куртяка), который в рассматриваемый период возглавлял Андрей Бродий. Союз рассчитывал на поддержку прежде всего зажиточного крестьянства. Союз издавал газету «Русский Вестник», работал в контакте с венграми. Русская трудовая партия существовала с начала 1920-х годов под руководством Андрея Гагатко, а затем бывшего сенатора Илариона Цуркановича. С образованием в марте 1935 года партии Степана Фенцика — Русской национальной автономной партии — обе они фактически составляли единое целое. Фенцик под такой эгидой вел борьбу против чехословацкого правительства, хотя к России, к русским не имел никакого отношения и действовал, как было сказано выше, при финансовой поддержке правительства Польши, на средства которого издавал газету «Нашъ Путь», а затем «Карпаторусский Голосъ». Русская трудовая партия сохранила за собой печатный орган «Русская Земля». При Чешской партии народных социалистов был русский отдел, которым руководил Василенко, издававший газету «Карпато-русское слово».

Кроме политических партий к русофильскому течению принадлежал и ряд общественных организаций. Среди них самым массовым было общество имени Духновича. Секретарем его был Степан Фенцик, который прилагал все усилия для сохранения его русофильского направления. Это общество в течение все-

го периода чехословацкого господства оставалось стержнем этого направления в культурно-просветительной области. С 1936 года в Ужгороде давал о себе знать Русский национальный фонд, заслуживают упоминания Центр русских скаутов, Учительское общество Подкарпатской Руси, Общество помощи школам, Центральный союз подкарпатских студентов (всего около 200 человек), общество «Боян», объединявшее с 1926 года артистов, а также общество русских женщин в Ужгороде и Русская девичья организация в Мукачеве.

На эти общественные союзы и опирались политические партии. Кроме того, партия Степана Фенцика по инструкции из Варшавы находилась в тесном контакте с Чешской партией национального объединения.

Русофильское движение в Подкарпатье было довольно сильным. В 1920-е и в начале 1930-х годов оно пользовалось поддержкой губернатора и чешских вице-губернаторов. На его стороне была и партия Автономный земледельческий союз Ивана Куртяка. Тогда это русофильское движение делало вид, что занимает позицию на стороне чехов и разделяет их централистскую концепцию. Однако чешские власти уже тогда знали, что этот союз действует на средства венгерского правительства, а Фенцик добивается того же от польского³⁸.

После смерти Ивана Куртяка русофильское движение благодаря стараниям чехов распалось. Из его частей были созданы собственные русофильские группы в аграрной партии и партии лидовцев — народных социалистов. После распада русофильского движения часть их под ру-

ководством Илариона Цуркановича перешла на сторону чешских аграриев, а другая, под руководством Йосифа Каминского, — объединилась с Чешской партией народных социалистов. Небольшая часть их осталась со Степаном Фенциком и Андреем Гагатко. Так чехи одолели русофильское движение и использовали его в своих интересах. Они перешли к поддержке русинизма — самого слабого из трех политических течений.

Что касается венгерского политического направления в Подкарпатье, то сначала здесь действовали две политические партии: Венгерская партия христианских социалистов, которую возглавляли Эгри и Карой Хокки, и Венгерская национальная партия во главе с Эндре Корлатом. На парламентских выборах в 1935 году они совместно с немцами получили мандат в палату представителей. В 1936 году эти две партии объединились и образовали Объединенную венгерскую партию, руководящую роль в которой занял Эндре Корлат. Партия ориентировалась на хортистскую Венгрию и сотрудничала с Автономным земледельческим союзом Андрея Бродия.

В Подкарпатье тех лет заметным было и еврейское политическое движение, большинство в котором составляло ортодоксальное направление, а меньшинство — сионистское. Это движение было в крае довольно влиятельным, что объяснялось зажиточностью еврейского населения. На выборах в чехословацкий парламент еврейские партии не выступали самостоятельно, а поддерживали чешские. Так, лидер сионистов Хаим Кугель попал в парламент по списку Социал-демократической партии Чехословакии. На

проходивших тогда же выборах в краевое управление выступили две еврейские партии: Еврейская республиканская партия и Партия евреев в Чехословакии, набравшие 21 130 голосов³⁹.

Немецкое национальное меньшинство было малочисленным и не отличалось политической активностью. Тем не менее в крае существовали три партии: партия Генлейна, Немецкая социал-демократическая партия и Германский христианский союз. На выборах в парламент 1935 года они выступали вместе с венгерскими партиями.

Хотя число чехов, проживавших в Подкарпатье, было невелико, в крае существовали филиалы всех политических партий, действовавших в Чехии. На последних выборах в краевое управление чешские партии в Подкарпатье получили 80 тыс. голосов.

В период чешского господства в Подкарпатской Руси издавалось 118 газет, в том числе 70 выходили на русском, русском и украинском языках, 31 — на венгерском, 10 — на чешском, две — на иврите и пять газет были смешанными⁴⁰.

В период чехословацкого господства в Подкарпатской Руси, в 1920-е и особенно в 1930-е годы, когда там увеличилось число бежавших из России на Запад эмигрантов, в печати, на митингах, собраниях усилилась кампания вокруг языкового вопроса в Подкарпатье. Точнее, об этнической принадлежности большинства в крае — кто проживает на южных склонах лесистых Карпат, кто такие русины: русские, украинцы или особое славянское племя. Дело дошло до того, что в зависимости от учителей язык преподавания в школе был неодинаковым. Это зависело,

особенно в средних школах, от того, какие преподаватели-эмигранты преобладали — русские или украинцы.

В Подкарпатье в то время насчитывалось 930 народных (начальных) восьмиклассных школ; после окончания четвертого класса можно было поступить в гимназию или горожанскую школу. Горожанская школа сначала была четырехклассной, затем срок обучения сократили в ней до трех лет, назвав классы унифицированными. После ее окончания можно было продолжить учебу в специальных средних школах, окончание которых не давало права поступить в университет. В университет принимали только окончивших гимназию⁴¹.

Средних школ было на 1930 год 10, в том числе четыре гимназии, две учительские семинарии и торговая академия⁴². В народных школах велось преподавание на так называемом русьском языке по грамматике Панькевича, которая с каждым новым изданием приближалась к украинскому литературному языку, тогда таких школ было 404. Школ с чешским языком преподавания насчитывалось 154, венгерским — 104, немецким — 14, еврейским — 4, румынским — 3⁴³.

Накануне Второй мировой войны язык преподавания в средних школах — гимназиях, учительских семинариях (педучилищах) — зависел от педагогического состава. Так, в мукачевской гимназии языком преподавания был русский, а в торговой академии — украинский.

В Подкарпатской Руси в чехословацкий период светской высшей школы не было. Высшей школой была только Ужгородская духовная семинария, готовившая духовенство для греко-католической

церкви. Директор учительской семинарии в Ужгороде, лидер Христианско-демократической партии прелат Августин Волошин, как и коммунисты, выдвигал требование открыть украинский университет в Ужгороде. На заседании Украинского педагогического общества, проходившем 15 ноября 1936 года под его председательством, было принято решение открыть в Великом Бычкове украинскую гимназию для гуцулов, а в Ужгороде — украинский университет. В нем должны были быть философский и юридический факультеты и экономический и педагогический институты⁴⁴. Но из этих замыслов тогда ничего не вышло. Решение об открытии университета в Ужгороде было принято только в 1945 году Народной радой Закарпатской Украины.

В 1937 году языковая проблема обострилась до такой степени, что в сентябре министр образования Чехословакии издал распоряжение провести в «русских» школах Подкарпатской Руси референдум. На нем родители учеников должны были высказать свое пожелание: каким языком и по какой грамматике обучать их детей в школе. Родителям раздавались анкеты, составленные так, что в них не только полуграмотным, но и грамотным людям трудно было разобраться. По анкете можно было выбирать язык обучения — русский или украинский. В то же время оба пункта можно было зачеркнуть и вместо них написать — карпато-русский, малорусский или здешний народный и так далее⁴⁵.

Опрос был проведен по школам. Результаты голосования в целом по Подкарпатской Руси там, где оно было проведено, выглядели следующим образом: за преподавание по грамматике Сабо вы-

сказалось 73,19% (это была грамматика для преподавания русского языка в средних школах, подготовленная еще в начале 1920-х годов, но утвержденная министерством в качестве учебника только в 1936-м). За нее голосовали и все те родители, для которых не было разницы в фонетическом звучании слов «русский» и «руський». За преподавание на литературном украинском языке высказались 26,8% принявших участие в голосовании.

По отдельным местностям это выглядело следующим образом: в Березнянском округе в 30 школах голосовали за преподавание на русском языке, а в других 30 — на украинском. В Раховском округе из 29 школ в 19 высказались за преподавание на украинском языке, а в 10 школах голосование не проводилось. В Береговском округе в двух из 20 школ проголосовали за русский язык преподавания, в пяти — за украинский, а в 13 школах голосование не проходило. В целом в горных районах предпочли украинский язык преподавания, в средней полосе — русский, а в регионах, где компактно проживали другие национальности и существовали школы национальных меньшинств, референдум не проводился⁴⁶.

Чехословацкое правительство было удовлетворено результатами референдума, полагая, что ему удалось решить столь трудную проблему, да еще таким «демократическим» путем. Недовольной референдумом (как методом его проведения, так и подсчетом голосов) оказалась украинская сторона всех идеологических направлений. Даже Юлий Ревай, депутат от социал-демократической партии (входившей в правящую коалицию), в ходе парламентских дебатов в палате предста-

вителей заявил, что считает референдум антинаучным и незаконным.

Коммунистическая организация Подкарпатья решительно выступила против плебисцита. Она предложила решить проблему обучения детей в школах следующим путем: украинских детей обучать украинскому литературному языку, а там, где родители требуют, чтобы дети обучались на русском языке, открыть русские школы или классы с русским языком преподавания. Кроме того, в старших классах народных школ, в горожанских и средних украинских школах ввести изучение русского языка в качестве обязательного предмета и этим облегчить де-

мократическим элементам объединение в едином антифашистском фронте⁴⁷.

Только сторонники Степана Фенцика приветствовали результаты референдума. Предположения венгерских дипломатов строились исходя из создавшихся международных отношений, прежде всего наличия договорных обязательств Чехословакии с Францией и СССР. После проведения референдума они информировали свое правительство, посчитав, что все это – манипуляции чехословацкого правительства с целью сделать приятное для властей России. Польша видела в этом свой успех в ослаблении украинского движения в Подкарпатье.

Глава восьмая

Проблема автономии

Почти все политические группы Подкарпатской Руси со времени образования Чехословакии занимались этой проблемой. Чешские правители долго, насколько могли, затягивали ее решение. Для этого использовались различные поводы и доводы, о части из них мы уже говорили. Однако наконец стало невозможно дальше продолжать эту политику (в распоряжении правительства находился ряд проектов различного политического спектра – от Йосифа Каминского до Степана Фенцика). Прошло больше года после того, как новый премьер-министр по этому поводу имел беседу со своими земляками – словаками, которая надолго заставила его призадуматься: он не видел путей осуществления требований о присоединении к Подкарпатской Руси территории проживания русинов Восточной Словакии.

В этих условиях правительству удалось возродить Центральную русьскую народную раду, в которую вошли представители прочехословацкого, украинского (без коммунистов) и русофильского политических направлений. Рада подготовила проект автономии, причем правительст-

во не поддержало только некоторые его статьи. После доработки и завершения проекта автономии (этим занимались Эдмунд Бачинский с Юлием Реваем в ноябре; на этом этапе Милан Годжа привлек к работе над документом только депутатов из партий, входивших в правящую коалицию) в конце декабря 1936 года состоялось совещание. В нем приняли участие кроме министров и лидеры некоторых политических партий Подкарпатской Руси, в том числе от аграрной партии – сенатор Бачинский, депутат Коссей и инженер Заиц, от Христианской народной партии – Волошин, от социал-демократической партии – Ревай, от партии национальных социалистов – депутат Рихтер, а также представитель промышленников Подкарпатья Шпак¹.

Они потребовали от правительства предоставления губернатору Подкарпатской Руси широких прав, создания в Ужгороде собственных дирекций железных дорог, почт и телеграфа и перевода из Праги в Ужгород высшего правления для Подкарпатского края.

После совещания в декабре подкарпатские украинские лидеры Августин Во-

лошин и Юлий Ревай провели несколько переговоров с премьером республики Миланом Годжей и создали в Чехии несколько эмигрантских центров.

Местные украинцы еще не имели достаточного количества собственной интеллигенции. В Праге активно действовали партия Ирины Невицкой и Союз подкарпатских украинских студентов. Руководил им Степан Росоха, украинский шовинист, редактор газеты «Пробоем», который не любил поляков и оппозиционно относился к чехословацкому правительству. Эмигранты с Украины и Галиции в Праге в то время группировались вокруг Украинского комитета Макаренко или организации инженера Галко. Между закарпатскими украинцами в Праге и эмигрантами с Украины имелись и противоречия. Местные украинцы желали перевести украинские культурные центры из Чехии в Закарпатье, а эмигранты хотели удержать в своих руках Вольный украинский университет в Праге, украинскую гимназию и экономическую академию в Подьебрадах.

В связи с намечавшейся автономией местные украинцы рассчитывали использовать эмигрантов в области просвещения и администрации. Они боялись, что из-за недостатка украинской интеллигенции Подкарпатьем вскоре после получения автономии могут овладеть венгры и евреи. Украинские эмигранты с этим были согласны, но с «небольшим нюансом». Они считали, что при получении автономии они должны занять руководящие посты в крае в любом случае².

В руководстве коммунистической организации края по поводу автономии имелось особое мнение. С 1935 года она

вела политику, направленную на защиту Чехословацкой республики от угрозы, нависшей со стороны гитлеровской Германии. Партия призывала трудящиеся массы Подкарпатья в собственных интересах объединить свои силы с чешским, словацким, немецким, венгерским народами в борьбе с захватническими намерениями гитлеровской Германии и ее союзников, на защиту Чехословацкой республики. Одновременно компартия выступала против предоставления Подкарпатья автономии в этих условиях, подчеркивая, что в данной ситуации это неизбежно привело бы к отрыву его от Чехословакии и овладению им фашистскими государствами. Против всех планов автономии различных националистических партий компартия предложила конкретную программу осуществления полного равноправия трудящихся края. Она была представлена правительству и всем лидерам политических партий³.

Но события развивались по-другому. Правительство Годжи, отклонив все имевшиеся проекты, связанные с предоставлением краю автономии, а также предложение коммунистов, издало временный закон № 172, вступивший в силу в октябре 1937 года, по которому несколько расширились полномочия губернатора края. Он получил право назначать часть чиновников, более активно непосредственно вмешиваться в споры по церковным и языковым делам, стал во главе краевого управления. Если существовавшая при губернаторе рада двадцати четырех раньше частью избиралась, а частью назначалась, то теперь она полностью назначалась произвольно им. Так, политические партии в ней были представлены не в со-

ответствии с их весом в общественной жизни, а как ему легло на душу. Этот закон продлевал чешское правление в Подкарпатье, откладывал учреждение местного сейма, позволял пражской администрации и далее по своему усмотрению решать все проблемы, относившиеся к внутренней жизни края. Его называли даже первым этапом введения автономии, который по существу ничего не дал населению края⁴. Но несмотря на это, губернатор и другие сторонники правящих кругов восхваляли этот закон как шаг вперед по созданию сильной, ориентированной на Чехословакию автономной Подкарпатской Руси⁵.

В 1937 году активизировали свою деятельность Автономный земледельческий союз и Русская национальная автономная партия. Хозяев этих партий — венгерское и польское правительства — беспокоило отсутствие единства в их действиях при наличии единых целей. Оба эти правительства продолжали финансировать деятельность партий: венгерское — земледельческого союза, а польское — Русской национальной партии. В архиве польского МИДа в деле 5459, озаглавленном «Карпаторусские — Фенцик. 1937», хранятся материалы о финансировании движения Фенцика в Чехословакии. Первая телеграмма в этом деле: распоряжение польского МИДа за подписью Яна Шембека посланнику в Праге от 5 января 1937 года выплатить Русинскому 55 тыс. чешских корун, которые министерство возвратит посольству⁶. 12 апреля 1937 года МИД Польши дал секретное указание посланнику в Праге осуществлять выплаты Фенцику в обход длинного пути прохождения их через США⁷.

22 мая польский посланник в Праге Казимир Папее доносил Тадеушу Кобылянскому, заместителю директора политического департамента МИДа Польши, что в связи с установлением выборов в местные органы власти Русинский обратился в польское посольство с просьбой ассигновать ему дополнительные дотации для проведения предвыборной агитации. Посланник считал этот взнос обоснованным, ибо ежемесячную дотацию в 20 тыс. корун приходится расходовать на партийные нужды, которые составляют (по утверждению Фенцика): 8 номеров газеты «Нашь Путь» в месяц по 1300 корун — 10 400 корун; 35 платных партийных секретариатов по 400 корун в месяц — 14 тыс. корун; всего 24 тыс. корун. Кроме того, в этом году издано 40 агитационных брошюр, улажены личные дела, споры, судебные процессы. В ответ Кобылянский сообщил: он не против того, чтобы использовались 40 400 корун, которые были отпущены Русинскому на оплату залога суду в случае его ареста. Но 24 июня Папее подробно доложил, как и куда Русинский уже израсходовал эти деньги, и просил выделить дополнительные средства на предвыборную кампанию⁸.

5 октября 1937 года Казимир Папее прислал в МИД Польши письмо с приложением газеты «Нашь Путь» (от 11 сентября 1937 года), в которой помещен полный текст открытого письма Фенцика губернатору Подкарпатского края Константину Леонтьевичу Грабарю, с просьбой опубликовать его в польской печати, поскольку часть его в Чехословакии конфискована цензурой. В открытом письме сказано, что автономия Подкарпатской

Руси гарантирована 16 лет тому назад, 10 сентября 1919 года, по Сен-Жерменскому договору в статьях 10–13, статье 81 мирного договора с Германией, статье 53 мирного договора с Австрией, статье 48 мирного договора с Венгрией; параграфом 3 главы I конституции Чехословацкой республики, генеральным статутном. В генеральном статуте указано, что сейм Подкарпатской Руси избирается не позднее 90 дней (после первых выборов в чехословацкий парламент).

Далее в открытом письме говорилось, как в конституции Чехословакии изменены статьи Сен-Жерменского мирного договора (перед которым ответственен сейм Подкарпатской Руси). Там обращено внимание на то, что в договоре говорится: Подкарпатской Руси в чехословацком парламенте принадлежит соответствующее представительство, а в конституции – «справедливое представительство». Эта «справедливость» на практике демонстрируется тем, что в Чехии один депутат избирается 24 тыс. голосов, а в Подкарпатской Руси – 34 тысячами. Из этого письма изъято все, что было написано против Грабаря лично⁹.

Замысел польского МИДа о том, чтобы не ослаблять силы партий, выступавших против чехословацкого режима в Подкарпатье, имел следующие последствия. 17 ноября 1937 года польский консул в Ужгороде М. Халупчинский уже доносил посланнику в Праге Папее о первой конференции Русской национальной автономной партии и Автономного земельного союза, состоявшейся 7 ноября в Мукачево. Но на этом первом заседании фенциковцы с бродиевцами договорились только о том, что вновь встретят-

ся 3 декабря. Второе заседание состоялось в назначенный срок. По зафиксированным тогда материалам известно, что союз предложил тесное сотрудничество с последующим слиянием двух партий, а представители национальной партии отклонили эту инициативу, ссылаясь на отсутствие у них полномочий. Консул сделал вывод: «До их слияния далеко».

7 декабря Халупчинский доносил посланнику о второй конференции этих партий, состоявшейся 3 декабря в Мукачево. Михаил Демко заявил об отказе президиума союза принять предложение Русской партии. Фенциковцы соглашались только на кооперацию¹⁰.

В то же время в Национальном собрании Чехословакии был образован клуб Национальной лиги и Русской национальной автономной партии. По этому поводу было договорено с Русинским, что тот будет стремиться втянуть в него депутатов союза Андрея Бродия и Ивана Пешака. Из этого же документа следует, что союз не вошел в этот парламентский клуб, ибо Фенцик заключил союз с самыми крайними чешскими шовинистами. Из письма консула следует, что поляки были за объединение двух этих партий.

В донесении польского посланника в Венгрии от 18 января 1938 года о второй конференции содержится просьба к своему правительству, чтобы оно переговорило с венгерским правительством с целью оказания давления на Бродия, который таким способом прекратил бы борьбу с Фенциком¹¹.

В феврале и марте польский консул в Ужгороде М. Халупчинский посвятил отношениям Русской национальной автономной партии и Автономного земле-

дельческого союза несколько специальных донесений. Из них видно, что после двухмесячного перерыва переговоров об общей платформе 18 февраля (датированный 10 февраля) союз дал ответ на ноту РНАП на 38 страницах. Ответ был дан в грубой форме. Союз настаивал на объединении двух партий, что составило бы, по утверждению бродиевцев, фронт автономистов в 100 тыс. голосов (62 тыс. — земледельческий союз и 29 тыс. — Русская партия). Объединение предлагалось провести на платформе Центральной русской народной рады.

О проекте автономии Фенцика в этой мемориальной записке сказано: он есть живое доказательство измены самой программе Русской национальной автономной партии, как и автономии и карпато-русскому народу¹².

Польский консулат в Ужгороде рекомендовал Русинскому союзу сдержанно и предложить возможность переговоров о сотрудничестве. Он информировал свое начальство, что письмо, которое будет передано в ближайшие дни через президиум Русской партии в секретариат союза, подготовлено в консульстве совместно с Фенциком и положения его вполне приемлемы. Самостоятельность партии нужно сохранить, а сотрудничество Фенцика в парламенте с Национальной лигой И. Стршибрного подсказано расширить и на бродиевскую группу¹³.

Халупчинский 12 апреля послал странное донесение польскому посланнику из Ужгорода в Прагу о ситуации в Подкарпатской Руси после аншлюса Австрии. Он констатировал, что венгры зашевелились. Автономисты впервые вы-

ступили в чехословацком парламенте единым фронтом солидарности с требованием предоставить автономию Подкарпатской Руси¹⁴. В пражском парламенте 6 апреля была предпринята попытка образовать оппозиционный блок партий Подкарпатской Руси. Согласно протоколу этого совещания, представители коммунистической организации края выступили в защиту Чехословацкой республики и демократического строя. В самом Подкарпатье через несколько дней возобновились настроения беспокойства, нервозности, дезориентации и паники. Ждут перемен.

Посланник Польши в Праге Папее еще в марте информировал МИД Варшавы о непопулярности Фенцика в среде словацких автономистов — лидовцев и предлагал наладить сотрудничество автономистов Словакии и Подкарпатской Руси. По этому поводу польский консул в Братиславе Вацлав Лацинский 9 апреля информировал посланника в Праге Казимира Папее, что он беседовал с Глинкой и Сидором, но те не проявили интереса к сотрудничеству с автономистами Подкарпатской Руси, ибо их программа касается (якобы) только территории Закарпатья. На самом деле причина скрывалась в том, что те претендовали на Пряшевшину. Чтобы консул отстал от них, договорились: словацким автономистам еще раз предложит сотрудничество сам Фенцик¹⁵.

О положении в Подкарпатской Руси консул в Ужгороде Халупчинский систематически информировал посланника в Праге. Так, 10 мая он уделил внимание причине того, что не удалось втянуть Автономный земледельческий союз и Рус-

скую национальную автономную партию в задуманный ими «народный фронт» представителей партии правящей коалиции. Ибо, по его мнению, сотрудничество Бачинского и Коссея с Бродием и Фенциком зависело не от них самих, а от чешского депутата Заица из лагеря аграриев. В результате между автономистами-ревизионистами (Бродий, Фенцик) и активистами-угодниками (Бачинский, Коссей) нет сотрудничества, которое имело бы практическое значение. И он обратил внимание на то, что Венгрия добивалась слияния этих партий, а вышел только блок их сотрудничества в чехословацком парламенте¹⁶.

Заместитель директора политического департамента МИДа Польши Тадеуш Кобылянский сообщал в посольство в Прагу 6 мая 1938 года о беседе советника министерства Ветулани с советником венгерского посольства в Варшаве Йозефом Криштоффи об отношениях между Степаном Фенциком и Андреем Бродием. По записи этой беседы (состоявшейся 30 апреля), Криштоффи рассказал собеседнику о полном отсутствии взаимопонимания между Фенциком и Бродием. Фенцик не хочет слияния двух партий, он согласен лишь на сотрудничество в парламенте, и то с условием.

По Фенцику, основой сотрудничества должно быть принятие Бродием его проекта автономии Подкарпатской Руси. Конференция о сотрудничестве между ними отложена. Бродий написал грубое письмо Фенцику с требованием за основу сотрудничества принять его проект автономии. Фенцик отверг предложение Бродия, но согласился, чтобы за основу сотрудничества был принят тот проект, ко-

торый будет первым обсуждаться в чехословацком парламенте. Криштоффи полагал, что Бродий уступит, прибавляя к этому мнению венгерского консула в Братиславе Дюлы Петравича (который по заданию венгерского правительства курировал весь этот вопрос в Чехословакии) о Фенцике, согласно которому тот не имеет данных быть лидером партии в парламенте — не выступает при обсуждении бюджета и так далее. По мнению венгерского консула в Братиславе, в Фенцике есть что-то от политического авантюриста, на него нельзя полагаться. Тадеуш Кобылянский пообещал, что МИД Польши рассмотрит ситуацию в Закарпатье и свою позицию сообщит посольству в Праге и консульству в Ужгороде¹⁷.

В то время польских дипломатов беспокоило то, что Венгрия мало делает в отношении определения будущей принадлежности Карпатской Украины. Закарпатье оставалось, по мнению Халупчинского (судя по его донесению в посольство в Прагу), самым спокойным краем в республике в смысле русского постулата «моя хата с краю». Чехи стремятся найти там опору.

На 8 мая приходилась 19-я годовщина принятого постфактум (после оккупации Ужгорода чехословацкими войсками при поддержке французского генерала Эдмона Эннока и итальянского полковника Чаффи) решения Руськой народной рады о присоединении Подкарпатского края к Чехословакии. Правительство Чехословацкой республики попыталось провести великий народный праздник «добровольного присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии». Однако, по мнению польского консула в Ужгоро-

де, население этот замысел полностью игнорировало¹⁸.

Между тем по согласованию с Венгрией Андрей Бродий пригласил в Закарпатье из США делегацию в составе трех человек. В нее вошли: глава Карпаторусского союза в США Иван Попп, его генеральный секретарь Алексей Геровский¹⁹ и православный священник Иван Янчишин.

Делегация прибыла через Париж, где ее встретил Бродий, в Ужгород 12 мая. К этому времени в Закарпатье была реанимирована Центральная русская народная рада. От ее имени Бродий приветствовал делегацию. В раду хотели вновь втянуть все русофильские течения, точнее тех, кто добивался своих политических целей под прикрытием русофильства, в том числе и русское крыло основной правящей партии — аграриев под руководством Эдмунда Бачинского. Однако это сделать так и не удалось.

Одновременно была создана и Украинская народная рада, в которой объединились социал-демократы во главе с Юлием Реваем, Народно-христианская партия Августина Волошина и украинское крыло аграрной партии Степана Ключурака. Коммунисты решительно выступали против обеих этих рад и предлагали трудящимся массам объединиться в одной Подкарпатской раде общей борьбы в защиту Чехословацкой республики, против фашизма, за мир и свободу Закарпатья²⁰. Милан Годжа был знаком с Алексеем Геровским со времен Первой мировой войны. Он позволил ему приехать в Чехословакию, надеясь перетянуть его на свою сторону, и даже сделал его посредником между чехословацким правительством и подкарпатскими автономистами.

Итак, американская делегация прибыла в Ужгород 12 мая, как раз в разгар кампании по выборам в местные органы власти Подкарпатской Руси. Они были проведены 22 и 29 мая только частично — в 59 избирательных округах, в остальных 210 округах они были отложены до осени из-за того, что предварительно назначенный срок проведения — 12 июня — совпал с первым днем церковного праздника — зеленых свят.

Результаты выборов оказались неутешительными прежде всего для так называемых партий автономистов. В архиве сохранилась таблица, содержащая данные результатов частичных выборов по Ужгороду, Мукачеву, Сваляве, Рахову, Тячеву, Воловому, Иршаве, Перечину, Хусту, Великому Березному, Севлюшу и Берегову. По этим данным, Русская национальная автономная партия потеряла по сравнению с предыдущими выборами шестую часть, а Автономный земледельческий союз — десятую часть голосов²¹. По другим данным, приведенным во втором томе «Очерков», на этих выборах автономная партия потеряла две трети голосов, а союз — половину²². Там же указано на ощутимое поражение Объединенной венгерской партии во главе с Эндре Корлатом и Кароем Хокки. Она стремилась к монопольному влиянию в среде венгерского населения края.

Деятельность делегации Алексея Геровского оценена в «Очерках» положительно: якобы ей удалось создать в июне блок ранее непримиримых противников — русофилов из земледельческого союза (бродиевцев) с аграриями Бачинского, причем сделано это в следующем выражении: «Консолидация самых влиятельных пар-

тий края имела большое значение для достижения автономии»²³. Аналогичная по смыслу оценка содержится и в названном труде Магочия. Противоречит действительности утверждение, что эти две партии были самыми влиятельными в Подкарпатье в то время.

Для маскировки действительных целей и намерений своего приезда делегация Геровского совместно с Центральной русьской народной радой собрала 29 мая едино все известные требования в отношении автономии и направила их пражскому правительству. Среди прочих сохранилось там предложение провести выборы в Закарпатский сейм до ноября. Правительство ничего из этого не выполнило. Премьер Милан Годжа был лидером правого крыла аграрной партии Словакии и приобщил к делегации прорусский отдел закарпатских аграриев и таким путем был в курсе дела всех замыслов Геровского и Бродия. В этот день на заседание Центральной украинской народной рады были приглашены ее представители и обсудили те же проблемы. На этом совместном заседании поочередно председательствовали Бродий, Ревай и Геровский. Бродий и Геровский, скрывая свои истинные цели, промолчали и согласились с принятым там заявлением о верности рад чехословацкому правительству.

За действиями Геровского внимательно следили в Варшаве, поскольку он грубо выступал против их агентуры – партии Фенцика. Из МВД Польши 11 июня 1934 года в МИД страны поступило донесение, что в США есть силы, выступавшие против Геровского, который никого не представлял, а поехал в Берлин и Будапешт вести переговоры о присоединении

Подкарпатской Руси к Венгрии при распаде Чехословакии²⁴. В донесении говорилось также о том, что коммунисты разоблачали прибывшую из США «делегацию», что это не представители американских украинцев, а подсланные фашиствующими силами авантюристы.

В середине июня польский консул в Ужгороде Халупчинский информировал свое начальство о том, что с трудом достигнутое несколько месяцев тому назад соглашение между автономистами вновь разладилось. В качестве причины он указывал на прибытие из США «делегации трех русинов». «Приезд Геровского – это диверсия в рядах автономистов», – писал консул. Он приводит неважное высказывание Геровского о Фенцике, который ему ответил и заодно нелестно отозвался о Бродии, патроне Геровского. Он сообщал, что союз возвратился к старому методу подрыва и уничтожения Русской партии (подкуп секретарей и так далее). Русинского пока удалось удержать от дальнейших реторсий и полемики, но примирить эти две партии нельзя. Польский консул рекомендовал Фенцику привлечь кого-то из депутатов венгерского национального меньшинства в чехословацком парламенте в качестве арбитра по политическим вопросам между ним и Бродием.

Затем Халупчинский сообщал: «Бродий вчера получил инструкцию, и он ее принял, как можно скоро отправить делегацию в США и начать переговоры с Фенциком»²⁵. К этому времени глава делегации Попп уже выехал в США, а Геровский пока только в Прагу. Задержался он в Чехословакии до 5 сентября.

В связи с ситуацией, складывавшейся в Подкарпатье в межпартийной борьбе,

представляет интерес совершенно секретное донесение польского посланника в Праге Казимира Папее в МИД Польши от 28 июня 1938 года. Оно было адресовано вице-директору политического департамента Тадеушу Кобылянскому с пометкой «в собственные руки». Посланник напомнил адресату об их беседе в Варшаве насчет возможной ликвидации в течение ближайших месяцев польской акции в Подкарпатской Руси. В связи с этим он внес свои предложения. Отметив, что на выборах в местные органы управления как партия Фенцика, так и союз Бродия потерпели значительное поражение, он попытался вскрыть его причины. Он видел потери Русской национальной партии, с одной стороны, в административных мерах, предпринимавшихся к ней (арест ряда секретарей), а с другой — в агитации бродиевцев, пригласивших из США православную делегацию. Но из-за споров с фенциковцами и сами бродиевцы понесли значительные потери.

В условиях, когда обе автономистские партии на выборах набрали незначительное число голосов, посланник рекомендовал «основательно изменить нашу позицию к этим делам». «По моему мнению, — продолжал он, — в ближайшее время следует начать ликвидацию Фенцика» — имея в виду его партию. Он предлагал всю ответственность «за положение на Руси» возложить на Венгрию. Ибо если не изменятся методы и руководство Автономного земледельческого союза, то произойдет усиление чешских централистских влияний. Ликвидацию на практике он представлял себе следующим образом: Фенцик получил бы одновременно двух-трехмесячную дотацию, причем

можно ему обещать, если бы он захотел, заступничество в Венгрии. Венгрию известили бы о прекращении поддержки Русской национальной автономной партии со стороны Польши. Казимир Папее полагал, что для Венгрии Фенцик был бы желательной личностью, если учесть, что он превосходит организаторскими способностями и агитаторским талантом как Бродия, так и Пешака. К тому же он имеет большое влияние. Если с ним согласен МИД, то посланник просил поручить порвать связи Польши с Фенциком консулу Халупчинскому и одновременно он поручил ему представить предложения о возможности дальнейшей акции в Подкарпатье с точки зрения общей украинской проблемы²⁶.

События, связанные с этой проблемой, в дальнейшем развивались следующим образом: Халупчинский получил инструкцию (как он доносил 13 июля посланнику в Праге Казимиру Папее) встретиться с венгерским консулом Дюлой Петравичем. Встреча состоялась в Братиславе. Собеседники обсуждали, как победить украинское течение в Закарпатье. Для этого решили поддерживать русское течение, которое постепенно переводить на карпато-русскую языковую концепцию, а со временем — на «угрорусскую». Об автономии договорились высказываться сдержанно, только в области теории. От созыва краевого сейма уклоняться, а если не будет возможности, то обеспечить в нем русофильское большинство даже ценой сговора с аграриями (чтобы те устранили свое украинское крыло). Во всем этом отражались уступки венгерской стороне, как и в вопросе о Русской национальной автономной партии. Аппарат партии Ру-

синского принять в партию Автономный земледельческий союз и его самого включить в ее иерархию. Петравич не предвидел ситуации, в которой пришлось бы склонять Русинского выехать за рубеж. По мнению венгерского консула, у него есть недостатки (расширять Русскую партию за счет Автономного союза), но он видел в нем и определенные положительные моменты, которых недоставало лидерам союза, в том числе «умственно ограниченному Бродию». После такой оценки Халупчинский предложил во главе объединенной партии провенгерских «автономистов» поставить Эмила Тороньского из Кошице²⁷. На этом фактически закончилась встреча консулов двух стран, обсуждавших и решавших судьбу двух партий Закарпатья и всего края.

После возвращения из Братиславы в Ужгород Халупчинский сразу провел с Русинским длительную беседу и информировал его о принятом решении: ликвидировать Русскую национальную автономную партию. Сообщил и то, что осуществить этот замысел на практике поручено ему. Это известие застало Фенцика врасплох и ввергло в истерику.

Сначала он не хотел переориентироваться на другую сторону (то есть на Венгрию), угрожал, что людской материал Русской национальной автономной партии перейдет на сторону аграриев, национальных социалистов и так далее. Но через два дня сменил тактику — пошел к лидеру партии венгерского национального меньшинства Эндре Корлату, согласился на сотрудничество с земледельческим союзом на основе парламентаризма, а с венгерским национальным меньшинством — по тем вопросам, которые его касаются²⁸.

Петравич с Халупчинским условились в июле встретиться еще раз. Но встречи не произошло. Сообщая об этом, польский консул в конце июля писал: Бродий не дорос до вождя «всех автономистов», Фенцик все более приспосабливается к новой обстановке и окончательно сблизился с венгерским парламентарием Кароем Хокки. Он хочет примирения с Автономным земледельческим союзом и в обход Андрея Бродия ведет переговоры с Михаилом Демко. Польский консул выразил надежду, что последствия диверсии Алексея Геровского скоро будут ликвидированы²⁹.

Вторая встреча консулов Петравича и Халупчинского несколько раз откладывалась и состоялась 2 сентября 1938 года в Братиславе. На основе инструкции, полученной из Будапешта, Петравич сообщил собеседнику следующее.

- Планирование, организацию и проведение систематической борьбы против всех проявлений украинского движения в Подкарпатской Руси Венгрия берет на себя. Но этой акции не придавать гласности. Главная и персональная ответственность за решение этой задачи возложена на Бродия. Он уже получил соответствующие инструкции от [венгерского] правительства.
- Использование Фенцика для намеченной цели создания единого русского фронта венгрофилов в Будапеште считали невозможным из-за ряда прошлых нетактичных выступлений в отношении Венгрии. Но его можно было использовать в США, и по возвращении в край он получил бы новое амплуа.
- Будапешт полагал использовать Русскую национальную автономную партию. Автономный земледельческий

союз готов был включить в себя всех членов партии Фенцика. В Будапеште считали рискованным для Бродия и дальше придерживаться автономистского движения с чисто русской окраской. В связи с этим польский консул привел сказанное ему венгерским советником в посольстве в Варшаве Йожефом Криштоффи: агент Геровский действовал на два фронта. Его коллаборационизм с Бродием шел с ведома Будапешта...

- По мнению Петравича, новое руководство объединенных русских автономистов создать нельзя. Ибо Бродий не соглашается ни на одну кандидатуру, а Будапешт из-за этого не хочет его чернить. В то же время в Будапеште не поддержали польское предложение о сотрудничестве с организациями венгерского национального меньшинства. У них по этому поводу свои замыслы.

Чехи против русского автономистского движения, в поиске равновесия, поддерживают украинское, даже создание украинского блока. Это подтвердил и Бродий, упоминая о фронте Йозеф Заиц – Степан Клочурак – Юлий Ревай – Августин Волошин – Олекса Борканюк. Коммуниста Борканюка Бродий добавил для повышения своего престижа. Как уже говорилось, Борканюк выступал против автономистов как русской, так и украинской окраски. В этой области ничего не меняла и попытка изобразить активизацию украинского движения влиянием из-за рубежа (из Германии, а по Петравичу – из украинского центра в Лондоне).

В то же время в связи с этими событиями Фенцик вновь затягивал игру по поводу окончательной переориентации на Будапешт и инсинуировал, что было бы более целесообразно отдалиться в распоряжение немцам, которые, как известно, охотно взяли бы его. Эта совершенно секретная памятная записка из польского посольства в Праге поступила в МИД в Варшаве 7 сентября 1938 года и содержала сомнения – как быть с польско-венгерскими отношениями в Закарпатье, если оттуда убраться, и ставила вопрос: может быть, нужно ослабить темп реализации решения о нашем уходе с этой территории?³⁰

В условиях назревания кризиса в отношениях между Чехословакией и Германией «автономисты» Словакии и Подкарпатской Руси усилили давление на правительство в интересах достижения своих целей. В Подкарпатье обе ориентации (в урезанном виде) подготовили совместную декларацию, которую вручили не только правительству Чехословакии, но и правительствам великих держав и Венгрии, и от имени Русского блока изложили требования о предоставлении автономии. Они настаивали и на возвращении краю Пряшевщины. Но ответа не последовало.

28 сентября Эдмунд Бачинский и Юлий Фелдеший в присутствии губернатора Константина Грабаря повторили свои требования президенту Эдварду Бенешу³¹. Это было за день до начала мюнхенского совещания руководителей правительств четырех держав – Великобритании, Германии, Италии и Франции.

Глава девятая

Дипломатические усилия хортистов, направленные на захват Подкарпатья

Мы уже говорили о политике правительства Дюлы Гёмбёша в пересмотре Трианонского мирного договора. Уже тогда произошел переход от пропаганды достижения этой цели «мирным путем» к возможности применения военной силы. 1938 год в этом плане для Венгрии начался после встречи австрийского канцлера Курта фон Шушнига с Адольфом Гитлером в Берхтесгадене 12 февраля, на которой фактически была решена судьба Австрии. Венгерский посланник в Италии Фридьеш Виллани с удовлетворением сообщал по инстанции мнение Галеаццо Чиано об уготованной Чехословакии судьбе: «только вопрос времени, когда она исчезнет с карты Европы как независимое государство», а Венгрия после раздела Чехословакии получит общую границу с Польшей, с которой Италия и раньше поддерживала дружественные отношения и надеялась упрочить их, когда раздел совершится¹. Из донесения ясно видно, что речь шла о предстоящем переходе Подкарпатья к Венгрии.

Не имея ясного представления о том, какие уступки Шушниг сделал Гитлеру в

Берхтесгадене, какова судьба друга Венгрии — Австрии, министр иностранных дел Калман Каня отправился в Вену тайно, якобы навестить родственника. Из Вены 2 марта он написал письмо венгерскому посланнику в Варшаве Андрашу Хори, в котором изложил позицию Венгрии по заданным польским министром иностранных дел Юзефом Бекком вопросам в отношении Австрии и Чехословакии.

Во-первых, хочет или нет Венгрия принять участие в акции против Чехословакии. Калман Каня выразил удовлетворение по поводу того, что Польша для решения этой проблемы считает нужным достигнуть польско-венгерско-германского сотрудничества, и заявил о готовности Венгрии принять участие в античешской акции, предложив начать конкретные переговоры, в том числе и военного характера.

Во-вторых, какова будет позиция Венгрии в случае аншлюса Австрии. На этот вопрос Каня повторил ранее сказанное Беку в Варшаве, что для Венгрии более приятным было бы сохранение независимости Австрии, чем соседство с 80-мил-

лионной немецкой империей. Но, зная решительное намерение национал-социалистского правительства Германии, в принципе нужно быть готовым к тому, что объединение двух немецких государств рано или поздно произойдет. Это вероятно, тем более если учесть, что Англия и Франция не могут или не хотят осмелиться на более решительный шаг. Муссолини придерживается такой точки зрения: австро-германская уния – естественный исторический процесс, задержать который можно, но воспрепятствовать ему нельзя. Кани предложил Беку обсудить эту проблему, как и становившуюся актуальной горизонтальную ось (в ограниченном составе) Италия – Югославия – Польша. Причем можно было переговоры начать немедленно. Но... эти страны должны вести дружественную Германии политику².

«Частный» визит Кани в Вену не прошел незамеченным в Берлине. 4 марта Иоахим Риббентроп спросил венгерского посланника в Берлине Деме Стояи: состоялся ли визит Кани в Вену по приглашению Шушнига и затрагивался ли Берхтесгаден? Стояи, согласно инструкции, уклонился от ответа, ссылаясь на отсутствие у него информации³.

Между тем Германия продолжала с сомнением относиться к Венгрии. Связано это было отчасти со сменой правительства. К власти в Венгрии пришел Калман Дарани, поддержанный консервативными, антигембёшовски настроенными кругами, которые надеялись на него как на человека, способного ослабить слишком тесные связи с гитлеровской Германией. Но после встречи Калмана Дарани и Калмана Кани с Адольфом Гитлером в

ноябре 1937 года либерализм Дарани испарился. Он, как и его предшественник, не только не отгеснил крайне правых внутри страны от власти, а стал опираться на них, сделал крутой поворот во внешней политике и с того времени стал полностью разделять позицию Гитлера. Он оставался верен ей до конца своего правления.

Венгерский историк Дюла Юхас считал: именно тогда была достигнута договоренность двух стран о совместной акции против Чехословакии в принципе⁴. Другой венгерский историк – Магда Адам, ссылаясь на документы более позднего происхождения, писала: в ходе этих ноябрьских встреч делегации Дарани с Гитлером фюрер пообещал Венгрии за ее участие в акции против Чехословакии Словакию и Закарпатскую Украину⁵. Позже свои намерения в этом плане он часто менял (исключив Словакию)⁶.

К этому времени гитлеровская Германия на совещании в Госбахе 5 ноября уже непосредственно поставила на повестку дня вопрос о выработке плана агрессии на восток и включении Австрии и Чехословакии в «жизненное пространство» Германии⁷.

Заручившись поддержкой своих намерений двинуться на восток (речь идет о беседе Адольфа Гитлера в Оберзальцберге 19 ноября 1937 года с лордом Эдвардом Галифаксом, министром без портфеля, ставшим в 1938 году министром иностранных дел Великобритании), Гитлер начал разработку вариантов плана «Грюн» – захвата Чехословакии, чем бы решалась и дальнейшая судьба Подкарпатской Руси. В ходе этой беседы, когда речь шла о предстоящих изменениях европейского

порядка, «которые рано или поздно произойдут», Галифакс сказал: «К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...»⁸

В связи с этим Гитлер считал, что пришло время для выяснения роли Венгрии в предстоящем разделе Чехословакии (это нашло отражение и во втором варианте плана «Грюн»). Выяснив позицию Дарани, Гитлер и Геринг еще раз рекомендовали Венгрии сосредоточить все усилия против Чехословакии и достичь соглашения с Югославией и хотя бы временных мирных отношений с Румынией⁹.

Между тем события в Европе развивались после прихода к власти в Англии Невилла Чемберлена (сторонника умиротворения гитлеровской Германии и сближения с ней) в направлении дальнейших уступок оси Берлин — Рим со стороны англо-французского блока. Министр иностранных дел Франции Ивон Дельбос приспособлялся к позиции Великобритании. В конце 1937 года французская делегация в течение двух дней вела переговоры в Лондоне. В отношении Германии соглашение было достигнуто в духе обещаний, данных Гитлеру Галифаксом 19 ноября. Фактически здесь договорились пожертвовать Чехословакией в угоду Германии. Декабрьское турне министра иностранных дел Франции имело целью довести до сведения в Бухаресте, Варшаве, Белграде и Праге об изменении курса, об отказе от идеи Луи Барту (коллективная безопасность в Европе против Германии). Нанося визиты в эти столицы, он предостерегал собеседников от действий, которые раздражали

бы Германию. Особое давление в этом плане он оказывал на чехословацкое правительство — Прага была единственной из столиц Малой антанты, остававшейся верной Франции. Но и здесь он уже действовал по рекомендации Лондона — уйти в сторону от Чехословакии, пожертвовать ею. Характерен в этом отношении ответ Дельбоса на вопрос Эдварда Бенеша: каким будет намерение Франции, если за Австрией последует Чехословакия? Он сказал: «Нужно лишить Гитлера всякого повода, который дал бы ему право на нападение»¹⁰.

После турне Дельбоса по столицам стран Центральной Европы правящие круги в Варшаве, Будапеште, да и в Малой антанте убедились в том, что Франция уже отказалась от принципов коллективной безопасности и путем уступок Берлину готова идти на сближение с Германией, то есть и там победила идея умиротворения.

В результате встречи Гитлера с Галифаксом у фюрера были развязаны руки на Востоке, а оговорка о решении этих проблем мирным путем для него значения не имела.

В Чехословакии подозревали о существовании сговора Венгрии с гитлеровской Германией. В венгерской печати шло нагнетание напряженности. В газетах уже тогда утверждали: судьба Чехословакии решена, приближается минута ее исчезновения с карты Европы и присоединения Словакии и Подкарпатской Руси к Венгрии. Действительно, в феврале 1938 года венгерский Генштаб уже разработал план оккупации Словакии и Подкарпатя. Военный атташе Венгрии в Риме Ласло Сабо посетил тогда началь-

ника Генерального штаба генерала Альберто Париани и выяснил, какую помощь Италия в случае необходимости могла бы оказать Венгрии. Париани, как и вообще итальянские руководители фашистского периода, великодушно пообещал предоставить находящиеся в резерве 20 дивизий¹¹.

Заручившись обещанием Гитлера допустить хортистов к соучастию в акции развала Чехословакии, в начале 1938 года они наладили тесное сотрудничество Объединенной венгерской партии в Чехословакии с Судето-немецкой партией. Достигнута была некоторая договоренность о единстве действий этих партий с глинковцами в Словакии в борьбе против чехословацкого правительства. Видные деятели партии судетских немцев встретились с премьером Калманом Дарани и министром иностранных дел Калманом Каней и обсудили взаимодействие немецкого и венгерского национальных меньшинств против пражских властей. Премьер-министр Дарани заверил своих немецких гостей: «Точка зрения немецких властей на судьбу чехословацкого государства полностью совпадает с точкой зрения фюрера»¹².

В этих напряженных условиях подготовки к аншлюсу бывший министр иностранных дел Венгрии Густав Грац посетил Прагу, где вел переговоры на высшем уровне – с президентом, премьером и министром иностранных дел. В ходе этих бесед он стремился также выяснить, на какую помощь Чехословакия рассчитывает в случае нападения Германии и окажет ли сопротивление. Правители Чехословакии заявили Грацу: безопасность своей республики они надеются обеспе-

чить при помощи западных стран (имелись в виду Франция и Англия). Они также подчеркнули, что не рассчитывают на помощь России, поскольку «советско-чехословацкий договор вообще не имеет практического значения и является только следствием франко-чешского и франко-русского договоров»¹³.

В связи с венгеро-польскими отношениями в этот период заслуживает внимания донесение польского посланника из Будапешта в Варшаву, в котором отмечалось, что венгры всегда проявляли большие симпатии к полякам, и приводились примеры такого отношения. Поляки отвечали взаимностью. Все это, по мнению дипломата, давало венграм возможность обращать свои взоры на Польшу как на страну, на которую можно опереться. Хотя им ясно, что до сих пор эти связи не выходили за рамки разговоров о дружбе, а они хотели бы перейти к «политическому сближению». В этом документе подчеркивалось: для Венгрии «дружба с Польшей не есть результат искусственных политических комбинаций, а имеет почву в широких кругах населения, подкрепленную историческими традициями и сходством психики двух народов»¹⁴.

Политика Польши (совпадавшая с венгерской) в отношении Чехословакии строилась на убеждении, что Франция не поможет Чехословакии в случае войны, и на заверении руководства гитлеровской Германии об отсутствии у него претензий к Польше.

Между тем правительство Польши внимательно следило за тем, чтобы не наступило смягчения в венгеро-чехословацких отношениях. Польская сторона убеждала венгерскую в том, что сближение

Польшы с Чехословакией невозможно ни при каких условиях из-за чехословацко-советского договора. Учитывая ситуацию в Европе, Юзеф Бек вынашивал планы сохранения отношений с Германией и недопущения их ухудшения и одновременно добивался установления общей польско-венгерской границы. Он ясно понимал, что началось распространение безраздельного господства нацистской Германии в Центральной Европе, предстоит уничтожение Чехословакии, к которой у Польши были территориальные претензии.

Руководители внешней политики Польши разделяли позицию германских коллег, что искусственному государственному образованию Чехословакии следует исчезнуть с карты Европы. Этим объясняются и стремления углубить отношения с Венгрией. Андраш Хори в своем донесении считал, что поляки «по политическим и стратегическим соображениям намереваются обеспечить общую с Венгрией границу»¹⁵. Как Венгрия, так и Польша желали увеличить свои размеры за счет Чехословакии.

С начала 1938 года этот план фактически оказался составной частью идеи «третьей Европы» — нейтральной полосы протяженностью от Балтийского до Черного моря. Для осуществления этого замысла была поставлена задача углубления связей между Венгрией и Польшей. Такую же цель преследовала и поездка регента Миклоша Хорти, премьера Калмана Дарани и министра иностранных дел Калмана Кани в Польшу. Пятидневный визит начался 5 февраля 1938 года. В тот же день польский посланник в Будапеште Леон Орловский в донесении в Варшаву отмечал: венгры свыкаются с мыслью

(хотя открыто не говорят) о необходимости отложить на будущее возвращение территорий Югославией и реализацию территориальных претензий к Румынии. И в то же время надеются при помощи немцев заполучить Подкарпатскую Русь, а может быть, даже и Словакию; «рассчитывают и на польскую помощь, в неофициальных беседах говорят о скорой встрече на общей границе»¹⁶.

Обе стороны стремились скрыть суть переговоров. На основе косвенных сведений об итогах визита венгерский историк Эндре Ковач свел их к следующему: на переговорах стороны условились о трофеях при разделе Чехословакии. К Польше отойдет Тешинская Силезия, произойдут небольшие стратегические исправления границы в ее пользу. Словакия станет по возможности буферным самостоятельным государством под венгерским или польским, а может быть, и их совместным протекторатом¹⁷. Из высказываний Калмана Кани стало известно, что в ходе этих переговоров выявилась идентичность взглядов на проблему Чехословакии¹⁸.

В конце февраля 1938 года встретились заведующие политическими отделами внешнеполитических ведомств Польши и Венгрии Тадеуш Кобылянский и Дьёрдь Бакач-Бешшенъеи. По его записи, Кобылянский высказался за оккупацию Тешина польскими войсками и добавил, что Венгрия без всяких трудностей может занять Закарпатье¹⁹. Следовательно, с начала 1938 года венгерская дипломатия с азартом втянулась в подготовку агрессии против Чехословакии.

В 1938 году на мировой арене продолжали складываться контуры будущих во-

енных союзов. Авторитарные государства, как их называл даже Кая в парламентских комиссиях по иностранным делам 23 марта, то есть Германия, Италия, Япония и примыкавшие к ним малые государства, с одной стороны, и демократические государства Запада — Англия, Франция и постепенно отказывавшиеся от политики изоляционизма США — с другой. Лишь о контурах можно говорить потому, что Франция — основной защитник статус-кво версальской системы — со времени смены правительства и прихода к власти Пьера Лавала все более приспосабливалась к английской политике умиротворения агрессоров — авторитарных государств. Политика премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена не только поощряла гитлеровскую Германию к новым актам разбоя, но и окончательно разрушила инструмент, призванный сохранить мир, — Лигу Наций, ставшую поэтому совершенно беспомощной.

Во второй половине 1930-х годов задачу спасти Лигу Наций и предотвратить новую мировую войну ставил перед собой Советский Союз, считавший ее разрешимой совместно с демократическими странами Запада. Однако договоры, заключенные СССР с Францией и Чехословакией, там недооценивались, на них оказывался нажим, чтобы вынудить отказаться от договора с Москвой. Это было на руку прежде всего гитлеровской Германии. Она вплотную приступила к разработке конкретных планов уничтожения Чехословакии как самостоятельного государства, стремясь, по выражению Гитлера, «стереть ее с карты Европы».

Еще 2 марта 1938 года постоянный заместитель министра иностранных дел

Венгрии Габор Апор направил находившемуся в Вене министру Калману Кане зашифрованную телефонограмму о заявлении графа Галеаццо Чиано венгерскому посланнику в Риме Фридьешу Виллани. Смысл заявления был в следующем: судьба Чехословакии решена, только вопрос времени, когда она исчезнет с европейской карты. При разделе Чехословакии Венгрия получит общую с Польшей границу (то есть Подкарпатскую Русь). Чиано разъяснил посланнику, что Рим не может отказаться от дружбы с немцами; но ее можно сделать прочной, только если Италия и близкие к ней государства образуют горизонтальную ось, которая, выходя из Рима, вела бы через Белград и Будапешт в Варшаву²⁰.

В беседе с польским министром иностранных дел Юзефом Беком 5 марта венгерский посланник Андраш Хори, обсуждая чехословацкую проблему (после встречи Бека с германским канцлером в Берхтесгадене), подчеркнул, что при ее решении «мы непременно считаем необходимой венгеро-польско-немецкую кооперацию». Хори, анализируя возможную ситуацию после аншлюса, отметил: если бы в интересах обеспечения равновесия был осуществлен польско-венгеро-югославо-итальянский план, то Венгрия могла бы проводить в отношении Германии только дружественную политику²¹.

Венгров беспокоила складывавшаяся ситуация, и уже в начале апреля они предприняли зондаж в Берлине — возьмут ли Венгрию в компанию в случае, если Германия решит расправиться с Чехословакией военным путем. В своем указании посланнику Деме Стояи министр Калман Кая 5 апреля поручил спросить

Иоахима Риббентропа: готово ли имперское правительство уже сейчас обсудить детали возможной кооперации против чехов? Но Гитлер уклонился от обсуждения, не желая преждевременно раскрывать свои карты²².

Постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Габор Апор поручил посланнику Деме Стояни в Берлине просить Иоахима Риббентропа сообщить Гитлеру, что венгерское правительство не сомневается в его прежних заявлениях, согласно которым он не претендует ни на Братиславу, ни на отдельные части Словакии, а желает видеть сильную Венгрию с общей венгеро-германской границей. В случае же присоединения Верхнего края «решительным намерением венгерского правительства является дать широкую автономию проживающим там словакам и рутенам»²³.

Между тем Берлин разрабатывал конкретные детали плана нападения на Чехословакию. Окончательный его вариант под названием «Грюн» был подготовлен 30 мая. В нем были отражены политические и военные аспекты ликвидации Чехословакии. Фюрер торопил вермахт с началом немедленных военных приготовлений в расчете убить двух зайцев. Во-первых, напугать тех, на чью помощь рассчитывала Чехословакия в случае нападения на нее нацистской Германии, то есть Францию и государства Малой антанты. Во-вторых, покончить с колебаниями государств, имевших территориальные притязания к Чехословакии, то есть Венгрии и Польши. Гитлеру нужен был «стимул», который побудил бы эти страны к «немедленному нападению на Чехословакию». Тем более что нерешительность

Венгрии, ее колебания, вызванные отсутствием желанной гарантии со стороны Югославии и Румынии в случае агрессии против Чехословакии, усиливали неуверенность правящих венгерских кругов в реализации своих замыслов и в то же время беспокоили Гитлера, допускавшего возможность уклонения Венгрии от участия в плане «Грюн».

Еще 23 мая в Риме Муссолини заявил венгерскому посланнику Виллани о желании как Рима, так и Берлина — им хотелось, чтобы Венгрия вышла из Лиги Наций²⁴. Через четыре дня об этом с ним говорил и Чиано, прося передать в Будапешт, что дуче был бы весьма благодарен, если бы правительство Венгрии выполнило его просьбу. Виллани пытался объяснить уклончивую позицию Будапешта полезностью для него Лиги Наций как форума для защиты интересов венгерских национальных меньшинств в других странах. Но Чиано парировал: и ранее эта организация не давала положительных результатов в решении проблем Венгрии, а после развала Лиги Наций Германия и Италия будут настолько сильны, что они смогут сделать для Венгрии гораздо больше²⁵.

Следующая встреча Фридьеша Виллани и Галеаццо Чиано произошла 25 июня. В ходе встречи Чиано интересовался ответом Венгрии на свое предложение. Однако посланник ответа еще не получил²⁶. В такой ситуации гитлеровцам пришлось заниматься сплочением союзников. В начале июля 1938 года в Будапеште Вильгельм Кейтель вел строго секретные переговоры с руководителями венгерской армии, некоторыми членами правительства и регентом Миклошем Хорти. Но

Кейтель все еще не раскрывал германских военных планов и уклонялся от конкретных соглашений, мотивируя это необходимостью сначала уточнить политические задачи.

После аншлюса азартную вовлеченность венгерской дипломатии в подготовку агрессии против Чехословакии подхлестывал обещаниями новый министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп. В первой беседе с венгерским посланником в Берлине Деме Стояи он заявил: «Вместе потерянное необходимо вместе и приобрести вновь»²⁷.

А ведь это была мечта хортистов — восстановить «историческую Великую Венгрию». Они стремились захватить прежде всего Подкарпатскую Русь. Как свидетельствуют материалы личного архива регента Хорти, венгерские правители разрабатывали ряд вариантов нападения на Чехословакию, в которых приоритет отдавался фактору внезапности, вероломству. Большие надежды на реализацию агрессивных планов связывались также с оплачиваемой правительством Венгрии агентурой внутри Чехословакии, в том числе в Подкарпатье. Но в силу ряда обстоятельств они остались нереализованными. Причина была прежде всего в том, что венгерские правители вынуждены были считаться с реальной обстановкой, с позицией Малой антанты, выступавшей против ревизии границ, установленных мирными договорами версальской системы. Хортисты боялись вызвать ответный удар со стороны Румынии и Югославии. Им приходилось оглядываться на Англию и Францию, не будучи уверенными в том, как отнесутся те к этому акту.

В июле 1938 года в Риме Бенито Муссолини заявил премьеру Беле Имреди и министру иностранных дел Венгрии Калману Кане о своей тесной связи с германскими нацистами-гитлеровцами и советовал действовать согласованно с Германией²⁸. Венгерские правители по военной и дипломатической линии несколько раз обращались к германскому руководству с предложениями обсудить возможную операцию против чехов. В связи с созданным положением фюрер решил пригласить к себе венгерского регента Миклоша Хорти и ряд других видных государственных деятелей²⁹.

Когда Деме Стояи передал Адольфу Гитлеру поздравления венгерских правителей по случаю его дня рождения, фюрер в своей речи вновь намекнул на возможность «решения чехословацкого вопроса» и заметил, что у него не будет возражений против «присоединения к Венгрии исторических северных областей», но конкретные переговоры у него состоятся с регентом, когда тот прибудет в Германию на торжества военно-морского флота³⁰.

Миклош Хорти в сопровождении свиты, в составе которой были премьер Бела Имреди, министры иностранных и военных дел (Калман Каня и Ене Рац), отправился в путь 20 августа. Эта поездка не принесла удовлетворения ни одной из сторон. 21 августа министерство иностранных дел Венгрии, пытаясь скрыть суть предстоящих переговоров, направило в европейские столицы, где были аккредитованы венгерские посланники, а также в Вашингтон информационные телеграммы. В них подчеркивалось: посещение регентом Германии носит главным

образом характер вежливости, но, принимая в расчет тесные венгеро-германские связи, нельзя отрицать его определенное политическое значение. МИД просил своих дипломатов подчеркивать, что «как и вся деятельность венгерского правительства направлена на сохранение мира, так и в период этой поездки оно будет искать решение проблем в таком же духе»³¹.

Учитывая развернувшиеся в первой половине 1938 года события, представляется, что вряд ли кто-нибудь поверил этим заявлениям венгерской дипломатии.

Однако, несмотря на все старания венгерской дипломатии сохранить в тайне содержание переговоров, немецкая пресса уже 23 августа изложила те вопросы, которые имели «возможность всесторонне обсудить» находившиеся в свите Хорти глава кабинета, руководители министерства иностранных дел и военного ведомства. Среди вопросов, интересовавших обе стороны, называлась и «судьба» национальных меньшинств в Чехословакии.

Важнейшие переговоры между венгерскими и немецкими государственными деятелями были проведены 23 августа в Киле на борту теплохода «Патрия». Утром, пока регент Венгрии вел политические переговоры с фюрером, Имреди и Каня в присутствии Вайцзеккера совещались с Риббентропом. Каня предложил две проблемы: переговоры Венгрии с Малой антантой и чешский вопрос. В ходе дискуссии Риббентроп упрекал венгерскую делегацию за переговоры в Бледе с Малой антантой, которые велись одновременно с визитом Хорти в Германию. Как раз в этот день были опубликованы коммюнике о бледском совещании и парафировании соглашения Малой антан-

ты с Венгрией. Последнее включало «признание тремя государствами Малой антанты равноправия Венгрии в вопросах вооружения, а также взаимный отказ прибегать к силе в отношениях между Венгрией и странами Малой антанты»³².

Иоахим Риббентроп, упрекая Калмана Каню за это соглашение, сказал, что отказ от применения силы не защитит венгров от Югославии, особенно в случае венгеро-чешского конфликта, и наоборот. Они закрывают перед собой возможность вмешаться в чехословацкие дела. По мнению Риббентропа, такая политика Венгрии создаст дополнительные моральные трудности для югославов и не позволит им оставить чехов одних. Судя по записям протокола о ходе переговоров, Риббентроп рекомендовал «расчислить путь Венгрии для вмешательства против Чехословакии и сделать для югославов с моральной точки зрения возможным бросить своих чешских союзников на произвол судьбы». Наконец, Риббентроп спросил венгров, как они будут действовать, если фюрер осуществит свое решение применить силу в случае новых провокаций чехов. Имреди и Каня, отвечая, выдвинули два условия: «Югославия должна остаться нейтральной, если Венгрии придется направить свои силы на север... Более того, для завершения перевооружения Венгрии необходимо время — год или два»³³.

Немецкий министр убеждал венгров, что югославы поостерегутся попасть «в клещи оси», а одна Румыния войну не начнет. Англия и Франция также будут сохранять спокойствие. Англия не решится рисковать Британской империей, она знает возродившуюся силу Германии.

В ходе беседы Риббентроп не упустил возможности пригрозить своим сообщникам: если венгерской дипломатии каким-либо образом удастся остаться в стороне от германо-чешского конфликта, то пусть Венгрия ни на что не рассчитывает. Ибо «кто желает ревизии, тот должен использовать конъюнктуру и принять участие в акции». (Эту запись беседы составил Эрнст Вайцзеккер, статс-секретарь германского МИДа. Она фигурировала в обвинительных материалах военного трибунала Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками.)

Как показывают немецкие документы, беседа между Гитлером и Хорти носила более умеренный характер (запись о ней сделал тот же Вайцзеккер в качестве продолжения только что упомянутой беседы Риббентропа с Имреди и Каней).

Но регент ранее имел беседу с командующим сухопутными войсками Германии генералом Вальтером фон Браухичем, в ходе которой высказал опасения по поводу возможного вмешательства в войну Англии, имеющей превосходство на море³⁴. И в беседе с Гитлером Хорти не скрывал своего сомнения относительно позиции Англии, но заверил фюрера, что «Венгрия намерена сотрудничать с Германией в нападении на Чехословакию»³⁵. Гитлер упрекнул Хорти как за эту беседу с Браухичем, так и за неподготовленность венгерской армии. «Вы не вооружались, — заявил Гитлер, — а только цыганскую музыку слушали»³⁶.

Венгерские министры, однако, были настроены весьма пессимистически, как отметил Вайцзеккер в записи беседы. Положение Имреди значительно облегчи-

лось, когда Гитлер во второй половине дня в беседе с ним сказал, что в данном случае он ничего не требует от Венгрии, ибо еще и сам не знает, когда наступит момент акции. «Но, — заметил Гитлер, — тот, кто хочет принять участие в еде, должен участвовать в приготовлении пищи»³⁷. (Давая оценку этому выражению Гитлера, главный обвинитель от США Сидней Олдерман на заседании Нюрнбергского процесса 3 декабря 1945 года заявил: это самое циничное высказывание, которое когда-либо обсуждалось³⁸.)

В заключительной части записей Вайцзеккера венгерская точка зрения сформулирована по двум пунктам: «а) Венгрия рада, что мы не обращаемся к ней ни с каким ультимативным призывом; б) Венгрия не верит, что она сможет вмешаться в конфликт ранее чем примерно через 14 дней после начала военных действий».

Угрозы Гитлера и Риббентропа повлияли на венгерских гостей. Двумя днями позже министр иностранных дел Венгрии Каня попросил аудиенции у Риббентропа в Берлине, для того чтобы объяснить причину, почему Венгрия подписала в Блде соглашение со странами Малой антанты. Риббентроп (в присутствии Стояи) встретил Канию иронической фразой: «Поздравляю вас, что вам удалось скрепить распадающуюся Малую антанту»³⁹.

Иоахим Риббентроп обратил внимание Калмана Кани на ликование чешской, французской и английской прессы по поводу бледского коммюнике и повторил, что это событие рассматривается иностранной печатью как трещина в германо-венгерской дружбе и отказ Венгрии от ревизионистских требований. Каня пытался убедить Риббентропа в сомнитель-

ной ценности заключенного в Блде соглашения, которое скорее всего не сможет вступить в силу. После этого разъяснения он внес поправки в свое заявление, сделанное два дня назад, подчеркнув, что военная мощь Венгрии усилилась и поэтому она сможет выступать вместе с Германией против Чехословакии⁴⁰.

На Нюрнбергском процессе зачитывались некоторые страницы дневника генерала Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного руководства ОКВ, относящиеся к пребыванию венгерских государственных деятелей в Германии в конце августа 1938 года. Йодль записал: Венгрия вместе с Германией выступит против Чехословакии, но здесь же заметил, что она будет просить хотя бы 48 часов отсрочки для выяснения позиции Югославии.

Венгерские государственные деятели (Миклош Хорти, Бела Имреди, Калман Каня) предпочли бы захватить часть территории Чехословакии без военного конфликта; одновременно они проявляли готовность вместе с гитлеровским вермахтом добиться своих целей военным путем. Их поддерживало армейское командование, да и венгерские монополисты охотно высказывались в поддержку экспансионистских планов германских фашистов в надежде получить в результате этой авантюры лакомый кусок чехословацкой территории. Однако они опасались, как бы нацисты не лишили их прав безраздельно управлять Венгрией.

Колебания венгерских государственных деятелей, обусловленные сложным международным положением конца августа 1938 года, не могли, однако, не оказать отрицательного влияния на Гитлера, Риббентропа и Генеральный штаб вер-

махта. Позднее нацистские руководители не забыли упрекнуть Венгрию за эти колебания. Но в те дни им было выгодно открыто заявить, что Венгрия и Польша при всех обстоятельствах намерены добиться осуществления захвата чехословацких территорий.

Несмотря на дружественные заявления в печати и на примирительный тон выступлений венгерских представителей в конце переговоров, у немецких фашистов создалось ясное представление, что хортисты колеблются в принятии решения об участии в военном нападении на Чехословакию. После завершения переговоров, сообщал немецкий посланник в Венгрии Отто Эрдманнсдорф 29 августа 1938 года, регент Миклош Хорти заявил ему: «Создалось исключительное положение, когда я, в течение многих лет ни о чем не мечтавший более страстно, кроме как о скорейшем достижении венгерских ревизионистских целей, вынужден теперь из-за положения в мире занять выжидательную позицию». Калман Каня добавил, что венгры будут бороться, даже «если шансы на успех составят только 60–70%. Но нельзя ожидать от них самоубийства»⁴¹.

В донесении Отто Эрдманнсдорфа отмечены почти все моменты, отраженные в записях Эрнста Вайцзеккера и Иоахима Риббентропа. Но есть и дополнения: о беседах с Германом Герингом венгерского регента и премьер-министра, где затрагивались проблемы взаимных внешних поставок и приглашение регента в Роминтен, а также упомянута жалоба Калмана Кани, о которой ему сообщал посланник Деме Стояи. Венгерский министр был обижен, что ни Гитлер, ни Геринг с ним

не беседовали, а ведь внешняя политика – это его круг ответственности, а не премьера Имреди⁴².

Та часть правящих кругов Венгрии, которая ориентировалась на Англию и США, в связи с итогами визита в Германию заявляла, что руководство Венгрии правильно поступило, не согласившись на рискованный шаг против Чехословакии. Их одушевило опубликование в сентябре 1938 года в «Дейли телеграф» интервью венгерского премьер-министра Белы Имреди, в котором подчеркивалось: «Главный девиз венгерской внешней политики... – остаться нейтральными».

Эти слова из интервью Имреди были воспроизведены в венгерской газете *Az Est* под заголовком, указывавшим на разногласия между Венгрией и Третьим рейхом. Такой тон печатного издания вызвал энергичный протест со стороны правительства Германии⁴³. После этого газету вынуждены были закрыть, а Имреди попытался отказаться от своих слов.

В плане «Грюн» сказано: «Правильный выбор и решительное использование благоприятного настоящего момента являются наиболее надежной гарантией для достижения успеха»⁴⁴. Гитлер не просто ждал подходящего момента. Он сам его приближал.

На протяжении длительного времени через свою агентуру в Чехословакии – партию судетских немцев – фюрер добивался создания там кризиса, который можно было бы использовать как повод для нападения. Гитлер одновременно требовал от хортистов усиления подрывной деятельности в Чехословакии. Документы свидетельствуют о том, что размеры таких действий венгерских сторонников

войны были довольно широки. Однако германские нацисты считали их недостаточными и настаивали на активизации подрывных действий в Чехословакии.

В ответ на эти требования венгерский посланник в Берлине Деме Стояи по поручению своего правительства просил министерство иностранных дел Германии оказать содействие в том, чтобы судетонемецкая партия тесно сотрудничала с венгерской национальной группой в Чехословакии⁴⁵.

Одновременно венгерская дипломатия продолжала выяснять, какую позицию займут страны мира в случае, если Венгрия примет участие в нападении на Чехословакию.

После уточнения в начале осени 1938 года позиции Бенито Муссолини по вопросу венгерских притязаний к Чехословакии⁴⁶ 16 сентября последовало сообщение из Рима: Белград приспособляется к позиции Италии, и если Венгрия нападет на Чехословакию после Германии, то Югославия никаких мер принимать не будет. Румыния же не пропустит через свою территорию советские войска на помощь Чехословакии, но независимо от этого она последует за Англией. Позиции Японии и США совпадают с точкой зрения Невилла Чемберлена⁴⁷.

Какую же позицию занимала Великобритания? Еще в конце апреля Мароши прислал в Будапешт шифрограмму, в которой сообщал об англо-французском совещании в британской столице. Оно очень пессимистически оценивало положение Чехословакии, а французский премьер Эдуард Даладьё, ссылаясь на необходимость соблюдения договорных обязательств, просил Англию оказать на

Прагу самое внушительное давление с целью заставить ее пойти на далекоидущие уступки Германии⁴⁸.

Вновь назначенный венгерский посланник в Лондоне Дьёрдь Барца, сориентировавшись в жизни и политике Лондона, сообщил в свой МИД 24 июля, что английские правящие круги как реальные политики «понимают наши тесные политические и экономические связи с единственным великим соседом — Германией»⁴⁹.

26 августа венгерский временный поверенный Мароши сообщал из Лондона в Будапешт о тех откликах, которые заполняли английскую прессу в течение недели в связи с визитом Хорти в Берлин и, по мнению посланника, в целом подняли престиж Венгрии. Но в газетных статьях высказывались и опасения ввиду вполне вероятной угрозы для венгерской стороны поступиться своей независимой позицией и усилить таким образом Германию⁵⁰. Он же 16 сентября сообщал: определенные круги в Англии хорошо восприняли бы, если бы мы были на стороне Германии⁵¹. Позже он внес рекомендации в свой МИД пригласить английского посланника Д. Нокса и разъяснить ему положение и позицию Венгрии. Он также предлагал в Верхнем крае, то есть на территории Словакии и Подкарпатской Руси, «любой ценой и любыми средствами» организовать покушения и создать атмосферу брожения⁵².

С 16 по 20 сентября шел поток демаршей из Будапешта в Лондон и английских ответов на них. В те дни стало ясно, что посредническая миссия Уолтера Ренсимена, английского национал-либерала, бывшего министра торговли Великобритании и в тот период председателя тайно-

го королевского совета, в Праге (находившегося там с начала августа до 16 сентября) между лидерами судетских немцев и чехословацким правительством оказалась безрезультатной. При этом, как видно из его письма Невиллу Чемберлену от 20 сентября (пославшему его в Чехословакию), Ренсимен симпатизировал немецкому национальному меньшинству и пытался склонить правительство Чехословакии принять возраставшие требования сторонников гитлеровцев в этой стране⁵³. Во время пребывания Ренсимена в Праге представители различных течений автономистов Подкарпатской Руси писали ему меморандумы и добились личной встречи с ним, но она закончилась одним разговором.

16 сентября в Лондоне Барца (по заданию Кани) посетил Кадогана и изложил ему венгерские требования к Чехословакии. Запись этой беседы (и с английской стороны⁵⁴) свидетельствует о том, что в Форин-офис не было единства взглядов на эту проблему, и венгерская сторона окольным путем вручила свой меморандум от 17 сентября прямо Чемберлену⁵⁵.

Посредник передал венгерской стороне позицию премьер-министра: он полностью симпатизирует Венгрии, и у нее нет причин для беспокойства. Чемберлен намерен поддерживать венгерское дело⁵⁶.

19 сентября Барца в беседе с итальянским послом в столице Англии Дино Гранди еще больше воспрянул духом, когда его собеседник рассуждал так: Чехословакия вынуждена будет уступить англо-французскому давлению, ибо если Советский Союз и окажет помощь, все равно война быстро кончится победой Германии⁵⁷.

Вечером следующего дня венгерского посланника принял министр иностранных дел Великобритании лорд Эдвард Галифакс. Дьёрдь Барца изложил все указания Калмана Кани, попытался обосновать их историческими, моральными, правовыми и политическими доводами, делая ударение «на абсолютно официальном характере его сообщения». Галифакс известил Барцу об информированности относительно венгерской позиции и о том, что английское правительство обсуждало венгерские требования также в переговорах с Францией.

Министр заявил: правительство Великобритании понимает заинтересованность руководства Венгрии будущим венгерского меньшинства в Чехословакии и надеется, что оно не будет пока ничего предпринимать для обострения кризиса и успокоится тем, что его позиция принята к сведению и в подходящий момент будет рассмотрена. Эту же мысль изложило английское правительство и в последнем абзаце ответа на венгерский меморандум⁵⁸.

Обладая обширной информацией, полученной от своих дипломатических представителей из многих стран мира, Калман Кани 26 сентября дал указание Дьёрдю Барце не только спросить Эдварда Галифакса, когда можно ожидать решения венгерского национального вопроса в Чехословакии по судетскому образцу, но и обратить его внимание на вторую часть венгерской просьбы. То есть на обеспечение права на самоопределение для словаков и русинов (в расчете на присоединение к Венгрии всей Словакии и Подкарпатской Руси)⁵⁹.

В середине сентября 1938 года японское правительство решительно заявило

о поддержке германской империи. Укреплению положения Германии в значительной мере способствовало заявление США о незаинтересованности в чехословацком вопросе, а сговор Чемберлена с Гитлером оказал решающее влияние на исход событий⁶⁰.

Но главные события осени 1938 года были еще впереди – Мюнхен и Венский арбитраж. И именно в период чехословацкого кризиса происходило охлаждение, даже обострение в германо-венгерских отношениях.

В этих условиях регент Хорти решил написать письмо Гитлеру по проблемам венгерских претензий к Чехословакии и просил поддержать его «в трудные часы». Он подчеркивал, что для окончательного решения проблемы нужно предоставить такие же права и другим национальным меньшинствам в Чехословакии⁶¹.

Гитлер, в свою очередь, считаясь с возможностью применения военной силы в назревшем конфликте, рассчитывал на помощь Венгрии и Польши. 19 сентября Хорти находился в гостях у Геринга, «на охоте на лося». И когда венгерский регент «на охоте» обсуждал данный вопрос с Герингом, он тут же написал письмо фюреру, в котором просил вновь принять премьера Имреди. Геринг по телефону прочитал Гитлеру письмо Хорти. Фюрер немедленно послал самолет за руководителями венгерского правительства. Согласование венгерской и германской точек зрения стало предметом очередной встречи Гитлера, Имреди и Кани 20 сентября 1938 года в Оберзальцберге возле Берхтесгадена.

На этой встрече германский канцлер выразил недовольство «нерешительной

позицией» Кани и Имреди в период кризиса. Он заявил, что Германия готова решить чешский вопрос, даже если это связано с риском мировой войны, потребовать от Чехословакии все земли, населенные немцами, а также высказывал уверенность, что ни Франция, ни Англия не вмешаются в этот конфликт. По Гитлеру, для Венгрии наступил последний момент присоединиться, иначе он не сможет выступать в защиту венгерских интересов. Лучше было бы, рассуждал он, Чехословакию разгромить. Уверен: нельзя длительное время терпеть в сердце Европы «этот авианосец». Канцлер требовал, чтобы Венгрия немедленно высказалась за проведение плебисцита на территориях, на которые она претендовала, и заявила, что она не будет гарантировать безопасность каких-либо новых границ, предложенных Чехословакии. В данном случае пусть Венгрия пригрозит выходом из Лиги Наций и организацией «вольных отрядов». В ходе беседы Гитлер несколько раз повторил, что на предстоящей встрече с англичанами в Годесберге он грубо, жестко будет представлять германские требования. Он подтверждал ранее высказанную мысль о том, что удовлетворительного решения можно достичь только военной силой. И хорошо, если повод для этого создадут сами чехи. «Но есть опасность, — продолжал он, — что чехи со всем согласятся»⁶².

На этот раз руководители венгерского правительства согласились со всеми предложениями канцлера, о чем свидетельствует информация Кани, направленная 21 сентября посланнику в Берлине⁶³. В день переговоров с Имреди и Кани канцлер имел беседу с польским по-

словом в Германии Юзефом Липским. В своем донесении министру иностранных дел Польши Юзефу Беку Липский отметил, что был принят Гитлером после обеда, по окончании беседы с Имреди.

Как Имреди, так и Липскому канцлер заявил: «Занятие Судет силой было бы более полным и определенным решением». Польский посол сообщал также в Варшаву о раздумьях Гитлера — как быть в случае, если судетский вопрос разрешится мирно, с претензиями Венгрии и Польши к Чехословакии. В связи с этим, писал посол, «он и пригласил для переговоров премьера Венгрии и меня». Липский проинформировал Гитлера о претензиях Польши на Тешин.

Касаясь венгерских требований, польский дипломат специально выделил вопрос о Закарпатской Руси, делая упор на стратегический фактор, относящийся к Руси, на коммунистическую пропаганду, проводимую на этой территории, и так далее. У посла сложилось впечатление, что канцлер очень заинтересовался этой проблемой, особенно когда Липский уверял его: посредством общей польско-венгерской границы через Закарпатскую Русь Польша создала бы «более крепкий барьер против России». Он утверждал, что территория Закарпатье якобы была «дана Чехословакии только как мандат», что население его находится «на очень низком уровне», что наибольшую заинтересованность в Закарпатье имеет Венгрия.

Юзеф Липский информировал венгерского посланника в Берлине Деме Стояи в том смысле, что 20 сентября в беседе с Гитлером он решительно поддержал требования Венгрии о захвате Закарпатской Руси и создании общей польско-венгер-

ской границы, «нужной для защиты от большевизма»⁶⁴. Как свидетельствует запись беседы, Гитлер тогда не возражал против предложения Липского об установлении общей венгеро-польской границы, хотя в его планы не входила передача Подкарпатской Руси хортистам⁶⁵. Гитлеровский режим тогда нуждался в поддержке двух соседних государств — Венгрии и Польши. Поспешно организованные венгеро-германская и польско-германская встречи требовались ему именно теперь, накануне приезда в Годесберг английского премьер-министра Чемберлена для переговоров с Гитлером по немецко-чешскому вопросу. Чемберлен выехал в Годесберг 21 сентября.

Между тем за день до того Чемберлену удалось склонить премьер-министра Франции Эдуарда Даладьё и министра иностранных дел Жоржа Бонне (да их особенно и не пришлось уговаривать, поскольку уже были известны высказывания премьера о том, что он не сторонник сотрудничества с коммунистами и не собирается выполнять франко-чехословацкий договор о взаимопомощи) к совместному предложению правительству Чехословакии. Оно было принято за день до встречи Гитлера с Имреди, то есть 19 сентября, в Лондоне и передано правительству Чехословакии.

Причем позже, на переговорах руководителей четырех держав в Мюнхене, глава правительства Франции высказывал мнение о том, что «не надо привлекать представителей Чехословакии, действовать следует самостоятельно и быстро, поддерживая Гитлера и Чемберлена, Муссолини; он принял на себя ответственность уже в Лондоне», когда, не запросив

чешское правительство, в принципе дал свое согласие на передачу немецких областей. «Я встал на эту точку зрения, не смотря на то что между Францией и Чехословакией имеется союзный договор», — сказал Даладьё⁶⁶.

Англия и Франция предложили правительству Чехословакии немедленно передать эти районы Германии⁶⁷. Для осуществления этой акции представители обоих государств договорились осуществлять давление на чехословацкое правительство⁶⁸. Они просили его дать ответ как можно скорее.

Ответ правительства Чехословакии на англо-французские предложения был передан незамедлительно — 20 сентября. Фактически ответ Чехословакии на предложение Англии и Франции был отрицательным. В заключение его говорилось: «Чехословацкое правительство сознает, что прилагаемые британским и французским правительствами усилия являются результатом их искренней симпатии, и искренне благодарит за это. Тем не менее, исходя из приведенных доводов, оно вновь обращается к ним с последним призывом и просит, чтобы они пересмотрели свою точку зрения»⁶⁹.

21 сентября Великобритания направила ноту Чехословакии, в которой чехословацкому правительству предлагалось взять этот ответ обратно. Если оно отклонит совет английского правительства, то последнее «не сможет взять на себя ответственность»⁷⁰. Вечером того же дня Прага ответила Лондону: «Вынужденные обстоятельствами и под чрезвычайным давлением французского и английского правительств, правительство Чехословацкой республики с горечью принимает

франко-английские предложения». В то же время оно «с прискорбием констатировало, что предварительно даже не было запрошено при выработке этих предложений...»⁷¹

В то время уже шли разговоры, что под давлением Англии и Франции чехословацкое правительство приняло требование Германии и английский премьер-министр Чемберлен собирается сообщить об этом фюреру. Но Гитлера ничто так не пугало, как возможность мирного урегулирования немецко-чехословацкого конфликта. Немецко-венгерское совещание было проведено наконец и с той целью, чтобы германский канцлер мог предъявить Чехословакии новые наглые требования. 21 сентября 1938 года газета «Берлинер тагблат» в материале о визите Имреди и Кани в Берхтесгаден писала, что Бенеш принял англо-французские предложения о передаче пограничных территорий Германии, но сделал это поздно, ибо «формальное предъявление венгерских и польских требований со вчерашнего дня создало новую ситуацию».

В таких условиях правящие круги Венгрии решили спешно провести ряд мероприятий. В ход была пущена пропагандистская машина. 21 сентября в Будапеште на площади Героев состоялся большой ирредентистский митинг. Подобные сборища были проведены по всей стране.

22 сентября 1938 года министерство иностранных дел Венгрии направило правительству Чехословакии ноту, в которой в резком тоне предъявлялось требование об отделении чехословацкой территории, населенной венграми, и предоставлении словакам и закарпатским русинам права на самоопределение.

В тот же день посол Польши в Англии Эдвард Рачинский информировал венгерского посланника Дьёрдя Барцу, а тот Калмана Каню об официальном заявлении польского правительства в Праге о своих претензиях на земли, населенные поляками⁷². В ответной ноте руководство Чехословакии выразило готовность начать переговоры с венграми и обеспечить венгерскому национальному меньшинству такие же права, какие намечалось предоставить судетским немцам⁷³.

Расширяя действия своей дипломатии, хортисты одновременно осуществляли и военные мероприятия. Было призвано несколько возрастных контингентов. Венгерские войска были сосредоточены на границе с Чехословакией.

Позиция, занятая тогда венгерским и польским правительствами, побудила Гитлера во время встречи с Чемберленом в Годесберге 22 сентября добавить к своим требованиям претензии Венгрии и Польши. В связи с этим англо-германские переговоры закончились безрезультатно.

У чехословацкого правительства был и другой выбор. 20 сентября в Прагу из Москвы поступило сообщение, которое гласило, что СССР окажет Чехословакии военную помощь даже без участия Франции при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит у него помощи⁷⁴. Но правительство Чехословакии и президент Эдвард Бенеш отказались принять предложение Москвы и согласились с англо-французскими рекомендациями удовлетворить требования Гитлера.

В последнюю декаду сентября венгерская дипломатия развернула лихорадочную деятельность. 22-го МИД Венгрии направил в Прагу демарш, требуя, чтобы

дела венгерского национального меньшинства упорядочили на такой же основе, что и судетских немцев. Венгерский посланник в Берлине Деме Стояи по телефону сообщил в МИД Германии Вёрману о пожеланиях своей страны в чехословацком вопросе. Первое: населенные венграми территории сегодняшней Чехословакии присоединить к Венгрии. Второе: обеспечить на деле права самоопределения словакам и русинам⁷⁵.

Ко всем этим вопросам венгерский посланник вернулся 26 сентября в беседе с Риббентропом. В кодированной телеграмме, адресованной Кане, он сообщал о ней: Германия сохраняет свое заявление о том, что гарантии новых чехословацких границ даст лишь на условиях, если в этом примут участие все заинтересованные страны, включая Италию. Риббентроп добавил: Гитлер представлял интересы Венгрии в беседе с Чемберленом в Годесберге так, как он обещал Имреди 20 сентября. «Больше он сделать не мог, остальное нужно совершить венгерскому правительству», — сказал министр.

Венгрию все еще беспокоила возможная позиция Югославии. О ней 28 сентября 1938 года Венгрия информировала Польшу. В тот день в Варшаве посланник Андраш Хори, побывав в МИДе, передал начальнику кабинета министра иностранных дел графу Михалу Любеньскому следующее: Андрич, по поручению Милана Стоядиновича, пригласил барона Дьёрдя Бакач-Бешшенеи и выразил тревогу правительства Югославии, вызванную претензией Венгрии на территории, населенные венграми, а также словаками и русинами. И по поручению министра сообщил Кане: если правительст-

во Венгрии даст заверение безопасности правительству Югославии и конкретизирует, на какую часть территории Чехословакии претендует, и если эти aspirations не относятся к территории, населенной словаками или русинами, то Стоядинович готов посредничать в Праге для поисков пути возвращения Венгрии территории, населенной венграми⁷⁶.

Как складывались венгеро-польские отношения в 1938 году в свете решения проблемы Подкарпатской Руси? Еще до аншлюса Андраш Хори шифрограммой информировал Калмана Каню о взглядах Юзефа Бека на решение проблемы Чехословакии. Он считал ее важной из-за того, что чехи видели в Подкарпатской Руси опорную базу Советского Союза, а советско-чехословацкие отношения угрожают интересам Польши. Эта же опасность существует и для Венгрии⁷⁷.

27 марта МИД Польши передал в Будапешт: самой важной задачей польской дипломатии будет осуществление влияния на Югославию и Румынию в пользу Венгрии (убедить их не выполнять союзнические обязательства в случае венгеро-чехословацкого конфликта)⁷⁸.

На следующий день министерство информировало венгерское посольство в Варшаве: для польского национально-го меньшинства в Чехословакии оно требует таких же прав, какие будут предоставлены Прагой немецкому меньшинству и словакам. Акции, связанные с Подкарпатской Русью, Польша уступает Венгрии, для чего МИД предлагал провести предварительные переговоры польского консула в Ужгороде с Бакач-Бешшенеи и Патаки, которые могут состояться в Вене⁷⁹.

О намерениях Венгрии в отношении Словакии и Подкарпатской Руси даст представление письмо Калмана Кани Юзефу Беку от 5 апреля. В нем он писал о параллельной деятельности Объединенной венгерской партии со словацкими автономистами, утверждая, что это сотрудничество постоянно развивается. Князя тогда планировал получить всю Словакию и Закарпатье. Он выражал уверенность, что против этого Бек, так же как и Гитлер, возражать не будет⁸⁰.

На подготовку решения проблемы Чехословакии проливает свет и донесение венгерского военного атташе Белы Лендьела из Варшавы начальнику Генерального штаба в Будапешт о беседе с начальником польской военной разведки и контрразведки полковником Тадеушем Пелчинским от 8 апреля. По мнению последнего, успех военного разгрома Чехословакии будет обеспечен внезапным выступлением немецких дивизий. В отношении русских он полагал: их пехотные соединения не смогут участвовать в боях, а с воздушной помощью их Чехословакии нужно считаться⁸¹. В тот же день Андраш Хори информировал МИД Венгрии о полученных сведениях из Румынии: эта страна ни в коем случае не пропустит советские войска на помощь Чехословакии⁸². Относительно словаков и русинов Пелчинский уже тогда высказал мысль: им придется самим, путем референдума, решать вопрос о своей принадлежности.

Еще 7 мая на запрос венгерского посланника в Чехословакии Яноша Веттштейна из венгерского МИДа в Прагу поступила информация о намерениях правительства в случае получения Словакии и Закарпатье обеспечить автономию не

только словакам, но и русинам, причем словакам и в том случае, если Словакия будет возвращена Венгрии и военным путем. Об этом венгры уведомили германское и польское правительства⁸³.

Венгерскими планами интересовался и польский Генштаб. 10 мая Тадеуш Кобылянский через посланника Будапешта запросил срочную, доверительную и точную информацию: в случае раздела Чехословакии какими были бы границы Венгрии? Как он определит границы автономной Словакии и Закарпатье в случае предоставления ему автономии и каковы будут его границы? Андраш Хори тут же сказал Кобылянскому: в случае распада Чехословакии Венгрия «претендует на исторические границы», о чем многократно заявляло венгерское правительство⁸⁴. Ответ Калмана Кани был также предельно кратким: «Венгрия претендует на современную Словакию и Русинию...», однако «за исключением небольших территорий, относящихся к Польше»⁸⁵.

Отвечая Варшаве, Князя поручил Хори сообщить Беку о будущих границах предполагаемых автономных территорий: при определении границ между Венгрией и ними, а также между ними мы намерены стремиться к тому, чтобы они в основном совпали с языковыми границами. Когда неделю спустя временный поверенный в делах Венгрии Йозеф Криштоффи сообщил об этом Кобылянскому, тот выразил удивление по поводу намерения предоставить автономию и русинам; по его мнению, оно необоснованно, поскольку их «национальное самосознание неразвито». За этим скрывалась боязнь польского правительства, что подобные требования выдвинут жители Восточной Галиции.

Венгерский историк Эндре Ковач в рассмотренных запросах Генштаба и МИДа Польши видел «некоторое недоверие» из-за возросшего аппетита венгров – не захотят ли они заполучить и те небольшие территории, которые в 1918 году были включены в состав Польши.

Между тем 14 мая 1938 года сторонники Иштвана Бетлена посадили в кресло премьер-министра Венгрии Белу Имреди. Общественное мнение и основные политические круги надеялись со сменой правительства на некоторый отход от тесного венгеро-германского сотрудничества.

После майского кризиса была сформулирована новая польская внешняя политика – действовать вместе с Третьим рейхом для развала Чехословакии. Об этой новой тактике Хори сообщал Кане: польская общественность обеспокоена, германскую политику здесь не считают искренней. Германия желает решить чехословацкий вопрос исключительно в свою пользу и, естественно, не поддерживает «идею общей польско-венгерской границы»⁸⁶.

Тот же Андраш Хори имел 13 июня беседу с начальником кабинета министра иностранных дел Польши Михалом Любеньским, который между прочим заявил, что чешский коридор, имея в виду Закарпатье, всегда можно разрушить, но если «между нами вклинится» сильная Германия, то Польша не сможет протянуть руку помощи Венгрии. Поэтому, кроме возвращения территории, и «этот интерес Венгрии уже связан с общей границей»⁸⁷.

Когда у Кани появились сомнения насчет позиции польского руководства, то Андраш Хори пытался развеять их сооб-

щением о консультациях в Варшаве 24 июня. Между прочим он приводил его рекомендации установить контакты с венграми Фелвидека с целью привлечения на свою сторону населения Русинии. Учитывая возможность решения проблемы Закарпатья путем плебисцита, Польша вновь предложила Венгрии обменяться мнениями, причем на первом этапе это был бы обмен информацией между венгерским консулом в Братиславе и польским в Ужгороде⁸⁸.

21 июня начальник отдела военной разведки Венгрии Рудольф Андорка в беседе с начальником польского Генерального штаба генералом Вацлавом Стахевичем выяснил, что Русь (Подкарпатская) поляков вообще не интересует, разве только в том плане, что там легче всего установить общую польско-венгерскую границу, которую они считают весьма желательной. А в беседе с заведующим политическим отделом МИДа Тадеушем Кобылянским в отношении Закарпатья он услышал: Польша им не занимается, полностью считая решение о нем делом Венгрии⁸⁹.

В конце июля президент Польской республики Игнацы Мосьцицкий и статс-секретарь МИДа Ян Шембек находились в Бухаресте. Одновременно они хотели склонить румынское руководство к принятию венгеро-польского плана об установлении общей границы. Как отмечал Шембек в своем дневнике 30 июля, общая венгеро-польская граница уменьшила бы значение Румынии как союзника Варшавы. Поэтому беседа вокруг этого вопроса для принимающей стороны была не из приятных. В отношении Закарпатья в Румынии к этому времени уже вызревали свои планы.

7 сентября Андорка опять беседовал в Варшаве со Стахевичем и представителями МИДа. Те информировали его о своих претензиях на Тешин, и, по их мнению, Венгрии следует возратить населенные этническими венграми территории и Руськую Краину со всеми русинами⁹⁰.

15 сентября польский министр иностранных дел Юзеф Бек в беседе с венгерским посланником Андрашем Хори просил правительство Венгрии «в эти решающие судьбу дни» «самым решительным образом требовать плебисцита в венгерском Верхнем крае», то есть в Словакии и Подкарпатье⁹¹. На следующий день Ян Шенбек «информировал» венгерского посланника о «концепции» польского Генштаба, согласно которой Венгрия могла бы начать наступление в направлении Закарпатья. Мотивировал он это тем, что именно там венгерская армия быстрее всего встретилась бы с польскими военными силами. Занятие Рутении и в политическом плане вызвало бы меньшее сопротивление. Польша для прикрытия венгерского продвижения в Карпатах сконцентрировала бы соответствующее число дивизий. При этом она довела бы до сведения Белграда и Бухареста, что военные действия Венгрии осуществляются с предварительного согласия Польши⁹².

К этому времени между Польшей и Венгрией было оформлено джентльменское соглашение. По инициативе польской стороны было предложено подписать политический и военный договор. Калман Каня немедленно ответил согласием. Но 20 сентября 1938 года посланник Венгрии в Варшаве Андраш Хори направил министру иностранных дел Калману Кане шифrogramму, содержащую

сообщение его польского коллеги Юзефа Бека. Он писал, что сейчас нет возможности составить политическое и военное соглашение между Польшей и Венгрией — оно уже опоздало из-за быстрого развития событий, но достижение договоренностей в подходящих обстоятельствах не исключено. Бек заверял Будапешт в полной дипломатической и политической поддержке⁹³.

В то же время Будапешт и Варшава договорились блокировать Закарпатье. По примеру Германии Польша прервала с Чехословакией транспортную, телеграфную и телефонную связь. Шенбек предложил Будапешту закрыть чехословацкий транзит через территорию Венгрии. На запрос Кобылянского от 25 сентября Каня ответил на следующий день: «Мы решили полностью прекратить товарооборот с Чехословакией». Однако сохранилось пассажирское сообщение для связи с венграми, словаками и русинами⁹⁴. Выдавая желаемое за действительное, Каня поручил посланнику уведомить Варшаву о якобы «выдающемся хорошем» провенгерском настроении населения Закарпатья и о том, что там мало чешских солдат. В связи с этим Хори должен был поставить вопрос: не пришло ли время «осуществить там военную кооперацию» Венгрии и Польши?⁹⁵

Между тем советская дипломатия внимательно наблюдала за действиями Венгрии, но никаких мер в отношении нее не предпринимала. Советская миссия в Будапеште констатировала: во взаимоотношениях Венгрии с Советским Союзом никаких более или менее значительных событий за последние месяцы не произошло⁹⁶.

В последней декаде сентября 1938 года напряжение в Европе усилилось. Под давлением творцов политики умиротворения, предложивших Праге уступить Германии Судетскую область, правительство Милана Годжи в Чехословакии капитулировало 22 сентября, согласившись с этим, и ушло в отставку. Новое правительство возглавил генерал Ян Сирови. Польша в тот же день, а Венгрия на следующий предъявили Чехословакии требования решить вопрос об их претензиях на земли проживания поляков и венгров на тех же принципах, что и в случае с судетскими немцами. Президент Эдвард Бенеш ответил Польше немедленно и пообещал отдать требуемую ею территорию (Тешинскую Силезию), проведя «коррекции границы».

После встречи Гитлера с Чемберленом 22–23 сентября в Годесберге Гитлер ознакомил английского премьера с меморандумом, содержащим требования к чехословацкому правительству. Чемберлен передал его чехословацкому правительству. Чехословакию этот документ не удовлетворил — она ответила частичной мобилизацией. Чемберлен ознакомил с этим документом британское правительство, которое решило принять требования Гитлера и рекомендовать чехам сделать то же самое⁹⁷. Чехи не соглашались, а Гитлер настаивал на своем. Так длилось до утра 28 сентября.

В тот же день посол Англии в Риме лорд Э. Перт нанес визит министру иностранных дел Чиано с просьбой, чтобы Муссолини выступил посредником. А в Берлине итальянский посол Аттолико заявил Гитлеру, что Италия прочно стоит на стороне Германии, но ставит вопрос: нельзя ли отодвинуть срок ультиматума на 24 часа?⁹⁸

После согласования с фюрером дуче 28 сентября выдвинул идею обсудить проблему на конференции четырех. Гитлер, естественно, принял данное предложение. Чемберлен заручился поддержкой английского правительства и согласием палаты общин парламента на проведение конференции четырех в Мюнхене для поиска выхода из кризиса.

Их удовлетворял такой вариант прежде всего потому, что он решал чехословацкий вопрос без участия Советского Союза. Когда правительства Англии и Франции приняли посредничество Италии ради «спасения европейского мира», то есть разделения Чехословакии, и договорились о встрече в Мюнхене, венгерская дипломатия проявила исключительную активность в том, чтобы добиться одновременно с немецкими претензиями удовлетворения и венгерских требований.

Посланники Венгрии в западных странах обращались к Гитлеру, Герингу, Муссолини с просьбами поддержать венгерские претензии в Мюнхене. Заручившись обещаниями последних, Каня поручил Барце вручить Чемберлену записку, в которой говорилось о больших правах венгров, чем немцев и поляков, на земли Чехословакии и выражалась благодарность премьеру за прежнюю поддержку⁹⁹.

28 сентября особую активность проявил венгерский посланник в Берлине Деме Стояи. В этот день он направил в МИД в Будапешт несколько шифрограмм. В 17 часов он передал Калману Кане шифрограммой по телефону сведения о предстоящей 29 сентября конференции в Мюнхене и составе ее участников. Регенту он рекомендовал обратиться

с личным прошением к Гитлеру и Муссолини. После этого он имел часовую беседу с Герингом. Затем позвонил в Будапешт начальнику кабинета министра Иштвану Чаки и рассказал ему о только что состоявшейся беседе, предполагаемой повестке конференции четырех. Он предлагал регенту позвонить еще Герингу и Муссолини.

Через полчаса Стояи позвонил вновь и предложил, чтобы граф Иштван Чаки немедленно вылетел к Муссолини, имея карту с обозначенными на ней требованиями Венгрии, и объяснил ему все частные данные¹⁰⁰.

Так и сделали. Чаки до начала конференции направился в Мюнхен и ожидал Муссолини, который 29 сентября принял его сразу после прибытия и в присутствии Чиано спросил: чего ожидают от него регент и премьер в связи с решением чехословацкого вопроса? Чаки изложил известные венгерские требования, отмеченные на карте цифровые данные. Итальянский премьер-министр поинтересовался, какой срок устанавливает венгерское правительство для осуществления своих претензий. Услышав в ответ, что один месяц, дуче сказал: «Сегодня для Венгрии будет удачный день. Как только мы закончим с судето-немецким вопросом, и это произойдет сегодня, — я немедленно поставлю на повестку дня венгерские и польские претензии, потребовав их немедленного удовлетворения на такой же основе, как это будет сделано в отношении германских претензий». Это означало передачу Венгрии территории, населенной этническими венграми, и право на самоопределение. Это программа-максимум. Если не пройдет, он потребует осуществить ее в

течение одного месяца. А если и программа-минимум не пройдет, то Муссолини высокопарно рекомендовал, как всегда повысив голос: «Выступайте... Поставьте мир перед свершившимся фактом»¹⁰¹.

Польский министр иностранных дел Бек, поддерживая венгерские территориальные притязания к Чехословакии, ночью 28 сентября поручил посланнику в Белграде и послу в Бухаресте сообщить в МИД этих стран, что Польша удивится, если Югославия и Румыния будут препятствовать осуществлению венгерских требований, тогда как великие державы их поддерживают¹⁰².

29 сентября 1938 года главы четырех западных великих держав собрались в Мюнхене для совещания. Состоялась непродолжительная дискуссия (обсуждался вопрос: хорошо бы за дверью иметь представителя чехословацкого правительства, чтобы он отвечал на возникающие вопросы). Гитлер возражал против присутствия такого представителя — его, мол, включают в международную комиссию, составленную из представителей присутствовавших там государств. Причем, что удивительно: в этом вопросе более других канцлера поддержал Даладье, заявивший, что он еще в Лондоне дал согласие на передачу немецких областей Германии без запроса чехословацкого правительства, хотя между Францией и Чехословакией имеется союзный договор¹⁰³.

Гитлер в своем выступлении утверждал, что немецкое, венгерское, словацкое, польское и карпато-русское меньшинства, «которые против их воли были втиснуты» в чехословацкое государство, «восстают против его дальнейшего существования». Но он, фюрер, может высту-

пить «здесь только от имени немецкого меньшинства»¹⁰⁴.

Другие участники встречи подчеркивали, что они уже согласились с передачей судето-немецких областей Германии и договорились о деталях оккупации четырех зон, нанесенных на карту, представленную Гитлером и рекомендованную Муссолини. Оккупацию решили осуществить в период с 1 по 10 октября поочередно, по зонам.

Кроме основного документа – соглашения – на мюнхенской конференции были приняты еще четыре: одно дополнение к соглашению и три дополнительные декларации. В одной речь шла о разрешении проблемы польских и мадьярских меньшинств на основе предложения Муссолини, как сообщил составитель записки о ходе совещания с немецкой стороны Эрих Кордт¹⁰⁵.

Государственные деятели стран, выступивших за расчленение Чехословакии, удостоились благодарности Гитлера за то, что приняли его приглашение на совещание в Мюнхене, а также «за их старание в деле достижения счастливого результата переговоров».

Как следует из вышеприведенных материалов, на конференции глав правительств четырех государств дуче не был уже, как прежде, ревностным защитником венгерских требований, а полностью подчинился воле Гитлера, не заинтересованного в том, чтобы требования Венгрии и Польши обсуждались на мюнхенской конференции. Канцлер сам хотел решить этот вопрос в интересах Германии.

Поэтому в Мюнхенском соглашении не говорится о венгерских требованиях, и только в третьей дополнительной деклара-

ции они упоминаются следующим образом: «Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь»¹⁰⁶.

Утром 30 сентября в 6 часов 15 минут временный поверенный в делах Германии в Праге прибыл в МИД Чехословакии и вручил министру иностранных дел Камилу Крофте мюнхенское решение. От имени президента и правительства министр заявил: «...Мы подчиняемся решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас»¹⁰⁷.

Чехословацкие правящие круги не желали принять помощь Советского Союза и, руководствуясь своими узкими интересами, сами не захотели защищать свою страну.

Лондонская газета «Таймс» в связи с этим писала: «Принцип самоопределения, декларированный Версальским договором, был использован Гитлером в нарушение текста самого договора, и это ему разрешили сделать»¹⁰⁸.

Венгерские требования и надежды в Мюнхене не сбылись. Но все же правители были довольны хотя бы тем, что их претензии признаны великими западными державами. И в то же время их удручал этнический принцип, примененный там. Он на неопределенный срок закрывал им возможность начала приращения страны за счет территорий, населенных невенграми, прежде всего Подкарпатской Руси, и установления общей с Польшей границы.

Часть третья

Автономная
Подкарпатская Русь
и Карпатская Украина

Глава первая

Первый Венский арбитраж и раздел Закарпатья

События в связи с Подкарпатской Русью в октябре 1938 года развивались следующим образом. 1 октября министры иностранных дел Венгрии и Чехословакии Калман Каня и Камил Крофта обменялись нотами по поводу начала переговоров. Принимая ноту, Крофта заявил о совпадении желаний двух государств, но добавил, что переговоры могут быть начаты только через неделю, так как в данный момент правительство занято эвакуацией из Судет и ответом на польские требования. Крофта заметил: мы хотим создать национальное государство и поэтому согласны на переговоры о передаче населенных венграми территорий.

О намерении Венгрии вести эти переговоры была извещена Франция. Румынское и югославское правительства также были информированы о шагах, предпринятых Чехословакией, и сообщили в Берлин, что не возражают против передачи Венгрии части чехословацкой территории, населенной венграми.

Премьер-министр Венгрии Бела Имреди довел до сведения министра ино-

странных дел Иоахима Риббентропа о намерении немедленно потребовать от Чехословакии переговоров на основе Мюнхенского соглашения. Одновременно запрашивалось мнение Германии: поддержит ли она этот шаг венгерского правительства. Статс-секретарь министерства иностранных дел барон Эрнст Вайцеккер дал положительный ответ¹.

В этот же день Стояи сообщил в Будапешт, что Герман Геринг всегда поддерживает притязания Венгрии на территории Чехословакии, населенные венгерским национальным меньшинством, равно как и словаками, и русинами. Но последнее не согласовывалось в то время с позицией Адольфа Гитлера — только на земли, населенные венграми. Далее Стояи писал: по мнению Гитлера, Геринга, Риббентропа, Ламмерса, для того чтобы оправдать венгерские требования перед миром, надо организовать античешские выступления со стороны национальных меньшинств Чехословакии. Кроме того, Геринг советовал Венгрии не жалеть денег на подрывную работу в Чехословакии².

В связи с этой рекомендацией венгерское правительство активизировало свою деятельность по созданию и укреплению «пятой колонны» в Закарпатской Украине и Словакии. В Закарпатье на венгерские средства существовал Автономный земледельческий союз и Русская национальная автономная партия – на польские средства. С начала 1938 года венгерский и особенно польский МИД предпринимали попытки объединить их, что не удалось из-за амбиций их руководителей. Целью этих партий было под маской борьбы за автономию Подкарпатской Руси подготовить оккупацию края хортистами. В архивах обнаружено большое количество документов, разоблачающих деятельность венгерской и польской агентуры в Закарпатской Украине, об этом мы уже писали.

В венгерском Генштабе в 1935 году был создан 5-й отдел для подготовки особых отрядов нерегулярных войск, которые выполняли бы задачу расширения границ, восстановления исторической Великой Венгрии, так называемой империи Святого Иштвана. Впоследствии они стали называться *Rongyas gárda* («гвардия оборванцев») и состояли в основном (на 90%) из резервистов.

В серии статей Енё Дьёркеи, опубликованных в 1993 году³, раскрыта эта тайная деятельность венгерского Генштаба. Эти публикации созданы на основе рассказов офицера Генштаба Валера Штфана, работавшего в особом 5-м отделе, возглавляемом генерал-майором Шандором Хомлоком в 1938 году. Под руководством этого отдела по решению правительства и Генштаба было создано 19 стрелковых батальонов. В 1938 году из них осталось

восемь⁴, которые в готовности ждали вторжения в Закарпатье.

1 октября 1938 года, как записал в своем дневнике Миклош Козма (руководитель Венгерского телеграфного агентства, пожизненный член верхней палаты государственного собрания и министр внутренних дел в правительствах Дюлы Гёмбёша и Калмана Дарани), его вызвал премьер-министр Бела Имреди и предложил взять на себя политическое руководство подрывной деятельностью в Закарпатье, то есть руководство «гвардией оборванцев», созданной по типу разбойничьих шаек и укомплектованной прежде всего нилашистами и молодежью – любителями приключений, сбитыми с толку шовинистической пропагандой. Козма дал согласие⁵.

Начиная с 5 октября этих хорошо подготовленных и вооруженных людей стали нелегально перебрасывать через границу на территорию Закарпатской Украины для проведения там диверсий. Сам Козма, считавший, что он может руководить военной стороной дела, в записи от 4 ноября отмечал: «Но верно также, что ведение малой войны следует поручить офицеру-кавалеристу или бывшему атаману разбойничьей шайки, поскольку таким путем добывали они себе хлеб и, естественно, разбираются в этом деле лучше кого бы то ни было»⁶.

Д. Сент-Ивани подчеркивал: реально оценить события в Венгрии после Мюнхена можно, если разобраться в личностях по крайней мере трех ведущих государственных деятелей: премьера Бельи Имреди, министра иностранных дел Иштвана Чаки и начальника Генштаба Хенрика Верта. Этим деятелям нетрудно

было осуществить свои планы, если учесть, что премьер Имреди после Мюнхена не только «боялся славянской опасности», но и полагал, что в последующие четыре десятилетия в Европе будет господствовать Германия и без ее поддержки Венгрия не только не добьется «приращения» страны, но и не сможет сделать ни одного самостоятельного шага.

2 октября министр иностранных дел Англии лорд Эдвард Галифакс написал письмо венгерскому посланнику в Лондоне Дьёрдю Барце, в котором выразил надежду, что «венгерское и чехословацкое правительства решат вопрос венгерского меньшинства мирным путем». В ответном письме в тот же день Барца сообщал об уже предпринятых в Праге шагах и просил оказать влияние на Чехословакию для благоприятного для Венгрии решения вопроса⁷.

2 октября Калман Кания послал инструкции посланникам в Лондон и Париж с указанием сообщить руководству Англии и Франции, что посланник Венгрии в Праге получил задание предложить чехословацкому правительству немедленно начать переговоры во исполнение мюнхенского решения и как можно скорее завершить их, а также он просил их передать просьбу венгерского правительства правительствам Англии и Франции оказать на Прагу влияние в пользу Венгрии⁸.

3 октября венгерский посланник в Лондоне Дьёрдь Барца доносил в Будапешт о выполнении вчерашней инструкции. Артур Кадоган, которого он посетил в Форин-офисе, ответил, что английское правительство уже во время мюнхенского совещания настойчиво призывало чехословацкое руководство решить как

можно быстрее вопрос национальных меньшинств. Кроме того, он принял к сведению венгерскую просьбу и пообещал дальнейшую поддержку со стороны английского правительства. Наконец, просил венгров быть умеренными в отношении требований к чехам и в общении с ними не вести себя бесцеремонно⁹.

В тот же день посланник в Париже Шандор Куэн Хедервари в своей шифрограмме о беседе с Жоржем Бонне передал его просьбу от имени правительства «провести дипломатические переговоры в примиренческой манере, а не методом угроз»¹⁰.

3 октября Калман Кания направил венгерскому посланнику в Праге Я. Ветштейну шифрограмму с предписанием немедленно посетить Камиля Крофту, передать ноту и сообщить пожелание венгерского правительства провести с Чехословакией переговоры в дружеском духе и мирной атмосфере. Он просил создать для них предпосылки, то есть немедленно освободить политзаключенных-венгров, демобилизовать венгров из чехословацкой армии и так далее.

В ноте Кания также предлагал начать 6 октября 1938 года в городе Комарно венгеро-чехословацкие переговоры. В этом документе предлагалось в качестве символа возвращения венгерских территорий ввести венгерские войска в два-три пограничных города. Такими городами, по мнению Кани, могли бы быть Комарно, Парканьнана или Ипойшаг в юго-западной части Словакии и Шаторальяуйхей, Чоп или Берегово на востоке Словакии и в Подкарпатской Руси¹¹.

Эта нота сопровождалась резкой античехословацкой кампанией в печати и

на радио с требованиями установления общей границы между Венгрией и Польшей путем передачи Венгрии Подкарпатской Руси.

Венгерское правительство явно нервничало. 4 октября Каны направил очередную шифrogramму посланнику в Праге с просьбой выразить Крофте удивление по поводу отсутствия ответа на ноту, переданную 3 октября¹².

Но у Камиля Крофты были уже другие заботы. 5 октября 1938 года президент Чехословакии Эдуард Бенеш подал в отставку. Было образовано второе правительство Яна Сирови, в которое Крофта не вошел. Новым министром иностранных дел Чехословацкой республики стал бывший посланник в Риме Франтишек Хвалковский. Он из Рима попросил Канию в связи с правительственным кризисом подождать хотя бы неделю и отметил, что не намеревается затягивать время. Он также поинтересовался у Ф. Виллани размерами венгерских требований, а тот сослался на ноту от 3 октября и упомянул о польско-венгерской границе¹³.

Венгерский посланник в Москве М. Юнгерт-Арноти после возвращения в Москву из отпуска 2 октября 1938 года беседовал с заместителем наркома Народного комиссариата иностранных дел СССР Владимиром Потемкиным, который записал в своем дневнике, что разговор носил самый общий характер. Единственным заслуживающим внимания было заявление Юнгерта, что Венгрия не может допустить дискриминации в отношении себя «и, разумеется, предъявит Чехословакии требования — отдать ей около полутора миллионов мадьяр вместе с частью Чехословакии, на террито-

рии которой обитают эти меньшинства». Приведенная цифра свидетельствует о том, что Юнгерт сознательно пытался обмануть Потемкина, когда назвал цифру, почти в два раза превышавшую численность проживавших там венгров¹⁴.

Между тем в августе — сентябре венгеро-германское сотрудничество продолжало ухудшаться. К тому же общую венгеро-польскую границу немцы рассматривали в качестве препятствия своему продвижению на восток¹⁵.

Позиция Англии, по мнению Юнгерта, была слишком сдержанной: Лондон предпочел бы примирение Венгрии с соседями. Кроме того, чувствовалось, что Лондон и Париж не хотели быть арбитрами, но оказывали давление на Венгрию, для того чтобы умерить ее требования к Чехословакии. Французский посланник в Будапеште посетил МИД (Г. Апора) по тому же поводу: уменьшить требования, поскольку они идут дальше Мюнхена и осложняют достижение соглашения¹⁶.

4 октября Дьёрдь Барца посетил заместителя министра иностранных дел Артура Кадогана и просил оказать влияние на решение этой проблемы в Праге. На вопрос Кадогана, известны ли посланнику те требования, которые будут предъявлены Чехословакии, тот высказал только свое мнение: территории с преобладающим венгерским населением, как было и с Германией, следует немедленно передать Венгрии, а на остальных, где высок процент проживания венгров, решить вопрос путем плебисцита. Кроме того, право словаков и русинов на самоопределение он считал несомненным¹⁷.

Во втором донесении в тот же день Дьёрдь Барца восхвалял Невилла Чем-

берлена за поддержку Венгрии и в то же время признавал, что демократические государства потерпели поражение и под руководством Англии «вынуждены были подчиниться силе или угрозам националистических государств». По мнению Барца, «преодоление мирового кризиса» есть не что иное, как поражение, скрытое «в мирной упаковке», ибо иначе война могла бы привести к усилению влияния Москвы и в конечном счете к большевизации Европы.

По поводу политики «умиротворения» агрессора, как отмечал Барца, в английском правительстве не было единства взглядов. Министр иностранных дел Великобритании лорд Эдвард Галифакс представлен в донесении как лояльный сторонник премьера Невилла Чемберлена, искренне сотрудничавший с ним. Но этого нельзя сказать о других высокопоставленных ответственных сотрудниках Форин-офиса, которые почти все являются франкофилами и разделяют политические взгляды Антони Идена. «Это видно было и даже чувствовалось на всех беседах, которые я вел с Кадоганом и Ормом Сарджентом. Форин-офис, как таковой, думаю, очень осуждает политику Чемберлена и считает ее, с точки зрения Англии, унижительной, а на будущее опасной», — писал Барца.

Дьёрдь Барца предлагал рассмотреть и оценить политику Англии по венгерскому вопросу с позиции самих англичан. Заявление Чемберлена, переданное Кане «секретным посредником», как и заявления, сделанные Галифаксом венгерскому посланнику, и письменные его обещания в отношении венгерского меньшинства, показывают, что «премьер-министр и Га-

лифакс признают законность наших требований». Теперь же, после подписания Приложения к Мюнхенскому соглашению, они считают, что английское правительство в отношении Венгрии сделало все возможное. По представлению англичан, упорядочение вопроса венгерского меньшинства теперь «поставлено на рельсы прямых венгеро-чехословацких переговоров», на которых Англия в крайнем случае выступит «как доброжелательный посредник, а не как сторона, осуществляющая давление»¹⁸.

5 октября посланник Венгрии в США Янош Пелени направил донесение Кане (вообще он очень редко писал), в котором извещал о лояльных и благоприятных для Венгрии сообщениях поверенного в делах в Будапеште Говарда Траверзера. Его убеждение было основано на беседах в Госдепартаменте, а также на некоторых его телеграммах, с которыми его ознакомили. Хорошее впечатление произвел на него и посланник США в Будапеште Джон Монтгомери, с которым у него состоялась встреча в Вашингтоне перед его возвращением в Венгрию. По словам Джона Монтгомери, он в госдепартаменте подчеркивал необходимость не только возвращения земель, населенных венграми, но и присоединения Подкарпатской Руси к Венгрии, а также желательность установления общей венгеро-польской границы.

При посещении Яношем Пелени заместителя госсекретаря США Самнера Уэллеса тот спросил его: как он думает, удовлетворится ли Венгрия присоединением Закарпатья? Пелени выкручивался и фактически не ответил на вопрос, а в донесении сообщал, что и руководитель

европейского отдела Госдепартамента США заводил с ним беседу о Русинии.

6 октября на митинге в Жилине была провозглашена независимость Словакии. После Мюнхена венгеро-польское сотрудничество усилилось. Венгры не упускали из виду и возможность захвата всего Закарпатья вооруженным путем, рассчитывая на поддержку Польши. Сведения об этом уже широко распространились и во многих странах вызывали неодобрение и тревогу. Еще в конце сентября Янош Пелени сообщил из Вашингтона в Будапешт, что в США очень сильны прочешские настроения, а венгерские территориальные требования к Чехословакии не пользуются симпатией главным образом из-за создания отрядов «добровольцев», то есть «гвардии оборванцев». Он информировал также о своих намерениях разъяснить: Венгрия хотела бы достичь своих целей мирным путем, а не насилем, чтобы венгров не сравнивали с немцами, которые по «всеобщему здесь мнению о них мчатся в пропасть»¹⁹.

Для согласования тайной подготовки захвата Закарпатья при помощи отрядов добровольцев 5 октября Будапешт направил в Варшаву начальника канцелярии министра иностранных дел Иштвана Чаки. В этот же день Чехословакия в ответе на венгерскую ноту от 3 октября с предварительными требованиями обещала выполнить только первый пункт из четырех — освободить венгров-политзаключенных. 6 октября венгерское правительство повторило свою прежнюю ноту и, учитывая положение в Чехословакии — правительственный кризис, — согласилось 8 октября начать переговоры в Ко-

марно. В ноте от 7 октября венгерское правительство указало на невыполнение его требований от 3 октября, но, учитывая заявление нового чехословацкого министра иностранных дел Хвалковского в Риме «о благих намерениях на переговорах с венграми», назвало последнюю дату начала переговоров — 9 октября 1938 года. Чехословацкое правительство в этот же день ответило согласием и перечислило состав своей делегации²⁰.

В то же время в Варшаве Иштван Чаки вел переговоры с Юзефом Бекком о венгеро-польском сотрудничестве в целях создания общей границы Польши и Венгрии. 5 октября Чаки прислал Кане первую шифrogramму. В ней он сообщал: Бек разделяет венгерскую точку зрения о необходимости общей границы. У польского правительства нет территориальных aspirations, а Румынию Польша сдержит дипломатическими мерами. Польша опасается сосредоточения советских войск у Минска и одобряет готовность Венгрии признать решение словаков, каким бы оно ни было, поскольку Словакия и так присоединится к Венгрии. О возможности предполагаемой военной акции на территории Закарпатья Бек обещает ответить после консультаций с руководством страны²¹.

На следующий день, 6 октября, Бек в присутствии А. Хори, докладывая о результатах переговоров, сказал: президент И. Мосьицкий и генерал Эдвард Ридз-Смигли обратятся сегодня к румынскому королю с просьбой не мешать венграм в их акции на земле Рутении. Всем польским дипломатическим службам передано предупреждение «поддерживать все наши шаги». Этой ночью корпус погра-

ничников получил приказ закрыть границу с Закарпатьем. Из-за опасности со стороны России поляки в военном отношении пока больше сделать не могут. Польша поддержит беженцев из Закарпатья во всем (под «беженцами» подразумеваются заброшенные в Закарпатье венгерские диверсанты и отряды добровольцев). Бек, как писал Чаки, также подчеркнул: польский консул в Ужгороде «в нашем распоряжении»²².

8 октября польский посол в Лондоне посетил Форин-офис с просьбой поддерживать притязания Венгрии на все Закарпатье.

Эти меры предпринимались, несмотря на то что речь шла об исполнении решения мюнхенского диктата, предполагавшего лишь передачу Венгрии территорий Чехословакии, населенных этническими венграми.

Когда 8 октября Ф. Виллани по поручению правительства передал Г. Чиано карту и объяснения венгерских требований, итальянский министр предупредил: правительство Германии желает вернуть только земли, населенные венграми, и «не поддерживает предъявляемые нами претензии на Закарпатье, поскольку в Берлине идея создания польско-венгерской границы не пользуется симпатией»²³.

Венгрия важные проблемы в переговорах с Италией всегда дублировала не только через посланника, но и через военного атташе Ласло Сабо, находившегося в хороших отношениях с Бенито Муссолини. 8 октября Сабо был принят начальником Генерального штаба Альберто Париани и передал ему карту с обозначением венгерских требований к Чехословакии. Подчеркивая важность для Венгрии установ-

ления общей венгеро-польской границы, Сабо акцентировал внимание на отторжении Русинии от Чехословакии и тем самым упразднения румыно-чехословацко-немецкого или русско-чешско-немецкого коридора; кроме того, обеспечение северного фланга в возможных военных действиях против Румынии немыслимо без владения Закарпатьем. Париани обещал передать материалы Муссолини²⁴. Во всяком случае, венгерская сторона на этом этапе добилась итальянской поддержки захвата Подкарпатской Руси и даже заявления Муссолини о его заинтересованности в этом.

9 октября 1938 года венгерский министр иностранных дел К. Каня направил в представительства в Варшаве, Берлине, Риме, Париже и Лондоне поручение сообщить правительствам этих стран об имеющейся в МИДе Венгрии серьезной информации, согласно которой чехословацкое правительство не примет пункт о передаче Венгрии территорий с преобладающим венгерским населением. В таком случае венгерское правительство объявит о прекращении переговоров как беспредметных. Кроме того, в телеграммах для Парижа и Лондона было добавлено: Венгрия сохраняет за собой свободу действий; а для Варшавы, Рима и Берлина: Венгрия объявит всеобщую мобилизацию; для Варшавы и Рима, исключительно для сведения МИДа: «Начавшаяся на русинской территории акция восставших (якобы местного населения, а в действительности — венгерских террористов. — *А.П.*) с завтрашнего дня будет наращиваться»; для Рима: «Возможно, уже завтра попросим немедленно направить нам предложенные 100 самолетов»²⁵.

Венгеро-чехословацкие переговоры начались 9 октября в Комарно²⁶. Открыл их Йозеф Тисо. Позиция чехов была связана с заявлением от 2 октября. По их толкованию, дополнительная декларация Мюнхенского соглашения обязывала Чехословакию обеспечить всем национальным меньшинствам автономию, но в связи с последними политическими событиями, в частности насильственной передачей Тешина и его окрестностей Польше, чехословацкое правительство больше не может уклоняться от переговоров с венгерским правительством. Но автономное словацкое правительство, образованное 6 октября, не признало это заявление чехословацкого правительства²⁷.

Как показывает список чехословацкой делегации, в ее составе не было представителя Подкарпатской Руси, хотя на переговорах предстояло обсуждать проблемы, касавшиеся ее территории.

На заседании в первый день обсудили только процедурные вопросы, то есть к переговорам по существу не приступили, но условились, что Чехословакия в знак доброй воли не возражает против оккупации города Шахи (Ipolyság) и железнодорожной станции Нове-Место-под-Шатром (Sátoraljaújhely) при условии свободного прохода по ней чехословацких поездов.

В тот же день венгерская делегация вручила чехословацкой меморандум, в котором требовала присоединить к Венгрии территории, населенные венграми, и обеспечить право самоопределения для словаков и подкарпатских русинов.

Согласно приложенной венгерской стороной к меморандуму карте, она требовала от Чехословакии передачи ей боль-

шой полосы шириной в среднем 40 километров и длиной свыше 800 км с такими крупными городами, как Братислава, Кошице, Мукачево и другими²⁸.

Данные, содержащиеся в меморандуме и нанесенные на карты, не опубликованы, но в своем выступлении в палате представителей парламента о дипломатической борьбе за присоединение Верхнего края (то есть той территории, о которой шла речь в предыдущем абзаце) Калман Каня подчеркивал, что вопрос решался на этническом принципе, на котором «было построено все мюнхенское дело». Венгерские требования «на этническом принципе» состояли из территории в 14 150 квадратных километров с населением 1 090 000 человек, по данным переписи 1910 года²⁹. Евреи там не фигурировали ни в какой форме — их записывали как венгров или немцев.

Венгрия требовала передать ей 812 сел и 12 из 13 городов в Словакии и Подкарпатской Руси, где жили, по утверждению венгерской делегации, 848 969 венгров, что составляло 77,9% населения этих городов и сел³⁰.

На втором заседании 10 октября Тисо перед объявлением повестки дня заговорил о двух инцидентах на границе, которые угрожали атмосфере переговоров. Венгерская сторона прикидывалась, якобы ее правительству об этом ничего не известно. И в последующие дни приводились все новые факты, но венгерская сторона не реагировала. Об этом будет подробнее рассказано ниже.

Только после этого начались переговоры по сути дела. Иван Крньо зачитал ответ чехословацкой делегации на венгерский меморандум. В нем говорилось,

что проблема предоставления права на самоопределение словакам и русинам, которого требует венгерская делегация, не относится к кругу вопросов этих переговоров, а территориальные требования венгерского правительства противоречат этническому принципу, что неприемлемо. Чехословацкая делегация не согласилась и на передачу Венгрии Братиславы, Нове-Замки, Лученца, Римавской Соботы, Кошице, Ужгорода и Берегова³¹.

На заседании комиссий 10 октября Калман Каня отстаивал право Венгрии требовать для словаков и подкарпатских русинов референдума по самоопределению. Затем Пал Телеки пытался убедить взять за основу данные последней переписи населения в Австро-Венгрии в 1910 году, по его мнению, якобы отражающие действительное состояние дел и в 1938-м. Но глава чехословацкой делегации Йозеф Тисо не принял за основу переговоров данные статистики 1910 года.

11 октября заседала совместная комиссия специалистов. Дискуссия велась вокруг переписей населения: австро-венгерской 1850, 1885, 1910 годов и чехословацкой 1930 года. Самым активным был Пал Телеки, отстаивавший венгерскую позицию. С чехословацкой стороны замечания по венгерским предложениям по всем населенным пунктам Словакии давал Антал Гранатиер, а в отношении Подкарпатской Руси — Петр И. Жидовский, депутат чехословацкого парламента от аграрной партии, представлявший в качестве наблюдателя в тот день утвержденное первое правительство этого края.

Жидовский обратил внимание на то, что по переписи 1910 года венгры во

многих населенных пунктах Закарпатья получили большинство за счет евреев, которые в то время не были обозначены отдельной национальностью и приписаны к венграм. Это замечание антисемит Телеки, при правлении которого в Венгрии принимались так называемые еврейские законы, парировал тем, что, мол, обсуждаются только венгры, словаки и русины, а если учитывать и других, то следовало бы спросить их представителей. Выразитель интересов Закарпатья отметил, что расхождения в данных переписей 1910 и 1930 годов связаны с тем, что у словаков и русинов рождаемость выше, чем у венгров. По записи в протоколе, на это замечание венгерская сторона не реагировала и попросту промолчала³².

11 октября перед пленарным заседанием комиссии с обеих сторон поступали жалобы на инциденты в пограничье. Приводилось несколько фактов, в частности, Каня сделал заявление о стрельбе в селе Халабор. Причем венгерский министр облек его в следующую форму: военные открыли огонь по населению, певшему венгерские песни, троих ранили. По этому случаю чехословацкий генерал Рудольф Виест сообщил: инцидент, по имеющимся у него сведениям, вызвали гражданские лица, перешедшие с венгерской стороны границы, напавшие на железнодорожников, трое из которых были убиты. Чехословацкие войска вынуждены были применить оружие. Несколько из нападавших схватили, в том числе одного студента, признавшего, что на венгерской территории в районе Вашарош-наменя их обеспечили оружием и боеприпасами³³.

Вслед за этим венгерская делегация зачитала и передала в письменном виде длинное заявление, где было ясно выражено стремление быстрее решить территориальные проблемы, то есть передать Венгрии обозначенную ею на карте территорию с населенными пунктами, в том числе и городами³⁴.

На заседании 12 октября Крно ответил на венгерский меморандум в письменном виде. Он отклонил обвинения в затягивании переговоров со стороны чехословацкой делегации; обратил внимание на Мюнхенское соглашение, в котором решение проблемы установлено в три месяца, и каким путем? Ведь о передаче территории там нет ни слова; словацкий и карпатоукраинский вопросы не имеют отношения к данным переговорам.

На переговорах в качестве представителя правительства Подкарпатской Руси присутствовал Эдмунд Бачинский, министр внутренних дел, председатель аграрной партии. Взяв слово перед оглашением повестки дня 12 октября, Бачинский напомнил об истории вопроса, а именно: еще 8 мая 1919 года Русский национальный совет Закарпатья решил присоединить край к Чехословакии. Это великие державы приняли к сведению и по Сен-Жерменскому мирному договору «обеспечили русскому народу Подкарпатья»³⁵ широкую автономию. Этим рутенская земля обрела государственно-правовой статус. Он также доложил, что в последнее время «русские политические партии», за исключением одной, коммунистической, вновь заявили о своем присоединении на федеративной основе к Чехословацкой республике. Американские русины вынесли такое же решение.

В этих условиях он может заявить, что «карпато-русский народ уже решил свою судьбу: жить с чешским и словацким народами в качестве равноправного в Чехословацкой республике».

Кроме того, Бачинский подчеркнул: карпато-русский народ никогда не сможет отказаться от Ужгорода, Мукачева и Севлюша – городов, являющихся колыбелью русинской культуры и современными его центрами³⁶. Не могут русины отказаться и от железнодорожной линии Чоп – Батеве – Берегово, сказал он.

После начала переговоров по повестке дня Тисо заявил, что он не уклоняется от переговоров и по территориальным претензиям венгерской стороны, но ставит конкретный вопрос: готова ли венгерская делегация вести переговоры на основе предоставления венграм, проживающим на территории Словакии и Русинии, территориальной автономии? Каня спросил Тисо: не означает ли это, что чехословацкое правительство не готово идти на территориальные уступки? Если это так, то он не принимает предложение всерьез, об этом и переговоры вести нельзя. Он несколько раз подчеркнул настоятельное требование решить проблему на той же основе, что и в отношении немцев и поляков.

Конец непродолжительной дискуссии положил Каня, сообщив, что венгерская делегация не склонна вести переговоры по чехословацкому предложению об автономии.

На заседании 13 октября премьер Словакии информировал: в районе Краковски-Хлумец около 800 вооруженных венгров в гражданской одежде вторглись на чехословацкую территорию и пере-

правленным с венгерской стороны оружием снабжали местное население. По этому поводу венгерские представители не могли ничего сказать. Ведь это с их благословения создавалась так называемая гвардия оборванцев.

Упомянувшийся выше Миклош Козма в своем дневнике от 4 октября записал о создании в этой гвардии особого отряда под командованием Ивана Хейяша (хортистского авантюриста, в 1919 году руководившего офицерскими карательными отрядами), насчитывавшего в своем составе в октябре 1938 года около 600 человек. Разместили его в районе Нирбатора и Вашарошнамена для заброски в Закарпатье. Тогда Козма рекомендовал послать в Варшаву Иштвана Чаки для согласования с поляками совместных подрывных действий в Закарпатье. В день начала венгеро-чехословацких переговоров, 9 октября, Козма вновь обсуждал с Белой Имреди эту проблему, предложил пойти на любой риск и готов был взять все на себя, чтобы оградить правительство в случае провала.

15 октября Козма беседовал с Чаки о «неприятностях, связанных с заброской на чехословацкую территорию террористов». Упоминается там и инцидент 11 октября, о котором информировала чехословацкая делегация на переговорах. Речь идет о роте «гвардии оборванцев» под командованием Према, просочившейся на территорию Закарпатье в районе Дерцена и приступившей к подрывным действиям, но разгромленной чехословацкими вооруженными силами. Козма хвалил ее «за героическую гибель».

На этот раз Чаки информировал Козму о «неприятностях». Речь шла о

300 «оборванцах», попавших в плен в Чехословакии. Чешское радио широко, на многих языках извещало весь мир о венгерских диверсантах. Венгерские власти испугались, что все 300 террористов будут расстреляны. Немедленно начались демарши через Имреди, а тот через Чаки просил Рим о вмешательстве в интересах пленных. И когда премьер Имреди спросил Козму о его мнении, то тот высказался против официального вмешательства, а в отношении попавших в плен сказал: ему не жаль, если их расстреляют, раз они сдались в плен, они знали, на что шли. Но успокаивал премьера: мол, чехи и каждого десятого не расстреляют³⁷.

С переходом к переговорам по существу 13 октября Крно зачитал и передал венгерской стороне ноту с контрпредложениями, а также карту с нанесением новой границы и приложение с указанием способа эвакуации и оккупации.

По поводу этих предложений развернулась дискуссия между Фердинандом Дурчанским и Петром Жидовским с одной стороны, и Палом Телеки и Калманом Каней — с другой. Венгерская сторона отвергла предложение как о «паритете», так и об обмене населением. На замечание Дурчанского, что Словакия не хочет удерживать у себя ни одного венгра, и Жидовского, заявившего, что сами русины стоят за право на самоопределение и не хотят от Венгрии ни одного венгра, Телеки возразил, что он против обмена населения и отстаивает свои доводы, высказанные ранее.

Венгерская сторона в такой ситуации дальнейшую дискуссию посчитала бессмысленной, отказалась представить новые венгерские предложения и попросила о

перерыве. На вечернем заседании Калман Каня заявил, что расхождения столь велики, что преодолеть их в ходе переговоров не удастся, и «поэтому венгерское королевское правительство решило считать данные переговоры со своей стороны законченными и попросит четыре великие державы, подписавшие Мюнхенское соглашение, как можно скорее решить имеющиеся у него территориальные требования по отношению к Чехословакии»³⁸. Тисо принял к сведению заявление руководства венгерской делегации. Переговоры были прерваны.

Если проанализировать ход переговоров, то все же Венгрия достигла некоторых результатов. Были освобождены венгерские политзаключенные в Чехословакии, венгерские войска заняли город Шахи и железнодорожную станцию Нове-Место-под-Шатром³⁹.

Прервав переговоры, венгерское правительство обратилось к четырем державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, и Польше с просьбой поддержать венгерские территориальные притязания к Чехословакии.

В письме регента Миклоша Хорти к правительствам четырех держав, в котором он ставил их в известность о прекращении переговоров, сообщалось: «Венгрия все сделала, чтобы мирным путем... провести в жизнь решение мюнхенской конференции»⁴⁰. Последний абзац в черновике, в котором говорилось о решении венгерского правительства «прервать переговоры, информировать четыре великих государства, участников мюнхенского решения, о настоящем положении переговоров и объявить всеобщую мобилизацию»⁴¹, был зачеркнут Хорти. Однако

расчеты на применение военной силы оставались, и на заседании правительства 14 октября было принято решение «о проведении мобилизации для усиления безопасности Венгрии»⁴².

10 октября Чиано в ответе на телеграмму от 9 октября интересовался масштабами акции повстанцев в Закарпатье, заверял о готовности обещанных самолетов к отправке в Венгрию и высказал пожелание переодеть итальянских летчиков в Будапеште в венгерскую форму. Чиано также информировал о получении из Закарпатья большого количества телеграмм против присоединения края к Венгрии, но обещал не придавать им значения⁴³.

В тот же день Каня дал указание своему посланнику в Праге надавить на Бродия, чтобы тот всеми имеющимися в его распоряжении средствами требовал для Закарпатья права на самоопределение⁴⁴.

Венгерский посланник А. Хори сообщал из Варшавы: польское правительство готово к пропаганде и акциям саботажа в Подкарпатской Руси. Они сразу начнут в Карпатской Украине подрывную деятельность, как только акции саботажа со стороны Венгрии примут конкретные формы.

Эту телеграмму Каня тут же использовал для создания шума вокруг якобы существующих акций саботажа в Закарпатье, подчеркивая, что в результате внутреннего брожения учащаются столкновения.

Каня просил Хори при получении подобных известий от хортистов или польского консула в Ужгороде опубликовать их в польской печати, после чего передать в Венгерское телеграфное агентство как сообщение из Варшавы⁴⁵.

Военный атташе Венгрии Бела Лендель доносил 10 октября из Варшавы в Будапешт начальнику Генштаба: начальник польского Генштаба акции в Закарпатье, начатые с севера, считает польской задачей, а параллельные действия венгерских и польских «отрядов добровольцев» нецелесообразными, поэтому решил направить в Ужгород и Мукачево отдельные отряды (в гражданской одежде под руководством офицера), как было договорено с венграми. По другим дорогам поляки забросят в Русинию группы добровольцев в виде патрулей для осуществления там взрывов и других террористических актов. Это будет предпринято после развертывания борьбы венгерских «добровольцев».

Начальник польского Генштаба не одобрил венгерское предложение доставить венгерских добровольцев воздушным путем в Польшу, чтобы они с севера, с польской территории, вошли в Закарпатье⁴⁶. В телеграмме от 11 октября разъяснялось: «эти задачи выполнят поляки». В этой новой шифрограмме военный атташе Лендель со слов начальника Генштаба Польши доносил: поляки неизменно стоят на позиции договоренностей между Беком и Чаки, то есть оказание полной дипломатической поддержки, а в военной области — совместные действия в рутенском вопросе; они готовы разместить четыре батальона пограничников восточнее от перевала Дукля и по просьбе венгров принять участие в акции нерегулярными войсками⁴⁷.

Калман Каня 12 октября 1938 года послал Хори шифрограмму, в которой сообщал: в Русинию удалось перебросить до сих пор примерно 750–800 человек;

после вчерашних и позавчерашних столкновений (о которых поднимался вопрос и на переговорах в Комарно) и акций саботажа чехословацкую границу буквально «закрыли наглухо». Министр просил посланника вернуться к предложенному (упоминавшемуся выше) плану военного атташе и вновь попытаться провести его через польское правительство. Он высказал опасение, что если брожение, организованное ценой больших усилий и крупных расходов, не получит поддержки с севера, само движение окажется под угрозой.

Каким было в то время положение в Закарпатье? Венгерское правительство продолжало наряду с рядом других мер публично требовать плебисцита для русинов⁴⁸. В дни переговоров в Комарно в Закарпатье было разгромлено несколько отрядов и схвачено несколько сот диверсантов.

Эти затеи и мероприятия не совпадали с замыслами германского МИДа, Генштаба и Гитлера. В МИДе еще 7 октября была подготовлена записка, где отмечалось, что присоединение Словакии к Венгрии не в интересах Германии. Лучший вариант — предоставить ей автономию и оставить в составе Чехословакии. В отношении карпатоукраинского вопроса в записке говорилось: нет расхождения в отношении того, что для Карпатской Украины, под предлогом самоуправления, непременно нужно требовать автономии. Присоединение автономной Карпатской Украины к Венгрии, чего желают как Венгрия, так и Польша, должно быть решительно отвергнуто. Этим путем создавалась бы общая польско-венгерская граница, что облегчило бы создание

антигитлеровского блока. Главное командование вермахта также против общей польско-венгерской границы. Поэтому Карпатская Украина должна оставаться в составе Чехословакии.

В посланной в германское посольство в Будапеште из Берлина инструкции указывалось, что Германия поддерживает автономию Словакии. О Закарпатье говорилось следующее: «В отношении Карпатской Украины наша позиция осторожна, но общая польско-венгерская граница нежелательна, однако антивенгерские лозунги не выдвигать». В годовом отчете советского посольства в Будапеште за 1938 год отмечалось: «В то время как требования Венгрии находят полную поддержку со стороны Италии и Польши, в Германии к ним относятся с заметной сдержанностью. Это объясняется тем, что Германия имеет собственные виды на Словакию и Закарпатскую Украину»⁴⁹.

15 октября 1938 года заместитель наркома иностранных дел Владимир Петрович Потемкин в Москве принял Михая Юнгерта-Арноти и сказал ему: Гитлер против присоединения Закарпатья к Венгрии, ибо он хочет создать там нацистский центр в интересах своих восточных планов, в том числе и относительно Польши, настроив против нее галицких украинцев и облегчив тем самым осуществление своих претензий к ней»⁵⁰.

В то время в политических кругах Закарпатской Украины происходило следующее. 5 октября 1938 года в документе МИДа Венгрии сообщалось о плане Бергталана (депутата чехословацкого парламента, лидера партии Автономного земледельческого союза Андрея Бродия): по-

слушать словаков в Жилине (где на митинге провозгласили образование автономной Словакии), вернуться в Ужгород и там предъявить свои требования. Удалить губернатора К. Грабаря и представителя края при пражском правительстве Ивана Паркани, созвать сейм, в котором обеспечить себе большинство, чтобы потом он принял нужное решение – то есть решение о присоединении края к Венгрии»⁵¹.

После падения правительства Годжи в Праге его заменил на посту премьер-министра легионер генерал Ян Сирови. 6 октября в Жилине сторонники лидера клерикальной Народной партии потребовали образовать словацкое правительство. Забеспокоились и закарпатские сенаторы, и депутаты палаты представителей чехословацкого парламента (от аграрной партии, социал-демократы, представители Автономного земледельческого союза, РНАП): Эдмунд Бачинский, Андрей Бродий, Петр Жидовский, Степан Фенцик, И. Пешак, Ю. Ревай, П. Коссей. Они обсудили вопрос о предоставлении краю давно обещанной Прагой автономии, и на этой почве они якобы достигли согласия. Однако цели у них были совершенно противоположные. Если аграрии и социал-демократы выступали за сохранение Закарпатья в составе Чехословакии, то Автономный земледельческий союз и РНАП (Русская национальная автономная партия) боролись за отторжение его от республики и включение в состав Венгрии. Коммунисты в условиях угрозы Чехословакии со стороны гитлеровской Германии и хортистской Венгрии выступали за объединение демократических и социалистических сил в единой Карпатской раде для защиты страны

и мира против фашистской опасности. Они высказывались против проведения референдума.

Присутствовавшие в Жилине в качестве наблюдателей Бродий, Бачинский, Волошин, Ревай и Фенцик договорились о создании федеративного государства чехов, словаков и русинов. 7 октября Ян Сирови назначил Йозефа Тисо премьер-министром автономной Словакии. Он же решил опередить и намерения названных политических лидеров Подкарпатя. После ухода в отставку президента Эдварда Бенеша (5 октября) министром Подкарпатской Руси в чехословацком правительстве назначили Ивана Паркани, сына учителя из Закарпатя, который был секретарем-советником Томаша Масарика, а затем и Эдварда Бенеша по делам Подкарпатя. Это произошло 8 октября 1938 года⁵².

9 октября Иван Паркани прибыл в Ужгород и несколько часов совещался с местными политическими деятелями: Андреем Бродием, Эдмундом Бачинским, Юлием Реваем, Иваном Пешаком, Степаном Фенциком и Августином Волошиным, то есть лидерами партий, за исключением коммунистической.

По рекомендации Ивана Паркани Ян Сирови назначил министрами политических деятелей Подкарпатя. Андрей Бродий (лидер Автономного земледельческого союза) стал первым премьер-министром Подкарпатской Руси, Юлий Ревай (глава социал-демократической партии) – министром коммуникации, Эдмунд Бачинский (лидер «русского филиала» Аграрной партии Чехословакии) – министром внутренних дел. Степан Фенцик получил пост министра без портфеля

для ведения переговоров со словацким правительством по проблеме установления границы между двумя автономными краями. В состав правительства на правах статс-секретарей входили также Августин Волошин (Народная клерикальная партия) – он отвечал за здравоохранение и социальное обеспечение и Иван Пешак (Автономный земледельческий союз) – ему досталась юстиция. 1 октября они принесли присягу премьеру Чехословакии Яну Сирови⁵³, исполнявшему обязанности президента.

А между тем представители Автономного земледельческого союза трижды (20 сентября, 14 и 17 октября) вручали чехословацкому правительству, дипломатическим представителям четырех государств – участников Мюнхенского соглашения, а также Венгрии и Польши меморандумы с требованием проведения народного референдума по вопросу, хочет ли Закарпатье остаться в составе Чехословацкой республики или желает присоединиться к Венгрии. Занимались этим члены руководства союза Йозеф Каминский и Михаил Демко⁵⁴.

22 октября Украинский национальный совет (Августин Волошин, Юлий Ревай, Степан Ключурак и другие) протестовал против проведения референдума и потребовал передать власть украинским националистическим партиям, заверяя в верности Чехословакии.

На Андрея Бродия давили с разных сторон. Еще 10 октября Каня послал в Прагу шифrogramму венгерскому посланнику с указанием нажать на Бродия, чтобы тот любыми средствами требовал для Закарпатя права на самоопределение⁵⁵.

В тот же день А. Хори из Варшавы рекомендовал Кане давать Бродию всяческие обещания его личного продвижения и не скупиться на предоставление ему материальных благ⁵⁶.

На следующий день дипломатическая переписка между Будапештом, Прагой и Варшавой сводилась к тому, чтобы согласовать венгеро-польское сотрудничество в посылке банд в Закарпатье для осуществления террористических актов, и содержала указание Андрею Бродию сохранить пост премьер-министра. Временный поверенный в делах Венгрии в Праге Вернле рекомендовал ему в отставку не подавать, иначе премьером может стать Фенцик, что нежелательно⁵⁷.

И лидер Объединенной венгерской партии в Закарпатье Эндре Корлат, и Йосиф Каминский требовали от Бродия ставить вопрос о референдуме о государственной принадлежности края от имени его правительства.

Но проблема Закарпатья пока не решалась.

13 октября Миклош Хорти написал письмо Адольфу Гитлеру, в котором информировал его о прекращении переговоров в Комарно из-за «неприемлемости чехословацкого предложения» и заявил о том, что вынужден будет отдать распоряжение о мобилизации.

Но главным в письме была просьба принять 14 октября бывшего премьера Венгрии Калмана Дарани, которому регент и правительство поручали «срочно и основательно» обсудить с фюрером определенные вопросы, связанные с мобилизацией и независимые от нее. Если это возможно, то Дарани готов вылететь немедленно⁵⁸.

Тогда же вечером заседало и правительство. После доклада Калмана Кани, главы венгерской делегации на переговорах в Комарно, развернулась дискуссия вокруг вопроса, в каком направлении действовать дальше. Все согласились с мнением военного министра Енё Раца, что нельзя рисковать армией, а это непременно бы произошло, если бы пришлось воевать на три фронта. Наконец правительство договорилось об обращении к четырем великим державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, с просьбой собраться для решения по вопросу венгерских претензий к Чехословакии⁵⁹.

Еще шло заседание правительства, когда пришел ответ Гитлера о его готовности принять Дарани.

14 октября 1938 года произошло много важных событий, имевших значение для Подкарпатской Руси, как в международном плане, так и внутри края. В этот день венгерское правительство направило ноту четырем державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, в котором сообщалось о прекращении переговоров в Комарно и излагалась точка зрения Венгрии на причины срыва переговоров⁶⁰.

Тогда же в Мюнхене Калмана Дарани принял Гитлер и вел с ним переговоры в присутствии Иоахима Риббентропа, генерала Вильгельма Кейтеля и посланника в Будапеште Отто Эрдманнсдорфа. Сначала атмосфера переговоров была официальной. Дарани передал Гитлеру письмо Хорти, представил документы и карты и жаловался, что словаки хотят сохранить за собой все венгерские города и железные дороги. На вопрос Гитлера, что

намерены делать венгры, Дарани ответил, что Венгрия призвала в армию запасников пяти возрастных категорий, а всеобщая мобилизация намечается на завтра. Гитлер поинтересовался, хотят ли венгры воевать. Дарани заявил: Венгрия не может терпеть поведение словаков. Затем Гитлер напомнил, что он неоднократно предупреждал венгров и в период берлинского визита, на борту корабля, и в дни пребывания Имреди и Кани в Оберзальцберге и считал это более чем достаточным. Он также ясно высказал и свои намерения в отношении Чехии так или иначе решить чехословацкую проблему в октябре.

Эту проблему можно решить путем переговоров только в том случае, если человек решился на действие. Но венгерский министр иностранных дел Калман Кания, как видно, не верил в ось. Он в то время не мог сказать ничего иного, кроме выражения сомнений, хотя он, Гитлер, сказал ему: Франция и Англия воевать не будут. Теперь же положение таково: если дело дойдет до конфликта, то Венгрия останется одна, и исход борьбы будет непредсказуем. Если состоится конференция великих держав, то ее результаты очень сомнительны. Он против созыва конференции четырех, ибо может возникнуть ситуация «два к двум». Он не может оказать Венгрии военной поддержки, ибо идет демобилизация германской армии. Да если бы четыре великие державы и договорились, ничего бы не получилось. Ибо сейчас никто не желает воевать и никто не захочет участвовать в международных карательных акциях.

Затем Дарани показывал на карте венгерские требования к Чехословакии.

В венгерской записи отмечено: Гитлера «они не воодушевили». Фюрер напомнил, что венгры раньше информировали его: «словаки и русины любой ценой хотят объединиться с Венгрией». Теперь выходит, что это не соответствует действительности. Он установил, что «ни словаки, ни русины не хотят идти в состав Венгрии». С этой точки зрения и результаты плебисцита были бы очень сомнительны. Во всяком случае, решающим фактором является «не то, кто прав, а то, у кого есть сила».

Когда решался вопрос, упрекал фюрер, Венгрия не желала рисковать, заявляла о своих правах, но не хотела добиваться их силой. На возможной новой международной конференции Германия и Италия поддержали бы Венгрию, но в новых условиях Франция и Англия, которых чехи сейчас презирают, постараются восстановить свой престиж в Чехословакии, зная, что Германия не пойдет сейчас на новую мобилизацию. А после этого чехи и словаки не стали бы слушать венгров. Создалось бы безвыходное положение.

И когда Дарани вновь стал просить поддержки Германии, Гитлер посмотрел на карту и спросил: нельзя ли часть территории проживания венгров оккупировать, а другую заполучить путем референдума? Дарани ответил: нужно спросить правительство. Проводить плебисцит во всей Словакии и Карпатской Украине, как того хотела Венгрия, канцлер не советовал из-за настроения населения, в подтверждение чего сообщил о нескольких делегациях от жителей этих земель с заявлениями против присоединения их к Венгрии. Словакам нельзя навя-

зать референдум. Они хотят стать независимыми, но не хотят объединяться с Венгрией. По мнению Дарани, ситуация в Словакии и Карпатской Украине сразу изменилась бы в пользу Венгрии, если бы там не было чешской армии.

Участовавший в беседе Иоахим Риббентроп вновь подчеркнул, что конференция четырех держав нежелательна, и предложил венграм и словакам договориться в двустороннем порядке. Гитлер тут же рекомендовал пригласить Франтишека Хвалковского (тот утром вел с ним переговоры в Мюнхене и еще не выехал) в расчете, что он договорится с Дарани. Гитлер считал венгерский и чехословацкий проекты установления границ несправедливыми и предлагал на двусторонних переговорах достичь более приемлемых границ. Дарани заявил об отсутствии у него полномочий на ведение таких переговоров.

Конечным итогом может быть, заявил канцлер, только пожелание народа, а как известно в Германии, «население Словакии не желает объединяться с Венгрией». Гитлер упомянул и о том, что словаки никогда не откажутся от Братиславы. Дарани заметил: если бы венгры и немцы в Братиславе проголосовали вместе, то получили бы большинство. Ответ Гитлера был категоричным: немцы наверняка этого бы не сделали, поскольку они никогда не захотели бы жить под венгерским господством на правах меньшинства.

Гитлер посмотрел на карту и заявил: международная конференция никогда не приняла бы предложенную Венгрией линию границы. Если бы прежде дело дошло до войны, то Венгрия получила бы всю Словакию. А теперь нужно приспособиться к возможному.

Гитлер поручил министру иностранных дел узнать у чехов, на какие максимальные уступки они могут пойти, и в связи с этим просил Дарани сообщить Риббентропу для его личной информации минимальные венгерские требования.

Наконец, Дарани (по венгерской записи) заявил: в венгеро-немецких отношениях возникло охлаждение, причину чего необходимо выяснить, для этого он и приехал. В немецкой записи этот момент отражен следующим образом: «Дарани заметил фюреру: он чувствует, что между Венгрией и Германией что-то не так, как нужно бы, и выразил опасение, что Германии что-то не нравится». Гитлер ответил: нечего обижаться на Германию, поскольку в свое время он не просил Канию помочь ей, а только предупреждал его, что если он ничего не сделает, то «останется в дураках». Дарани может отбросить всякие сомнения, но если считает желательным, пусть сделает официальное заявление о более тесном сплочении Венгрии с осью Рим — Берлин. Он также спросил Дарани: почему Венгрия все еще в Лиге Наций? Дарани ответил, что он может предложить правительству выйти из Лиги Наций и, по всей вероятности, сможет этого добиться. Дарани спрашивал: желательно ли присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту? Фюрер это одобрил, но рекомендовал осуществить все три предложения (то есть присоединение к оси Рим — Берлин, выход из Лиги Наций и сближение с Германией) только после упорядочения венгеро-словацкого вопроса, ибо если спор будет вынесен на конференцию, то не надо, чтобы Венгрия на ней противопоставила себя Великобритании и Франции.

Далее Гитлер подчеркнул, что если бы Германия, Венгрия и Польша создали большой блок, тогда ничто не было бы окончательным, настал бы черед и изменению границ.

Далее Дарани заговорил о возможности более тесного сотрудничества Венгрии с Германией, а в области вооружения Венгрии – с осью Рим – Берлин. Это заявление живо заинтересовало Гитлера, и он спросил, можно ли говорить о десятилетнем экономическом соглашении. Дарани ответил положительно.

После этого, во второй половине переговоров, настроение значительно улучшилось. Тон Гитлера стал дружественным. Гитлер на всякий случай заявил, что новая венгеро-чехословацкая граница должна базироваться на этническом принципе, последнее предложение чехов он не считает удовлетворительным, и Риббентроп сообщит министру иностранных дел Чехословакии, которого на несколько часов задержали в Мюнхене, что Германия не склонна гарантировать эти границы. Имеются еще и другие возможности, о которых Дарани поговорит с Риббентропом отдельно⁶¹.

После того как Риббентроп и Дарани уединились, министр иностранных дел Германии предложил Дарани немедленно связаться с Будапештом и спросить: каковы те новые границы, которые, по мнению Венгрии, могут быть приняты за основу переговоров с Чехословакией? В 18 часов Дарани получил от премьер-министра Белы Имреди следующие директивы: вопрос о Братиславе оставить открытым. В округе Нитры Венгрия готова пойти на уступки так, чтобы линия Братислава – Нове-Замки (Érsekújvár)

осталась в руках венгров, но в конечном счете и здесь согласны на плебисцит, как и в секторе Йолшвы (Иглавы). И на восток от Кошице готовы на уступки или плебисцит, но Кошице и район западнее должны отойти к Венгрии. Венгрия настаивала на этом решении на основе переписи 1910 года и на проведении его в жизнь в течение недели.

Эти директивы Дарани сообщил Риббентропу в 19 часов. Министр нанес эти новые данные на карту и обещал сообщить их Хвалковскому как свои предложения⁶².

Затем начались переговоры Риббентропа с Хвалковским в присутствии Эрмманнсдорфа. Хвалковский заявил, что он не в курсе всех деталей вопроса. По последнему венгерскому предложению на территории Венгрии прибавилось бы к 300 тыс. проживающих там сейчас словаков еще 440 тыс. и 70 тыс. русинов, то есть всего на территории жило бы 810 тыс. словаков и русинов. В такой ситуации словацкая делегация на переговорах в Комарно считала справедливым, если бы на чехословацкой территории после урегулирования спора осталось 300 тыс. венгров. По мнению Хвалковского, словаков трудно будет убедить принять этот вариант. И, как видно из вышеприведенного материала, перед Риббентропом стояла задача предложить новый, более приемлемый для всех вариант и в ходе переговоров чехословаков с венграми решить проблему на двусторонней основе, что он и делал в разговоре с Хвалковским.

Позднее Иоахим Риббентроп позвонил в Рим и ознакомил Галеаццо Чиано с результатами переговоров в тот день в Мюнхене: принимая во внимание, что

венгерское правительство теперь заявляет только о прекращении переговоров в Комарно, созыв конференции четырех пока не актуален. Взамен этого германское и итальянское правительства окажут сильное давление на Прагу, чтобы она обратилась непосредственно к Венгрии с новыми «разумными предложениями». И если этот шаг не будет иметь успеха, то тогда венгерское правительство может попросить итальянское и германское правительства о посредничестве, а если и это не поможет, то тогда Венгрия пусть обращается к конференции четырех⁶³.

14 октября, когда Калман Дарани вел переговоры в Мюнхене, начальник канцелярии министра иностранных дел Иштван Чаки вылетел в Рим, где в тот же день провел переговоры сначала с министром иностранных дел Галеаццо Чиано, а затем и с премьер-министром Бенито Муссолини.

Муссолини и на этот раз не скупился на обещания и заверял венгерское правительство в далекойидущей политической, дипломатической и военной поддержке. Он давал разные советы, о которых как о точке зрения Муссолини Чаки доносил в МИД Венгрии, сгруппировав их в семь пунктов. Дуче рекомендовал немедленно потребовать созыва конференции четырех великих держав, указав, что не осталось ни малейшей надежды на возобновление прямых переговоров, а отсрочка решения сопряжена с угрозой миру. Он предлагал Венгрии провести частичную мобилизацию, а о мотивах ее (угроза со стороны Чехословацкой республики) сообщить великим державам и соседям, а также польскому правительству. Он заявлял о готовности дипломати-

ческим путем довести до сведения правительств Югославии и Румынии информацию о мирных намерениях Венгрии. Муссолини поведение Германии в отношении Венгрии считал пассивным⁶⁴.

14 октября вечером Чиано пригласил к себе Чаки, который прибыл с посланником Виллани, и спросил: передала ли Венгрия ноту в отношении созыва конференции четырех? Он добавил, что итальянское правительство уже дало указание своим представителям в Лондоне, Париже, Берлине и Белграде сообщить правительствам на местах: готовящаяся нота венгерского руководства всячески поддерживается Италией. В таком духе он переговорил и с польским послом⁶⁵.

Однако активность итальянских фашистских правителей в этом вопросе немедленно была прекращена в тот вечер после звонка Риббентропа из Мюнхена, из которого они узнали о позиции Гитлера. Они тут же посоветовали провести прямые переговоры с чехословацкой стороной, а если это не приведет к быстрому результату, тогда Венгрия пусть прибегнет к германо-итальянскому арбитражу.

Иштван Чаки доносил в Будапешт свои впечатления. Он считал, что итальянцы теперь больше чем когда-либо заинтересованы в сильной Венгрии (это сказал и Муссолини), а в присоединении к Венгрии Закарпатье «видят прямой итальянский интерес». Он высказал убеждение: Италия в силу своих возможностей сделает все в защиту венгерских интересов⁶⁶.

Позиция, высказанная Гитлером в переговорах с Дарани, объяснялась тем, что в послеюнхенский период внешняя политика Германии была направлена на ликвидацию Чехословакии и предотвращение

любых попыток объединения государств, расположенных к востоку от Германии.

Как видно из сохранившихся документов, цели этой политики были определены совершенно ясно. В меморандуме верховного командования вермахта от 5 октября 1938 года, адресованном министерству иностранных дел, говорилось, что создание компактного блока государств, расположенных на восточных границах Германии и имеющих коммуникации на юго-востоке Европы, не соответствовало бы интересам государства. Следовательно, «создание общей венгеро-польской границы является нежелательным по военным соображениям».

Министерство иностранных дел подготовило для Гитлера меморандум по вопросу Словакии и Карпатской Украины, в котором приводило доводы против автономной Подкарпатской Руси в рамках Венгрии и рекомендовало создать «независимую» Словакию либо оставить ее в рамках Чехословакии. Вот почему Германия в то время не поддержала венгерские претензии на всю Словакию и все Закарпатье. Она считала необходимым сохранить автономную Карпатскую Украину под своим неограниченным контролем, создав таким образом барьер между Польшей и Венгрией, и заставить Венгрию быть более уступчивой по отношению к Германии.

В соответствии с такими планами германское правительство решило поддерживать притязания Венгрии на территорию, населенную мадьярами, и стремление Словакии получить автономию, конечно, под своей эгидой, в рамках чехословацкого государства. Это было нетрудно после Мюнхена, когда в Чехослова-

кии к власти пришли немецкие ставленники и она вошла в ряд государств, соревновавшихся между собой за благосклонность гитлеровского режима. Об этих планах поставили в известность германские миссии за границей.

Между тем борьба вокруг Карпатской Украины не стихала. И это станет понятным, если вникнуть в планы Германии. Занавес над этой гитлеровской тайной приоткрыл японский посол в Москве Мамору Сигемицу. Он встретился с венгерским посланником в Москве Михаем Юнгертом-Арноти 14 октября 1938 года перед отъездом на новое место назначения – в Лондон. Об этой беседе сохранились два документа Юнгерта: шифрованная телеграмма с пометкой «только для министра»⁶⁷ и донесение от 17 октября 1938 года⁶⁸.

По мнению японского посла в Москве, трудности переговоров в Комарно и препятствия, чинимые Германией в установлении общей венгеро-польской границы, а также неопределенность вопроса о принадлежности Словакии и Закарпатья связаны с факторами, с которыми заинтересованные страны недостаточно считаются. Важнейшими из них, по мнению Сигемицу, являются восточные планы Гитлера, то есть подлежащие решению вопросы находятся по линии, «составляющей направление будущей экспансионистской восточной политики Гитлера».

При упорядочении территориальных споров в странах Гитлер еще колеблется, не решил, как та или другая страна поведет себя на этом пути. Японский посол разъяснил Юнгерту: Япония объединилась в антикоминтерновском пакте с Германией и Италией на той основе, что

экспансионистская политика Германии будет направлена на восток, в направлении Украины. Ось Берлин – Рим – Токио отвергает экспансию Гитлера в юго-восточном направлении – на Балканы и Багдад. Это был план Вильгельма II. Гитлер этим путем не пойдет (он может подвергнуть опасности римскую часть оси, вызвать недовольство многих малых стран, и Япония потеряла бы интерес к Германии).

Сигемицу рекомендовал конфиденциально встретиться Хорти, Муссолини и Гитлеру для выяснения вопросов восточной политики. Результаты договоренности они сохранили бы в тайне, и если бы Венгрия присоединилась к ним, то это облегчило бы и путь решения проблем в Средней Европе, в том числе и государственную принадлежность земель словаков и русинов в пользу Венгрии. В эту тайну позднее мог бы быть посвящен и Юзеф Бек.

Сигемицу считал, что эти четыре страны могли выяснить и позицию Румынии в случае предстоящего решения русского вопроса «в не очень далеком будущем». Слабость Советского Союза теперь точно определена.

В то же время появившиеся в немецкой прессе статьи, направленные против установления общей польско-венгерской границы, раздражали хортистов, и Калман Каня решил разъяснить позицию венгерского правительства в этом вопросе германскому посланнику Отто Эрдманнсдорфу. Венгры старались убедить гитлеровцев в том, что Германия должна быть заинтересована в создании общей венгеро-польской границы, заверяя их, что «распространенные француз-

ской печатью слухи о том, что польско-венгерская граница, примыкающая к Румынии, была бы ядром антигерманского блока, являются совершенно абсурдными. Наоборот, линия Карпат создает естественную преграду против Востока, и Венгрия, в случае возвращения ей Подкарпатской Руси, будет продолжать румынский фронт, направленный против большевизма, создаст против него крепкий бастион на перевалах Карпат». В заявлении венгерского правительства подчеркивалось, что «в результате событий последних месяцев Венгрия чувствует себя еще в большей степени привязанной к оси Берлин – Рим и при желании готова доказать это на деле»⁶⁹.

Образованное 11 октября 1938 года правительство автономной Подкарпатской Руси собралось на первое свое заседание только 15 октября. Бачинский просто из Праги отправился в Комарно, где обсуждались венгерские претензии на Закарпатье, а Фенцик и Пешак – в Пряшев требовать присоединения к краю территории от Попрада до Ужа, находившейся под управлением Словакии. На первом заседании было принято решение требовать таких же прав, какие получила Словакия. Уточнили распределение функций между министерствами, учредили краевую дирекцию железной дороги и почты. Обсудили возможные пути обеспечения населения продуктами питания⁷⁰.

Через три дня состоялось второе заседание правительства, на котором Фенцик информировал о положении в Пряшевской Руси и о переговорах о совместной границе со Словакией. Решили продолжить переговоры по этому сложному вопросу, для чего утвердили комиссию, в

состав которой вошли: М. Фаринич, П. Сова, С. Гойдич и П. Райкович. Работа ее оказалась безрезультатной. Юлий Ревай доложил о своих переговорах с министром иностранных дел Чехословацкой республики Франтишек Хвалковским. Правительство Бродия на требование компартии немедленно удалить из кабинета агентов иностранных государств Бродия и Фенцика ответило роспуском компартии края и запретом издания коммунистических газет. Компартия перешла на нелегальные методы работы.

В то же время хортисты, добиваясь всей территории Словакии и Подкарпатской Руси, обращались за помощью не только к Гитлеру и Муссолини, но и к другим участникам Мюнхенского соглашения. Так, регент Миклош Хорти еще 8 октября направил письмо премьеру Великобритании Невиллу Чемберлену, в котором просил поддержать венгерские территориальные притязания к Чехословакии, считая момент для этого подходящим⁷¹.

Невилл Чемберлен ответил 28 октября 1938 года, обещая Миклошу Хорти полную поддержку со стороны Англии, и в качестве подтверждения этого приложил к письму выдержку из выступления лорда Эдварда Галифакса в Эдинбурге 24 октября. Из этого текста видно, что английский министр иностранных дел, говоря о последних международных событиях, заявил: «Мы признаем, что Венгрия имеет свои законные притязания, и надеемся на то, что будут найдены способы их удовлетворения мирным путем».

Чемберлен в этом письме предлагал путь прямых переговоров двух заинтересованных стран. И тут же в заключение заверял в готовности сделать все от него

зависящее, «чтобы вместе с другими участниками Мюнхенского соглашения помочь прийти к такому решению вопроса о венгерских требованиях, которое заложит основы справедливого порядка»⁷².

Английская дипломатия в то время весьма благосклонно относилась к удовлетворению претензий Венгрии. Одновременно польская пресса оспаривала законность прав Чехословакии на Закарпатье и подчеркивала интерес Польши к этой территории по причинам «военной безопасности». Руководствуясь этими доводами, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек пытался убедить английского посла в Варшаве в разумности позиции Польши в вопросе о Подкарпатской Руси. Он считал Закарпатье «ничейной землей», даже скорее венгерской, чем чехословацкой, территорией. Бек полагал, что стабилизация в Центральной Европе может наступить только после удовлетворения притязаний венгров.

Венгерское правительство, разобравшись в позициях Берлина и Рима после получения телеграммы из Праги от Яноша Веттштейна с сообщением о возвращении Франтишека Хвалковского из Берлина 16 октября и о настойчивой рекомендации ему со стороны итальянского посланника Доминико Фацендиса, по поручению своего правительства, срочно представить венгерской делегации новые, более приемлемые предложения и дружески решить с ней спорные вопросы (Хвалковский уже был информирован Риббентропом об итальянском демарше и просил итальянское правительство быть посредником и как можно скорее возобновить переговоры с венгерской делегацией), приняло такое решение.

Каня поручил Стояи сообщить Риббентропу или его заместителю: венгерское правительство не желает вступать в прямые переговоры с чехословацким правительством по поводу размера передаваемых ему территорий, ибо это отодвинуло бы на неопределенное время окончательное решение.

Будапешту решение вопроса представлялось так: чехословацкое правительство срочно вносит новые предложения, которые венгры или принимают, или объявляют недостаточными. Если новые предложения неприемлемы для Венгрии, то она немедленно обращается к правительствам Германии и Италии с просьбой о посредничестве. Если бы она была отклонена, то Венгрия готова на арбитраж германского и итальянского правительств для окончательного определения границ проживания венгров⁷³. Аналогичная нота была направлена и в Рим.

17 октября Деме Стояи передал ноту венгерского правительства в германский МИД, и принявший ее Эрнст Вайцзекер в беседе с венгерским посланником отметил, что договоренность была иной (прямые венгеро-чехословацкие переговоры), а теперь венгры обратились с просьбой сообщить чехам, что прямые переговоры их более не устраивают и они хотят прибегнуть к посредничеству Италии и Германии, что, «по-видимому, означает изменение тактики венгерского правительства»⁷⁴.

17 октября проблема новых уступок Венгрии обсуждалась в Праге на совместном заседании центрального правительства с правительствами Словакии и Подкарпатской Руси. Там был выработан окончательный вариант, на какой могло пойти

чехословацкое правительство. Было решено обсудить новые предложения с представителями германского руководства.

19 октября 1938 года министры автономных правительств Словакии и Подкарпатской Руси Йозеф Тисо, Фердинанд Дурчанский и Эдмунд Бачинский провели в Мюнхене переговоры с Иоахимом Риббентропом о территориях, передаваемых Словакией и Закарпатьем Венгрии. На этих переговорах было согласовано новое чехословацкое предложение: Чехословакия шла на значительные территориальные уступки Венгрии⁷⁵. Хвалковский сообщил об этом венгерскому посланнику в Праге Веттштейну, а тот 20 октября телефонировал Кане⁷⁶.

В тот же день германский посланник в Будапеште Отто Эрдманнсдорф, также присутствовавший 19 октября на переговорах в Мюнхене, передал Калману Кане новое чехословацкое предложение и заявил, что этим, по мнению Риббентропа, посредническая деятельность Германии исчерпывается. Но по этим предложениям Венгрии не были бы переданы те города, на которые она претендовала: Братислава, Нитра, Кошице, Ужгород и Мукачево. Каня тут же, от себя лично, заявил немецкому посланнику, что и эти предложения не совсем удовлетворительны и он не верит, что венгерское правительство могло бы с ними согласиться. И хотя Эрдманнсдорф немедленно сообщил об этом в германский МИД⁷⁷, Каня все же поручил своему посланнику в Берлине Деме Стояи «официально уведомить немецкое правительство» о благодарности венгерского руководства за все сделанное, а также о той опасности для Венгрии, которая кроется в возмож-

ном отказе от Кошице, Ужгорода и Мукачева. Кроме того, вряд ли на основе новых чехословацких предложений можно будет путем переговоров прийти к соглашению.

Далее Кая предложил Стояи выяснить, выдавая за собственный почин, не согласились бы Германия и Италия взять на себя роль арбитров, мотивируя это тем, что такое положение не может долго оставаться стабильным, особенно после введения осадного положения на всей территории проживания венгров в Чехословакии⁷⁸.

В тот же день Кая направил в Рим посланнику Виллани шифrogramму с просьбой посетить Чиано, информировать о новом чехословацком предложении и, перечислив города, которые остались бы в составе Чехословакии, затеять интригу (о чем не сообщал в Берлин), утверждая, что это предложение не совпадает с достигнутыми договоренностями между Дарани и Риббентропом. Венгрия, мол, не может отказаться от Ужгорода и Мукачева и особенно от Кошице. Кая спрашивал совета у Чиано, как можно в кратчайшие сроки решить проблему венгеро-чехословацкой границы при расхождении взглядов двух сторон без их прямых переговоров. Он также заявил о готовности Венгрии принять арбитраж Италии и Германии для определения границ на западе, а для восточной части привлечь и непосредственно заинтересованную Польшу⁷⁹.

21 октября 1938 года Стояи по поручению Кани передал в МИД Германии две записки: в первой он сообщал о бесперспективности переговоров со словацкой делегацией, а во второй спрашивал, гото-

ва ли Германия вместе с Италией взять на себя роль арбитров (в переданных Германии документах ничего не говорилось о привлечении Польши!).

Передавая эти документы статс-секретарю МИДа Вайцзеккеру, Стояи устно добавил: положение уже критическое, опыт непосредственных переговоров со словаками столь негативный, что не остается ничего другого, как апеллировать к арбитражу стран оси.

Статс-секретарь разъяснил посланнику, что линия границы, предложенная словаками, та же самая, которую несколько дней назад Дарани и Имреди уже одобрили. Правда, Кошице находится за ее пределами, но имперский министр Риббентроп и в этом отношении поддерживает венгерские претензии. Но до сих пор ему еще не удалось убедить словаков уступить Кошице. Он не смог сказать, готовы ли страны оси выступить в роли арбитров, поскольку до сих пор они придерживались мнения, что Праге и Будапешту нужно попытаться договориться еще раз⁸⁰. Эрдманнсдорф, передавая новые предложения чехословацкой стороны, придерживался такой же точки зрения. Ее разделял и Вайцзеккер в беседе со Стояи.

Стояи в шифrogramме и в телефонном разговоре с Каней сообщил: статс-секретарь помнит, что Дарани с Имреди 14 октября договорились об отмене требований Венгрии на Ужгород и Мукачево. Стояи считал, что произошла ошибка, так как он знал, что Мукачево и Ужгород, по замыслу Дарани, отходили к Венгрии. Но проверить было невозможно: найти карту Дарани, переданную в германский МИД, не смогли, да и у Стояи при себе ее

не было. Стороны договорились проверить все позже. Вайцзеккер пообещал изложить позицию Венгрии Риббентропу⁸¹.

Так началась дискуссия между Венгрией и Германией. Венгры позже отрицали, что они якобы согласились оставить Ужгород и Мукачево в составе Чехословакии, а германское правительство настаивало на своем.

22 октября Франтишек Хвалковский пригласил к себе венгерского посланника в Праге Яноша Веттштейна и пообещал еще в первой половине дня прислать формальные предложения, прилагая карту с нанесением на нее линии границы в соответствии с новыми чехословацкими предложениями. На вопрос министра, начнут ли венгры на основе этих предложений прямые переговоры, посланник ответил: по имеющейся у него информации, венгерское правительство уже сообщило в Берлин и Рим, что эти предложения неприемлемы⁸².

В тот же день Веттштейн передал Хвалковскому записку с изложением плана, выработанного Риббентропом и чехословацкой делегацией в Мюнхене 19 октября. По мнению венгерского правительства, он не полностью совпадает с тем сообщением, которое передал чехословацкий министр иностранных дел венгерскому посланнику, поэтому оно ждет новых предложений чехословацкого правительства⁸³.

Одновременно Кая направил в Рим в адрес Виллани шифрограмму с просьбой сообщить Чиано о недоразумении с Риббентропом из-за Ужгорода и Мукачева. Он пытался объяснить: Дарани по указанию Будапешта обозначил эти два города как минимальные венгерские требова-

ния, Риббентроп же, нанося на карту обязательные венгерские требования, по-видимому, по недоразумению опустил эти два города. И Риббентроп, и Дарани стояли на своем. Кая предполагал, что Риббентроп боится, как бы венгры его не дезавуировали⁸⁴.

В продолжение этой телеграммы Кая просил Чиано помочь развеять недоразумение, может быть, путем личной встречи с Риббентропом, и оказать влияние на германское правительство, чтобы оно согласилось на арбитраж немедленно или после новых безрезультатных прямых венгеро-чехословацких переговоров.

Кроме того, Чиано для личной достоверной информации сообщал Кане, что он не понимает, как могло возникнуть недоразумение, ведь на переговорах Дарани с Риббентропом присутствовали германский посланник в Будапеште и секретарь Дарани⁸⁵.

В тот же день, 22 октября, германский посланник в Будапеште по поручению Риббентропа передал Кане памятную записку, в которой германский министр иностранных дел настаивал на своей позиции: Ужгород и Мукачево не были включены в предложения Дарани, а карту, составленную на основе этого предложения, венгерское правительство одобрило.

В памятной записке также констатировалось: после того как предложение германского правительства о границах, в общем и целом соответствующее этническому принципу разделения стран, венгерское правительство квалифицировало как неприемлемое, Германия посредническую деятельность считает законченной⁸⁶.

Настойчивость Риббентропа была связана, таким образом, с его посреднической деятельностью, которую он вел между Чехословакией и Венгрией. Как свидетельствуют документы, на переговорах с Хвалковским, а затем 19 октября в Мюнхене с делегацией во главе с Тисо (Дурчанский и Бачинский представляли Словакию и Подкарпатскую Русь), с предложениями которых он согласился по поводу Ужгорода и Мукачева, тем более что Имреди, боясь потерять поддержку Германии, вообще 14 октября согласился на компромисс, но затем венгерское правительство передумало, Каня довольно ловко использовал Италию, постепенно добиваясь согласия Чиано и Муссолини на поддержку требований передачи не только Мукачева и Ужгорода, но и Закарпатья вообще.

Следующим венгерским ходом было шифрованное поручение Калмана Кани Деме Стояи поблагодарить Иоахима Риббентропа за поддержку и выразить сожаление по поводу недоразумения из-за Ужгорода и Мукачева, «которое, по видимому, возникло при нанесении данных на карту. Нельзя себе и представить, что германский министр иностранных дел этот случай квалифицировал бы иначе». Каня осторожно намекал: одновременно и итальянское правительство было ознакомлено с «минимальными венгерскими требованиями», среди которых на первом месте фигурировали Кошице, Ужгород и Мукачево, уж об этом Риббентроп наверняка был осведомлен.

Новые чехословацкие предложения будут сегодня доставлены в Будапешт, но он, Каня, на них не ответит, пока не узнает решения по ходатайству об арбитраже.

Если дело дойдет до переговоров, то их нужно быстро закончить — на них нельзя добиться многого. Тогда он вновь попросит «две великие дружеские державы» (а по поводу русской части и Польшу) быть арбитрами и призывает Риббентропа отнестись к этому доброжелательно⁸⁷.

Калман Каня чувствовал: телеграмма неубедительна и 23 октября дал Деме Стояи устное указание не передавать ее в германский МИД. Вместо нее 23 октября Калман Дарани послал письмо Иоахиму Риббентропу, где сообщалось, что новое чехословацкое предложение «во многих отношениях оценивается более благоприятным для Венгрии». Он просил разрешения «с венгерской искренностью заявить, что эти новые чешские предложения мы получили прежде всего благодаря той влиятельной поддержке, которую оказали нашему делу фюрер и имперский канцлер». Затем следовала похвала самому Риббентропу за помощь, «которую венгерский народ никогда не забудет». Затем Дарани перешел к памятной записке, переданной в Будапешт, «где все соответствует ходу переговоров». Он остановился на некоторых вопросах, в том числе и об Ужгороде и Мукачево, относительно которых Риббентроп заметил, что они находятся совсем на границе и, поскольку никаких дополнительных заявлений не было, «мы могли предположить, что венгерские претензии на эти два города признаны законными». Он просил и в дальнейшем поддержать Венгрию.

Ознакомившись с письмом Дарани, Риббентроп поручил посланнику в Будапеште Эрдманнсдорфу подчеркнуть, что в отношении Кошице он поддерживал венгерскую позицию против чешского

министра иностранных дел. Но особенно просил обратить внимание на то, что «города Мукачево и Ужгород на карте находятся за линией, начертанной нами обоими совместно», так что в этом отношении нет никакого недоразумения»⁸⁸.

В этот день Хвалковский передал Веттштейну чехословацкие предложения, выработанные в Мюнхене, подчеркивая: это основа для переговоров, в которую можно внести изменения. Каня в ответ дал указание посланнику в Праге («учитывая их вежливую форму») сообщить министру иностранных дел ЧСР следующее: беспспорные территории передать в течение трех дней начиная с 27-го; по спорным вопросам до 30 ноября провести референдум при международном контроле по восьми отдельным участкам, этапам; для других национальностей Чехословакии, особенно русинов, обеспечить на практике право на самоопределение — референдум при международном контроле. Если чехословацкое правительство с этим не согласно, то венгерское настаивает на арбитраже, который на западе, включая и Братиславу, осуществляют Италия и Германия, а на востоке — Польша.

Венгрия давала на ответ 48 часов⁸⁹. Причем в венгерской ноте уточнялось, что в референдуме могут принять участие только те, кто родился на этих территориях до 28 октября 1918 года.

26 октября 1938 года чехословацкое правительство направило Венгрии ноту, в которой указывалось: поскольку венгерское правительство не считает чехословацкие предложения удовлетворительными, оно готово передать вопрос венгерского меньшинства на арбитраж Германии и Италии, а если эти державы примут

в качестве арбитра и Польшу, то чехословацкое правительство просит привлечь и Румынию⁹⁰.

26 октября Калман Каня направил Деме Стояи в Берлин в качестве информации распоряжение, переданное в тот же день посланнику в Риме Виллани. В нем говорилось, что Венгрия не приняла чехословацкую ноту, а правительство этой страны согласилось на арбитраж Германии и Италии, но просило привлечь к арбитражу Румынию, если в нем примет участие Польша. Виллани вменялось в обязанность просить Чиано склонить к участию в арбитраже Риббентропа. Сообщалось, что Венгрия желает привлечения Польши, но возражает против Румынии. Если же немецкое правительство не склонно участвовать в арбитраже, то Венгрия обратится к четырем великим державам, а если это не принесет результатов, то она прибегнет к военным мерам⁹¹.

Эта последняя фраза была связана с тем, что прохортистское правительство в Закарпатье было смещено чехословацким правительством генерала Яна Сирови. Произошло это так. 25 октября в Праге состоялось совещание министров Подкарпатской Руси и Словакии. Председательствовал на нем премьер Чехословацкой республики Ян Сирови. Андрей Бродий от имени своего правительства вручил меморандум о проведении референдума в Закарпатье относительно его государственной принадлежности, на чем настаивало как венгерское правительство, так и его сторонники в Подкарпатской Руси из партии Автономный земледельческий союз. Но меморандум был отклонен, Бродий оказался перед возможностью отстранения от власти.

Так венгерское правительство потеряло в Закарпатье своего самого ценного агента. Оно надеялось, что Бродий проведет референдум по проблеме государственной принадлежности Закарпатья в нужном русле и оно окажется в составе Венгрии. Но этот вариант провалился: 26 октября его сняли с поста премьера, а на следующий день он был арестован за деятельность в пользу Венгрии⁹².

После падения Бродия к власти пришло украинское правительство. Премьер-министром стал Августин Волошин, лидер Народно-христианской партии, министрами остались Юлий Ревай, лидер социал-демократической партии, и Эдмунд Бачинский, лидер русского крыла аграрной партии, пользовавшийся доверием Праги. Он присутствовал на переговорах с Риббентропом 19 октября в Мюнхене, о результатах которых информировал правительство 22 октября, на третьем и последнем его заседании. Так закончилась деятельность первого правительства автономного Закарпатья.

Край ожидали трудные дни. Одним из первых актов нового правительства был роспуск партий, ориентировавшихся на иностранные государства, и запрет на издание их газет. Вырисовывалась картина создания однопартийной системы с авторитарным режимом.

В начале третьей декады октября 1938 года три участника Мюнхенского соглашения (Германия, Англия и Франция) рекомендовали Венгрии умерить свои аппетиты, не претендовать на все Закарпатье, а решить спор с Чехословакией (по примеру Германии и Польши) на этническом принципе. И посланник Франции в те дни от имени своего пра-

вительства советовал Венгрии ослабить свои территориальные требования, поскольку они выходят за рамки Мюнхенского соглашения.

Тогда Италия, особенно Галеаццо Чинано и Бенито Муссолини, высокопарно поддерживала Венгрию и подталкивала ее к захвату Закарпатья военным путем, обещая военную помощь. В таком же духе действовало и правительство Польши.

17 октября 1938 года венгерский посланник в Москве Михай Юнгерт-Арноти по поручению своего правительства информировал заместителя наркома СССР Владимира Потемкина о переговорах в Комарно и о том, что венгерское правительство решило их прервать. Располагая записью этой беседы с обеих сторон, можно отметить, что Потемкин особо интересовался информацией Юнгерта о претензиях Венгрии к Чехословакии, о передаче ей, на основе переписи 1910 года, территории проживания венгерского национального меньшинства. По Юнгерту, она была населена почти полностью венграми – их насчитывалось 840 тыс. человек. Что касается словаков (140 тыс. человек), немцев (57 тыс.) и русинов (30 тыс. человек), проживающих на той же территории, то для них, равно как и для всей Словакии и всей Закарпатской Украины, венгерская делегация предложила провести плебисцит, чтобы предоставить им возможность самостоятельно решить вопрос о своей государственной принадлежности. Чехословацкая делегация со своей стороны заявила, что правительство этой страны готово предоставить венгерскому национальному меньшинству известную автономию в пределах нынешних государственных границ. Венгры

отвергли это предложение. Тогда чехословацкая делегация пошла на некоторую уступку, согласившись на передачу Венгрии так называемого Житного острова.

На вопрос Потемкина, что намерено предпринять дальше венгерское руководство, Юнгерт ответил: оно пока заняло выжидательную позицию. Если эти вопросы не будут разрешены в течение трех месяцев, то представители четырех государств вынуждены будут собраться вновь.

Потемкин спросил: на каком основании венгерское правительство настаивает на плебисците во всей Словакии и Закарпатской Украине? Юнгерт ответил, что в экономическом отношении обе области настолько тесно связаны с Венгрией, от которой получают хлеб, а в обмен экспортируют лес, соль и другие продукты своего хозяйства, что они, вероятнее всего, предпочтут слиться с венгерской территорией, нежели поддерживать искусственную связь с Чехословакией...⁹³

Юнгерт-Арноти в своих двух донесениях об этой беседе сосредоточил внимание на прекращении переговоров в Комарно и словацком и рутенском вопросе, подчеркивая, что венгерское правительство известило обо всем, в том числе и об ответных военных мерах Венгрии, великие державы.

Потемкин поинтересовался числом венгров в Чехословакии, местом их проживания и теми официальными данными, на которых базировались венгерские претензии. Юнгерт сообщил: «Я представил ему данные переписи 1910 года... особенно этнический состав городов».

Юнгерт, как он писал, выразил удивление негативной позицией советской

печати по поводу попытки Венгрии добиться равноправия венгерского национального меньшинства в Чехословакии, хотя вся советская империя построена на праве наций на самоопределение. Заместитель наркома ответил: советское правительство считает Мюнхенское соглашение несправедливым и незаконным и выступает против всего происходящего на его основе; и добавил: «Советский Союз и сейчас за самоопределение наций на мирной основе».

Затем, доносил Юнгерт, Потемкин поднял словацкий и рутенский вопрос, на который посланник ответил, по его записи, так: «Мы не требуем присоединения этих территорий к Венгрии, но придерживаемся позиции, согласно которой этим двум национальным меньшинствам нужно дать право самим решить свою судьбу путем голосования»⁹⁴.

Третья территориальная уступка венгерской стороны — предложение, согласованное с Риббентропом 19 октября и переданное Чехословакии 22 октября 1938 года, — составляла 11 300 квадратных километров и 740 тыс. населения, в том числе 680 тыс. венгров⁹⁵. Но в нем не было таких городов, как Братислава, Нитра, Кошице, Ужгород, Мукачево, на которые претендовала Венгрия.

Венгерское правительство это последнее предложение считало довольно серьезным и вполне пригодным в качестве основы для переговоров. Венгерский посланник в Праге Янош Веттштейн 24 октября с удовлетворением отмечал, что расхождение двух правительств уже невелики⁹⁶.

Однако, заручившись поддержкой Муссолини и Чиано, Венгрия форсиро-

вала арбитраж в расчете получить больше в результате этой процедуры.

27 октября Виллани доносил из Рима Кане: Чиано согласен с тем, что решение венгеро-чехословацкого вопроса далее затягивать нельзя. Риббентроп едет в Рим с намерением о чем-то просить Муссолини. Взамен этого в качестве компенсации итальянцы попросят у немцев согласия «на быстрое и благоприятное решение нашего дела». Как это будет, Чиано еще не знает, но во всяком случае «мы можем рассчитывать на полную поддержку». Но вопрос Закарпатья в настоящее время нужно исключить, тем более если и поляки ретируются⁹⁷.

К этому времени и венгерская, и чехословацкая стороны согласились на арбитраж Италии и Германии, а приглашение Польши и Румынии оставили на их усмотрение.

На протяжении всего октября Польша подстрекала Венгрию к энергичным акциям в Закарпатье. После присоединения Тешина к Польше Юзеф Бек пригласил Иштвана Чаки, заверяя, что изменения в политике Польши в отношении Венгрии не будет⁹⁸. 5–6 ноября в Варшаве прошло обсуждение общей польско-венгерской границы, роли Румынии, вопросов размещения польских войск на границе с Закарпатьем.

После разрыва переговоров в Комарно возникли разногласия между Варшавой и Будапештом в вопросе арбитража. Венгерское правительство, как известно, сразу сообщило о своем намерении обратиться к великим державам. 14 октября польский посланник в Будапеште Леон Орловский передал Калману Кане меморандум с неодобрением этого шага. В тот

же день Юзеф Бек сообщил венгерскому посланнику в Варшаве, что Польша не признает мюнхенской системы, она против решения вопросов третьими государствами, и дал польскому посланнику указание заявить в Будапеште о незаинтересованности Польши, поскольку Польша таким путем исключается из игры⁹⁹.

В ответ Каня дал инструкцию заявить Беку, что Венгрия одновременно принимает и военные меры¹⁰⁰.

Изменения, произошедшие в венгерской внешней политике во второй половине октября, успокоили Польшу. Заявление венгерского правительства от 16 октября о намерении обратиться за помощью к Германии и Италии¹⁰¹, если Чехословакия не решит быстро вопрос о венгерских претензиях, понравилось Беку: теперь, заявил он, уже и Польша непосредственно сможет поддержать Венгрию¹⁰².

16 октября Леон Орловский был приглашен к регенту Миклошу Хорти. Беседа посланник начал с того, что в Варшаве ноту, переданную Хорти в МИД Польши, оценили положительно (Венгрия обращалась к странам оси и Польше), так как она дает полякам определенные дипломатические возможности. Регент сказал Орловскому, что он как раз пишет письмо польскому президенту с просьбой отложить на время визит в Будапешт, и добавил, что Венгрия переживает один из самых важных моментов своей истории и рассчитывает на польскую дружбу. Самой важной задачей, несомненно, является захват Подкарпатской Руси и установление общей границы с Польшей. Кризис наступил в тот момент, когда венгры были менее всего готовы к нему. «Наперекор моей собственной натуре и

национальному характеру нашего народа, — сказал регент, — я вынужден был сдерживать его от необдуманных шагов». Начало войны в тот момент, продолжал Хорти, стало бы для Венгрии катастрофой, поскольку тогда чехословацкая армия являлась самой технически оснащенной армией в Европе, и Будапешт, находящийся всего на расстоянии пяти минут лету от чехословацкой границы, мог бы быть превращен в руины. В тот момент нужно было принять мюнхенский вердикт и искать помощи и друзей.

Далее Хорти пытался убедить Орловского, что без его ведома и согласия, в его отсутствие (он находился в Восточной Пруссии, был гостем Геринга) из Венгрии в Подкарпатскую Русь были направлены партизанские отряды для выполнения определенных заданий и теперь граница сильно укреплена. Поддерживать движение на Подкарпатской Руси при помощи людей, присланных из Венгрии, невозможно, ибо они вынуждены были бы начинать воевать на границе и демаскировать всю затею. Этому движению грозит смерть, поскольку партизаны понесли большие потери. Некоторым удалось вернуться в Венгрию, а другие пробираются на север, надеясь спастись в Польше. А раз это дело начато, его нужно было бы поддержать, хотя бы в скромных пределах, продолжал Хорти¹⁰³.

Затем регент спросил посланника, возможно ли переправить несколько венгерских отрядов диверсантов воздушным путем в Польшу, усилить польскими «добровольцами», знающими русский язык, и забросить в Закарпатье. Как свидетельствует дипломатическая переписка, польская сторона не согласилась с

предложением принять венгерских диверсантов в Восточной Галиции, боясь реакции местного украинского населения. Но несмотря на это, Орловский заверял Хорти, что посылка таким путем венгров «встретит у нас полную симпатию». Тем более что с предложением о транспортировке венгерских диверсантов в Закарпатье околным путем через Польшу уже говорили с ним Иштван Бетлен и Миклош Козма.

Посланник к тому же заметил, что он представляет себе, с какими трудностями встречается венгерская акция в Подкарпатье, поскольку ему известно, что среди венгерских «охотников» нет ни одного, который говорил бы по-русски¹⁰⁴. Орловский пообещал передать просьбу регента в Варшаву.

Вскоре после этой беседы в Будапешт был направлен начальник канцелярии министра иностранных дел Польши Михал Любенский. 18 октября он получил от своего патрона подробную инструкцию. В частности, ему поручалось спросить венгерское правительство, ставит ли оно в качестве своей конкретной задачи что-нибудь помимо коррективы границы по этническому принципу, то есть пойдет ли на установление общей с Польшей границы.

В инструкции содержалась и оценка ситуации: западные государства проявляют незаинтересованность в этом вопросе. Польша не верит в наличие у Германии своих интересов в Закарпатье. Италия оказывает наибольшую заинтересованность в создании венгеро-польской границы. В Румынии после ухода Николае Титулеску руководство страной находится в руках короля, именно с ним следует вести переговоры с целью улучшения

венгеро-румынских отношений. Закарпатье нужно присоединить к Венгрии.

Самое трудное при этом – соблюсти этнический принцип. Однако ни одна из стран, участвующих в игре, не заинтересована защищать принадлежность Подкарпатской Руси к Чехословакии.

Далее Михал Любенский должен был выяснить, уверено ли венгерское правительство в результатах плебисцита или выдвинет постулат возвращения утраченной провинции, которая не может жить без контактов с Венгрией. Затем ему предстояло спросить, хочет Венгрия решить этот вопрос в переговорах с Прагой при поддержке Италии, Германии и Польши или считает, что без международной конференции не обойтись. Эта проблема, по мнению польского руководства, в любом случае не могла быть решена без дипломатического и политического нажима, усиленного организацией демонстраций.

Польша может поддержать Венгрию, обеспечить ее безопасность со стороны Румынии, но никто, кроме самой Венгрии, не может предъявлять претензии передать ей Закарпатье. В случае недостаточной заинтересованности Венгрии может сложиться парадоксальная ситуация: Русь, которая фактически никого особо не интересует, может остаться в чехословацком государстве, воспрепятствовав тем самым созданию венгеро-польской границы. Следовало поговорить и со словаками, убедить их в необходимости присоединения Руси к Венгрии, в публичных выступлениях, на дипломатических приемах стараться проводить мысль: Русь – давняя провинция Венгрии и не может без нее существовать, требование про-

венгерского населения – присоединение к Венгрии, это принесет мир на длительное время. Плебисцит нельзя проводить при чешском присутствии, минимальное требование – эвакуация чехов.

Что касается железной дороги, претензии на которую предъявила Румыния, следовало подчеркивать: «Она упрочит наше положение в Румынии, усилит антитисоветский фронт»¹⁰⁵.

Михал Любенский прибыл в Будапешт 19 октября. Цель поездки – обсудить вопрос Закарпатья, то есть общую польско-венгерскую границу. Калман Каня так об этом информировал Миклоша Хорти 22 октября: Любенский прибыл с тем, чтобы венгерское правительство официально подняло русинский вопрос с требованием вывода чешских войск из Закарпатья и тем предоставило русинам возможность самим решить вопрос о своей государственной принадлежности. Каня считал, что инициатива должна исходить из Закарпатья. Каня с Любенским договорились, что сначала Хорти направит письмо Гитлеру, в котором он обрисует все проблемы, связанные с Карпатской Русью. Кроме того, со стороны Венгрии будут предприняты меры для действительного осуществления пожелания русинов. Венгерское правительство подождет только до 1 ноября, затем будет действовать решительно¹⁰⁶.

Михал Любенский прибыл к Калману Кане вместе с посланником Леоном Орловским. Переговоры велись в присутствии премьера Белы Имреди. Леон Орловский писал Юзефу Беку 22 октября, что правительство слабо, в правящих кругах боятся войны и немцев. Позиция Италии в Будапеште очень сильна, и позиция

Польша сильна, хотя ее возможности недооценивают. После ознакомления с польским проектом о Подкарпатской Руси Кания посчитал его нереальным, поскольку чехи не хотят вести переговоры с Венгрией о Подкарпатской Руси, считая это внутренним делом. По мнению Кани, захват всей Подкарпатской Руси — это отход от этнического к историческому и экономическому принципам.

По плану Кани, сначала нужно присоединить территории, населенные венграми, а затем так изолировать остальную территорию, чтобы Подкарпатская Русь вынуждена была сама проситься к Венгрии. Тогда ее правительство (его возглавлял еще Андрей Бродий) обратится к Венгрии, чтобы та оккупировала Русь и «обеспечила порядок».

Венгрия большое значение придавала диверсионным актам, которые должны были создать нестабильное положение в крае и тем оправдать действия Бродия. Таким путем, захватив все Закарпатье, Кания рассчитывал поставить мировую общественность перед свершившимся фактом.

Любеньский и Орловский подвергли этот проект критике, мотивируя тем, что венгерская политика ставит решение этого вопроса в зависимость от доброй воли людей, моральные принципы и неподкупность которых по крайней мере сомнительны.

Раскрывая часть своих карт, Кания информировал Польшу о договоренности с подкарпатским правительством, которое потребует от Праги проведения референдума в крае, а в случае отказа объявит независимость Подкарпатской Руси. (Как известно, через несколько дней этот план Кани провалился. Премьер Под-

карпатской республики Андрей Бродий был арестован.)

Любеньский против такого плана не возражал, только высказал надежду, что венгерское правительство не будет обещать Подкарпатской Руси широкой автономии.

Венгерское правительство было уверено: этнические границы придется определять арбитрам, а Венгрия будет настаивать на том, чтобы наряду с Германией и Италией в арбитраже участвовала и Польша (чего очень хотела эта страна).

Михал Любеньский в связи с этим предложил потребовать от Праги, кроме возвращения территорий, населенных венграми, еще и эвакуации из Закарпатья чешских войск, обеспечив тем населению возможность осуществления права на самоопределение. Последнее Кания считал нецелесообразным, поскольку регент Хорти в письме Гитлеру прямо поставит этот вопрос.

На вопрос о том, когда план венгров будет осуществлен, Кания ответил: для переговоров Ужгород — Прага нужно три-четыре дня, и все будет решено к 1 ноября. Поскольку вопрос возможного применения силы не снимался с повестки дня, то, по мнению Кани, поздняя осень — самое подходящее время. Тогда бы чешская авиация бездействовала, а Венгрия оказалась в выигрыше, поскольку моральный дух венгерской армии выше¹⁰⁷.

Польская сторона уже не в первый раз поднимала вопрос о компенсации Румынии, то есть о передаче ей части Закарпатья за согласие на установление общей венгеро-польской границы. Еще 6 октября президент Игнацы Мосьцицкий и генерал Эдвард Ридз-Смигли обратились к

королю Каролю II с просьбой не мешать венграм в захвате Закарпатья¹⁰⁸. 13 октября 1938 года польский посланник в Будапеште Леон Орловский посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Венгрии Габора Апора и «по собственной инициативе», как он заявил, предложил обратиться к Юзефу Беку и попросить его о посредничестве в интересах общей венгеро-польской границы на основе передачи Румынии железнодорожной линии Ясиня — Татарский перевал. Бек это предложение переслал бы в Бухарест как свое. Орловский полагал, что румыны пошли бы на такой шаг, поскольку и сейчас эту дорогу используют только румыны для связи с Трансильванией и Северной Буковиной.

Апор был сдержан и только обещал передать предложение в соответствующую инстанцию¹⁰⁹. 15 октября заведующий политическим отделом польского МИДа Тадеуш Кобылянский сообщал: теперь уже с румынской стороны решительно требуют ту небольшую часть Закарпатья, на которую они претендовали еще в период мирных переговоров. В результате Румыния получила бы вторую прямую железнодорожную связь с Польшей (Сигет — Станислав). Румынский король придает ей большое значение со стратегической точки зрения¹¹⁰. Они желали бы или самостоятельно оккупировать эту область, или пусть это сделает Польша. Кобылянский полагал, что такой уступкой можно полностью удовлетворить румын.

18 октября Ласло Бардоши сообщил Калману Кане о предстоящей 19 октября встрече министра иностранных дел Польши Юзефа Бека с румынским королем Каролом II в Галаце. Цель визита Бека —

получить согласие Румынии на установление общей венгеро-польской границы в обмен на территории, на которые она претендовала в Закарпатье. В донесении Бардоши конкретно указывалось, что будет предлагать Бек королю в качестве компенсации: территории по линиям железных дорог Лонка — Ясиня, а также Долгое Поле — Хуст — Черный Ардов¹¹¹.

Переговоры Бека с Каролом II закончились безрезультатно. О ходе их венгерская сторона несколько дней не могла получить информацию в Бухаресте. Даже польский посол в Румынии Мирослав Арцишевский уклонился от ответа на вопрос Бардоши, ссылаясь на то, что Бек не привлек его к переговорам, а затем быстро выехал в Варшаву, даже не проинформировав его. Только два дня спустя Бардоши сообщил Кане сведения, полученные окольным путем, через временного поверенного в делах Италии в Бухаресте от министра иностранных дел Румынии Петреску-Комнена. Эти данные были следующими: румынское правительство не может разделить позицию Бека в отношении Руси. Если бы Подкарпатская Русь попала под власть венгерского государства, это противоречило бы этническому принципу. Карпатская Украина нужна Чехословакии по экономическим соображениям, кроме того, через нее она поддерживает прямую связь с Румынией. Румыния не заинтересована удлинять свою границу с Венгрией. К тому же румынское население, проживающее там, протестует против возможного вхождения в состав Венгрии¹¹². Король поступил так, считая Малую антанту еще действующей, хотя, как отмечал Бардоши, он с заинтересован-

ностью слушал предложения Бека о территориальных концессиях.

Еще 16 октября Кая заявил посланнику Хори, что о передаче румынам линии Ясиня – Татарский перевал в принципе можно бы начать соответствующие переговоры, но прежде необходимо, по мнению Венгрии, чтобы Венгрия и Польша достигли соглашения по вопросу о Закарпатье и способе окончательно его решения (*modus procedendi*)¹¹³.

Польская сторона в инструкции Любеньскому дала указание специально поднимать вопрос о железной дороге, на которую претендуют румыны, ибо ее передача «упрочит наше положение в Румынии и усилит антисоветский фронт»¹¹⁴. В ходе беседы Имреди и Кани с Любеньским 19 октября Кая заявил по поводу польского предложения о передаче Румынии железнодорожной линии Лонка – Ясиня, что он его поддерживает, но, со своей стороны, не может предлагать эту концессию, пока вопрос по Закарпатью не решен, так как не уверен, сохранят ли румыны тайну. Кроме того, он боится передавать румынам территории, входившие в состав империи Святого Стефана¹¹⁵, из-за возможного возмущения общественного мнения в Венгрии.

22 октября польский посол в Берлине Юзеф Липский заявил в германском МИДе, что Польша настаивает на создании общей польско-венгерской границы как единственно надежной защитной линии против большевизма. Через два дня Липский в беседе в Берхтесгадене с Риббентропом наряду с другими поднял и этот вопрос. Но министр иностранных дел Германии тогда все еще отстаивал этический принцип¹¹⁶.

Переговоры, в основном по телефону, Чиано с Риббентропом с 6 по 22 октября не привели ни к каким результатам. Руководители Италии поддерживали Венгрию не только в ее претензиях к Чехословакии на земли, населенные венграми, но и в ее стремлении захватить всю Карпатскую Украину. Риббентроп с этим не соглашался.

Между тем в Риме в конце октября начались переговоры между Риббентропом и Чиано по проблеме Карпатской Украины, которые продлились три дня. Учитывая позицию Германии, Виллани в тот же день, 27 октября, писал Кане: вопрос Карпатской Украины пока нужно снять, тем более что и поляки пошли на попятную¹¹⁷, а Германия решительно выступала против плебисцита. К этому времени и венгерское, и чехословацкое правительства согласились на арбитраж стран оси.

В Варшаве Кобылянский в беседе с Хори заявил, что если венгры и в дальнейшем будут бездействовать, Польша окончательно перестанет интересоваться венгерскими делами: «В таком случае мы полностью изменим свою политику. Проведем в Карпатах проволочные заграждения и больше не будем заботиться о том, что происходит по ту сторону линии»¹¹⁸.

В ответ Кая сообщал в Варшаву Хори: Любеньскому мы не обещали к 1 ноября вооруженным путем занять территории, населенные венграми, в Русинии, включая Ужгород и Мукачево, а лишь собирались усилить акции саботажа. Выступление с применением регулярной армии означало бы войну. Установлено, вопреки заверениям поляков, что Германия поддерживает украинское движение и выступает против общей польско-вен-

герской границы. Здесь Каян имел в виду донесение Юнгера из Москвы, согласно которому Гитлер был против присоединения Карпатской Украины к Венгрии, ибо он хотел создать там нацистский центр в интересах своих восточных планов, в частности относительно Польши. Предполагается также вызвать волнения среди соседних с Закарпатьем галицких украинцев, чтобы таким путем легче осуществить свои требования (коридор, Данциг и другие) к Польше¹¹⁹.

Далее Каян сообщал о ходе переговоров, в задачу которых входило путем арбитража решить венгеро-чехословацкие проблемы, и пока Венгрия не получит окончательное решение заинтересованных великих держав по этому вопросу, она не может идти ва-банк. Он высказывал надежду на быстрое и положительное для Венгрии завершение переговоров, но и в таком случае она от прежних планов не откажется, о чем свидетельствуют продолжающиеся террористические акты даже во время переговорного процесса.

Кроме того, Каян строго доверительно сообщал Хори (только для личного сведения): по мнению Будапешта, мизерные успехи переговоров Бека в Галаце, а также то, что Германия и Италия не хотят включать Польшу в состав арбитров, очень расстроили польское правительство, и поэтому оно дало отбой и в деле Русинии, утверждая, что в повороте отношений в худшую сторону виновны венгры¹²⁰.

27 октября Будапешт и Прага решились обратиться к Берлину и Риму с просьбой быть арбитрами в венгеро-чехословацком споре. 28 октября Иоахим Риббентроп прибыл в Рим.

В то время Германия не соглашалась на передачу Венгрии всей территории Закарпатской Украины и нуждалась в единых действиях с Муссолини и Чиано. По вопросу венгерских территориальных требований между Германией и Италией существовали разногласия. Если Италия поддерживала все требования хортистов, то Германия хотела свести их к минимуму и была против создания венгеро-польской границы. Кроме того, Гитлер, желая быть вершителем судеб Восточной и Центральной Европы, был против итало-германского арбитража. Переговоры Риббентропа с Чиано, а затем и с Муссолини были в основном посвящены венгерским территориальным требованиям. Главной задачей, которую ставил перед собой Риббентроп, было помешать реализации польско-венгерского требования о передаче Карпатской Украины и установлении общей границы между Польшей и Венгрией, ибо это означало бы, что Италия помимо воли Германии помогла Венгрии в осуществлении ее планов.

На переговорах Чиано стремился убедить Риббентропа в необходимости и преимуществах итало-германского арбитража, указывая, что дуче уже много лет назад высказывался за венгерскую ревизию. Чиано ссылался на ноту, врученную послом Великобритании в Риме лордом Пертом, в которой англичане заявляли, что они одобряют итало-германский арбитраж и новую акцию великих держав считают необходимой только в том случае, если германо-итальянские усилия не достигнут успеха. «Большая польза германо-итальянского арбитража, — сказал Чиано, — состоит в его психологическом воздействии на Балканские страны. Гер-

мано-итальянский арбитраж продемонстрирует, что Англия и Франция окончательно исчезли из балканского пространства, и тем самым повлияет на те круги Югославии и других стран, которые все еще с надеждой смотрят на Францию или Англию»¹²¹.

Риббентроп, не желая уменьшения шансов на заключение военного союза с Италией, согласился, однако остался непримиримым в вопросе о польско-венгерской границе¹²². Так родилось компромиссное решение. Но еще до того Чиано обещал Виллани самым настойчивым образом убеждать Риббентропа принять идею арбитража двух и присоединения к Венгрии трех восточных городов (Кошице, Ужгорода и Мукачева). Риббентроп обещал дать ответ на поставленный вопрос в воскресенье. Чиано настаивал на принятии решения еще до его возвращения в Германию.

Дискуссия по этому вопросу длилась долго. Сначала Риббентроп придерживался взгляда, что с переходом Кошице, Ужгорода и Мукачева к Венгрии вся Карпатская Украина попадет под ее влияние. Чиано отстаивал позицию венгерского правительства, в то же время представляя ситуацию таким образом, будто это «личное кровное дело» его, Муссолини и всей Италии¹²³.

Риббентроп вновь напомнил о соглашении с Дарани 14 октября, о своем обещании чехословацкой делегации в Мюнхене 19 октября и о том, как настойчиво венгерская сторона на протяжении более двух недель навязывала ему мысль, что он ошибся. Чиано немного сконфузился и сказал, что он там не был, поэтому судить не может. Венгерский же МИД не

ошибся в своих расчетах, когда в Будапеште сразу оценили промах Имреди и Дарани, согласившихся с предложением Риббентропа оставить Кошице, Ужгород и Мукачево в составе Чехословакии. Дарани и Риббентроп нанесли эту границу на карту. А МИД в тот же день сообщил в Рим Чиано, что Риббентроп якобы не возражает против включения Ужгорода и Мукачева в состав Венгрии. На этот раз Чиано воспользовался сведениями от 15 октября из Будапешта и уже самым «решительным образом» утверждал, что от венгров «всегда слышал о Кошице, Мукачеве и Ужгороде как их минимальном требовании».

В связи с этой беседой был сделан запрос в Будапешт: если бы Венгрия получила Кошице, то какой из двух оставшихся восточных городов для нее более ценен? Ответ: Ужгород. Это свидетельствует о том, что тогда Риббентроп еще считался с возможностью отдать Венгрии только один из двух городов Закарпатья, но в угоду своим ставленникам в Словакии и Карпатской Украине заставил венгров отказаться от претензий на Братиславу, Нитру, Карпатскую Украину и от привлечения Польши в качестве арбитра.

В полночь с 28 на 29 октября граф Чиано пригласил к себе на квартиру венгерского посланника Виллани и сообщил ему о благоприятном ходе своих переговоров с Риббентропом. И хотя он еще не получил окончательного ответа, граф считает вероятным согласие немецкой стороны на арбитраж, а также «достижение присоединения трех восточных городов». В этой ситуации Виллани рекомендовал венгерскому правительству «срочно просить решения держав оси», «опус-

тив Польшу». И сообщал: «На основе полученных мною по телефону полномочий от Кани вновь заявляю о нашей просьбе об арбитраже»¹²⁴.

В тот же день венгерское правительство направило ноту правительству Чехословакии с уведомлением о своей просьбе арбитража стран оси для решения венгеро-чехословацкого спора и рекомендовало ему сделать то же в течение 24 часов¹²⁵.

29 октября Кани телеграфировал Виллани: «Если в отношении Русинска (то есть Карпатской Украины. — *А. П.*) теперь положительного решения не может быть, то просить Чиано оказать влияние, чтобы по возможности ни в ходе арбитража, ни в решении Закарпатье не упоминалось»¹²⁶.

В тот же день Виллани направил в Будапешт Кане шифрограмму, в которой сообщал: «Риббентроп принял арбитраж... Присоединение трех восточных горюдов, так сказать, обеспечено». Итальянский посланник в Будапеште Луиджи Винчи получит указание «завтра официально сообщить тебе и попросит заявить, что Венгрия подчинится решению арбитража» (он сам уже сделал это).

Чиано в понедельник собирался выезжать из Рима, и Виллани передал его просьбу срочно прислать строго секретно и инкогнито в воскресенье, 30 октября, в Рим экспертов, которые разобрали бы с ним все детали венгерской просьбы. Чиано желает быть более подготовленным, чем Риббентроп¹²⁷.

Виллани сообщил о том, что арбитраж состоится в Вене 2 ноября. Любеньский еще 29 октября в беседе с Хори интересовался, готова ли Венгрия всеми имеющи-

мися в ее распоряжении средствами захватить населенные венграми земли Закарпатье (имея в виду организацию восстания). Начальник кабинета министра иностранных дел с удовлетворением принял сообщение о сохранении Венгрией в отношении Закарпатье прежней установки на восстание.

Для успокоения правящих кругов Варшавы Хори рекомендовал заявить польскому посланнику в Будапеште, что Венгрия неизменно будет вести борьбу за общую венгеро-польскую границу, усиливая диверсионные акции. Хори и Любеньский пришли к выводу, что во взглядах и целях между двумя странами нет принципиальных расхождений, а имеющиеся касаются лишь тактики¹²⁸.

30 октября германское правительство направило венгерскому правительству ноту, в которой сообщалось об удовлетворении (в согласии с Италией) просьбы Венгрии и Чехословакии в отношении арбитража. Венгерское правительство в обязательном порядке должно заявить о безоговорочном подчинении решению арбитров. В ноте подтверждалось: переговоры начнутся 2 ноября в Вене.

В тот же день и правительство Италии направило аналогичную ноту, в которой сообщалось о согласии Италии и Германии взять на себя роли арбитров, удовлетворив просьбу Венгрии и Чехословакии, при условии, что оба правительства признают решение и немедленно его исполняют¹²⁹.

Виллани 30 октября информировал МИД Венгрии: как сообщил Чиано, Риббентроп окончательно согласился на передачу Кошице, Ужгорода и Мукачева Венгрии.

Арбитраж состоялся в Вене в Бельведерском дворце 2 ноября 1938 года. В качестве арбитров присутствовали министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп и министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано. В Вену были приглашены от Венгрии министр иностранных дел Калман Каня, министр культов и просвещения Пал Телеки, статс-секретарь премьер-министра Тиббор Патаки и начальник канцелярии министра иностранных дел Иштван Чаки, от Чехословакии — министр иностранных дел Франтишек Хвалковский, премьер-министр Словакии Йозеф Тисо и премьер-министр Карпатской Украины Августин Волошин.

По записи германского советника Эриха Кордта, на совещании в Бельведерском дворце присутствовали: немецкая делегация в составе министра иностранных дел Иоахима Риббентропа, заместителя статс-секретаря Вёрманна, советника посольства Пюнтера Альтенбурга, посланника Отто Шмидта и советника посольства Эриха Кордта. Итальянская делегация состояла из министра иностранных дел Галеаццо Чиано, посла Бернардо Аттолико и посланника Массимо Магистрата. В венгерскую делегацию входили министр иностранных дел Калман Каня и министр просвещения Пал Телеки, в чехословацкую — министр иностранных дел Франтишек Хвалковский и посланник Иван Крно.

Открыл совещание Риббентроп, затем выступил Чиано. Оба министра поздравили друг друга, глав делегаций Венгрии и Чехословакии и определили свои задачи: на этнической основе (во всех немецких документах употреблялся термин

«этнографической») установить «окончательную границу» между Венгрией и Чехословакией и «решить вопросы», связанные с этим. Чиано выражал уверенность в успехе усилий арбитров, в результате чего «родятся в Средней Европе новый строй и новая эпоха», основанные «на справедливости между нациями», такие, о которых «мы всегда мечтали и к которым мы всегда стремились».

Затем слово предоставили представителям Венгрии и Чехословакии, прежде всего министрам иностранных дел, основная часть выступлений которых была посвящена благодарностям в адрес арбитров. Позицию Венгрии и Чехословацкой республики излагали соответственно Телеки и Крно. Причем Телеки отстаивал принцип «большинства и справедливости», исторической и современной, то есть то, что и раньше, включая переговоры в Комарно. Крно останавливался на истории переговоров в Комарно, доложил о предложении Чехословакии от 22 октября возобновить прямые переговоры, об отказе венгерского правительства и его контрпредложении решить вопрос путем плебисцита или арбитража. «Чехословацкое правительство, в полной мере уверенное в чувстве справедливости немецкого и итальянского правительств, приняло это предложение», — добавил Крно. Правительство Чехословацкой республики в ходе переговоров с представителями Венгрии придерживалось следующей точки зрения: нужно найти такое решение, при котором Венгрия получит столько же словаков и русинов, сколько венгров останется в Словакии.

Это было наивное предположение. Ведь в конце октября в Риме Риббентроп

и Чиано в деталях договорились, как будут решать вопрос в пользу Венгрии. Хвалковский за две недели до арбитража договорился с Риббентропом о сотрудничестве, а Чиано в деталях рассказал Виллани, как он будет отстаивать венгерские требования перед Риббентропом.

Риббентроп решил не предоставлять слово для повторных выступлений Кане и Телеки для обоснования их белыми нитками шитой позиции. Он уже отказал Хвалковскому, когда тот попросил предоставить слово премьеру Словакии Тисо и премьеру Карпатской Украины Волошину, в зал заседания не допущенным, хотя решалась судьба их автономных республик. Риббентроп отверг просьбу Хвалковского, согласно протоколу, в следующих выражениях: «Мы собрались здесь для того, чтобы найти решение в словацко-венгерском вопросе. Министры иностранных дел двух стран точку зрения обоих правительств высказали, и нет смысла в том, чтобы по этому предмету заслушивать мнение дополнительных экспертов (Тисо и Волошина нужно считать такими), особенно потому, что сама проблема обоим арбитрам довольно известна... Я не думаю, что необходимо увеличивать число участников сегодняшнего совещания».

Риббентроп не хотел встречаться с Тисо и Волошиным в официальной обстановке, по-видимому, еще не забыв, что обещал на переговорах в Мюнхене 19 октября, но потом согласился с Чиано и пошел на уступки в пользу Венгрии. Каня, которого не любил Риббентроп и часто критиковал Гитлер, подчеркнул, что, по его мнению, Мюнхенское соглашение определило слишком долгий срок (три

месяца) для решения проблемы национальных меньшинств в Чехословакии. Риббентроп в ответ на это заметил, что лишь благодаря единству действий немецкого и итальянского правительств с двумя другими правительствами вопрос о венгерском национальном меньшинстве сдвинулся с мертвой точки. Кроме того, Германия и Италия изъявили готовность взять на себя роль арбитров для того, чтобы решить его быстро и мирно.

На этом Риббентроп процедуру предварительного совещания перед арбитражем объявил законченной. Что же касается господ Тисо и Волошина, заявил он, то они получают возможность продолжить с арбитрами неофициальную беседу в ходе ленча, на который они получили приглашение.

После ленча арбитры удалились на совещание для вынесения решения и пригласили делегации Венгрии и Чехословакии после его завершения в Бельведерский дворец на закрытие заседания.

Хвалковский вновь попросил слова. Он обратил внимание на следующее: господ Тисо и Волошина нельзя квалифицировать как экспертов. Премьер-министр Словакии Тисо был руководителем чехословацкой делегации, которая до недавнего времени вела переговоры с венграми. Волошин — премьер-министр Украины. Поэтому просит, чтобы в протоколах заседания этих господ не называли экспертами. Риббентроп и Чиано с этим согласились¹³⁰.

Второе, вечернее, завершающее, заседание Риббентроп открыл восхвалением представителей Германии и Италии, справившихся с нелегкой задачей, выпавшей на их долю, — передачей терри-

тории Чехословакии Венгрии. И если решения арбитража будут корректно выполняться, то существующие между Венгрией и Чехословакией конфликты будут справедливо и надолго урегулированы.

Но самое главное, как сказано в записи Эриха Кордта, заключалось, по словам Галеаццо Чиано, «в новом подтверждении солидарности оси»¹³¹. В этом и содержались все уступки пожеланиям Галеаццо Чиано, а фактически Венгрии.

Решение первого Венского арбитража Риббентропа — Чиано было зачитано вечером 2 ноября 1938 года. Оно было изложено в семи пунктах. Самым важным был первый: передаваемые Чехословакией Венгрии территории обозначались на карте. Карта не была опубликована. Демаркация новой границы на месте возлагалась на венгеро-чехословацкую комиссию. По решению арбитража к Венгрии переходили города с прилегающей к ним территорией, что фактически соответствовало договоренности между Чиано и Риббентропом. В сохранившемся в Германии описании линии новой венгеро-чехословацкой границы перечислены следующие передаваемые Венгрии города: Иршекуйвар (Нове-Замки), Лева (Левице), Лошонц (Лученец), Кашша (Кошице), Унгвар (Ужгород), Мункач (Мукачево)¹³².

В рукописи Сент-Ивани, кроме перечисленных, указаны еще следующие города: Сенц, Рожньо (Рожнява), Комаром (Комарно), Паркань (Штурово), Берегово и Галанта. Всего 11 886–11 915 квадратных километров территории и 1 027 000–1 029 000 человек¹³³.

В немецком варианте описания линии новой границы указаны и те из важней-

ших городов, на которые претендовала Венгрия, но которые арбитры оставили в составе Чехословакии. Это столица Словакии Братислава, древний епископальный центр Нитра, а также Севлюш (Виноградов) в Карпатской Украине с окрестными селами¹³⁴.

В материалах, хранящихся в Новом центральном венгерском архиве, составленных для венгерской делегации на мирных переговорах, есть и справка «О дипломатических предпосылках первого Венского арбитража». В ней сказано: решением от 2 ноября 1938 года в Бельведере Венгрии присуждено 12 тыс. квадратных километров территории с населением 862 747 человек, среди которых 86,6% венгров, 2% немцев, 9,7% словаков, 1% русинов. То есть Венгрия получила 84,2% той территории, которую она первоначально требовала от Чехословакии, и к Венгрии возвратилось 88% всех венгров, проживавших в этой стране¹³⁵.

Эти данные кочевали из справочника в справочник кануна и периода Второй мировой войны, хотя мало кто верил в их достоверность. Достаточно указать на то, что евреи как национальное меньшинство вообще не фигурировали в статистике — они были включены в состав венгров или немцев.

Венгерская сторона не признавала достоверными данные переписи 1930 года, проведенной в Чехословакии. Решительнее всего настаивал на решении проблемы на основе переписи периода Австро-Венгрии в 1910 году Пал Телеки. Но став премьер-министром, Телеки и сам, по видимому, захотел узнать истинное положение вещей и запросил у Центрального статистического управления Венгрии

данные о населении, проживающем на территориях, присоединенных к Венгрии по первому Венскому арбитражу. Ответ на основе переписи от 15 декабря 1936 года он получил 26 июля 1939 года. Согласно этим данным, в состав Венгрии было передано всего 1 040 401 человек, в том числе венгров — 879 007 человек, немцев — 10 010, словаков — 123 864, русинов — 19 891, лиц других национальностей — 8829 человек.

В Береговском округе к Венгрии были присоединены украинские села Нижние и Вышние Ремета, население которых состояло более чем на 90% из русинов (украинцев). Украинским было и село Квасово. Нижний Коропец, Подзамчье, Ключарки (в Мукачевском округе), Тростник, Вербовец (в Вилокском округе) были селами с абсолютным преобладанием украинского населения, но все равно отошли к Венгрии¹³⁶. По мнению современника событий А. Борканюка, таких украинских сел было «до 40», а историка В. Худанича — «более 40»¹³⁷.

Решением Венского арбитража чехословацким властям предписывалось в период с 5 по 10 ноября 1938 года эвакуироваться с предназначенных Венгрии территорий, а венгерским — в то же время их оккупировать¹³⁸.

В протоколе, сопровождавшем решение венского совещания, Кая и Хвалковский подтвердили свои заявления от 30 октября 1938 года о том, что арбитражное заключение признают окончательным.

Венгрия по Венскому арбитражу получила наиболее важную как в экономическом, так и в стратегическом отношении южную часть Словакии и юго-западную часть Карпатской Украины с важнейшими промышленными центрами и железнодорожными линиями.

Германия, правда, формально сохранила Карпатскую Украину в качестве автономной республики в рамках чехословацкого государства. Сделала она это для того, чтобы, во-первых, создать барьер между Польшей и Венгрией и, во-вторых, иметь коридор, связывающий ее с Румынией. Но оставшаяся в составе Чехословакии Карпатская Украина не имела достаточных коммуникационных (железнодорожных и шоссейных) линий и необходимых экономических баз, лишлась и основных сельскохозяйственных угодий. Как говорил уже упоминавшийся современник событий А. Борканюк, оставили «Карпатской Украине голодающую Верховину». Так Карпатский край был разделен на две части.

Глава вторая

Проблемы Карпатской Украины в политике соседних государств после Мюнхена

Решение итало-германского арбитража явилось первым успехом почти двадцатилетней ревизионистской политики хортистской Венгрии, первым «приращением страны». Однако за этот «успех» венгерскому народу пришлось дорого заплатить. Первый Венский арбитраж означал дальнейшее подчинение Венгрии гитлеровской Германии и, таким образом, был новым шагом по пути к национальной катастрофе.

Однако несмотря на громкие слова благодарности в адрес правителей фашистской Италии и нацистской Германии, венгерские ревизионисты и реваншисты не были удовлетворены его решением. Они рассчитывали получить всю Словакию и всю Карпатскую Украину.

14 ноября 1938 года регент Венгрии Миклош Хорти пригласил к себе германского посланника Отто Эрдманнсдорфа для вручения ему собственной фотографии с автографом по поводу успешного завершения Венского арбитража, но в разговоре с ним заметил, что его тревожит проблема Карпатской Украины. Венгерское правительство якобы штур-

муют просьбами положить конец «невыносимому там положению». В подтверждение своих слов он приводил (между прочим, инспирированные Венгрией) предложения 121 села, оставшегося в Чехословакии, направленные в Ужгород, и выступления бывшего министра Подкарпатской Руси Степана Фенцика, бежавшего в Венгрию.

Он повторял посланнику те надуманные доводы, которые широко распространяла венгерская дипломатия по своим каналам: якобы население Карпатской Украины тесно связано с венгерским рынком и так далее. Он утверждал, что гористая местность Карпатской Украины с ее глубокими разрезами долин с севера на юг будет служить препятствием в предстоящих действиях Германии на Украине «для обуздания большевистской опасности»¹. Во время этой беседы не прозвучало и упоминания об этническом принципе.

Хортистов никогда не покидала мысль восстановить Великую Венгрию. Бывший министр внутренних дел Венгрии Миклош Козма, которому, как уже упо-

миналось, было поручено продолжать организовывать диверсии и провокации в Карпатской Украине и после первого Венского арбитража, в своем дневнике, возражая против выдвинутой гитлеровской Германией идеи решения спорных вопросов по «этнографическому принципу», писал: «Венгрия заинтересована не только в возвращении территорий Чехословакии, населенных венграми, но она нуждается и в Закарпатье, чтобы путем его присоединения установить общую венгеро-польскую границу». Далее Козма высказывал убеждение, что для Венгрии очень большую ценность представляют те земли Закарпатья, на которых венгры не проживают.

Вскоре он и другие хортисты стали осуждать тех, кто согласился с этническим принципом, обвиняя их в отходе от идеологии венгерского реваншизма. В доверительной беседе в Венгерском телеграфном агентстве, которым он руководил, Миклош Козма подчеркивал, что «для нас, руководствующихся идеей святого Иштвана, не склонных отказываться от своей тысячелетней роли в Дунайском бассейне, призванных и способных к руководству другими народами, этот принцип был пагубным». По мнению Козмы, этнический принцип ограничивал аппетиты венгерских реваншистов. «Это не венгерская идея, – утверждал Козма. – Может быть, это немецкая идея, имеющая значение для Германии, поскольку у нее, как у великой державы, есть стремление к проникновению в Дунайский бассейн; кроме того, у нее там громадные экономические интересы. Но это не венгерская концепция, если мы мыслим в духе святого Иштвана, что подразумевает принадлежность

Карпат к Венгрии. В основе сегедской идеи лежало стремление защитить расу. Ее сущность состояла в том, что в настоящем и в будущем цепь Карпатских гор надежно защитит венгров, но это не означает, что она их изолирует»².

Венгерские реваншисты, стремившиеся к установлению господства над другими народами, были явно недовольны результатами работы арбитров в Вене.

Польша и Венгрия и после этого не прекращали действий, направленных на осуществление своих планов уничтожения Карпатской Украины и установления общей польско-венгерской границы. У них возник другой вариант – доказать Германии, выступавшей против польско-венгерского плана, что в неспокойной Карпатской Украине Венгрии следует «навести порядок»³.

Наряду с руководством диверсионных групп Козма не прекращал и свою пропагандистскую работу. Для Берна он подготовил записку на 14 страницах о положении в Карпатской Украине под названием «Русинский вопрос». В этих материалах он утверждал, что из 320 приходских священников, подчиненных греко-католическому епископу Стойке, более 200 посетили его 2–10 ноября 1938 года (то есть в дни оккупации юго-западной части края) и заявили о присоединении к Венгрии. По его словам, остальные сделали бы то же, но не могли приехать из-за отсутствия транспорта или уже были арестованы. В этой записке говорилось, что якобы более 200 «русских» сел направили петиции, «заверенные печатями», с просьбой присоединить их к Венгрии. Но какие именно села сделали это, Козма не уточнял, «оберегая их от чешского террора»⁴.

Там же утверждалось, что все руководящие деятели «русского народа», «за исключением Августина Волошина и ренегата коммуниста-венгра Реваи» (так Козма называл лидера Социал-демократической партии Закарпатья), открыто высказали желание присоединиться к Венгрии. Были названы Степан Фенцик, Михаил Демко, Андрей Бродий, Стойка (то есть платные агенты Будапешта) и другие. По утверждению Козмы, «это движение равноценно плебисциту». И добавил: «Им помогали русины, бежавшие в Венгрию», — то есть упомянутые выше агенты Будапешта.

«Украинская идея, которую Германия поддерживает в Закарпатье, — продолжал Козма, — противоречит *völkisch*», — и излагал провенгерскую концепцию, согласно которой «русины — не украинцы», а особый народ, сформировавшийся под властью венгров («угрорусы»). Он писал: присоединение Подкарпатья к Украине позволило бы проникнуть украинской, а также панславистской идее на Венгерскую низменность, а значит, и далее — в Югославию и Болгарию.

Венгрия, по его мнению, в данном случае хотела бы противостоять как большевистской, так и национальной панславистской идее на хребте Карпат, а не на своей границе. У немецкой политики нет причин возражать против этого желания, ибо в таком случае Венгрия, союзница Германии, будет сильнее. В отношении Румынии Козма считал, что Германия не нуждается в Закарпатье как коридоре, ибо эту задачу лучше и надежнее может выполнять Венгрия. Против большевистской и панславистской идей «будет проводить политику «разделяй и

властуй», поэтому Подкарпатье не нужно присоединять к Украине»⁵.

Козма написал для выступления в Варшаве доклад под названием *Ruszin problémá* («Русская проблема»). В материале для Берна у него есть фраза: «После Бельведера русинская проблема стала европейской проблемой». Выступая в Варшаве, он подчеркнул, что само название доклада неверно, ибо «русская проблема перестала быть проблемой», наверное, и потому, что «для венгерского и русского народа ее никогда не было».

В этом выступлении он по общей установке хортистов утверждал, что русины пришли в Венгрию с севера в XII—XVIII веках. «Русский народ венгры не покоряли, — говорил он, — а он сам, добровольно, переселился под венгерское господство и на такую территорию, которая не способна на хозяйственную самостоятельность». Хотя Подкарпатье и бедный край, но для венгров он годится, для них там есть лес и соль⁶.

Козма пугал поляков и тем, что президент Чехословакии всегда считал Карпатскую Русь «временным русским займом и при первом случае» отдаст ее хозяйину — России.

Накануне и после первого Венского арбитража руководители Венгрии заверяли Юзефа Бека в неизменности своих захватнических планов относительно Карпатской Украины, хотя в протоколе к Венскому соглашению как Чехословакия, так и Венгрия подписали, что признают его «окончательным». И когда 4 ноября венгерский посланник Хори прислал шифrogramму Калману Кане с просьбой срочно ответить, правда ли, что Венгрия остается на своих прежних позициях,

Каня не решился ответить в письменной форме даже своему посланнику, поскольку протокол об окончательном признании границ, подписанный Иоахимом Риббентропом и Галеаццо Чиано, уже распространило «Дойче нахрихтен бюро». Позже этот протокол был опубликован полностью и в Венгрии⁷.

В связи с намерениями хортистов и против воли Германии захватить оставшуюся часть Карпатской Украины даже военным путем в венгерской печати была начата кампания о так называемых коммунистических и антикоммунистических восстаниях в Закарпатье и одновременно организована серия непрекращавшихся провокаций на границах Чехословакии как с венгерской, так и с польской стороны. Венгерские реваншисты и их польские союзники все чаще и чаще открыто требовали присоединения Закарпатской Украины к Венгрии.

Карпатская Украина представляла для Венгрии наряду с экономическим также и стратегический интерес, так как захват этой территории давал ей общую границу с Польшей. Хортистской Венгрии для осуществления агрессивных устремлений против Чехословакии и Румынии выгодно было опереться на Польшу. План венгеро-польского сближения отвечал также и интересам Польши, ибо для нее существование автономной Карпатской Украины по соседству с Восточной Галицией, населенной украинцами, представляло, по выражению польской печати, «смертельную опасность»⁸. Поэтому еще 30 октября, то есть за четыре дня до Венского арбитража, Юзеф Бек, уже знавший о германо-итальянском компромиссе о Карпатской Украине, за-

явил, что «остающаяся часть Закарпатской Украины будет изолированной и экономически совершенно нежизнеспособной; поэтому желательно, чтобы она была присоединена к Венгрии на основе унии»⁹.

Орган венгерского правительства Új Magyarország открыто изложил венгерские планы, заявив, что «нежизнеспособность урезанной Подкарпатской Руси может в один прекрасный день вызвать у ее населения желание форсировать – в качестве суверенной страны – свое присоединение к Венгрии»¹⁰.

Венгерские реваншисты чем дальше, тем больше нагнали. Начались открытые выступления, выражавшие недовольство шовинистических кругов Венским арбитражем. Так, президент союза фронтовиков граф Йозеф Такач-Толваи на митинге 9 ноября 1938 года, комментируя решение арбитража, заявил: «Мы не должны вводить Европу в заблуждение тем, что Венгрия получила обратно несколько венгерских городов, наш счет с остальной Европой еще далеко не сведен. Страна до сих пор не имеет общей польско-венгерской границы и не получила древнюю венгерскую крепость Братиславу»¹¹.

Реваншистскую политику хортистов поддерживали и лидеры оппозиционных партий. Руководитель Партии мелких сельских хозяев 10 ноября 1938 года, выступая в парламенте, заявил: «Венгерское государство должно иметь общую границу с Польшей. Нынешнее решение вопроса лишь временное. Он будет решен окончательно только тогда, когда Подкарпатье станет автономной провинцией Венгрии»¹².

Венгерские шовинисты пытались научно обосновать право хортистской Венгрии на захват Карпатской Украины. В докладе в национальном клубе член парламента Йозеф Иллеш доказывал, что немецкое господство над славянской землей – Восточной Пруссией дает право венграм на владение Карпатской Украиной. Одновременно Иллеш пытался убедить Запад, что проблема Карпатской Украины является общеевропейской, что, захватив ее, хортисты будут охранять Европу от проникновения идей большевизма с Востока. Он заявил: «Русинская земля есть ключ Востока, ворота Востока... через которые проходили не только воинствующие восточные народы, но и восточные идеи... На протяжении всей истории Венгрия охраняла западноевропейскую культуру от влияния с Востока. Теперь тем более это необходимо, когда отсюда исходит угроза идеи большевизма. Поэтому русинский вопрос есть общеевропейский вопрос»¹³.

Руководители венгерского государства, зная о планах Гитлера в отношении Словакии, рассчитывали добиться захвата Карпатской Украины с помощью фашистской Италии. Италиянцы благосклонно смотрели на создание совместной венгеро-польской границы, временами даже обещали помочь Венгрии авиацией. Такая позиция Италии определялась тем, что она не желала укрепления Германии в Юго-Восточной Европе, пыталась создать так называемую горизонтальную ось Рим – Белград – Будапешт – Варшава. Об этом писал в отчете за 1938 год венгерский посланник в Риме Виллани¹⁴.

А он был в курсе дела. Галеаццо Чиано говорил ему еще в феврале 1938 года:

«Италия не может отказаться от дружбы с Германией, но ее можно гарантировать и упрочить лишь в том случае, если Италия и близкие к ней государства объединятся в горизонтальной оси, противостоящей мощной экспансии Германии». По его мнению, горизонтальная ось из Рима должна вести через Белград и Будапешт до Варшавы. Он подчеркнул, что после раздела Чехословакии Венгрия «получит общую границу с Польшей»¹⁵.

Для осуществления этих планов Виллани сразу же после Венского арбитража начал вести переговоры с Чиано. Однако, как выяснилось, позиция Чиано в венгерском вопросе резко изменилась.

Еще 6 октября 1938 года состоялось совещание под председательством регента Хорти, на котором были выработаны общие директивы в отношении оккупации Подкарпатья. Участники встречи единым фронтом выступили против «этнографического» принципа, считая приемлемыми только экономические и исторические принципы. Но поскольку Венский арбитраж не удовлетворил пожелания венгерской стороны полностью, а, руководствуясь мюнхенским решением, присоединил к Венгрии в основном только земли, на которых проживали венгры, то с самого начала ноября 1938 года хортисты усилили подготовку для молниеносного захвата Карпатской Украины вооруженным путем, стремясь «поставить мир перед свершившимся фактом». Ведь раньше и Италия настойчиво рекомендовала Венгрии такой метод.

10 ноября Виллани просил указание от Кани, может ли он информировать Чиано о планируемой военной акции в

Карпатской Украине. По мнению посланника, итальянцев нельзя поставить перед свершившимся фактом, хотя и в последнюю минуту, но им нужно сообщить заранее. Каня ответил, что об этом плане Чиано можно сообщить так: возможно, кто-нибудь со стороны карпато-украинского правительства попросит ввести венгерские войска¹⁶.

В ходе очередной беседы Чиано с Виллани министр иностранных дел Италии решительно протестовал против ввода венгерских войск в Закарпатье. Гитлер был недоволен и Венским арбитражем. Ему известно, что канцлер рассматривает Карпатскую Украину как собственную территорию. В Риме рекомендовали ни в коем случае не пытаться захватить Карпатскую Украину. Может быть, через несколько месяцев откроется такая возможность. Чиано сообщил, что и Муссолини придерживается такого же мнения.

На следующий день Виллани вдогонку и в «дополнение» к той телеграмме направил донесение, в котором между прочим говорилось: сейчас здесь советуют, хотя бы временно, воздержаться от любого шага, который вызвал бы плохое впечатление в Берлине. Еще 14 октября, когда Италии пришлось отказаться от созыва конференции четырех, «Чиано при мне сказал Чаки, что венгры окончательно потеряли Зеленые Карпаты». В этих условиях Италия не только не сможет поддержать Венгрию, подчеркнул Чиано, но если этого потребует имперское правительство, «Италия вынуждена будет идти вместе с ним против Венгрии».

Чиано, как и прежде, рекомендовал Венгрии строить свою политику в направлении более тесного сотрудничества

с осью, но «стоять ближе к Риму, чем Берлину»¹⁷.

Но поскольку Венский арбитраж не полностью удовлетворил венгерские притязания, премьер Бела Имреди и министр иностранных дел Калман Каня решили продолжить борьбу за установление общей польско-венгерской границы, но другими методами. Они полагали, что прежде всего нужно завоевать благосклонность нацистской Германии. Но это для венгерской дипломатии была трудная, а в условиях первой половины ноября 1938-го и вовсе невыполнимая задача. Гитлер не отказывался от плана полного расчленения Чехословакии, а если возможно, то и ее полного захвата. Как свидетельствуют директивы, отданные им еще 21 октября 1938 года вермахту о подготовке конкретных мероприятий для оккупации Чехословакии, он в то время не рассчитывал на дележ с кем-нибудь намеченной им жертвы.

Кроме того, Гитлеру не нравилось, что Венгрия настойчиво добивалась осуществления своих планов в союзе с Польшей, на которую у него уже тоже имелись свои виды. Он не хотел укреплять позицию Польши и не скрывал этого от Венгрии. По дипломатическим каналам немцы дали понять хортистам, что не одобряют их тесных связей с поляками, и намекали, что только на службе у Германии Венгрия сможет «наращивать» свою территорию, причем это будет достигнуто тогда, когда Венгрия вместе с Германией станет серьезной базой «в борьбе с большевизмом». Конечной целью этой борьбы будет захват «русских источников сырья», ибо «Германия очень хорошо понимает, что решение проблемы герман-

ских колоний может быть найдено не за морями, а в России»¹⁸.

Но несмотря на предостережения Германии и «утечки» информации, сотрудничество Венгрии и Польши в вопросе захвата Карпатской Украины продолжалось.

Об отрицательной позиции Берлина в отношении требований Венгрии на установление общей польско-венгерской границы постоянно писали такие швейцарские газеты, как *Basler Nachrichten*, *Journal de Genève*¹⁹. А *Berner Tagblatt* писала: «Гитлер через Закарпатье хочет держать свободный путь для своей армии в направлении Востока»²⁰. В другой швейцарской газете высказывалась мысль об автономной Карпатоукраинской республике «как Пьемонте будущей Великой Украины»²¹.

В том же номере газеты помещено «сообщение из Берлина» о полной победе немецкой позиции, об ограничении слишком далеко идущих замыслов Венгрии и о тяжелом дипломатическом поражении Юзефа Бека. В той же газете еще до венгерских нот чехословацкому правительству было напечатано разоблачение: за призывами Венгрии к самоопределению скрывается ревизионистская тенденция.

Католическая *Neue Zürcher Nachrichten* 4 ноября в статье, посвященной Венскому арбитражу, подчеркивала, что пронаемецкие круги в Венгрии так же разочаровались в Германии, как в свое время Михай Каройи в англофильстве.

Другая газета, останавливаясь на германо-итальянских противоречиях, писала: «По замыслу Розенберга — Риббентропа, Венгрия не получила бы Ужгород и Мукачево, но Гитлер принял сторону

Геринга — Нейрата, то есть решил сделать восточный плацдарм более широким за счет всей Венгрии»²².

В этой ситуации хортисты пытались изменить позицию Германии, но та пока оставалась жесткой. Венгерский военный атташе Ласло Сабо, по итальянским источникам из Рима, сообщал: Германия в венгерских требованиях видит препятствие своим планам «Дранг нах Остен». По его мнению, жизненной целью Германии является создание через Карпатскую Украину такого коридора, который позволил бы, во-первых, освободить Украину, могущую быть кладовой Германии и базой против России, и, во-вторых, открыл бы путь, ведущий к румынской нефти и сырью.

Зная позицию гитлеровской Германии, Калман Каня решил действовать по отношению к ней в примиренческом духе. В таком ключе министр иностранных дел 15 ноября направил послания своим представителям в Берлине и Риме. В них указывалось, что основой внешней политики Венгрии с момента образования оси Берлин — Рим была опора на нее, со времени Венского арбитража ставшая еще более твердой. Для углубления отношений Венгрии с Италией и Германией министр предложил посланникам проявить инициативу относительно переговоров по политическим и экономическим вопросам.

Что касается политических вопросов, то венгерское правительство имело в виду прежде всего борьбу против большевизма, утверждая, что Венгрия никогда не уклонялась от борьбы с коммунизмом и не шла ни на какие компромиссы или соглашения с большевизмом. «Анти-

большевистская настроенность двух стран оси встречала» у Венгрии понимание и одобрение, и поэтому, если страны оси на этом настаивают, хортисты готовы присоединиться к антикоминтерновскому пакту. «Мы готовы углубить... отношения и в области экономического сотрудничества»²³.

МИД Венгрии не покидала мысль использовать Италию как рычаг давления на Германию. 10 ноября 1938 года Виллани предлагал своему правительству начать военную интервенцию против Карпатской Украины, используя события в Финляндии²⁴.

В ответ Кая дал указание Виллани настаивать на интервенции, мотивируя тем, что на стороне присоединения Закарпатья как греко-католический епископ, так и якобы все духовенство²⁵. Однако Италия не могла санкционировать реализацию планов хортистов, зная, что Германия рекомендовала Венгрии воздержаться от акций против Чехословакии.

Хортисты не прекращали зондаж Адольфа Гитлера, стремясь заручиться хотя бы его заявлением о незаинтересованности Германии в этом вопросе. Об этом свидетельствует и письмо Калмана Дарани, написанное с ведома премьера Белы Имреди с готовностью выполнить обещания, данные им в ходе беседы с Гитлером 14 октября, да и длительные беседы Миклоша Хорти с посланником Германии Отто Эрдманнсдорфом с целью убедить фюрера в согласии на захват Венгрией оставшейся части Карпатской Украины²⁶.

А между тем Венгрия продолжала военные приготовления. Был мобилизован и сосредоточен вдоль границы 6-й вен-

герский корпус. Одновременно Венгрия совместно с Польшей подвергла Карпатскую Украину экономической блокаде, нарушив телеграфную, телефонную, почтовую связь, изолируя ее от внешнего мира. Хортисты рассчитывали при помощи диверсий разрушить мосты и привести в негодность шоссевые дороги. Продолжалась заброска через границу в Карпатскую Украину венгерских и польских диверсантов, которые терроризировали местное население.

В архивах МИДа хранятся такие документы. В телеграмме военного атташе Белы Лендьела из Варшавы начальнику Генерального штаба Венгрии сообщалось, что отряды «польских добровольцев» ночью 14 ноября продвигались в направлении Воловое – Синевир. Усиленная пропаганда начнется 15-го в долине Турьи. До тех пор пока польские добровольцы по линии Великий Березный – Верецки – Воловое натываются на регулярные войска, действуют отдельные группы, развернувшие акции в направлении поселка Верецки. На марше один батальон из Свалявы. Чешские разведчики раскрыли польских добровольцев, огласка чего доставила неприятности в Варшаве²⁷. Все это – по данным польского Генштаба.

На следующий день тот же источник доносил, что отряды польских добровольцев продвигаются в направлении Великого Березного. У Верецки чехи свой батальон усилили артиллерией. Поляки держат в готовности на границе семь отдельных рот, в каждой по 70 человек. Кроме того, по Закарпатью продвигаются отдельные группы диверсантов (150 человек), имеющие конкретные задачи.

Венгерский посланник Хори 18 ноября шифрограммой сообщал Кане: совершенно тайно создан отряд польских повстанцев, насчитывавший более тысячи бойцов. В ближайшие дни 20 человек из него будет отправлено для осуществления акции в направлении Ужгорода, и он просил оповестить об этом венгерские отряды. Пароль — «генерал Бем». Надо, чтобы об этом не узнал польский военный атташе в Будапеште.

В тот же день венгерский военный атташе сообщал: у Торуни (долина реки Рика) погибло шесть польских диверсантов, за которых организаторы обещают отомстить в ближайшие дни²⁸.

Еще шла оккупация переданных Венгрии юго-западных районов Закарпатья, а польский МИД по дипломатическим каналам подталкивал венгерское правительство воспользоваться замешательством и хаосом в Чехословацкой республике и захватить всю Карпатскую Украину. Так, начальник политического отдела польского МИДа Тадеуш Кобылянский поучал, что «цели можно достичь только быстрыми действиями», которые нужно начать сразу после 10 ноября, а позже это будет уже невозможно²⁹.

8 ноября министр иностранных дел Польши Бек вызвал к себе для переговоров венгерского посланника Хори и начал беседу с констатацией того, что Польша уже месяцами выступает в защиту венгерского дела (то есть за установление общей венгеро-польской границы), причем не только дипломатическим путем, весь польский народ поддерживает его. Бек сейчас хотел бы знать, что Венгрия намерена предпринять после 10 ноября. Министр иностранных дел Польши не хочет оказывать давле-

ние на венгерское правительство, но из-за существующих между двумя странами отношений, тесной кооперации и его искренней дружбы к Венгрии чувствует себя вправе просить конкретного ответа на поставленный вопрос. Это нужно и для того, чтобы согласовать с ним политику Польши, определить дипломатическую работу, свое поведение. Сначала он заявил: каким бы ни было решение венгерского правительства в вопросе Русинска, он склонится перед ним. Но и венгерское правительство должно понять, что «нам в этом вопросе нужна ясность».

Бек предложил несколько вариантов дальнейших действий. Например, в Чехословакии сейчас суматоха и неразбериха не только в Карпатской Украине, но и по всей стране. И Венгрия, используя эту ситуацию, быстро может решить весь вопрос сразу. Вторая возможность: одновременно развернуть сильную пропаганду и проведение меньшей, но систематической диверсионной работы. Но смысл она будет иметь только в том случае, если затем последует сильнейшая акция. Если же Венгрия считает возможным отложить акцию на более поздний период, то может вступить в силу обещание гарантии границ Чехословакии, внутри страны может начаться консолидация и так далее, что может потребовать больших жертв и свести к минимуму возможность осуществления венгерского плана вообще³⁰.

Получив шифрограмму Хори о ходе переговоров, Каня (к этому времени он уже знал, что его агент в правительстве Подкарпатской Руси, Бродий, сидит в пражской тюрьме, а новое правительство во главе с Волошиным в те дни эвакуировалось из Ужгорода в новую столицу

Хуст) послал 9 ноября ему телеграмму. В ней он писал: «Не исключено, что сегодняшнее русинское правительство — после оккупации Ужгорода и Мукачева — попросит ввести венгерские войска для поддержания порядка на оставшейся территории... В таком случае венгерское правительство готово послать туда войска для поддержания порядка и подавить возможное сопротивление»³¹. А если нет, тогда продолжится совместная с Польшей диверсионная деятельность. Ввод венгерских войска в Карпатскую Украину в случае их приглашения предполагает участие и польских войска, ибо война может перекинуться за пределы Закарпатья.

Бек, ознакомившись с этой телеграммой Кани, отметил: вопрос об участии польских войска в акции в Закарпатье возникал еще в начале октября, в дни пребывания Чаки в Варшаве, но он уже тогда заявил: нет такой политической причины, которой можно бы приемлемо обосновать применение армии Польши. В ходе беседы Хори объяснял необходимость, с точки зрения венгров, общей венгеро-польской границы следующим: Венгрия сможет проводить самостоятельную внешнюю политику только при опоре на такую державу, с которой у нее не может быть противоречий, которая никогда не захотела бы расширяться за счет Венгрии. Без этого Венгрия в своей политике рано или поздно вынуждена будет приспособливаться к политике Германии или избрать балканскую ориентацию. По мнению Хори, совместное выступление Венгрии и Польши могло бы создать «чистое положение», и тогда, «владея ею» (то есть Карпатской Украиной), мы «могли бы определять условия».

Хори полагал, что его переговоры с Юзефом Беком шли успешно, но в тот же день, 9 ноября, венгерский военный атташе в Варшаве Бела Лендьел передал польскому начальнику Генштаба Вацлаву Стахевичу предложение венгерского Генштаба бросить в бой четыре польских корпуса, «что вызвало здесь большое удивление», по словам Хори. В полночь венгерского посланника вызвал к себе начальник кабинета Бека Михал Любенский и зачитал ему директивы, предназначенные для польского посланника в Будапеште Леона Орловского, в которых указывалось, что Польша считает пожелания Венгрии невыполнимыми. В этой ситуации Хори попросил немедленного приема у Бека. Министр разъяснил, что пожелания венгерского Генштаба нельзя удовлетворить уже хотя бы из-за невозможности тайно и быстро мобилизовать указанные корпуса. Эта просьба вызвала удивление и потому, что венгерское правительство, прежде считавшее возможным достижение своих целей дипломатическим путем, не предъявляя своих требований на Карпатскую Украину, вдруг требует использовать военную силу Польши по всему фронту.

По мнению Бека, использование военной силы Польши больше повредило бы делу, чем принесло пользы. И все же Польша будет усиливать диверсионную деятельность в Закарпатье. Бек хотел бы знать, какие конкретные дипломатические шаги намерена предпринять Венгрия, чтобы помочь ей в этом. Польша постарается сдержать Румынию, если дело дойдет до вооруженного конфликта с Чехословакией³².

Получив шифrogramму об этих событиях, Каня просил 10 ноября Хори сообщить Беку: если правительство Карпатской Украины попросит, чтобы венгерские войска вошли на ее территорию, мы удовлетворим эту просьбу, несмотря на то что польское правительство не считает возможным со своей стороны участие отрядов регулярной армии в Карпатской Украине.

Для сведения Хори Каня добавил: венгерский Генштаб просил поддержки четырех польских корпусов лишь в том случае, если контрнаступление чехословацкой армии не ограничилось бы Закарпатьем, а в Карпатской Украине венгерскому Генштабу требуется помощь только одного корпуса³³.

Бек не очень-то поверил Кане, ибо в беседе с Хори 11 ноября вновь спросил, действительно ли планируется ввод регулярных войск. Хори дал положительный ответ.

После этого в течение нескольких дней Будапешт получал из Варшавы только сведения о состоянии и действиях польских диверсионных групп, о которых уже упоминалось выше.

17 ноября 1938 года Каня поручил Хори сообщить Беку, что новое венгерское правительство (Имреди 15 ноября подал в отставку, но на следующий день Хорти поручил ему образовать новое правительство) будет проводить ту же внешнюю политику, и в дальнейшем особое внимание будет уделяться тесному братскому сотрудничеству с Польшей³⁴.

Имреди и Каня прилагали невероятные усилия и прибегали к разным средствам, пытаясь найти сколько-нибудь известных политических деятелей (после

провала Автономного земледельческого союза и Русской национальной автономной партии) в Закарпатье, которые написали бы сами или озвучили подготовленную петицию с просьбой о венгерском вмешательстве или оккупации Карпатской Украины.

К 18 ноября 1938 года венгерское правительство сочло подготовку к захвату Карпатской Украины насильственным путем завершённой. В тот же день вечером проходило его чрезвычайное заседание в Будапеште, на котором обсуждалась проблема Карпатской Украины. Оно было объявлено секретным, и протокол заседания не велся. О его ходе есть запись в дневнике Миклоша Козмы. На заседании приняли решение, согласно которому венгерские войска на рассвете 20-го начнут наступление с целью захвата Карпатской Украины³⁵.

Командовать военными операциями было поручено офицеру Генштаба венгерской армии Шандору Хомлоку, а политическим руководителем был назначен Миклош Козма. В те дни на границе развернулась лихорадочная деятельность, о чем писал в своем дневнике Козма, метавшийся по несколько раз в день по всей границе с Карпатской Украиной. Козма принадлежал к тем крайне правым «ястребам» и авантюристам, которые ради осуществления своих планов захвата Карпатской Украины готовы были развязать любую войну. Он обрадовался приказу о выступлении. И когда венгерское правительство под нажимом Германии и Италии вынуждено было отдать распоряжение приостановить подготовку наступления, Козма назвал его «катастрофическим»³⁶.

По мнению Германии, Чехословакия могла оказать сопротивление, а немцы были не в состоянии оказать венграм помощь (германская армия находилась в стадии демобилизации) и поэтому «посоветовали» хортистам отказаться от каких-либо акций из-за непредсказуемости их исхода.

В этой связи второй статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вёрман поручил заявить министру иностранных дел Кане, что «германское правительство возражает против явно надуманной акции в Карпатской Украине. По донесениям, которыми располагает германское правительство, Чехословакия не потерпела бы такую акцию. Если бы венгерская акция вызвала трудности, то Германия не могла бы помочь Венгрии»³⁷.

В связи с такой позицией Германии хортисты вновь попытались заручиться поддержкой Италии. На секретном заседании правительства 18 ноября были зачитаны шифрограммы посланника в Риме Виллани, согласно которым Италия также не советовала «решение русинского вопроса» проводить запланированным венграм путем. В такой ситуации венгерское правительство решило пойти на явный дипломатический обман.

Согласно записи начальника У1/2 отдела контрразведки Генштаба Венгрии Иштвана Уйсаси, в 22 часа 18 ноября 1938 года он посетил находившегося в то время в больнице в Будапеште военного атташе в Риме подполковника Ласло Сабо и вручил ему текст следующего содержания: «Ссылаясь на те сообщения, которые итальянское правительство передало Виллани», ему следует немедленно

попросить аудиенции у Бенито Муссолини и сообщить, что венгерская армия, в оснащение которой вложил столько усилий сам дуче, потеряла бы боеспособность и силу духа, если бы «была вынуждена пассивно наблюдать за развитием судьбы русской земли», и «выразить надежду, что Муссолини проявит понимание этого положения»³⁸.

Иштван Уйсаси проинформировал Ласло Сабо, что польская армия проведет лишь демонстрацию на границе и активно поможет «только засылкой банд»; немцы не противятся, но и не советуют проводить акции и предупреждают, что чехи окажут сопротивление; румыны, по заверению поляков, не вмешаются. По сообщению Уйсаси, план военных действий состоял в следующем: у Кошице оборону занимает седьмой корпус, из окрестностей Ужгорода и Мукачева наступает шестой корпус. Он указал состав седьмого корпуса (какие дивизии, полки и сколько батальонов)³⁹. По его оценке, военные действия должны завершиться успехом.

19 ноября 1938 года Сабо вылетел в Рим, в 18.10 был принят Муссолини и сообщил ему о решении правительства, проинформировал о последних событиях в Закарпатье, замыслах правительства и от его имени попросил дуче поддержать планы Венгрии. Кроме моральной он говорил и о материальной поддержке, то есть о 100 истребителях для защиты Будапешта и промышленных районов. Сабо мотивировал просьбу венгерского правительства тем, что захват Карпатской Украины «помог бы консолидировать и стабилизировать внутривосточное положение»⁴⁰.

Визит Сабо к Муссолини длился 50 минут, и львиную долю времени Сабо использовал для попытки убедить дуче, что будто бы большинство населения Карпатской Украины желает присоединиться к Венгрии. Он утверждал, что немцы венгерские планы не поддерживают, но якобы и не возражают, только озабочены возможным сопротивлением чехов, «следовательно, не сказали ни да, ни нет». Он обрисовал Муссолини и позицию других соседей Венгрии — Польши, Румынии, Чехословакии.

После выступления военного атташе около 15 минут говорил дуче; о содержании его речи Сабо сделал запись, на основе которой в 19.20 передал по телефону небольшое сообщение полковнику Рудольфу Андорке в Будапешт: «Со стороны Италии — да, но только в том случае, если Германия не сделает замечание против. Сто истребителей дает. Действительно, это правда — то, что сказали в Пеште, будто Германия не возражает?» Ответ Андорки: «Правда, более того, сегодня в полдень это еще и подтвердили».

Это сообщение Андорка доложил правительству, а в 20.15 проинформировал по телефону Сабо о решении совета министров. Военный атташе в Риме в 21.30 передал Муссолини памятную записку, в которой по поручению правительства общал: немцы на вопрос венгров заявили, что они смотрели бы на венгерскую акцию против Карпатской Украины с опасением, ибо немецкая армия в данный момент находится в состоянии демобилизации и в таких обстоятельствах в случае необходимости не могла бы оказать Венгрии вооруженную помощь. В этих словах немецкой стороны мы не видим возра-

жений, а только озабоченность Германии за судьбу Венгрии. Венгрия выражает Муссолини благодарность за моральную и материальную помощь и извещает его о решении начать военную акцию 20 ноября⁴¹.

В 22 часа Муссолини сообщил Сабо: «Памятную записку я получил. Она ясна, я уже отдаю распоряжение отправить на рассвете 20-го сто самолетов», — и пожелал счастья в проведении акции. Через 20 минут Сабо уведомил об этом Андорку. К полуночи был подготовлен и передан в Будапешт ответ о переговорах с дуче. В нем подчеркивалось, что в Вене Италия с самого начала выступала за плебисцит в Карпатской Украине, но из-за пропаганды демократических государств, будто венгры хотят приостановить продвижение немцев на восток, Муссолини вынужден был отступить. Сабо отмечал: Муссолини по отношению к немцам хочет «остаться абсолютно лояльным». Против них он не сделает ни одного шага — «пока друг, то верен». Это известно и Германии. И если Германия возражает против акции, «то и он будет возражать». «Ось компрометировать нельзя. Ключ от положения в Берлине». Завтра дуче спросит Риббентропа о мнении Германии. «Если он согласится на акцию, дуче будет очень рад».

Муссолини рекомендовал отдать Румынии земли, населенные румынами, в Южном Закарпатье. Сабо спросил у Муссолини: «Если немцы сообщили бы нам, что они не возражают против военной акции, мы можем начинать?» Ответ: «Если немцы не возражают, да!»⁴²

Получив поддержку Муссолини, хористы в тот же день сообщили германско-

му посланнику в Будапеште, что от акции против Карпатской Украины отказаться не могут. Причем Каня еще 19-го заявил германскому посланнику, что он признает границу, установленную Венским арбитражем, но теперь «создалось новое положение»: есть заявление решающего большинства населения Карпатской Украины о желании присоединиться к Венгрии. «В результате карпато-украинский вопрос стал национальным делом венгерского народа»⁴³.

В венгерском правительстве считали, что для оправдания их действий достаточно будет организовать публикацию «приглашения» Русинского национального совета (между прочим, в Карпатской Украине в то время такого вообще не существовало. Все партии и организации, кроме УНО, были распущены). К этому делу были привлечены руководители провенгерских партий, перебравшиеся на территорию, оккупированную Венгрией по первому Венскому арбитражу.

20 ноября 1938 года *Magyar Nemzet* уже опубликовала материал, подготовленный МИДом Венгрии совместно с Миклошем Козмой, с «приглашением»: «Хустский рутенский национальный совет просит наших хонведов (венгерские войска. — А. Л.) навести порядок в Закарпатье»⁴⁴. В статье содержалась вся дезинформация, которой в те дни оперировал в дипломатической переписке министр иностранных дел Венгрии Калман Каня (в частности, о петициях целых сел, будто бы просящихся в состав Венгрии, о якобы невыносимом чешском и украинском терроре). Эта статья была опубликована в тот же день также и в газете *Felvidéki Magyar Hírlap*, по мнению Коз-

мы, преждевременно, ибо именно тогда Германия и Италия запретили оккупацию Карпатской Украины.

Произошло это так. Вечером 20 ноября Галеаццо Чиано позвонил Иоахиму Риббентропу, рассказал о намерениях венгерского правительства и запросил Берлин о разрешении на перелет 100 итальянских истребителей в Венгрию через австрийскую территорию. Риббентроп разгневался на итальянцев и заявил, что «Германия никакого согласия венгерскому правительству» не давала, а наоборот, советовала Венгрии воздержаться от намеченной акции. Кроме того, посол Италии в Берлине Бернардо Аттолико обратился к Риббентропу от имени Бенито Муссолини, которого Ласло Сабо информировал о предстоящем нападении Венгрии на Карпатскую Украину⁴⁵.

Иоахим Риббентроп немедленно поручил посланнику в Будапеште Отто Эрдманнсдорфу передать Калману Кане, что он узнал от итальянского правительства о намерении венгров начать в воскресенье, 20 ноября, военную акцию с целью оккупации Карпатской Украины, что находится в вопиющем противоречии с их заявлениями имперскому правительству. Имел он в виду заверения Кани Эрдманнсдорфу 19 ноября и Деме Стояи в МИДе Германии 18 ноября о том, что насильственные меры против Карпатской Украины не будут предприниматься без согласия германского правительства. Указывалось и на демарш (от 19 ноября) венгерскому правительству (переданный Эрдманнсдорфом), в котором германское правительство не одобряло применение силы против Карпатской Украины. Венгерское правительст-

во, «видимо, по недоразумению», информировало итальянское, будто Германия не возражала против акции в Карпатской Украине с применением силы, а «лишь пожелало выразить опасения по поводу положения Венгрии».

Во избежание всякого недоразумения германское правительство поручило своему посланнику немедленно вручить Кане ноту, в которой выразило не только недовольство действиями Венгрии, но и официальный протест. В ней указывалось, что нападение на Карпатскую Украину означало бы нарушение решений Венского арбитража и тем самым нанесло бы ущерб авторитету двух держав-арбитров. Кроме того, Германия напомнила о возможном вооруженном сопротивлении чехословацкой армии, в случае чего Венгрия попадет в критическое положение, а Германия в настоящее время лишена возможности оказать ей помощь в какой-либо форме⁴⁶.

Эта нота была передана в Будапеште 21 ноября. В полдень в тот же день Чиано пригласил к себе венгерского посланника Виллани и военного атташе Сабо и зачитал им германскую ноту протеста. Ссылаясь на нее, Чиано выразил удивление, на чем основывалось венгерское правительство, сообщая в Рим через военного атташе о якобы имеющемся согласии немцев на военную акцию в Карпатской Украине. Виллани спросил Чиано: если акция со стороны Венгрии будет приостановлена, можно ли сделать так, чтобы Италия воздержалась от передачи ноты, аналогичной германской? Чиано с сожалением сообщил, что уже дал обещание Риббентропу и вынужден ее послать⁴⁷. Нота была отправлена.

Однако Чиано больше беспокоило другое. Вечером 19 ноября он говорил Виллани: если немцы согласны, то ему все равно – пусть венгры и Прагу занимают. Теперь итальянский министр просил венгерских гостей оправдать Муссолини, доказать полную его лояльность немцам, чтобы гитлеровцы не подумали, будто он за их спиной сговаривался с венграми.

Сабо пообещал и подготовил для Чиано нужные для этого документы. В 19 часов 21 ноября Чиано вновь вызвал к себе Сабо и по поручению Муссолини поблагодарил его за верную передачу беседы в телеграмме, посланной в Будапешт. Получив ее, немцы увидят полную лояльность дуче к гитлеровцам⁴⁸.

Поручая передать Кане вышеупомянутую ноту протеста Германии, Риббентроп просил Эрдманнсдорфа устно напомнить, что Чиано в ходе трех бесед (11, 18 и 19 ноября) строго предупреждал Венгрию не нападать на Чехословакию из-за Карпатской Украины. Дословно Чиано сказал следующее: «В этом деле у Италии прямых интересов нет. После венского арбитражного решения вы не можете рассчитывать на поддержку такого рода акции, и добавляю, если Берлин сделает какой-либо шаг, указывающий вам на необходимость гарантий арбитражного решения, то мы присоединимся к Берлину»⁴⁹.

Но Каня не успокаивался. 21 ноября в 16 часов он направил Стояи шифрограмму в Берлин со своей интерпретацией понимания всего дела (немцы только опасались за Венгрию, Италия полностью Венгрии симпатизировала, все венгры, не смотря на партийную принадлежность,

считают акцию своим национальным делом) и сообщением, что когда было отклонено предложение Венгрии о проведении плебисцита в Карпатской Украине, ей якобы не оставалось ничего другого, как провести военную акцию.

Деме Стояи вечером того же дня передал послание Калмана Кани Иоахиму Риббентропу и в ночь на 22 ноября отправил в Будапешт шифротелеграмму, в которой для Кани не было ничего утешительного. На вопрос Кани, не сможет ли Риббентроп пересмотреть свою точку зрения, тот подтвердил позицию Германии, изложенную в ноте протеста, подержанной Италией.

Нажим Германии отрезвил хортистов. Как писал венгерский посланник в Риме Виллани, «совместный протест двух дружественных великих держав означает, что мы временно оказались в изоляции»⁵⁰.

В этих условиях венгерское правительство вынуждено было отменить во-

енную интервенцию. Неудача этой авантюры вызвала большое замешательство в ревизионистских кругах Венгрии. Чтобы добиться благосклонности фашистских покровителей, хортисты решили проводить политику, которая в еще большей мере привязывала судьбу Венгрии к оси Берлин – Рим. Эту политику особенно рьяно проводил известный своей прогерманской ориентацией граф Иштван Чаки, вновь назначенный министром иностранных дел 10 декабря 1938 года после отставки 28 ноября Калмана Кани.

22 ноября 1938 года в Венгрии разразился внутривластный кризис, затянувшийся на целую неделю, до образования третьего правительства Белы Имреди. Миклош Хорти надеялся обеспечить большинство в парламенте при помощи приглашенных депутатов (без выборов) из вновь присоединенных к Венгрии территорий.

Глава третья

Карпатская Украина

Что происходило накануне и в первые дни после Венского арбитража в бывшей столице Закарпатья? Непосредственно перед оккупацией Ужгорода венгерскими войсками там был образован Венгерский национальный совет во главе с депутатом чехословацкого парламента Эндре Корлатом. Руководители и отдельные члены совета стали советниками военного командования и помогали в управлении администрации. Через неделю начальник полиции города написал министру внутренних дел донесение о политическом положении в городе, которое через него попало на стол премьер-министра.

В нем отражена (хотя и не по всем вопросам) довольно реальная картина. В частности отмечалось, что русины частично были объединены в партии. Среди них Автономный земледельческий союз Ивана Куртяка, вожди которого — депутат чехословацкого парламента Андрей Бродий (сидит в пражской тюрьме) и Юлий Фелдеш — сенатор. И Объединенная венгерская партия, и партия Куртяка действовали и проводили оппозиционную политику под руководством

венгерского правительства, в то время как Русская национальная автономная партия Степана Фенцика находилась под руководством польского правительства, чтобы парализовать деятельность украинской ирреденты, направленной на восстановление Соборной Украины и за счет Польши.

С этой целью Фенцик организовал террористические отряды под названием чернорубашечников, которые на территории, перешедшей к Венгрии по первому Венскому арбитражу, действовали свободно. В последнее время они на стороне венгров «участвовали в избиении украинских демонстраций», а после перехода Ужгорода к Венгрии приняли активное участие на стороне польского консула в поддержку Польши. Однако содержание отряда «черных рубашек» обходится дорого, и польское правительство намерено отнять у них помощь, поскольку здесь, на венгерской земле, они уже не могут выполнять первоначально отводившуюся им роль.

Подрывные элементы, по мнению начальника полиции, сосредоточены в со-

циал-демократической и коммунистической партиях. С роспуском партий их организационные структуры упразднены, но члены партий остались. Хотя обе эти партии были украинского направления и стремились к воссоединению Подкарпатя с Украиной, они отличались от украинских партий, в которых действовали и украинские эмигранты. Последние ставили своей задачей восстановить большую Украину на буржуазной основе и с этой целью якобы использовали помощь Германии, коммунисты хотят этого достичь на основе советского большевизма.

Следовательно, делает вывод полицейский начальник, для закарпатских венгров самыми опасными были коммунистическое и украинское движения. Украинское движение поддерживали несколько ужгородских и окрестных греко-католических попов, много учителей. К этому лагерю принадлежали ученики учительской греко-католической семинарии в Ужгороде, несколько профессоров духовной семинарии, бывший директор женского педагогического училища и значительная часть его воспитанников и очень многие из монахов и монахинь монастыря имени Василиян¹.

Теперь русинами руководят, читаем в названном донесении, бывший сенатор, владелец Ужгородской типографии Юлий Фёлдеш и учитель – секретарь депутата Андрея Бродия Э. Маринич. В действительности самую большую активность после Венского арбитража проявлял Степан Фенцик. В письме, адресованном Эндре Корлату, председателю Венгерского национального совета, он писал: «Мы основали местный русский Национальный совет, членами которого явля-

ются Фенцик – вождь карпаторусских националистов и председатель общества имени Духновича, Й. Каминский – председатель Центральной русской народной рады, Ю. Фелдеший – представитель русского автономного земледельческого союза, Г. Шпак – представитель журналистов и молодежи Автономного земледельческого союза, В. Чепинец и А. Шпеник – представители русской молодежи, Ю. Марина и каноник А. Ильницкий – представители русского духовенства, Г. Чопей – представитель русских юристов»². Фенцик также сообщал о своем намерении выехать в Будапешт и в государства оси Рим – Берлин, чтобы вести переговоры в качестве законного представителя и министра карпаторусского народа.

Хортисты в те дни делали ставку на Степана Фенцика, платного агента нескольких разведок и иностранных правительств, бывшего депутата чехословацкого парламента и лидера Русской национальной автономной партии, министра в первом правительстве Подкарпатской Руси. У него наперебой брали интервью венгерские газеты, он выступал по венгерскому радио, печатал статьи с дезинформацией о положении в Карпатской Украине, как будто бы население Закарпатя просит венгерские войска навести порядок в крае. В центральных венгерских газетах 18 ноября он писал, что Севлюш якобы уже находится в руках «повстанцев» (то есть сторонников заброшенных с территории Венгрии диверсантов, переодетых в гражданскую одежду) и так далее.

Вечером 17 ноября 1938 года Степан Фенцик выступил по будапештскому ра-

дио на венгерском языке и заявил, что венгерское правительство дает русинам политическую автономию, агитировал за создание оси Рим – Берлин – Ужгород – Будапешт – Варшава и утверждал, что русины выступают за присоединение к Венгрии³.

Останавливаясь на этих проблемах, газета *Magyar Nemzet* вынесла в заголовок слова Фенцика: «Карпаторусский народ всегда был и останется *gens fidelissima*» (то есть вернейшим племенем). В мировую проблему, по его мнению, Подкарпатье превратилось, «когда стало ключом внешней политики стран оси Рим – Берлин и примыкающих к ним держав». Рассказал он и о своих действиях в Чехословакии «в интересах карпаторосов», «которые сейчас на пороге освобождения» и получают «свободу».

В выступлении «на русинском языке» он утверждал, что карпаторусский народ хочет идти под власть короны святого Иштвана. Он мотивировал это тем, что уже 3 ноября, то есть на следующий день после Венского арбитража, в Ужгороде, в доме Духновича, представители различных политических и религиозных течений решили: «Хотим туда, где Ужгород и Мукачево»⁴.

В тот же день венгерские газеты опубликовали отчеты и о другом мероприятии, инспирированном венгерским правительством в отношении Закарпатья. 17 ноября 1938 года Венгерское внешнеполитическое общество провело в здании парламента конференцию, где многие из ораторов (Оливер Эттвени, Калман Рац, депутат парламента, и другие ораторы) высказывались в духе присоединения Рутенфёлда (то есть Карпатской Украины) к

Венгрии якобы в интересах всей Европы, ибо в таком случае «Карпаты положат конец направляемым на Запад панславистским идеям». Докладчик Калман Рац затронул и украинский вопрос, полагая, что его решение возможно только на националистической основе после свержения советской власти на Украине, когда будут удовлетворены в одинаковой мере интересы и Польши, и Венгрии. А в перспективе, по замыслу докладчика, в результате военного похода Венгрия получит «все ее законные земли»⁵.

19 ноября газеты сообщали о новом выступлении Фенцика по радио на венгерском и «руськом» языках, в котором тот утверждал, что все Подкарпатье «от Попрада до Тисы хочет присоединиться к Венгрии». Он обратился к американским русинам и великим державам с заявлением: «Мы решили, что весь карпаторусский народ присоединяется к Венгрии, ибо с решением судьбы Ужгорода и Мукачева решена и судьба всего Подкарпатья»⁶.

Между тем правительство Карпатской Украины после Венского арбитража перенесло свою столицу из Ужгорода в Хуст и приступило к налаживанию жизни в оставшемся в составе Чехословацкой республики (так стало называться новое государство) своем автономном крае. 22 ноября 1938 года Национальное собрание Чехословацкой республики внесло изменение в конституцию страны. Был принят конституционный закон об автономии Подкарпатской Руси. Еще при обсуждении этого закона в парламенте страны представители края внесли предложение немедленно назвать ее Карпатской Украиной. Но тогда возобладала

точка зрения, что это прерогатива местного национального собрания (сейма), и решение откладывалось до выборов в законодательный орган края, которые предписывалось провести в течение пяти месяцев.

Основные положения этого закона таковы. Правительство Карпатской Украины – кабинет министров – назначалось президентом республики в составе трех человек (после выборов в местный сейм – по его рекомендации). Одновременно они становились министрами центрального правительства республики. Этим актом упразднялась прежняя структура губернаторского управления краем. Устанавливалось разделение полномочий между центральным и краевым правлением. Важнейшими относившимися к прерогативам органов республиканской власти были полномочия, касающиеся основного закона, внешних сношений, обороны, армии и другие. Все они перечислены в законе и подробно освещены в работах В. Маркуся и В. Худанича⁷. Указаны и те области, в которых автономный край осуществлял законодательство самостоятельно.

Для правительства Карпатской Украины трудной задачей было само ее существование. Она находилась во враждебном ей окружении: с юга – Венгрии и с севера – Польши, претендовавших на овладение краем. Еще до авантюры Хортистов, намечавшейся на 20 ноября, регент Венгрии в беседе с немецким посланником Отто Эрдманнсдорфом 14 ноября заявил (как писал посланник в Берлин): «Меня беспокоит проблема Карпатской Украины», и, ссылаясь на сказанное Гитлером Дарани («немцы не против созда-

ния общей польско-венгерской границы»), Хорти намекнул на «возможность ввести войска в Карпатскую Украину в случае взрыва там, а затем эти войска остались бы в ней до тех пор, пока не обеспечили бы право населения на самоопределение в случае посылки туда международного контингента войск на период голосования». Будучи информированным и о планах продвижения Германии на восток, Хорти утверждал, что гористая Карпатская Украина с ее глубокими долинами не пригодна для продвижения «в ожидаемых в будущем немецких действиях на Украине, которые нужно провести вместе с подобной акцией Италии и Японии для обуздания большевистской опасности»⁸.

В ответ на это донесение посланника, да и на аналогичное сообщение Деме Стояи заместитель статс-секретаря МИД Германии Эрнст Вёрман 18 ноября послал в Будапешт Отто Эрдманнсдорфу телеграмму, где просил срочно сообщить министру иностранных дел Венгрии: «Германское правительство возражает против явно выраженных намерений регента осуществить акцию в Карпатской Украине». Он ссылаясь на донесения, имевшиеся в распоряжении германского правительства, согласно которым Чехословакия не потерпела бы такой акции. И если бы венгерская акция встретила сопротивление, Германия не смогла бы поддержать Венгрию. Исходя из этих соображений, германское правительство такую акцию «считает несвоевременной»⁹.

Поскольку проблемой Карпатской Украины интересовалась швейцарская печать, МИД Венгрии заказал подготовить «информационную записку» о раз-

личии между карпатороссами и украинцами, которую по поручению министра 23 ноября 1938 года руководитель отдела печати Бела Сент-Иштвани направил в Берн посланнику Ласло Величу для информации и использования в печати. В этом материале утверждалось, что украинское движение по своему характеру политическое. Авторы записки под словом «украинец» обобщали тех малороссов, которые ставили перед собой цель создания 40-миллионной Великой Украины от Кавказа до Карпат, даже до реки Попрад. Само слово «Украина» означает только «страна», и авторы делают вывод: «следовательно, слово «украинец» понятие не этническое, а политическое».

Далее они писали: проживающее в Югороссии, Буковине, Галиции и Подкарпатье население, разговаривающее на отличающемся от русского славянском языке, называет себя руссами, русинами, русняками. В противоположность великороссам, развивавшим язык из московского диалекта, и близко стоящим к ним белорусам их еще обычно называют малороссами. Средневековые источники называли их «рутенами», и это название восприняли в австрийском и венгерском языках, чтобы отличать их от великороссов. Наряду с этим по-венгерски называли их «оросок» (русские), и это выражение в Подкарпатье применяется еще и сегодня. Развитие литературного малорусского или народного рутенского языка началось с конца XVIII столетия.

В то время как в России распространению этого нового литературного языка препятствовали всеми средствами, австрийское правительство поддерживало его в Галиции и Буковине, и в универси-

тетах во Львове и Черновцах создало кафедры этого языка. Это было сделано, чтобы, с одной стороны, вбить клин между великороссами и малороссами, создать внутренние трудности России и одновременно противодействовать русской пропаганде в Галиции и Буковине. С другой стороны, правительство создало этим препятствие и полонизации (ополячиванию), которая уже до того охватила большую часть малопоместного дворянства Восточной Галиции рутенского происхождения. При помощи австрийцев, писали они, была выращена рутенская интеллигенция, которая, однако, не удовлетворилась развитием языка и культуры, а поставила перед собой политическую цель создания Великой Украины и население начала называть украинцами. Это выражение восприняла австрийская, а затем и германская наука, и украинцами начали называть рутенов вообще.

Основное, о чем хотели сказать составители справки, было впереди. «Для наших отечественных рутенов», продолжали они, украинское движение до Первой мировой войны не дошло как в языковом, литературном, так и в политическом отношениях. Четыре основных диалекта «наших рутенов»¹⁰ являются малорусскими. На них разговаривали лемки (Сепеш, Шарош, Земплен), бойки (Унг, Берег), гуцулы (Марамореш) и долиняне (равнинные части комитатов Угоча, Берег, Унг, Земплен).

Говоры первых трех из названных племен соответствуют диалектам по ту сторону Карпат на прилегающих к ним территориях, в то время как родственные диалекты четвертого встречаются в Югороссии. Но рутенская интеллигенция не

позаимствовала украинский литературный язык галицких рутенов. И вообще писала под сильным влиянием русского литературного языка. В противоположность народному языку, на котором созданы первые рутенские языковые памятники XVII столетия, рутенские писатели XIX века в большинстве своем за основу приняли русский язык, который испестрили словами церковнославянского языка и выражениями из местных говоров. В противоположность этому венгерское правительство издавало учебники на народном языке, на котором до войны писал и Августин Волошин. Однако из-за различий в четырех диалектах не был создан единый литературный язык «отечественных рутенов». Украинский литературный язык в то время в Подкарпатье никто не употреблял. В записке утверждалось, что и политически украинизм там не имел почвы. В то время как русофильство в период освободительной войны (имеется в виду 1848–1849 годы) и абсолютизма (Адольф Добрянский, Иван Раковский), затем непосредственно перед Первой мировой войной (Мараморошский процесс против православных верующих) имело и политическую тенденцию.

После войны к русскому и местному народному языкам присоединилось третье, украинское направление. Под влиянием эмигрантов из России русское направление устранило церковнославянские и диалектические элементы. Украинский язык привнесли эмигранты, прибывшие из Галиции, Буковины и Советской Украины. К ним присоединилась и часть развивавших местные диалекты, как, например, Августин Волошин. Сто-

ронники местного диалекта оттеснились на задний план.

Украинское направление опиралось прежде всего на радикальные и демократические круги, в то время как духовенство и консервативная общественность скорее оставались на стороне русского направления. Украинское направление объединялось в культурном обществе «Просвіта», а в противовес ему русское направление создало общество имени Духновича.

Чехословацкое правительство длительное время поддерживало украинское направление, чтобы ослабить русское, за которым стояло и много провенгерских элементов. Все чехословацкие партии, входившие в правительство, за исключением панславистских чешских национальных демократов и партии национальных социалистов, склонялись в сторону украинского направления. Так, экспонентом чешской католической народной партии был Августин Волошин, а социал-демократов – Юлий Ревай. Русское направление в Подкарпатье поддерживали партии Куртяка – Бродия Автономный земледельческий союз и Фенцика Русская национальная автономная партия. Однако в последние годы Прага заигрывала с русским направлением, хотя только в культурном отношении, по всей вероятности учитывая договор с Россией и проукраинскую политику немцев. В октябре 1938 года было образовано первое «руское правительство» из сторонников русского направления (Андрей Бродий, Степан Фенцик, Эдмунд Бачинский), частично из украинского направления (Августин Волошин, Юлий Ревай). Затем правительство Волошина было чисто ук-

раинской окраски, что видно и из того, что Подкарпатье последовательно называют Карпатской Украиной, в то время как русское направление употребляет выражение Карпатская Русь. Чехословацкий парламент, обсудивший сейчас предложение русинов, оставил вопрос наименования края открытым до решения его автономным сеймом¹¹. Это была официальная точка зрения тогдашнего венгерского правительства по украинскому вопросу вообще и в отношении Карпатской Украины в частности.

В новой обстановке большинство членов венгерского правительства считало нужным сблизиться со странами оси и с их помощью добиваться своих ревизионистских целей. На повестку дня прямо был поставлен вопрос о присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту. Новый министр иностранных дел Иштван Чаки с нетерпением ждал приглашения в Берлин, но немецкие руководители не спешили. Они были заинтересованы довести венгерское правительство до его готовности не только к присоединению Венгрии к этому пакту, но и выходу ее из Лиги Наций. В этом Италию поддерживала Германия.

С этой целью Галеаццо Чиано посетил Венгрию, он находился в этой стране 19–23 декабря 1938 года. 27 декабря венгерский временный поверенный в делах в СССР Янош Михалкович доносил в Будапешт об этих переговорах Чиано, подчеркивая, что в руководящих кругах Советского Союза внимательно следили за переговорами Чиано – Чаки в Будапеште. По его мнению, «Москва считает переговоры со стороны Чиано успешными», поскольку ему удалось добиться

полной координации венгерской внешней политики с планами стран оси¹².

Между тем Италия, Германия и Япония торопили Венгрию присоединиться к антикоминтерновскому пакту. В одной из бесед в начале января 1939 года Галеаццо Чиано приоткрыл перед венгерским посланником Фридьешем Виллани истинные цели антикоминтерновского пакта, «строго доверительно» сообщив о планах Японии: эта страна не только объявит войну, но и хочет развалить Советскую Россию, которая мозаичнее Чехословакии и населяющие ее народы настроены сепаратистски, а распавшаяся на части, она не будет угрожать спокойствию Европы¹³.

Когда советскому правительству стало известно о готовившемся вступлении Венгрии в антикоминтерновский пакт, нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов 7 января 1939 года написал письмо генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Сталину, в котором сообщал: по имеющимся точным сведениям, Галеаццо Чиано во время своего пребывания в Будапеште вел переговоры с венгерским правительством о присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту и подчеркивал, что в этом особенно заинтересована Япония. В письме он поделился своими соображениями: предупредить венгров, что пакт направлен против миролюбивых стран, в том числе и против СССР, и если Венгрия осуществит свои намерения, дело может дойти до ликвидации представительств двух стран в Москве и Будапеште¹⁴.

13 января 1939 года страны оси Берлин – Рим – Токио официально обратились к Венгрии с предложением о присо-

единении к блоку. Иштван Чаки от имени правительства принял это предложение, поблагодарил явившихся к нему посланников трех этих государств, о чем и доложил 14 января правительству. В тот же день он вместе с премьер-министром Белой Имреди на заседании правительства предложил присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Правительство приняло такое решение¹⁵.

Дело в том, что в это время министр иностранных дел Венгрии Иштван Чаки собирался в Берлин для встречи с Иоахимом Риббентропом и Адольфом Гитлером. Он получил от правительства указания доложить в Германии о желании Венгрии завладеть Карпатской Украиной¹⁶. После того как в ноябре Гитлер воспротивился этому, венгерская сторона готова была на любые уступки, лишь бы германские власти не возражали против захвата.

Присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту привело прежде всего к ухудшению отношений с Советским Союзом, к разрыву прямых дипломатических отношений между Москвой и Будапештом¹⁷.

Основная беседа между Гитлером и Чаки состоялась 16 января 1939 года. В начале встречи Чаки передал Гитлеру уверения Миклоша Хорти в том, что «пока он стоит во главе Венгрии, Германия может рассчитывать на нее как на преданнейшего друга». Несмотря на это заверение, Гитлер в очередной раз упрекнул венгерское правительство за его позицию в августе и сентябре, за самовольную ноябрьскую авантюру и за «неблагодарность и нелояльность». Напуганный Чаки поспешно заявил, что основные требования Германии будут полностью удов-

летворены. Венгрия понимает, что без Германии она ничего не сможет сделать.

После этого Гитлер рассказал Чаки о своих планах сотрудничества с Венгрией по окончательному разделу Чехословакии. «Если надо отклониться от этнографической линии и перейти к территориальным принципам, то это можно сделать только общими силами. Надо стремиться к политико-территориальному разрешению вопроса, и Польша и Венгрия должны принять в этом участие». Германии, Польше и Венгрии, заявил Гитлер, «необходимо действовать как футбольной команде», и для этого нужна «абсолютная сыгранность»¹⁸.

По записи этой беседы, составленной Вальтером Хевелем, представителем германского МИДа при Гитлере, канцлер поблагодарил Чаки за заявление о присоединении к антикоминтерновскому пакту и спросил, как дела с выходом Венгрии из Лиги Наций. Ответ министра: «Я твердо решил выйти в мае»¹⁹.

В беседе Чаки с Риббентропом обсуждались те же вопросы. Германский министр назвал Россию слабой и немощной. Он сказал, что надеялся договориться с Польшей, и упомянул об обсуждении с Бекком проблемы Украины, подчеркивая, что Германия рассматривает этот вопрос якобы только со своей позиции антисоветской настроенности, иных планов в отношении Украины у нее нет²⁰. Риббентроп просил Чаки оказать влияние на «венгерских террористов» в том смысле, чтобы они не нарушали спокойствие на границе (имелась в виду граница с Карпатской Украиной).

Во время этих переговоров гитлеровцы по сути санкционировали аннексию

Карпатской Украины Венгрией при условии одновременного немецко-венгерского наступления против Чехословакии. Это подтверждается заявлением Чаки на заседании венгерского правительства 20 января, на котором он отчитывался о результатах своей поездки в Германию. Он сказал, что Гитлер, Риббентроп и Геринг не считают вопрос о Карпатской Украине решенным²¹.

Холодные отношения, установившиеся между странами после Венского арбитража, были устранены. Но в ходе переговоров Иштван Чаки согласился на такие уступки Германии в области экономики, которые означали приостановление дальнейшего развития венгерской промышленности, и пообещал удовлетворить все пожелания фолксбунда. Как свидетельствует запись статс-секретаря германского МИДа Эрнста Вайцеккера, венгерское правительство взамен этого получило два обещания: возможность в будущем аннексии Карпатской Украины и упоминания в выступлениях Гитлера Венгрии первой среди малых государств²².

Причиной ноябрьского кризиса в отношениях между странами оси и Венгрией была попытка этой страны самостоятельно аннексировать Карпатскую Украину. Тогда еще эта область фигурировала в качестве важного плацдарма для захвата Украины. Украинские националисты, жившие в эмиграции в Берлине и Вене, рассматривали Закарпатье как исходный пункт образования великой соборной Украины, в основном за счет свержения советской власти на Украине и отрыва ее от России. Тогда они писали о Закарпатье как об «украинском Пьемонте». Планы украинских националистов совпада-

ли с политическими устремлениями Германии, которая хотела овладеть богатствами Украины, прежде всего сырьем, и для «расширения жизненного пространства» нацистского государства установить над ней контроль в какой-либо форме. Тогда еще существовала и идея образования националистической Украины под «покровительством» Германии.

Так после Мюнхена в Закарпатье началась активная украинская политика. Ее проводниками в Германии были в основном руководители бюро внешних сношений Национал-социалистской немецкой рабочей партии Альфред Розенберг, министр иностранных дел Иоахим Риббентроп, часть военачальников, особенно адмирал Вильгельм Канарис, руководитель абвера (военной контрразведки).

Гитлер поддержал передачу власти в Карпатской Украине националистам во главе с Августином Волошиным. В Закарпатье было создано германское консульство во главе с Г. Гоффманом, бывшим советником германского посольства в Праге. При нацистской германской поддержке в Закарпатье начали создавать вооруженные силы — Карпатскую сечь. Заинтересованность в них Германии яснее всего выразил Канарис в своем предложении об их создании.

Германские политики имели и другие варианты похода на восток, кроме обладания узким коридором, включающим Словакию и Карпатскую Украину, — привлечение на свою сторону Венгрии и Румынии и получение широкого плацдарма для осуществления идеи, изложенной Гитлером в его книге еще на заре политической деятельности.

Как выяснилось из речи Гитлера 28 апреля 1939 года, Румыния обращалась к Германии с предложением не отдавать Карпатскую Украину Венгрии, а разделить ее между Румынией и Германией. Претендовавшая на все Закарпатье Венгрия догадывалась об этом, а при посредничестве Польши она узнала о претензиях Румынии на часть Закарпатья восточнее Хуста по реке Рика (Надьга). В таком случае Венгрия по-прежнему оставалась бы в кольце стран Малой антанты, что, по расчетам венгерских политиков, для Венгрии было бы опаснее, поскольку Малая антанта опиралась бы на прямую поддержку Германии. Причем это кольцо угрожало бы и Польше, на всяческую поддержку которой в приобретении края и установления общей венгеро-польской границы и рассчитывала Венгрия. Польша, в свою очередь, пользовалась поддержкой Англии и Франции.

В конце 1938 года Венгрия считала важным попытаться так изменить политику доминировавшей в Центральной Европе Германии, чтобы она хотя бы открыто не выступала против присоединения Карпатской Украины к Венгрии. Это было одной из причин присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту.

В той ситуации, считал Д. Сент-Ивани, присоединение к антикоминтерновскому пакту было самой малой ценой, которую заплатил Будапешт Берлину за уступку Карпатской Украины Венгрии²³. Он тогда не учел последствий этого шага, участия Венгрии в войне на стороне гитлеровской коалиции и проигрыша ее, в результате чего был сметен с политической арены режим хортистов.

Польская сторона была очень недовольна тем, что Венгрия в двадцатых числах ноября 1938 года подчинилась окрику Берлина и не начала захват Закарпатья силой. Свои войска с чехословацкой границы (на участке Карпатской Украины) Польша не снимала, а одна рота «польских добровольцев» продолжала диверсионную деятельность на территории Закарпатья. В Варшаве МИД Польши не прекращал давления на венгерскую миссию, внушая ей целесообразность полного закрытия границы вокруг Карпатской Украины, чтобы воспрепятствовать ввозу продуктов питания, вызвать там голод и недовольство населения и тем самым облегчить захват края.

Зная позицию Польши, германский посол в Варшаве Ханс Мольтке 23 ноября встретился с Юзефом Бекем и просил его оказать на Венгрию влияние с целью удержать венгерское правительство от военной акции в Закарпатье. Посол показал министру германскую ноту, переданную в Будапешт. Бек ответил: он не участвовал ни в Мюнхенском соглашении, ни в Венском арбитраже, и их решения не могут служить основой для польской политики²⁴.

Польский посланник в Будапеште Леон Орловский, уезжая в отпуск в Варшаву, просил у Калмана Кани информацию о позиции Венгрии по проблеме Карпатской Украины для доклада польскому правительству. В настоящее время, ответил Каня, невозможно решить вопрос Русинии в «соответствии с нашими общими интересами» по различным причинам, уточнять которые он не хотел. Но венгерская акция будет продолжаться в печати, по радио, да и в самой Русинии в интере-

сах осуществления на практике права на самоопределение. По этому поводу Кая намечал в будущем предпринять и дипломатические шаги. Информацию об этом министр направил в свою миссию в Варшаву, подчеркивая, что Варшава не очень активно поддерживала Венгрию, боясь больших контртребований от Германии, и что, несомненно, «в этом деле больше заинтересована Польша, чем мы»²⁵. Между тем некоторые польские газеты (*Express Poranny* и *Kurier Polski*) критиковали внешнеполитическое руководство Венгрии за его позицию. Кая поручил Хори принять меры, чтобы «ему не пришлось в венгерских газетах поместить статью с соответствующим освещением русинского вопроса и раскрытием его самых тайных пружин»²⁶.

Дело дошло до того, что сотрудники польского МИДа в конце 1938 и в начале 1939 года заявляли, что если Венгрия не проявит настойчивости в карпато-украинском вопросе, то Польша сама его решит. 3 января 1939 года временный поверенный в делах Венгрии в Варшаве Йожеф Криштоффи в своем донесении обратил внимание на то, что в новогоднем номере 1939 года в *Gazeta Polska* проскальзывает мысль, которую недавно уже высказал заведующий политическим отделом МИД Польши Тадеуш Кобылянский: Польша сама решит карпато-украинский вопрос²⁷.

Германский посол в Варшаве Ханс Мольтке в беседе с венгерским посланником затронул вопрос о намерении Польши самостоятельно решить вопрос Карпатской Украины и уничтожить созданную там государственную систему. Он спросил у Андраша Хори: в таком

случае Польша отдаст Закарпатье Венгрии? Посланник высказал сомнение на этот счет²⁸.

Начавшийся в середине ноября венгеро-польский кризис продолжался. Хори в донесении в Будапешт от 18 января 1939 года высказал мнение, что венгеро-польские отношения, которые в межвоенные годы питались «лишь историческими воспоминаниями» и при отсутствии политической основы в значительной мере имели только «эмоциональное значение», постепенно к концу 1938 года достигли интенсивности, приведшей к тесной настоящей коллаборации, которая, по словам Тадеуша Кобылянского, «почти исчерпала понятие политического союза». Но после 21 ноября настроение в польских политических правящих и армейских кругах, да и в обществе изменилось и направлено теперь против Венгрии. Причин такого поворота было несколько. Во-первых, откладывание решения рутенского вопроса вызывало озабоченность в Польше. Во-вторых, в ходе чешского кризиса очень ослаб польско-французский союз. И наконец, то, что польско-румынские отношения как раз из-за карпато-рутенского вопроса были подвергнуты тяжелейшему испытанию, которое чуть не довело до разрыва связей между странами.

В конце ноября политически Польша была почти изолирована, а из-за предполагавшегося германского продвижения по южным склонам Карпат она очутилась практически в осаде. Это одновременно означало и банкротство внешней политики Юзефа Бека.

Национально-демократически ориентированная часть населения Польши бы-

ла настроена исключительно франкофильски и чехофильски, а в отношении Венгрии – почти индифферентно. В дни кризиса некоторые ее представители под влиянием управляемой из центра печати, а другие – из-за минутных успехов внешней политики Польши надеялись на скорое установление общей польско-венгерской границы, поддерживали правительство, хотя оно и не нуждалось в этом. Но вдруг в течение нескольких дней все вернулись на старые позиции, предъявили Беку обвинение в отходе во внешней политике от традиционной линии и в том, что, поддерживая «венгерскую химеру», он привел Польшу к опаснейшему кризису.

В то же время польское общественное мнение от ортодоксальных пилсудчиков до социалистов (за исключением некоторых кругов эндеции) не только осудило поведение хортистских венгерских правящих кругов, но и обвинило их в нерешительности и даже трусости, а Венгрию в целом посчитало ответственной за происшедшее (то есть за временное снятие требований срочного установления польско-венгерской границы).

В этой ситуации польское правительство, теряя престиж и видя свое бессилие, попустительствовало печати, которая остро критиковала руководство внешней политики Венгрии, задала такой антивенгерский тон, который не наблюдался в течение последних 20 лет. Такое неблагоприятное для Венгрии настроение было характерно в то время не только для правящих кругов, но и для общественных организаций²⁹.

К этому времени у поляков сложилось впечатление, что гитлеровская Германия

изменила свою сугубо антипольскую позицию, и они начали верить в поворот острия германской агрессии с востока на запад. Как в Варшаве, так и в Берлине стали звучать более дружественные ноты. Этому способствовала встреча Бека с Гитлером и визит Риббентропа в Варшаву. В Польше сложилось мнение, что германскую политику в отношении Карпатской Украины Гитлер разделяет не полностью³⁰.

Заявление Риббентропа в Варшаве о том, что Германия якобы не занимается проблемой Великой Украины (то есть и Восточной Галицией, входившей тогда в состав Польши), не только способствовало временному смягчению польско-германских отношений, но и до некоторой степени усыпило бдительность польского правительства. А ведь после встречи Бека с Гитлером в Берхтесгадене у него созрела мысль разгрома Польши, для чего были отданы распоряжения о военных приготовлениях³¹.

В свою очередь польская сторона, как и обещала, предпринимала меры «самостоятельного» решения проблемы Карпатской Украины. 26–27 февраля 1939 года забил тревогу «картографический отдел» – действовавший под этим прикрытием отдел контрразведки венгерского министерства обороны, получивший сведения о готовившемся поляками восстании в Закарпатье, в том числе и о раздаче в Ужгороде польским консулом Мечиславом Халупчинским оружия. «Картографы» спрашивали у начальника Генштаба венгерской армии, происходит ли это с ведома венгерских властей или нет. Вполне вероятно внезапное присоединение Закарпатья к Польше³².

Чаки в своем ответе Хори допускал (по имеющимся у него источникам) возможность организации Польшей восстания в Закарпатье. Польский консул в Ужгороде зондировал позицию правительства Карпатской Украины в Хусте по поводу присоединения края к Польше. Чаки просил Хори узнать у Бека, каковы новые планы Польши в отношении Русинии, и напомнить ему о джентльменском соглашении, предусматривавшем взаимные консультации по интересующим обе стороны вопросам³³.

Еще 7 февраля Хори доносил Чаки из Варшавы, что польское общественное мнение недовольно поведением Венгрии в отношении Карпатской Украины (пассивность, отказ от решения проблемы вооруженным путем, следование указаниям Берлина). Политика Венгрии в этом вопросе считалась германским «придатком». Хори писал, что он часто подчеркивал: за сегодняшнее положение в карпато-украинской проблеме ответственность лежит на Польше. По мнению Хори, для перелома нужно прибегнуть и к иным средствам³⁴.

Польский посланник в Будапеште Леон Орловский еще в начале декабря 1938 года получил указание от Бека выяснить намерения венгерского правительства относительно Закарпатья. Он ответил только 10 февраля 1939 года. 9 декабря в беседе с премьер-министром Белой Имреди, исполнявшим обязанности министра иностранных дел, посланник затронул этот вопрос. Имреди ответил: венгерское правительство не отказывается от намерений в отношении Подкарпатской Руси (говоря по-русски, ее захвата), намеченные шаги хочет согласовать с Польшей,

но конкретный план будет готов после возвращения Иштвана Чаки из Берлина, то есть после решения этой проблемы у Гитлера. 23 января Орловский посетил Чаки и просил поделиться своими планами в отношении Подкарпатья, но не получил ответа до отправки донесения (до 10 февраля). Чаки в то время не информировал о договоренностях в Берлине Орловского, который в своем сообщении Беку писал: «Этот поступок (Чаки. — *А. П.*) и все другие признаки показывают, что у венгерского правительства, помимо доброй воли, нет никакого конкретного плана и надежду свою оно возлагает, может быть, на стечение благоприятных обстоятельств».

С последней декады ноября 1938 года в Венгрии повсеместно господствовало убеждение, продолжал посланник, что «без согласия Германии венгры не станут, да и не могут себе позволить проводить политику, направленную на приобретение Подкарпатской Руси». Это убеждение разделяет и правительство, главная задача во внешней политике которого заключается в попытках отвести от себя малейшие подозрения о наличии у него собственных взглядов или интересов в отношении Карпатской Украины.

После визита Галеаццо Чиано в Будапешт (декабрь 1938 года) в печати запретили затрагивать вопрос Карпатской Украины и упоминать общую венгеро-польскую границу, также наложили запрет на упоминание венгеро-польской дружбы. Премьер в двух политических речах, в отличие от прежнего обычая, назвал единственными верными друзьями Венгрии Италию и Германию и ни словом не обмолвился о Польше. И Чаки в

своей речи о Польше сказал только одно предложение. «Венгры сочли, что дружба с Польшей стала мешать их отношениям с Германией», — констатировал он.

Вступление Венгрии в антикоминтерновский пакт, писал Орловский, как лично говорил ему Чаки, является последней надеждой добиться уступки со стороны Германии в вопросе Карпатской Украины³⁵. Следовательно, обид и недоверия в венгеро-польских отношениях в те дни было предостаточно.

Для изменения сложившегося положения Андраш Хори по поручению Иштвана Чаки имел 12 февраля 1939 года обстоятельную беседу с польским министром иностранных дел Юзефом Беком и изложил ему взгляды венгерского правительства на Рутению, венгерское видение венгеро-польских отношений и курс внешней политики министра иностранных дел вообще. По мнению Хори, сказанное им по поручению своего министра произвело глубокое впечатление на Бека. И хотя Хори обошел молчанием желательность сохранения польско-венгерской коллаборации, но, несмотря на это, Бек вновь заверил его в своей и Польши «настоящей дружбе с венгерским народом»³⁶.

Посланник считал заслуживающим особого внимания уже сообщенное телеграфом министру высказывание Бека, что в случае нового чешского нападения было бы желательно «немедленно установить контакт с целью особой консультации о необходимости возможной общей акции»³⁷.

Что же происходило в то время в Карпатской Украине? Когда словаки в Жилине в октябре 1938 года приняли решение

об автономии, Гитлер поддержал их, но он тогда еще не решил, как быть с Карпатской Украиной, и склонялся к тому, чтобы оставить ее в качестве автономной единицы в составе Чехословакии. Объяснялось это тем, что в руководящих кругах Германии еще не было единства взглядов в отношении этого региона.

Если Иоахим Риббентроп, Альфред Розенберг, Вильгельм Канарис и их сторонники были за превращение Закарпатья в Пьемонт Великой Украины, плацдарм для похода на восток против Советского Союза, то Константин Нейрат и ряд видных военных, в том числе и Герман Геринг, выступали за передачу Карпатской Украины Венгрии и расширение таким путем плацдарма Германии для похода на восток.

В этой ситуации Адольф Гитлер колебался. С одной стороны, Германия в военном отношении еще не была готова (как позже признавал Кейтель) к началу экспансии, и канцлер тогда ставил задачу только вытеснить Советскую Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии. С другой стороны, после ухода с поста президента Эдварда Бенеша новое правительство Чехословакии стремилось к установлению хороших отношений с Германией, и фюрер в то время учитывал возможность с его помощью сделать своим вассалом всю страну, а чтобы чехи были более покладистыми, он продолжал поддерживать сепаратистские движения в Словакии и Карпатской Украине.

Местные немцы действовали в Чехословакии по указаниям, получаемым из Вены, и пока правители этой страны не пришли в себя после Мюнхена и первого

Венского арбитража, они и их сторонники заняли все ключевые позиции. Этому способствовало то, что уполномоченным по делам немецкого национального меньшинства в Словакии был назначен Франц Кармасин, а его заместителем — инженер А. Ольдофреди. Они посещали и Закарпатье, где встречались с премьер-министром Августином Волошиным, министром Юлием Реваем и комендантом Карпатской сечи и вели с ними переговоры. Они были гостями Союза американских украинцев и командования Сечи. В период их пребывания в Хусте было создано Украинско-немецкое общество, председателем которого избрали Кармасина, а заместителем — Ольдофреди³⁸.

Об этом пребывании в Хусте 15 февраля писала *Deutsche Allgemeine Zeitung*. В польском МИДе полагали, что из Кармасина Берлин хочет «подготовить русинского Генлейна». По материалам МИДа Венгрии (полученным от своего консула в Братиславе), в Словакии в то время проживало около 140 тыс. немцев, а в Карпатской Украине — около 13 тысяч. Они объединились в Партию карпатских немцев, являвшуюся филиалом партии судетских немцев. Немцы Карпатской Украины в основном группировались в этом филиале, меньшая часть их состояла в Объединенной венгерской партии на основе христианских социалистов. Представителем их был Франц Кармасин, судетский немец из Оломоуца. В словацком правительстве он стал статс-секретарем по делам немцев, и его величали фюрером немцев в Словакии и Карпатской Украине, а в связи с получением Закарпатьем автономного правительства его заместителем по Карпат-

ской Украине был назначен А. Ольдофреди, также судетский немец.

Кармасин стремился поставить немцев края на службу экспансионистским целям германских национал-социалистов. Венгерский консул в Братиславе Дюла Петравич информировал свое правительство об антивенгерском настроении этих лидеров, поскольку в рамках Чехословакии они видели для немцев больше возможностей, нежели в Венгрии. Они предлагали словакам оставаться в составе Чехословакии, а в Закарпатье трудились над превращением его в украинский Пьемонт. Он сообщал также, что проект постройки на территории этих краев нефтепровода для начала из Румынии в Германию, а затем и из Украины — дело уже решенное³⁹.

Об этом еще раньше подробно доносил в Будапешт секретарь венгерской Ревизионистской лиги в Берлине Андор Геллерт; по его сведениям, румынский король Кароль II в период своего пребывания в Германии в конце 1938 года договорился с немецкой стороной, обещавшей взять все излишки румынской нефти. Транспортироваться она должна по трубопроводу из Румынии в Германию, основным управленческим центром был бы Хуст, а в последующем в этом месте к проводу присоединился бы и нефтепровод из России⁴⁰.

В Верхнем крае (Словакии и Карпатской Украине) планы немцев заключались в создании сторожевых постов по линии Братислава — Жилина — Прешов — Михайловцы — Хуст, «на которые они намерены опираться в своей экспансии на восток»⁴¹. Берлин стремился атомизировать Дунайский бассейн, поддерживал

украинское движение против пражского центрального правительства уже хотя бы потому, что стремился поработить Восточную Галицию и Украину, оторвать их от Польши и России. Таким образом началась поддерживаемая частью германской правящей верхушки и ее печати агитация, набравшая большой размах.

Арно Бобрик (временный поверенный в делах Венгрии в Чехословакии) доносил 18 января 1939 года из Праги: «Факт, что Волошин желает совершенствовать Сечь, известную украинскую организацию (которая свое название взяла от старого казацкого движения), одеть в определенную униформу, вооружить, возложив на нее выполнение главным образом службы безопасности»⁴².

Руководители Карпатской Украины в то время поддерживали связь с украинскими эмигрантами, разбросанными по Европе, прежде всего с находившимися в Чехословакии и Германии — там в основном с принадлежавшими к группе бывшего гетмана Украины Павла Скоропадского, в частности с теми, которых опекал Альфред Розенберг.

Между прочим, в архиве в Потсдаме сохранилось адресованное Розенбергу письмо из Карпатской Украины, написанное на русском языке. Розенберг был родом из Прибалтики, учился в Петербурге, говорил по-русски. Это письмо из Хуста содержало информацию о состоянии дел в Карпатской Украине в январе 1939 года. В нем указывалось, что в Центральную народную раду входят активные деятели всех (сегодня распущенных) украинских партий, кроме коммунистической. Там же указывалось, что Карпатская сечь — это добровольная военная органи-

зация для защиты от нападения соседей. Во главе этой организации сначала был поставлен член гетманской организации Аржас, но в начале декабря 1938 года он скончался. Сейчас ее возглавляет крестьянин Дмитрий Климбуш, бывший член социал-демократической партии — единственный унтер-офицер из политических деятелей. В Рахове в Карпатской сечи гуцулов возглавляет Стефанив, он член гетманской организации⁴³.

По другим материалам, еще 4 сентября 1938 года в Ужгороде была создана Украинская национальная оборона как политическая организация украинской молодежи Закарпатья, которая поставила целью сотрудничать со всеми украинскими организациями, стоявшими на почве национализма, прежде всего с Организацией украинских националистов. В документе перечислены фамилии 10 человек, вошедших в состав руководства Украинской национальной обороны: Василий Иванович — председатель, Иван Росоха — зам. председателя, Степан Росоха — секретарь; члены руководства: Дмитрий Климбуш, Юрий Спилка, Иван Коперлос, священник Юлий Станинец, Василий Шадей, Леон Чешок и Василий Деха⁴⁴.

Затем после переезда правительства Карпатской Украины из Ужгорода в Хуст там создана в ноябре Организация национальной обороны Карпатской Украины, утвержденная правительством Августина Волошина 15 ноября как Организация национальной обороны Карпатская сечь. В состав ее руководства вошли Дмитрий Климбуш, Евген Кульчицкий, Степан Росоха и другие⁴⁵.

В то время в Закарпатье перебрались многие украинские эмигранты из Праги,

Восточной Галиции, да и из других государств, пополнявшие ряды сечевиков. Это особенно раздражало правительство Польши. Больше всего полякам не нравилось, что в Сечь принимали и бежавших из Галиции украинских националистов. По приведенному в сноске документу им выдавали фальшивые паспорта на имена чешских граждан. Среди них из Польши были: инженер Евгений Врещона, Роман Сухевич, Евгений Гутович, Николай Андрушків, Алекса Шкрамко, Юрий Рибивський, Ю. Романив и многие другие.

Сент-Ивани на основе документов МИДа утверждал: в организации Сечи принимали участие и немецкие офицеры. В дни оккупации Карпатской Украины (14–17 марта), писал он, венгры убили многих немецких офицеров, даже офицеров Генштаба в униформе сечевиков⁴⁶.

Венгры и словаки тоже перессорились. Как известно, венгерское правительство рассчитывало, что Йозеф Тисо и его сторонники организуют присоединение Словакии к Венгрии. Но Тисо вместо этого 21 февраля 1939 года остро выступил в правительственном заявлении против провенгерски настроенных словаков⁴⁷.

В то же время обострялись, становились напряженными отношения между словацкими и карпато-украинскими властями, в первую очередь из-за отсутствия определенной границы между Словакией и Карпатской Украиной. Карпатское правительство считало существовавшую в течение двух десятилетий административную границу несправедливой, поскольку вся Пряшевская Русь (от Ужгорода до Попрада) была включена в состав Словакии. Поэтому украинцы Закарпатья стремились отодвинуть

эту границу дальше на запад, а словаки – на восток. К тому же закарпатские украинцы добивались все большей самостоятельности. Положение между ними стало настолько напряженным, что, по польским сведениям, «Тисо якобы ответил Волошину, что правительство Карпатской Украины так может дойти не только до Пряшева, но и до Иглавы»⁴⁸.

В документах конца 1938-го и начала 1939 года часто встречались заявления Гитлера, будто проблема Карпатской Украины его не волнует и вообще он не занимается планами Великой Украины. В действительности в то время Закарпатьем интересовались не только Польша и Венгрия, но и Германия.

Сразу после запрета Германии на захват Венгрии Карпатской Украины польский МИД направил советника министерства П. Курницкого с особыми полномочиями в Хуст под видом консула. Поскольку в Хусте, где разместилось правительство Волошина, было тесно (население города сразу увеличилось в два раза), консульство Курницкого обосновалось в Севлюше (Виноградов)⁴⁹.

В донесении от 15 февраля 1939 года венгерского консула в Братиславе Дюлы Петравича министру иностранных дел Венгрии Иштвану Чаки указывалось, что наряду с политическим значением Закарпатья правители Третьего рейха хотели выяснить его экономическую ценность для Германии. С этой целью в Карпатскую Украину были направлены ученые Географического института в Берлине Геблер и Райх для разведки полезных ископаемых⁵⁰.

Накануне Рождества туда прибыли также два члена германского географи-

ческого общества. К этому времени заканчивал свои исследования Закарпатье немецкий геолог Цисарж. Он установил, что Карпатская Украина для Германии с экономической точки зрения интереса не представляет, хотя признавал, что полезные ископаемые там есть, но с местной рабочей силой и при низкой производительности труда вряд ли возможно организовать их рентабельную добычу. Невыгодным оказалось бы и использование германской рабочей силы из-за высоких запросов немецких рабочих. Цисарж высказывался против планов строительства автострады из Германии на восток через Словакию и Карпатскую Украину из-за пересеченной местности и незащищенности ее от нападения как с севера, так и с юга. Он рекомендовал строить ее через Венгрию или Польшу.

Петравич также заметил, что в последнее время в Чехословакии вообще перестали упоминать о строительстве автострады в направлении Украины, о которой так много шумели, и говорят только о строительстве шоссе на дороге по линии Прага – Злин – Влера, далее Жилина – Ружомберг – Пряшево – Хуст, которая частично уже используется³¹.

Шла речь и о строительстве в Закарпатье (на реках Теребля и Тересва) гидроэлектростанции, но дальше разговоров дело не двигалось. Подобных планов было множество.

Польское консульство не успело обосноваться в Севлюше, как, по сообщению в польскую миссию атташе консульства Андрея Валигурского от 11 января 1939 года, подверглось 9 января «нападению толпы», «руководимой сечевиками». Нападавшие выбили семь окон. Через час по-

звонил Августин Волошин, который сказал, что это «совершили безответственные элементы, а сечевики их разгоняли»³².

Сразу после прибытия 11 января в Севлюш консул Курницкий отправился в Хуст, где его принял Волошин, который заявил: это провокация фенциковцев.

В ответ Курницкий вручил премьеру ноту протеста, где помимо всего прочего говорилось, что «Русь стала сосредоточением безответственных антипольских элементов». По поводу «беглецов» из Галиции Волошин высказал недовольство и добавил: «Я, как украинец, не могу выдавать их польской полиции». Курницкий предлагал не собирать «беглецов» в концентрационные лагеря и отказаться от нереальных планов вроде перенесения весной столицы из Хуста во Львов. Волошин по этому поводу заметил: действительно, в Новый год он получил такую рекомендацию, но тут же ее отклонил. Волошин заверял консула в своем желании поддерживать мир с Польшей, чтобы и поляки с украинцами жили мирно в Польше³³.

Прямые связи с правительством Волошина наладила и Германия. В Хуст в качестве консула был назначен бывший советник гитлеровского представительства в Праге Г. Гоффман. Он еще до этого назначения побывал в Хусте, и из сообщений газет и венгерского радио этот визит, по сведениям германской миссии в Будапеште, произвел в Венгрии плохое впечатление. В печати сообщалось, что в ходе этой поездки Гоффман обедал с Волошиным, они произносили тосты, хвалили друг друга и свои государства.

Недовольство, вызванное в Будапеште этой поездкой Гоффмана, побудило посланника Германии в Будапеште Отто

Эрдманнсдорфа посетить МИД Венгрии и заявить заведующему политическим отделом Лайошу Кулу о своем намерении получить о ней дополнительные сведения и доложить в Берлин о реакции на нее в Венгрии⁵⁴.

О визите Гоффмана в Карпатскую Украину (в сопровождении Шуберта), длившемся четыре дня, сохранилось донесение в МИД Польши. По этим данным, они посетили Перечин, Великий Бочков, Рахов и Ясиня. В Хусте их принял Волошин и просил передать Гитлеру «симпатии населения» Карпатской Украины. Гоффман ответил: «и Гитлер испытывает к Закарпатыю большое расположение»⁵⁵. Тогда же обсуждался и вопрос об открытии германского консульства в Хусте. На встрече присутствовал и приехавший из Бухареста представитель германского посольства.

Позднее германский военный атташе в Праге Рудольф Тоуссаинт пытался убедить военного атташе Польши Леона Ноэла (как доносил польский посланник из Праги), что Гоффман был послан Гитлером в Хуст «с чисто информационной целью»⁵⁶.

Однако масса других источников свидетельствует о том, что Гоффман в Хусте стал одним из проводников указаний Берлина. Прямые инструкции из столицы Германии получали и члены правительства Волошина.

Как упоминалось выше, вооруженные силы Карпатской Украины – Карпатская сечь – создавались с помощью Германии. Но когда Риббентроп (возможно, по указанию Гитлера) отошел от этнического принципа, решение судьбы Чехословакии стало возможно иным путем. С це-

лю привлечения Венгрии окончательно на сторону Германии и стран оси в целом Риббентроп вел очень осторожную политику.

Еще во время поездки Чаки в Берлин, где Риббентроп и Гитлер пообещали решить проблему Карпатской Украины в пользу Венгрии, если она будет действовать совместно и сыгранно с рейхом, в Германию на двухнедельную стажировку в «Гитлерюгенд» был приглашен этой немецкой молодежной организацией почти весь штаб Карпатской сечи. Делегация Сечи во главе с Иваном Рогачем (в состав ее входили: Иван Росоха, Василий Романчук, Степан Росоха и другие) даже отправилась в Германию.

Находясь в Закарпатье, окружной руководитель пропаганды в Райхенберге Ганс фон Вимател 14 января 1939 года сообщал, что это он организовал поездку руководителей Сечи на двухнедельную «выучку в «Югенддойче» (ибо, по его оценке, «местные украинские элементы не в состоянии будут сыграть важной роли в создании Киевской Украины»). Он тогда не мог знать, каковы будут результаты переговоров Гитлера с Чаки.

Уже 17 января польский посол в Берлине Юзеф Липский телеграфировал в Варшаву, что Иоахим Риббентроп выразил недовольство по поводу публикации в газете *Slovak* заметки о выезде в Берлин делегации Сечи. О том же доносил и советник польского посольства в Берлине Ст. Любомирский, из беседы с Клайстом узнавший, что по указанию Риббентропа делегацию остановили в Вене и вернули в Хуст, якобы из-за начала в Карпатской Украине войны с Львом Прхалой⁵⁷, назначенным чешским генералом в прави-

тельство в Хусте. Клайст также заявил, что Риббентроп дал своей службе ясную директиву по украинскому вопросу, основанную на заявлении, сделанном Гитлером Беку в период его последнего посещения Берхтесгадена⁵⁸, то есть что украинскими делами он не интересуется, зная, насколько польское правительство озабочено проблемой Восточной Галиции, которую он называл в то время «неотторжимой» от Польши.

Но часть нацистской верхушки придерживалась других взглядов. С изменениями в позиции руководства Германии, которые носили тактический характер, был знаком очень узкий круг людей. Гитлер же не хотел отталкивать от себя ни собравшихся в Карпатской Украине украинских националистов, ни тех украинских эмигрантов, которые уехали из разных частей украинских земель и жили в Германии и Чехословакии. Этим частично можно объяснить двойственную игру германского фюрера как с венгерским, так и с карпато-украинским правительством.

Венгерское правительство, сделав уступки странам треугольника Берлин — Рим — Токио, с нетерпением ждало оплаты «векселя» и одновременно обещало новые уступки Германии.

1 февраля 1939 года министр иностранных дел Венгрии Иштван Чаки поручил венгерскому посланнику в Берлине Деме Стояи сообщить правительству германской империи, что в случае «ликвидации русинского вопроса» Венгрия будет оберегать германские интересы.

За два дня до того Иштван Чаки обратился к Юзефу Беку (перед приездом Иосифа Риббентропа в Варшаву) с прось-

бой в ходе беседы с ним затронуть вопрос Карпатской Украины и спросить: не наступил ли подходящий момент, чтобы Венгрия его решила? В ходе состоявшейся беседы министр «основательно» обратил внимание Риббентропа на «усиливавшееся анархическое положение в Карпатской Украине», подчеркнул заинтересованность Польши в общей границе и заявил о возможном наступлении кризисного состояния. «Мы ответили Хори, — отмечено в записи, — что Польша не обязана спрашивать Германию о ликвидации Карпатской Украины, поскольку она не связана с Венским арбитражем»⁵⁹.

Чаки неоднократно запрашивал Берлин о возможности вступления венгерских войск в Карпатскую Украину, причем просил рассматривать этот акт не как политический демарш, а как экономические меры⁶⁰.

8 февраля 1939 года Чаки через Стояи интересовался мнением правительства Германии о намерении Венгрии в день выборов 12 февраля в сейм Карпатской Украины ввести туда венгерские войска. Если Германия даст на это свое согласие, то министр иностранных дел просил узнать: венграм самим осуществлять эту операцию или привлечь поляков?⁶¹ Немцы ответили, что эта проблема пока не актуальна⁶².

Статс-секретарь германского МИДа Эрнст Вайцзеккер, информируя немецкого посла в Риме Ганса Маккензена по этому поводу, сообщал: на прошлой неделе венгерский посланник дважды зондировал почву (6 и 7 февраля 1939 года), и во второй раз очень настойчиво, чтобы узнать, «какой будет наша реакция в слу-

чае прямого венгерского вмешательства в дела Карпатской Украины, поскольку там продолжается антивенгерская деятельность и в ближайшее время даже можно ожидать там и взрыва».

В недвусмысленной форме МИД Германии рекомендовал венграм не делать этого и предостерегал их «от самовольной акции».

Эрнст Вайцзеккер в основных чертах информировал об этом итальянского посла в Берлине Бернардо Аттолико и сказал ему, что, по его сведениям, Будапешт зондировал почву только в Берлине⁶³.

Такую политику венгерского правительства не все поддерживали. Ее не разделяли и такие известные политики, как бывший премьер Иштван Бетлен и Калман Каня. При встрече с польским посланником Леоном Орловским 1 февраля 1939 года в длительной беседе Бетлен «беспощадно критиковал политику правительства по отношению к Германии». Он считал, что «венгры должны идти вместе с Германией и Италией и в то же время твердо стоять против непомерных требований немцев». Свою точку зрения он изложил Чаки на последнем заседании комиссии по иностранным делам парламента, подчеркивая, что он не одинок в этих взглядах.

На заседании комиссии по иностранным делам верхней палаты также подверг критике текущую политику правительства в отношении с немцами бывший министр иностранных дел Каня, который с документами в руках доказывал, что в чехословацком вопросе немцы с самого начала проводили в связи с венграми неискреннюю политику, стремясь овладеть всей Чехословакией. Бетлен и Орлов-

ский обменялись мнениями и в отношении Карпатской Украины. Бетлен сказал собеседнику, что после ноябрьского кризиса 1938 года немцы вели себя так, что Чаки не знал, захочет ли принять его Гитлер во время визита к Риббентропу⁶⁴.

Верное Гитлеру венгерское правительство аккуратно и систематически информировало министерство иностранных дел Германии о своих планах. Оно полагало, что руководители империи в скором времени выполнят свое обещание и при решении чехословацкого вопроса Закарпатье будет отдано Венгрии.

27 февраля Чаки просил венгерского военного атташе в Берлине Калмана Харди передать статс-секретарю министерства иностранных дел Эрнсту Вайцзеккеру, что за захват Карпатской Украины Венгрия вступит в еще более тесные отношения со странами оси и предложит Германии венгерскую сеть сообщений для осуществления немецких планов в Восточной Европе⁶⁵. Чаки, зная о перспективных планах Гитлера, сообщил в германское министерство иностранных дел, что Венгрия добивается Карпатской Украины не для того, чтобы иметь с Польшей общую границу, а ради получения карпатского леса⁶⁶.

На следующий день Иштван Чаки написал письмо посланнику в Варшаве Андрашу Хори, в котором дал ему указание посетить министра иностранных дел Польши Юзефа Бека и попросить его во время намеченной им поездки в Лондон от имени регента Миклоша Хорти обратиться внимание Невилла Чемберлена и министра иностранных дел Англии Эдварда Галифакса на то, что «Венгрии обязательно нужна Русиния, и она никоим

образом не может отказаться от нее». Важно не только то, что возвращенные земли находятся в тесной географической, транспортной и экономической связи с «насильственно удерживаемой русинской территорией», но и то, что для сохранения плодородия почвы восточнее Тисы и частично на Большой Венгерской низменности требуется уберечь леса русинской территории от хищнического хозяйствования. Вырубка леса при 1400 мм осадков в среднем в год привела бы к исчезновению со склонов гор плодородной земли, почва в Русинии подверглась бы эрозии, и самый плодородный край за Тисой, где выращивается венгерская пшеница, превратился бы в болото. Такая опасность, по мнению Хорти, существует, поскольку правительство Волошина для пополнения бюджета готово вырубить лес, а Германия согласна закупить любое его количество.

Но в этом письме содержалось и то, чего не было в инструкции для руководства венгерских миссий за рубежом: Венгрия, сообщил Чаки, еще и потому не может терпеть рядом с собой «примитивную государственную общность», что чешское государство неспособно осуществлять там соответствующий контроль, в результате чего «рутенская территория стала центром далеко идущих политических интриг», в которых принимают участие государства, которые по различным причинам избегают открыто сталкиваться с Венгрией.

По мнению Чаки, Венгрия всегда проводила корректную политику и в будущем намерена поступать так же, но в Англии должны понять, что венгерское правительство не может ждать со сло-

женными руками, пока на нее обрушится с рутенской территории непоправимый экономический или политический удар. «Мы, естественно, желаем решить вопрос мирным путем, но не можем отбрасывать другое решение, если к нему принудят нас наши жизненные интересы», – сообщал Беку Чаки. Он просил польского министра передать это премьеру и министру иностранных дел Великобритании, опустив часть, касающуюся возможности применения военной силы⁶⁷.

Поскольку венгерская пропаганда объясняла отказ своего правительства признавать Карпатскую Украину экономическими причинами, то иностранные дипломаты в Будапеште обращались в МИД Венгрии за разъяснениями: как это понимать?

1 марта 1939 года временный поверенный в делах Великобритании А.Д.Ф. Гаскон посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Венгрии Яноша Вернле и спросил, решена ли уже окончательно проблема Карпатской Украины. Вернле ответил отрицательно, в духе концепции, разрабатывавшейся для венгерских посланников, согласно которой те должны были убеждать власти стран аккредитации в правильности венгерской позиции.

Но как записал Вернле, «Гаскон, очевидно, не понял данные мной разъяснения». Он несколько раз переспрашивал, каким образом происходит эрозия почвы целого края и как может влиять на плодородие земли дождь, выпадающий вдалеке от нее. Он так и ушел, не уразумев сути дела.

В тот же день Вернле обедал с Ф.Г. Редвардом, пресс-атташе английского по-

сольства в Венгрии, который сразу поднял вопрос о беседе заместителя министра с временным поверенным в делах и тоже просил дать разъяснения. И хотя этот собеседник, по мнению Вернле, оказался более понятливым, но и он не уяснил взаимосвязи этих явлений.

В конце записи об этих встречах Вернле сделал вывод: большая часть людей без предварительной пропаганды не способна увидеть сути «в такой постановке русинского вопроса»⁶⁸.

Вслед за этим венгерский МИД разработал инструкцию для руководителей своих миссий за рубежом, которая была призвана убедить правительства и общественное мнение этих стран в экономической необходимости для Венгрии Карпатской Украины. Чаки в сопроводительном письме писал: даже специалисты, занимающиеся политическими и экономическими вопросами, и дипломаты не могут полностью понять, почему Венгрия так живо наблюдает за судьбой Русинска и почему «она не признает сегодняшний его статус окончательно принятым», то есть претендует на Карпатскую Украину⁶⁹.

В этой инструкции говорилось: для водной системы Венгрии важной является река Тиса (с ее притоками), текущая с территории Карпатской Украины, покрытой в основном лесами, где выпадает около 1400 мм осадков в год, что оказывает большое влияние на баланс водных ресурсов в долине Тисы. Правительство Волошина, нуждаясь в средствах, начало вырубать лес на продажу⁷⁰, что вскоре может привести к эрозии почвы и затоплению весенними и осенними дождями плодородных земель Венгрии в долине Тисы.

Далее Чаки, чувствуя надуманность проблемы, да и зная о ней, просил посланников в зарубежных странах настаивать на том, что опасения Венгрии якобы ни в коем случае не являются новым приемом, скрывающим политические цели. Существующее в Карпатской Украине положение, продолжал Чаки, злонамеренность и беспомощность правительства Волошина исключают возможность подписания международных соглашений о регулировании использования лесов и защиты жизненных интересов венгерского сельского хозяйства.

В таких обстоятельствах Венгрия не может признать статус Карпатской Украины окончательным⁷¹.

Из этих материалов ясно видна вся надуманность проблемы. Ведь Венгрия совместно с Польшей одновременно закрыли границы с Карпатской Украиной с целью ее изоляции и удушения. Только под давлением Германии Венгрия вынуждена была отменить эту блокаду. А лес, который сплавлялся в основном по Тисе, в зимние месяцы 1938–1939 годов почти прекратили вырубать из-за невозможности транспортировки его на юг Европы водным путем.

В условиях запрета со стороны Германии попыток Венгрии явочным порядком оккупировать Закарпатье и отсутствия конкретных сроков его отмены Венгрия предпринимала и другие меры по «приобретению Карпатской Украины». Постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Янош Вернле прибыл в Прагу и 6 марта информировал Франтишека Хвалковского о положении в Закарпатье в духе венгерской пропаганды (хищническая вырубка леса и тому

подобное). Опираясь на эти аргументы, Вернле заявил Хвалковскому, что овладение Карпатской Украиной неизбежно. Но сегодня еще можно решить эту проблему путем компенсации, в то время как в будущем на это рассчитывать не придется⁷². Причем, как сказал Вернле, это официальное предложение Венгрии.

Чем можно объяснить такую инициативу с венгерской стороны? Ведь еще недавно правительства двух стран — Венгрии и Чехословакии — были непримиримыми врагами. Да и теперь обе страны готовились к войне за пересмотр статус-кво, несмотря на то что они были связаны в одинаковой мере признанием решений Венского арбитража окончательными, то есть нерушимыми, пока свою позицию не изменят арбитры. К тому же и в Чехословакии правительство было уже прогитлеровским.

В министерстве иностранных дел Венгрии к этому времени было предостаточно материалов, свидетельствовавших о том, что новые власти считали сохранение автономной Карпатской Украины в составе Чехословакии тягостным для страны.

Посланник Венгрии в Чехословакии Янош Веттштейн 1 марта доносил из Праги в Будапешт: в последние недели здесь, в Праге, усиливаются признаки, которые позволяют сделать вывод, что чехи в глубине души с большой охотой рады освободиться от Русинии, но, естественно, по известным причинам открыто признаться в этом не могут. Веттштейн напоминал, что он уже осмеливался ссылаться на обстоятельства, обострившие отношения между отдельными республиками, а также на те финансовые трудно-

сти, с которыми столкнулись Словакия и Русиния и улучшение которых Русиния ждет от Праги. В отношении Словакии Прага проявила склонность покрыть дефицит бюджета, но сомнительно, что она сделает это и для Русинии. По сведениям, полученным им по дипломатической линии, сохранение там статус-кво обходится центральному правительству ежедневно в 1,5 млн. корун, но и эта сумма оказывается недостаточной.

Несмотря на то что пражское правительство идет в Закарпатье на такие огромные материальные жертвы, его слово в Хусте не имеет веса (Волошин даже не выделил помещения для назначенного Прагой министра Льва Прхалы).

Праге начинает надоедать такое положение. Особенно Хвалковскому, которому стало в тягость внешнеполитическое своеволие браτισлавского и хустского правительств, за последствия которого приходится отвечать ему.

«Настало время, — пишет Веттштейн, — изменить это, сказал мне на днях Хвалковский, ибо наконец дойдет до того, что они будут пить, а голова будет болеть у меня»⁷³.

Все это — повод для размышления: почему Хвалковский сразу же не отверг официальное предложение Вернле и заявил — дело трудное, он должен обсудить его с президентом и другими членами правительства, после чего даст ответ⁷⁴.

Сразу же после визита к Хвалковскому Вернле посетил германского временного поверенного в делах в Чехословакии Хенкке и сообщил ему о своем предложении Хвалковскому. Германский представитель «отнесся к этому явно отрицательно» и дал понять, что Берлину Русь нужна⁷⁵, так

как он мог и не быть ознакомленным с последними замыслами Гитлера.

Янош Вернле в тот же день, 6 марта, послал Иштвану Чаки шифрограмму о ходе беседы с Франтишеком Хвалковским. Тот сказал, что только после разъяснения замминистра понял, насколько жизненно важно для Венгрии приобретение Карпатской Украины (раньше он считал, что здесь замешаны только политические соображения), но ответа сразу не дал, так как ему нужно еще переговорить с президентом, словацким правительством и другими. Результаты он обещал сообщить через посланника Яноша Веттштейна. Хвалковский принял к сведению, что в качестве рекомпенсации венгры не могут пойти на территориальные уступки (представитель правительства Словакии предлагал: Венгрия получает Закарпатскую Украину, но возвращает Кошице), «но и цену не может назвать, ибо пока не знает, продадут ли Русинию». В ответ Вернле предупреждал: «теперь еще могут за нее что-то получить, а позже — ничего».

Интересовался Хвалковский и позицией Германии. Ответ: все еще стоит на позиции решения Венского арбитража.

Из беседы с чехословацким министром Вернле сделал вывод, что тот не отказывается от предложения, но боится Германии. Можно будет достичь какого-то результата только в том случае, если оказать на Берлин «сильное и быстрое давление»⁷⁶, заключал он донесение.

Но, как сообщал Чаки 8 марта посланнику в Лондоне Дьёрдю Барце, переговоры Яноша Вернле в Праге закончились безрезультатно⁷⁷.

Еще в середине февраля польский посланник в Праге Казимир Папее доносил

в МИД Варшавы о беседе с Франтишеком Хвалковским касательно Карпатской Украины. Министр спросил: каково личное мнение посланника и официальное Варшавы — что с ней делать? Папее ответил: проблему эту нужно решать вместе с соседями, а не против их интересов. (Позже Бек рекомендовал посланнику и в последующих беседах держаться такой тактики.) Хвалковский пытался также выяснить, беспокоит ли Папее судьба Карпатской Украины в связи с интересами Венгрии или Польши.

17 февраля Папее радиотелеграммой сообщил в Варшаву результаты беседы с Каролем Сидором, заместителем премьер-министра (ранее тесно связанным с польским правительством), с точки зрения которого Словакии «Русь надо сбить Венгрии». Такого мнения, свидетельствовал он, придерживались и чехи, в частности премьер Рудольф Беран. Они имеют достаточно политических, а также финансовых хлопот с ней⁷⁸.

Варшава была информирована о том, что венгры ничего не смогут сделать в отношении Карпатской Украины без согласия Гитлера. Чаки неоднократно сообщал им об этом. Так, 18 февраля посланник Польши в Будапеште Леон Орловский радиотелеграммой доносил в Варшаву о полученной от Чаки информации: «Перед выборами в Закарпатье он спросил Гитлера, можно ли ввести в Карпатскую Украину венгерские войска для наведения порядка, и за день до выборов, то есть 11 февраля, канцлер ответил: строго придерживаться Венского арбитража. То же сказал ему и Чиано»⁷⁹.

25 февраля 1939 года Казимир Папее прислал в МИД Польши телеграмму о

беседе с Рудольфом Бераном, Франтишеком Хвалковским и Каролем Сидором, которые формально дали отрицательный ответ на венгерское предложение. Чехословакия связана, так же как и Венгрия, Венским арбитражем. И между прочим, продолжал министр, население Подкарпатской Руси не высказывалось за выход из Чехословакии.

Учитывая форму и тон беседы с чехословацкими руководителями, а не ее содержание, посланник все же сделал вывод: чехи отдали бы Карпатскую Украину⁸⁰.

Польская сторона считала, что венгерское руководство ведет себя нерешительно, и, как упоминалось выше, обещала самостоятельно решить проблему Карпатской Украины. Иштван Чаки в шифрограмме венгерскому посланнику в Варшаве Андрашу Хори просил разузнать, есть ли что-нибудь новое в польских планах по этому вопросу, и добавлял: «Сопоставляя события, я не считаю невозможным, что польское правительство действительно готовится что-то предпринять в Русинии с ведома Германии и чем-то компенсировало ее одобрение»⁸¹.

В начале телеграммы Чаки сообщал Хори: по имеющейся у него информации из источника, заслуживающего доверия, Польша в ближайшее время организует восстание в Русинии.

Сомнение Чаки в отношении намерений Польши свидетельствует об истинном состоянии дел в венгеро-польских отношениях.

И действительно, польское правительство, усомнившись в готовности Венгрии активно продолжать подготовку к захвату Карпатской Украины, само-

стоятельно разработало план террористической, диверсионной и пропагандистской деятельности в Закарпатье. План был разработан польскими консулами Мечиславом Халупчинским (Ужгород) и П. Курницким (Хуст – Севлюш) и согласован с присланным по просьбе посланника Казимира Папее в Прагу представителем польского Генштаба полковником Скрдлidgeвским в первой декаде января 1939 года. По этому плану диверсионные акции в Закарпатье должны были вестись из двух центров: Ужгорода (уже тогда включенного в состав Венгрии) и Пряшева (оставшегося в Словакии).

Первая акция – пряшевская: политико-агитационная (издание и распространение материалов), устная агитация, направленная на сопротивление населения властям (отказ от платежей налогов, проведение забастовок и демонстраций). Штаб ее в составе Павла Коссея⁸², Петра Жидовского, Эдмунда Бачинского и Ивана Пешака планировалось разместить в Пряшеве. Коссей назначался руководителем акции в Карпатской Украине, а Жидовский – в Восточной Словакии. Затем намечалось кооптировать в высшее руководство епископа Гайдоша, для того чтобы втянуть в борьбу и духовенство. С ним из Ужгорода поддерживал бы связь Халупчинский, и таким путем передавались бы инструкции по линии Коссей – Жидовский.

До открытия польского консульства в Братиславе контроль возлагался на Курницкого в согласии с польским посольством в Праге. На эту акцию МИД Польши предполагал выделять около 60 тыс. чехословацких корун в месяц.

Руководство акцией в Ужгороде возглавлялось на представителя Генштаба Польши, который находился бы в тесной связи с каноником Мариной. В их задачу входило создание в Карпатской Украине конспиративных троек, целью которых было бы осуществление диверсий и террора (нападения на помещения учреждений, казарм сечевиков и так далее), проведение террористических актов против эмигрантов из Галиции, инструкторов из Берлина (исключая нападения на политических деятелей местного происхождения). В Ужгороде планировалось сотрудничество с венграми. В этом центре все расходы возлагались на Генштаб Польши⁸³.

Хотя замысел был глобальным, результаты оказались не очень серьезными. Несмотря на то что задумка находилась под пристальным наблюдением, на ней несколько раз останавливался посланник в Праге Казимир Папее и другие, приводя противоречивые (непроверенные) данные. Наконец Курницкий, на которого была возложена задача координации и контроля за работой «штаба», направил 22 февраля 1939 года пространное донесение в МИД Варшавы «О положении в Карпатской Украине», с которым МИД ознакомил II отдел Генштаба и отдел безопасности МВД.

Курницкий написал его на основе бесед в течение двух недель февраля с Павлом Коссеем и Петром Жидовским в Праге, беседы 19 февраля с Жидовским в Пряшеве и 20-го — со Степаном Фенциком в Берегове. Начал он с того, что сейчас у Фенцика нет конкретной программы, а Коссей и Жидовский не хотят работать вместе, каждый действует по своему

плану: Коссей на Руси, а Жидовский — на Пряшевщине.

О Коссее он высказывался нелестно — он был дважды арестован: до и после выборов в сейм. Беседовали с ним Ревай и Климпущ, перетягивали на свою сторону, предлагали включить в единый список по выборам от русских партий. «С нами, — писал Курницкий, — он работает неискренне, только бы выманить денег». Сразу пришел из тюрьмы и просил согласия прервать работу на две недели. Консулу не оставалось ничего иного, как удовлетворить это пожелание.

Не лучшее представление сложилось у «инспектора» и о Петре Жидовском. Сначала Жидовский говорил, что у него достаточно людей, только бы поляки давали оружие для проведения диверсий, а когда ему сказали, пусть он занимается агитацией и пропагандой (как планировалось), то «смелых» людей у него не оказалось и для того, чтобы переправить литературу через словацкую границу в Карпатскую Украину. Он получил установленную квоту (30 тыс. корун) для печати, но не смог договориться даже со словаками. По приглашению Алексея Геровского собирался ехать в США на съезд, но ему не разрешили. Кто в таком случае будет вести борьбу против украинцев на Пряшевщине? Курницкий писал, что Степан Фенчик полностью дезавуировал ценность работы Петра Жидовского. Курницкий рекомендовал прислать на помощь Жидовскому людей Марины для «уничтожения украинских гнезд» в Бардиеве, Мезилаборце и других местах.

О Фенцике он писал, что тот жаловался на венгров за проведение ими «русинской кампании» и информировал его о

том, что просил Коссея возить его газеты в Хуст. В отношении желая Фенцика отметил, что тот хотел бы приехать в Варшаву и написать несколько отчетов о своей работе. Он продолжает поддерживать связь с польским консулом в Ужгороде, а в последнее время и с посланником Орловским в Будапеште. В то же время Фенцик ведет неинтересную игру. Связался с претендентом на российский трон Владимиром, который пообещал ему помощь людьми.

Остановился Курницкий и на внутреннем положении в Карпатской Украине. В отличие от шумихи в печати, по радио, дипломатической переписке о терроре и тому подобном он писал: «Здесь покой и порядок». И отмечал, что растут прочешские симпатии. Чешская полиция и жандармерия уступают место Сечи, влияние которой растет, персонально Климпуша. Но в Сечи есть немецкие инструкторы, писал он. Самые большие трудности у правительства – это финансы.

Наконец, Курницкий информировал свой МИД о создании в Хусте 9 февраля «Антикоммунистической лиги». Председателем ее стал Перевузык, заместителем его – Долинай, секретарем – Химинец. Ревизионную комиссию возглавила Ирина Невицкая, руководитель женского отряда Сечи. Собравшиеся отметили память Евгения Коновальца и Симона Петлюры, направили депеши Андрею Мельнику, Адольфу Гитлеру, Бенито Муссолини, Франсиско Франко и премьеру Японии. На собрании присутствовал начальник штаба Сечи Иван Роман⁸⁴.

Молодые сечевики из верхушки организации искали контактов и с мельниковцами. Может быть, Волошин был

прав, когда заявлял корреспондентам, что Андрей Мельник в Закарпатье не был. Связано это было с тем, что после гибели Евгения Коновальца, когда руководство перешло к Мельнику, он проявлял беспрецедентную осторожность. Представитель Венгрии в Берлине сообщал, что Мельник, возможно, самая законспирированная личность в Берлине. Поэтому местной власти (Волошину) пришлось в основном сотрудничать с галицкими националистами, заполонившими Закарпатье. В начале марта 1939 года начальник пограничной охраны II отдела Генштаба сообщил в МИД Польши, что с сентября 1938 по февраль 1939 года около 600 польских граждан – украинцев – тайно выехали в Закарпатскую Украину, потом, после службы в Сечи, нелегально возвратились в Польшу. Они разочаровались политическим и экономическим положением этого края, утверждал автор информации, часть из них выдворена правительством Карпатской Украины. На следующий день уже начальник II отдела Генштаба сообщил в МИД, что поступили сведения только о трех возвратившихся, что они завербованы и высланы в Польшу для диверсионной работы. В этом документе содержится примечание, согласно которому большая часть молодых украинцев, желавших нелегально выехать в Закарпатскую Украину, задержана на границе, а тех, которые переходят границу, чехи помещают в концентрационный лагерь (Думен) или выдают польским властям⁸⁵.

В январе 1939 года польский МИД получил материалы от своего посла в Риме Вянявы Длугошовского о пребывании в Риме Петра Кожевникова, назвавшегося

корреспондентом газеты «Дальний Восток» (Харбин). В действительности он был агентом гестапо. Разъезжая по странам, он узнавал позицию правительств и эмигрантских кругов в отношении украинского вопроса. В Рим приехал из Женевы, где часто посещал Николая Ливицкого. Там они обсуждали высказывание Гитлера 1932 года о его намерении образовать независимую Украину, находящуюся в «военном и политическом союзе с Германией», поэтому он противится установлению общей польско-венгерской границы. К тому же Кожевников считал себя наследником Коновальца, который якобы заменил находившегося в Берлине на нелегальном положении Ярия.

В этих материалах есть сведения о пребывании в Праге атамана донских казаков П.Х. Попова. Он появился в Праге 30 декабря 1938 года. На банкете в честь Попова, на котором присутствовали также представители украинской эмиграции в Чехословакии и в Карпатской Украине, он так сформулировал свою политическую программу: прежде всего освобождение своих краев — Дона и Кубани — в сотрудничестве с украинцами. Выступавшие с приветствиями Попова 1 января 1939 года ст. Каледин и инженер Глазков пропагандировали цели казаков-националистов. Это продолжалось и на состоявшемся 6–7 января в Праге с участием Попова окружном съезде донских казаков, проживавших в Чехословакии. На съезде принята резолюция, отразившая взгляды казаков-националистов. Главным врагом была определена коммунистическая власть. В ближайшие дни было намечено нанести визиты министру иностранных дел Франтишеку Хвалковско-

му и премьеру Карпатской Украины Августину Волошину.

Тогда в Праге было принято решение утвердить полномочными представителями казаков эмигрантов в Болгарии — Евсинова, в Париже — Алимова, в Германии — Овсяника, в Италии — Посохова, в Польше — Тулаева⁸⁶.

Польский посланник в Праге Казимир Папее выслал в свой МИД запись беседы, состоявшейся 7 февраля, консула Курницкого с Николаем Ливицким (сыном Андрея Ливицкого⁸⁷), который в январе около трех недель находился в Хусте, затем неделю в Берлине и около двух — в Праге. В беседе были затронуты взаимоотношения Волошина — Ревая с мельниковскими организациями. Ливицкий считал, что Волошин и Ревай вели с ними борьбу из-за боязни, что те могут захватить власть, но наконец они ее поделили. Волошину и Реваю досталась политическая власть, а мельниковцам — Сечь и вооруженные группы⁸⁸.

Польша при разработке карпато-украинской политики защищала прежде всего собственные интересы. Она боялась влияния украинских националистов Закарпатья на украинское население Польши, насчитывавшее в Восточной Галиции миллионы человек. В архиве МИД Польши сохранились записи («Пометки из Хуста»), составленные в Варшаве 20 января 1939 года. В них констатировалось: цель руководства Карпатской Украины — создание Великой Украины. Ее поддерживает Берлин. Это пока не актуально, но немцы все сосредоточивают там. Бюро Генриха Гимmlера направляет внешнюю политику, бюро Альфреда Розенберга оказывает помощь Сечи. Исполнителями

планов немцев на территории Карпатской Украины являются Августин Волошин, братья Брашайки, В. Комаринский и братья Климбуши. За инструкциями в Германию ездят Ревай, Комаринский, Иван Рогач, а прямо в Хусте их передает германский консул Гоффман.

В тех же записках говорится и о выводах германских геологов об отсутствии в Карпатской Украине богатых залежей сырья и минералов. Планы же экономического строительства — одни разговоры. Даже в условиях бездорожья строительство железной дороги Пряшево — Гуменное — Перечин — Свалява — Довгое — Хуст вестись не будет — оно обошлось бы очень дорого.

Местное население легко поддается агитации при обещании радикальных перемен. Оно поддерживает и планы превращения Карпатской Руси в Пьемонт украинского движения за независимость.

Там же отмечалось, что влияние Венгрии падает не только в результате украинской пропаганды, но и из-за плохого экономического положения на территориях, отошедших по первому Венскому арбитражу к Венгрии. По сравнению с чехословацким периодом идет заметное удорожание жизни. Снабжение товарами на Руси, писал составитель справки, неплохое, в основном налажено из Румынии⁸⁹.

Польша, точнее ее министр иностранных дел Юзеф Бек, поддерживала Венгрию в ее стремлении захватить Карпатскую Украину, но и то половинчато, предполагая часть этой территории заполнить для своего союзника — Румынии. Но в Польше были и другие внушительные силы, которые считали, что для

Польши было бы полезно самой овладеть этим краем.

Так, 24 февраля 1939 года группа депутатов и сенаторов Польского сейма (16 подписей)⁹⁰ из юго-восточной части страны направила меморандум военному министру генералу Тадеушу Касижичкому и в тот же день и президенту республики. 10 марта военный министр направил этот текст в МИД Польши. Там сделали пометку, что меморандум отражает общественное мнение и настроение палат сейма⁹¹.

Авторы меморандума восклицали: что происходит (в Польше) — украинские депутаты подали в сейм требование о предоставлении автономии. Закарпатская Украина⁹², с ярким врагом Польши Августином Волошиным, превратилась при поддержке Германии в Пьемонт Великой Украины, и если учитывать выступления и статьи Альфреда Розенберга, Германия пойдет на Польшу для создания Великой Украины. Если Польша заняла бы Закарпатскую Украину тогда, когда Германия — Судеты, то у Волошина не было бы 90% голосов (на выборах в сейм) и откликов во всем мире с картами Великой Украины, куда включен и Краков.

Этот очаг войны надо потушить. И авторы меморандума предлагали, как именно: «наше войско и правительство должны занять Закарпатскую Украину». Мы сначала, продолжали они, мыслили разделить этот край между Польшей, Румынией и Венгрией, но ход событий убедил нас, что это не решение проблемы и «Польша должна занять этот край полностью» по следующим причинам.

Во-первых, назревает конфликт оси Берлин — Рим — Токио, как и конфликт

оси Париж – Лондон – Вашингтон. Нам нужно определить, какую позицию занять нам. Во-вторых, нельзя допустить, чтобы Германия захватила Словакию и Закарпатскую Украину, а также Буковину и Бессарабию. По мнению членов Польского сейма, Карпаты – линия обороны лишь в том случае, если обоими склонами их владеет одно государство (Австрия владеет Галицией), и для защиты с юга «нам нужно занять не только Закарпатскую Украину, Словакию, но и часть Австрии». Они обращали внимание своих оппонентов: не надо бояться, что «захват Закарпатской Украины прибавит Польше новые хлопоты», ибо она представляет угрозу для польской безопасности независимо от того, кому она достанется: Чехословакии, Венгрии или Румынии, которые находятся под влиянием Гитлера. «Закарпатская Украина станет безопасной в одном случае – если ее захватит Польша»⁹³.

Что касается проблемы с населением – там, где 6 млн. русинов, будет и 6,5 миллиона. Это ничего не меняет. Раз у нас есть Пинское, Волынское, Тернопольское, Львовское и Станиславское воеводства, в основном населенные украинцами, то будет еще одна аналогичная административная единица. Причем, замечают они, это немалые хлопоты, но в то же время еще большие выгоды, большие, чем владение колониями. (Индию и другие колонии Англия считает драгоценным кладом.)

Кроме стратегической стороны, авторы излагали свои взгляды на экономические выгоды, подчеркивая: Подкарпатская Русь «очень богатый край». В Южных Карпатах в долине Тисы много прекрасных уголков отдыха. Минеральные

воды. Климат. Около Севлюша, Хуста, Мукачева много винограда и других фруктов. «Подкарпатская Русь может стать большим огородом для Польши». Определяется это в очень многих миллионах злотых.

Богатые леса, две большущие химические фабрики. Соль в Солотвино и другие руды. Гранитовые скалы для строительства дорог. Есть залежи марганца, меди и серебра. Тиса – рыбная река. «Это здоровье, замешанное на золоте». В меморандуме описан венгерский гнет, бедность населения – дома без пола, постелей и так далее, и сделан вывод: присоединение Закарпатской Украины к Венгрии было бы несчастьем для народа, что вызовет будущий бунт.

Когда Польша овладеет Закарпатской Украиной, то она «станет нашим часовым («szujka») за Карпатами». «Наша армия и администрация были бы глазами и ушами Речи Посполитой»⁹⁴.

Поскольку природные богатства этой земли велики, а плотность населения невысока, к тому же край лишен права иметь свою интеллигенцию, так что даже при предоставлении населению полного культурного и хозяйственного развития можно было бы на территории Закарпатской Украины в кратчайший срок поселить по крайней мере 100 тыс. поляков (войско, полиция, администраторы, инженеры, дорожные техники, учителя общих и средних школ, врачи, лесная и пограничная служба, различные общественные службы: железная дорога, почта, банки и так далее. Не менее шахтеров, квалифицированных рабочих, огородников, ремесленников). «Без больших расходов на этой территории можно иметь

большие результаты»⁹⁵. В случае войны население этой территории увеличило бы мощь «нашей армии». Четыре железнодорожные линии связывают этот край с Польшей. «Живет там очень добрый мирный народ, называется русинами»⁹⁶.

Так откровенничали парламентарии Польского сейма из OZN, то есть крайне правые из энциции. Действия, предпринятые польским правительством, особенно министром иностранных дел Юзефом Беком, свидетельствуют, что через несколько дней оно не только поддержало претензии Венгрии на Карпатскую Украину, но и настойчиво добивалось уступить восточную часть своему союзнику Румынии, да и само готово было (даже был такой приказ) занять район Ясиня.

На территории, перешедшей к Венгрии, активно продолжал действовать Степан Фенцик. Он переправлял пропагандистскую литературу из Берегова, Мукачева и Ужгорода в Карпатскую Украину, передавал своим сторонникам инструкции, как вести подпольную работу и борьбу против правительства Августина Волошина. Он также издавал там на венгерские деньги газету «Карпаторусский Голос» и пытался другими путями оказывать влияние на жизнь в оставшейся в составе Чехословакии Карпатской Украины. Красноречиво о кредо и действиях Фенцика в это время свидетельствует его письмо (инструкция), адресованное Эмилю Минне и Ивану Ковачу. Принес его из Берегова в Севлюш польский консул П. Курницкий. Фенцик в нем просил адресатов отвечать ему в Севлюше через Кароя Хокки, а в Праге через Яноша Эстерхази, депутата чехословацкого парламента, представителя

венгров в Словакии. Он намекнул и на то, что те окажут им «моральную и материальную» помощь. Поскольку он вел борьбу не только против украинцев, но и против своих конкурентов в услужении хортистской Венгрии, то поставил на одну доску украинцев и куртяковцев, то есть сторонников Автономного земледельческого союза Андрея Бродия, утверждая, что и те и другие «вели русинскую политику, продали наш народ и не хотят автономии». И не забыл прихвастнуть, что он в Венгрии пользуется «не только самым большим авторитетом», но и работа его признана во всех отношениях, и якобы он является «доверенным самых ответственных лиц».

Не забыл он и еще двух политических противников — лидера социал-демократической партии Юлия Ревая и Юлия Брашайко из народно-христианской партии — членов правительства Августина Волошина, утверждая, что те ведут переговоры с Венгрией, и рекомендовал, воспользовавшись этим, компрометировать их. И вообще украинцы не имеют уже никакого значения после того, как вопрос Великой Украины стал неактуален. Юзеф Бек тоже договорился с Адольфом Гитлером и только последний вопрос — о Подкарпатской Руси — остался открытым. Он будет решен арбитражем или плебисцитом. «И если бы это скоро не наступило, то мы готовим восстание и с оружием в руках будем защищать Подкарпатскую Русь... Русская Белая гвардия, до 40 тыс. человек, идет с нами. В Америке мы имеем до 100 тыс. чернорубашечников...» Своим сторонникам он давал задание «организовать русскую фашистскую или националь-

ную партию», если нельзя легально, то в подполье.

Он сообщал, что они, кроме газеты, переправляют в Карпатскую Украину из Венгрии тысячи листовок, и предлагал договориться с консулом, когда и кто получал бы все это. Кроме того, он просил материалы для своей газеты и рекомендовал на месте совместно «с другими русофильскими партиями издавать газету».

С целью конспирации Фенцик предложил в письмах писать вместо «польский консул» — Шварц, вместо «венгерский консул» — Вайс, а вместо «русские эмигранты-фашисты» — Фекете.

Фенцик сообщал и о своих связях за рубежом: Ира Лонгин и русские эмигранты-фашисты в Белграде и Париже помогают нам, и вы можете действовать через них⁹⁷.

В уже упоминавшемся письме председателю Венгерского национального совета Эндре Корлату Степан Фенцик общал: он остается в Ужгороде как вождь карпаторусских националистов в эмиграции и предпримет все, чтобы Карпатская Русь как федеративное государство или как территориальная автономная единица с полными правами самоуправления была присоединена к Венгрии.

После Венского арбитража Фенцик в письме премьер-министру Венгрии Беле Имреди и статс-секретарю канцелярии премьер-министра Тибору Патаки предлагал себя в качестве посредника при переговорах с теми поляками, которые ратовали за установление общей польско-венгерской границы, рекомендовал отказать от лозунга «От Попрада до Ясиня», заменив его лозунгом «От Ужгорода до Ясиня». Он предлагал организовать

польские и венгерские «сабад чапато» — «вольные отряды» (и без его участия уже существовавшие), которые маскировались бы под карпаторусских повстанцев, и настаивал на прекращении употребления названий «русин» и «рутен» как синонимов «украинец», а в печати и по радио употреблять «карпаторус».

Выступая на пресс-конференции, Фенцик утверждал, что в политической жизни Подкарпатья (имея, по-видимому, в виду территорию, отошедшую по Венскому арбитражу к Венгрии) существуют два направления. Во главе одного стоит Андрей Бродий, его поддерживают Йожеф Иллеш, Шандор Странявски и старые либеральные реакционеры, а также статс-секретарь Тибор Патаки. Другое представлено «чорнорубашечниками», представителями правых, их возглавляют Фенцик и фашисты.

Журналисту будапештской газеты Фенцик рассказывал, как он будет представлять в венгерском парламенте (мандат в который хортисты дали ему без проведения выборов, всего в палату представителей с территориями, перешедших к Венгрии по решению Венского арбитража, были приглашены 17 человек во главе с Андором Ярошем) «самостоятельный карпаторусский народ». Сообщил он и о том, как подал меморандум премьер-министру Беле Имреди, где «все осветил», и продолжал: «Я представитель самостоятельного народа, представитель карпаторусского национализма, противостоящего всякой подрывной работе, большевизму и разрушению». Журналист (в своей статье) расхваливал его как человека высокой культуры, говорившего на восьми языках, как при-

хвастнул ему Фенцик, на которого уже четыре раза покушались»⁹⁸.

В одной из газет была опубликована статья о том, как он привел «делегацию» к премьеру Имреди с целью «засвидетельствовать верность регенту и правительству»⁹⁹.

10 февраля 1939 года в румынской газете Tribuna, издававшейся в городе Клуж, была опубликована статья об угнетении русинов в Венгрии на территориях, отошедших к ней по первому Венскому арбитражу. Степан Фенцик выступил с опровержением, которое опубликовали почти все центральные газеты. Он отрицал, что венгры насаждали венгерский язык и запрещали карпаторусский. Он оперировал вымышленными цифрами о численности русинов и наличии народных (начальных) и средних школ различных профилей¹⁰⁰.

Последняя статья Степана Фенцика, включенная в досье венгерского МИДа, — это интерpellация, поданная в парламент Венгрии, о карпато-русской проблеме, «которая угрожает спокойствию Венгрии и Европы». Он остановился на двух вопросах: выборах в Карпатской Украине (12 февраля 1939 года) и присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту. Фенцик подчеркивал, что «карпаторусскому народу» до сих пор не дали права на самоопределение. 8 октября было образовано первое карпато-русское правительство. Беда пришла тогда, когда генерал Ян Сирови назначил премьером Подкарпатской Руси Августина Волошина (Фенцик в новое правительство не вошел), и Фенцик утверждал, что тот якобы был «известен сочувствием украинским коммунистам». Конечно, это было

не так. Фенцик настаивал на установлении общей венгеро-польской границы. Рутения — мост между Будапештом и Варшавой, а не Прагой и Москвой, восклицал он. При чешской системе Подкарпатская Русь была хорошей почвой для постоянной подпитки большевизма.

Далее Фенцик писал: нужно с большой радостью приветствовать польско-румынское соглашение об устранении Волошина и Ревая от представительства Закарпатья. Да и непонятна дружба германского консула Гоффмана с Волошиным. Затем он подверг критике употребление термина «Карпатская Украина». Десять лет тому назад газеты ничего не знали о Карпатской Украине, а писали только о Карпаторусланде, и утверждал: «Диалект руського народа не украинский, и русины не украинцы».

Из Русинска невозможно сделать вторую Македонию. Польские, американские, итальянские, английские и французские газеты, говорил он в своем выступлении в палате представителей венгерского парламента, признали подтасовку выборов в сейм Карпатской Украины 12 февраля, а немецкие газеты, главным образом *Völkischer Beobachter* и *Gränzbote*, пишут о великой победе Волошина¹⁰¹ и об «освобождении угнетенного народа из многовекового венгерского рабства»¹⁰².

Этот вопрос поднимал 18 февраля Деме Стояи в беседе со статс-секретарем германского МИДа Эрнстом Вайцзеккером, жалуясь на *Völkischer Beobachter* за опубликованную в ней 15 февраля 1939 года статью о выборах в сейм Карпатской Украины, «не служащую совместно определенным целям венгеро-немецкой друж-

бы», и подверг критике венское руководство и венскую печать. Он приложил вырезку из газеты и ответ на нее в выходявшем в Будапеште полуофициозе МИД Венгрии на немецком языке «Пестер ллойд». В этой статье позиция «Пестер ллойд» и Венгерского телеграфного агентства по поводу шума вокруг выборов в Карпатской Украине подвергнута критике. Статья утверждала, что 93% голосов, поданных за правительство, не подлежат сомнению, и критиковала агентство за информацию о так называемом терроре выборов системы Волошина, а также за нападки «Пестер ллойд» на выборы за допуск только единого списка по образцу Германии и Италии. Статья защищала Волошина, который «десятилетиями боролся за свободу Украины». Там же указывалось, что Венский арбитраж урегулировал вопрос и нечего из-за общей венгеро-польской границы заниматься аспирацией. Венгерский ответ был опубликован на следующий день в вечернем выпуске газеты. В нем приводятся ссылки на польскую и английскую печать, придерживавшиеся противоположных взглядов, и подчеркивалось, что Венгрия требовала плебисцита. Информировавший об этой полемике свой МИД венгерский посланник в Будапеште Леон Орловский обратил внимание на то, что венгерская пресса до возвращения Иштвана Чаки из Берлина не затрагивала вопрос Карпатской Украины¹⁰³.

В одном из донесений о беседе с Августинном Волошиным в Хусте польский консул в Севлюше сообщал, что Волошин часто и с ненавистью упоминал Фенцика. Волошин рассказывал о том, как комиссия по демаркации границы

предлагала ему выдать Фенцика, но он отказался, так как не знал, «что бы мы с ним делали». Консул доносил в Варшаву: «положение Фенцика в Венгрии не ахти какое», влияние он теряет, его теснят куртяковцы. Консул Курницкий предлагал выслать Фенцика в США для ведения там пропаганды — это все, на что он способен. Он рекомендовал также использовать в США и Алексея Геровского.

Курницкий предлагал также с целью прекращения антипольской деятельности в Закарпатье (в связи с усилением украинского влияния) снять лозунг польской пропаганды о присоединении Карпатской Украины к Венгрии (ибо возвращавшиеся из Венгрии говорили о беспорядках, дороговизне и тому подобных вещах) и заменить его лозунгом «автономия местным руснякам»¹⁰⁴.

Фенцик, говоря о двух течениях в политической жизни Закарпатья, как отмечалось выше, первым назвал Андрея Бродия. Речь идет о первом премьер-министре Подкарпатской Руси, который так откровенно лоббировал интересы Венгрии, что тогдашнее чехословацкое правительство сняло его с этого поста и арестовало. Некоторое время он просидел в пражской пересыльной тюрьме. Но пришедшие к власти Эмил Гаха, Рудольф Беран и Франтишек Хвалковский подошли к нему с иной меркой, даже посещали его в тюрьме, а затем, 11 февраля, освободили и послали на отдых в Карловы Вары.

Польский посланник Казимир Папее сообщал из Праги в МИД Польши 4 марта 1939 года: «По нашему совету 3 марта Андрей Бродий явился на аудиенцию у президента Чехословакии Эмила Гахи и тайно был им принят. Бродий предложил

Гахе аннулировать выборы в сейм Карпатской Украины (проведенные 12 февраля), назначить там временное правительство чиновников с целью проверки в крае украинских эмигрантов». Президент Гаха посчитал предложение Бродия важным и обещал обсудить и решить проблему в правительственных кругах¹⁰⁵.

Посланник информировал Юзефа Бека о дальнейших планах Андрея Бродия — в ближайшие дни он хотел поехать в Венгрию как частное лицо и принять там мандат депутата венгерского парламента¹⁰⁶.

Информация оказалась точной. Уже 7 марта в венгерских газетах появилось сообщение о приезде Бродия в Ужгород. Его приветствовал каноник Александр Ильницкий, а от имени Автономного земледельческого союза — партии, которую Бродий возглавлял (в Чехословакии), — Йосиф Каминский, после чего присутствовавшие на вокзале организовали шумный митинг¹⁰⁷.

Андрей Бродий, таким образом, за неделю до начала оккупации Карпатской Украины включился в открытую борьбу за присоединение ее к Венгрии. Пропаганда, которая велась там, была рассчитана на великие державы, и включение в нее на стороне хортистов известных с чешского периода политических деятелей оказалось для них большим подспорьем. Они утверждали, что население Карпатской Украины якобы страстно желает присоединиться к Венгрии.

В партии Андрея Бродия, Автономном земледельческом союзе, состоял и депутат чехословацкого парламента Юлий Фелдеш. Он тоже обосновался в Ужгороде и оттуда прибыл в венгерский город Печ «навещать знакомых», где дал

интервью газете *Esti újság*. Он говорил уже о трех направлениях или течениях в политической жизни Закарпатья: русском (к которому он отнес бродиевцев), великорусском (Фенцик) и украинском (Волошин). (Однако он был плохо осведомлен: к этому времени в Карпатской Украине уже не было ни Бродия, ни Фенцика, все политические партии были распущены и образована одна, поддерживавшая правительство Августина Волошина, — Украинское национальное объединение.)

После установления общей венгеро-польской границы он предлагал выделить «нейтральную территорию» и образовать там правительство русинов, направленное против Волошина¹⁰⁸.

С начала 1939 года в Ужгороде выходила еженедельная политическая «беспартийная» газета «для подкарпатских русинов» «Новая Неделя». Редактором и издателем ее был каноник Александр Ильницкий, издавалась она на деньги венгерского правительства, а значительная часть тиража переправлялась в Карпатскую Украину. В передовой первого номера «Наша дорога» Ильницкий выступил против Волошина: они оба исповедовали одну религию — греко-католическую, к тому же были церковнослужителями. При венгерском правительстве Михая Каройи 1918–1919 годов они выступали за единую и неделимую Венгрию, а теперь Волошин борется за единство с Украиной. Автор передовой утверждал: «Ни сердце, ни душа никогда не тянули нашего русина к какой-то Украине»¹⁰⁹.

На борьбу против Волошина был мобилизован в Будапеште и представитель папы римского Иштван Сантаи Самои.

Он составил меморандум для папы, в котором утверждал, что Волошин отошел от провенгерской ориентации по политическим соображениям. В пассаже, посвященном истории панславизма, прелат выступал против украинского и русского течений в Закарпатье¹¹⁰.

Венгерское правительство в те месяцы пыталось при помощи дипломатических служб оказать влияние и перетянуть на свою сторону правящие круги и общественное мнение в первую очередь великих держав. (И надо отметить, что дипломатической подготовкой захвата Карпатской Украины Венгрия добилась нужного результата: когда захват произошел, Югославия и Румыния сохранили нейтралитет.) Особую активность, как и прежде, о чем свидетельствуют материалы в предыдущих главах книги, проявлял Миклош Козма. Он не гнушался никаких подтасовок. 9 января 1939 года Козма направил в Берн в венгерское посольство обобщение о Закарпатье, в котором писал, что якобы из 320 священников, подчиненных епископу Стойке, 200 пожелали присоединения Карпатской Украины к Венгрии¹¹¹. Он приводил и ряд других данных, не имевших ничего общего с действительностью.

У хустского правительства Волошина возникли противоречия с центральным пражским правительством по целому ряду проблем. 1 декабря 1938 года новый президент Чехословакии Эмил Гаха назначил третий состав правительства Карпатской Украины. На этот раз всего из двух человек — Августина Волошина (премьер) и министра Юлия Ревая, третий портфель оставался вакантным. Только 17 января 1939 года президент на-

значил министром Закарпатской Украины чешского генерала Льва Прхалу. В связи с этим назначением противоречия обострились до такой степени, что вылились в массовые демонстрации протеста. Прага на это не обращала внимания, и требование об отзыве с поста министра чеха Прхалы игнорировала. Наоборот, Прага 6 марта сняла с поста министра Юлия Ревая, и в правительство Карпатской Украины был назначен Степан Клочурак, бывший лидер украинского крыла аграрной партии и до назначения министром — секретарь Волошина. Генерал Лев Прхала не только остался министром, но в его ведение были переданы внутренние дела, финансы и транспорт. Это вызвало еще большее недовольство. Кабинет продержался всего три дня.

Министр иностранных дел Чехословакии Франтишек Хвалковский в беседе с польским посланником в Праге Казимиром Папее отставку Юлия Ревая обосновывал так. Во-первых, Чехословакия намерена нормализовать отношения с соседними странами, в том числе с Польшей и Венгрией, и желает устранить моменты, вызывающие раздражение. Расширение же компетенции генерала Прхалы (за ним сохранились прежние военные должности) осуществлялись под знаком ликвидации Сечи. Во-вторых, Прага поступает так в духе ответа Германии, данного Франции и Англии 8 февраля 1939 года по поводу гарантий границ Чехословакии: Германия зарезервировала за собой право дать их после консолидации отношений между республиками внутри страны и с соседними странами. И Чехословакия намерена поступить так же. В-третьих, пражское прави-

тельство не считает, что для достижения этих целей следовало бы доходить до продажи Подкарпатской Руси¹¹².

В шифротелеграмме венгерского посланника в Праге Яноша Веттштейна в Будапешт 6 марта допускается наличие причинной взаимосвязи между двумя событиями того дня – вручением Яноша Вернле чехословацкому правительству меморандума (о продаже Карпатской Украины) и изменениями в его правительстве, «несмотря на небольшой промежуток времени между ними»¹¹³.

В ином свете выглядит положение дел в Карпатской Украине по «обработанной информации», полученной из «достоверных источников», присланной из пражского посольства в МИД (от 6 и 8 марта 1939 года) и тут же пересланной в МВД и Генштаб Польши. В донесении от 8 марта говорится, что пражское правительство 6 марта лишило Юлия Ревая министерского портфеля, о чем ему заявили в Праге в тот же день в 13 часов, мотивируя тем, что 3 марта из чешского арсенала в Хусте пропало оружие. После этого Ревай вместе с Макаренко поехали в Берлин. В президентском дворце, где он находился с Реваем, Макаренко заявил: посмотрим, что скажут на это в Берлине. А у Берлина уже были свои планы в отношении Чехословакии в целом и Карпатской Украины в частности, не совпадавшие с мечтами правителей Карпатской Украины.

К вечеру, когда решение центрального правительства стало известно в украинских кругах в Праге, те заявили, что не признают это кадровое решение и поднимут против чехов бунт в Карпатской Украине. Доктор Семец (он тоже из Гали-

ции) рассказал, что еще 4 марта в Пражском украинском социологическом институте (находившемся под влиянием эсеров) было известно об акции украинского отделения аграриев Карпатской Украины, направленной на устранение Ревая из правительства по политическим соображениям. Обвиняли его за прошлую социалистическую деятельность и за то, что дал возможность украинским социалистам и коммунистам поселиться в Карпатской Украине. Семец утверждал: он точно знает, что Росоха получил задание от руководства Организации украинских националистов составить список украинских социалистов (то есть социал-демократов) и коммунистов, проживавших в Карпатской Украине.

Изменения в правительстве Карпатской Украины Семец считал игрой Праги. Акция, по его утверждению, была согласована с Волошиным. Клочурака Семец называл коррупционером, которого купили чехи. Они уже теперь хотели бы «продать» Карпатскую Украину. Считали, что если игра с Реваем удастся, тогда смогут вдоволь «торговать Русью». Если же украинцы или заграница восстанут против чехов, то край и тогда при помощи армии сохранят в своих руках, но приведут его в положение, в котором он находился до 28 октября 1938 года. Если сейм не созовут до 12 марта, то правительство может провозгласить независимость. Но если и созовут, останется большая проблема античешских выступлений в Карпатской Украине и даже восстания против чехов¹¹⁴.

Первая из названных информация построена на сведениях, полученных от инженера Вихнаньского, доктора Хорвата,

управлявшего финансами Карпатской Украины, и Макаренко — главы украинской диаспоры в Праге. Там содержатся данные о том, как правительство Карпатской Украины (Волошин и Ревай), находясь в Праге, предложило 27 февраля пражскому созвать 2 марта в Хусте сейм Карпатской Украины. Против созыва на этот день выступили премьер Беран и министр Гавелка. Высший чиновник канцелярии президента Паркани, который в период чешско-украинского конфликта несколько раз выступал на стороне чехов против украинцев, сказал инженеру Вихнаньскому, что он 27 февраля просил президента подписать декрет о созыве сейма на 2 марта. Он не хотел, чтобы украинцы обвинили его в волоките. Паркани считал, что происходящее — это личная амбиция президента, премьера и Гавелки. Они утверждали, что правительство Карпатской Украины предварительно не согласовало эту дату с центральным правительством¹¹⁵.

По мнению Хорвата, чешско-украинский спор обошелся Карпатской Украине примерно в 50 млн. чешских корун, поскольку чехи закрыли в автономном крае все свои кредитные учреждения. В ходе экономических переговоров с Прагой, в которых принимал участие и Хорват, по его свидетельству, чехи готовы были доплачивать к бюджету Карпатской Украины по 300 млн. корун в течение двух-трех лет за гарантии Чехословакии в Карпатской Украине и обеспечение ей решительного влияния на будущее украинское государство, имелось в виду после присоединения Восточной Галиции к Карпатской Украине. По этому поводу не было принято никакого решения. Ре-

вай и Волошин обещали дать ответ после заседания сейма. Но Ревай сначала обсудит этот вопрос в Берлине.

Хорват обратил внимание и на ухудшение отношений Карпатской Украины с Румынией, которая поддалась польскому влиянию. Правительство Закарпатья заигрывало с Румынией и даже разрешило в Карпатской Украине конституироваться Румынской национальной раде. Председателем ее стал Александр Марина, директор школы в Апше, заместителем — поп Иван Михални, секретарем — Йижи Бойко из Солотвино. Рада направила в адрес румынского короля Кароля II и премьера Августина Волошина заявление, что румыны в Карпатской Украине довольны своим положением. Хорват рассказал такой случай: когда не было бумаги (поляки и венгры не захотели продать), румынский консул в Хусте выписал бумагу из Румынии для своих потребностей и передал в типографию правительства в Хусте. По мнению Хорвата, Польша была хорошо информирована о положении в Карпатской Украине. Деятельность официального начальника контрразведки в Карпатской Украине Одиńskiego (происхождением из Польши) была направлена главным образом против сторонников Организации украинских националистов из Польши, находившихся в Сечи. Их было около 50 человек.

В материалах внешнеполитического обозрения Венгрии за 20 января 1939 года показан иной подход. Там указывалось, что чехословацкое правительство этим назначением помешало плану Волошина включить в состав своего правительства двух украинцев-эмигрантов и одного белоруса и создать зародыш пра-

вительства Великой Украины¹¹⁶. Не удалось установить, на чем была основана такая информация для руководящих деятелей, печатавшаяся тогда небольшим тиражом на гектографе.

Между тем венгерский посланник в Берлине Деме Стояи продолжал «штурмовать» МИД Германии, стремясь узнать, когда же Венгрия получит разрешение на захват Карпатской Украины. 4 марта 1939 года Иоахим Риббентроп сделал очередную запись о беседе с Деме Стояи, который на этот раз предложил Германии и Италии сделать заявление в том смысле, что Венгрия – первый претендент на территорию Карпатской Украины и при любом новом упорядочении эту территорию присудят ей. Риббентроп ответил, что в настоящее время такое заявление невозможно, но пообещал сообщить о любых интересующих Венгрию изменениях в чешском вопросе¹¹⁷.

Стояи нанес этот визит на Вильгельмштрассе после получения 3 марта письма от Калмана Кани, в котором ему поручалось сообщить о том, что Венгрии известно трудное экономическое положение стран оси и она готова оказать им помощь, но для этого ждет от стран оси жеста, каким может стать передача ей Карпатской Украины, «если он будет сделан не слишком поздно». В конце письма Иштван Чаки дал указание Стояи сказать в МИД Германии: в случае присоединения Карпатской Украины Венгрия берет на себя обязательства по строительству дорог в направлении Восточной Европы. В строящуюся венгерскую дорожную сеть вошли бы дороги, которые мог бы планировать рейх. К тому же Венгрия готова принять во внимание и техниче-

ские пожелания, относящиеся к ширине дорог, строительному материалу и так далее¹¹⁸.

О словах Риббентропа Стояи в тот же день, 4 марта, сообщил Кане в Будапешт: Риббентроп не мог пообещать сделать в сторону Венгрии желанный жест, ссылаясь на решение Венского арбитража и на то негативное впечатление, которое произвело бы такое заявление. Но когда Стояи подчеркнул, что речь идет не о публичной декларации, а лишь о признании в какой-либо форме венгерских претензий, германский министр просил передать Чаки просьбу набраться терпения. Риббентроп отметил, что отношения с чехами складываются плохо. Пообещал постоянно информировать о них венгров¹¹⁹.

9 марта Стояи вновь вернулся к этому вопросу и написал более обширное донесение о беседе с Риббентропом. Стояи уточнил, что напомнил ему, как во время визита Чаки в Берлин, он (Риббентроп), Геринг и Гитлер определенно заявили, что не считают решенным чешский вопрос. Такое заявление в то время можно было толковать однозначно: при окончательном его решении венгерские претензии будут удовлетворены. Кроме того, Стояи в этом разговоре сослался и на заявление Гитлера о незаинтересованности Карпатской Украиной на встрече с Бекком в январе в Берхтесгадене, подтвержденное и Риббентропом в дни посещения им Варшавы¹²⁰.

Высказывал венгерский посланник и свое впечатление об отходе украинского вопроса на задний план и все большей актуализации польской проблемы, по его мнению, после последнего пребывания Бека в Германии (5 января 1939 года), ко-

гда тот не принял предложения Гитлера в отношении Данцига и Восточной Пруссии¹²¹. Способствовали росту напряженности польско-германских отношений и проводившиеся в Варшаве в дни пребывания там Чиано антигерманские демонстрации. Визит министра иностранных дел Румынии Григоре Гафенку в Польшу оживил в Берлине подозрение, возникшее осенью, о якобы готовившемся блоке Польша – Румыния – Венгрия. Стояи рекомендовал принять все меры, чтобы эти опасения Германии не находили поддержки в Венгрии¹²².

По поводу желаемого жеста со стороны Германии – передачи Карпатской Украины – Деме Стояи беседовал и со статс-секретарем германского МИДа Эрнстом Вайцзеккером 10 марта 1939 года, о чем и сообщал в четырех шифрограммах в тот же день. Посланник повторил все то, что говорил накануне министру, напомнил о заявлении Адольфа Гитлера в январе 1939 года Иштвану Чаки о своей незаинтересованности в Карпатской Украине. Стояи и Вайцзеккеру передал венгерское предложение принять во внимание пожелания Германии в отношении строительства дорог в Венгрии (ширина, способ строительства, материалы и так далее)¹²³.

Запись этой беседы сохранилась и в германском МИДе. Вайцзеккер закончил ее заверением Стояи в том, что если с германской стороны и были какие-либо колебания по поводу венгеро-польской границы, то они могут не играть никакой роли, «поскольку граф Чаки никогда вообще не будет верить в венгеро-польскую дружбу, а всегда только – в венгеро-германскую, и опираться будет только на нее».

По венгерской записи, Вайцзеккер спросил посланника, не связано ли его посещение прежде всего с конфликтом внутри Чехословакии¹²⁴.

Германия, стремясь окончательно расчленив Чехословакию, начала поддерживать словацких сепаратистов. Словацкое правительство выдвинуло ряд требований (увеличить число мест для Словакии в центральном правительстве, в том числе и в общих министерствах, создать самостоятельную словацкую армию и так далее). Переговоры зашли в тупик, поскольку правительство Чехословакии посчитало эти требования вымогательством, шантажом. Прагу раздражал и визит 28 февраля 1939 года в Берлин двух словацких министров – Фердинанда Дурчанского и Микулаша Пружинского¹²⁵.

Как информировал Франтишек Хвалковский венгерского посланника Яноша Веттштейна в Праге, часть министров вели параллельные переговоры с германским правительством в Берлине. Переговоры в Праге завершились безрезультатно, но договорились, что 8 марта все члены словацкого правительства прибудут в Прагу. Этого не произошло, и переговоры продолжили двое – Кароль Сидор и М. Тепланский (первый в качестве полномочного представителя словацкого правительства).

По экономическим требованиям, выдвигаемым словаками, можно было достичь соглашения. Но чешская сторона потребовала от словацких министров ясного ответа, хотят ли словаки оставаться в составе единого государства и если да, то готовы ли решительно прекратить в Словакии пропаганду отделения. Сидор и Тепланский ответили: по этому вопросу

нет единства и в самом словацком правительстве. Часть министров выступает за сохранение связей с Прагой, другая – за переход Словакии под протекторат Германии, а Йозеф Тисо колеблется¹²⁶.

Ставленник Гитлера в Вене Артур Зейс-Инкварт 7 марта появился в Братиславе и предложил Йозефу Тисо: пусть Словакия провозгласит независимость и вступит с Германией в таможенную и финансовую унию. На ответ он дал Тисо 48 часов. Тисо 9 марта посетил в Вене Зейс-Инкварта и сообщил ему о принятии предложения. Провозглашение независимости Словакии намечалось на 12 марта. Но Прага узнала об этом¹²⁷, и президент Чехословакии Эмил Хаха заявил министрам: это словацкое правительство неспособно решать поставленные перед ним задачи. Правительство было распущено, а ведение дел поручено министру просвещения Сиваку.

Чешские национальные войска заняли Тренчин, Жилин. В Братиславу они вошли на танках и грузовиках. Сообщалось о концентрации и немецких войск у Девече и Лигетфалу. Веттштейн спросил министра иностранных дел Хвалковско-го: хотят ли чехи оставаться вместе со словаками или они за отделение Словакии? Хвалковский решительно заявил, что они хотят остаться вместе со словаками, но не любой ценой. Если никак не удастся устранить противоречия, тогда он за разрыв, ибо «настоящее положение невыносимо»¹²⁸.

В тот же день, 9 марта, президент Чехословакии назначил новый, четвертый кабинет Волошина. В его состав дополнительно вошли в качестве министра без портфеля Юлий Брашайко и два государ-

ственных секретаря – Юрий Перевузник и Николай Долинай¹²⁹.

В упоминавшейся беседе Стояи с Вайцзеккером последний заявил, что германское правительство поразило силовое решение Прагой этого вопроса. Берлин 10 марта предпринял решительный шаг, следствием которого был вывод чешских солдат и полицейских из Братиславы и других городов, а в столице Словакии власть перешла к гвардии Андрея Глинки, получившей от Германии много оружия.

Хаха срочно вызвал в Прагу председателя словацкого парламента (без него он сам не мог дать поручение создать новое словацкое правительство) Мартина Сокола. 11 марта было сформировано новое, второе правительство Йозефа Тисо. Как сообщал в тот же день Галеаццо Чиано венгерскому посланнику Фридьешу Виллани, с образованием правительства Тисо кризис между чехами и словаками разрешился, как того и хотела Германия¹³⁰.

Гитлеровцам, использовавшим словацко-чешские и словацко-венгерские противоречия, удалось перетянуть на свою сторону правых словацких руководителей – Шаньо Маха, Войтеха Туку, Фердинанда Дурчанского и самого Йозефа Тисо. Характерно в этом отношении донесение венгерского консула из Братиславы от 3 марта, в котором он сообщал об успешной пропаганде Туки и Маха в интересах независимой Словакии. Он информировал о создании гвардии Глинки и организации Родобрана (словацкого ополчения). «Весь план осуществления независимости построен в расчете на поддержку Германии, и в первую очередь потому, что Германия – единст-

венная держава, которая в момент провозглашения независимости могла бы сдержать Чехию...»¹³¹ Он отмечал, что объявление независимости Словакии возможно в ближайшие дни, но точный срок будет определен Германией.

11 марта, еще до назначения Тисо премьером, Стояи из Берлина доносил в Бу-

дапешт: Германия заняла античешскую и прословацкую позицию¹³². Из Берлина, да и из других источников, в том числе и из Варшавы, поступала информация о неминуемом скором распаде Чехословакии и рекомендации венгерскому правительству быть наготове в отношении мер против Карпатской Украины.

Глава четвертая

Оккупация Карпатской Украины венгерскими войсками

Активизировалась и Германия. В тот же день, 11 марта 1939 года, германский посланник в Будапеште Отто Эрдманнсдорф передал министру иностранных дел Иштвану Чаки памятную записку. В ней говорилось: германское правительство исходит из того, что на территории Карпатской Украины становится необходимым проведение определенной венгерской акции, но до ее начала венгерскому королевскому правительству следует учесть следующие требования.

Во-первых, в случае оккупации территории Карпатской Украины (в ее ходе и после) необходимо считаться с немецкими транспортными потребностями. Во-вторых, акция не должна затрагивать экономические интересы империи и ее граждан. Венгерское королевское правительство признает соглашения и договоры экономического характера, официально заключенные империей и частными органами с карпатоукраинским правительством.

В-третьих, венгерское королевское правительство признает справедливо приобретенные права живущих в Карпатской

Украине «народных немцев». В-четвертых, члены правительства Карпатской Украины, бывшие карпатоукраинские министры и другие лидеры карпатоукраинской политической жизни, как например, руководители организации самообороны Сечь, не будут привлечены к судебному или иному преследованию за их политическую ориентацию¹.

Тогда же венгерский посланник в Братиславе связался с Будапештом по телефону и сообщил: Зейс-Инкварт звонил Яношу Эстерхази (лидеру венгерского меньшинства в Словакии) и интересовался его позицией в связи с новыми событиями. Эстерхази ответил, что ожидает образования нового правительства, а затем вступит с ним в контакт по поводу пожеланий венгерского меньшинства. Зейс-Инкварт предложил Эстерхази приехать вместе с Францем Кармасиным в Вену (машину за ними он пришлет). Но Эстерхази не принял этого предложения².

В тот же день телеграмму аналогичного содержания послал в Варшаву и польский консул в Братиславе Лацинский³.

Утром 12 марта Гитлер сообщил венгерскому посланнику в Берлине Стояи о своем согласии на оккупацию Карпатской Украины венгерскими войсками. К этому времени по дипломатической линии в венгерском МИДе скопились известия о передвижении германских войск в сторону Чехии и Словакии. МИД также располагал информацией о намерении Гитлера захватить Чехию и Моравию, а в отношении Словакии у Венгрии были самые противоречивые сведения. Чаки боялся, что и Словакия попадет под германское господство, а это нарушило бы равновесие великих держав в Европе, и «для его восстановления», как сообщал он в этот день Виллани в Рим, Венгрия готова пойти на любой риск и немедленно оккупировать русинскую землю. Он высказал мнение в расчете на одобрение Рима, согласно которому для поддержания политического равновесия в Карпатском бассейне необходимо исключить там всякий перевес державы, находящейся за пределом бассейна. «В этом заключался смысл вековой борьбы против русского, турецкого и немецкого влияния», — писал он. Чаки опасался, что политическое положение в мире вновь может привести к нарушению равновесия в этом регионе⁴.

Иштван Чаки тут же послал телеграмму и в Варшаву посланнику Андрашу Хори с просьбой сообщить Юзефу Беку: образование возможной зависимой Словакии от Германии «полностью нарушило бы равновесие в Карпатском бассейне», и Венгрия, если бы могла рассчитывать «на польскую военную помощь», немедленно приступила бы к занятию Русинии «для восстановления в определенной ме-

ре этого равновесия». В другой шифрограмме Чаки поручил Хори спросить лично у Бека, осталась бы в таком случае Румыния нейтральной⁵.

Чаки в тот же день, 12 марта, получил от Стояи из Берлина телеграмму, в которой тот сообщал о своем прибытии на следующий день в Будапешт и о намерении встретиться с Чаки и премьер-министром для доклада⁶.

Утром 13 марта спецсамолетом в сопровождении Понтера Альтенбурга (занимавшегося чехословацкими и австрийскими вопросами в политическом отделе германского МИДа) Деме Стояи прилетел в Будапешт и сообщил венгерским руководителям о согласии Адольфа Гитлера на занятие Карпатской Украины венгерскими войсками. Кроме того, фюрер информировал Стояи: «На повестке дня непосредственное раздробление Чехословакии». Он признает независимость Словакии, но признание правительства Волошина отложит на 24 часа. Гитлер просил посланника передать правительству: «В распоряжении Венгрии будет 24 часа, в течение которых она может решить рутенский вопрос».

Хортистское руководство ликовало. Как отмечал германский посланник Отто Эрдманнсдорф в своей телеграмме в Берлин, утром 13 марта он с Понтером Альтенбургом посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Яноша Вернле (Иштван Чаки был болен), начальника Генштаба Хенрика Верта, премьер-министра Пала Телеки и регента Миклоша Хорти, «который принял предложение с воодушевлением». Хенрик Верт рекомендовал начать наступление через неделю из-за необходимости

подготовиться на случай сопротивления чехословацкой армии. Немецкие эмиссары убеждали всех своих собеседников, что это будет слишком поздно⁷.

Хорти пообещал от имени всех посвященных в эти планы сохранить их в тайне. В день прибытия Стояи в Будапешт на совместном германо-венгерском совещании, где присутствовали посланник Германии в Будапеште Эрдманнсдорф, начальник подотдела «IV. Б.» министерства иностранных дел Германии Альтенбург, регент Венгрии Хорти, премьер-министр Телеки и начальник Генштаба Венгрии Верт, были согласованы предстоящие военные действия по оккупации Карпатской Украины. Согласно договоренности, Венгрия должна была напасть на Чехословакию 18 марта, а Германия — на следующий день.

13 марта Хорти направил Гитлеру письмо, в котором выражал благодарность фюреру за «богатую ресурсами провинцию», имеющую для Венгрии «жизненное значение», и сообщал, что в четверг, 16 марта, он организует на границе провокационный инцидент, «вслед за которым в субботу должен быть нанесен большой удар»⁸.

Но эта договоренность не совсем устраивала не только германскую сторону, но и большинство участников с венгерской стороны. Хорти пообещал оказать влияние на начальника Генштаба. Чаки, больной, был поднят с кровати с заданием максимально ускорить захват.

На срочно созванном в тот же день коронном совете (заседании правительства под председательством регента Хорти) решили сократить подготовку. Иштван Чаки в своем выступлении призвал Хен-

рика Верта оккупировать Карпатскую Украину в течение 12 часов. Верт ответил: он не может этого сделать, ему нужно хотя бы три дня на подготовку. Тогда Чаки заявил о своей готовности подать в отставку при условии, что он станет начальником Генерального штаба, и тогда Закарпатье будет оккупировано в течение шести часов⁹.

В срочном порядке к границе Карпатской Украины стягивались венгерские войска, в основном новобранцы. Начальник Генерального штаба Хенрик Верт 10 марта направил министру иностранных дел Иштвану Чаки (и одновременно премьер-министру и министру обороны) записку о положении дел в Карпатской Украине, оттенив устремления всех ближних и дальних стран, которые в создавшейся ситуации желали бы использовать ее в полной мере в своих интересах, и внеся ряд предложений для осуществления венгерских целей¹⁰. Но генерал не предполагал, что развязка может наступить столь быстро!

В то время в Карпатской Украине велась острая политическая борьба. Перед выборами 12 февраля, о чем уже говорилось, шел процесс образования унитарного государства в виде президентской республики с одной партией — Украинское национальное объединение, которая стала единственной легальной партией, если не считать предоставленного правительством немцам права на создание партии национал-социалистского направления с использованием гитлеровской символики. Но это был только жест в сторону Германии, если учесть незначительную численность немецкого населения в Карпатской Украине. Все

попытки отстраненных от политической жизни партий, выступавших прежде с автономистскими лозунгами, создать новые общественные и партийно-политические объединения подавлялись еще и потому, что те пользовались всяческой поддержкой Венгрии и Польши.

Перемены в Карпатской Украине в первые месяцы 1939 года проходили под влиянием внешнего фактора – гитлеровской Германии. Правительство Августина Волошина оказалось в сложном положении. Карпатская Украина с юга, севера и востока была окружена вражескими державами. На западе тоже было беспокойно из-за споров со Словакией за Пряшевшину, и в отношениях с пражским правительством (Карпатская Украина состояла в федерации Чехословацкой республики) чем дальше, тем больше росло напряжение. Гаха 6 марта вновь реорганизовал правительство Карпатской Украины и опять министром внутренних дел назначил генерала Льва Прхалу. Волошин остался премьер-министром. В дипломатических кругах некоторых стран считали этот шаг упрочением позиций Праги в Карпатской Украине. Но это впечатление было обманчивым. Чехословакия стремительно приближалась к своему концу.

Волошин через консула в Хусте Гоффмана, лидера местных немцев Ольдофреда и германское посольство в Праге постоянно консультировался с властями Германии о своих шагах на посту премьера. В одном из донесений в Берлин временный поверенный в делах Германии в Праге Андреас Хенкке сообщал о желании Волошина лично прибыть в Берлин и поблагодарить Гитлера и Риббентропа за предоставленную возможность обра-

зования автономной Карпатской Украины и за моральную ее поддержку¹¹.

Премьер несколько раз по различным каналам зондировал возможность поездки в Берлин. Но лидеры германской империи не реагировали. Сначала они его подбадривали, но когда убедились, что для Германии будет больше пользы от Венгрии, бросили своего ставленника на произвол судьбы.

Утром 13 марта, как сообщал Веттштейн из Праги в Будапешт, вслед за Тисо вылетел в Берлин и Сидор. Хвалковский в беседе с итальянским посланником выразил надежду, что Тисо в Берлине не будет говорить о полной независимости Словакии, а лишь попросит германское руководство помочь уладить расхождения во взглядах с центральным правительством¹².

Но Хвалковский просчитался. Гитлер потребовал от Тисо blitz schnell (молниеносно) заявления о независимости Словакии, чтобы он мог энергичнее заняться чехами, «не выполняющими обязательств». Тисо рассказал об этом на закрытом заседании словацкого государственного собрания, которое в 13 часов 14 марта 1939 года провозгласило независимость Словакии. Правительство ушло в отставку. В новое правительство вошли: Йозеф Тисо – премьер, В. Тука – вице-премьер, министр иностранных дел – Фердинанд Дурчанский, министр внутренних дел – Кароль Сидор¹³.

В Будапешт тогда же поступило и сообщение Яноша Веттштейна о том, что предыдущей ночью германское правительство потребовало от правительства Чехословакии согласия на отделение Словакии, которое и было получено.

Иштван Чаки 14 марта в 13.45 послал шифровку венгерскому консулу в Братиславе с указанием: если Словакия провозгласит полную независимость, поздравить главу правительства и, ссылаясь на позицию венгерского руководства, пообещать скорейшее открытие посольства Венгрии. А если не удастся установить, будет ли суверенитет Словакии полным, тогда только очень тепло поздравить главу правительства и пообещать доброжелательную братскую помощь со стороны Венгрии.

В 14 часов того же дня Чаки отправил посланнику в Вашингтоне Яношу Пелени информацию, что в Русинии якобы положение стало слишком тяжелым, идет преследование венгров и местного русьского населения, на повестке дня стычки на границе. В качестве примера он приводил столкновения утром у Мукачева (речь идет о венгерской провокации). Средства массовой информации Венгрии пытались возложить за этот инцидент ответственность на Чехословакию¹⁴. «Для восстановления порядка и равновесия, — писал он, — мы вынуждены будем вмешаться»¹⁵.

Как свидетельствуют телеграммы, посланные 14 марта из Будапешта в Хельсинки, на границе с Карпатской Украиной местами возникла беспорядочная стрельба. Так было в окрестностях Мукачева. Венгерские войска заняли Ёрхедь. Ночью слышны были выстрелы также в Дравцах под Ужгородом. Завязалась перестрелка и около Великой Доброни, а «также между Шаланками и Черным Потокм вблизи Севлюша, около Фанчикова и Вербовца»¹⁶.

В три часа дня 14 марта венгерское правительство через посланника в Буда-

пеште Милоша Кобра передало ультиматум чехословацкому правительству, в котором упомянуло о своем признании независимости Словакии, но в то же время, ссылаясь на события в Карпатской Украине и постоянно повторяющиеся инциденты, потребовало от чешского правительства немедленно освободить интернированных лиц венгерской национальности, прекратить их преследование и разрешить им полную свободу организации, отрядам венгерской самозащиты дать оружие, в течение 24 часов начать эвакуацию чешских и моравских войск с территории Карпатской Украины, в полной мере обеспечить сохранность имущества венгерских подданных и лиц национальных меньшинств. На выполнение этого ультиматума венгерское правительство давало 12 часов¹⁷.

Вечером того же дня Милош Кобр вручил постоянному заместителю министра иностранных дел Венгрии Яношу Вернле ответ на венгерскую ноту, полученную в полдень. В ноте большинство пунктов ультиматума чешское правительство пообещало выполнить (освободить интернированных венгров, обеспечить им свободу и сохранность их имущества, вывод чешских войск уже начался), но отказалось вооружать отряды венгерской самообороны, ссылаясь на закон Карпатской Украины, согласно которому право на оружие имеют только армия и органы безопасности¹⁸.

В ответ венгерское правительство заявило: если правительство Карпатской Украины не может или не хочет защитить венгерское население на своей территории, то о нем позаботится венгерское правительство.

Между тем в Хусте ночью с 13 на 14 марта по заранее подготовленному плану часть руководства сечевиков с целью свержения законного правительства окружили правительственное и жандармское управление, почту, вокзал и напали на несколько военных объектов. В Хусте был дислоцирован 45-й пехотный полк. Войска против сечевиков применили танки, бронемашину и артиллерию. Бой продолжался несколько часов. В результате, по некоторым данным, от 70 до 108 сечевиков были убиты и сотни интернированы¹⁹.

По этому поводу польский консул доносил 14 марта из Севлюша: Сечь ликвидирована чешской армией в Королевенад-Тисой и в Хусте. В Хусте не обошлось без кровопролития: 14 убитых и свыше ста раненых. Улицы в столице патрулируют войска и броневики. Венгерские войска на границе около Севлюша не продвигаются вперед.

В тот же день венгерский посланник Андраш Хори в Варшаве передал депешу Иштвана Чаки министру иностранных дел Польши Юзефу Беку. В ней, в частности, говорилось: в связи с ситуацией, возникшей после провозглашения независимости Словакии, Венгрия предприняла военные меры 14 марта в районе Мукачевы утром, а вечером – около Ужгорода с целью занять выгодные позиции. Произошли мелкие стычки. (Как видим, здесь уже не упоминается чешская провокация.) Чаки далее информировал о планах действий венгерской армии – мобилизации трех корпусов, времени начала основного нападения, подчеркивая: это последний шанс, когда можно овладеть Подкарпатской Русью.

Одновременно венгерское правительство просило руководство Польши «доброжелательно освещать в польской печати военные действия Венгрии», подчеркивая при этом «моменты провокационного террора правительства Волошина»²⁰.

Вечером 14 марта в 18 часов Августин Волошин выступил по радио в Хусте. Он сказал: решением словацкого сейма была провозглашена независимость Словакии. В связи с этим изменилось и международное положение Карпатской Украины, которая «нашим сеймом будет официально провозглашена независимым государством». Но наше правительство уже «теперь провозглашает нашу независимость». Прага отреагировала на это отказом защищать Карпатскую Украину, которая порвала с чешским правительством.

В тот же день вечером Волошин от имени правительства Карпатской Украины направил телеграмму в Берлин с просьбой «принять к сведению провозглашение нашей самостоятельности под покровительством германской империи»²¹. С целью затяжки времени немецкое правительство, как свидетельствовал Волошин, попросило направить просьбу в письменном виде, что и было сделано.

Однако ответа не последовало. В Хусте нервничали и вновь обращались в Берлин, сообщая: вследствие провозглашения независимости Словакии Карпатская Украина не имеет возможности оставаться в составе Чехословакии²². 15 марта в Хусте заседал сейм. Была провозглашена независимость Карпатской Украины, а А. Волошин был избран президентом.

Напрасно ждали в Закарпатье ответа и на запрос в Берлин, отдала ли Германия Карпатскую Украину Венгрии. Только во

второй половине дня 15 марта статс-секретарь германского МИДа Эрнст Вайцеккер поручил консулу в Хусте Гамилтону Гоффману сообщить правительству Карпатской Украины устно, что в условиях наступления венгерских войск по всему фронту правительство Германии «не имеет возможности, к сожалению, взять Карпатскую Украину под свой протекторат» и советует не оказывать сопротивления венгерским войскам²³.

Приведенные выше материалы о сговоре Германии и Венгрии свидетельствуют о том, что они бросили своих ставленников в Хусте на произвол судьбы.

В Берлине под утро 15 марта Гаха и Хвалковский на встрече с Гитлером и Риббентропом подписали документ о переходе Чехии и Моравии под протекторат Германии. В шесть часов утра германские войска начали оккупацию этих земель. В Закарпатье продолжалось наступление венгерских войск.

В 12.30 15 марта Иштван Чаки послал Августину Волошину в Хуст ультиматум, в котором предлагал сдать фактическую власть без сопротивления представителям Венгрии, входящим во главе войск. Ответить надо было до 20.00²⁴. Волошин ответил в 16.50. В его телеграмме сообщалось: правительство провозглашенной сегодня самостоятельной Карпатской Украины направило в Будапешт делегацию в составе трех человек для переговоров по вопросу о государственной принадлежности. Он просил до их завершения приостановить военные действия²⁵.

В тот же день в 18.05 Иштван Чаки ответил: венгерское правительство гостеприимно встретит сегодня заявленную делегацию. Но уже начатые военные дейст-

вия нет возможности остановить по техническим причинам. Венгерское правительство намерено как можно скорее занять русинскую землю и просило Августина Волошина как церковного деятеля сделать все для избежания кровопролития²⁶.

Начальник Генерального штаба венгерской армии Хенрик Верт 15 марта писал министру иностранных дел Иштвану Чаки, что в результате прекращения существования Чехословацкого государства чешский генерал, министр внутренних дел Подкарпатского правительства Лев Прхала отдал приказ, чтобы чехословацкие войска в Закарпатье не оказывали сопротивления венгерским войскам, вступил в контакт с командованием венгерских войск и приказал чехословацким войскам сложить оружие и отступить. Начался вывод чешских войск через Словакию и Румынию.

С началом вывода чешских войск из Карпатской Украины начальник венгерского Генштаба Хенрик Верт облегченно вздохнул и без привлечения дополнительных сил продолжал наступать в трех направлениях (три колонны): от Ужгорода к Ужокскому перевалу, из Мукачева в направлении Свалявы и из Берегова на север в Боржавскую долину и на восток к Хусту — Рахову — Ясию. Новая ситуация позволила ему отказаться от намеченного создания Карпатской группы войск, отменить приказ о привлечении войск 6-го корпуса и осуществить оккупацию Карпатской Украины силами мобилизованных частей 8-го корпуса²⁷ — 1-й конной бригады, 2-й мотомеханизированной и 11-й пехотной.

В направлении движения на Хуст первые бои произошли вечером с сечевица-

ми у Фанчикова и Вербовца. 15 марта в Севлюше было еще спокойно. Наступавшие из Мукачева в тот день заняли по дороге на Сваляву несколько стратегических высот.

16 марта венгерские войска, наступавшие в долине реки Уж, продвинулись незначительно, по донесению, из-за плохой снежной погоды, а в действительности – на подступах к Перечину наткнулись на сильное сопротивление. Мукачевская группа через Сваляву, Воловец (в 18 часов) и Верецки (около трех часов утра 17 марта) достигла польской границы. Войска, действовавшие в долине реки Боржава, через Билки продвигались в направлении Долгого. В долине Тисы венгерские войска в этот день заняли Севлюш, село Великую Копаню и вступили в самый кровопролитный бой за всю кампанию на подступах к Хусту, на Красном поле. В боях со стороны защитников столицы Карпатской Украины участвовали около 4 тыс. человек (сечевики, демобилизованные из чешской армии солдаты из местного населения и другие добровольцы, ученики хустской гимназии и севлюшского педучилища). По данным венгерского военного архива (приведенным И. Гранчаком в «Очерках истории Закарпатья», т. 2), 230 из них пали в бою, многие были ранены и 450 попали в плен²⁸. По тем же данным, на Красном поле погибли 160 венгерских солдат и около 400 были ранены.

К этому времени правительство Волощина покинуло Хуст. Сам он с ближайшим окружением утром 16 марта выехал в направлении Тячева и в районе Великой Бочкова пересек границу Румынии, откуда затем переехал в Югославию и че-

рез Вену в Прагу, оккупированную германскими войсками.

Только в этот день регент Миклош Хорти отдал приказ по войскам о наступлении на Карпатскую Украину, в котором выразил уверенность, что гонимые освободят «русских братьев», вернут их в империю святого Иштвана²⁹. До тех пор Венгрия вела необъявленную войну, а дипломаты ссылались на то, что уже после инцидента на демаркационной линии в пригороде Мукачева Росвигово 6 января, в котором венгерская сторона обвинила Чехословакию (а фактически это была провокация с венгерской стороны), МИД Венгрии начиная с 9 января неоднократно повторял, что венгерские войска в случае нового инцидента получили приказ преследовать чехов на их территории до полного их уничтожения. Интересно заметить, что для выяснения событий в Мукачеве была создана совместная венгеро-чехословацкая комиссия, которую с венгерской стороны возглавлял полковник Рудольф Андорка, начальник отдела разведки контрразведки Генштаба. По записи в его дневнике о заседании комиссии в Мукачеве, он узнал, что венгерский караул пьянствовал вместе с чешским, возникла драка и был застрелен чешский полицейский, после чего началось настоящее побоище. Выявить зачинщиков ему не удалось³⁰, но суть в том, что по Венскому арбитражу Росвигово должно было оставаться в Чехословакии и чешский караул хотел его явочным порядком занять. Провокация в окрестностях Мукачева была использована Венгрией как повод для начала захвата Карпатской Украины.

Итак, 16 марта был обнародован приказ Миклоша Хорти. Премьер-министр

Пал Телеки в палате представителей венгерского парламента заявил, что в связи с распадом Чехословакии, возникшей анархией «и по просьбе русинов и их руководителей» венгерские правители приняли политические и военные меры «для спасения жизни и имущества русинов и венгров» и решили быстро оккупировать Карпатскую Украину³¹.

В Нью-Йорке в 1944 году вышла книга Роберта Паркера, в которой говорится о поездке ее автора в дни оккупации Карпатской Украины в Хуст с полковником бароном Унгером³², который командовал венгерскими войсками, наступавшими в долине реки Тиса. В резиденции Августина Волошина в Хусте они читали оставленные телеграммы. Одна из них, подписанная Волошиным и адресованная президенту США, но не отправленная, так как уже были перерезаны провода, гласила: «Во имя гуманности умоляю спасти нас от венгров. Мы телеграфировали в Берлин, но ответа не получили. Просим вмешательства Вашего превосходительства»³³.

Утром 18 марта начальник Генерального штаба венгерской армии Хенрик Верт сообщил, что в долине Тисы 17 марта вечером войска через Рахов достигли Ясиня и вышли на польскую границу. В тот же день в 22 часа батальон велосипедистов на Ужокском перевале встретился с польскими войсками. Началась зачистка территории.

В этой телеграмме приводились и потери венгерской армии. По утверждению Верта, она до 20 часов 17 марта потеряла 37 человек убитыми и 114 ранеными³⁴. В какой степени эти данные достоверны, читатель может судить сам, сопоставив

их с потерями только в битве на Красном поле. В военном архиве в Будапеште сохранились донесения с разных участков боев, многократно превышающие названные Вертом цифры. В книге «Закарпаття під Угорщиною» приведен целый ряд данных по данному вопросу из второстепенных и малодостоверных источников³⁵. О потерях защитников края нет даже приблизительных данных. По воспоминаниям участников событий, они были велики. Погибали не только в сражениях с регулярной венгерской армией, применявшей артиллерию и авиацию, но и в результате репрессий при зачистке и расстрелах без суда и следствия захваченных в плен, в основном сечевиков. В беседе с руководителями украинской эмиграции в Берлине венгерский посланник Деме Стояи узнал, что их втянула в дела Карпатской Украины германская сторона, и в вышеуказанных боях они потеряли, по имеющейся у них картотеке, более 2 тыс. украинцев³⁶.

17 марта 1939 года министр иностранных дел Иштван Чаки информировал совет министров Венгрии об обстоятельствах оккупации Карпатской Украины. По его мнению, она явилась полной неожиданностью для Польши, Румынии и Югославии. Они еще раньше заявили о своей незаинтересованности. Правда, Румыния при посредничестве Польши пыталась предъявить требования на восточную часть Карпатской Украины.

Как известно, Германия и Италия с самого начала боев желали Венгрии успехов, а быстрый захват Карпатской Украины поднял престиж Венгрии в глазах правителей этих стран. Чаки заявил правительству: как обещанная уступка Герма-

нии и Италии теперь стал актуальным выход Венгрии из Лиги Наций. Из великих западных держав Чаки назвал только Францию, которую оккупация Карпатской Украины Венгрией устраивала больше, чем если бы это сделала Германия.

На этом же заседании премьер-министр Пал Телеки информировал членов своего кабинета о приеме им бывшего премьер-министра Карпатской Руси Андрея Бродия, с которым обсуждалась проблема автономии Карпатской Украины. Телеки пообещал дать ее «в рамках старой конституционности»³⁷.

Чаки в ходе заседания затронул два важнейших вопроса: отношения с Румынией и выход Венгрии из Лиги Наций.

Выше уже упоминались переговоры 19 октября 1938 года в Галаце между румынским королем Каролом II и Юзефом Бекем о создании общей венгеро-польской границы. За согласие Румынии Бек обещал обеспечить переход к ней восточной части Карпатской Украины. Однако из-за отказа короля переговоры были безрезультатными. Постепенное ослабление Чехословакии, усиливавшийся шум вокруг венгерских территориальных требований, и особенно вокруг плана образования общей венгеро-польской границы, вызвали в Бухаресте опасения возможности оказаться в полной изоляции. Поэтому начиная с зимы 1938–1939 годов румынское правительство усиленно заигрывало с Берлином. Румыния не скрывала ни от гитлеровцев, ни от венгров свои территориальные претензии в отношении Карпатской Украины. Но в Берлине они пошли так далеко, что просто предложили Германии разделить Карпатскую Украину между собой³⁸ (о чем

затем сообщил Гитлер в своем выступлении 28 апреля 1939 года).

После того как Чаки стали известны интересы Румынии в Карпатской Украине, он не отклонял возможность их обсуждения. Но румынские руководители медлили, меняли размеры своих притязаний, и дотянули до середины марта, то есть до начала продвижения венгерских войск в Карпатскую Украину.

Но уже вечером 14 марта венгерский посланник Андраш Хори шифрограммой доносил из Варшавы в МИД Венгрии о заявлении Юзефа Бека, в котором тот обещал всяческую поддержку Венгрии в захвате Карпатской Украины, и под конец сообщал о желании румынского правительства, как было заявлено и в Будапеште, занять в «Русинии несколько румынских сел». Он «горячо» рекомендовал Венгрии согласиться с этим. Бек предполагал, что можно договориться о временной обоюдно признанной линии разграничения: «Румыны после этого стали бы партнерами, и таким способом открылся бы путь к венгеро-румынскому соглашению. Наконец, владение ясинской железнодорожной линией является общим польско-румынским интересом против Советов. Польша берет на себя посредничество на венгеро-румынских переговорах»³⁹. Хори изложил свое донесение в четырех пунктах, причем четвертый относился к предложениям уступок в пользу Румынии в Карпатской Украине.

Об этой беседе с венгерским посланником Бек 15 марта информировал польского посланника в Будапеште. В ней также подчеркивалась полная поддержка венгерской акции в Карпатской Украине, а также говорилось о румынских тер-

риториальных претензиях. Для урегулирования венгеро-румынских отношений Бек предлагал Румынии занять восточную часть Руси до железнодорожной линии Ясиня – Мараморош-Сигет. Предвидя возможность установления на этой основе более широкого венгеро-румынского взаимопонимания, сферы оккупации во избежание столкновений Бек предлагал разграничить в каждом случае. За эту уступку Бек гарантировал безопасность Венгрии со стороны Румынии⁴⁰.

В тот же день, 15 марта, Чаки сообщил Хори о намерении Венгрии занять всю Карпатскую Украину, а потом рассмотреть требования Румынии. Он помнит прежние переговоры по этому поводу, но в новых условиях достигнутая договоренность об уступках неприемлема, тем более что, как видно из слов румынского посланника в Будапеште Рауля Босси, румыны претендуют на половину Закарпатья до линии Хуст – река Рика⁴¹.

В тот день из польского посольства в Будапеште в Варшаву поступили две депеши. Орловский передал Вернле послание Бека. Вернле заявил о намерении Венгрии занять «всю Русь». Но все же с румынами можно было бы договориться, если бы они в настоящий момент не требовали, чтобы венгерские войска не пересекали линии севернее Хуста по реке Рика. И действительно, 15 марта Рауль Босси передал постоянному заместителю министра иностранных дел Яношу Вернле ноту, в которой сообщалось о признании положения, сложившегося после Венского арбитража, но если бы произошло новое упорядочение территории, то в нем желает принять участие и Румыния. Румынские войска, выведенные на

границу Карпатской Украины, не перейдут ее, если интересы Румынии не будут затронуты. Босси требовал, чтобы венгерские войска не продвигались восточнее дороги Хуст – Вышково.

Вернле просил Босси пояснить, какую территорию он имеет в виду, когда говорит «восточнее дороги Хуст – Вышково». Босси ответил: «По линии Хуст – Березово – Нижний Быстрый – Вышково» (Вучковое). В отношении последнего населенного пункта он не уверен, поэтому запросит инструкции из Бухареста⁴².

После беседы с польским посланником Орловским Вернле предлагал правительству изменить тактику и как можно скорее занять Русинию, тем самым воспрепятствовав Румынии захватить восточную половину края, ибо если это случится, «придется нам считаться с новым, более серьезным противником. Между прочим замечу, что румыны призывали в армию пять возрастов», – писал Вернле⁴³. Орловский уверял: румыны требуют максимума, чтобы затем удовлетвориться куском с железнодорожной линией, на запад от которой можно бы установить нейтральную полосу между войсками двух стран. Требования Босси он пытался приуменьшить, говоря, что это было бы «только лишним расширением нейтральной зоны». Но это «расширение» составляло половину Карпатской Украины.

Во всех польских дипломатических документах говорилось о поддержке Польшей венгерской акции в Карпатской Украине, но руководство страны стояло на позиции, согласно которой проблема Карпатской Украины должна решаться на основе удовлетворения интересов трех

соседних государств – Польши, Венгрии и Румынии.

В инструкции польскому послу в Бухаресте Юзеф Бек 15 марта дал указание напомнить министру иностранных дел Румынии Григорию Гафенку, что, направляясь в свое время в Галац, он, Бек, имел согласие венгров на ведение переговоров с королем Румынии; теперь же он выдвигает польские предложения и сделает все в интересах Румынии, не зная теперешней позиции Венгрии; к тому же события развиваются очень быстро. Бек просил румынскую сторону не предпринимать действий против Венгрии в Карпатской Украине, которые могли бы создать ситуацию не в пользу трех соседних государств⁴⁴.

Румынский посол в Риме А.Д. Замфиреску в беседе с Галеаццо Чиано 15 марта выяснил: у Италии нет непосредственных интересов в Карпатской Украине, но Чиано очень доволен не только установлением общей венгеро-польской границы, но и тем, что два дружественных Италии государства (Венгрия и Польша) достигнут своей цели. Чиано заметил, что, по-видимому, Румыния не имеет возражений против занятия Венгрией Карпатской Украины. Посол возразил, что у Румынии есть там известные интересы, назвав румынские села в восточной части ее и важные для Румынии железнодорожные линии⁴⁵.

В тот же день Бек сообщил через венгерское посольство в Будапеште, что, несмотря на предпринятые им шаги в Бухаресте, все же Румыния может предпринять небольшие военные действия для овладения несколькими румынскими селами (в восточной части Руси), и просил

венгерскую сторону избежать столкновения с румынскими войсками⁴⁶.

В последующие дни шел интенсивный обмен шифрованными телеграммами между Будапештом и Варшавой, Варшавой и Бухарестом, Бухарестом и Будапештом. Бек нажимал на Венгрию, чтобы та пошла на территориальные уступки Румынии, а Венгрия обещала обсудить претензии Румынии, но после полной оккупации Карпатской Украины.

Так, утром 16 марта Григорий Гафенку позвонил послу в Варшаву, а тот передал поручение заместителю министра иностранных дел Польши Мирославу Арцишевскому с изложением позиции министра иностранных дел Румынии по поводу событий последних двух дней. Гафенку проблему территориальных претензий со стороны Румынии на часть Карпатской Украины считал второстепенным вопросом. В ходе обмена мнениями с Варшавой он предполагал, что в соответствии с договоренностью с Бекком совместная польско-румынско-венгерская акция на Руси или, может быть, даже военная операция, создала бы основу для более широких румыно-венгерских связей в будущем. Но после получения сведений, что Польша своими войсками не участвует в акции, Румыния воздержалась от вступления в Русь не из-за боязни конфликта с Венгрией, а опасаясь возможного диктата со стороны Гитлера по проблеме Руси, который мог бы перечеркнуть общие польско-румынские планы⁴⁷.

В ночь с 16 на 17 марта польский посол в Бухаресте Рогер М. Рачинский передал в МИД Варшавы просьбу Румынии (после отказа Венгрии удовлетворить пожелания Румынии в отношении восточ-

ной части Карпатской Украины) энергичнее нажать на Будапешт с целью мирным путем получить железнодорожную линию Ясиня – Мараморш-Сигет, очень важную «с точки зрения альянса с Польшей и налаживания дальнейших венгеро-румынских связей»⁴⁸.

Вечером 17 марта Рачинский сообщал из Бухареста о представленных им Гафенку аргументах, свидетельствующих о доброй воле Польши и ее активности в налаживании венгеро-румынских отношений при невозможности занятия Румынией части карпатской территории. Причем Гафенку принял во внимание неучастие Польши в оккупации Карпатской Украины и то, что Венгрия оккупировала Русь на основе предварительного соглашения с Германией, в связи с чем при малейшем инциденте с Румынией Германия навязала бы ей свою волю, чего Румыния хотела избежать.

Гафенку надеялся, что Венгрия поймет такое поведение Румынии и напряженность в их отношениях полностью разрядится в интересах сохранения независимости обоих государств ввиду возможного заявления со стороны Германии. Венгрия, по его мнению, могла бы еще исправить ситуацию, воздержавшись от занятия румынских сел и железнодорожной линии.

В тот же день Бек сообщал польскому послу в Бухарест: «Вчера я получил из Румынии сообщение, полное огорчения», и поручил срочно известить Гафенку, что, «несмотря на полемику и горячность», он, Бек, «вчера по собственной инициативе» предпринял энергичный демарш в Будапеште с целью широкого учета румынских интересов.

Вечером польский посланник из Будапешта сообщил в Варшаву об изменении своего прежнего предложения в отношении демаркационной линии и согласии на ее прохождение неподалеку (западнее) от железной дороги⁴⁹.

В ходе этой дипломатической переписки возникло серьезное напряжение в венгеро-польских отношениях. Венгрии стало известно о намерении Польши занять Ясиня⁵⁰. По этому поводу со стороны Венгрии был предпринят 17 марта демарш. Польша призналась в таких намерениях, но «в целях спасения венгров» в Ясиня. Однако уже в полдень этот план был отменен.

Бек предложил демарш, переданный венгерским посланником Хори, считать *nulle et non avenue* (несуществовавшим и непосланным), «поскольку регистрация его неизбежно осложнит польско-венгерские отношения»⁵¹. Чаки согласился с этим⁵².

Венгрия в переписке с Варшавой и Бухарестом обещала после занятия Карпатской Украины вернуться к переговорам по поводу румынских претензий (22 марта польский посланник в Будапеште Леон Орловский получил поручение сообщить Иштвану Чаки: присоединение к Румынии железнодорожной линии Ясиня – Мараморш-Сигет и в интересах Польши⁵³). Как раз накануне, 21 марта в 23.00, Чаки оповестил некоторых венгерских посланников (для личного сведения): у венгерского правительства нет возможности уступать Румынии территории Подкарпатья, объявленного автономным. Так и в отношении железнодорожной линии можно только обещать предоставить широкие права пользования, ес-

ли румыны будут вести себя корректно. Села, населенные румынами, уступить Румынии невозможно уже потому, что из-за их географического положения пришлось бы с рутенской территории отрезать слишком большой кусок из-за нескольких населенных румынами сел⁵⁴.

В связи с претензией Румынии на часть Закарпатья интересно привести основные положения донесения венгерского посланника в Бухаресте Ласло Бардоши от 19 марта 1939 года. Прежде всего он отметил: как только выяснилась роль Германии в споре чехов со словаками и одновременная подготовка Венгрии к овладению Подкарпатьем, румынское правительство немедленно собралось и в течение двух ночей и в промежуток их целого дня, так сказать, без перерыва, совещалось по поводу возможных мер в возникшей ситуации, прежде всего и в рутенском вопросе. Гафенку уже до того договорился с Беком в Варшаве, что, поскольку с согласия Германии проблема Карпатской Украины вновь становится актуальной, Румыния будет отстаивать только свои интересы и не будет противиться претензиям Венгрии.

После того как ультиматум венгерского правительства сделал рутенский вопрос действительно актуальным, румынское правительство решило прежде всего выяснить для себя, действительно ли венгры начали акцию в Подкарпатье с согласия Германии? В первые два дня (14 и 15 марта) оно считало это сомнительным, да и в будущие дни сомнение окончательно не развеялось. В то же время польское правительство настойчиво предлагало Румынии немедленно оккупировать те территории Карпатской Украины, на которые она претендовала, и

тем самым обеспечить за собой положительный исход при окончательном решении проблемы. Но румынское правительство не хотело брать на себя в одиночку риск, не зная, какова будет в конечном счете позиция Германии по поводу Карпатской Украины.

Румыния готова была оккупировать отдельные части Закарпатья, если бы в этом приняла участие и Польша. Замысел заключался в том, что треть Подкарпатья на востоке оккупировала бы Румыния, а среднюю полосу заняла Польша и тем отделила бы румынские войска от венгерских, наступавших с запада. Но польская сторона готова была поддерживать Румынию только дипломатическим путем и ни в коем случае не соглашалась на участие в военной оккупации. Однако румынское правительство решило сосредоточить войска на границе с Карпатской Украиной, но не переходить ее, и в то же время направить дипломатическим путем венгерскому правительству «дружескую» просьбу, чтобы венгерские войска не пересекали линию восточнее Хуста – Березны – Быстрой – Вышкова до конечного урегулирования ее пожеланий на этой территории.

После оккупации венгерскими войсками всей территории Карпатской Украины просьба румынского правительства стала беспредметной, но оно продолжало сохранять свою претензию «на четыре села, населенные румынами, на территории Подкарпатья и на железнодорожную линию Лонка – Ясиня, а также, естественно, на территорию восточнее этой дороги»⁵⁵. Оно надеялось, что это притязание будет достигнуто дипломатическим путем при поддержке Польши.

Следовательно, в конечном счете Венгрия заявила только о возможности использовать румынами в течение длительного срока железной дороги.

Германия частично поддерживала венгерские реваншистские устремления, требуя взамен от хортистов всевозможных уступок, означавших постепенное экономическое и политическое закабаление Венгрии. Так, в 1939 году венгерское правительство согласилось на неравноправный договор, по которому обязалось вывозить в Германию на безвалютной клиринговой основе сельскохозяйственные продукты⁵⁶. Эти поставки продолжались в течение всей Второй мировой войны и никогда не были оплачены (гитлеровцы считали их вкладом Венгрии в войну).

Карпатская Украина, как отмечалось выше, была аннексирована Венгрией с благосклонного согласия Гитлера. Иначе обстояло дело с притязаниями хортистов на захват Словакии. Нацистское правительство Германии намерено было приберечь Словакию для себя как плацдарм для нападения на Польшу. Одновременно руководство Германии и Италии дало понять представителям венгерского правительства, что в недалеком будущем намечается захват и расчленение Югославии, если она не будет поддерживать их политику. Участие же Венгрии в этом акте агрессии открывало перед ней перспективу на определенные территориальные «приобретения»⁵⁷, хотя Венгрия в переговорах с Югославией уже обещала на определенных условиях отказаться от своих территориальных претензий к своему южному соседу.

Кроме того, новый венгерский премьер-министр Пал Телеки, как известно,

был сторонником балансирования между германо-итальянским блоком и Англией и Францией. Вследствие этого он считал, что Венгрия должна осуществлять захваты в тех странах, которые хотя и являются жертвами германской и итальянской агрессии, но в территориальной целостности их «не заинтересованы» западные державы, в особенности Англия. Такой страной была Чехословакия. Телеки и его сторонники из правящей «венгерской партии жизни» не церемонились при захвате Карпатской Украины и усиленно добивались присоединения словацкой территории или (после вхождения германских войск в западные ее части) хотя бы Восточной Словакии.

О заранее запланированной этой акции свидетельствует и задача, поставленная перед частями 8-го корпуса венгерской армии, осуществлявшими захват Карпатской Украины. Начальник Генштаба Хенрик Верт 15 марта так определил зону его военных действий: от румынской границы на востоке и до линии в Восточной Словакии: Собранцы — Есенёремете — Такчань — Надьполань. Командный штаб перемещался в Чоп⁵⁸.

На следующий день Чаки сообщал посланнику в Берлин, что словаки со всех сторон жалуются на венгерские войска, нарушающие словацкую границу, и поручил Деме Стояи сообщить Иоахиму Риббентропу, что это неизбежно необходимо в Ужанской долине и будто бы этим венгры ни в коем случае не собираются поставить их перед свершившимся фактом (речь шла о несольких километрах) и просил успокоить словаков, что после завершения военных действий словаки с венграми совместно решат вопрос грани-

цы, как это было на юге Словакии после Венского арбитража⁵⁹.

18 марта Иштван Чаки поручил Деме Стояи передать Иоахиму Риббентропу ноту, где доводил до его сведения, что захват Карпатской Украины завершен и Венгрия намерена вступить в переговоры со словацким правительством для урегулирования границ между Словакией и Карпатской Украиной. Воспользовавшись тем, что между ними официально границы никогда не было, а в 1919–1939 годы она условно проходила по административным границам округов западнее реки Уж, почти по самой реке, территориальные споры между местной властью Подкарпатской Руси, а затем и Карпатской Украины с руководством Словакии продолжались. Переговоры на уровне министров ни к чему не привели. Пряшевщина до Попрада в то время была заселена русинами (то есть украинцами). На эту территорию и претендовало правительство Подкарпатской Руси.

После захвата Карпатской Украины, получив в наследство этот нерешенный вопрос, хортисты решили послать свои войска на территорию, называвшуюся Восточной Словакией.

В Карпатской Украине еще продолжалась зачистка, когда на имя премьера Пала Телеки пришла телеграмма из Нью-Йорка от председателя и секретаря (Ивана Поппа и Алексея Геровского) Карпаторусского союза в США – провенгерской организации сторонников Андрея Бродия – с предложением присоединить словацкие территории комитатов Унг-Земплен, Шарош и Сепеш, заселенные русинами, к Венгрии. В ответной телеграмме Иштван Чаки через генерального консула в Нью-

Йорке просил своего ставленника Геровского аналогичные телеграммы направить Гитлеру, Муссолини, Беку, правительствам Франции, Англии и США⁶⁰.

В тот же день, 21 марта, Иштван Чаки шифрограммой просил посланника Андраша Хори доверительно сообщить Юзефу Беку о намерении, отодвинув границу на запад, поставить мировую общественность перед свершившимся фактом. На границе Словакии обстановка беспокойная, идут столкновения. Венгерская армия начнет наступление и остановится в зависимости от складывающихся обстоятельств⁶¹.

К 22 марта Хори начал подозревать, что у польского руководства сложилось мнение о договоренности между Германией и Венгрией о расчленении Словакии. В интересах Польши было бы присоединить всю Словакию к Венгрии⁶². На запрос Варшавы, были ли планируемые Венгрией военные действия против Словакии предварительно согласованы с Адольфом Гитлером, Иштван Чаки 24 марта поручил Андрашу Хори заявить следующее: между Венгрией и Германией в отношении Словакии не было даже и попытки достичь соглашения. Но учитывая, что «русино-словацкая граница всегда была спорной», он только дал указание занять важные стратегические пункты в Ужанской долине «для защиты проходящей там железной дороги»⁶³.

Это было не так. Об этом свидетельствует несколько документов. В том числе шифротелефонограмма венгерского посланника в Берлине Деме Стояи, в которой он лично сообщил министру 22 марта в пять часов после обеда в отношении «русинско-словацкой границы», что «ма-

лое решение» можно осуществить. Через час он в шифротелеграмме разъяснил: под «малым решением» нужно понимать ту линию, которую премьер-министр граф Пал Телеки начертил мне на карте и начальник Генштаба продиктовал мне вечером 23-го как таковую, которой достигли в тот день венгерские войска. Эта линия в общем соответствует той, которую посланник как «малое решение» показал 22 марта Риббентропу и передал ему, нанесенную на карту. Он высказал свое мнение, что немцы не будут возражать и против того, если венгры в ходе мирных переговоров внесут в нее коррективы в свою пользу⁶⁴. Когда это произошло, Риббентроп отмахнулся от претензий словаков, якобы не в его силах заставить венгров пойти им на уступки.

Продвижение венгерских войск с боями на запад от Ужгорода началось 23 марта. Чаки позаботился и о том, чтобы эта операция широко освещалась по радио в отдельных странах. В телеграммах, переданных из Будапешта в Хельсинки, говорилось о боях в восточной части Словакии с применением артиллерии и авиации. Сообщалось о налетах словацкой авиации «на открытые венгерские города»: Великий Березный, Собранце, Ужгород. Почти все словацкие самолеты были сбиты. Венгерская авиация в отместку бомбила аэродром в Иглаве (Иллаве). Приводились данные об убитых и раненых⁶⁵.

В одной из телеграмм в Варшаву в адрес Андраша Хори Иштван Чаки писал: «Я остановил наступление венгерских войск в Словакии в связи с бурными протестами немцев и словаков. Во-первых, потому, что не хочу обострять венгеро-словацкие и венгеро-германские от-

ношения», а во-вторых, по мнению венгерских военных специалистов, «мы достигли стратегической цели». Чаки также сообщал о своем намерении добиться дальнейших территориальных приобретений путем предстоящих мирных переговоров со словаками⁶⁶.

Совершенно иное содержание было в телеграммах Иштвана Чаки для информации мировой общественности. В одной из них, посланной на радио Финляндии, он якобы искал контакты с правительством Братиславы с предложением создания двусторонней венгеро-словацкой комиссии для определения окончательной границы между Карпатской Украиной и Словакией⁶⁷. В другой — приглашал словацкую делегацию в Будапешт для переговоров в надежде в ближайшее время установить и границу в Восточной Словакии. Он заверял в доброжелательных намерениях в отношении Словакии⁶⁸. В телеграмме, опровергающей публикации в мировой печати, что венгерские войска якобы отступили с занятых 23 марта территорий Восточной Словакии, Чаки утверждал: правда заключается в том, что венгерские части, несмотря на наступление словацких регулярных войск, ни на шаг не отступили со своих позиций. «Это сообщено для сведения, — продолжал он, — с тем чтобы давать только информацию без комментариев»⁶⁹.

Под давлением Германии 28 марта начались венгеро-словацкие переговоры. В их результате Венгрия аннексировала полосу в 20 километров западнее реки Уж в Восточной Словакии⁷⁰. На севере у польской границы она достигла 30 километров. Переговоры завершились 4 апре-

ля, в результате венгры, как и предполагали, добились введения своих войск еще в несколько населенных пунктов. К Венгрии был присоединен Сабранецкий округ и часть округа Свина – 74 села, населенные преимущественно украинцами⁷¹.

Германия сдерживала противоречия между Венгрией и Словакией, и в то же время, как свидетельствует дипломатическая переписка между Будапештом и Римом, немцы настраивали словаков и венгров друг против друга, но следили за тем, чтобы споры не доходили до конфликтов. Антивенгерскую пропаганду в Словакии вели и представители немецкого национального меньшинства, в частности Франц Кармасин, призывая присоединить к Словакии такие города триантонской Венгрии, как Вац и Эстергом⁷².

В одной из телеграмм (28 марта) из Лондона посланник Дьёрдь Барца сообщал в Будапешт: акция Венгрии в Карпатской Украине и Словакии встретила понимание как в общественном мнении Англии, так и в официальных кругах⁷³.

В другом уже упоминавшемся выше донесении он писал: «...для полноты добавлю, что Артур Кадоган, Р. Ванситтарт и другие из Форин-офис дали мне ясно понять, что чем больше территории Закарпатья мы присоединим, тем больше они будут рады этому», и делал вывод: «Наша военная акция на рутенской земле и наше продвижение с оружием в руках в Словакии (на русинско-словацкой границе) здесь в самых широких кругах вызвали сочувствие». Для венгерского посланника в Лондоне, знакомого с истинным ходом событий, державшихся в тайне от непосвященных, кажутся стран-

ными и невероятными его слова. Но среди англичан, «не знаю откуда», может быть, из пештских источников, распространилась точка зрения, согласно которой «рутенскую акцию мы провели без разрешения и даже без ведома немцев...»

Барца продолжал: «Я многократно слышал, что Венгрия была единственной страной, которая без предварительного разрешения Германии и даже против воли немцев осмелилась взяться за оружие и проявила достаточно смелости действовать самостоятельно. Все это значительно повысило сочувствие к нам и веру в патриотическую независимость правительства Телеки»⁷⁴.

Как уже упоминалось, вторым вопросом, который поднял Иштван Чаки в своей информации на заседании правительства 17 марта, был выход Венгрии из Лиги Наций в качестве платы за позицию Италии и Германии в отношении захвата Венгрией Карпатской Украины.

Еще в конце 1938 – начале 1939 года, когда Иштван Чаки пообещал Галеаццо Чиано и Иоахиму Риббентропу выйти из Лиги Наций, он через посланников, аккредитованных в великих и соседних державах, интересовался реакцией на этот счет. Для примера приведем ответ временного поверенного в делах Венгрии в Лондоне Ференца Мароши, который в телеграмме от 3 января 1939 года сообщал: если дальнейшее ослабление Лиги Наций пойдет извне и английское правительство не станут обвинять в этом, для Чемберлена такая ситуация будет удобной, ибо он в противовес оппозиции сможет сослаться на бесполезность Лиги Наций, что оправдало бы его политическую позицию⁷⁵.

4 апреля 1939 года Иштван Чаки на заседании совета министров заявил, ссылаясь на обещания Венгрии, данные Германией и Италией зимой 1938–1939 годов, что до предстоящей поездки с Белой Имреди в Рим и Берлин хотел бы осуществить выход из Лиги Наций⁷⁶. Венгерский посланник в Риме отметил, что поскольку выход Венгрии из Лиги Наций – это близкое сердцу Чиано дело, то этим шагом премьер-министр и министр иностранных дел преподнесут Италии подарок. Чаки цинично добавил: а в Берлине он преподнесет выход из Лиги Наций в подарок германским руководителям. Он предложил осуществить это быстро, не дожидаясь «нажима», и между прочим заметил, что Венгрия может остаться в технических комиссиях Лиги Наций. Правительство такое предложение приняло. 7 апреля Чаки циркуляром доверительно известил об этом руководителей венгерских миссий за рубежом⁷⁷, 11 апреля направил в Лигу Наций заявление о немедленном выходе из нее Венгрии, а 13 апреля в комиссии по иностранным делам палаты представителей попытался подробно обосновать такое решение⁷⁸.

Так постепенно Венгрия окончательно втягивалась в фарватер политики стран оси.

Как отнеслись западные державы к действиям хортистов в тандеме с гитлеровской Германией? По мнению тогдашнего венгерского посланника в Лондоне Дьёрдя Барцы (высказанному в записке, составленной 30 марта 1946 года), позиция английского правительства, Форин-офиса, министра иностранных дел Англии Эдварда Галифакса и его заместителя Александра Кадогана до 1939 года заклю-

чалась в стремлении добиться мирного решения территориальных споров между государствами, оставаясь в стороне от них. С 1939-го они изменили свою позицию, точнее смягчили ее, но было уже поздно. Барца писал, что он пытался получить у Галифакса и у французского министра иностранных дел письменное подтверждение признания ими решений первого Венского арбитража окончательными. Но Чаки сказал ему, что это было бы не только лишним, но и вредным.

Барца признавал тогдашние доводы статс-секретаря, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании Александра Кадогана, что Венгрия захватом Закарпатья нарушила Мюнхенское соглашение и решения Венского арбитража, формально правильными, но в 1939 году в Форин-офисе ему сказали: хотя это был акт насилия и как таковой его следует осудить, но они все же довольны тем, что «в Карпатскую Русь вошли венгры, а не немцы». Он свидетельствовал также, что и Жорж Бонне в Париже сказал то же его коллеге⁷⁹.

Как отражалась позиция Англии в отношении Венгрии в донесениях Барцы того периода? Еще 18 февраля 1939 года парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер доверительно заявил Барце: как только Англия усилится, она проявит интерес и к Венгрии. По его мнению, осенью 1938 года, в кризис, Англия допустила промах, не поддержав создание общей венгеро-польской границы, ведь это, по понятным причинам, было бы в интересах Англии.

11 марта Кадоган сказал Барце: возможное присоединение Карпатской Ук-

раины к Венгрии непосредственно Англию не затрагивает, но с точки зрения общей политики соответствует ее замыслам⁸⁰.

18 марта Барца сообщал Чаки: в то время как Форин-офис дал инструкцию печати выступать против захвата немцами Чехии, он благосклонно отнесся к акции Венгрии по отношению к Карпатской Украине, не заявив даже протеста⁸¹. Невил Чемберлен и Джон Саймон заявили, что после падения Чехословакии это внутренний вопрос Венгрии, и они не могут вмешиваться в него⁸². А позже, в июле, английское правительство признало аннексию Карпатской Украины Венгрией, считая ее *res judicata*⁸³, то есть решенным делом.

В беседе с постоянным заместителем министра иностранных дел Венгрии Яношем Вернле посланник США в Будапеште Джон Монтгомери 18 марта интересовался только тем, существовала ли предварительная договоренность Венгрии с Гитлером об оккупации ею Карпатской Украины. Вернле, описывая этот разговор, отмечал, что если бы посланник под договоренностью понимал «соглашение», то он бы все «решительно отрицал», но признавал: Венгрия знала, что немцы не будут препятствовать ее акции в Русинии. Монтгомери подчеркнул: это очень важный вопрос, о котором он доложит Вашингтону, и добавил: «Если бы вы не вошли в Русинию, то Германия наложила бы на нее свою руку». Вернле согласился: «Вероятно, поскольку Русиния не могла остаться одна»⁸⁴.

Четкой и определенной была позиция правительства СССР. Оно выразило решительный протест против вторже-

ния хортистских войск в Карпатскую Украину.

Вышедшая в послевоенное время в странах Западной Европы и Америки литература, посвященная внешней политике Венгрии, часто извращает события, связанные с захватом и аннексией Венгрией Карпатской Украины. То, что в октябре – декабре 1938 года Гитлер не давал Венгрии согласия на захват всей территории Закарпатской Украины, большинство авторов работ, вышедших на Западе, решило распространить и на весну 1939 года. Часть бывших хортистских политических и государственных деятелей, венгерских и зарубежных дипломатов, как, например, Антал Уллайн-Ревички, Иштван Кертес, Дежё Шуйок, американский посланник в Венгрии Джон Монтгомери, замалчивают важнейшие события конца 1938 и весны 1939 года.

Так, они не упоминают о том, что Гитлер разрешил Венгрии оккупировать Карпатскую Украину ценой экономических жертв и согласия направить венгерскую внутреннюю и внешнюю политику в фарватер германской политики. Они обходят факт переговоров Гитлера и Риббентропа с Чаки в январе 1939 года (запись которых была опубликована в СССР еще в 1946-м), телеграмму Миклоша Хорти и все то, что подтверждает сотрудничество хортистских правящих кругов с гитлеровцами по захвату Карпатской Украины. Эти авторы утверждают, что весной 1939 года венгерская внешняя политика проявила свою самостоятельность и независимость от Германии и даже против ее воли захватила Карпатскую Украину.

Регент Миклош Хорти в своих воспоминаниях выдает аннексию Закарпатье

за «антинемецкий» внешнеполитический шаг Венгрии. Дежё Шуйок в книге «Венгерская трагедия» утверждает, что венгерская армия оккупацией Карпатской Украины перечеркнула планы Гитлера в отношении этого края, а Антал Уллайн-Ревички восхищается умелым выбором Венгрией момента, когда немцы были заняты поработением Чехии.

Такими трюками бывшие активные политические и государственные деятели пытались обелить хортизм (и свою деятельность), показать, что Венгрия сопротивлялась планам гитлеровской Германии. Апологетом хортизма выступает и Джон Монтгомери, когда в книге «Сателлит поневоле» пишет, что Венгрия оккупировала Карпатскую Украину «без ведома и предложения Германии и даже вопреки воле последней, помешав тем самым германской армии выдвинуться еще восточнее Словакии и выйти в тыл Польше».

Так за «подвиг сопротивления», достойный похвалы, выдавалась агрессия, территориальный грабёж.

Возникает вопрос: почему Гитлер изменил свои первоначальные планы и пожертвовал Карпатской Украиной? Его эмиссары доложили ему, что она по своим географическим условиям – в основном горный и лесистый край, с уз-

кой полосой долины – была слабым плацдармом для готовившегося нападения на СССР. Знали об этом и правители Венгрии, предложившие Гитлеру использовать для этой цели (за разрешение захвата Карпатской Украины) территорию Венгрии, ее шоссейные и железные дороги.

Кроме того, передачей Карпатской Украины Венгрии фюрер изолировал Польшу, ослабил Румынию и окончательно втянул Венгрию в орбиту своих захватнических планов.

События, связанные с расчленением и ликвидацией Чехословакии, показывают, что венгерские правящие круги, добиваясь аннексии Закарпатья и Словакии, шли на экономические и политические уступки гитлеровской Германии. Когда первый Венский арбитраж лишь частично удовлетворил аппетиты хортистов, а гитлеровцы и даже итальянские фашисты выразили протест против попыток хортистов действовать самостоятельно, будапештские правители сделали для себя вывод о необходимости подчиниться Германии и ценой уступок немецким агрессорам добиваться дальнейших «приращений» территории путем пересмотра решений Трианонского мирного договора, реванша за проигрыш в Первой мировой войне.

Часть четвертая

Подкарпатье
под властью хортистов

Глава первая

Режим военной администрации

Несмотря на обязательства, взятые на себя венгерским правительством перед Германией, о чем шла речь в предыдущей главе, начальник Генерального штаба венгерской армии Хенрик Верт в своем приказе от 15 марта по войскам 8-го корпуса, осуществлявшим захват Карпатской Украины, дал указание разоружить все нерегулярные вражеские отряды, а также арестовать антивенгерски проявившихся политических и административных руководителей Подкарпатья. Прочих арестованных направлять в концентрационный лагерь, создающийся в Ниредьхазе. Об установлении военной администрации Верт издал особое распоряжение¹, и она была введена с 12 часов 18 марта.

Чешские войска через Словакию и Румынию покинули Закарпатье, не оказав помощи местным отрядам, поднявшимся на защиту края против наступавших превосходящими силами войск регулярной венгерской армии. В ходе оккупации и затем так называемой зачистки венгерские войска не церемонились, расстреливая без суда и следствия сдававшихся в

плен или арестованных по доносам. Назначенный премьер-министром Юлий Ревай после избрания Августина Волошина президентом Карпатской Украины, уже находясь в эмиграции, направил телеграмму министру иностранных дел Иштвану Чаки с перечислением фамилий схваченных венгерскими войсками и убитых или арестованных известных политических и общественных деятелей Карпатской Украины².

Правительство новой самостоятельной республики вынуждено было спастись бегством за рубеж. Президент Волошин с небольшим окружением избрал путь через Румынию. Там его приняли как частное лицо и позаботились о том, чтобы он поскорее покинул эту страну.

В период его двухдневного пребывания в румынской печати была опубликована «утка», будто бы он предложил оккупировать край или часть его Румынией. Она была подхвачена Венгерским телеграфным агентством, широко пропандирировалась в дипломатических кругах Венгрии и позже перекочевала в некоторые научные труды, авторы которых вос-

приняли ее как достоверный факт. Волошин решительно опроверг это сообщение. Однако оно возымело результат, тем более что оно устраивало и Румынию, и Венгрию.

Вслед за Волошиным румынскую границу перешло около 400 женщин, детей и стариков, которым власти разрешили спастись «по гуманитарным соображениям». Окольным путем через Румынию эвакуировалось около 5 тыс. чешских солдат и жандармов. По свидетельству архивных документов, чехословацкие армейские и жандармские офицеры, оказавшиеся в числе беженцев из Карпатской Украины в районе Клузы, явились к немецкому консулу, поздоровались: «Хайль Гитлер», — попросили немецкие паспорта и материальную помощь. Консул выдал им паспорта, по 10 тыс. лей на каждого офицера и по 2–4 тысячи унтерам. Как только румынские власти узнали об этом, мобилизовали все имевшиеся в их распоряжении транспортные средства и ночью с 19 на 20 марта выслали в Югославию 5 тыс. чехословацких беженцев — военных и жандармов³.

Польский посланник в Будапеште Леон Орловский прислал в Варшаву радиотелеграмму, сообщив, что консул Курницкий информировал его из Севлюша: венгерские военные власти в Карпатской Украине задержали более 200 сечевиков польского происхождения и спрашивают, что с ними делать. И МИД ответил на следующий день (25 марта), предложив их сфотографировать и вместе с их документами представить для выяснения личностей⁴.

Дальнейшие события развивались следующим образом: 3 апреля консул из Уж-

города сообщил в МИД Варшавы, что решить этот вопрос, то есть выдать Польше схваченных в Карпатской Украине сечевиков, бежавших туда из Польши, путем переговоров с местными властями невозможно без разрешения высшего начальства. Нужно обратиться дипломатическим путем. Тогда зам. министра Ян Шембек на следующий день направил в дипломатическую миссию в Будапеште и консульство в Ужгороде депеши с указанием ставить вопрос о выдаче польским пограничным войскам украинцев, находящихся транспортом в пути в лагерь Варюлапош. В ответ он получил сообщение, что документ от 16 апреля о выдаче украинцев уже оформлен как совершенно секретный с пометкой, что согласован с министерством внутренних дел. Тогда же МИД Варшавы просил посольство в Будапеште узнать, в какой стадии подготовки находится следующая партия передачи Польше украинцев, бежавших в Карпатскую Украину. Шембека интересовало и то, не связана ли затяжка их выдачи Польше «с посторонним фактором».

23 апреля польский консул из Ужгорода шифрограммой сообщал в свой МИД, что немцы заботятся, чтобы «Венгрия не выдала нам украинцев из Варюлапоша», утверждая: они будут расстреляны без суда. Далее он писал: «От здешней жандармерии я доверительно узнал, что центральная власть согласна выдать этих украинцев немцам из гуманных соображений». В тот же день Шембек в телеграмме в посольство Польши в Будапеште сообщал: желательно, чтобы нам быстрее выдали две следующие партии украинцев. Он также просил посланника Леона Орловского в доверительных беседах уз-

нать о сведениях, содержащихся в рапортах консула Штьеньовского о диверсионной немецкой акции в Подкарпатской Руси не только среди украинцев, но и местных русинов⁵.

Польское правительство интересовала и судьба тех украинцев, которые спасались от венгерских войск в Румынии. 12 мая 1939 года польский посол в Бухаресте Рогер Рачинский (в связи с запросом от 14 апреля) сообщал, что материалы об украинцах из Карпатской Украины находятся в руках военных. Вопрос будет решен положительно двумя (польским и румынским) вторыми отделами Генеральных штабов. О согласии румынской стороны польский второй отдел информацию уже получил⁶.

Между прочим, как свидетельствует в своем дневнике начальник разведки и контрразведки венгерского Генштаба Рудольф Андорка, самую непримиримую позицию в отношении схваченных и арестованных в Карпатской Украине сечевиков занимал начальник Генштаба Хенрик Верт. Он даже не принимал во внимание просьбу своих германских покровителей. 22 марта премьер Пал Телеки в присутствии Андрея Бродия и Хенрика Верта призвал мягче обращаться с сечевиками. Но Верт, как пишет Андорка, уперто отстаивал твердое отношение к ним. Во второй половине этого дня прибыло письмо от Вильгельма Канариса, полное огорчения из-за казни сечевиков. Андорка прочитал его Верту, но тот не хотел изменить свою позицию, которую автор дневника оценил как «глупую и бесчеловечную»⁷.

Уже позднее, когда Андорка был посланником Венгрии в Мадриде, Канарис

встретился с ним за ужином и проинформировал о положении в мире, в том числе и о делах в Германии. Андорка нашел «Канариса прежним», поскольку тот сказал ему: немецкие военные предвидят катастрофу, и «все решает гениальность фюрера». (А хотел сказать Канарис – сумасшествие.) «Жаловался, – продолжал Андорка, – что мы обманули его в рутенском вопросе. Отстоял нам Рутенскую землю, а в ответ мы казнили и выдали полякам его людей»⁸.

В эти дни и месяцы происходила масса событий, относившихся к Карпатской Украине. 17 марта прибыла в Будапешт делегация правительства Карпатской Украины во главе с Юлием Брашайко с полномочиями вести переговоры о государственной принадлежности края. Министр иностранных дел Калман Каня обещал принять делегацию с венгерским гостеприимством. Но ситуация менялась быстро, и делегацию в МИДе встретил самый низший по должности чиновник в этом учреждении – помощник секретаря министра Элемер Уйпетери, и то только как частное лицо. По вопросам, которые он задавал Брашайко, видно, что он не был в курсе дела, и в конце беседы, как он записал, согласно полученной инструкции он посоветовал делегации обратиться к госсекретарю Тибору Патаки и высказать свои пожелания⁹.

Бежавший в Румынию Августин Волошин переехал в Югославию и 22 марта в Белграде посетил венгерского посланника барона Дьёрдя Бакач-Бешшенеи и просил помочь вернуться на родину примерно 200 беженцам из Карпатской Украины, находившимся в то время в Замбове с женами и детьми, если венгерские

власти готовы их принять. Если против кого-либо из них выдвинуты обвинения, он просил дать им амнистию, что, по его мнению, имело бы большое влияние для успокоения и примирения всего Подкарпатья. Посланник пообещал его просьбы передать правительству и о результатах его известить. Уже уходя, Волошин вернулся и сообщил следующее: поскольку Карпатская Украина в ее границах не могла существовать как независимое государство, то еще осенью он пришел к решению, что попытается присоединить ее к Венгрии. Однако те эмиссары, которые по его поручению посетили в Праге венгерского посланника Яноша Ветштейна, получили разъяснение, что «у нас нет перспектив на получение автономии», поэтому они вынуждены были оставаться у чехов.

Волошин поведал собеседнику и о своих личных планах. Прежде всего он намеревался поехать в Загреб, навестить епископа Няради. После чего отправился бы на берег моря отдохнуть и, наконец, он сам хотел бы вернуться домой. В связи с этим заявил, что он признает новую ситуацию, созданную там венгерским правительством, и подчинится ей. Посланник высказал и свое мнение о собеседнике. Он отметил, что тот в совершенстве говорит по-венгерски, однако Волошин произвел на него очень плохое впечатление как человек, не заслуживающий доверия¹⁰.

Августин Волошин прибыл в Загреб 23 марта 1939 года. Архиепископ Степиняц предоставил ему жилые помещения в греко-католической семинарии. Венгерский консул Ласло Барток в донесении своему начальству указывал на причины

хорошего приема в Загребе беженцев из Карпатской Украины. Прежде всего он называл общественное мнение населения, направленное против претензий Венгрии на Карпатскую Украину, где проживал небольшой славянский народ, к тому же правил им греко-католический священник. Поэтому украинцев оно ассоциировало с греко-католиками, а их внутренних противников (под которыми понимало русских и русинов) считало православными, находившимися под сербской церковной юрисдикцией, против которой хорваты вели освободительную борьбу. И это ложное общественное представление, по мнению Бартока, могло также способствовать хорошему приему Волошина и сопровождавших его лиц (с ним прибыл Августин Штефан, два секретаря и охранник). Один из секретарей немедленно дал загребским корреспондентам интервью, в котором обратил внимание на то, что венгерские войска без всякого предварительного заявления напали на защищавших свободу украинцев. 24 марта туда прибыл из Вены и премьер Юлий Ревай.

Сам Волошин, хотя и подчеркивал, что политические заявления делать не хочет, на деле только этим занимался. Он принимал журналистов одного за другим, рассказывал им о трагедии Карпатской Украины, о бегстве за рубеж. Подробнее всего это описывала близкая к архиепископу Hrvatska Strarza, 25 марта в газете была опубликована история его письма к профессору Иллешу. Волошин принимал представителей украинских студенческих организаций Загреба.

27 марта Волошин нанес визит Мачеку, а на следующий день был совершен

ответный. По-видимому, Волошин действительно не понимал, что происходило в те дни вокруг него, ибо он рассказывал Мачеку, что не понимает случившегося, поскольку за несколько часов до прихода венгерских войск он получил от немецкого консула в Хусте сообщение: Берлин и далее в Карпатской Украине поддерживает украинскую политику, и прямо дал ему указание оставаться на месте¹¹.

Зная о сговоре Адольфа Гитлера с Иштваном Чаки 16 января, становится ясно, как германские правители ловко обманули наивно верившего им Волошина.

29 марта Волошин посетил Белу Бартока по поводу просьбы, которую он передал в Белграде посланнику Дьердю Бешеньеи, о предоставлении возможности вернуться на родину примерно 360 беженцам из Карпатской Украины, оказавшимся в Югославии. По его мнению, все они не вернутся. В Югославии живет около 40 тыс. украинцев, и многие получили приглашение поселиться в Югославии, где им будет обеспечено существование. Аналогичные приглашения есть и из Германии. Волошин полагал, что вернуться на родину захотят примерно 200 человек. Он считал нужным подчеркнуть, что среди них нет ни чехов, ни евреев, ни коммунистов. Сам он высказал желание поселиться в Венгрии в Бодрогкёзе в своем имении, если венгры «не будут его трогать». По поводу просьбы Волошина о его возвращении домой Барток сказал, что в таком случае ему здесь не стоит заниматься политикой и делать перед журналистами антивенгерские заявления. Волошин просил также передать через Венгерское телеграфное агентство написанное от руки заявление, подписанное

«президент Карпатской Украины». Это было опровержение появившегося в румынской печати сообщения о том, что он предлагал Румынии занять Карпатскую Украину¹². Волошин хотел также поскорее узнать, каким будет государственно-правовое положение его края в составе Венгрии.

Уходя, Августин Волошин сказал, что вчера Юлий Ревай выехал в Вену, а он завтра поедет в Цирквеницу отдохнуть¹³.

Этот же консул в Загребе позднее доносил министру иностранных дел Венгрии Иштвану Чаки о том, почему Августин Волошин в эмиграции первой остановкой избрал Загреб. По его мнению, потому, что там есть около 3 тыс. украинцев, которые ведут националистическую пропаганду, связаны с Германией, с движением бывшего полковника Евгения Коновальца и поддерживают связь с Альфредом Розенбергом. В Югославии проживает несколько украинских групп. Одна из них — около 15 тыс. человек — в Бачке (Воеводине). Это переселенцы из Закарпатья периода правления императрицы Марии Терезии. Центром их языкового острова является Бачкерестур (Ruski Kerestur) — 6 тыс. жителей, и следующее большое село Коцура, где проживает 3 тыс. украинцев. Остальные 6 тысяч человек из этого региона живут в Георгйеваце, Петрове, Раевом Селе, Митровице и Нови-Саде. Венгерский консул писал, что там они живут хорошо, объединены в культурном обществе «Освіта» и издают газету «Руські Новини». Вторая группа, 15 тыс. украинцев, — это переселенцы из Галиции (1897—1905 годов). Центр их в Боснии — Приедор, они также выпускают свою газету. Третья группа украинцев, около 15 тыс. человек, — по-

селилась в Словении. Центр их – Славон Брод, их газета «Рідне Слово» издается в Бачкереатуре.

В Загребском университете обучаются 40 украинских студентов, значительная часть из них из Восточной Галиции. Они получают украинские газеты со всего мира, писал венгерский консул¹⁴.

Если венгерские дипломаты в Югославии высказывались о Волошине нелестно, то в канцелярии премьер-министра было на первых порах другое отношение к его особе. Государственным секретарем премьер министра Пала Телеки был Тибор Патаки. В его круг обязанностей входили проблемы национальных меньшинств Венгрии. Он сразу после завершения оккупации Карпатской Украины (родился он в Нижних Воротах) совершил ознакомительную поездку по этому краю. Оттуда он ночью 23 марта 1939 года позвонил по телефону в канцелярию премьер-министра и просил передать Телеки, чтобы тот обратил внимание начальника Генерального штаба венгерской армии (то есть Хенрика Верта) «на поставленные в повестку дня жестокость и жидовдерство». Он рекомендовал срочно и решительно положить им конец, «ибо рутенское население можно завоевать» на свою сторону только «взаимопониманием и европейскими средствами»¹⁵. Этим целям должны были служить и замечания, которые он дал 29 марта на подготовленную Орестом Сабо статью о намерениях предоставить Подкарпатью автономию, о чем заявил Телеки в парламенте и обещал в манифесте регент Хорти.

В тот же день Тибор Патаки принял Юлия Брашайко и двух сопровождающих, в том числе Николая Долиная, то

есть членов правительственной делегации Августина Волошина, присланной в Будапешт для ведения переговоров о «государственной принадлежности Карпатской Украины». Патаки информировал собеседников «о своих впечатлениях от прогулки» в Подкарпатье. Он сказал: в Хусте еще хаос, чехи пока не выехали. В Ужгород те, у кого там дом, уже могут возвращаться. Брашайко уточнил: в Хусте было всего 20 тыс. жителей. В связи с перенесением туда столицы Карпатской Украины прибыло 17 тыс. служащих. Еще не выехали 3 тыс. служащих.

После этого Патаки ознакомил собеседников с решением правительства дать канонику Августину Волошину *salvus conductus*, то есть открытое письмо, обеспечивающее свободное передвижение, о чем ему сообщает дипломатическим путем. Брашайко сообщил его адрес: Загреб, малая греко-католическая семинария. Патаки добавил, пока не улягутся страсти, нужно, чтобы Волошин пожил в окрестностях Будапешта, а потом на время переехал в свое имение Szöllöskei. Брашайко пообещал написать ему об этом, тем более что у Волошина в Будапеште есть близкие родственники. Как показали последующие события, Волошин не воспользовался этим предложением.

Затем Юлий Брашайко просил восстановить в должности главного врача Ужгородской больницы сопровождавшего его Николая Долиная. Тот добавил, что он только по просьбе Волошина переехал из Ужгорода в Хуст, для того чтобы построить там больницу¹⁶. Эта просьба не была удовлетворена, и Долиная, проживший безработным более полугода, эмигрировал в Словакию.

Тибор Патаки принимал и вел беседы и с другими бывшими представителями карпато-русского правительства. Так, 2 мая его посетил бывший министр Подкарпатской Руси в правительстве Андрея Бродия Эдмунд Бачинский, бывший сенатор от аграрной партии Чехословакии, возглавлявший в Подкарпатье «русское» крыло этой партии. Он рассказал госсекретарю, как сначала комиссия по проверке благонадежности его оправдала, затем его арестовали, а потом его допрашивали двое из отдела уточнения карт (térképszet). Под прикрытием этого отдела в Подкарпатье в то время действовала военная контрразведка. После Патаки он нанес визит генералу Сомбатхеи (в то время командовавшему 8-м корпусом), которому сказал, что он всегда был сторонником «венгеро-русского» сотрудничества и высказал желание продолжить трудиться в этом направлении, предложив свои услуги. Тогда он получил от генерала разрешение посетить в Будапеште тестя, отца жены, архидиакона Дюлю Губай¹⁷.

Тибор Патаки вместе с референтом Ласло Оттликком вел 8 мая 1939 года длительную беседу с бывшим премьер-министром Подкарпатской Руси Андреем Бродием. Они интересовались мнением собеседника по целому ряду вопросов, в том числе кто должен представлять Рутенскую землю в государственном собрании (Венгрии. — *А. П.*). По мнению Бродия, в будущем нужно будет созвать национальный конгресс (палату представителей Подкарпатья), который выслал бы туда своих представителей. Собеседники обсудили также проблему кадров. По вопросу служащих Патаки предложил следующее решение: венгерских граждан ук-

раинских убеждений, настроения переселить вглубь страны, и потом там перевести их на пенсию. Этот его замысел широко применялся на практике, как свидетельствует эта беседа, с согласия Бродия. На вопрос Патаки, каким он представляет себе состав возможного будущего правительственного совета, Бродий ответил: призвать в него по два человека из каждого комитета. Юлий Марина (главный советник при военной администрации венгерских оккупационных войск) может остаться членом правительственного совета. Обсуждая вопрос нотари (фактического руководителя администрации), собеседники пришли к согласию, что им должен быть кто-то, но только не юрист Чопей (фенциковец)¹⁸. В записи этой беседы сказано, что Ласло Будаи, бывший в партии Фенцика, может быть назначен нотариусом (közjegyző).

На вопрос Патаки, согласился бы Бродий быть заместителем главного правительственного комиссара (főkörmánybiztos), он ответил: и собака не смыла бы с него, что он причинил беды, связанные с переходом края к Венгрии. В ошибках военной администрации теперь обвиняют Марину. Он готов предложить в распоряжение людей, но лично не хочет играть роль второго в администрации, полагая что ему, как бывшему премьеру, положена первая скрипка¹⁹. Андрей Бродий, так же как и его собеседники, считал нужным избрать Йожефа Иллеша депутатом парламента.

В ходе этой беседы Андей Бродий поднял вопрос о восстановлении на работе уволенных венграми русских жандармов, полицейских и служащих финансовых служб. Он считал и заявил об этом собе-

седникам, что без него навести порядок в Подкарпатье нельзя. Если венгры хотят порядка, то для этого нужна сильная печать. В сложившейся ситуации Бродий хотел использовать именно этот инструмент – пока посвятить себя журналистике и предложил венгерскому правительству список необходимых для этого расходов²⁰.

Между тем продолжалась зачистка оккупированной территории, одновременно создавались органы военной администрации. Возникали новые организации, такие как «Венгр за венгра», которым на территории Венгрии руководила жена бывшего премьера Белы Имреди. Она 14 марта 1939 года позвонила в канцелярию премьер-министра и просила подсказать, на кого именно можно опереться для распространения этой организации в Карпатской Украине. Ей пообещали дать список вызывающих доверие власти людей, особенно попов, которые помогут ей в этом в подкарпатских селах. Список поручили составить Юлию Марине, но в тот же день он, преподаватель теологии Ужгородской духовной семинарии, получил от правительства задание: быть его уполномоченным при оперативной армии, которая должна захватить «всю рутенскую территорию». 23 марта он был официально назначен советником при оккупировавшей Подкарпатье венгерской армии²¹.

Информацию о том, кто в селах комитата Берег поддержит движение «Венгр за венгра», должны были дать в Мукачево Аладар Возари, Михаил Демко и Евмен Дулишкович. Обращалось внимание на то, что в этом деле хорошую службу может сослужить главный директор акционерного общества «Латорица», швейцар-

ский гражданин Штефен и его люди. Наши доверенные, отмечали в канцелярии венгерского премьер-министра: в Севлюше – Арпад Шименфалви, его жена и бывший сенатор Карой Хокки; в Хусте – греко-католический поп Иван Бокшай и адвокат Иштван Будаи; в Тячеве – реформатский поп Имре Исак, бывший начальник округа Бела Ришко и адвокат Петер Гапка²².

К 21 марта были подобраны и назначены уполномоченные советники по округам при военном командовании на территории Подкарпатья, а также административные руководители при окружных военных комендатурах на рутенской земле (см. приложения 2, 3). 29 марта были назначены в гражданские отделы, подчиненные начальнику Генерального штаба на период введенной военной администрации в Рутенфёльде, следующие лица (исключительно венгры): начальником гражданского отдела стал государственный секретарь Бела Чатари, его секретарем – Дьёрдь Даноци. Референтами стали два полицейских советника – Иштван Чех и Йозеф Холлошши. В 8-м гонведском корпусе начальником гражданского отдела был назначен министерский советник Габор Шульц, а советниками отдела – секретарь министра Йозеф Антал, инспектор здравоохранения, и Янош Бахтаи, советник полиции²³.

Военная администрация в Подкарпатье свирепствовала три месяца. Возглавлял ее генерал В. Новакович. Особенно отличился жандармский отряд капитана Мартона Зёлди. Он еще в ходе оккупации края в Тячеве в течение трех дней уничтожил 200 человек. По официальным данным МВД Венгрии, с марта по

декабрь 1939 года от рук карателей погибли 4,5 тыс. человек²⁴.

Уже 23 марта жандармский отряд Зёлди появился в Мукачевском монастыре Василиян на Чернечей горе и до 25-го проводил там обыск. Игумен монастыря Антоний Станканинец написал жалобу примасу католической церкви Венгрии Шереди, который получил подобную и от галицкого — Андрея Шептицкого. Станканинец обвинял проводивших обыск в грабежах со взломом, а Шептицкий — в терроре и убийствах в Закарпатье. В переписку были втянуты регентский комиссар края барон Жигмонд Перени, начальник Генерального штаба Хенрик Верт, командующий 9-м кошицким военным округом Сомбатхеи и другие. Ответ Верта был осторожным и направленным на оправдание военных, но содержалось в нем и завуалированное признание, что всех, у кого не было оружия, отдавали военному трибуналу для выяснения²⁵.

Станканинец продолжал спор с властями. Так, он написал премьер-министру о том, что заявление мэра Мукачева Аладара Возари о том что для него (премьера) посещение монастыря было опасным для жизни, является оскорбительным²⁶.

Греко-католический епископ Александр Стойка пытался защищать монахов, но и им самим венгерские власти за прочешские выступления до оккупации края были недовольны, хотя он уже после Венского арбитража остался в Ужгороде и проводил там провенгерскую политику. А после захвата Карпатской Украины он послал премьер-министру Венгрии Палу Телеки телеграмму с благодарностью «от всего подкарпатского народа» за его при-

соединение к Венгрии²⁷, а через месяц он обратился к священникам и верующим с предпасхальным пастырским посланием, в котором между прочим сказано: «После Венского арбитража мы не прекращали штурмовать Небо, чтобы оно наградило русинов венгерским отечеством». Рассыпался в благодарностях в адрес регента и других деятелей, помогших «возвратиться к тысячелетней матери-родине, от которой русский народ никогда не отказывался... и если нужно, то ценой жизни будет ее защищать»²⁸.

Об обстоятельствах порабощения Карпатской Украины в Венгрии сохранилось предостаточно материала. Среди него выделяются два выступления министра иностранных дел Иштвана Чаки, игравшего роль режиссера событий тех дней. 17 марта он выступил на заседании правительства и заявил, что акция Венгрии в Карпатской Украине вызвала неожиданное удивление в Польше, Румынии и Югославии, которые уже раньше заявили о своей незаинтересованности в этом крае. Быстрый захват венграми Карпатской Украины поднял их престиж в глазах Германии и Италии. (В этот день оккупация края была еще в разгаре.) Но главное, что он собирался сказать министрам, заключалось в следующей фразе: в уступку Германии и Италии становится актуальным выход Венгрии из Лиги Наций.

23 марта состоялось заседание комиссии по иностранным делам палаты депутатов венгерского парламента под председательством графа Йозефа Такач-Толваи. На нем от правительства присутствовали: премьер Пал Телеки, министр иностранных дел граф Иштван Чаки, министр культов и просвещения Балинт Хо-

ман, министр юстиции А. Ташнади-Надь, военный министр Карой Барта, министр без портфеля Андор Ярош, а также председатель палаты представителей Калман Дарани. Комиссия эта, работавшая весь хортистский период в закрытом режиме, публиковавшая о своих заседаниях только краткие коммюнике, на этот раз предоставила печати широкое изложение доклада Чаки. Прежде всего он в нем заявил, что Подкарпатье будет включено в состав Венгерской империи на правах автономии. Доклад был посвящен такому вопросу: почему правительству пришлось быстро решать, брать на себя риск, связанный с оккупацией Карпатской Украины. И в то же время, излагая предысторию, Чаки выпячивал свои «заслуги»: установить хорошие отношения с Германией и Италией, создать такую атмосферу с Югославией и Румынией, которая позволила провести акцию по захвату Карпатской Украины относительно спокойно. Одновременно нужно было убедить Польшу, что венгерское правительство никогда не отказывалось от мысли покорить так называемое Русинско и включить его в Венгерскую империю, и уверить словаков, что акция будет проходить в определенных границах.

В результате, утверждал министр, связи с Германией более сердечные, чем когда-либо прежде — эта страна считает, что ей нужна сильная и независимая Венгрия (в одной газете эта мысль даже была вынесена в заголовок статьи). В то же время министр, кривя душой, утверждал, что венгерское правительство особенно заботилось о том, чтобы в связи с русинской акцией ни у кого ничего не просить, никому ничего не обещать. То есть прави-

тельство осуществило ее, исключительно опираясь на свои источники силы и подъем нации. Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что это было не так.

Как отмечалось в газетах, поведение Югославии было «корректным», а в информации для венгерских дипломатических миссий за рубежом сказано: «Позиция Югославии была не только корректной, но и прямо дружественной». Румыния колебалась и только тогда проявила более понятное поведение, «когда я обратил внимание бухарестского правительства на то, что венгерское правительство намерено овладеть Русинской землей всеми средствами и против всех».

Позиция колебавшейся Румынии была непонятной потому, что иногда она высказывала силовые угрозы. Как можно было ее понять, когда сначала она желала, чтобы венгерские войска не оккупировали русинскую территорию восточнее линии Хуст — Верхний Быстрый, или же большую часть Подкарпатя, и одновременно прозвучало заявление, что для защиты своих интересов Румыния концентрирует на границе с Подкарпатской Русью войска, которые не пересекут границу до тех пор, пока интересы Румынии не посчитают в опасности. «Когда я эту скрытую угрозу отверг, — продолжал Чаки, — то румынское правительство сообщило мне, что оно удовлетворилось бы передачей железной дороги от Лонки до Ясиня и несколькими румынскими селами к северу от Марамореш Сигета». В то же время Чаки предпринял шаги через Берлин, Рим, Варшаву, Лондон, Париж и Белград, чтобы успокаивающе повлиять на Румынию. По утверждению Чаки,

Лондон, Париж и Вашингтон поняли, что дела венгров в Подкарпатье ухудшились (основная масса венгров перешла к Венгрии по первому Венскому арбитражу с 19 тыс. украинцев), что украинское правительство Волошина «чуждо подкарпатским русинам», к тому же якобы оно угрожает залить водой Венгрию. Все это было опубликовано в газете «Будапешти хирлап».

В тот же день изложение доклада было обнародовано в ряде центральных газет. Так, «Уй мадяршаг» подчеркивала, что когда правительство Волошина заявило, что посылает в Будапешт правительственную делегацию для переговоров, в то же время попросило помощь и защиту от Германской империи.

В прениях выступали многие, в том числе и премьер Пал Телеки. Он сообщил, что в Подкарпатье направлены продукты питания, и перечислил, какие: 50 вагонов картофеля, 100 — кукурузы, четыре вагона селедки и шесть вагонов капусты. Он назвал и тех, кто будет их делить — кооперативные магазины «Хандя» («Муравейник»), которые в Подкарпатье еще не были созданы, и организация «Венгр за венгра»²⁹, которая развернула свою деятельность немного позже.

В каком направлении — свидетельствует донесение представителя ее в Иршаве Алисы Шлахты в свой центр, откуда было передано в соответствующие органы. Она сообщала, что в Иршаве многие учителя ведут антивенгерскую деятельность. Называла и конкретные фамилии: учителя горожанской школы Антона Павлюка и директора этой школы Лендьела. Руководитель организации «Венгр за венгра» Белане Имреди информировала,

что подобные сигналы поступали и из других мест³⁰.

В дни захвата Карпатской Украины мировая печать не могла не осветить это событие, причем трактовали его в зависимости от политических соображений. Так, итальянская печать поддерживала венгерскую сторону. Римский офицюз в вечернем выпуске уже 14 марта опубликовал статью известного фашистского журналиста Гайды, содержавшую, как сообщал пресс-атташе венгерского посольства в Риме Хуска, подсказанные венграми формулировки: «в Подкарпатье продолжается начатый Венским арбитражем процесс слияния с Венгрией». Итальянские газеты 15–16 марта писали, что народ Подкарпатье сердцем и душой тянулся к Венгрии, тепло принимал венгерских солдат и тому подобное. Это неудивительно, ведь итальянская печать еще накануне военных действий полна была дезинформацией о положении в Карпатской Украине. Так, «по информации» из Ужгорода (то есть венгерской), утверждалось, что в этом крае жизнь совершенно парализована, в Хусте бесчинствуют неподконтрольные банды. По данным Венгерского телеграфного агентства из Мукачева, печать писала, что русины оказывают сопротивление открытому украинскому террору³¹.

В противоположность этой позиции приведем общественное мнение и позицию печати по поводу захвата Карпатской Украины Венгрией нейтральной Швейцарии, которые в этом акте видели, как и в оккупации Гитлером Чехии, победу насилия над законным порядком и международными договорами в отношении малых и беззащитных государств. Швей-

царский народ ставил этот захват на одну доску с немецким империалистическим разбоем. Газета *Bund* в связи с этим писала 15 марта, что теперь уже никто не говорит о праве народов на самоуправление. После оккупации края в ходе его зачистки *Berner Tagwacht* 29 марта писала о венгерских беспощадности, казнях, повешениях, депортациях³².

Несмотря на внешне дружественные германо-венгерские отношения, трения между правительствами двух стран продолжались, в частности и из-за событий в Подкарпатье. С одной стороны, как сообщало Венгерское телеграфное агентство, германский посланник в Будапеште Отто Эрдманнсдорф посетил министра иностранных дел Иштвана Чаки, передал ему письменное заявление и поручение от имени германского правительства заявить, что Гитлер в присутствии Риббентропа принял президента Чехословакии Гаху, министра иностранных дел Хвалковского и с их согласия сегодня (15 марта) утром в 6 часов немецкие войска вошли на территорию Чехословакии и постараются обеспечить порядок. Чаки, в свою очередь, от имени Хорти передал лучшие пожелания Гитлеру в связи с великим успехом. Кроме того, Чаки заявил немецкому посланнику (будто они несколько дней тому назад не обсудили предстоящие совместные действия): «Массы рутенского народа и его руководители вчера и сегодня обратились к венгерскому правительству с просьбой немедленно оккупировать... своими войсками землю, населенную русинами». Далее он сообщал, что гонимые уже берут под свою власть землю рутенов и наступают такой силой, что любое сопротивление

обречено, и выразил надежду на быстрый захват края и восстановление порядка³³. Эта риторика была предназначена для внешнего мира и не посвященных в закулисные махинации.

С другой стороны, германские власти считали уступки, которые предложила им Венгрия за согласие на оккупацию Карпатской Украины, неадекватными, и потребовали себе экономические выгоды в этом крае. Представители германского правительства спросили премьер-министра Венгрии Пала Телеки, обеспечит ли он в этом крае экономические интересы Германии и ее граждан. Трудно предположить, чем он руководствовался, когда ответил положительно. Судя по информации, сочиненной для некоторых руководителей своих дипломатических миссий за рубежом, в том числе и посланника в Лондоне Дьердя Барцы, премьер полагал, что речь шла об имевшихся там немецких капиталах (фабриках и так далее). Вскоре выяснилось, что немцы заключили с Волошиным договор, по которому право геологической разведки на всей территории Подкарпатья, а также приоритет на добычу всех разведанных там минералов передавались Германии.

От премьер-министра требовали, чтобы он на основе этого заявления принял и парафировал этот договор. Телеки отверг это предложение, мотивируя тем, что он говорил только об обеспечении экономических интересов, а не об отдаче части суверенитета. Дальше немцы добились осуществления договора по частям. Через восемь месяцев Пал Телеки заявил, что если Венгрия захочет дать новые концессии на добычу нефти (как, например, Еврогаско дало американцам),

то среди других равных примет во внимание и немецкий подряд³⁴. Начиная с этого момента отношения между Венгрией и Германией весь период правления Телеки усложнялись. А тут еще прибавился украинский вопрос.

В беседе с постоянным заместителем министра иностранных дел Венгрии Яношем Вернле польский посланник Леон Орловский 20 марта 1939 года «счел возможным», по записи Вернле, ссылаясь на беседы, которые он вел в течение осени с графом Иштваном Чаки, обратить внимание на то, что «нам нужно освободиться от находящихся в Закарпатье украинцев». Он предлагал вытеснить их или в Румынию, или в Россию. Ибо если оставить их в Закарпатье, то они там будут устраивать постоянные смуты. «Я ответил ему, что обратим внимание на чистку в Закарпатье»³⁵, — записал Вернле.

В те дни Риббентроп, да и Гитлер всячески открещивались от собственных интересов в Карпатской Украине. Но сохранился документ — донесение из Берлина венгерского посланника Деме Стояи от 20 марта 1939 года, в котором он сообщал о встрече с Риббентропом. Министр обратил его внимание на украинские организации в Карпатской Украине. Действительно, в начале марта 1939 года Закарпатье кишело многочисленными эмигрантами из Германии и Польши, которые занимали важные посты в администрации края, и особенно в Карпатской сечи. Тогда это старательно опровергали не только в Германии, Праге, но и сам Волошин.

Но на этот раз Риббентроп решил раскрыть карты. Он сказал: там под немецким руководством создана и подготовлена организация, задачей которой было

вызвать распад советской империи, в первую очередь оторвать от нее Советскую Украину. Он заметил, что это соответствовало бы и венгерским интересам. Риббентроп просил венгров при встрече в Закарпатье с членами этой организации «относиться к ним бережно». «Мне показалось, — писал Стояи, — будто он в первую очередь думал о находящихся там немецких организациях».

Затем Риббентроп подчеркнул, что эта цель (распад Советского Союза) и в будущем останется актуальной, и просил Венгрию помочь Германии, если она будет проводить какую-либо акцию на данной территории, и в связи с этим поддерживать контакты с адмиралом Вильгельмом Канарисом.

Стояи сообщил Риббентропу, что ему известно о встрече Канариса с венгерским военным атташе в Берлине Калманом Харди, который как раз по этому поводу находился в Будапеште, и обещал министру обратить внимание Чаки на миссию Харди, подчеркивая и готовность Риббентропа поддерживать ее. Он обещал, что Венгрия ни в коем случае не будет мешать или чинить препятствия в отношении намерений и целей Германии. Имперский министр принял это к сведению и вновь просил связаться с Канарисом, но тот не стал встречаться по этому поводу еще и с посланником, заявив, что он свои пожелания уже высказал военному атташе.

Стояи просил Чаки договориться с Генштабом и информировать его по поводу сотрудничества в этом вопросе на тот случай, если Канарис конкретно обратится в венгерское посольство за помощью направленным через Венгрию или Карпатскую Украину «командированным».

Стояи высказывал уверенность, что созданная в Закарпатье, Словакии или в любой другой части Германии организация будет действовать и в будущем, хотя бы потому, что, как известно, на территории Германии существует больше украинских организаций, пользующихся полуофициальной германской поддержкой, и те уже с целью выживания будут и в дальнейшем поддерживать немецкие планы в отношении Украины. Такие группы украинских эмигрантов развертывают свою деятельность в Берлине и Вене, информацию о них он уже представлял Чаки³⁶.

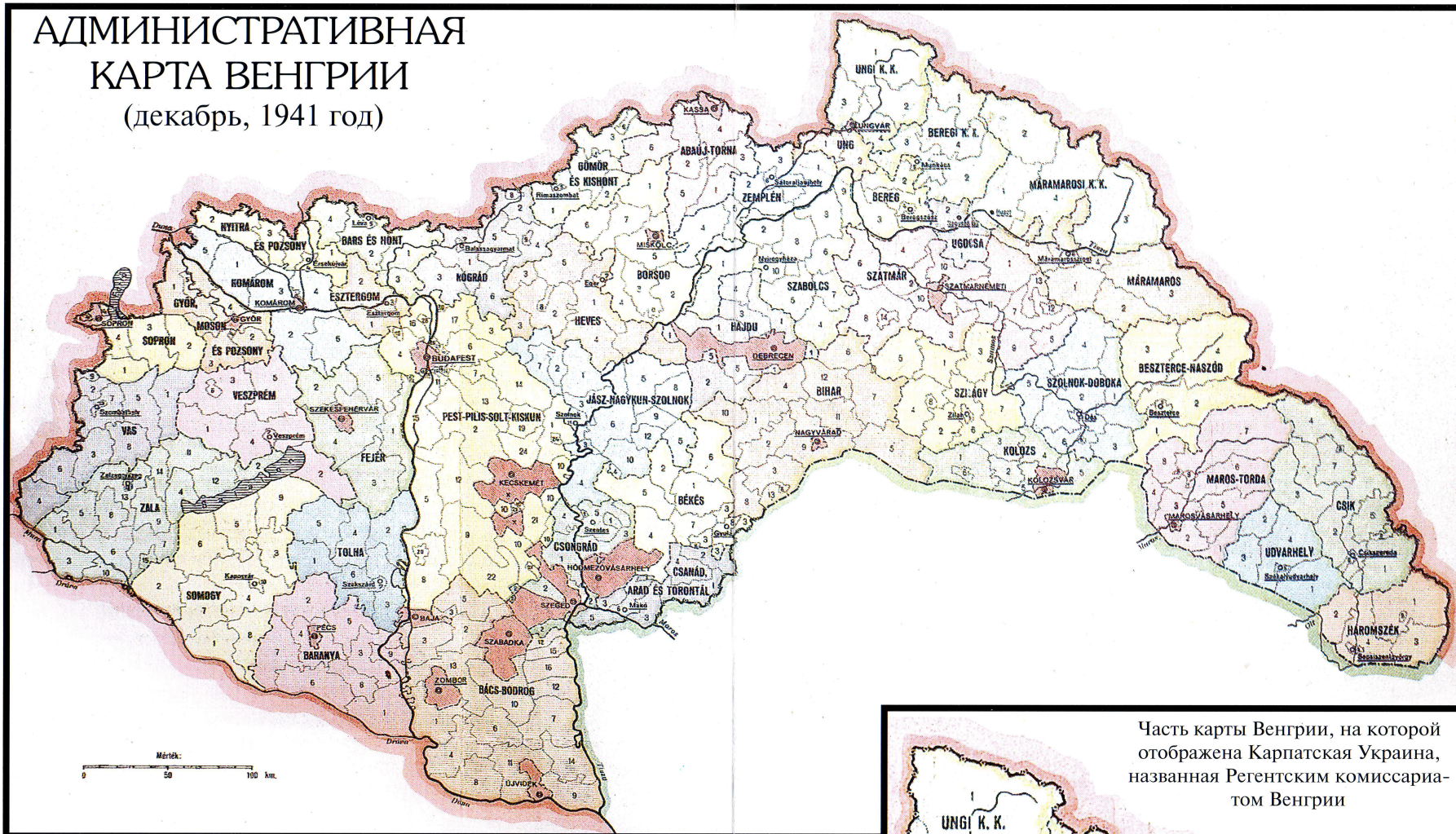
Вскоре заместитель начальника Генштаба Венгрии Надаи сообщал премьер-министру по поводу телеграммы бывшего премьера Карпатской Украины Юлия Ревая в адрес Калмана Кани, в которой шла речь о казнях людей легально действовавших в крае организаций. Надаи сообщил, что четверо из перечисленных Реваем (главный судья из Рахова Каленюк, Кочерган, писатель Гренджа-Донский и издатель Ф. Ревай живы, не казнены и находятся в Тячевской тюрьме³⁷.

11 апреля уже начальник Генерального штаба венгерской армии Хенрик Верт послал премьер-министру Палу Телеки протест против попытки Союза защиты расы праздновать на Верецком перевале (то есть на польской границе в дни оккупации края) — якобы первой туда прибыла Rongyas gárda, и утверждал, что первыми прибыли туда солдаты. Как осенью 1938 года, так и при захвате Подкарпатья, армия действовала как в гражданской одежде, так и в военной форме³⁸. В этом признании содержится опровержение всей венгерской пропаганды о неспокойствии в крае, о восстаниях местного насе-

ления, о беспорядках, которые в действительности пытались устраивать венгерские диверсанты из Рондяш гарды.

Посланник Венгрии в Германии Деме Стояи часто обращался к украинским проблемам. В одном из своих донесений министру Иштвану Чаки в мае он остановился на положении украинской эмиграции в Германии, возникшем в результате присоединения «рутенской земли к Венгрии». Информацию он собирал в украинских кругах в Берлине, ориентированных на восстановление Великой Украины. Он утверждал, что самые экстремистские элементы групп великоукраинского движения, объединенные вокруг своего берлинского центра, пропагандистского органа, именуемого Украинской пресслужбой, на Макленбургском шоссе, 73, самым решительным образом выступают против перемен, происшедших на Рутенской земле в самое последнее время, и отвергают признание этих событий, то есть оккупацию Карпатской Украины венгерскими войсками. Их не интересуют вопросы, связанные с правовым и политическим упорядочением в этом крае, более того, они даже считают, что для украинских устремлений было бы благоприятным, если бы венгерское правительство не предоставило никакого самоуправления населению этой территории, а начало бы сильнейшую мадьяризацию. Это вызывало бы у населения постоянное недовольство, которое в нужном случае великоукраинское движение могло бы использовать для поддержки достижения своей цели. Оно действовало при материальной поддержке немецкого государства. Но в последнее время, в связи с акцией в Подкарпатье, ее умирли.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ КАРТА ВЕНГРИИ (декабрь, 1941 год)

Часть карты Венгрии, на которой изображена Карпатская Украина, названная Регентским комиссариатом Венгрии

Регентский комиссариат Венгрии был поделен на три административных управления: Ungi K. K. (Ужанское), Beregi K. K. (Бережское) и Maramarosi K. K. (Мараморшское). Каждое из управлений было поделено на четыре округа. Ужанское: Великоберезнянский (1); Перечинский (2); Собранецкий (3); Ужанской окрестности (4). Бережское: Нижневерещий (1); Иршавский (2); Окрестности Мукачева (3); Свалявский (4). Мараморшское: Хустский (1); Воловский (2); Раховский (3); Тересвянской долины (4).

На карте показаны комитаты, которые были созданы на землях, отошедших к Венгрии после 1-го Венского арбитража: комитат Унг в составе двух округов: Великокапушанского (1) и Ужгородского (2); комитат Берег в составе округов: Береговский (1), Мукачевский (2) и Вашарошнаменский (вошедший в состав трианонской Венгрии) (3) и два города комитатского подчинения Берегово (4) и Мукачево (5).

Отражены также изменения, осуществленные венгерскими властями позже. От территории бывшей Карпатской Украины была отторгнута та часть комитата Угоча, которая ранее входила в состав ЧСР, т. е. Великосевлюшский округ (2), включенный в состав административного управления Венгрии.

После 2-го Венского арбитража из Мараморшского административного управления Регентского комиссариата был изъят Тячевский округ и переподчинен комитату Мараморош (5). Также был создан Мараморшский округ (4), которому из Мараморшского административного управления переподчинили важнейшие с хозяйственной точки зрения земли на стыке округов Тересвянской долины и Раховского (3, 4). На карте он — в виде языка в восточной части Подкарпатья.

Эта организация принадлежала к действовавшей в Вене группе под руководством бывшего полковника Евгения Коновальца, убитого в Амстердаме. После его смерти вся сеть, в том числе и берлинская группа (которой руководит Рико Ярий), перешла в руки его заместителя Андрея Мельника. В то время он находился в Берлине, но из-за боязни покушения стал самым засекреченным эмигрантом в Берлине, постоянно менявшим место своего пребывания. Ему подчинялись группы в Брюсселе, Нью-Йорке и других городах, в том числе в Риме под руководством Онацко.

На протяжении 1938 года эта группа сильно расширила свое влияние. Были моменты, когда казалось, что удастся объединить различные украинские направления. Это происходило благодаря той материальной и политической помощи, которую оказывало в последние месяцы германское правительство. Именно эта группа была той, которая втянула в велико-украинскую комбинацию Карпатскую Украину и получила для этого временную поддержку немецкого правительства. Эта группа объединяла в себе в большей части незрелую молодежь, провозглашавшую крайние экстремистские требования, эмигрантов, уже осуществлявших различные политические авантюры, и тех политических агентов, которые уже состояли на службе почти всех заинтересованных в этом вопросе государств. Но после присоединения Карпатской Украины к Венгрии значение этой группы значительно упало.

Духовная элита и руководящие деятели украинской эмиграции держались в стороне от сотрудничества с ними. Ос-

тальные группы украинского движения возлагали на них ответственность за происшедшее в Закарпатье, обвиняли в том, что они поставили все украинские устремления исключительно на одну немецкую карту и создали единый общий фронт заинтересованных государств против украинских планов. В вину им ставилось и то, что своим агрессивным поведением они принудили Августина Волошина оказать сопротивление венграм, когда Германия уже перестала поддерживать украинскую позицию. Вследствие этого в Подкарпатье начались бои, в которых погиб цвет украинской молодежи. (Конкретные данные приведены выше.) С того момента, как руководство украинской автономии перешло в руки Волошина, эти элементы наводнили Карпатскую Украину, и вскоре их влияние стало решающим во всех вопросах. Как только выступления Венгрии становились острее, Волошин склонялся к соглашению. Но эти круги помешали немедленному началу переговоров и принудили его дать указание к сопротивлению. В этих обстоятельствах с начала наступления венгерских войск Волошин не владел ситуацией. Сопротивление началось.

В отличие от великоукраинского движения, занявшего решительно отрицательную позицию в отношении захвата Карпатской Украины, остальные организации этого направления, действовавшие в Берлине, почти без исключения заявили о готовности признать события, происшедшие в Карпатской Украине, с определенными условиями с их стороны окончательными и будут воздерживаться от всякого рода агитации против Венгрии. Выдвинутые условия заключались в

достойном юридическом упорядочении в Подкарпатье. Если венгерское правительство согласится обеспечить для Рутенской земли такое самоуправление, которое позволит существовать всем политическим направлениям и будет воздерживаться от попыток задушить в зародыше каждое движение, которое с политической или культурной точки зрения имело бы украинский характер, они со своей стороны считали бы окончательным факт присоединения Рутенфёлда к Венгрии. В таком случае они не только воздерживались бы от всяких антивенгерских заявлений, но и стремились бы к сотрудничеству для достижения венгерских и украинских устремлений.

Эти круги ссылались на переписку Волошина с венгерским профессором Йожефом Иллешем (в документе ошибочно — Иийешем) перед мартовскими событиями. В этих письмах на вопрос Волошина, что в случае присоединения Карпатской Украины к Венгрии склонно было ли венгерское правительство признать украинский характер населения этой территории и осуществить соответствующее упорядочение, вытекающее из этого всех политических и культурных требований, Иллеш на основе полномочий ответственных венгерских лиц дал положительный ответ. В ходе мартовских событий Волошин обратился с новым письмом к Иллешу, сообщая, что на этой основе готов немедленно приступить к переговорам о присоединении. Но на этот раз венгерская сторона уже не соглашалась на оговоренные условия. Украинские круги, ссылаясь на события, видели бы широким жестом со стороны венгерского правительства, стремящегося к основатель-

ному упорядочению вопроса, то, что, несмотря на происшедшие события, венгерское правительство вернулось бы на ту основу упорядочения, которую уже однажды приняло, хотя и при других обстоятельствах.

Те же круги подчеркивали, что и ответственные немецкие учреждения в такого смысла упорядочении видят возможность окончательного решения вопроса. Такой точки зрения придерживались и остальные украинские группы, действовавшие в Берлине. Среди них были малочисленная, но с большими политическими связями и обладавшая большим авторитетом группа Севрюка, группа Павла Скоропадского, в основном состоявшая из членов берлинского Украинского научного института. Среди них были самые выдающиеся представители украинской эмигрантской научной жизни, такие как профессора Мирцюк, Кузеля, а также Антонович и другие.

Аналогичную точку зрения разделяли и представители проживавших в Берлине польских украинцев. Поскольку они не считались эмигрантами, объединялись в берлинской организации УДНО, украинской политической партии в Польше. Эта небольшая группа поддерживала тесную связь с партией в Польше и подчеркивала, что в закарпатоукраинском вопросе и там господствует вышеизложенное мнение.

В различных официальных германских органах были их представители, свои специалисты. В министерстве иностранных дел их человеком был Севрюк, во внешнеполитическом бюро партии Острица, а в гестапо Кошельников. Все они подчеркивали, что официальное немецкое мнение считает вопрос государст-

венной принадлежности Карпатской Украинины решенным и любую попытку, противоречащую этому, со своей стороны решительно отвергает³⁹.

В связи с поставленной Германией в повестку дня расправой над Польшей совершенно иной была политика украинских групп в Германии относительно украинского вопроса Восточной Галиции. Она намеревалась использовать его против поляков и предлагала им различные посулы. Но серьезнейшие украинцы, пребывавшие в Берлине, отнеслись к ним с самой большой осторожностью. Они подчеркивали: будут избегать всего того, что могло бы привести к повторению событий в Карпатской Украине, а также не намерены более нести подобные жертвы в интересах великогерманской политики⁴⁰.

Между тем Польша продолжала следить за Закарпатьем после его оккупации венгерскими войсками. Ее посланник в Будапеште доносил в МИД в Варшаве об экономическом значении Подкарпатской Руси для Венгрии с точки зрения польско-венгерских отношений, подчеркивая, что захват этого края имел для Венгрии не только политическое, но и экономическое значение. Он привел данные венгерской статистики о территории, населении, национальной и конфессиональной его принадлежности. В Закарпатье венгры нашли как раз те экономические богатства, которых у них было достаточно до войны, но приобретение которых дорого обходилось трианонской Венгрии.

Самым большим богатством оккупированной территории был лес, который, по чехословацкой статистике, покрывал 54% края – 612 284 гектара. Из них 230 тыс. гектаров приходилось на хвойные леса,

330 тысяч – на буковые, а остальные – на дубовые леса. Поляков это очень заинтересовало, поскольку до этого основной статьей вывоза в Венгрию была хвойная древесина. В Закарпатье в то время заготавливали в год 580 тыс. кубометров леса, а вывозили за границу около 8 тысяч десятитонных вагонов. Следовательно, венгерский импорт можно было сократить на 25%. Отличной для Венгрии складывалась ситуация с дровами для отопления. До того Венгрия импортировала в год от 3 до 4 млн. центнеров топливных дров, а в Закарпатье заготавливали их в год около 6 млн. центнеров. Венгрия может еще и экспортировать древесину, разместить ее на рынках свободно конвертируемой валюты. Именно буковая древесина и вывозилась прежде из окрестностей Свалявы и Долгого через польские порты в Англию.

Другое богатство Подкарпатья – соль. В Венгрии после Трианона соли не было, и ее приходилось импортировать: около 900 тыс. центнеров. В то время в Солотвине добывалось ежегодно около 1700 тыс. центнеров. К ценному сырью из Подкарпатья относились железная руда, алунит (каолин) и мрамор.

Разведанные к этому времени запасы железной руды составляли 500 тыс. тонн. Добывалась она главным образом в Бережском комитате, в шахтах в Долгом, Броде, Билках, Ильнице и других населенных пунктах. Хорошие мраморы добывались в Брустурах – серый, розовый, красный.

Промыслы и торговля были относительно слабо развиты, в них было занято 12% населения. Промышленность в Подкарпатье в основном базировалась на де-

ревообработке и использовании древесины. В первую очередь следует назвать химические предприятия – заводы Бантли-на в Перечине и в Турья-Быстрой, на которых было занято 400 рабочих. На них проводилась дистилляция (сухая перегонка) древесины, вырабатывали искусственную эссенцию, метиловый спирт, древесный уголь, известь, формальдегид, ацетон, амиловый, бутиловый, этиловый, метиловый и другие октаны. Химический завод был и в Сваляве, на нем было занято 1500 рабочих. Самым крупным химическим предприятием было акционерное общество Клотильда в Бочкове (Бычкове), вырабатывавшее всю номенклатуру химической промышленности, в том числе и неорганической. Так что венграм не нужно будет ввозить часть из этих продуктов, в том числе метил и известковый метан. Раньше венгры ввозили метиловый спирт и древесный уголь. Древесного угля в Закарпатье в год производили 3 тыс. вагонов, а Венгрия импортировала 3600.

В Закарпатье в то время существовало примерно 25 лесопилок. Значительная часть из них принадлежала швейцарско-французскому акционерному обществу «Латорица». В Севлюше была фабрика по изготовлению бочек. Из других промышленных предприятий края заслуживал внимания завод «Бравар» по изготовлению солода и фруктового спирта и пивзавод в окрестностях Мукачева, принадлежавший графу Шёнборн-Буххайму. Не так далеко, почти по соседству находилась фабрика по железу Й. Братмана. В Чинадиеве функционировала фабрика по выпуску спичек «Вулкан». В Хусте, Батьеве и Росвигове выпускали цементные изделия. Имелась сеть мукомольных

мельниц, несколько каменных карьеров и камнедробилок.

Основная масса населения была занята в сельском хозяйстве, но земледелие велось на очень низком уровне и не обеспечивало потребности жителей края даже при учете низкого уровня жизни большинства населения и его низкой покупательной способности. Польский дипломат положительное видел в захвате Закарпатье Венгрией и в том⁴¹, что железной дорогой через Карпатские перевалы Польша получит возможность перевозить свои товары в Южную Европу до Дуная и далее по нему.

В период действия военной администрации в Подкарпатье политическая и культурная жизнь была полностью запрещена. Не разрешали собираться даже сторонникам Бродия. Сведения о положении в крае тех месяцев частично можно восполнить по донесениям различных польских дипломатов. Так, консул в Ужгороде Й. Штенъовский 12 мая 1939 года доносил посланнику в Будапеште о своем отрицательном впечатлении об этом правлении. Он приводил мнение главного советника при венгерской военной администрации Юлия Марины по поводу будущей автономии в крае, который считал, что она должна ограничиться областью культуры. Хотя в это время все партии были запрещены, он считал нужным вообще ликвидировать партии Фенцика и Бродия. Консул удачно подметил, что партия Бродия – филовенгерская агента на Руси, переживавшая кризис. Одна часть ее перешла на сторону венгров, другая – во главе с Мариной – лояльно сотрудничала с венграми, а Бродий колебался на стадии перехода в оппозицию.

Причиной такого поведения Бродия он считал его неудовлетворенные амбиции и недовольство масс экономическим положением и персональными решениями военной администрации. Партия Фенцика перешла в открытую оппозицию, выступила с собственным проектом широкой автономии, и одновременно ее лидер, лишенный польских субсидий, нашел их у немцев в Праге. В его партии сосредоточены русские националисты, которые начинают оппозиционно выступать против венгров, опираясь на немцев. Остальные массы русинов-аграрников не организованы, и венгры рассматривали их как базу для создания провенгерской партии без программы автономии.

Консул утверждал, что в Подкарпатье ширится украинское движение при поддержке немецкого консула в Хусте. Хорошо бы, если бы венгерское правительство дало Волошину амнистию, рассуждал он, поселил его в одном из здешних монастырей и положило конец разговорам об эмигрантском правительстве Карпатской Украины.

Говоря об экономическом положении, консул подчеркивал, что венгры не организовали общественные работы, но зато ввели много предписаний, затруднявших населению продажу скота и птицы, и ограничили, по сравнению с чешским периодом, право выпасов на панских пастбищах, что вызвало бурное недовольство. Закупочная цена скота в живом весе сократилась почти наполовину, а товары первой необходимости подорожали в два раза (приводил конкретные данные), в том числе на соль и нефть, которую использовали в лампах для освещения. Вырубка леса на востоке края сократилась

из-за запрета Румынией его сплава по Тисе и перевозки по железной дороге. Он делал вывод, что если в ближайшее время венгерское правительство не изменит такое положение, можно утверждать, что оно встретится со значительными затруднениями в «управлении Русью», и пострадает прежде всего местное население⁴².

На следующий день тот же консул направил два донесения. В одном информировал, что немецкий консул в Хусте составляет списки жен и сирот убитых сечевиков, выдает им по 50 пенге и обещает добиться для них пенсий от венгерского правительства.

Второе донесение польский посланник отправил в свой МИД и польское посольство в Братиславе. В нем содержалась информация, тайно полученная от провенгерски настроенного местного руководителя о положении в Закарпатье: там расстреляны после захвата края венграми те люди, которые оказывали им сопротивление или были схвачены в униформе Сечи. Особенно много было студентов учительской семинарии (переведенной в Севлюш из Ужгорода, где прежде ее директором был Августин Волошин) под руководством Голоты. Многие эмигранты были доставлены на машинах на границу и переданы полякам.

Опасных или подозрительных украинцев арестовали в лагерях Крива, Ниредьхаза, Варюлапош. Аресты проводились военными властями не на основе конкретных личных обвинений, а по доносам и на основе интриг. Аресты и гибель людей вызывали недовольство населения и его сопротивление. Причем консул рассуждал, что расстрелять сторонников украинской концепции, фанатиков нужно

было для консолидации края. Арестовать нужно было агитаторов, но не больше. Заключение простых людей вызывало рост ненависти к венгерской армии. С целью прекращения антивенгерской пропаганды он считал необходимым привлечь на свою сторону учителей, а также местных представителей, верных венгерской государственной идее. Он остановился и на письме Волошина епископу Стойке в защиту своих сторонников: «Ибо те, которые были первыми, стали последними и — наоборот»⁴³.

Примерно в то же время главный консул Польши в Праге Зигмунт Хлатки написал донесение польскому послу в Берлине об украинском движении в Праге. Он сообщал, что в Праге из бывшего правительства Карпатской Украины находились Августин Волошин, Юлий Ревай и Степан Клочурак. Ревай поладил с организацией украинских националистов. Центр всех эмигрантов из Закарпатья — в Братиславе. Волошин нужен немцам для их отношения с Венгрией. Когда Пал Те-

леки и Иштван Чаки 19–20 апреля находились в Берлине, туда были доставлены на машине германского МИДа Августин Волошин и Юлий Ревай. Клочурак сказал, что они получили задание подобрать аппарат, способный в любой момент взять власть в Подкарпатской Руси. В Германии сосредоточено из Карпатской Украины около 6 тыс. человек, готовых к действию немцев как на Руси, так и за границей, во Львове и Киеве, рассказывал Владимир Комаринский Хорвату, ведавшему в свое время финансами Карпатской Украины. Клочурак не скрывал, что бывшее правительство Карпатской Украины получало финансовую поддержку от немцев.

В этом документе сообщалось и о плане издания в эмиграции украинской газеты «Нова Свобода», и о том, какие инструкции получили от Франка в протекторате Чехии и Моравии — нападать на III Интернационал и СССР, а из Польши, Румынии и Венгрии сообщать факты без пропаганды⁴⁴.

Глава вторая

Правда и мифы об автономии Подкарпатья

Правящие круги Венгрии использовали обещание предоставления автономии захваченному краю прежде всего с целью успокоения возмущенного международного общественного мнения. О ней говорили на самом высоком уровне — регент, премьер-министр и министр иностранных дел. Причем министр Иштван Чаки говорил, когда отказывался от своих прежних обещаний удовлетворить претензии румынского правительства на часть Карпатской Украины, что это касается территории, присоединяемой на правах автономии. В эти басни поверил даже Андрей Бродий, когда говорил об этом позже на собрании в Хусте. Премьер Пал Телеки действительно на заседании правительства 17 марта 1939 года информировал министров, что он принял бывшего премьер-министра Карпатской Руси Андрея Бродия по вопросу предоставления автономии Карпатской Украине и, как записано в протоколе заседания венгерского правительства, «пообещал дать ее в рамках старой конституционности»¹. Премьер также заявил, что завтра по этому вопросу собирает совещание.

К этому времени советником премьер-министра Дьёрдем Освальдом был подготовлен проект автономии Подкарпатья. 18 марта состоялось совещание под председательством Пала Телеки, на котором он ознакомил приглашенных с этим проектом. На совещании присутствовали министры внутренних дел, культов и просвещения, юстиции — Ференц Керестеш-Фишер, Балинт Хоман, Андраш Надь-Тшнади, бывшие премьер-министры граф Иштван Бетлен, граф Дюла Каройи, Калман Дарани, Бела Имреди, хранитель короны барон Жигмонд Перени, Тибор Экхард, Дюла Корниш, барон Ласло Ваи, тайный советник Эден Микец, генерал Эмил Зах, Калман Томчани, государственные секретари Ференц Жиндей и Тибор Патаки, депутаты парламента Йожеф Иллеш, Карой Рашшай, Шандор Дьемеери².

Как видно из состава участников совещания, там не было ни одного представителя из Подкарпатья, даже из среды сторонников венгерского правительства, которые в условиях Чехословакии по его заданию вели борьбу под лозунгом авто-

номии. На начальном этапе венгерское правительство не считало нужным знакомиться с мнением представителя края, судьбу которого оно решало. Не был приглашен и Миклош Козма, занимавшийся проблемами Подкарпатья, хотя и по другим соображениям — он был тесно связан с военным руководством и поддерживал военную администрацию.

Между тем Пал Телеки находился в очень сложном положении. Он только 17 февраля 1939 года после своего назначения премьером создал новое правительство и провел его первое заседание. Он вынужден был терпеть необузданную агитацию и демагогию не только хунгаристской партии, но и сторонников Имреды, Яроша и Раца в партуниформе с оленьими значками. Когда встал вопрос, кто с ним, то выяснилось, что его поддерживает кроме регента верхней палаты и оппозиции в палате представителей только одна группа в его партии. Из четырех членов исполкома правящей партии двое — Имреды и Рац — были его противниками. Положение его стало невыносимым не только потому, что его партия состояла из гетерогенных элементов, но и оппозиция не была единой. Если бы он и захотел порвать с партией, то сделать этого не смог, ибо править при помощи одной оппозиции было невозможно. Долго не мог он править и тенью Имреды, хотя он и попытался обезоружить открытый заговор против себя в собственной партии, возвел в закон антисемитский проект, внесенный еще правительством Имреды. Он предполагал, что это будет иметь роковые последствия для экономической жизни страны, и открыто заявил: «Только потом не плачьте»³. Когда и это

не помогло, он решился на проведение выборов. Из-за событий, связанных с оккупацией Карпатской Украины, Телеки выборы отсрочил и захват Подкарпатья использовал на выборах для изменения соотношения сил в свою пользу.

Между тем к 23 марта 1939 года был подготовлен второй, доработанный законопроект Дьердя Освальда. На второй день он был передан в министерство юстиции тайному советнику Габору Владару на заключение⁴. В результате экспертизы этого министерства правительство отклонило проект Освальда⁵. Тут же уместно заметить, что проекта Габора Владара не существовало, хотя некоторые историки утверждают обратное⁶.

27 марта поступил проект бывшего премьер-министра Иштвана Бетлена. Знакомиться с ним бросились не только в канцелярии премьера, но и в МВД.

Историки тоже позже уделили ему значительное внимание. Первым обратился к этой теме венгерский историк Лорант Тилковски, который специализировался на изучении положения немецкого национального меньшинства Венгрии. В 1967 году была опубликована его книга, посвященная ревизии в политике в Венгрии в отношении национальных меньшинств в 1938–1941 годах. В ней автор подробно остановился и на проблеме обещания венгерскими правителями автономии населению Подкарпатья. Рассмотрел он и ряд проектов, причем использовал архивные материалы⁷.

После выхода в свет этой книги изложили свои взгляды на некоторые проекты автономии, обещанной Подкарпатья, и другие историки, в том числе Желицки и канадский историк Александр Баран из

Виннипега. Баран написал специальную статью, посвященную проблеме закарпатской автономии в те годы⁸. Осветил он эти вопросы подробно, трижды сослался даже на венгерский архив. В Венгрии обычно в сносках не указывают страницы дела (единицы хранения), а только его номер. Но Баран перепутал эти понятия и выдал единицы хранения за листы (аркуш по-украински). Этот историк допустил неточность в конце статьи, ибо Телеки покончил с собой не в связи с нападением Германии с участием Венгрии на Советский Союз, а до того, 3 апреля, когда уяснил для себя неминуемые последствия участия двух этих стран в нападении на Югославию.

Б. Желички в своей книге, изданной в серии историко-политических тетрадок, излагал некоторые проекты конституции по книге Тилковского и подробно остановился на предложении Бетлена. Он подчеркнул, что бывший премьер готов был предоставить русинам Подкарпатье территориальную автономию, но распространить на эту территорию действие всех венгерских законов. Бетлен предлагал передать автономию городам Ужгороду и Мукачеву, сохранить общими таможенную территорию и финансы. Система исполнительной власти должна была иметь особую структуру: администрацию возглавил бы воевода, которого назначал регент из предложенных «великим собранием» трех кандидатов, а наместника избрало бы великое собрание из трех кандидатов, рекомендованных венгерским правительством. Великое собрание воеводства посылало бы определенное число депутатов в палату представителей в государственное собрание. В администрации и су-

допроизводстве предполагалось наряду с венгерским употреблять и русский язык.

В последний день марта в правительство поступил проект автономии депутата венгерского парламента⁹, бывшего лидера Русской национальной автономной партии Подкарпатской Руси Иштвана (Степана) Фенцика. В 30-е годы он уже выслал не один аналогичный проект в чехословацкий парламент и для отчета в польский МИД. Проект самоуправления Подкарпатье от имени Фенцика тоже встречается несколько раз¹⁰.

По поводу начала заседаний в венгерском парламенте выступил и Степан Фенцик. Он говорил от имени всего карпато-русского народа, обвинил «марксистов и коммунистов» в том, что Подкарпатская Русь еще не получила независимости, гарантированной ей в 1918 году на принципе Вильсона. Фенцик заявил, что на него «возложена задача представлять в венгерском парламенте притязание карпато-русского народа на самоопределение». Подкарпатская Русь желает присоединиться к «новой, великой и свободной Венгрии»¹¹.

31 марта 1939 года Фенцик послал венгерским властям проект, названный им «Конституция Карпаторусского воеводства». В правительстве встретили проект с подозрением, усмотрев в нем сепаратистские устремления. Сам Фенцик считал актуальным ввести в жизнь обещанную автономию: «имею честь предложить мой проект автономии», — писал он, скромно полагая его только наброском. В этом проекте предлагалось создать в Будапеште министерство по делам Подкарпатье, которое одновременно было бы и представительством края в общих делах с Вен-

грий. Фенцик рекомендовал созвать национальное собрание, которое самостоятельно решало бы проблемы «Карпаторусского воеводства» и определяло гимн, герб, флаг, рабочий язык и способ общения с венгерским правительством.

В другом варианте проекта Фенцика, который прислали премьеру из министерства внутренних дел 3 апреля 1940 года, конкретизированы общие положения прежнего варианта, добытые секретным путем¹². Там сообщалось: главным образом необходимо, во всяком случае перед внешним миром, внутри Венгрии выступать единым фронтом, и Подкарпатское административное управление должно осуществляться путем самоуправления. Он предлагал немедленно назначить выборы в подкарпатское национальное собрание, утверждая, что общественное мнение этой территории считало бы такое решение самым целесообразным. Если бы шла речь о другого рода выборах, то избранными могли быть только местные закарпатцы, говорящие на родном языке, писал он.

Большинство служащих, присланных в Подкарпатье из Венгрии, не знают языка народа и не стремятся его освоить, несмотря на то что «угрорусским языком» можно овладеть в течение года, что и было предписано постановлением правительства. Большинство служащих из Венгрии презирает угрорусский язык и ведет себя с населением неприязненно, а тех, кто говорит на угрорусском языке, клеймят ирредентизмом.

Местных закарпатских служащих переместили в Венгрию в такой степени, что в административных органах редко встречается угрорусский служащий. Это уже

говорит о том, что национальную проблему не смогли решить. Жандармерия как только можно беспощадно обращается с народом, многих невинных избивают, и потому, естественно, гимназисты, главным образом молодежь, по 10–20 человек бегут в Россию. Число бежавшей молодежи превышает 2 тыс. человек.

Зарубежная пропаганда против Венгрии очень сильна, главным образом со стороны Советов и американских русинов, которые пропитаны коммунистическим и бенешовским духом. В американских газетах ведется сильная пропаганда за отторжение Подкарпатя от Венгрии, поэтому в рассматриваемом документе содержится предложение «сделать все в интересах контрпропаганды». Затрагивается в нем и состояние в области культуры, в частности и то, что в начальных школах до сих пор нет единых угрорусских учебников, а проведенное перемещение учителей вызвало среди них панику, причем во многих случаях разбились семьи, разлучили мужа с женой. Культурные общества прекратили свою деятельность. Там предлагалось разрешить театральные постановки, которые жандармерия запрещала, издавать брошюры на венгерском языке, написанные в новом духе, и отмечалось, что в Подкарпатье не разрешали угрорусский флаг, а на занятиях «Левенте»¹³ запрещали петь русские песни.

Касаясь хозяйственных вопросов, он прежде всего обратил внимание на обмен денег, невыгодное соотношение (1:7) пенге к чешской коруне. В качестве примера приводилось: крестьянин за проданный центнер пшеницы мог купить 4–5 пар ботинок, а теперь за эту цену можно купить только одну пару. Экспорт скота и фрук-

тов (основных статей дохода) почти полностью зачах. Долгожданная уборка на Алфёлде среди подкарпатцев вызвала разочарование. Те, кто все же поехал на заработки, еле смогли покрыть расходы на дорогу. В этой области предлагалось создать промышленные предприятия для переработки сырья, списать старые долги (чешские долги за налоги собирали венгерские власти) и другие меры.

В рассматриваемом документе Фенчик обрушился на своих конкурентов — «автономистов», то есть лидеров партии Автономный земледельческий союз, фактически отстранивших его от близости к премьеру Палу Телеки, заведующему в его канцелярии отделом национальных меньшинств Тибору Патаки. Он заявил, что посты в учреждениях занимают не соответствующие требованиям люди, например, Михаил Демко, учитель, назначен советником в министерство финансов, Аладар Возари стал правительственным советником, а Юлий Марина оказался во главе школьного дела, не имея никакого представления о нем. Эти люди вместе с Бродием управляют краем диктаторским способом.

Андрей Бродий, не получив ответа на свой проект автономии, решил опубликовать его основные положения. 2 апреля 1939 года в газете «Русский Вестник» была обнародована позиция его сторонников под заглавием: «Какую автономию мы желаем?» В венгерском архиве она зарегистрирована как пожелания «Русского Вестника»¹⁴. Автор Андрей Бродий полагал, что автономия должна бы обеспечить населению Подкарпатья такие же права, какими на протяжении веков пользовались в составе Венгерского королевства

хорваты. Он предлагал предоставить Подкарпатья широкие автономные права, до минимума ограничивая общие дела с Венгрией, передать властям автономии права, касающиеся внутренней жизни: административное управление, транспорт, финансы, судопроизводство, просвещение. В ведение автономии он полагал также получить право распоряжаться недрами земли и государственным имуществом на территории автономии. Он намеревался создать особые вооруженные силы края, которые имели бы связь на уровне командования венгерской армии. Кроме того, он надеялся получить места дипломатических представителей в странах, где проживают в массовом количестве эмигранты из Подкарпатья. Как об официальном языке в крае автономии, в том числе и общения с венгерским правительством, говорилось только о русском.

Проект Бродия, направленный от имени Центрального русского национального совета, и все остальные предложения были обобщены Тибором Патаки. Он доложил о них премьеру 24 апреля. Предложения об автономии Пала Телеки не воодушевили.

Между тем начали поступать материалы по поводу намерения будапештских властей расширить за счет Карпатской Украины территорию, полученную по первому Венскому арбитражу. Первый сигнал об этом был получен из Севлюша от адвоката Васовчика. Юлий Васовчик, председатель Национального совета русинов, еще 26 марта 1939 года написал письмо премьеру Палу Телеки (графу из Долгого, намекая на его происхождение из Подкарпатья), в котором просил построить давно планировавшуюся гидро-

электростанцию путем переброса воды реки Теребля в реку Рика¹⁵. Премьер не отреагировал — ему было не до того.

В самом конце марта, 29 числа, Юлий Васовчик послал Андрею Бродию как бывшему премьеру Подкарпатской Руси и депутату венгерского парламента протест против того, что, по слухам, Подкарпатье собираются включить в венгерское жизненное пространство (*magyar élettér*) и насадить, оттеснив русинов, чисто венгерских служащих. Как оказалось, это были не просто слухи. По свидетельству записи Тибора Патаки, к нему явилась делегация из Тячева под руководством старого председателя Венгерского совета Лайоша Эрде в сопровождении бывшего сенатора чехословацкого парламента Кароя Хокки и просила не подчинять Тячев организуемой русской территориальной автономии¹⁶. Позже эта просьба была удовлетворена.

В этих двух округах проживало более 100 тыс. русинов. Никогда «мы не смогли бы объяснить, — продолжал Васовчик, — русинам Великих Комят, Заречья, Олешника и Великой Копани этот поступок законным и справедливым»¹⁷. В конце протеста он предупреждал Бродия, что население этих названных пунктов может замкнуться и уйти в пассивность.

Спустя месяц Васовчик уже направил жалобу премьеру Телеки, что он доверенное лицо Бродия, а военный комендант города (в условиях существования военной администрации) майор Вилмош Сабади обвинил его за деятельность в Руськой раде в обострении венгеро-русских противоречий. В то время как все дела вершатся в обход представителей русинов¹⁸.

Военная администрация, ее грубое поведение с населением Подкарпатья и интриги начальника Генерального штаба против правительства и лично премьера побудили Телеки форсировать замену в Подкарпатье военной администрации гражданским управлением. 25 апреля он заручился поддержкой правительства в этом вопросе. Заведующий отделом МВД государственный секретарь Бела Хорват 5 мая 1939 года писал государственному секретарю канцелярии премьер-министра Тибору Патаки, что совет министров 25 апреля решил срочно упразднить в Подкарпатье военную администрацию, и пока проблема администрации в этом крае будет окончательно решена законодательным путем, нужно ввести гражданскую администрацию переходного периода путем правительственного распоряжения, и приложил проект такого решения¹⁹.

11 мая Патаки на бланке премьер-министра направил министру внутренних дел Ференцу Керестеш-Фишеру свои замечания на проект временной администрации. Тогда еще шла речь о назначении не регентского комиссара, а главного уполномоченного правительства (*a főközmánybiztos*), у которого был бы не один, а три заместителя и совет при нем в составе 10–14 человек, которых назначал бы, как и главного уполномоченного, министр внутренних дел. Главный уполномоченный (комиссар) получал бы информацию (по судебным, административным и экономическим вопросам) от экспозитур (представительств) Горного края, как предлагалось назвать эту территорию по проекту временной гражданской администрации²⁰.

В этих замечаниях Патаки предлагал не забывать, что нищета, чешский (как он полагал) гнет, потянули огромные массы в лагерь Коммунистической партии. По его утверждению, якобы при чехословацкой власти поддерживали украинское направление.

Такое огульное мнение не соответствовало действительности. Если временами и поддерживали, то только партии, стоявшие на националистической позиции. Но он удачно подметил, что значительная часть учителей и немалая часть другой интеллигенции (служащих) придерживаются украинских убеждений. Во многих случаях это означает, что по отношению к венгерскому государству они безразличны, а во многих других — настроены враждебно. «Часть интеллигенции если и настроена провенгерски, — продолжал он, — в глубине души своей сохраняет славянское убеждение».

Чехословацкие власти искусственно выращивали интеллигенцию, но неудачно, то есть интеллигенция не была выращена такой, какую хотелось бы видеть Венгрии. В этой массе преобладал полунинтеллигентный элемент, много было плохо подготовленных учителей, полуобразованных мелких служащих. Не потому ли венгерские власти с первых дней оккупации взялись за сокращение школ в Подкарпатье?

Автор замечаний признал, что за прошедшие восемь недель после оккупации края допущены ошибки, которых можно было избежать. Правильно было бы о них меньше говорить, но упомянуть нужно. Даже в той политической партии, которая в течение 20 лет боролась за присоединение Подкарпатье к Венгрии (несмотря на

преследование, тюремное заключение), уже заметен упадок настроения, причем в лучшем ее крыле (имеется в виду Автономный земледельческий союз. — *А. П.*). «Мне еле-еле удалось немного успокоить Андрея Бродия», — продолжал он, на которого плохо влияла слежка за ним (подсушивание телефонных разговоров, вскрытие корреспонденции). По мнению Бродия, политическая беда в том, что этот факт стал уже известен.

Накануне, записал Патаки, у меня был с жалобами из Хуста Иштван Будаи, который почти венгр. Причины его огорчения: первое — в вопросе автономии некоторые венгры проявляют непонимание и нетерпение; второе — сильно ухудшилась возможность заработка для населения; третье — многие боятся, что из-за вытеснения рутенской интеллигенции из учреждений, в администрации не будут говорить по-рутенски, а в школах будет проводиться насильственная мадьяризация; четвертое — перегибы военной администрации, много арестованных, замученных и так далее.

Далее он записал свое рассуждение: русский народ очень хорош по настроению, как славянин — сентиментален, мягкий. При контакте с ним нужна большая любовь²¹.

Что же касается проблемы побольше присоединить к собственно Венгрии из оккупированной территории Карпатской Украины, то этот процесс продолжался. В упоминавшейся беседе Бродия с Патаки говорилось и о том, что нужно успокоить население, пообещать, что оно само изберет административную власть. Тогда же госсекретарь предложил присоединить к Венгрии из Севлюшского округа

села Вербовец, Фанчиково, Тросник, Холмовец, «но пока» не больше. «Пока» означало, что будет продолжение. От имени Национального совета села Герень (Горяны) в июне 1939 года было направлено письмо регенту Хорти (оттуда переслано премьеру) с просьбой не включать их населенный пункт в автономную часть Подкарпатья. Поскольку автономия нужна только некоторым вождям, получившим при чехах парламентские мандаты и потом побежавшим в Будапешт, чтобы «там получить незаслуженные теплые местечки»²². Просьба была удовлетворена, и Горяны включены в состав города Ужгорода.

Позже премьеру Палу Телеки вручили меморандум «межкомитатского союза» жуп Мараморш, Угоча, Берег и Унг от бывшего административного судьи Отто Губера, Иштвана Майороши, начальника комитата в отставке Жигмонда Морваи, депутата парламента Кароя Хокки, Эндре Тали, министерского советника Гезы Латора и Андраша Давидовича по проблеме управления Подкарпатьем. Государственный секретарь Патаки изложил им основные принципы политики правительства в этом крае. В документе не отражено, какие именно принципы, но отмечено: они остались довольны. В меморандуме требовалось «поставить русский народ на службу венгерской идее», подвергалась критике прежняя деятельность чехословацкого правительства, направленная якобы на денационализацию и стремление «сделать их москвитянами».

Авторы его критиковали и туманную политику венгерского правительства. Предлагали развивать только русинский язык, ввести термин «русин» вместо «угорос», всех русинов объединить в одной

партии, и членов этой партии назначить на важные посты. Тех, кто не присоединится к русинской партии, предлагали считать врагами и изменниками и дискредитировать их²³.

В то же время комитат Угоча, в том числе Севлюшский округ, был полностью включен в состав трианонской Венгрии. Населенные пункты Геденьхаза, Королево, Севлюш, Ардовец (Подвиноградово), Олешник, Теково, Гетеня, Дратовцы, Сасово присоединили частично к Угочанскому комитату, частично к Хустскому округу Мараморшского административного управления, а частично к Иршавскому округу Бережского административного управления²⁴.

Все, что говорилось в тайне в кабинетах премьер-министра и министра внутренних дел, наводит на мысль, что вся затея разговора вокруг предоставления Подкарпатья автономии и самоуправления была лишь игрой. Телеки занимался другими делами. В мае в Венгрии шла подготовка и были проведены выборы в государственное собрание. Победили сторонники Телеки. Но на территории Покарпатья и так называемого Верхнего края – *Felvidék*, как тогда стали называть территорию, присоединенную к Венгрии по решению первого Венского арбитража, выборы не проводились²⁵. Власти боялись, и не без основания, что население этих земель проголосует в основном против.

23 июня 1939 года была опубликована ст. VI закона 1939 года о соединении территории Подкарпатья со страной короны святого Стефана. В этот же день было опубликовано и распоряжение премьер-министра о введении временной гражданской администрации (управления) в

этом крае, на следующий день – ряд правительственных предписаний о юридических учреждениях в Подкарпатье, а 27 июня – предписания о финансовом управлении²⁶.

На следующий день после подписания регентом Миклошем Хорти и премьером Палом Телеки закона от 22 июня 1939 года о присоединении подкарпатской территории к Венгрии правительство приняло постановление о круге влияния регентского комиссара Подкарпатья. Согласно этому предписанию все министерства могут осуществлять назначения в этом крае только после согласования с регентским комиссаром. В то же время регентский комиссар может делать министерствам предложения.

На территории Подкарпатья регентскому комиссару должны подчиняться полиция и все органы безопасности, а также ужгородская и мукачевская полиция, которые должны ему обо всем докладывать, а он может давать им прямые указания²⁷.

27 июня правительство назначило Александра Ильницкого и Йосифа Каминского пожизненными членами верхней палаты венгерского парламента и в тот же день назначило Жигмонда Перени, члена верхней палаты венгерского парламента, хранителя короны, барона, своим комиссаром Подкарпатья²⁸.

28 июня регент Хорти назначил Жигмонда Перени регентским комиссаром подкарпатских административных экспозитур (представительств). Их было три: Ужанская, Бережская и Мараморошская. Стоит обратить внимание на то, что первоначально и с периода введения временной гражданской администрации ника-

ких изменений не произошло, кроме того что Хорти назначил править краем не главного представителя правительства, а своего регентского комиссара.

1 июля издано постановление МВД о вступлении в силу распоряжения премьер-министра о названиях сел (то есть изменении их названий на венгерский лад), о создании административных управлений (*kirendeltségek*) и определении округов (*járások*)²⁹.

В августе 1939 года дал о себе знать Августин Волошин. Он направил Юлию Брашайко письмо, в котором как венгерский гражданин просил согласия венгерского правительства быть по приглашению гостем-профессором в 1939–1940 учебном году в Пражском украинском университете в качестве преподавателя педагогики. Брашайко передал заявление министру внутренних дел. Тибор Патаки 14 августа перед заседанием совета министров доложил об этой просьбе Волошина министру иностранных дел Иштвану Чаки, который возразил против предоставления Волошину такого разрешения³⁰. В результате он его не получил.

В этой ситуации премьер-министр Телеки поручил министерству внутренних дел разработать законопроект конституции и самоуправления для Подкарпатья. В августе проект был готов, и МВД направило его премьеру, который 30 августа дал замечания по этому проекту и в сентябре написал к нему введение.

На этой стадии к работе над проектом автономии был подключен профессор Сегедского университета Иштван Эдьед. К 13 сентября он подготовил первый текст законопроекта подкарпатской автономии, получивший его имя. На подго-

товленный им текст проекта Пал Телеки дал замечания, и после доработки и получения второго варианта текста (24 сентября), прямо на следующий день, премьер уже занимался названием проекта. Второй вариант текста Эдьеда 2 октября вместе с законопроектом о временном существовании органов самоуправления премьер направил некоторым министрам и государственным секретарям министерств юстиции и внутренних дел с просьбой срочно дать замечания.

Венгерское правительство вообще не считалось с теми проектами, которые направляли представители Подкарпатья, даже такие как Андрей Бродий или Степан Фенцик. Другие, реально мыслящие, и не утруждали себя сочинением проектов автономии, считая это пустой тратой времени. Об этом свидетельствует отсутствие таких материалов в архивах, несмотря на то что 14 апреля 1939 года, после совещания у премьера Ференца Керестеш-Фишера и Тибора Патаки, Пал Телеки поручил государственному секретарю обратиться к подкарпатским руководителям и специалистам с предложением высказать в письменной форме свое мнение по поводу самоуправления³¹. Поступили только мнения местных венгров отрицательного характера, о чем уже говорилось.

Если за Андреем Бродием вели слежку, то Степану Фенцику вообще не доверяли. Еще в декабре 1938 года сотрудник военного кабинета регента Миклоша Хорти Андраш Доболци получил от тогдашнего начальника кабинета генерала Густава Яни указание поддерживать связь с депутатом парламента и если что «заметит» — доложить. Фенцик в сентябре 1939 года попросил пригласить его на охоту. В связи

с этим 12 сентября Доболци посетил Фенцика на его квартире и застал его в обществе двух американских граждан, русских журналистов христианского направления, по происхождению из Подкарпатья, прибывших тогда из Будапешта. Позднее туда пришел проживавший в Париже богатый царский эмигрант, младший брат командовавшего царской русской белой армией Петра Врангеля, руководитель царской эмиграции во Франции.

Как установил Доболци из их беседы, Фенцик стремился использовать появление русского красного войска в Карпатах для начала русской фашистской пропаганды, завоевания для Подкарпатья чисто фашистской автономии и намерен был сделать Подкарпатье центром этой пропаганды. В донесении, пересланном Палу Телеки, докладывавший писал: «До 1 сентября 1939 г. ...видел в Фенцике человека, который высказывался в духе свято-стефанской идеи, а на этот раз предстал пред мною как опасный панрусист»³².

Позднее, на заседании парламентской комиссии, Степан Фенцик обращал внимание на ту пропаганду, которая велась по подкарпатскому вопросу в Америке и Англии, указывая на созданную для нее благоприятную почву обещаниями с венгерской стороны, сделанными после 1938 года. Он разделял взгляды министра пропаганды о необходимости защиты свято-стефанской идеи. Подчеркивал, что он не сторонник территориальной автономии и не одобряет такие шаги венгерского правительства, которые стали бы пищей для агитации «против нас». В противовес этому он считал возможным приспособить (внедрить) автономию меньшинств в свято-стефанскую идею в виде полного рав-

ноправия национальностей, то есть без наличия привилегированных наций. По его мнению, равноправие национальностей, а не территориальная автономия, лучше всего может обеспечить осуществление святостефанской идеи. Но в то же время он сторонник наличия хотя бы одного парламентского форума, особой комиссии, которая занималась бы вопросами национальных меньшинств³³.

Если этим Фенцик фактически отказался от идеи предоставления автономии Подкарпатью, его конкурентам, в прошлом автономистам из партии Бродия, это предстояло сделать в будущем. Они пока на словах продолжали отстаивать автономию, хотя прекрасно понимали, что разговоры о ней как в условиях Чехословакии, так и в условиях Венгрии, существовали только для обмана народа, как об этом открыто высказывался их лидер Андрей Бродий. Партия Автономный земледельческий союз получила девять мандатов от венгерского правительства в палату представителей парламента. Среди депутатов, приглашенных без выборов, были А. Бродий, Ю. Бенце, И. Шпак, П. Гаевич, В. Гомичков и другие³⁴.

30 июня депутаты от Подкарпатье торжественно вошли в венгерский парламент. 22 июля 1939 года они образовали парламентский клуб русинов (председатель Андрей Бродий, секретарь Иван Шпак), от имени которого 27 июля направили премьер-министру Палу Телеки список предложений, скорее требований, который государственный секретарь Тибор Патаки направил министру внутренних дел и регентскому комиссару.

В нем содержались следующие важнейшие положения: преимущество на

служебные должности по сравнению с другими должны иметь русины; нужно восстановить на работе всех без сокращения заработной платы. Офицеров чешской армии, жандармов, полицейских, работников пограничной финансовой службы принять в соответствующие венгерские учреждения на имевшиеся у них прежние должности и в прежних званиях. Как можно скорее заменить временное управление в Подкарпатье на окончательное автономное соответственно заявлениям регента Хорти, премьера Телеки и министра иностранных дел. Пока будет существовать временное правление, мнение запрашивать у парламентского клуба как законного представителя. В Подкарпатье сохранить все русские школы. Оказать дипломатическое влияние с целью присоединения к Венгрии Восточной Словакии до Попрада³⁵.

Как явствует из документов, парламентский клуб принимал много резолюций и передавал премьеру, но ответа не получал. Тогда (19 сентября 1939 года) некоторые депутаты-русины зарегистрировали интерпелляцию за № 2755/1939. В ней говорилось об опоздании планирования самоуправления, создания русинского министерства, информации о работе уполномоченного правительства³⁶ и так далее.

По поручению премьера государственный секретарь Тибор Патаки 27 сентября совещался с депутатом парламента Петром Гаевичем и предупредил его, что в Венгрии существует обычай: депутаты не только правительственные, но и из оппозиционных партий не передают интерпелляцию без согласия правительства. В этом случае спрашивают правительство: считает ли оно своевременным с точ-

ки зрения интересов страны зачитать интерpellацию? Гаевич заметил, что он как депутат, назначенный по доброй воле правительства, а не избранный, находится перед дилеммой. Но Патаки он заявил, что интерpellацию отложит. Патаки информировал об этом премьера, а тот попросил, чтобы референт сообщил ему и регентскому комиссару конкретные жалобы этих депутатов.

На следующий день сам госсекретарь принял Гаевича в сопровождении депутатов И. Шпака и Ю. Бенцы. Они просили такую автономию, какой пользовалась Хорватия, находясь в составе венгерского королевства, а также не слушать информацию Иштвана Будаи. Бенца добавил: теперь, после прихода гонимых, события шли не так, как планировали: «Народ недоволен, ибо правят не те, которые 20 лет боролись за то, чтобы жить вместе в венгерском государстве»³⁷.

Затем они в том же составе были приняты референтом, который просил их изложить жалобы. Депутаты заявили о согласии говорить о них с премьером, министрами внутренних и иностранных дел в том случае, если они примут весь парламентский клуб их партии (то есть Автономного земледельческого союза)³⁸.

В архиве не осталось следов о том, состоялась ли эта встреча, но содержание интерpellации известно по записям депутата Юлия Фелдеша о том, что рассказала эта «тройка». Эти требования были такими: некоторые министерства увольняют русинов и на их место в Подкарпатье присылают служащих из собственной Венгрии. В качестве примера они приводили факты: в Хустскую финансовую дирекцию вместо уволенных русинов при-

слали 45 человек из Венгрии. Из 96 жандармов-русинов уволили 40, 12 военных офицеров не переаттестовали. Киша из села Онок, который был связным от партии Автономный земледельческий союз с венгерской армией и получал при военной администрации 60 пенгё, уволили. Некоторых учителей лишили работы только за то, что в чехословацкий период они обучали детей на русском языке. Единственный врач-гинеколог русин Петрецкий уволен. При назначении нотариёв (представителей правительства в уездных и окружных управлениях) не учтены пожелания Бродия. Далее приводились жалобы на работу проверяющих на надёжность так называемых оправдательных комиссий.

Из 300 выпускников университетов устроено на работу только 30³⁹ человек. Учтывая, что в канцелярии чехословацкого президента, как и в национальном банке и министерстве внешней торговли, были представлены русины, Гаевич предлагал принять в венгерский национальный банк двух русинов, а в связи с восстановлением дипломатических отношений с Россией назначить в венгерскую дипломатическую миссию в Москве служащими одного-двух русинов.

Потеряли работу в результате увольнения 20 русских женщин – преподавательниц рукоделия. Приводили примеры подорожания продуктов питания (кукурузной муки, соли), подчеркивая, что с захватом Подкарпатья Венгрия получила соляные копи. В Рахово в связи с введением сдельной оплаты поденщина снижена с 3,5 до 1 пенгё. Жизненный уровень русских рабочих снизился на 50%⁴⁰. Полиция запретила проведение собрания Подкарпатского кооперативного центра.

Жандармы сбивают народ. Юлий Фелдеши заметил, что депутаты не могут успокоить народ, ибо не имеют права проводить собрания, и этим «ультиматумом» (правительству), как он выразился, депутаты хотят снять с себя ответственность. Фелдеши обратил внимание госсекретаря на то, что среди гуцулов многие встречали русские войска с красными флагами. Многие арестованы. В руках народа несколько тысяч винтовок — получили их от отступавших поляков⁴¹.

Ясно, что правительство было не заинтересовано допустить огласки приведенных здесь фактов и других данных, содержащихся в интерpellации с трибуны государственного собрания.

Между тем с разных концов страны руководству Венгрии продолжали поступать сведения, которые должны были свидетельствовать, что русинам вообще не следует давать автономию. Референт по культурным вопросам Берегова Карой Краковец 18 июня 1939 года направил меморандум в адрес Миклоша Хорти, Пала Телеки и Андора Яроша — министра по Фелвидеку. Смысл его заключался в том, чтобы обеспечить в Подкарпатье венгерское большинство по всем таким пунктам, как Тячев, Вышково и другие населенные пункты. В нем он, в частности, предлагал до предоставления Подкарпатью автономии всех юристов, руководителей (как Фенцик и Бродий) и всех окончивших среднюю школу переселить внутрь Венгрии, чтобы те не беспокоили население. Предлагалось также сделать Подкарпатье промышленным. Поддерживать развитие промышленности (особенно связанной с обработкой дерева), создать около 12 промышленных предпри-

ятий, изгнать держателей акций фирмы «Латорица», приобрести ее государству и установить сносную аренду. Провести аграрную реформу «на вечные времена». На крупных землевладениях, свыше 300 гектаров, создать новые поселения так, чтобы 75% получили венгры и 25% русины, румыны и словаки. «И тогда уже каждый русин будет против автономии»⁴².

В таком же духе выдержано и письмо заместителя председателя Центральной русской народной рады Михаила Поповича, посланное в МВД 30 июня 1939 года, в котором он разоблачал депутатов венгерского парламента Андрея Бродия, Михаила Демко, Юлия Фелдеши, члена верхней палаты Иосифа Каминского и других, в основном из Автономного земледельческого союза, которые «теперь говорят», что венгры держали их в Подкарпатье «в качестве своих шпионов». Им-то и нужна автономия, где бы они заняли высокие посты, а у народа и в мыслях нет территориальной автономии, «она им не нужна»⁴³.

В Хусте в здании кинотеатра 18 июня 1939 года было проведено «народное собрание». Готовил его бывший редактор «Русского вестника» Томаш Чекан. Присутствовали 300–350 человек. Выступали автономисты Андрей Бродий, секретарь Юрий Мельник, депутат Юрий Бенца, учитель Бокотей и другие. Все высказались за автономию. Бродий выразил уверенность, что народ Подкарпатья ее получит, поскольку это пообещали и регент, и премьер-министр. На этом собрании сообщили, что алишпаном Мараморошского административного управления назначен Бела Ришко из Драгова.

В период этого собрания выявился раскол в лагере бродиевцев. Там распро-

странялось много листовок, содержавших обвинения в адрес Бродия: мол, он, возглавляя автономистов, выступает против налога попам. Одна листовка была написана в защиту греко-католических каноников Юлия Марины, Юлия Феллеша, попа Бокшая, Иштвана Будаи и адвоката Петра Гапки. В листовке, посланной 30 июня из VII отдела МВД премьер-министру с приложенным переводом на венгерский язык, говорилось: «Мы, которые до сих пор работали вместе с Бродием, пришли к выводу, что русинам не автономия нужна, а хлеб и поп. Русины всегда жили в мире и имели хлеб и на себя, и на попа»⁴⁴.

На проблему борьбы внутри Автономного земледельческого союза обратил внимание и польский консул в Ужгороде, который в донесении от 17 августа упоминал о жесточайшей борьбе между Мариной и Бродием. Он подчеркивал (заблуждаясь), что Патаки поддерживал Брашайка, Долиная и других украинцев. Он сообщал: Бродий хотел бы стать «фюрером», и бродиевцы пишут листовки против Марины. Утверждают, что его не интересует Подкарпатье, а только блондинки. Из уже приводившегося документа сторонников Марины против Бродия консул выделил следующее место: мы хотим, чтобы ты, русин, был ученым, который умеет разговаривать не только по-русински, но и по-венгерски, что бы ты остался паном, каким был в течение тысячи лет»⁴⁵.

Между прочим, в архиве польского МИДа сохранились интересные донесения польского консула в Ужгороде в польскую миссию в Будапеште от 7 и 10 июля о введении в Подкарпатье гражданской администрации и регентского комиссара.

Там отмечалось, что этим положение не улучшилось, а еще больше ухудшилось. Регентским комиссаром был назначен Жигмонд Перени, Андрей Бродий отказался быть его главным советником. Через два дня тот же консул в тот же адрес информировал о временном назначении вместо главного трех советников: Александра Бескида, бывшего при чехах вице-губернатором, трусливого, но старательного администратора, каноника Юлия Марины, который печется только о внедрении в сознание людей идеи генс фиделиссима, и Михаила Демко – провинциального политика из партии Андрея Бродия. Он сообщал и о других назначениях тех дней и в приложении перечислил 34 фамилии с краткими характеристиками назначенных на административные должности»⁴⁶.

Через две недели польский консул в Ужгороде Й. Шченьовский доносил польскому посланнику в Будапеште о его беседах с Перени, Мариной, Демко и другими представителями гражданского управления Подкарпатья. Перени говорил о той большой роли, которую играет для Венгрии и Польши их общая граница, упоминал о трудностях, вызываемых агитацией с Запада и экономическим саботажем евреев. Со своей стороны он обещал не допустить никакой антипольской акции и просил, чтобы поляки помешали действиям со стороны украинцев Польши. Он информировал консула о катастрофическом экономическом положении на Руси и просил, чтобы Польша приняла из Подкарпатья большую партию винограда, яблок и вина, что позволило бы удовлетворить и сплотить вокруг режима богатых крестьян, которые в этом

году не имеют никаких шансов продать свою продукцию в Венгрии.

Консул ответил, что Польша перестала работать на Руси, разорвала всякие связи, но обещал регентскому комиссару сообщать ему, что узнает о пропаганде из Словакии и Протектората, а также передать в Варшаву об экономической проблеме края. Собеседники пообещали обмениваться информацией об антивенгерской и антипольской пропаганде, идущей с Запада. Перени заверял, что поделится и сведениями из писем, за которыми установлена цензура⁴⁷.

На просьбу Перени ответ из Вавшавы поступил 7 августа. В нем указывалось, что этот вопрос можно бы решить на таких условиях: в закупленный Польшей контингент фруктов из Венгрии венгерское правительство должно включить и фрукты из Закарпатья. Но, кроме того, можно бы взять партию и из этого края, однако, учитывая хороший урожай в Польше, не более чем на сумму 150–200 тысяч⁴⁸.

В последнем донесении польского консульства из Ужгорода посланнику в Будапешт от 19 августа отмечалось, что настроение населения Закарпатья все более ухудшается и начинает набирать прямо антивенгерские черты. Происходит это прежде всего из-за экономического положения: кукуруза, основной продукт, подорожала на четверть, а соль – в два раза. В Подкарпатье нет работы. Сельский врач – сегодня венгр – показывает на селе раз в месяц и за прием берет большие деньги. В регионе совершенно нет ветеринаров, нет и больничных касс.

Венгры рассматривают русинов людьми низшего сорта. Летом собрали на переподготовку всех русинов, бывших офи-

церов чехословацкой армии, зачислили их лишь кандидатами в офицеры и заставляли выполнять всякую черновую работу. Применение так называемого подвешивания и битья как телесного наказания в армии расценивалось как преднамеренное издевательство над русинами. Антивенгерские настроения подогреваются украинской, немецкой и коммунистической пропагандой.

Работу чиновников, присланных из Венгрии, плохо оплачивают, а те злость вымещают на местном населении. Эти чиновники не знали русского языка и требовали от русинов знать венгерский, что выглядело очень быстрой мадьяризацией, причем с населением вели себя очень грубо. Венгерские чиновники, жандармы и железнодорожники не отличались ни культурой, ни интеллигентностью. Русины были в условиях чешской демократии достаточно образованы политически и считали себя в культурном отношении стоящими выше них. Сравнивая условия жизни здесь, в том числе политические и хозяйственные, русины утверждали, что при чехах и даже при власти Волошина было лучше.

Когда речь заходит об автономии, русины говорят: «Нам бы поучать венгров и им давать автономию, а не наоборот...»⁴⁹

Дебаты по поводу автономии и самоуправления Закарпатья продолжались еще год. В октябре 1939 года на заседании финансовой комиссии при обсуждении бюджета страны министр внутренних дел Ференц Керестеш-Фишер предложил не обсуждать проблему бюджета Подкарпатья теперь, когда готовится проект автономии края⁵⁰. Он знал почему. Тогда же, в этом месяце, все министры, в том числе и

внутренних дел, направили свои замечания по проблеме проекта самоуправления премьер-министру. Министру внутренних дел было ясно, что в конце концов эта затея будет провалена. Вместе с замечаниями министров прислали свои соображения и заместители министров (юстиции — Иштван Антал и внутренних дел — Миклош Бонцош), а также регентский комиссар Подкарпатья барон Жигмонд Перени⁵¹. После этого по данной проблеме вновь наступило затишье, длившееся несколько месяцев.

Между тем осенью 1939 года, когда на протяжении лета хортистам не удалось всеми предпринятыми мерами, в том числе и расколом в среде сторонников Автономного земледельческого союза, перетянуть Андрея Бродия на свою сторону, Пал Телеки остановился на другой кандидатуре главного советника регентского комиссара. По его рекомендации 20 ноября 1939 года регент назначил на эту должность первосвященника (протоиерея) каноника Александра Ильницкого, который с тех пор занимал ее при всех регентских комиссарах.

25 ноября 1939 года премьер-министр Венгрии Пал Телеки принял его в присутствии Тибора Патаки и референта. Первым вопросом, который решили собеседники, было рассчитаться с долгами Андрею Бродию. Это и понятно — за услуги Венгрии он расстался с постом премьер-министра Подкарпатской Руси и просидел почти четыре месяца в пражской тюрьме. Венгерские историки установили, что его партия была на службе у будапештского правительства и лидеры получали от него субсидии за свои услуги. Запись беседы об этой встрече также подтверждает это⁵².

Премьер высказался в том смысле, что против Андрея Бродия и его газет нет возражений, «только» рекомендовал ему вернуться к языку старого «Русского вестника» и не писать «по-русски». Он также предложил не привлекать к издательству газет русских эмигрантов.

Патаки изложил Ильницкому основные принципы, которыми должен был руководствоваться главный советник регентского комиссара. На практике, говорил он, нужно стремиться к однопартийной системе, но включать в эту партию тех русинов из других партий, которые проявляют готовность поддерживать конструктивную политику (имелось в виду направленную на внедрение святостефанской идеи правительства).

Премьер Телеки с этим предложением согласился.

Ильницкий заметил, что служащие венгры (присланные из трианонской Венгрии) и офицеры в Подкарпатье ведут себя по возможности обособленно «от рутенских элементов» и предложил начать их сближение. Премьер поддержал эту инициативу, заявив, что по этому поводу Ковриг напишет статью, но просил Ильницкого узнать, какую из венгерских газет больше всего читают в Подкарпатье, и в этой газете статью напечатают.

Александр Ильницкий доложил своим собеседникам, что его назначение на должность главного советника регентского комиссара должно означать новую эру. Его слово в вопросах кадров и исправлении допущенных ошибок должно быть решающим. Премьер Телеки разделил эти взгляды (считая их «законными») и со своей стороны пообещал эти пожелания удовлетворить и одновременно по-

ручил Патаки и Ильницкому информировать об этом министра внутренних дел Керестеш-Фишера.

Ильницкий предложил привлечь к написанию учебника для средних школ Ирена Кондратовича, «у которого хорошее перо». Премьер согласился, но рекомендовал, чтобы временами авторскому коллективу давал указания Антал Годинка. На этот раз премьер-министр высказал свое мнение по поводу возможного использования и некоторых русских эмигрантов, но сказал, что возвратившихся из СССР подкарпатских русинов надо держать под строгим контролем.

В эту встречу Ильницкий предложил отправить на пенсию Эдмунда Бачинского, бывшего министра правительства Андрея Бродия от русского крыла аграрной партии⁵³.

Советник канцелярии премьер-министра, заведующий вторым отделом Ласло Оттлик 20 января 1940 года беседовал с Андреем Бродием, который, по его мнению, оказался пессимистом. Бродий считал, что с социальной точки зрения акция в экономической области, направленная на возможность продать виноград и яблоки, — не помощь. Руському народу нужно дать работу, чтобы он мог приобрести хлеб. Настроение населения, констатировал Бродий, в Подкарпатье изменилось в отрицательном плане по отношению к матери-родине (*anyaország*) и не улучшится без серьезного побудителя. Это проявилось особенно в кругу молодежи — старшее поколение более-менее лояльно.

«Руська правда» идет хорошо, ее тираж 2400 экземпляров: 1400 подписчиков (которые и платят), а 600 экземпляров продают на улицах⁵⁴. Через два месяца, в бе-

седе с Патаки в присутствии Ильницкого, Бродий уже жаловался на цензуру, которая 15 марта так обкорнала «Руську правду», что пришлось вновь набирать целую полосу, чтобы не выпустить белой.

На этой встрече констатировали, что Николая Драгулу все еще не перевели в Хуст, а В. Сулинака не назначили в Ужгород. Инспектора Томаша Чекана, который был человеком Андрея Бродия, сняли с работы. Ильницкий тогда вновь поставил вопрос о необходимости создания спортивного клуба в Подкарпатье. Это предложение уже возникало в первые дни оккупации, как тогда, так и на этот раз Ильницкому пояснили, что в Венгрии не создают спортивные организации на национальной основе.

Бродий информировал собеседников, что в США идет сильная чешская и коммунистическая пропаганда, а в Германии и Ватикане — украинская. Он подчеркивал, что в Подкарпатье везде тайно и открыто ведется украинская и коммунистическая работа и просил свободу собраний для себя и своей партии. Там же решили, что если в Подкарпатье будут проведены выборы, то кроме руськой партии в них будет участвовать и правящая партия Венгрии⁵⁵.

Между тем к 24 февраля 1940 года по указанию премьера второй отдел его канцелярии изготовил и сопоставил выдержки проектов в виде таблицы. В конце февраля профессор Иштван Едьед подготовил четвертый вариант законопроекта об автономии и самоуправлении Подкарпатья.

28 февраля под председательством премьера было проведено совещание по вопросу согласования проектов. Присутствовали министры внутренних дел и юс-

тиции (Керетеш-Фишер и Л. Радочай), регентский комиссар Жигмонд Перени, главный советник комиссара в Подкарпатье Александр Ильницкий, государственный секретарь Тибор Патаки и профессор Иштван Едьед.

Когда был уже подготовлен пятый вариант профессора Едьеда, второй отдел канцелярии премьера 5 марта направил запрос в министерства внутренних дел, юстиции, культов и просвещения, торговли и транспорта, промышленности и финансов с вопросом: что из своих полномочий и в какой мере они могут отдать в ведение самоуправления Подкарпатья? Министры не спешили расставаться со своими прерогативами.

После более чем годичной волокиты, почти полностью игнорируя не только население подкарпатского края, пожеланиями которого по этому поводу он ни разу не поинтересовался, премьер Телеки 13 апреля созвал у себя совещание, где присутствовали те люди, которых он считал руководителями русинов, и другая провенгерская местная знать. Причем лидера Руськой национальной аграрной партии Степана Фенцика не приглашали ни на одно совещание, где обсуждалась проблема автономии Подкарпатья. Это было перед завершением подготовки шестого варианта проекта Едьеда.

5 апреля Телеки провел новое совещание. На этот раз участники были более гетерогенны. Всего присутствовало 20 человек, которые обычно привлекались к этому проекту.

По замечаниям участников совещания, Едьед 14 мая представил шестой вариант, а 19 мая – седьмой текст проекта подкарпатского самоуправления. У плана

предоставления автономии русинам было много противников. Кроме венгерских шовинистов их было предостаточно среди местных подкарпатских венгров и местных мадяронов. С целью разъяснить свою позицию и смягчить выступления местных венгров и их сторонников против проекта самоуправления 26 мая 1940 года Телеки совершил поездку в Ужгород и во второй половине дня провел два заседания с различным составом присутствовавших. Только один Перени побывал на обоих собраниях.

Список участников первого заседания открывал реформатский епископ Бела Барток. Далее следовали депутат парламента Ференц Егри, мэр города и его заместитель, нотариус, главврач, начальник комитата Арпад Шименфалви, владельцы домов и прибывшие с премьером сопровождавшие его чиновники. Все они в основном венгры.

Вторую группу, как и первую, Телеки информировал об уже почти готовом проекте автономии и пытался их убедить не выступать против него. И во второй группе преобладали церковнослужители, но не протестанты, а греко-католики во главе с епископом Александром Стойкой. По численности эта группа была меньшей – всего 12 человек, в том числе Йозеф Иллеш, Енё Ортутаи, младший Янош Рабар. На эту беседу из политических деятелей Подкарпатья пригласили только Андрея Бродия. Это и не удивительно, ибо вскоре после завершения оккупации Карпатской Украины венграми Тибор Патаки и советник Ласло Оттлик беседовали с Андреем Бродием. Тогда бывший премьер Подкарпатской Руси заявил: против Степана Фенцика ничего не

надо предпринимать, «ибо если на Рутенской земле я буду ответственным фактором», то в течение двух месяцев он покорится или бежит в Америку. Фенцика уже все оставили, кроме секретаря и двух соратников⁵⁶.

Еще в 1939 году Степан Фенцик в гостинице «Хунгария» заявил журналистам, что когда в Подкарпатье бывал Хорти, да и Телеки, его на встречу с ними не приглашали, потому что командуют Бродий, Патаки и Возари. Когда журналисты рекомендовали Фенцику не вести открытую борьбу против Бродия, который будет играть первую скрипку в Подкарпатье, он парировал, что в таком случае ему останется бежать за границу⁵⁷.

Да и на этот раз Фенцика не пригласили на встречу с премьером Телеки в Ужгороде, хотя он и вручил одним из первых свой проект конституции самоуправления Подкарпатья. В связи с этим понятна его оппозиционность к венгерским властям. Телеки в тот же день возвратился в Будапешт. Его уже не очень интересовало мнение присутствовавших на встречах с ним. Туда допустили только тех, на взаимопонимание которых Телеки рассчитывал.

10 июня 1940 года Патаки разослал девятый текст проекта самоуправления Едьеда в 58 адресов: министрам, бывшим премьер-министрам и на этот раз более широкому кругу деятелей в Подкарпатье, прежде всего назначенным членам венгерского парламента, в том числе Юрию Бенце, Андрею Бродию, Михаилу Демко, Степану Фенцику, Юлию Фелдешу, Петру Гапке, Карою Хокки, Владимиру Гомичко, Александру Ильницкому, Йожефу Каминскому, а также ст. Яношу Рабару, Ивану Шпаку, Юлию Марине, барону

Жигмонду Перени, Шадору Стойке и другим⁵⁸.

Некоторые получившие текст проекта формально направили даже ответы во второй отдел канцелярии премьер-министра, где заготовили выдержки из них. Но 19 июля проект был одобрен правительством, а на следующий день курьером премьер-министра проект о самоуправлении Подкарпатья доставлен регенту в его имение в Кендереш.

23 июля 1940 года премьер Телеки с обоснованием внес проект автономии Подкарпатского воеводства на рассмотрение палаты представителей государственного собрания Венгрии. Обосновывая проект, он там заявил, что решил дать самоуправление Подкарпатью, а назвал его так потому, что географически оно таково, а термин «воеводство» должен отразить его принадлежность к венгерской империи. Обратил внимание на то, что если до сих пор славянское население края называли угроросами, то по этому закону оно будет называться «рутенами». В венгерских изданиях, затрагивавших вопрос об официальном языке в Подкарпатье после оккупации его венгерскими войсками, содержится утверждение, что наравне с венгерским был официальным и рутенский язык⁵⁹.

Как же было в действительности? Утверждение, что правительство ввело эту норму, зафиксированную в проекте самоуправления, несмотря на то, что парламент названный проект никогда не обсуждал, и он был похоронен и забыт – несостоятельно. Сохранен был регентский комиссариат с его административным делением как временное правление. В отношении языка, временной гражданской

администрации в Подкарпатье, которая существовала до освобождения края из-под венгерской оккупации в октябре 1944 года, говорилось: «Нет сомнения, что на этой территории (Подкарпатье. — А. П.) все государственные органы, служащие учреждений, предприятий и учреждений во внутреннем ведении дел обязаны пользоваться единым и исключительно государственным — венгерским языком»⁶⁰.

Но если при контакте с населением русин обращается к властям, то пусть будет рутенский язык, а в письменных ответах и также в объявлениях — венгерский и рутенский. Поскольку венгерские служащие не знали русского языка, то им было предписано изучить его в течение двух лет на специально организованных для этого курсах. Но они, особенно жандармы, игнорировали такое указание.

Разве вышесказанное свидетельствует о равноправии венгерского и рутенского языка в Подкарпатье? На основе законопроекта, внесенного Палом Телеки в парламент, тоже не произошло изменений в этом вопросе просто из-за того, что он остался только проектом. Какие новшества рекомендовались по этому проекту? В ведение Подкарпатского воеводства намечалось передать вопросы образования, религии, судопроизводства, социального обеспечения, хозяйственные и торговые. На основе этого закона венгерский язык был обязательным во всех школах, причем в русских в неделю на изучение венгерского языка отводилось больше уроков, чем на родной язык.

По проекту органы управления Подкарпатского воеводства были бы схожи с комитатской системой Венгрии с некото-

рой спецификой: совет воеводства состоял бы из 40 человек и занимался вышеназванными вопросами. Совет состоял бы частично из выборных на пять лет членов, а частично — из назначенных. Совет и администрацию возглавлял бы воевода, которого избирали бы тоже на пять лет. Регентский комиссар занимался бы политическими вопросами наподобие начальника комитата (жупы) — наджупана. Город Ужгород становился местом пребывания регентского комиссариата и воеводы, но оставался бы собственно венгерским городом с городским самоуправлением всевенгерского подчинения, а регентский комиссар одновременно исполнял бы и должность főispán-а Ужгорода. Административно Подкарпатье намечалось поделить на три части: Ужанское, Бережское и Мараморешское управления, то есть сохранить деление, осуществленное при временном гражданском управлении конца 1940 года (в каждом по четыре округа). Упоминается там и символика воеводства: герб и флаг. Над ними должна была возвышаться венгерская корона, и они не должны были выставляться самостоятельно, а только вместе с венгерским гербом и флагом.

Текст этого проекта самоуправления был роздан депутатам венгерского государственного собрания, но до его обсуждения дело не дошло. Проектом были недовольны не только лидеры так называемых автономистов Подкарпатъя, но и венгерские шовинисты, особенно местные венгры, которые оказывали ему мощное сопротивление.

Так до конца венгерской оккупации края и освобождения его войсками Красной армии правители Венгрии предпочи-

тали не говорить об автономии и править Подкарпатьем при помощи насилия, арестов, физического истребления непокорного населения.

К тому же продолжался процесс включения отдельных частей Карпатской Укraiны в административное пространство Венгрии. Так, после второго Венского арбитража Тячевский округ был выведен из состава Мараморошского административного управления регентского комиссариата и присоединен к «жизненному пространству» Венгрии. Там был образован Мараморошский округ, административно присоединенный к собственно Венгрии (*anyaország*). В новый округ были включены ценнейшие части бывшего Тячевского, Тересвянского и Раховского округов Мараморошского административного управления регентского комиссариата Подкарпатья.

Не удалось установить, по собственной инициативе или по подсказке, но факт, что 29 октября 1940 года премьер-министра Пала Телеки посетили депутаты венгерского парламента от Подкарпатской Руси и просили его отозвать внесенный им в свое время в палату представителей парламента проект автономии для этого края. Их, наверно, удовлетворило положение быть назначенными депутатами без выборов, так как они знали, что население бы их не избрало. Делегаты, кроме того, просили премьер-министра заполнить оставшиеся свободными три места в парламенте, предназначенные Подкарпатской Руси. Телеки ответил, что в связи с новым положением он занимается этим вопросом⁶¹, но он не успел решить его при жизни. Уже только новый премьер-министр Ласло Бардош-

ши 3 февраля 1942 года просил у правительства разрешения и получил согласие пригласить в парламента руководителя Мараморошского административного управления Подкарпатья Белу Ришко, а также Иштвана Будаи и Петра Гапку⁶².

Отношение населения к приглашенным в парламента без выборов удачно подметил начальник политической полиции МВД Будапешта, специализировавшийся по борьбе с левыми и правыми движениями, Йозеф Швейницер-Шомбор в своем донесении от 29 января 1940 года. Он писал: «Нельзя упускать из виду и отрицать то, что по отношению к приглашенным сейчас в парламента население не проявляет (за исключением некоторых) того доверия, которое безусловно необходимо для успокоения страстей и восстановления доверия. Уже сегодня можно установить, что если выборы будут назначены, то большинство населения возвращенных территорий безусловно будет оппозиционным... Меньше всего сторонников, без сомнения, у тех, которые сейчас представляют эти территории в законодательном органе»⁶³. Он обратил внимание и на психологический момент, связанный с таким большим переворотом, каким было присоединение края к Венгрии, от которого люди ждали немедленного и коренного улучшения положения, а поскольку этого не произошло и даже по неизбежным причинам их положение ухудшилось, отвернулись от своих прежних руководителей и обратились к тем, которые обещали новое и лучшее, чем было прежде и настоящее, и верят в него.

В этом же документе говорилось, что со времени установления венгеро-совет-

ской границы все наблюдают за поведением русинского населения — как они восприняли русское соседство. Ведь известна та мощная коммунистическая пропаганда, которая велась в этом крае до его оккупации. Цель их и украинцев была почти одна: освободиться из-под власти «угнетателя», воссоединиться «с русскими и украинскими братьями». После установления венгеро-советской границы ежедневно поступали сообщения о том, что большевистская пропаганда прекращена на этой территории только с виду. Подтвердились факты, что часть русинов и не скрывала своих симпатий к Советской России, о чем свидетельствовало массовое бегство и так далее⁶⁴.

В отношении разговоров по поводу намерений правителей Венгрии дать населению Подкарпатья автономию, самоуправление, можно констатировать, что они продолжались до осени 1940 года, пока Хорти не принял по этому вопросу свое решение, став на сторону военных. В сентябре регентский комиссар Подкарпатья барон Перени «вдруг» подал в отставку «по собственному желанию». Венгерская печать за 17 сентября сообщила, что новый регентский комиссар в Подкарпатье Миклош Козма приступил к исполнению своих обязанностей и выступил с речью, в которой заявил, что судьба народа Подкарпатья — это судьба Венгрии и мадьярского народа. И тут же пригрозил, что свобода национальной культуры русинов и других народов не может означать политическую распушенность, и всякое стремление в сторону от венгерской государственности и национальной верноподданнической преданности будет беспощадно караться. Через 10 дней Коз-

ма обратился к населению края с манифестом, в котором просил поддержать его деятельность. Он заявил, что первейшим гражданским долгом является преданность и верность к личности регента и венгерской государственности⁶⁵.

Все, что осталось от комедии, разграниченной вокруг якобы готовности венгерских правителей предоставить русинскому народу Подкарпатья автономию с самоуправлением, это огромное количество документов в архиве премьер-министра под номерами 19065–19167. Там собраны поступившие проекты автономии, разные пожелания и замечания, протоколы заседания комиссии и другие бумаги. Под номерами дел 18449–18669 сохранились записи выступлений Гомичка, Корлата, Ильницкого, группы Бродия и других политиков, относящиеся к разработке проекта «Подкарпатское воеводство и его самоуправление». Как отмечалось выше, этот проект в парламенте, куда он был внесен Телеки, не рассматривался.

Причины и доводы, послужившие основой того, что палата представителей государственного собрания не стала рассматривать этот проект, встречающиеся в исторической литературе, мягко говоря, не выдерживают критики⁶⁶. К ним относятся международная обстановка и появившееся в сентябре 1939 года новое соседство, то есть Советский Союз. Ведь с началом Второй мировой войны СССР не только восстановил полные дипломатические отношения с Венгрией, осуществил в отношении ее дружественный жест, возвратив знамена периода войны 1848–1849 годов, участвовал в выставке народных товаров в Будапеште, заключил торговое соглашение с Венгрией, открыл

почтовую связь и железнодорожное сообщение между Венгрией и СССР. Только после установления общей венгеро-советской границы и началось активное обсуждение самоуправления для Подкарпатья.

Более правдоподобной была та причина, которая отражена и в цитате, приведенной Б. Желицким, из меморандума члена верхней палаты парламента Гезы Палффи осенью 1940 года, в которой тот писал: «Если подкарпатскую территорию уступим исключительно русинам, то никакими средствами не сможем воспрепятствовать постоянному усилению сепаратистского движения». Способствовать этому будет и обещанная автономия⁶⁷.

Зря беспокоились венгерские парламентарии. Правители их страны и не намеревались предоставлять автономию руському населению Подкарпатья, о чем свидетельствуют следующие факты. Примерно на этапе завершающей стадии обсуждения проекта автономии Степан Фенцик обсуждал возможность утвердить устав своего детища — общества имени Духновича. Он послал проект устава министру культов и просвещения Балинту Хоману. А тот посоветовался с премьер-министром, который 14 июля 1940 года предложил убрать из проекта все пункты, где говорилось об автономии

Подкарпатья, а термин «угророс» заменить на «рутен»⁶⁸.

Как свидетельствуют вышеприведенные материалы, мотивы, двигавшие правителями хортистской Венгрии, были не столько внешними, сколько носившими прежде всего внутренний характер. Тем и объясняется, что из проекта создания Подкарпатского воеводства сначала выпало слово «автономия», а затем и «самоуправление», и вообще были похоронены в архивах разговоры о Подкарпатском воеводстве. С полной уверенностью можно утверждать, что в годы венгерской оккупации в Подкарпатье не существовало никакого Подкарпатского воеводства (Kárpátaljai Vajdaság), причем еще «с правом самоуправления для русинского народа». Трудно себе представить, для чего и кого нужна эта фальсификация. На деле в Подкарпатье в те годы существовал беспощадный террор. Жандармско-полицейский режим, военная диктатура хортистов истребили за пять лет пятую часть населения края. Жизнь населения тех лет сопровождалась гнетом, тюрьмами, страшными притеснениями, лагерями интернированных. Теперь некоторые историки пытаются выдать это за благо для народа, «наиболее благотворный период для русинского национального развития».

Глава третья

Подкарпатье на первом этапе Второй мировой войны

Замена военной администрации на гражданское управление проходила, по свидетельству Пала Телеки, с трудом. Военные утверждали, что они имеют право на управление территорией, завоеванной их кровью. Они с трудом сдавали свои позиции. Между тем в Подкарпатье образовалась страшная безработица. Полученные еще при военной администрации статистические данные на 25 мая 1939 года показывают, что во всех 13 округах, существовавших тогда, было 59 377 сельскохозяйственных рабочих. В том числе более 30 тыс. мужчин, почти столько же парней, около 14 тыс. женщин, а остальные — дети. Ранее из них 9500 мужчин работали в лесах. На момент составления статистики там их за нищенскую плату сезонных рабочих было занято всего 3200 человек. Больше всего сельскохозяйственных рабочих было в Воловском и Великоберезнянском округах, в каждом более чем 10 тысяч. К тому же выехали на заработки в Германию 686 человек и завербовались на уборку урожая на территории триантонской Венгрии 706 отходников¹.

Таким безвыходным положением населения края при отсутствии официальной посреднической организации воспользовались жулики и проходимцы и стали заключать договора на уборку урожая с безработными края, не имевшими представления о правилах и обычаях по найму рабочей силы в Венгрии; они, не понимая венгерского языка, подписывали вслепую предложенную им бумагу. В архивах сохранилась масса документов с жалобами на обман таким путем. 30 июня 1939 года венгерский королевский инспектор писал из Будапешта экономическому инспектору в Берегово, что на территории Бережского комитата работодатели сами заключали договора, незаконно эксплуатирующие рабочую силу, и большинство из них неприемлемо. При условии, что по указанию военной администрации разрешено было заключать договор за 11, 12-й сноп в натуре, они подписывали договора за 17–18-й сноп. Игнацне Осипович хотела заключить договор на 21-ю часть, да еще договаривалась не давать рабочим питание в дождливые дни.

В те же дни инспектор ознакомился с теми договорами, которые были заключены с 19 по 26 июня в Воловском округе, и установил, что они ниже дозволенной заработной платы, а «условия договора возмутительно дискриминационные». Там же помещен список, кого и куда завербовали на сельскохозяйственные работы, в том числе 20 мужчин и 30 женщин на три месяца из Загатья в поместье графа Морица Эстерхази в Чакваре, 35 мужчин и столько же женщин из Дешковицы и Брода в епископское имение в Мако на три месяца, из Иршавского округа было завербовано всего 400 мужчин и 100 женщин².

Приведем несколько жалоб русинов, отправившихся на заработки на собственно венгерскую территорию. 80 рабочих-русинов из села Люта Великоберезнянского округа работали на виноградниках в Дьёндьёшвисанта. Там им дали испорченное сало, и они отравились. Один из них умер, еще четверо заболели, а остальные вернулись домой. В министерство земледелия поступила жалоба и на положение русинов в государственном коневодческом хозяйстве в Мезёхедьеш, куда из 57-го хутора ушли 83 русина. Рабочим первого и второго разряда обещали платить поденные по 3 и по 2,50 пентё, а давали соответственно по 1,33 и по 1, причем из этой суммы еще вычитали по 90 филлеров на питание. Туда же поступила жалоба тех русинов из Керецких, что работали в имении графини Викторне Карой в Эрдекёвешди. Русины утверждали, что они не понимали текста договора, но знают, что договаривались на шесть, а не девять недель, и оплата натурой, а не деньгами. Они оспаривали и ряд других пунктов³.

Во втором параграфе этой главы приводились свидетельства о том, что многие из отправившихся на заработки на Большую венгерскую низменность еле покрыли расходы на дорогу. Об этом же отмечалось и в опубликованной тогда же брошюре руководителей Подкарпатского регентского комиссариата, но в другом разделе. Там говорилось о том, что 7500 отходников получили работу на венгерской равнине и в «Футуре» выдали им за труд 24 тыс. центнеров пшеницы. В качестве примера заботы правительства об улучшении социального положения населения приводилась продажа ему 700 вагонов кукурузы по 15 пентё за центнер (при цене 20), и восклицалось: «Еще никогда так не бывало»⁴.

В этой брошюре затрагивался вопрос о строительстве казарм (о чем будет сказано ниже), а также проблема школ. В ней указывалось, что в то время на территории бывшей Карпатской Украины, или, по-новому, Подкарпатского комиссариата, насчитывалось 524 школы и 2322 учителя. В списке школ выше народных (начальных), составленном по просьбе МИД Венгрии, весной 1939 года действовало в Ужгороде русское отделение средней школы и русские курсы (после обеда) вместо закрытой средней школы в Перечине, педучилище и горожанская школа, а также смешанные курсы переведенной туда закрытой школы в Севлюше. В Мукачево было русское отделение средней школы, педучилище и горожанская школа. Средние школы функционировали в Хусте и Сваляве, а также первые четыре класса гимназии в Билках с русским языком преподавания⁵. Но зато росло число венгерских школ, причем и в таких селах,

где не было ни одного венгра, что позже было официально признано властями.

Депутат, назначенный в парламент от партии Бродия Михаил Демко был членом Всевенгерской экономической комиссии 33 (позже преобразованной в комиссию 36, а потом доведенной до 42 человек), часто выступал на заседаниях этих комиссий. На одном из них ее председатель Ференц Ронкаи знакомил членов комиссии с правительственным законопроектом о временном управлении промышленностью. Сразу после первого Венского арбитража правительство приняло постановление о том, что пока остаются в силе лицензии на разрешение заниматься промышленной деятельностью, приобретенные по чехословацким правилам. Новое идентичное постановление от 7 июля 1939 года, распространенное и на Подкарпатье, предписывало к 30 сентября 1940 года обеспечить трудовой книжкой всех промышленных рабочих и их помощников. Оно обязывало до 31 декабря 1942 года везде образовать промышленные корпорации.

В прениях Демко, между прочим, заявил, что в Подкарпатье нет экзаменационной комиссии для установления специальности. Нужно ехать в Дебрецен и кроме расходов на дорогу внести еще и плату за экзамен. Он предлагал помочь консолидации в крае и тем, чтобы не собирали плату за чистку труб с тех домов (таких в селах большинство), где нет дымоходов — там дым идет прямо на чердак и консервирует солому. Отвечая оратору, госсекретарь Балинт Терлеи сказал, что комиссия для сдачи экзаменов на мастеров в Подкарпатье может быть создана только после образования корпорации промышленников, что намечено к концу 1942 года.

Позже, на заседании комиссии 42, Демко подчеркивал, что в Подкарпатье после захвата его венграми была упразднена школа подготовки лесников, выпускавшая в год по 40–50 специалистов, и просил ее восстановить. В Подкарпатье закрыли две школы обработки дерева, в том числе в Ясиня, оборудование которой вывезли в Сигет. В Севлюше прекратила существование школа по обработке металла, двухгодичная сельскохозяйственная школа в Мукачеве, нет школы виноградарей. Так что те из окончивших четыре класса горужанской школы, которые могли поступить на обучение этим специальностям, «теперь босиком пасут рогатый скот». Это недовольные полуинтеллигентные люди, которые уже не крестьяне и не имеют занятий, работы, только агитируют, как он выразился, «в противоположном направлении». Просил дать им работу по их способностям⁶.

Заботу венгерских властей вызывало и бегство молодежи из Подкарпатья и страны в целом в СССР. Уже в начале декабря 1939 года военный министр направил премьеру донесение, по которому в Подкарпатье и в Будапеште имеются люди, «переманивающие студентов-русинов в Советский Союз»⁷. Позднее (ноябрь 1940 года) заместитель начальника полиции пограничной полосы сообщил министру внутренних дел о бегстве в СССР около 2500 человек. Указывая причину, утверждал, что в сентябре бежали в основном те, которые не хотели идти в венгерскую армию⁸. Это сообщение попало в канцелярию премьер-министра 27 ноября, откуда 3 января 1941 года сообщили, что переход в СССР идет организованным путем. Некоторые превратили перевод

через границу в незначительный бизнес. Часть из бежавших русские вернули, а других поместили в лагерях для перевоспитания. В донесении от 16 ноября 1940 года он писал, что он не думает об их большой симпатии к Советской России, а всего лишь к русским. Они хотят в России лишь улучшить свое экономическое положение. В другом донесении указывалось, что в Карпатах переводят беглецов и из собственно Венгрии⁹.

На заседании правительства 26 марта 1941 года военный министр докладывал, что в прошлом году составил список тех людей, в основном украинцев по национальности, которые бежали в СССР, Германию и Словакию в первой половине 1940 года, и высказал пожелание лишить этих людей венгерского гражданства. Министр внутренних дел в принципе с этим согласился, но считал, что для примера нужно лишить венгерского гражданства только 10% из числа бежавших, и просил регентского комиссара выделить из списка министра внутренних дел 10% (976 человек), более всего опасных для венгерского государства. В Подкарпатье военная комендатура, полиция, госбезопасность и контрразведка составили список из 250 человек, и из них выделили 108 человек, которых, с точки зрения безопасности, в первую очередь нужно лишить гражданских прав. В этот список (он приложен к протоколу) включена в основном интеллигенция: учителя, студенты и так далее, промышленные рабочие – отчасти коммунисты, отчасти украинские националисты. В нем фигурируют поденщик из Перечина Василий Цмур, Василий и Михаил Климпотюки из Бочкова, Дмитрий Тарахонич из Ре-

пинного, Михаил Затворницкий из Заброды и другие¹⁰.

Через четыре месяца правительство вернулось к этому вопросу. 26 августа 1941 года министр внутренних дел Ференц Керестеш-Фишер внес на рассмотрение совета министров (по предложению регентского комиссара Подкарпатья от 9 июля 1941 года) список жителей Подкарпатья (бывшей Карпатской Украины) из 2883 человек, которые в 1940 году и позже бежали в СССР, и все они принадлежали к противникам венгерской государственной идеи, были яркими сторонниками коммунистического направления. К бегству их побудили не экономические трудности, а исключительно коммунистические идеи. В ходе дискуссии поступило предложение лишить их и членов их семей венгерского гражданства, чтобы они не могли возвратиться. Мотивировалось это интересами государственной безопасности. Это предложение было принято правительством. Хотя в протоколе и написано, что список приложен, но на деле он оказался не тем, который обсуждало правительство. Он был сокращен более чем на 100 человек – в нем уже насчитывалось только 2764 фамилии¹¹.

Число эмигрантов из Закарпатья в СССР еще не установлено. Только в фонде Ужгородского краевого королевского суда (как его именовали тогда) более 4 тыс. дел, среди которых преобладают обвинения венгерскими властями граждан Подкарпатья в переходе границы Венгрии и СССР, в том числе и групповые, уклонение от службы в венгерской армии в годы оккупации края венгерскими войсками¹².

Павло Магочий в уже упоминавшемся труде допускает, что, по разным данным, в 1939–1940 годах из Подкарпатья в Советский Союз бежало от 15 до 50 тыс. человек¹³. Причем он почти шестилетний период венгерской оккупации изложил на двух страницах в отдельном параграфе, названном «Второе венгерское господство». И неудивительно, что там не оказалось места показу сопротивления местного населения хортистскому диктаторскому режиму.

Между тем коммунистическая крайняя парторганизация и после ее запрета чехословацким правительством осенью 1938 года оставалась самой влиятельной политической силой в Подкарпатье, осваивала методы подпольной работы. Воссоздаваясь в новых условиях, она сохранила прежнюю окружную организационную систему. Создавать нелегальную парторганизацию с центром в Хусте начал еще ее первый секретарь Олекса Борканиук. Но в связи с захватом края хортистами он, как и значительная часть руководства партии, вынужден был покинуть родину и эмигрировать в СССР. В это время бывший сенатор чехословацкого парламента Иван Локота работал в лесу в окрестностях села Соль. В апреле 1939 года он связался в подполье с Енё Лебовичем и Германом Якубовичем и дал им указание восстановить коммунистические организации в Великом Березном и округе. На совещании в Березном Иван Локота поручил Герману Якубовичу установить связь с ужгородской коммунистической организацией, ее руководителем Николаем Ротманом. На квартире у Якубовича было проведено совещание. На нем было решено, что в Великом Березном будет

создан территориальный центр. Позже там было создано территориальное руководство во главе с Ене Лебовичем. В него также вошли Герман Якубович, Шаламон Шимкович, Иван Варга (Караман), Василий Семьон.

Вскоре были созданы коммунистические партийные организации в Заброди, Соли, Домашине, Княгине и Кострине. В июне 1939 года уже были созданы подпольные партийные организации в 17 селах. Великоберезнянское территориальное руководство поддерживало связь по партийной линии и вопросам печати с мукачевским и ужгородским окружными руководствами до весны 1940-го, когда провалился ужгородский округ. Летом 1940 года в СССР выехал Иван Локота и позже Енё Лебович, территориальный секретарь. При березнянской территориальной организации были созданы путешествующие группы организаторов: Михаил Затворницкий, Михаил Пекарь (Забродь), Петр Ковач (Домашин).

Ужгородская окружная партийная организация поддерживала связь с кошичкой организацией, к которой на время перешло руководство общевенгерским коммунистическим движением (Шёнхерц). В ужгородской партийной организации все нити держал в своих руках адвокат из Ужгорода Николай Ротман. Он создавал организации не только в городе, но и в мелких селах. Внимание организаторов было направлено не только в сторону промышленных рабочих — они проводили свою деятельность среди лиц свободных профессий, помощников торговцев, учеников мастеров и даже среди молодежи средних школ. Они стремились привлечь на свою сторону людей при помо-

щи изданных ими или полученных от кошицкого руководства листовок. Таким образом в Подкарпатье в коммунистическое движение включились многие, и королевская прокуратура обвинила 395 лиц за развернутую ими деятельность в подпольной коммунистической партии¹⁴.

С 21 по 23 ноября 1940 года проходил процесс особого трибунала Кошицкого суда при закрытых дверях, где рассматривалось дело Юлия Ануфрия: 24 человека обвинили в попытке насильственного свержения государственного и общественного строя. Среди них были Анна Бачо, Эден Габор, Иван Кедюлич, Иосиф Тот, Павел Сирко и другие. Вообще о коммунистическом движении в Подкарпатье в венгерских архивах сохранилось очень много материалов. Начальник полиции Ужгорода доносил 3 ноября 1939 года министру внутренних дел о коммунистическом движении в крае, в том числе и распространении антивенгерских листовок. По донесению от 25 ноября листовки были разбросаны в 28 населенных пунктах; он сообщал, что в связи с этим ведется следствие против 592 человек, из которых 312 подозреваемых находятся в розыске, а 125 — переданы военному трибуналу¹⁵.

Среди листовок, распространявшихся тогда в Подкарпатье, была и озаглавленная «Русский народ забытой Карпатской Руси», содержащая призыв к вооруженной борьбе против венгерского господства. В донесении агентов об этой коммунистической листовке от 1 ноября 1939-го в Ужгороде утверждалось, что ее распространял «Молодежный союз друзей Советского Союза», в частности студенты университета Имре Шандор из Дравец и Василий Фехер из Мукачева. Следствен-

ный отдел жандармерии доносил о распространении этой листовки 13–16 октября 1939 года в Ужгородском, Перечинском, Мукачевском, Свалявском и Иршавском округах с приложенной картой, с обозначенными на ней 30 населенными пунктами, в которых собрали тысячу листовок. Начальник Генерального штаба сообщал в канцелярию премьер-министра, что первая листовка найдена еще 10 октября в Радванке, и подчеркивал, что эта листовка распространялась в Подкарпатье в большом количестве¹⁶.

После эмиграции в СССР Локоты и затем Лебовича и провала Ротмана руководство коммунистическим движением в Ужанской долине перешло к Герману Якубовичу (до его ареста в феврале 1942 года). Руководители коммунистического движения в отдельных местах настолько развернули его, что втянули в него большинство населения. В отдельных местах было уже столько членов партии и сочувствующих, что собрания не могли проводить в закрытых помещениях и собирали их в садах, лесах, на лугах и ближайших склонах гор. В таких собраниях иногда принимало участие 120–150 человек, писал в одном из донесений высокий чиновник в МВД.

Располагая донесениями по этому поводу начальника Ужгородской пограничной полиции, следственного центра жандармерии и начальника политической полиции Будапешта, можно установить, что после раскрытия коммунистического движения в столице Венгрии было арестовано примерно 117 человек, в Кошице — 12, в Дебрецене — 10 человек. Золтану Шёнхерцу удалось скрыться. Но тогда был арестован Николай Ротман¹⁷. После этого провала весной 1940 года ве-

ликоберезнянская территориальная организация обособилась от ужгородской окружной и продолжала действовать самостоятельно. В Великом Березном образовались отдельные еврейская и русская партийные организации — это сделали с целью конспирации. Впрочем, затея не оправдалась, ибо строгую конспирацию не соблюдали — обо всех участниках организации и их ролях все знали, отмечалось в одном из донесений.

Между тем члены этой организации проводили большую работу, даже часть местных руководителей была направлена в СССР для политического обучения. Коммунисты вели пропаганду среди молодежи, используя затруднения с питанием и заработком, готовили их к побегу в СССР — в результате в Советский Союз бежало более 3 тыс. допризывников и служившей в армии молодежи, сообщал министру внутренних дел начальник следственного центра жандармерии¹⁸.

В результате длительного следствия контрразведки 8-го армейского корпуса, жандармерии и полиции значительная часть руководства коммунистической организации, более 200 человек, была арестована. После допросов контрразведки 15–28 июля 1942 года трибунал начальника Генерального штаба венгерской армии генерала Сомбатхеи непрерывно заседал в Ужгороде, провел судебное разбирательство и вынес 137 приговоров. Среди них 11 человек были приговорены к смертной казни через повешение: Рудольф Винер, поденщик из Княгини, Герман Якубович, сапожник из Великого Березного, Иван Планчак, крестьянин из Заброди, Давид Шенбергер, сапожник из Великого Березного, Шаламон Симкович, сапожник от-

туда же, Алексей Ленько, земледелец из Ставного, Федор Семьон и Василий Семьон, крестьяне из Княгини, и трое крестьян из Соли — Федор Шеранич, Михаил Тур и Василий Домише.

Первые шесть из перечисленных были казнены в Ужгороде 31 июля 1942 года в казармах 5-го мотомеханизированного полка. Оставшимся пятерым приговор был заменен пожизненным заключением. Кроме того, к пожизненной тюрьме тогда было приговорено еще 15 человек, а 14 — к 15 годам лишения свободы. Остальные осужденные были приговорены в общей сложности к 877 годам и 8 месяцам заключения¹⁹. Многих из оправданных военным трибуналом тут же интернировали и направили в концентрационные лагеря.

Этот метод — то есть интернирование — широко применялся в хортистской Венгрии. Когда у следственных органов не было доказательств преступления обвиняемого или подозреваемого, власти интернировали таких людей без суда и следствия на неопределенный срок в специально построенные для этой цели лагеря.

2 октября 1939 года жандармерия села Дубринич проводила повальные обыски в селе Заречье с целью сбора у населения военных материалов, полученных от польских солдат, отступавших на территорию Венгрии. На квартире маляра Юрия Малоша и столяра Ивана Кедюлича из Симера нашли «большое количество» чехословацкой коммунистической печатной литературы. У Малоша конфисковали «Сборник русских песен», «Цель коммунизма», «Как защитить народ от Хорти и Гитлера», «Иван Локота вождь рабочих», «Чем для нас является Россия» и другие

книги, а также круглую печать коммунистической организации. У Кедюлича изъяли членский билет Коммунистической партии Чехословакии, «Ошибки компартии» и другую коммунистическую литературу на разных языках. Следствие по этому делу провел 9-й хустский отдел²⁰. Поскольку жандармерия не могла доказать, что они уже в Венгрии продолжали активную коммунистическую деятельность или распространяли литературу, их не могли отдать под суд и интернировали, направив в лагерь в Киштарчу. В этом лагере, особенно после нападения Германии на СССР, каменщик Енё Лукач организовал семинары, сначала с целью изучения венгерского языка, а затем для освоения основных положений коммунизма.

Енё Лукач с ноября 1914 по лето 1922 года был военнопленным в России. В Венгрии сначала осудили его на 10 лет и 4 месяца тюрьмы «за антигосударственную деятельность», а затем еще два раза продлевали срок, и 28 ноября 1939 года по тому же обвинению интернировали и заключили в лагерь в Киштарче. С лета 1941-го он был помещен в 33-ю камеру (комнату) барака «Б», где познакомился с большим числом интернированных, среди которых было много жителей Подкарпатя. С закарпатцами Лукач говорил охотнее, «поскольку, — как он свидетельствовал, — те были образованными коммунистами». Особенно он хотел заслужить доверие Ивана Кедюлича, с которым они обсуждали коммунистические дела. Позже Лукач попросил Кедюлича включиться в работу коммунистической организации в лагере и вовлечь в нее новых членов, и вскоре Кедюлич привел трех коммунистов. Занятия Лукач и дру-

гие участники семинара проводили днем в комнате (иногда в присутствии полицейского охранника, лагерь охранялся силами полиции), после отбоя на кроватях, а днем на прогулках во дворе. Лукач хотел сблизиться и с Юрием Малешом²¹.

После начала войны с СССР Лукач познакомился на прогулке во дворе с Андреем Чундаком из Ярока и еще с двумя коммунистами из Подкарпатя. Поскольку они жили в другом бараке и не могли приходить в камеру к Лукачу, он проводил с ними беседы днем во дворе во время прогулок²². В конце 1941 года Лукач был отправлен в будапештскую тюрьму. После трех месяцев пребывания в ней без суда его вернули его в лагерь Киштарчу, где он продолжил свою работу среди заключенных.

В подпольное коммунистическое движение кроме уже названных жителей Подкарпатя был втянут Иван Мотыльчак, который был интернирован свалаявской полицией 1 июля 1941 года после отбытия срока тюремного заключения по обвинению судом начальника Генерального штаба венгерской армии «за шпионаж» в пользу СССР. В Киштарче он познакомился с Андреем Чундаком и Федором Фленько из Ярока, а также с уже упоминавшимся Юрием Малешом, который был руководителем группы в семинаре Лукача. В материалах дела Лукача двенадцатым обвиняемым фигурировал Иван Канюка из Домба. Он тоже содержался в лагере Надьканижа, затем, в августе 1941-го из Солотвины его интернировали в Киштарчу, а 10 декабря 1941 года — вновь перевели в Надьканижу.

Тринадцатым обвиняемым в этом деле был Дмитрий Когутич, крестьянин из Ра-

кошина, отец троих детей, приговоренный в 1940 году военным трибуналом начальника Генерального штаба к тюремному заключению, а затем, в июле 1941 года, интернированный сваявской полицией в лагерь в Киштарче. Судя по сведениям следственных материалов в семинарах Лукача, в коммунистической деятельности участвовал и подкарпатец Иван Вирван²³.

В донесении подробно изложено содержание политических бесед Енё Лукача, перечислена литература, изъятая в лагере, есть сведения о том, кто сколько раз участвовал в семинарах, но не установлен способ связи Лукача с внешним миром. Когда полицейскому начальнику лагеря стало известно об этих нелегальных сходах коммунистов, он по своей линии попросил прислать в лагерь детектива для тайной слежки за коммунистическим движением. Тот примерно в конце 1942 года сделал отчет о полученном задании и один экземпляр его направил в Центр государственной безопасности МВД. После этого была назначена следственная проверка, которую поручили провести ужгородскому подразделу 8-го кошицкого жандармского управления. Следствие велось открытым способом. Возглавил его Михай Надь.

В обобщении результатов следствия указывалось, что в связи с прибытием в начале января 1942 года парашютного десанта (об этом будет рассказано ниже) в Подкарпатье была раскрыта разветвленная коммунистическая организация. В то время было арестовано семь человек, которые принимали участие в коммунистическом движении в лагерях интернированных в Киштарче и Надьканиже и были осуждены трибуналом начальника Ге-

нерального штаба. В Надьканиже, как отмечено в сводном донесении следственного центра жандармерии, коммунистическое движение в лагере не удалось раскрыть, ибо те лица, против которых имелись данные, либо высланы в армию на Восточный фронт, либо попали в еврейские рабочие роты на Украину²⁴. В ходе следствия жандармерии подотдел арестовал 16 человек, восемь из них передано прокуратуре Будапешта, а на остальных туда же подано заявление.

В донесении следственного центра жандармерии в отдел государственной безопасности МВД в рамках проведенного расследования по указанию от 16 ноября 1942 года указывалось, что участники сходов у Лукача менялись в зависимости от текучести в лагере. В этом документе предпринята попытка раскрыть цели работы семинара, намекалось на вину лагерного начальства и недостатки, связанные с полицейской охраной лагеря (один полицейский на одну камеру)²⁵.

Поскольку была затронута честь полицейского мундира, начальника политического отдела будапештской полиции Йожеф Швейницер-Шомбор с согласия центра госбезопасности повел свое «широкое» следствие и в донесении от 24 августа 1943 года в тот же отдел государственной безопасности МВД постарался обелить полицию, которая несла службу в лагере. Он изложил проверку показаний свидетелей, да и некоторых подсудимых в таком плане, что эти показания жандармские следователи исказили, изменили по смыслу. Ему это не представляло большого труда – Швейницер-Шомбор специализировался по левым и крайне правым движениям. Три из четырех свидетелей

были нилашистами, которые в свое время пребывали в одной камере с коммунистами, — их-то срочно отпустили на свободу, и все они отказались от своих прежних показаний (Янош Лауб, Янош Ковач, Карой Терек), им не хотелось возвращаться в лагерь. Четвертым свидетелем выступал социал-демократ из Хуста, интернированный в лагерь Киштарча в июле 1941 года как «не внушающий доверия», где понаслышке узнал о коммунистическом движении в лагере, и после освобождения из заключения в Хусте рассказал о семинаре Лукача²⁶.

Швейцигер-Шомбор в донесении в отдел госбезопасности МВД фамилии информатора не упомянул (хотя в другом документе о нем говорил). Начальник полиции изложил эти сведения следующим образом: в ходе следствия в Подкарпатье от одного подозреваемого получили сведения о том, что в лагере в Киштарче «привыкли вести курсы по коммунистической идеологии»²⁷.

Это только один из эпизодов деятельности и борьбы коммунистов Подкарпатя против фашизма и войны.

В Березнянском округе, да и в других частях края, жандармерия часто проводила облавы, поголовные обыски. Так, 29 октября 1940 года 106 жандармов произвели налет на Великий Березный, Бегендятскую Пастиль, Руський Мочар, Забродь и некоторые другие села. В результате конфисковали 10 военных винтовок, 5 охотничьих ружей, 4 пистолета, 522 патрона и 8 килограммов взрывчатки. За девять дней до этого в Убле жандармы убили трех человек. Из донесения начальника полиции видно, что жандарм М. Бурункаи избивал прикладом участвовавших в вечере танцев

крестьян, на котором присутствовал и староста села. Жандармы призвали участников танцев освободить зал и разойтись. Когда присутствовавшие не спешили, жандармы, применив приклады винтовок, выгнали всех из зала. Но там был еще и внутренний зал, и когда находившиеся там не подчинились их призыву, жандармы открыли огонь и убили трех крестьян²⁸, к тому же арестовали и привлекли к ответственности шесть человек.

Регентский комиссар Подкарпатя Жигмонд Перени в донесении министру внутренних дел Керестеш-Фишеру пытался оправдать убийство крестьян. Он писал, что крестьяне якобы напали на жандармов с криками: «Бейте жандармов!» — и сообщал, что когда жители хотели похоронить жертв жандармского террора на почетном месте у церкви, то окружной начальник и священник им не разрешили. К тому же Перени считал нужным в оправдание поступка жандармов подчеркнуть, что на последних выборах 80% населения отдали свои голоса за коммунистов²⁹.

В отчете за первый квартал 1942 года управление пограничной полиции в Ужгороде сообщало по инстанции, что по всей стране вызвало большую тревогу и удивление, что в районе Ясиня 5 января 1942 года высадился парашютный десант в составе шести человек. Как стало известно позже, руководителем группы десантников был Алексей Борканюк, в 1934–1938 годах первый секретарь коммунистической краевой организации Подкарпатской Руси, входившей тогда в состав Коммунистической партии Чехословакии. В связи с распадом страны в марте 1939 года он эмигрировал в СССР,

был хорошо знаком со страной Советов. В 1926–1929 годах он учился в коммунистическом университете имени Артема в Харькове, а с начала 1927-го был членом компартии этой страны. Возвращение на подпольную работу в Подкарпатье готовилось сразу после нападения фашистской Германии и ее союзников, в том числе хортистской Венгрии, на Советский Союз.

Примерно в двадцатых числах сентября 1941 года группа была готова к вылету. Но сложившаяся на фронте обстановка не способствовала этому, вылет постоянно откладывался и затянулся до начала января 1942-го. Подобранная группа по своему составу была интернациональной. В нее входили кроме Борканюка еще один украинец из Закарпатья Михаил Можарович, секретарь хустской окружной партийной организации, два венгра — Йожеф Декан и Дюла Кёваго, еврей из Закарпатья Самуэль Габерман и москвич инженер-радиотехник Виталий Розовский, беспартийный и, как он назвал себя на допросе в немецкой полиции безопасности в Станиславе, — атеист. Тем не менее польские внесли его в бумаги как еврея.

Трагедия этой группы заключалась в том, что ее выбросили неудачно. Бочковские коммунисты десант ждали южнее, а группа приземлилась на границе между Венгрией и немецкой оккупационной зоной Восточной Галиции, то есть на территории, находившейся с двух сторон под особым наблюдением. Те, которые десантировались первыми, попали на немецкую сторону, а последние — на венгерскую. Высадка проходила с высоты в 2,5 километра в районе долины Стебна, северо-восточнее Ясиня, восточнее Яб-

лонецкого перевала, то есть от шоссе-ной дороги, у Татарского перевала, по тоннелю которого проходила железная дорога. У выхода из тоннеля был так называемый стальной дом, использовавшийся сторожами. Около него военные обходчики нашли первый парашют.

Сведения о приземлении парашютиста (пока одного) поступили в Генштаб 6 января 1942 года. Ужгородский отдел контрразведки доносил во 2-й отдел Генштаба, что начальник пограничной полиции Ужгорода получил телеграмму о том, что севернее Ясиня в долине Стебна приземлился парашютист. Парашют остался на месте. Местное жандармское управление привлекло воинские отряды, и начался поиск. Из воинской роты сообщили, что их патруль на границе в районе стального дома обстреляли и ранили двух венгерских солдат. В тот же день командующий 8-м корпусом докладывал об этом в 1-й отдел военного министерства, добавляя, что к парашюту прикреплен металлический ящик, содержание которого еще не известно.

Военные нашли тело одного мертвого советского офицера — им оказался погибший в перестрелке с военным патрулем Дюла Кёваго. Он был в форме советского десантника. При нем среди прочего был автомат с тремя магазинами, пистолет, две ручные гранаты и другое оружие. На следующий день район прочесывания решили расширить с участием двух рот горнострелкового батальона, местных жандармов и служащих лесничества. Немцы, со своей стороны, направили в район приземления 280 эсэсовцев и солдат регулярной армии.

Утром 6 января заместитель начальника пограничной службы в Станиславе

лейтенант СС сообщил венграм, что вечером 5 января между Ворохтой и Татаровым задержали человека, назвавшегося Лайошем Шпигелем, приземлившегося в группе парашютистов. Это был Самуэль Габерман. Он вскоре умер от ран, и дознаватели не добились от него ничего³⁰. 6 января в пограничной полосе немцы схватили Йозефа Декана, он был родом из Лобада, комитата Эстергом. Немцы не верили его показаниям, но венграм пообещали дать через два дня окончательные результаты допросов.

При прочесывании местности немцы на галицкой стороне нашли два больших десантных груза с оружием, питанием и боеприпасами и 38 ящиков (весом по 30–40 килограммов) со взрывчаткой.

Когда венгры и 7 января не смогли поймать никого из парашютистов, то руководство 8-го кошицкого корпуса приказало оповестить население всех окрестных сел, что любой человек, который наведет военных на след парашютистов, получит вознаграждение в 100 пенгё. Немедленная выплата этой суммы гарантировалась. Командующий просил Генштаб одобрить, пусть и постфактум, эту его инициативу.

8 января между Ворохтой и Яблоново в пустом доме, где он скрывался, добровольно сдался немецкой погранполиции Александр Розовский. В начале допросов он давал вымышленную информацию о составе группы и роли каждого из них, кроме себя. О себе и о своей семье он сообщил правду: сказал, что он должен был быть радистом в группе, что его ключ шифра среди них никто не знал. Но позже, в Станиславе, рассказал немецкой полиции в Станиславе о составе группы

все, что знал. О высадке рассказал, что висел на сосне до 6 часов вечера 5 января, и там, на венгерской стороне, повисла на дереве и его рация. После трех дней хождения по снегу сдался немецкому пограничному патрулю, который увидел из заброшенного сарая.

10 января центр воздушной обороны сообщил, что на Татарском перевале, в 250 метрах севернее от стального дома, венгры и немцы целый день вели бой с вражеским парашютистом, который был убит немцами примерно в шесть часов вечера. Это был пятый из группы десантников. Обнаружила его поисковая группа (12 венгров и 6 немцев), завязался бой, русский парашютист погиб, его тело осталось на немецкой стороне. По найденным у него документам его звали Михаил Дудаш, он был учителем, родившимся в Нижнем Селище. В действительности это был Михаил Можарович³¹.

Между тем в Станиславе немецкая полиция безопасности вела допросы Розовского и Декана. Венгерская сторона направила в Станислав командира роты капитана Золтана Шандора, который после возвращения сообщил сведения, полученные от Розовского, согласно которым около 28-го в Закарпатье направят новую группу парашютистов. Такой план был, но в связи с неудачным десантом первой группы новая высадка была отложена, и в намеченном составе группа не была заброшена в тыл противника.

Протоколы допросов Розовского и Декана в немецкой службе безопасности в Станиславе сохранились, и с ними ознакомили венгерские органы. И более того, хотя у Венгрии до того не было официального соглашения о такого рода сотруд-

ничестве, немцы выдали этих двух задержанных для допросов венграм. Эти материалы сохранились и приложены к делу Борканюка — так выяснилась личность руководителя группы десантников, который пока не попал в руки карательных органов Венгрии. Как у бывшего первого секретаря краевой организации Компартии, у него была возможность надежно скрыться в любой части родной земли. Но он сначала решил найти убежище у близких родственников и поселился в Ясиню у Евдохи Передарук, вдовы умершего брата Дмитрия. У нее был тогда 18-летний сын, который достал А.А. Борканюку пистолет и в первые дни снабжал его информацией об остальных членах десантной группы.

Как только жандармерии и военной разведке стало известно о происхождении Борканюка, те стали арестовывать и пытаться его близких родственников. Один из них, брат Василий, не выдержал побоев и пыток и согласился пойти с жандармами уговорить его сдаться, поверив обещаниям властей. Так был арестован и шестой член десантной группы. Начались повальные аресты и в восточной части Закарпатья, особенно пострадали коммунисты В. Бочкова. В донесении начальника полиции Ужгорода министру внутренних дел за первый квартал 1942 года сообщалось, что по этому делу уже арестовано 160 человек и следствие продолжается³².

Перед эмиграцией в СССР бывший сенатор чехословацкого парламента Иван Локота в июне 1940 года поручил своему брату Николаю восстановить деятельность коммунистической организации в Великом Бочкове в подполье. Так на собрании на квартире Филиппа Мошковича

под руководством Николая Локоты была создана территориальная партийная организация. На собрании Николай Локота говорил: положение рабочего класса в Советском Союзе значительно лучше, чем у нас, советская система заботится обо всех рабочих. В противоположность этому рабочие в Венгрии обречены на мизерную плату, на которую только прозябают со своими семьями. Для того чтобы улучшить жизнь здесь, в Бочкове, необходимо создать организацию и подготовиться к тому, чтобы мы могли в случае революции взять власть и упразднить существующий строй. Руководство окружной организации от Ясиня до Хуста возглавил Николай Локота, а членами его стали Филипп Мошкович и Алексей Ашкенази Ашиаш³³.

Собирались раз в месяц. Для начала решили вести пропаганду среди населения. В организации были сведения о прибытии парашютистов из-за линии фронта. На заседании в октябре 1941 года говорили, что они пока не придут, потому что фронт отодвинулся на восток. В создавшейся ситуации, заявил Локота, саботаж нужно осуществлять самим, чтобы помочь победе Советского Союза. На химическом заводе «Клотильд» он лично готовил рабочих к тому, чтобы работали в таком режиме, который низведет продукцию завода до самого низкого уровня³⁴.

В В. Бочкове в то время существовали в подполье две коммунистические украинские организации, второй руководил Алексей Яцука. Кроме того, одно время отдельно собирались и коммунисты-евреи. Николай Локота в августе 1940 года поручил Сабо пойти к Николаю Гучканюку и восстановить связь украинских и ев-

рейской коммунистических линий. Это совпало и с решением еврейской линии — на собрании коммунисты-евреи решили установить связь с «русинской линией» коммунистической организации. Гучканюк заявил, что на следующих коммунистических сходках должен присутствовать в качестве представителя один человек от еврейской организации. Положение усугубилось в конце августа 1940 года, когда Локота заявил, что по конспиративным соображениям русинская коммунистическая линия не желает присутствия на своих собраниях ни одного представителя еврейской организации³⁵.

Хотя это «недоразумение» в конце 1940-го и в течение следующего года было изжито, при советской власти в послевоенный период на деятельность коммунистов в Бочкове было наложено табу. Между тем в декабре 1941 года на заседании в Бочкове была разработана серьезная программа с конкретными заданиями для членов партии, независимо от их национальной принадлежности, на случай, если советская армия продвинется к Карпатам.

Эти серьезные задачи, возникшие с началом войны против Советского Союза, заключались в помощи и поддержке Красной армии, советских парашютистов перечисленными мерами в связи с подготовкой взятия власти, организацией партизанских отрядов, которые должны были претворить в жизнь эти задачи. Это решение руководства на партийных сходках доводилось до сведения всех членов партии и было принято единогласно³⁶.

В середине февраля 1942 года были арестованы Николай Локота и вся его семья, а также многие десятки, даже сотни подозреваемых в принадлежности к дви-

жению. Один из арестованных, активный участник движения Сабо, на допросе заявил: «Я знал, что эта организация в Венгрии занимается антигосударственной деятельностью и венгерские законы за это строго наказывают. Но несмотря на это, я принимал в ней участие и тем хотел помочь победе Советского Союза над Венгрией и Германией»³⁷.

Алексея Борканюка и его родственников еще долго истязали в тюрьмах, его племянник погиб на допросах в хортистских застенках. Как писал Алексей в предсмертном письме сестре Досье и брату Степану из будапештской тюрьмы Маргит-Керут, с вдовой брата Дмитрия и братом Василием он попрощался в тюрьме. Военный трибунал начальника Генерального штаба венгерской армии Сомбатхеи приговорил Борканюка к смертной казни через повешение. Решение суда было приведено в исполнение во дворе той же тюрьмы 3 октября 1942 года.

Так решением военных трибуналов проводились массовые кампании физического истребления неугодных хортистам представителей национальных меньшинств. Была еще масса других судов, которые заседали почти ежедневно и выносили приговоры по любому поводу. В отношении украинского населения особо свирепствовали трибуналы пяти в Кошицах и в Дебрецене. Приведем несколько конкретных случаев. После отмены военной администрации и начала действия венгерских юридических инстанций на территории Подкарпатья началась так называемая погоня за ведьмами. Так, кошицкий прокурор обвинил сына учителя малолетнего студента Мукачевской гимназии жителя Подмонастыря русина

Эмила Сидора в том, что тот во время купания в сентябре 1939 года в реке Латорица пел Интернационал, «чем подстрекал свергнуть законный строй». Несмотря на то, что министр юстиции и премьер-министр не рекомендовали форсировать это дело «с точки зрения национальной политики», оно было 19 марта 1940 года передано особому трибуналу пяти³⁸.

Поденщик Василий Чори, житель Мучачева, в селе Ключарки в сентябре 1939 года высказывался против венгерского строя, «где люди мрут от голода, в то время как графы купаются во всяком добре», и восхвалял Россию. Его обвинили в разжигании классовой ненависти³⁹. За аналогичные высказывания 4 октября полиция Свалявы с согласия МВД передала суду военного трибунала 8-го кошицкого корпуса пограничника Юлиа Реута, считая их «антигосударственным поведением». Не повезло и Михаилу Лазару, неимущественному леснику из Хмельника. В конце 1939 года прокурор на основе донесения жандармерии из Иршавы представил против него обвинительный акт кошицкому трибуналу пяти «за антивенгерские высказывания». Когда запросили мнение по этому поводу у регентского комиссара Подкарпатья, то он из Ужгорода в адрес премьер-министра Пала Телеки ответил, что хотя против Лазара других дел нет, его нужно судить и за это, поскольку он как лесник должен быть примерным. По этому делу он попал в 1940 году под амнистию, но в июне 1941-го его вновь арестовали и предали на этот раз дебреценскому трибуналу пяти по обвинению в публичном оскорблении регента и венгерской армии⁴⁰.

27 октября 1939 года был арестован и предан особому кошицкому суду пятерки

крестьянин русин Иван Бродий из Великого Раковца. Незадолго до того его выпустили из лагеря интернированных. Обвинили его в том, что он в обувном магазине родного села заявил: «Мне только больно за то, что меня интернировали за мои украинские чувства... Мне не было бы больно, если бы меня наказали за коммунизм, я русский, разделяю коммунистические идеи...» Прокурор усмотрел в этом попытку свержения существующего строя. Трибунал приговорил его к неопределенному тюремному заключению, лишению службы и политических прав на три года. Королевская курия утвердила этот приговор. 2 декабря 1939 года начальник второго отдела канцелярии премьер-министра по этому поводу писал: «Если бы нужно было подойти к этому делу с юридической точки зрения, то нужно бы занять позицию о прекращении дела. Ибо заявление, что кто-то коммунист или он коммунистически настроен, по действующим сегодня законам не преступление. Преступление это только подстрекательство за коммунизм. Но, учитывая сегодняшнее внешнеполитическое положение и то, что политическое положение страны требует в Подкарпатье положить конец коммунистическому подстрекательству самой большой строгостью, кажется нужным проведение этого судебного процесса»⁴¹. Так было санкционировано административными властями это судебное разбирательство.

Как известно, венгерские власти сразу после оккупации края одним из первых мероприятий провели замену местных железнодорожников-русинов на венгров из трианонской территории. И когда уволенные с работы выражали недовольство, их

предавали суду. Так, когда железнодорожный машинист из Королева русин Федор Чепеш 30 октября 1939 года высказал свое мнение, что «венгры пришли отнять у нас хлеб», то власти предали его за это кошицкому трибуналу. Русина Ивана Балажа из Нового Давыдкава уволили с железной дороги из-за «слабого знания венгерского языка». В Новом Давыдкеве в то время насчитывалось 2707 жителей, из которых 2580 русинов, 67 венгров, 56 евреев, 2 немцев и 1 словак. Чепеша обвинили в том, что он в письме в США пренебрежительно отозвался о венгерской нации. После этого он получил возможность ближе познакомиться с хортистской системой — прокурор из Дебрецена обвинил его за поданное им на почту в Мукачево 19 августа 1940 года письмо, адресованное Ивану Чобану в Прагу⁴².

В нем он писал: «Я простился с железной дорогой тогда, когда нас освободили венгерские братья из-под украинского рабства...» После этого иронического замечания продолжал, что благодарит бога, что остался живым, ибо уже смотрел смерти в глаза. «Но это не все, когда прибыл домой, то венгры научили меня, как нужно быть человеку господином на собственной земле, как нужно слушать чужих господ и подчиняться приказу»⁴³. Этим вопросом занимались регентский комиссар, министр юстиции и канцелярия премьер-министра, которая согласилась с мнением комиссара и не считала целесообразным с точки зрения политики правительства по национальному вопросу форсировать дело Балажа. В результате министр юстиции дал указание дебреценскому прокурору прекратить следствие. 23 июля 1940 года дебреценское

железнодорожное управление переместило всех оставшихся от чехов железнодорожников из Фелвидека в Венгрию, что вызвало недовольство. Жены железнодорожников Королева лично ходили к регентскому комиссару.

В начале ноября 1939 года в селе Заднее малолетние ученики-школьники Юрий Планчак, Иван Крышеник и Иван Дубанич покрасили венгерские надписи и написали по-русински, в том числе и на доске у входа в село, на стропилах железнодорожного моста нарисовали знак серпа и молота, и так далее. Сначала дело было передано кошицкому трибуналу, но тот посчитал, что это не преступление, а детская игра. Но министр юстиции нашел в нем состав преступления, направленный на подстрекательство с целью насильственного свержения существующего строя. Тогда прокурор Кошице Дежё Фюлеп предложил передать дело суду малолетних. Через 9 месяцев канцелярия премьер-министра сообщила регентскому комиссару Подкарпатя, что суд в Хусте приговорил их к году условно⁴⁴.

Прокурор Кошице арестовал трех крестьян-русинов из Червеньова (Андрея Курту, Андрея Товтина и Михаила Глаголу) и передал особому трибуналу пяти за то, что те в корчме пели венгерскую песню, в которой были слова «я солдат Миклоша Хорти», и перефразировали их в «я солдат Сталина». Тот же прокурор возбудил дело против четырех учеников третьего класса Мукачевской горожанской школы за то, что 14 марта 1940 года при молитве (которой начинались и заканчивались занятия) они заменили слова «верю в воскрешение Венгрии» на слова «верю в воскрешение России». Дело из

Кошиц передали в суд Берегова для малолетних⁴⁵.

Много обвинений было связано с нелегальной эмиграцией в СССР. Так Василий Галагурич и ряд других крестьян-русинов из села Лигетеш были арестованы 17 мая 1940 года и приговорены к тюремному заключению за то, что в начале апреля 1939 года перед односельчанами он заявил: напрасно венгры призывают русинов в армию, они не подчинятся, уйдут в СССР и создадут там легию. В обвинении фигурировало и сравнение им венгерской и чехословацкой военных форм — по его словам выходило, что венгерская хуже. 3 ноября 1939 года кошицкая прокуратура предъявила обвинение учителю из Изы Михаилу Престая за агитацию некоторых эмигрировать в СССР и восхваление порядков там; он говорил что в СССР люди грамотные, что там пять дней работают, а шестой выходной и платный. Поденщик русин из села Ганя Михаил Флинтич был арестован и предан кошицкому трибуналу за одобрение им 24 октября 1939 года в районе Ясиня бегства руськой молодежи из венгерской армии в СССР. Тот же прокурор в ноябре 1939-го передал в кошицкий суд обвинение на восемь человек в том, что в октябре Юрий Панасович и Василий Собран из Оленева в Ждениеве собирали молодежь и готовили ее бежать в СССР⁴⁶.

Добреценская прокуратура предала спецсуду пяти этого города Ивана Попаднца из Нижнего Селища за то, что он 2 июня 1941 года во дворе читал односельчанам письма сына Юрия, бежавшего в СССР в августе 1940-го, о том, как хорошо идут его дела в этой стране⁴⁷.

Продолжались аресты русинов за разного рода критические высказывания в

адрес венгерских властей. Кошицкая прокуратура обвинила 64-летнего крестьянина Михаила Циника из Гукливого за то, что он 15 ноября 1939 года высказался «непочтительно» относительно жизни при венграх — он считал, что лучше было при чехах. В канцелярии премьер-министра не возражали против отбывания им наказания. Василий Васюта, почтальон из Ирхоца, обвинен за антивенгерские высказывания 8 июля 1939 года. Прокурор города Кошице передал в трибунал пяти возбужденное им дело против учителя из Нового Давыдка Василия Бесараба за пренебрежительные его высказывания в Берегове 1 августа 1939 года о венгерской армии. За антивенгерские высказывания был приговорен к тюремному заключению военным трибуналом в Кошице поденщик из Рахова Юрий Слесарчук. По аналогичному обвинению были преданы суду крестьянин Михаил Цап из Великих Лучок с формулировкой «пренебрежительное высказывание в адрес венгерских законов», крестьянин Иван Фехтель — «в грубых тонах ругал венгров», а Иван Соляк из Ставного обвинен в оскорблении личности регента Хорти, и все административные инстанции выразили мнение о желательности творить над ним суд⁴⁸.

Иван Симулик, крестьянин из Изы, 18 июня 1940 года пас коров, и полевые сторожи пытались его прогнать. В ответ он непочтительно выразился о венгерских законах, жандармах и нации. Регентский комиссар Подкарпатье 13 декабря 1940 года писал премьер-министру Палу Телеки, что хотя Симулик сейчас в селе Иза ничего не делает, но в чешский период был активным коммунистом, поэтому он счита-

ет желательным проведение судебного разбирательства. В результате Иван Симулик 13 сентября 1941 года был приговорен Дебреценским судом к тюремному заключению с последующим трехгодичным лишением политических прав⁴⁹. Судили и Ивана Качура, русина, родившегося в Иваново, переведенного вглубь Венгрии в Шайокерестур в качестве дорожного рабочего в 1939 году, за восхваление русских и чехов, высказывания против венгров. И начальник комитата Боршод из Мишкольца писал о нем премьер-министру как о ворчливом человеке, больше восхвалявшем сечевиков, чем коммунистов⁵⁰.

Федор Лендзел из Ракошина был арестован 29 сентября 1939 года и предан суду за выраженную им надежду на освобождение края Советским Союзом и воссоединение. А поденщик Иван Вербещук 24 сентября в Ясиня в нетрезвом состоянии заявил, что не успокоится до тех пор, «пока здесь не будет коммунизм или Украина». Особому трибуналу в Кошице был передан Алексей Маллика, работавший на строительстве железной дороги между Тересвой и Солотвиной. Он 29 августа заявил перед 500 рабочими по поручению 150 рабочих, чтобы утром на следующий день на работу они не вышли в знак протеста против неравной платы за равный труд. Работавшие там венгры получали 5 пенгё поденных, а русины — 2,70. Туда же попал и Василий Рети, прочитавший перед товарищами 14 октября упоминавшуюся выше листовку «Забывтый народ Закарпатья...» и передавший один экземпляр сыну Василию⁵¹.

Приводить аналогичные примеры можно было бы долго, и эта проблема за-

служивает особого исследования. Положение населения в Подкарпатье после его оккупации венгерскими войсками частично отражено и в донесении заместителя начальника Генштаба Надаи премьер-министру Телеки 7 июля 1939 года, к которому тот приложил сообщение руководителя военной администрации генерала Новаковича начальнику Генштаба из Ужгорода от 30 июня. В нем сказано: он еще 12 июня информировал, что благоприятное настроение населения с точки зрения венгерской государственной идеи становится беспокойным. В дополнение к этому добавил, что подстрекатели стремятся использовать более тяжелое экономическое положение населения и неуверенность правового положения Подкарпатья и настраивают жителей против Венгрии, обещая лучшую перемену, где присоединением Подкарпатья к Германии, где — к России. Подобные известия встречаются и в письмах украинских повстанцев и сечевиков, поселившихся в Германии, часть их собралась в Братиславе.

Поведение русинских учителей во многих местах также вызывает нарекания: в Севлюшском округе они бойкотировали все венгерские культурные мероприятия, в Севлюше никто из них не был на постановках театрального общества⁵². 4 июня 1939 года было проведено собрание учителей в Мукачеве, вызвавшее переполох властей, о чем свидетельствует переписка премьера Телеки с регентским комиссаром Калманом Томчани. В результате был составлен и передан властям список из 70 человек для строгой проверки их лояльности. Целью собрания было создать Союз подкарпатских учителей. Хотя

в принятом постановлении были верно-подданные заявления в адрес правителей Венгрии, из-за содержащихся в нем жалоб и требований оно вызвало гнев властей. В нем авторы жаловались на то, что присланные из Венгрии служащие и местные венгры враждебно относятся к карпатороссам, протестовали против переименования улиц (Дуновича, Добрянского, Пушкина и других). По распоряжению военного командования Ужгорода и Мукачева сменили существовавшие надписи у входа в населенные пункты на венгерские. Требовали прекратить открытие венгерских школ в селах, где живут только русины, там, по мнению учителей, следует во главе школ поставить русских директоров. В венгерских школах на территории Подкарпатья ввести шесть часов русского языка в неделю, признать русскую грамматику и прекратить языковые эксперименты. Автономное управление краем поручить знающим русский язык, русинам по происхождению. Назначить представитель русинов в качестве чиновников во все министерства. Всем чиновникам в Подкарпатье принимать заявления от населения на русском языке⁵³. Союз закарпатских учителей был распущен, не успев родиться.

После установления венгерской верховной власти, администрации, с 15 июня 1939 года начали действовать в Подкарпатье и гражданские суды. Еще 26 мая министр юстиции прислал премьер-министру проект постановления правительства о распространении венгерского права частной собственности на территорию Подкарпатья. Восстанавливалось право требовать собственность, если она менялась с 28 октября 1918 года. Это относи-

лось в основном к землевладению. Постановление правительства было принято и опубликовано 24 июня 1939 года⁵⁴.

Точно через месяц Андрей Бродий вручил государственному секретарю Тибору Патаки просьбу за подписью Михаила Бачинского оставить землю, полученную по чехословацкой аграрной реформе, русинам-переселенцам в Дедово, Шоме, Новой и Старой Ботраде, Есене, Гати, на хуторе Хуняди, Пустакеренце, колонии Новое Село и Фаркашфалве, всего в списке 145 русинов⁵⁵. Связано это было с тем, что венгерские власти активно и поспешно готовились к ревизии чехословацкой аграрной реформы с целью вернуть разделенные земли их владельцам для начала на территории, перешедшей к Венгрии по первому Венскому арбитражу, названной Фелвидеком. По этому вопросу опубликовано несколько постановлений правительства, а касавшееся и всего Подкарпатья было обнародовано 11 октября 1939 года. На территории Фелвидека в ходе чехословацкой аграрной реформы было изъято 720 крупных землевладений общей площадью 849 815 кадастровых хольдов, из которых распределили среди 45 235 крестьян 121 685 хольдов, 3608 переселенцам досталось в общем 49 580 хольдов, остальное перешло общественным организациям и государству.

Венгерское правительство в ходе ревизии отменило право на землю на площади 140 293 хольдов. На 21 августа 1940-го рассмотрено право почти на 67 тыс. хольдов, из которых «малым людям» было передано 31 630, на 6 тысячах создали среднепоместные хозяйства, в том числе 200 хольдов дали Якобу Гюлхеру. Сын депутата Белы Пинтера получил 70 хольдов.

Хуняди из 5 тысяч хольдов получил обратно 300. Выступая при обсуждении бюджета в парламенте 14 декабря 1940 года, премьер Телеки подтвердил свои прежние высказывания: выселение русинов не является препятствием, чтобы вернуть землю Роберту Жилинскому. В результате 58 бывших владельцев-помещиков получили 7464 хольда земли. Хотя некоторые историки считают Телеки другом подкарпатских русинов, но в это трудно поверить. Из тех 106 672 хольдов, которые правительство Телеки сочло возможным оставить за теми, кто получил землю от чехов, на долю русинов досталось всего 13 588, а остальное пришлось почти поровну на венгров и словаков. Ревизия продолжалась на землях Фелвидека. В этом выступлении в парламенте Телеки сказал, что он отстаивал передачу Роберту Жилинскому его бывших земель до тех пор, пока он не умер: «Я сказал, что поселенцы русины, которые были кругом, не причина того, чтобы ущемить его интересы. А как только его имение унаследовал его внук, польский гражданин, я снял этот вопрос»³⁶. В ходе ревизии реформы на этой территории были затронуты хозяйства 1/16 части мелких крестьян.

Осенью 1940 года был подготовлен проект ревизии и отмены чехословацкого закона о земельной реформе 1919 года в отношении бывшей Карпатской Украины. Цель его заключалась в восстановлении права собственности прежних владельцев не только в частных владениях, но и в кооперативах, урбариях, общественных пастбищах, сельских муниципальных или перешедших в государственную собственность. В проекте постановления правительства, названного «Об

урегулировании землевладения в Подкарпатье», в первом параграфе говорилось: надо пересмотреть все вопросы, связанные с отчуждением для аграрной реформы земель (на основе 215 закона от 16 апреля 1919 года Чехословацкой республики), и по необходимости отменить его действие с той целью, чтобы «восстановить неравномерность и несправедливость, постигшую коренное население». Под этой формулировкой было скрыто, что речь идет прежде всего о лицах венгерской национальности. Там же предлагалось пересмотреть участие в водочных заводах, долю участия в сельском, общинном, урбарииальном владениях, в пастбищах и лесах и отменить их. Второй параграф предписывал отнять земли, полученные по закону аграрной реформы без соучастия бывшего владельца.

Отнятые по первому параграфу земли переходили венгерскому государству. Владельцам земли предполагалось вернуть сумму, уплаченную ими за полученные наделы по реформе, но без процентов, которые они уплатили. Не возвращались им и капиталовложения, а перерасчеты проводились 7:1 (чешских корун к пенгè)³⁷. Министр земледелия 23 ноября 1940 года докладывал на заседании правительства о ревизии земельной реформы на территории Карпатской Украины. Там было разделено 111 808 хольдов земли среди 62 841 человека. Кроме пересмотра этих наделов, было выделено также 79 тыс. хольдов леса. Министр сделал вывод: нужно, чтобы намеченная под ревизию земля попала в соответствующие руки с национальной точки зрения³⁸. Членам правительства было ясно, о ком он говорил.

Мирная конференция после войны 28 сентября 1945 года запросила венгерское правительство о деятельности его в период хортистов на захваченных территориях. В качестве положительного момента в отношении Подкарпатья оно отметило, что «одним из крупных мероприятий, проведенным венгерским правительством в первые годы оккупации, была ревизия чехословацкой аграрной реформы». Отмечалось, что в ходе реформы чехи в Словакии и Подкарпатской Руси создали 94 колонии для переселенцев с горных округов, для которых было выделено 50 тыс. хольдов земли. Но на долю русинов Подкарпатья выпало из них всего 1,5%. Ревизия началась сразу после Венского арбитража на землях, переданных Венгрии в Южной Словакии и юго-западной части Подкарпатья. На площади в 41 787 хольдов вновь поселили венгров-крестьян, 19 790 хольдов возвратили бывшим владельцам, в основном крупным помещикам, и 25 451 хольд продали. Эти данные можно сравнить с вышеприведенными⁵⁹.

В качестве положительного в цитируемом документе фигурировало и сообщение, что в Подкарпатье была создана Сельскохозяйственная палата, в которой 90 человек были представителями местного населения.

При обсуждении бюджета министерства земледелия на 1943–1944 финансовый год Степан Фенцик в своем выступлении подчеркнул, что в Подкарпатье, где живет самый бедный народ, еще никто не притронулся к землевладению. Отвечая ему, министр земледелия Банфи сказал, что даже собраны данные, и венгерское правительство будет стремиться

«решить этот вопрос в соответствии с всеобщим интересом»⁶⁰.

Тогдашние венгерские власти кроме коммунистического движения самым опасным для себя считали украинское национальное движение. Еще 14 марта 1939 года венгерский консул в Братиславе прислал в МИД Венгрии список на 10 страницах тех коммунистов сел Карпатской Украины, которые играли активную руководящую роль в украинских организациях. В апреле было дано указание полиции использовать эти списки в разведывательной работе⁶¹.

Юлий Бращайко и Николай Долиной (члены делегации Августина Волошина) направили 19 июня письмо министру культов и просвещения Балинту Хоману (а тот переслал его премьеру), в котором настаивали на признании украинского языка официальным в Подкарпатье. 13 июля полиция из Свалявы сообщила в Будапешт, что после прихода к власти Волошина коммунисты продолжали деятельность под украинской маской, а 13 октября известили правительство, что в Нижних Верецких и окрестностях проукраински настроенные лица рады непосредственному советскому соседству⁶².

В августе и сентябре велась переписка между МВД, жандармерией и контрразведкой Генштаба по поводу письма Волошина в Подкарпатский банк в Хусте. Вклад на его имя вызвал сомнение насчет его происхождения, в связи с чем сомнительна полномочность Волошина распоряжаться им. Жандармский центр полагал, что речь идет о тех тысячах долларов, которые прислали американские украинцы по обращению Волошина о помощи в феврале 1939 года. Волошин собирался

использовать эти деньги в собственных интересах, на поддержку эмигрировавших подкарпатских украинцев. Но до того из этого счета в банке выдали Юлию Брашайке 5 тыс. чешских корун. Может, поэтому он поддерживал мысль о неправомочности Волошина распоряжаться этим вкладом⁶³.

Брашайко 12 ноября написал из Хуста письмо госсекретарю премьер-министра Тибору Патаки, в котором сообщал, что Николай Долинай и Юлий Перевузник выехали в Словакию после того, как не получили с марта по октябрь работу, и просил вмешаться в дела «проверки» вдовы Антона Брашайко — врача из Ужгорода, работника финотдела Н. Паратунского, учителя М. Карбованца и других. Юлий Брашайко еще 17 октября передал через Освальда и Патаки меморандум, адресованный премьеру Телеки. В нем он ссылается на то, что Патаки рекомендовал ему 3–4 месяца не политизировать, а потом и он сможет быть назначен в Подкарпатье кем-то. Он спрашивал, когда именно, и просил снять с людей полицейский надзор в Мараморошском административном управлении, особенно в Хусте. Далее он писал, что с болью в душе узнал от властей, что интеллигенция, как и представители крестьян, даже малолетние студенты пытаются бежать в Советскую Украину. Причиной тому, по его мнению, — материальная сторона. Кроме того, все эти люди боятся, что не будут оправданы, что на Советской Украине украинская культура, где они смогут развиваться. Что касается простого народа, то это недостаток работы, и местные рабочие получают меньше, чем те, которых привезли из Венгрии. Не ведется ника-

кой культурной деятельности, а народ в культурном отношении за 20 лет значительно вырос. Он обращал внимание и на грубое обращение и избиение жандармами людей, когда те еще и не знают, виновны они или нет. Приводил он и ряд других фактов, которые не могли понравиться премьеру⁶⁴.

Представители украинской эмиграции за рубежом тоже проявляли активность. В ноябре 1939 года сторонник Юлия Ревая, бывший активный деятель украинского крыла аграрной партии Чехословакии, один из руководителей Карпатской Украины Августин Штефан посетил итальянское посольство в Братиславе с просьбой принять его. Посол обратился к венгерскому поверенному в делах в Словакии Дьёрдю Сабо за советом, как поступить. Сабо просил принять украинского эмигранта и сообщить ему, что тот хочет. Вскоре итальянское посольство в Братиславе посетил бывший министр правительства Волошина Штефан в сопровождении бывшего личного секретаря Волошина. Как информировал Сабо посланник граф Ронкаллини, его на месте не было, и принял их секретарь посольства. Гости заявили, что их целью является информировать посольство о положении в Закарпатье.

Штефан жаловался на то, что в Закарпатье местную интеллигенцию заменили венгерской и даже рабочих привозят из Венгрии, в результате в крае большая безработица. В этих условиях население обязательно потянется к ставшей соседом Советской России, следствием чего, рано или поздно, будет присоединение этой территории к России. Чтобы не допустить этого, Штефан предложил венграм

пустить украинских эмигрантов домой. Их 4–5 тысяч, в основном находящихся в Германии. В донесении об этом в МИД Венгрии Сабо сообщал, что с этой целью (зондировать почву о возможности возвращения в Венгрию) обращался и Дмитрий Немчук. В ответе из МИДа Сабо получил указание срочно информировать итальянского представителя о социальных мерах венгерского правительства в Подкарпатье, чтобы не сложилось впечатление, что оно создало там инкубатор для большевизма⁶⁵.

Из всех венгерских дипломатов судьбе Подкарпатья больше всех уделял внимание посланник в Берлине Деме Стояи. 4 июля 1940 года он писал в строго секретном письме в МИД Венгрии, на котором была пометка «вскрыть только министру», что Венский арбитраж и позиция, занятая Германией в этом вопросе, свидетельствуют о том, что в случае венгеро-советского конфликта Венгрия не может рассчитывать на помощь Германии и даже Италии. Может быть, в конкретном случае, например, если бы русские потребовали Подкарпатье, имперский канцлер увидел бы новое положение, то есть вторжение русских в Дунайский бассейн, в результате которого Венгрия попала бы в тяжелое положение, и русские окончательно закрыли бы «немецкое экономическое жизненное пространство» и связи в направлении востока⁶⁶.

В тот же день (1 июля) Стояи беседовал в Берлине с советским послом Шварццовым, который с большой самоуверенностью рассказывал о могучей военной силе современного Советского Союза. В донесении в МИД Венгрии посланник под-

черкивал, что когда отвечал на интересовавший посла вопрос, зачем Венгрия мобилизуется, ответил, что у нее уже отмобилизованы большие силы, которые могут оказать решительное сопротивление румынской провокации. В связи с этим в донесении он отметил: «Этим я хотел одновременно выразить нашу полную самоуверенность и большую силу, чтобы посол мог сделать выводы о возможных русских планах в отношении Подкарпатья»⁶⁷.

В то же время в самом Подкарпатье украинцы также давали о себе знать. У выхода из села Рокосова неизвестные поставили дубовый крест с надписью: «Українським героям 15 березня 1939 р.» По указанию регентского комиссара крест повалили. Велось следствие, в результате которого был послан в центр специальный рапорт начальника полиции Ужгорода. По нему это произошло на рассвете 14 марта 1941 года на перекрестке шоссе и железной дорог. Установлено черное табло. На нем золотом написано: «Борцям за волю України». Сообщение премьеру поступило и о том, что 15 марта 1941 года из Хустской крепости удалили венгерский флаг и водрузили украинский сине-желтый⁶⁸. В одном из венгерских архивов по этому поводу собралось солидное дело. Подозрение пало на Д. Бандусяка, М. Бисуна и других⁶⁹.

Ласло Бардошши, в то время премьер-министр, позже, на процессе военных преступников после войны, заявил, что он не мог принять предложение советского правительства оставаться Венгрии хотя бы нейтральной в войне гитлеровской Германии против СССР, поскольку оставался открытым вопрос о Закарпатской Украине⁷⁰.

МИД Венгрии 27 августа 1941 года сообщал своим дипломатическим представителям в зарубежных странах, что украинская пропаганда вообще, и даже в немецких изданиях, привыкла подчеркивать претензии украинского государства на Закарпатье. Для личного сведения МИД им по этому вопросу секретно сообщал, что венгерский посланник в Берлине имел беседу со статс-секретарем германского МИДа Вайцзеккером, и тот самым решительным образом дословно заявил: «Закарпатье венгерское и останется венгерским»⁷¹.

Далее Стояи еще заявил, что немцы в ближайшее время не собираются восстанавливать Украину и пропаганду в этом направлении прекратили. Немцы планируют пока на Украине образовать только административные единицы без всякого политического характера.

В связи с началом германо-советской войны венгерские власти особое внимание уделяли Подкарпатья, как региону пограничной зоны с СССР, через которую направлялись на фронт венгерские войска, воевавшие на стороне гитлеровской Германии. По всему краю немедленно были арестованы сотни людей, о которых знали, что они симпатизируют Советскому Союзу. В донесении из Мукачева полиция сообщала, что был интернирован 21 человек, 12 рабочих арестованы за отказ работать. В июне 1942 года в этом городе находились 227 человек под постоянным полицейским наблюдением, которые каким-либо способом обнаружили склонность к коммунизму. Положение в городе было очень сложным. Плохо было с одеждой, обувью, питанием. Пак хлеба тогда составлял 100 граммов на человека вместо 150 по стране⁷².

Совершенно по-другому выглядели квартальные донесения начальника краевой полиции в Ужгороде в МВД в Будапешт. Так, в донесении за второй квартал 1942 года об общем политическом положении в Подкарпатья сказано, что настроение населения, несмотря на трудности с питанием и его приобретением, вызванные войной, спокойное. Обеспечение продуктами удовлетворительное. Серьезная часть населения воздерживается от политических и антигосударственных движений. Следствие против советского парашютиста Алексея Борканюка и связанных с ним лиц, о котором написано в своем донесении за первый квартал, ужгородским отделом контрразведки завершено, они переданы будапештской прокуратуре. В ходе этого следствия отдел напал на след организованного коммунистического и украинского движения. О коммунистическом движении было сказано выше, а в отношении украинского в донесении сказано, что его цель — присоединить Закарпатье к Великой Украине. Участвовавшие в движении арестованные поддерживали связь с украинской партией Бандеры, действовавшей во Львове. Для достижения этой цели значительная часть их сторонников проходила военную подготовку. Кроме того, они издавали газету «Чин», которую размножали вручную, и ввезли в страну большое количество украинской националистической литературы, которую давали читать своим сторонникам. В ходе следствия ужгородский отдел контрразведки арестовал 150–200 украинцев⁷³.

Управление полиции действовало во взаимопонимании с ужгородским отделом контрразведки и поддерживало его

политической картотекой и другими материалами, писал начальник ужгородской полиции пограничной территории. В одном из донесений того времени указывалось, что раскрытое украинское движение охватило почти все Закарпатье. Еще продолжают свою тайную подрывную работу на территории хустского, солотвинского и сваявского представительств погранполиции. Тут же указывалось, что в этот период русинского и великорусского движений не было.

По донесению начальника полиции пограничной области из Ужгорода в МВД о его деятельности и подчиненных ему представителях за третий квартал 1942 года, как и в информации за предыдущую четверть, он писал о спокойном настроении населения, на этот раз подчеркивая хороший урожай основных продуктов питания в Подкарпатье: картофеля и кукурузы и «много возможностей работ». Большое политическое движение не наблюдалось. Коммунистическое и тайное украинское движение, о которых он писал в предыдущем отчете, в большей части своей раскрыты, но допросы и следствие еще продолжают. Он повторил почти всю конкретику из прежнего донесения. В отношении арестованных участников украинского движения отметил, что и они преданы суду военного трибунала начальника Генерального штаба венгерской армии. Повторив об их цели, связях и деятельности, сообщил: 130 арестованных участников украинского движения военный трибунал начальника Генерального штаба приговорил к 221 году, шести месяцам и двум неделям тюремного заключения. Он пообещал также дополнительно прислать «подробное, исчерпывающее»

донесение об этих раскрытых организациях⁷⁴. Если такое и было, то его в архиве разыскать не удалось.

Регентский комиссар Подкарпатье Вильмош Томчани в один день (1 декабря 1942 года) написал министру внутренних дел Ференцу Керестеш-Фишеру и начальнику Генерального штаба Ф. Сомбатхеи письма. Министру он писал о том, что студенты, школьники, служащие, учителя, если они арестованы контрразведкой Генерального штаба, то неизвестно, где они находятся, и просил сообщить о них начальству⁷⁵.

С самого начала оккупации отношения населения края с венгерской военной администрацией не складывались и из-за того, что жандармы приказывали всем, кого они считали подозрительными в нелояльности, являться в их управления, местами по несколько раз в неделю, где их подвергали различным пыткам и издевательствам. Даже начальник Раховского округа писал в МВД, регентскому комиссару, жаловался в канцелярию премьер-министра (12 августа 1939 года). Некоторые села находятся далеко, на визит в управление уходит весь день. Таково человека не принимают на работу⁷⁶, а ведь 25 июля правительство приняло постановление, как должны вести себя в Подкарпатье служащие, в том числе и в органах насилия, то есть корректно, не как завоеватели, и так далее, учитывать условия, вызванные 20-летним господством Чехословакии, партборьбу и другие факторы. Регентскому комиссару было поручено ознакомить всех служащих в Подкарпатье с этим постановлением устно, правда, кроме армии. На этом факте отразились не лучшие отношения премьер-министра

Телеки с военными властями⁷⁷. Не лучше складывались у него отношения и с гитлеровской Германией.

В ходе венгеро-немецких экономических и политических переговоров состоялась беседа между венгерским представителем Никлом и германским – Клодиусом. Немцы прежде всего просили помочь им мясом и жиром, а также поставлять продовольствие для словацкой армии, ибо иначе они вынуждены будут дать им из того, что получали от Венгрии. Одним из пунктов переговоров были нефтяные концессии для немцев в Подкарпатье. Они полагали, что на востоке и западе края имелись залежи нефти промышленного значения. Обсуждался этот вопрос с венгерским министром промышленности и на завтраке у германского посланника О. Эрдманнсдорфа. Но тот, по словам Клодиуса, склонен был обсудить только техническую сторону вопроса. Венгерская сторона предложила, что она будет проводить бурение, а немцам предоставит чувствительные льготные доходы. Сошлись на том, что это не спешно (переговоры происходили 15 сентября), ибо через несколько дней в немецких руках будут нефтеносные районы Борислава и Дрогобыча в Западной Украине. Но, как показали события, они просчитались. Немецкая сторона также требовала получения из Подкарпатья древесины и рекомендовала увеличить там выпуск древесного угля для экспорта в Германию⁷⁸.

После отказа Телеки признать соглашение Германии с правительством Волошина, оно продолжало иными путями добиваться своей цели частичными претензиями. Так, 15 декабря 1940 года посланник Стояи сообщил премьер-мини-

стру Телеки, что к нему обратилась немецкая инспекция по строительству за разрешением вести разведку и эксплуатацию мрамора в Закарпатье. Ведомство рекомендовало посланнику посоветовать просителю обратиться через МИД и германское посольство в Будапеште⁷⁹. Немцы также скупали акции предприятий различных отраслей экономики.

Политика же венгерского правительства была сознательно направлена на снижение жизненного уровня населения края. Сохранился протокол межминистерского заседания по контролю цен от 28 марта 1939 года. Там был поставлен вопрос и о ценах и политике цен в Закарпатье, поскольку жизненный уровень населения в чешский период был более высоким, чем в Венгрии. Участники совещания считали, что особой политики вести там не нужно, а уравнивать его со всей страной. Для начала организация «Венгр за венгра» направила туда 50 вагонов кукурузы и столько же пшеницы, которые разделили. Нужно начать общественные работы и этим способствовать ликвидации в разнице⁸⁰. Когда побывавшему в Подкарпатье премьеру сказали, что в Рахове сильно подорожало мясо – говядина стоила до 2,64 пентё за килограмм, то его подчиненные это отрицали, называли более чем в два раза ниже цены⁸¹.

В первой декаде августа по два представителя министерства торговли и промышленности и министерства внешней торговли посетили Подкарпатье. Они прошли по линии Мукачево – Свалява – Воловец – Долгое – Липецка Поляна – Тячев – Воловое – Вышний Синевир – Рахов – Говерла – Ясиня – Татарский перевал и важнейшие села на этом пути.

В отчете они затронули промышленность, обратив внимание на то, что выдано 800 патентов на промыслы и промышленную деятельность. От евреев их отняли. Затронув венгерский кооператив «Хандя», подчеркнули, что он продает дороже, а покупает дешевле, чем частник. Население задыхается в тисках ростовщиков. Дорога кожа на бочкоры (вид обуви верховинцев и гуцулов). Заметно дороги текстильные товары, рис и кофе⁸².

В ноябре 1939 года управление внешней торговли сообщало в канцелярию премьер-министра, что в Закарпатье с конца сентября по 11 ноября было закуплено 2752 головы крупного рогатого скота. Из них 693 головы забиты в Ужгороде, а остальные в Цегледе. Из Ужгорода мясо вывезено в Германию. Заготовки продолжались. В неделю закупают 500–600 голов скота. Почти все количество мяса, которое нужно экспортировать в Германию (стоимостью в 2 300 000 пенгё), можно отправить из Подкарпатья. Кроме того, многих купцов направляют в Закарпатье для заготовки поставок мяса в Италию, причем те набавляют 1–2 филлера на килограмм живого веса⁸³.

В Подкарпатье была еще одна экономическая проблема. В 1928 году имение австрийского графа Шенборна-Бухгайма в 120 тыс. гектаров перешло акционерному обществу «Латорица», созданному франко-бельго-швейцарским капиталом. К 1939 году все акции «Латорицы» находились в руках одной Женевской финансовой группы, главой которой был председатель швейцарского финансового центра⁸⁴. В марте 1940-го министр финансов просил совет министров Венгрии купить акции «Латорицы» за 10 350 тыс. швей-

царских франков (плюс долги 12,9 миллиона). Он предлагал, чтобы акции купило государство и часть их уступило Италии⁸⁵.

На плачевное состояние и без того слабой промышленности в Подкарпатье проливает свет письмо ужгородского фабриканта Лайоша Козара от имени всех металлургических предпринимателей края, врученное им премьер-министру в Ужгороде 26 мая 1940 года. В нем он сообщал, что экономическое и промышленное акционерное общество «Латорица», его Чинадиевский литейно-чугунный завод в прошлом году работал только 7 месяцев, а на 1940 год получил указание выпустить только 50% продукции уровня 1939 года. О своем предприятии Козар писал, что он вынужден сокращать производство из-за отсутствия сырья, и из 120 человек на нем работают только 85⁸⁶.

Премьер дал указание нескольким инстанциям не допустить снижения производства, но добиться его выполнения не смог. В палате представителей его поддерживали после выборов три четверти депутатов, но и скрытых противников у него оставалось немало. У него было взаимопонимание с Бродием, и он субсидировал издававшиеся им газеты. Телеки стремился найти взаимопонимание с придерживавшимися русофильских взглядов представителями местной интеллигенции и в то же время при помощи Бродия создать единую русинскую партию, втянуть в нее представителей всех течений, лояльно относившихся к венграм. Однако эти замыслы не все разделяли даже в правительстве, а некоторые даже и не понимали. К ним относился и первый регентский комиссар в Подкарпатье Жигмонд Перени. Он 15 января 1940 года писал Палу Те-

леки о необходимости усиления строгости к печати. По его мнению, «Русская правда» (речь идет о газете Бродия) публиковала такие статьи, «которые не служат интересам общественного спокойствия и угрожают интересам государства». В № 3 за 1940 год в сообщении о финской войне говорилось, что советское командование сделало вывод, нужный для победы. Эта часть была снята. Цензура тогда не пропустила и статью о бездушном помещике и замученном им до смерти крепостном. Но цензуре не была показана опубликованная статья «Торговля белым товаром» о человеческом рынке на Большой венгерской низменности. Есть статьи, в которых говорится о ренегатах в связи с автономией. Помещено письмо солдата, содержащее слова Духновича: «Свои бо то за горами не чужи, одна мысль, одна Святая Русь в души». Он просил восстановить цензуру во всех газетах в Подкарпатье⁸⁷.

Позже, осенью того же года, «Русское слово» опубликовало статью Бродия в духе договоренностей с премьером о создании единой Карпатской партии, в которой он выступил против создания нилашистами своих организаций в крае и советовал населению пока держаться в стороне от всяких партий, МВД направило по этому поводу перевод статьи Бродия в канцелярию премьер-министра Телеки⁸⁸.

В этом году жандармерия и регентский комиссар взялись за преподавателей и студентов Мукачевской и Хустской гимназий. 11 января 1940 года следственный отдел жандармерии доносил в отдел безопасности МВД на директора русской гимназии в Мукачево Николая Драгулу. Его обвинили в том, что он терпел ношение студентами

русских фуражек, политические надписи и красные звезды в уборных, и в том, что многие студенты бежали в СССР, а он об этом никуда не докладывал. Трех студентов арестовали за распространение коммунистических походных песен. Как не заслуживающего доверия, Драгулу предложили перевести на пенсию⁸⁹.

За двумя преподавателями хустской гимназии специально следили: за Линтуром, который на уроках истории занимался историей русских и Кешелей, симпатизировавшим русским. В специальном донесении начальника следственного отдела жандармерии в МВД о Кешеле от 10 мая он характеризуется как горячий сторонник великорусской идеи и не заслуживающий доверия. Он не разрешал студентам венгерского отделения здороваться с ним по-венгерски. И вообще, студенты гимназии проникнуты украинским духом. Презрение к венграм стало проявляться все более — приведены прорусские надписи в уборных, несколько украинских и антивенгерских. Директор Бела Гавел заявил, что те, которые будут способствовать подобным надписям, будут исключены из гимназии. Несмотря на это, надписи вновь появлялись. Жандармерия предложила Кешеля и преподавателей-проукраинцев перевести из Хуста, «дабы не способствовали антивенгерскому настроению».

Регентский комиссар Жигмонд Перени доносил министру внутренних дел Ференцу Керестеш-Фишеру 24 июня, что хустские жандармы провели следствие против многих студентов гимназии, один из них был арестован за оскорбление регента и венгерской нации и передан кошицкой прокуратуре, на 28 студентов

сделано заявление. Кроме того, создана комиссия трех для проверки и наказания отдельных преподавателей. Эта процедура затянулась, и только 2 декабря следственный отдел жандармерии сообщил, что два преподавателя переведены, а Ксения Кочетова и Петр Голиба уволены. В МВД для себя отметили: «Мероприятие удовлетворительно. В архив»⁹⁰.

В такой ситуации премьер Телеки решил на замену регентского комиссара Подкарпатье на Миклоша Козму, которого он не любил из-за его тесных связей с военными кругами, противниками главы правительства. Докладывая совету министров 11 сентября о его кандидатуре на эту должность, премьер не просто просил его согласия, но и предложил, чтобы не только «вопреки существующим законам» назначить Козму, бывшего министра внутренних дел, члена верхней палаты парламента регентским комиссаром Карпатской Украины, но и сохранить за ним посты директоров Венгерского телеграфного агентства, телефона, радио, Всевенгерского информационного бюро, далее председателя Венгерского экономического банка, Акционерного общества сатмарских и берегских типографий и акционерного общества Венгерских бокситовых рудников⁹¹. У него был ряд и других должностей. Так, он на заседании Всевенгерской комиссии 36 (по обороне) 26 ноября в письменной форме отказался от поста заместителя председателя в связи с назначением его регентским комиссаром Подкарпатье⁹². Членом комиссии он остался.

Козма на новом посту развил бурную деятельность. 11 октября 1940 года он на заседании совета министров доложил о положении в Подкарпатье. В противовес

украинскому движению он считал необходимым развивать самосознание самостоятельного русинского (рутенского) народа. (Сегодняшним проповедникам русинизма стоило бы знать, кто был одним из самых рьяных и настойчивых проводников этой идеи в жизнь.) Далее регентский комиссар обращал внимание правительства на увеличение численности православного и греко-католического населения путем перехода 120 тыс. человек из римско-католической церкви. Он видел опасность для венгерского населения и в более быстром размножении рутенов, вследствие чего венгры рутенизируются и из них создается самый опасный материал. Поэтому Козма просил правительство поддерживать в Подкарпатье венгров, а служащим там знать рутенский язык. Предлагал правительству принять для края флаг Ракоци, создать и ввести в обиход рутенскую грамматику. По мнению нового регента в Подкарпатье, главный вопрос не аграрный, а промышленный. В этом он расходился со своим предшественником Перени, но взгляды его совпадали с мнением Бродия. Козма знал, что в Подкарпатье пересмотром аграрной реформы можно достичь немногого, и просил правительство, чтобы проблемы ревизии земельной реформы в Подкарпатье от министерства земледелия были переданы ему. Он полагал, что там прежде всего нужно расширить пастбища. Он предлагал правительству форсировать лесоразработки. Но оказалось, что для этого уже не хватает 3 тыс. рабочих⁹³.

Бродий в чешский период по замыслу венгерского правительства работал в тесном тандеме с проживавшим в США Але-

ксем Геровским. 24 апреля 1939 года в донесении венгерского подкарпатского батальона жандармов он характеризовался как политический авантюрист, на все способный за вознаграждение. Бродий продолжал поддерживать с ним связь. За последнее время Бродий трижды звонил ему по телефону из Ужгорода в Нью-Йорк и просил брата Геровского, преподавателя Мукачевской гимназии, пригласить Алексея в Подкарпатье. Жандармерия в связи с этим спрашивала МИД Венгрии, стоит ли пускать его в этот край (где еще хозяйничала военная администрация). По поручению министра иностранных дел сообщили министру внутренних дел, что он не имеет возражений против въезда Геровского; министр добавил: «По моему сведению, и премьер-министр ответит в подобном смысле». Геровский писал и другим депутатам от бродиевской партии в венгерском парламенте, в том числе министерскому советнику Михаилу Демко 12 декабря. Он сообщал адресату, что уже писал Бродию, Шпаку, но ответа не получил. Просил, чтобы парламентский клуб еженедельно высылал информацию о положении в крае, все газеты из Подкарпатье и касающиеся его статьи из венгерских газет. Написать, как дела с автономией, когда вступит в действие закон и каким он будет. Он хотел иметь статистические данные о школах: сколько школ, классов, преподавателей, и их годовые отчеты⁹⁴.

Геровский 9 мая 1941 года направил письмо из Нью-Йорка депутату венгерского парламента Владимиру Гомичко, в котором сообщал, что в США мало сведений о Подкарпатье. Его интересовали прежде всего политические вопросы: об

автономии, ее проекте, авторах, кто против, обсуждался ли он в правительстве, почему Мукачево не входит в состав Подкарпатье, на основе чего Севлюш хотят отнять, то есть вопросы, которые правительство Венгрии считало для себя решенными. Приглашенным от Подкарпатье депутатам в венгерский парламент еще осенью 1940 года было заявлено о необходимости прекратить всякие разговоры об автономии до конца войны. Геровский об этом не знал. Его интересовали и списки чиновников, заведующих отделами, их фамилии и национальность, вернулись ли из эмиграции украинцы и так далее.

В одном из писем, продолжал он, говорилось, как будто Гомичко в парламенте протестовал против наименования «рутенны», «русины» и выступил против проекта автономии Подкарпатье. (Об этом шла речь выше.) Чтобы не только просить информацию, Геровский сообщил, что среди русинов в США затишье: «Работают одни коммунисты, которые развернули пропаганду за присоединение Закарпатье к Советской России». Они в неделю выпускают два номера газеты «Карпатська Русь» и среди многих закарпатцев достигли неожиданного успеха. Руководители этой чешско-коммунистической пропаганды: Вислоцки (Ваньо Гунянка) и Пиж из Галиции. Пиж учился в Праге, Вислоцки жил в Ужгороде, их сотрудник, молодой американский карпаторос Логойда, окончил мукачевскую гимназию. Начали более активную работу и чехи. Священник Ладжинский пропагандировал «свободную Карпатороссию – в свободной Чехословакии»⁹⁵.

Среди русинов в Америке в начале февраля 1940 года шло движение за обес-

печение независимости закарпатских русинов. В Питсбурге был создан комитет по этому вопросу⁹⁶. Начальник полиции пограничной области доносил из Ужгорода в отдел государственной безопасности МВД в Будапеште 28 марта 1941 года, что выходящая в Скрентоне украинская газета «Народна воля» в № 8 за март 1941 года поместила антивенгерскую статью «Под венгерским гнетом». В ней говорилось, что венгры запретили все карпато-русские организации, а верных народу сынов загнали в концентрационные лагеря или на принудительные работы. Новый регентский комиссар Миклош Козма распустил все политические партии и распорядился, чтобы они объединились в общую Карпатскую партию. Основой программы этой партии служит «идея Святого Стефана», то есть венгерская государственность. Директором реорганизованного Подкарпатского банка назначен Фенцик, печатный орган которого «Русский голос» открыто пропагандировал нацизм⁹⁷.

Упомянувшийся начальник Ужгородской полиции в середине мая информировал МВД, что в адрес ужгородской «Русской правды» прислана в двух экземплярах выходящая в Юнкерсе газета «Карпатська Русь». Это № 23 от 21 марта 1941 года, в котором помещена антивенгерская статья, написанная председателем Карпаторусского национального комитета Петром Гуслеем. По поводу этой статьи написал письмо Иосиф Варга, который был солидарен с ней. И он высказывался против иноземного австро-венгерского и польского порабощения, террора венгерских жандармов и полиции. И по поводу освобождения Закарпатья у

них были идентичные взгляды: можно рассчитывать только на помощь братьев Советской России, наш народ достаточно страдал столетиями в иноземном рабстве и если объединится с 200-миллионным населением, тогда будет положен конец его страданиям⁹⁸.

Между тем в Венгрии произошли события, наложившие отпечаток на ход дальнейшего развития истории. 20 ноября 1940 года Венгрия присоединилась к тройственному пакту, причем спешила, чтобы стать «первой среди равных», то есть малых, государств. По этому договору Япония признавала руководящую роль Германии и Италии в Европе «по созданию нового порядка». Германия и Италия признавали то же за Японией в районе Дальнего Востока. Докладывавший об этом на заседании парламентской комиссии по иностранным делам министр иностранных дел Иштван Чаки заявил: «Мы пошли на риск, но без этого нет подъема»⁹⁹.

В декабре был подписан Венгрией и Югославией договор «о постоянном мире и вечной дружбе». В январе умер министр иностранных дел Иштван Чаки, и 7 февраля 1941 года вакантное место занял венгерский посланник в Бухаресте Ласло Бардошши. Вскоре после этого возник германо-югославский кризис. И если незадолго до этого именно гитлеровская Германия подсказала венграм подписать с Югославией договор о дружбе, то на этот раз она предложила соучастие с Германией в войне против Югославии. Хорти с предложением Гитлера согласился. Телеки тоже был сторонником восстановления Великой Венгрии, но с расчетом согласия и западных стран. Когда из до-

несения посланника из Лондона стало ему известно о позиции Англии на случай соучастия Венгрии в нападении Германии на Югославию, он покончил жизнь самоубийством в ночь со 2 на 3 апреля 1941 года¹⁰⁰.

Главный венгерский консул из Мюнхена доносил премьер-министру и министру иностранных дел Ласло Бардоши о том, как в Германии трактуют самоубийство Пала Телеки. По мнению сторонников современного немецкого режима, писал он, причина заключается в двусмысленной политике Телеки по отношению к Германии, и в результате — смерть. Душевный конфликт, в который он был поставлен в период югославского кризиса, когда нужно было открыто стать в противоречие с его внутренней позицией, привел его к такому решению. С немецкой точки зрения, писал он, с Телеки сошел с политической сцены один из не внушавших доверия со стороны Германии политических деятелей¹⁰¹.

После начала Второй мировой войны, возникшей общей границы на Карпатах, восстановления между Венгрией и СССР полных дипломатических отношений, открытие между двумя странами прямого железнодорожного сообщения создало новое положение. По свидетельству архивных документов, местное население открыто говорило, что отпала необходимость бежать в Советский Союз, поскольку можно было легально ездить в Москву. Вся сеть жандармо-полицейских служб и военная контрразведка усилили свою деятельность. Появилась масса всевозможных донесений, в которых повторялись одни и те же сведения о настроении населения. Самым обстоятельным было доне-

сение начальника политической полиции Будапешта Швейницер-Шомбора. В одном из донесений обращалось внимание на то, почему русины не могут влиться в венгерскую жизнь, и автор его считает, что они не понимают венгерской цели, как и своего пребывания в составе Венгрии. Они не верят, что венгры смогут в Карпатах укорениться окончательно. Если раньше давались советы, что венгры могут завоевать русинов на свою сторону только ласковым обращением и европейскими методами, то на этот раз добавлялось слово и «строгостью». Он предлагал удалить из Подкарпатья всех агитаторов, всех подкарпатских руководителей просеять через ужгородский отдел контрразведки — там хорошо знают каждого антивенгерски настроенного. Он не пропустит нежелательные элементы на важные посты. Любой высокообразованный человек, если он антивенгерски настроен, больше вреда принесет венгерской государственной идее, чем пользы специальным знанием. Там же предлагалось на место вывезенных в Венгрию русинов посадить венгров, умеющих обращаться с русинами: «хорошее слово и правдивая строгость» — то есть кнутом и пряником. Постоянное любезное обращение, хорошее слово не может быть предельным. В нем он видит слабость.

В этих документах сообщалось также, что всеобщей жалобой населения являются перебои, возникающие вокруг обеспечения. Особенно волнует отсутствие хлеба и муки. В Свалявском округе из-за недостатка хлеба для рабочих лесорубы бросили работу. В Подкарпатья процветает черный рынок. Продолжается рост цен при сохранении заработной платы на прежнем

уровне. Венгры получают права на торговлю, а евреи за плату им (20—50 пенге) занимают место за прилавком. Рабочие вновь поднимали вопрос о присоединении к России¹⁰².

В связи с целью ликвидации конкурента венгерской кооперации «Хандя» власти придумали такой ход: когда приехал в Ужгород на заседание Кооперативного центра Подкарпатья его председатель, бывший министр правительства Бродия, советник верховного суда Эден Бачинский, его забросали на театральной площади тухлыми яйцами, посадили в машину и вывезли в Чоп. Когда же он пожаловался властям на высшем уровне, то те предложили перевести его на пенсию¹⁰³. Во время одного из посещений Ужгорода Тибором Патаки депутат венгерского парламента Фелдеши пожаловался ему, что жандармы избивают народ. На следующий день Патаки просил министра внутренних дел, чтобы тот секретно понаблюдал за жандармами. На этом документе дописано: «Беда, что жандармы не знают по-русски. Теперь пишу для них грамматику»¹⁰⁴.

Недовольны своим положением были в Подкарпатье и присланные туда из Венгрии служащие. Они жаловались премьер-министру, что в Ужгороде, Мукачево, Берегово и других местах не могут за те деньги, что им дают, снять жилье и перевезти свои семьи. И продолжали: сотни находящихся в этих городах служащих, военных и так далее находятся в тяжелом положении из-за жилья. Разочарование усиливается постоянным ростом дороговизны¹⁰⁵.

Со времени захвата Карпатской Украины венгерское правительство стремилось очистить эту территорию от «просо-

чившихся туда и поселившихся там элементов и восстановить ее этническую картину». На заседании совета министров в сентябре 1940 года было заявлено, что уже изгнаны многие из тех, которые получили по чехословацкой земельной реформе большие или меньшие земельные участки. Интересно, что немцы предъявили венграм счет, чтобы уплатить им для вознаграждения тех, которые ушли из Карпатской Украины (речь шла не о немцах. — *А. П.*), более 300 млн. чешских корун. Наконец договорились на 135 млн. корун¹⁰⁶.

Регентский комиссар Подкарпатья Миклош Козма, «закручивая гайки», писал 21 февраля 1941 года министру юстиции Ласло Радочай и просил принять постановление, по которому контроль за печатью русской, рутенской и украинской возложить исключительно на прокуратуру в Ужгороде. Он предлагал сделать это по политическим соображениям, «ибо в Подкарпатье политика, направленная на отделение от Венгрии, проходит в первую очередь под знаком языковой борьбы. Недавно прокуратура Хуста разрешила такой украинский календарь, которому радели все наши враги». Кроме того, он ставил задачу не допустить роста печати кириллицей¹⁰⁷. Эта затея была осуществлена.

Но и это не помогло. Уже утром 28 февраля в населенных пунктах Мараморошского комитата распространяли листовки, в которых восхваляли Великую Украину. Жандармам пришлось собирать их на улицах¹⁰⁸. К этой проблеме относится и проблема разрешения типографий. Еще в начале февраля 1940 года Федор Ревай (брат Юлия) просил разрешение

на типографию в Хусте (он этим делом занимался и раньше). Но начальник Хустского округа в июле ему отказал. Он не пользовался доверием, и его заключили в концентрационный лагерь в Киштарче. Имущество же ужгородской типографии и украинской хустской стоимостью примерно в 105 тыс. пенгё по предложению регентского комиссара Козмы пе-

редали Подкарпатскому научному обществу, которое обязали культивировать идею самостоятельного рутенского народа¹⁰⁹.

22 июня гитлеровская Германия напала на Советский Союз, а через несколько дней в коалиции с ней оказалась и Венгрия. Как это произошло, подробно освещено в моих предыдущих книгах.

Глава четвертая

В годы войны гитлеровской коалиции против Советского Союза

Порвав дипломатические отношения и всякую связь с СССР 26 июня 1941 года, премьер-министр Венгрии Ласло Бардоши перед информацией о повестке дня в палате представителей парламента заявил о состоянии войны между Венгрией и Советским Союзом. Объявив об этом таким образом, он избежал обсуждения этой проблемы в государственном собрании. С 27 июня на открытый Венгрией фронт в Карпатах была выведена так называемая карпатская группа в составе горной бригады и одной бригады гонведов, насчитывавших 14 батальонов. Тогда говорили, что эти войска идут «на заполнение создавшегося вакуума». 1 июля к ним присоединились три подвижных корпуса в составе двух моторизованных бригад и одной конной. То есть на этом фронте находилось пять корпусов — 26 батальонов, 84 тыс. человек. Командовать этими войсками был назначен генерал Ференц Сомбатхей.

Группа носила общее название Карпатская группа войск¹. По военным договорам с Германией Венгрия не имела права на военнопленных и трофеи.

Уже 29 июня начальник Генерального штаба венгерской армии Хенрик Верт писал министру внутренних дел, что по данным из разных концов страны он определил: в последний месяц усилилась деятельность марксистских партий. На разных сходках идет необузданная пропаганда против существующего строя, правительства и главы государства, против внешней политики Венгрии и ее союзников. Рабочие симпатизируют Советскому Союзу, профсоюзы требуют повышения заработной платы. Он обвинял Социал-демократическую партию, что та ведет подрывную работу, ее орган «Непсава» 28 июня не выступила против Советского Союза, а соучастие Венгрии в войне против него назвала неожиданным.

Министерство внутренних дел, центральное следственное управление жандармерии отреагировали немедленно. 1 июля разослано на места всем следственным отделам жандармерии и транспортным службам распоряжение об усилении раскрытия левых движений с указанием, если требуется, осуществить аресты, интернирование. По личному указанию мини-

стра внутренних дел он писал следующее: «1. Со времени начала немецко-русской войны в общественном мнении, но больше всего в настроении рабочих масс, произошли значительные изменения. Сегодня они ориентируются на крайне левых. После вступления Венгрии в войну с Советами и рабочие в СДП и профсоюзах склоняются в сторону коммунистического движения. Поэтому главной опасностью стали левые, и за ними нужно следить прежде всего. 2. Попытки срыва промышленного и сельскохозяйственного производства душисть в зародыше»².

Кроме левых движений самым опасным для себя венгерские власти считали украинское национальное движение. О том, как оно было раскрыто и изолировано, уже было сказано выше, но основные руководители его оставались пока на свободе. Когда против украинского национального движения уже не велось борьбы, о поведении хустской прокуратуры еще осенью заявил Лайош Меддьешчи, действовавший при центре государственной безопасности МВД. Прокурор Енё Богут и судьи считались членами украинской национальной лиги, связанной со Словакией. Против Богута выступал и главный прокурор Дебрецена, которому не нравилось и то, что тот в день своего рождения сидел за столом в ресторане с теми, которые говорили не по-венгерски, да и дома говорят по-русски, и дети их ходят в руську школу. С ними был и судья Бела Крук, иршавский окружной судья Василий Варга, служащие Василий Хромай и Михаил Попович.

В июне 1941 года Богут устроил у себя вечер, где участники «пекли сало» — был тогда такой обычай. На основе показаний

позже арестованных ужгородским отделом контрразведки Андрея Ворона и Дмитрия Бандусяка, на этом вечере присутствовали Бандусяк из Рахова, Анатолий Бора, Андрей Ворон, Михаил Слосарчук, Михаил Алфелди и Петр Маскай. Там они высказывались в том духе, что скоро будет создана Великая Украина, и к ней нужно присоединить и Закарпатье. В конце 1941 года они привлекли к себе Михаила Слосарчука, Михаила Алфелди, служащих прокуратуры Михаила Поповича и Йосифа Штефуцу. Руководителями в Хусте были, как писали следователи, Бандусяк, Ворон и Юлий Бращайко. Они поддерживали связь с Юлием Реваем в Братиславе. На основе показаний Ворона и письменного самопризнания Бандусяка в отделе ужгородской контрразведки был составлен список, включавший 19 фамилий, последним в котором была фамилия Юлия Бращайко.

Властям очень хотелось обвинить и прокурора. Они подослали в тюрьму агента Белу Бетку. Тот показал, что прокуроры очень хорошо относились к арестованным украинцам, а те открыто провозглашали отделение Закарпатья от Венгрии. Батку посылали под видом арестанта убирать в прокуратуре, где тот рылся в бумагах. На запрос регентский комиссар ответил, что он не располагает данными, что эти люди проводят антивенгерскую деятельность. Но позже, 5 марта 1943 года, тот же регентский комиссар Вилмош Томчани писал министру юстиции, что Богут ведет политику в духе украинской самостоятельности и играет руководящую роль и в решении дел против венгров в пользу русинов. Просил проверить эту информацию и перевести Богута

в такую часть территории Венгрии, где нет национальных меньшинств³.

Его предшественник на посту регентского комиссара Подкарпатья Миклош Козма писал 25 июня 1941 года министру внутренних дел Ференцу Керестеш-Фишеру об интернированных монахах в Фюзешмиколе (Лозан, Станканинец, Завадяк, Малинич, Богдан, Дребитька), что их нельзя пускать в Гайдудорог, папа римский будет рад, если их отправят на Украину. Тут же Козма сообщал, что он дал 20 тыс. пенгё ордену Василиян для перевода духовной семинарии (теологии) с сентября из Ужгорода в Гайдудорог и «тем здесь положить конец украинскому духу»⁴.

Здесь он действовал в унисон с военным командованием. В выпущенном в 1976 году в восьмом томе десятитомной «Истории Венгрии» обращено внимание на то, что после нападения на СССР Германии, а вслед за ней и Венгрии, военное командование во главе с начальником Генерального штаба Хенриком Вертом особенно настаивало на том, чтобы все невенгерское население (в том числе и украинское население Подкарпатья) выселить на оккупированную венгерскими войсками часть Украины⁵. Эти планы в отношении русинов не были полностью осуществлены — в правительстве по этому поводу не было единства — но эксперимент был начат. Уже в июле 1941-го началась высылка польских и российских граждан, которые не могли подтвердить венгерское гражданство — в литературе приводится цифра 18 тыс. человек, выдворенных туда через границу. МВД 28 июля по телефону сообщило, а на следующий день и в письменном виде направило распоряжение начальникам полиции и алишпанам в Ужгороде, Мукачева и

Берегове прекратить выселять вместе с русскими и польскими евреями и русских и польских христиан. Если среди них есть такие, которых нужно выселить, представить на них обоснование.

Начальник полиции Ужгорода немедленно отреагировал на телефонный звонок и уже 24 июля сообщал начальнику отдела общественной безопасности МВД, что он действовал на основе распоряжения МВД от 12 июля и ООБ от 14-го о том, чтобы собрать и выслать всех русских и польских граждан. Он на основе радиোগраммы от 18 июля арестовал всех подлежащих высылке, отправил в Ясиня и передал по списку. Нигде в инструкции не указывалось, что христиан высылать не нужно. Он все выполнил, как было предписано. Из Берегово ответил в МВД алишпан, что он никого из русских и украинцев не выселял с территории, но добавил, что руководитель хустского представительства посетил его и показал один список закарпатцев (несколько сот), считавших себя украинцами, и сообщил о плане в отношении их: выселить их на занятые венгерской армией украинские земли. Ответ начальника полиции из Мукачева был последним и кратким. Согласно указаниям, через Ясиня он выселил только евреев — польских и русских граждан⁶.

В Берегове треть населения составляли евреи. Осенью этого года начальник полиции писал о них: почти все они англофилы и антивенгерского настроения, против 1500 человек возбудили дела и 650 человек через Ясиня выслали из страны⁷.

Из венгерского посольства в Берне в адрес премьер-министра Ласло Бардоши в Будапешт отправлено донесение от 10 июля 1941 года, в котором сообщалось,

что в швейцарской прессе чувствуется сильная украинская пропаганда, касающаяся и Венгрии. Некоторые газеты указывают на то, что украинские националисты рассчитывают и на Карпатскую Украину, принадлежащую сейчас Венгрии. Автор донесения в связи с этим делает экскурс к периоду Венского арбитража, когда он находился в Варшаве и наблюдал, какое большое беспокойство вызвала в украинских кругах мощная венгеро-польская пропаганда. Украинцы в Польше пользовались тайной немецкой поддержкой, только этим можно объяснить, что однажды украинский журналист, бывший украинский министр в 1919 году Ковалевский, передал такое предложение: если Венгрия откажется от Закарпатья и оставит там созданный «Украинский Пьемонт», то украинцы согласны оказать помощь Венгрии против Румынии в осуществлении венгерских устремлений⁸.

Начальник Генерального штаба Венгрии продолжал гнуть свою линию. На этот раз, 15 июля 1941 года, он писал министру иностранных дел Венгрии (он был одновременно и премьер-министром) и ссылаясь на информацию из украинских кругов в Румынии, что те, мол, удивлены, почему Венгрия не начала переговоры с немцами после объявления ими войны русским. Эти переговоры должны были идти о том, что в основе участия Венгрии в войне на стороне Германии должен был быть вопрос переселения карпатских украинцев в Украину. Зная позицию Верта, можно усомниться в существовании такого источника, он мог быть придуман самим начальником Генштаба для давления на правительство с целью осуществления своего замысла.

Венгерские дипломаты внимательно следили за украинской эмиграцией, в том числе и из Закарпатья, в странах Запада. Так, министерский советник писал в адрес Бардоши из Праги 3 октября 1941 года, что немцы после начала войны против Советского Союза поддерживали эмигрантов из Карпатской Украины. Однако волошиновцы огорчены по поводу того, что немцы не дают им никаких обещаний в отношении этой территории. Он утверждал, что влияние Волошина падает и его преемником становится бывший судья в Берегово Тисовский, Волошин же ориентируется на будущую новую Чехословакию⁹.

Между тем хустская группа украинцев в условиях Венгрии попыталась утвердить в правительственных верхах изменения и дополнения в уставе библиотеки (читальни) «Просвіта» и таким путем легализовать ее. Ходатайством по этому поводу занималась канцелярия премьер-министра, министерство внутренних дел. Второй отдел канцелярии премьер-министра (национальных меньшинств) и регентский комиссар Подкарпатья не рекомендовали и там разрешить «украинофильскую и антивенгерскую организацию, запрещенную министром внутренних дел»¹⁰.

Это и неудивительно — репрессии с годами усиливались. Венгерский следственный отдел жандармерии накапливал картотеку подозрительного населения края, только за три дня августа 1941 года такие карточки поступили на 54 русинов, картотека пополнялась ежедневно. Возбуждались групповые обвинения в нарушении военных законов, за преступления против венгерской нации и по другим

статьям, в том числе обвинялись жители из Вышкова, Боронявы, Нижнего Селища, Нового Давыдкава, Верхнего Синевира и других городов и сел края¹¹.

В начале 1942 года руководство венгерской жандармерии выпустило инструкцию на 58 страницах о том, как ее отрядам вести наблюдение за левыми, сектантскими, правыми организациями и движениями национальных меньшинств, после чего они дали себе еще большую волю¹². Регентский комиссар Подкарпатья Вильмош Томчани жаловался в три инстанции, в том числе министру внутренних дел Ференцу Керестешу-Фишеру, на то, что в связи с его объявлением о сдаче населением военного оружия жандармы самовольничали, устраивали обыски, облавы, проводили необоснованные аресты лесников, попа, учителей. Там же сообщалось о дополнительно организованном полицейском управлении пограничной области и его представительствах на местах. Из-за отсутствия единого руководства жандармерия не справляется с возложенными на нее трудными обязанностями¹³. Может быть, этим он рассчитывал снять с себя ответственность за произвол, чинимый на доверенной ему территории.

Не складывались отношения Венгрии и с Германией. Отступавшие войска Красной армии в боях изматывали плохо вооруженные корпуса венгров. Их потери были столь ощутимыми, что венгры вынуждены были просить Германию снять их с фронта и использовать в тылу для поддержания порядка. Немецкое руководство с этим не согласилось. Наоборот, в январе 1942 года Иоахим Риббентроп, а после него и Вильгельм Кейтель по военной линии посети-

ли Будапешт и потребовали от венгерского правительства полного военного участия страны в войне против Советского Союза, проведения всеобщей мобилизации и тотального сотрудничества венгерской и немецкой промышленности. В случае отказа гитлеровские эмиссары угрожали оккупировать Венгрию. Положение было сложным тем более, что в декабре 1941 года Венгрия не только оказалась в состоянии войны с Англией, но и объявила войну Соединенным Штатам Америки. В ходе январских переговоров Германия потребовала от Венгрии направить на Восточный фронт 15 дивизий своих войск и дополнительно 8 дивизий в качестве оккупационных войск в тылу, на деле для борьбы с партизанами. В результате согласились на 10 дивизий (9 пехотных и 1 бронетанковую), которые весной и летом 1942 года отправили на фронт в район Дона. Это была 2-я венгерская армия, насчитывавшая 200 тыс. человек под командованием генерала Густава Яни. Она получила участок фронта в 200 километров. Венгерские оккупационные войска выведены были в район Северной Украины и брянских лесов¹⁴. К тому же весь оставшийся период войны гитлеровское командование периодически поднимало вопрос с просьбой направить три венгерские дивизии в качестве оккупационных на Балканы. Венгрии приходилось постоянно выкручиваться.

Не могло нравиться венгерскому правительству и то, что немецкие предприниматели постепенно захватывали промышленные предприятия на землях, оккупированных венграми при поддержке Германии. Сохранился документ, составленный в начале 1942 года в министерст-

ве внутренних дел, с которым был знаком и министр иностранных дел Миклош Каллаи. В нем дословно говорилось: «Немцы опять приобрели... в Подкарпатье большое промышленное предприятие – Акционерное общество Подкарпатских электростанций (бывшее Акционерное общество чехо-моравского машиностроения, собственность чешского предприятия Колбен – Данек)». В самое последнее время акции подкарпатских электростанций, которые были в собственности предприятия Колбен – Данек, передали одному из мюнхенских предприятий концерна Германа Геринга, и оно стало частью его промышленной империи. Имеется и список немецкого имущества в венгерских предприятиях, в том числе и в Закарпатье, составленный в конце октября 1941 года. В нем содержатся сведения о немецких акциях и их стоимости в акционерных обществах нефтеочистительного завода в Мукачеве и аналогичном заводе «Карпатия», в котором у них было 975 акций, а в акционерном обществе подкарпатских электростанций – 76 475 акций на сумму 2 676 625 пенгё. Немецкий капитал участвовал и в некоторых других предприятиях и финансовых учреждениях, в том числе химическом заводе Клотильда в Великом Бочкове, в Подкарпатском банке в Ужгороде, в Сберкассе «Угоча» в Севлюше и так далее¹⁵.

Положение в крае усложнялось плохим урожаем в предыдущем году. Ярче всего это отражено в донесениях в МВД начальника полиции о положении в Мукачеве и окрестностях. В сообщении за апрель 1942 года он отметил большое число сочувствующих коммунистам, в основном неимущих украинцев и евреев.

За ними ведется постоянное наблюдение и пофамильный учет, и в случае необходимости их можно будет обезвредить в течение нескольких часов. Затем перешел к будничной прозе. Население днями не получает хлеба, а когда он появляется, то его так мало, что на всех не хватает. Картофеля нет неделями, это наряду с отсутствием муки вызывает самое большое недовольство населения. Пекари не могли отчитаться за 10 вагонов муки и 10 из них арестовано.

Поскольку крестьянское население окрестных сел довольно бедное и необеспеченное, то и на рынке почти нет продуктов. Неимущие и люди с малым заработком по существу голодают, ибо даже мизерное количество продуктов могут достать только с большим трудом. Даже и хорошо зарабатывающие не могут приобрести необходимые для жизни продукты питания, ибо их вообще нет. Население в окрестности Мукачева по национальному составу разнородное: русской ориентации, украинский пролетариат и обязательно враждебная по отношению к венграм большая группа евреев. «Поэтому, – продолжал он, – мне нужно доложить, что положение очень тяжелое и легко может превратиться в критическое».

Интеллигенция и студенты холодны, настроены антивенгерски. На кухнях в венгерских воинских частях определенное число студентов получало пищу, пока военное командование не узнало, что во время питания они вели беседу с соприкасавшимися с ними солдатами на коммунистические темы, поэтому их кормить прекратили.

В информации за июнь 1942 года он же сообщал, что в Мукачеве значительно

раньше, чем по всей стране, снизили паек дневного хлеба на душу до 150 граммов, а с 20 мая — до 100 граммов, и то при условии, что 16 тыс. евреев вообще исключили из обеспечения. И на этот раз он писал об отсутствии картофеля и догровизне вообще¹⁶.

В этой ситуации начальник полиции Мукачева забил тревогу. 19 июня он написал начальнику отдела общественной безопасности МВД Амону Пастои, начальнику полиции пограничной области и начальнику комитата Берег о кризисном положении в обеспечении питанием в Мукачеве, и просил помочь. Он отмечал, что с 20 июня и для выполняющих тяжелый физический труд дневная норма хлеба снижена до 200 граммов. Такое положение сохранится до июля, а что будет после этого, покрыто неизвестностью. Неделями нет и картошки, которой можно было частично заменить хлеб. Нарисовав печальную картину, начальник полиции подчеркнул, что установленные сейчас нормы пайков настолько низки, что не обеспечивают самого существования человека, его жизни.

Министерство внутренних дел отреагировало немедленно. Министр писал коллеге, министру по обеспечению, что необходимо срочно предпринять меры для удовлетворения потребности населения в муке, так как это необходимо для сохранения безопасности страны. 7 июля министр общественного обеспечения ответил Министерству внутренних дел. Он выкручивался, сообщал, что алишпан комитата Берег не знает, что евреи полностью или частично лишены обеспечения мукой. Но тут же признал: дневная норма в некоторых местах, в том числе и в Му-

качева, «несколько снижена», поскольку закрома не отпустили намеченного количества, в том числе и выделенные 37 вагонов муки на июль. Он обещал принять меры, но его слова оказались пустым звуком¹⁷. В результате в отчете своему начальству за ноябрь глава полиции Мукачева мог только написать: «Обеспечение населения хлебом было неудовлетворительным». В ноябре население не получило никаких жиров, даже маргарина, нет и никакой надежды на улучшение обеспечения, на черном рынке 1 килограмм жира стоит 9–10 пенгё. Те, у кого нет денег, готовят обед на воде и соли. После событий в Африке и прорыва русских на Дону левые смелее говорят, что страны оси войну проиграли, и опять наступит расцвет их дня¹⁸.

11 августа 1942 года состоялось совещание комитатских секретарей правящей Венгерской партии жизни в Подкарпатье. Выступил там и секретарь партии комитата Берег Петер Янош Силвестер. По его мнению, хорошее настроение среди венгров портили трудности обеспечения и догровизна. Начальник комитата проводил акцию сбора теплой одежды для солдат на Восточном фронте, которая прошла хорошо, за исключением фирмы «Латорица». Нужно бы энергичнее вести борьбу с черным рынком: жир на нем стоит 12 пенгё за килограмм, а три яйца — один пенгё. Извозчики без предоставления им овса и сала не хотят перевозить лес. Среди учителей вызвал огорчение внеочередной перевод директора русской гимназии Василия Поповича из восьмой в шестую категорию по зарплате. Секретари остальных комитатских парторганизаций не были столь многословны, но об-

рашали внимание на наличие многих жалоб в обеспечении жиром и топливом — служащие не могли их приобрести¹⁹.

Положение в Венгрии ухудшалось и из-за непомерных поставок продуктов питания в Германию, где в результате смогли повысить паек. Венгрии пришлось довольствоваться только указанием цензуре сообщение об этом в печати не пропускать. В то же время правительство Германии требовало улучшить питание немцев в Венгрии. Еще 9 октября 1941 года венгерский посланник в Берлине Стояи послал в Будапешт министру иностранных дел и премьер-министру шифрованную телеграмму, в которой сообщил им просьбу представителя немецкого правительства помочь немцам Подкарпатья, «очень страдающим» от недостатка муки. Этим вопросом занялся сам премьер Бардоши, и 10 октября ответил Стояи так: «Все население Подкарпатья без различия национальности действительно страдает от недостатка питания. Такое положение настало вследствие того, что запасы прошлого хозяйственного года исчерпаны досрочно. Урожай этого года в Подкарпатья был очень неблагоприятным, а распределение запасов страны сейчас в процессе». Далее он обещал, что правительство обязательно позаботится о том, чтобы население Подкарпатья по возможности могло получить продукты, а в этих рамках, несмотря на имеющиеся трудности, и немецкое население²⁰.

14 мая 1942 года уже новый премьер-министр Миклош Каллаи опять получил записку от германского посланника в Будапеште о недостаточном питании немцев в Подкарпатья и передал ее чиновнику Лошонци. Тот ответил через два дня,

что, по заявлению регентского комиссара в Подкарпатья, в Немецкой Мокрой и окрестностях, а также в селе Брустуры недостаточное обеспечение не только немцев, но и всего населения, потому что там нельзя ничего купить, кроме официально установленных продуктов по карточкам. Расположение сел таково, что население их не имеет даже огорода или какой-либо другой обрабатываемой земли. Для улучшения питания, сообщал он, вчера направил в путь следующие продукты: начальнику округа в Хуст вагон жира, а в нотариат в Немецкую Мокрую вагон картофеля и 50 центнеров бобовых. Одновременно он дал указание руководителю хозяйственного отдела Шандору Магочи-Диц, чтобы эти продукты были обращены на улучшение питания немцев, и дал указание, чтобы он проявлял о них особую заботу в будущем²¹.

Связано это было и с тем, что Германия продолжала в Венгрии, в том числе и в Подкарпатья, вербовку добровольцев в свои войска СС. На территории Подкарпатья весной 1942 года таких собралось 411 человек из 26 населенных пунктов, в том числе 96 — из Немецкой Мокрой. По записи Миклоша Каллаи о беседе с Иоахимом Риббентропом 7 июня 1942 года в военной ставке Гитлера, германский министр иностранных дел просил разрешить довести число завербованных в СС в Венгрии до 30 тысяч, то есть набрать 10 тыс. человек дополнительно. По этому поводу Каллаи записал: большая потеря рабочей силы, «но, несмотря на это, я дал ему согласие на новую вербовку»²².

Один из чиновников в Подкарпатья, имевший отношение к образованию, Эндре Шаркань в середине ноября 1942 года

послал донесение, которое к концу года попало на стол премьера Каллаи. Оно было написано по поводу просьбы жителей Сентечке открыть там словацкую школу. Он не рекомендовал этого делать, считая, что реформатское по религии население села состоит из словакизированных венгров и лучшим средством их вновь мадьяризировать будет венгерская школа. Он приводил конкретные данные, как в чисто украинских селах в период военной администрации открывали венгерские школы. Привел пример такой четырехлетней школы с тремя учителями — ее посещали двое детей-венгров, прибывших из Венгерской низменности, и местные евреи. Он обращал внимание и на другие проблемы в Подкарпатье. Ему бросились в глаза сильный русский характер Мукачева и окрестностей, где русское самосознание развивается параллельно с презрением к венграм. Русское национальное чувство там присуще не только интеллигенции, но и простым сельским жителям (в отличие от ужгородского утилитаризма), в русскую среднюю школу детей своих посылают железнодорожники, поденщики, мелкие хозяева и другие жители. В мукачевской средней школе проявляются странные ростки развивающегося русского национализма. Так, слушательница семинарии не хотела разговаривать по-венгерски, ибо ее родной язык русский. В то же время он отметил и то, что число студентов средних школ сильно сократилось.

Одновременно в Мукачеве вместе собирались оппозиционно настроенные жители из местной интеллигенции. В Ужгороде же осела большая часть русинов-утилитаристов, которых удачнее всего характеризовало высказывание греко-като-

лического архидиакона Ирена Конtrato-вича «плысти нужно по течению» («Заря», № 1–2). Мукачевцы же использовали каждую возможность, чтобы «идти против течения, выступать против венгерского влияния». На заседании комиссии народного образования Берегского административного управления очень сильно критиковали венгерскую политику народного образования. Берегскую русскую интеллигенцию даже купить нельзя. Например, директора Мукачевской гимназии Василия Поповича (к 38 годам достигшего шестого разряда зарплаты) угнетало то, что он не может по-русски просить железнодорожный билет и что в русских селах открывают венгерские школы. И депутат парламента Михаил Демко косо смотрит на размножение венгерских школ и недоволен пользующимся поддержкой правительства Подкарпатским научным обществом. Подобных фактов тогда было множество.

В этом же документе указывалось, что все еще 10% берегских учителей неблагонадежны и нуждаются в замене. Список их наготове у Гелетея, инспектора административного управления. Вызвало удивление возвращение в Долгое супругов Гелетка, которых летом перевели в Бачку за их антивенгерское поведение. Там же признавалось, что постоянные перемещения плохо сказываются на обучении, несмотря на это, такие перемещения продолжались, главным образом в форме «временного перераспределения». Только за полтора месяца с начала 1942–1943 учебного года в Берегском произошло 77 перемещений, в Ужанском — 50 и Мараморешском административном управлении — 70. То есть из 2000 подкарпатских учителей перевели

в другие места 200. И как результат: не наблюдалось венгеро-русского братства²³.

А откуда было ему взяться, если хортистские карательные органы продолжали арестовывать, интернировать неугодных им людей? Военный трибунал начальника Генерального штаба свирепствовал в Подкарпатье, Трансильвании, Бачке. Следственные органы этого суда, даже по признанию судьи этого суда Гезы Балтазара, работали методом насилия, выбивали нужные им признания. Так, в Пече они предали этому суду 40 человек, обвиненных в измене, а при рассмотрении обвинения оказалось бесосновательным²⁴.

На допросах военных преступников после войны Сомбатхеи спросили, почему суд по делам нилашистов не вынес ни одного смертного приговора. Ответ был кратким: они не боролись за мир. В условиях правления сторонников Хорти в Венгрии нельзя было сказать и правду, ибо и за это отдавали под суд. Так, прокурор Дебрецена 19 февраля 1942 года обвинил и предал особому трибуналу пятерки повара из Будапешта Арпада Голланда за то, что он в Чопе, в поезде и в других местах, рассказывал правду о вооружении Советской армии. Что у нее хорошие танки и автоматы у солдат, что те умело воюют. Кроме того, он поведал о варварстве венгерских солдат, о том, как морили голодом русских военнопленных и потом расстреливали их²⁵.

Тот же прокурор Дебрецена арестовал русина, крестьянина из Заречья Юрия Пекаря и обвинил его за в том, что он 28 июня 1942 года в том же селе сказал, что нужно выгнать из Закарпатья всех венгерских солдат. Им нечего здесь делать — и так победят русские²⁶. Николай Бурзы,

машинист паровоза из Брустуры, был приговорен к шести месяцам тюрьмы, а в 1942 году срок его заключения продлен до года за то, что он 2 января 1941 года говорил, что венгерская армия плохо вооружена, не имеет руководителя и венгерским солдатам не за что воевать²⁷.

Ведь это же фактически признал и новый министр обороны Вилмош Надь, побывавший на Восточном фронте 12–26 октября 1942 года, который по возвращении докладывал правительству: венгерская армия вышла на фронт, как немцы пожелали, теперь необходимо пополнить обмундирование, отказаться от старого оружия, мелких СУ и танков. 2-я армия держит фронт шириной в 200 километров, солдаты жалуются на качество питания, которое идет через немцев. Министр требовал от правительства обеспечить питанием и одеждой рабочие роты на фронте²⁸.

Власти проводили аресты русинов и по другим поводам. Так, когда в сентябре 1942 года на военном предприятии, оружейном заводе Диошдьёра, произошло несколько взрывов, стали подозревать работавших там на сталелитейном заводе около 600 человек, как записано в документе, «не внушающих доверия с национальной точки зрения словаков, румын и русинов». 11 сентября руководство завода уволило 17 русинов, «сговорившихся на саботаже», 15 из них арестовала полиция завода, а двоих — полиция из Мишкколца. Всех их местные власти просили интернировать и сослать вместе с семьями²⁹.

Начальник полиции Ужгорода доносил в отдел безопасности МВД в столицу Венгрии 14 октября о начавшейся за день до того забастовке на Радванской каменоломне: 10 каменщиков потребовали по-

высить зарплату и прекратили работу. Поскольку каменоломня была объявлена военным предприятием, следствие вел Ужгородский отдел 8-го кошицкого корпуса гонведов. Эти рабочие были арестованы и преданы военному трибуналу³⁰.

Подкарпатье с центром в Ужгороде было пограничной областью, в то время оно соседствовало с польским генерал-губернаторством Германии. Ужгородская полиция установила с немецкой полицией безопасности и пограничной службой контакт с целью обмениваться информацией и материалами, и даже более того. В январе 1942 года ей удалось получить советских парашютистов, приземлившихся на немецкой стороне, у Ясиня, их допросила венгерская контрразведка и вернула их немцам. Позднее было решено поставить это сотрудничество на широкую ногу. 28 июля 1942 года в Ужгороде в здании регентского комиссариата состоялось совещание по пограничным вопросам между представителями отдела VI.2.Д военного министерства с приглашенными представителями пограничных органов немцев в польском генерал-губернаторстве. С венгерской стороны в совещании принимали участие майор Генштаба Дьёрдь Колени — руководитель названного отдела министерства обороны, полковник Иштван Ошват, начальник Ужгородского отдела контрразведки 8-го армейского корпуса, советник полиции Аристид Мешко, руководитель пограничной полиции (Ужгород), подполковник жандармерии Раймон Ридек, начальник центрального следственного отдела жандармерии, и целый ряд офицеров из этой сферы деятельности. Немецкая сторона также бы-

ла представлена широко. В протоколе отмечены данные о них.

Они обменялись информацией о пограничной охране с обеих сторон (на 1 километр — три часовых), мнением о том, где чаще всего перебегают границу — восточнее Ясиня, а контрабанду перевозят через Воловец. Немцы жаловались, что венгерские офицеры контрабандой ввозили в Венгрию евреев, а из Венгрии полякам — политические материалы, письма, продуктовые передачи. Просили убрать из Санка еврейские рабочие роты. С венгерской стороны кроме пограничников использовали на границе таможенников и жандармско-полицейскую охрану. Кроме пограничных войск в Ставном, Воловце, Воловом и Ясиня действовали пограничные станции полиции, подчиненные Ужгородскому пограничному управлению. С немецкой стороны кроме пограничников действовала полиция службы безопасности в Дрогобыче, Станиславе и Коломые, приводились фамилии их начальников. Кроме того, в Татарове, Воронянке и Вышкове были полицейские посты, и на сентябрь планировалось установить посты и на Ужкы.

На совещании договорились ежеквартально встречаться поочередно то на одной, то на другой стороне. Условились обмениваться интересующими их материалами, списками лиц, подозреваемых в шпионаже или контрабанде. Мешко также сообщал, что по полицейской линии он установил контакт с немцами примерно год тому назад и передал немецкой полиции безопасности списки высланных из Венгрии евреев, а также коммунистов и бежавших в Россию и лишенных венгерского гражданства лиц. И вообще он с

немецкими органами поддерживал самое тесное сотрудничество, о чем докладывал и регентскому комиссару³¹.

Органы контрразведки венгерской армии неустанно следили за поведением русинов, где бы они ни находились внутри страны. В Дебреценском отделе контрразведки сохранилось несколько донесений агентов о наблюдении за студентами-руси́нами в местном университете. Первое из них – от 24 ноября 1941 года. В нем указывалось, что среди студентов-русинов в последнее полугодие наблюдалось три направления. Среди них по численности самым слабым было направление провенгерских сторонников. Возглавлял его студент Виктор Булеца. Эта группа в большей части своей состояла из оппортунистов, которые друзьями венгров были не по убеждению, а по расчету. Два остальных направления, великорусское и украинское, были примерно равны по силе. В первой группе были и коммунисты, а вторую группу составляли более способные русины. Руководили великорусским направлением студенты-юристы Евгений Анталовский и Анатолий Иван. К этой группе принадлежали Фйридманский и Андрей Игнат, о котором доносивший писал, что он был великорусского направления, но не коммунист.

Война с Россией вызвала замешательство среди русинов, и по мере продвижения немецких войск и их союзников слабело русское направление. Его сторонники частью начали примиряться с мыслью, что окончательно попали под венгерское господство, частью присматриваются к украинскому направлению. И сейчас есть среди них друзья русских, но они не осмеливаются об этом открыто говорить. За-

глянуть во внутреннюю жизнь русинов трудно, ибо они не доверяют венграм. Удалось заполучить одного венгра из Фелви́дека в качестве доверенного лица, надежного, которого они считают другом. Нет агента в общежитии имени Бочкая. Единственно надежный человек там – Сцитовский, недавно награжденный крестом защиты нации, но остальные его совсем изолировали, считая его «венгерским шпионом». В донесении в начале февраля 1942 года тот же сыщик отмечал, что после усиления наступления русских среди студентов русинов в Дебрецене опять усилилось великорусское направление³².

В годы хортистской диктатуры пропаганда стремилась уверить население края о якобы больших материальных затратах для улучшения его жизни. Действительно, Миклош Козма в январе 1941 года просил у премьера Пала Телеки 15 тыс. пенгё для различных акций, таких как развитие животноводства и овцеводства и домашних промыслов – плетения корзин, изготовления ковров и так далее. Конкретно предлагалось организовать в Нижних Верецких молочный кооператив и там же, а также в Воловом, Нижней Колочаве, Бедевле, предприятия по промывке шерсти, фабрики по переработке лесных даров и фруктов в Терессе, Воловом и в Драгове. В Тячеве перестроить водочный завод и так далее.

И сам Телеки в период своих официальных поездок по районам края считал нужным оживить хозяйственную жизнь Подкарпатья. Он даже занимался осуществлением этих замыслов на практике. Однако последовавшие события не позволили этим планам сбыться. Правда и то, что из запрошенной для этих целей

суммы он выделил только одну треть. В этом тоже отразились «благие» намерения премьера.

В канцелярии премьер-министра в январе 1943 года (уже при Каллаи) занимались также выяснением того, как была использована сумма в 50 тыс. пенгё, переданная в 1941 году (поступила уже после смерти Телеки, при Ласло Бардошши, 11 июня 1941 года) для улучшения экономического положения в Подкарпатье. Деньги были использованы полностью. Более одной трети израсходовано на перестройку в Тересе водочного завода. Кроме того, значительные суммы ушли на регулицию реки Шопурки в Кобылецкой Поляне, 15 тысяч стоила покупка здания молочного кооператива в Середнем, 5 тысяч затрачено на устройство парков в Хусте и 3500 пенгё пошло на строительство моста в Кобылецкой Поляне. Во втором отделе канцелярии премьер-министра 6 февраля 1943 года записали, что все деньги использованы по назначению³³. И это все.

Для сравнения приведем данные, сколько расходовало венгерское правительство на одну только полицию в Подкарпатье, абстрагируясь от жандармерии, контрразведки и других органов насилия. В 1938–1939 годах на эти цели пошло 1200 тыс. пенгё плюс на территории, присоединенной к Венгрии по первому Венскому арбитражу, — еще 700 тысяч. В 1939–1940 финансовом году на обустройство полицейских казарм в Подкарпатье истрчено 800 тысяч, в том числе 500 тысяч для расширения лагеря интернированных из Закарпатья в Киштарче. В 1941 году для полиции в Мукачево и Воловце выделено 800 тысяч плюс

300 тысяч для дальнейшего расширения лагеря интернированных в Киштарче. В 1942 году сумма расходов на полицию только в Мукачево и Воловце была увеличена до 1200 тысяч плюс на лагерь Киштарче доведена до 400 тыс. пенгё. Данные за 1943 год свидетельствуют, что мукачевская и воловецкая полиция обошлась в 1100 тыс. пенгё. Всего на расширение лагеря в Киштарче израсходовано 1900 тыс. пенгё³⁴. Это данные одного лагеря, а закарпатцев заключали и в другие, например как Варюлапоц, превращали под тюрьмы школы и приспособливали другие помещения. Вывозили закарпатцев и в лагеря гитлеровской Германии.

Хортисты применяли и другие методы физического уничтожения украинского населения. Участвуя в войне против Советского Союза, правители Венгрии охотно пользовались рекомендацией регента Миклоша Хорти: пусть национальные меньшинства несут жертвы на фронте. Нет данных о том, сколько было призвано русинов в венгерскую 200-тысячную армию под наименованием второй, введенную на фронт на Дону весной и летом 1942 года, и в восемь дивизий, высланных на Украину и в брянские леса для борьбы с партизанами, или до того в состав Карпатской группы или позже в 1-ю венгерскую армию. Мобилизация проводилась по индивидуальным призывным предписаниям. Но они были во всех этих частях, как и другие национальные меньшинства, — сербы, словаки, румыны. В некоторых частях они составляли 20–30%, а иногда и до половины³⁵.

Сохранился интересный документ, проливающий свет на истинные цели хортистов в отношении национальных мень-

шинств. Старший лейтенант Алберт Фалуеги, сообщая о боях 22-го пехотного полка с 1 по 17 января 1943 года, писал: представителей национальных меньшинств 30–40%. Солдаты венгры их не любят. Но в то же время солдаты венгры очень трудно усваивали мысль, не все ее понимали, «что мы не можем допустить, чтобы у нас остались в живых как раз наиболее плодящиеся меньшинства»³⁶.

К солдатам национальных меньшинств отношение было предвзятое, особенно офицеров, не имевших возможности общаться с ними из-за незнания их языка. Они считались неблагонадежными. С ними обращались хуже. В 3-м армейском корпусе в июле 1942 года солдаты невенгерских национальностей сводились в отдельные роты и получали только винтовки. Закарпатских украинцев разоружали и переводили в рабочие роты. Командующий 3-м армейским корпусом генерал Имре Мезё во всех поражениях в боях с частями Красной армии на правом берегу Дона обвинил солдат невенгерской национальности. Красноармейцы действительно изматывали силы противника с самого начала появления их на фронте. В августе во время боев в районе Александровки 1-й батальон 17-го пехотного полка потерял до 70% личного состава, 13-й полк понес огромные потери. В пехотном полку 1-й мотобригады 10 августа разразилась настоящая паника. Среди отступавших пехотинцев большинство составляли русины и румыны. Их собрали только на третий день – записал в своем дневнике ефрейтор из 3-го батальона Иштван Басаги. Хотя к этому времени упадок духа имел место и среди венгров. Потери во 2-й армии постоянно росли, и

12 октября 1942 года ее командующий Густав Яни писал: боевой дух уменьшило и то, что численный состав рот снизился до 100 человек, а потом и до 60. Поскольку пополнение не прибывало, то каждым человеком овладевало чувство обреченности, что рано или поздно и его имя будет фигурировать в списке потерь³⁷.

С июня 13-й дивизией командовал Йожеф Грашши, который приобрел с января 1942 года печальную известность в ходе «чистки» в Нови-Саде (Бачке), будучи командующим объединенными вооруженными силами при облаве города. В эту операцию там, по его признанию, было схвачено 1000 евреев, 600 сербов, 60 русинов и 20 венгров, а на деле в несколько раз больше, в том числе более 3 тыс. стариков, женщин и детей. Да и в России он расправлялся с беззащитным мирным населением Колбина, Коротояка, Урыва и других населенных пунктов, да и венгерские войска расстреливал артиллерией, когда те под напором советских войск вынуждены были отступить³⁸.

Были и иные причины гибели солдат на фронте. 29 октября 1942 года начальник Генерального штаба сообщил по частям, что за дезертирство 19 октября полевой суд приговорил к смерти русина из 41-го пехотного батальона Юрия Туряницу, он был расстрелян в тот же день. Командующий 4-м корпусом генерал Йожеф Хеслени 14 февраля 1943 года в Поповой Свободе сообщил об имеющихся случаях передачи венгерскими солдатами оружия с боеприпасами русским. «Тех я уже прикончил», – сообщил он, а на будущее приказал по корпусу такого человека расстрелять первому офицеру или унтер-офицеру³⁹.

Еще тревожнее было положение в тех воинских частях, где имелся высокий процент национальных меньшинств Венгрии. Уже летом 1942 года сообщалось в одном из донесений с Восточного фронта: «У русинов часто происходят массовые побегии, имеют случаи неповиновения и так далее». Далее заявлялось, что причиной разгрома 13-го Эгерского полка, потерявшего в одном из боев 80% офицеров и 40% солдат, явилось то, «что отряды обеспечения, состоявшие из людей славянских национальностей, не позаботились о подвозке боеприпасов»⁴⁰. Что же касается закарпатских украинцев, то в некоторых воинских частях их вообще разоружили и перевели в рабочие роты. Когда 43-й полк вышел у села Марки на фронт, у 30 русинов отняли оружие, дали лопаты и кирки и заставили под конвоем рыть окопы, а позднее перевели их в подноски патронов к пулеметам»⁴¹.

7 января 1943 года военный министр Венгрии информировал правительство о положении на фронте в том смысле, что русские атакуют итальянский и румынский участки фронта, подчеркивая, что Румыния понесла большие потери, 40% в живой силе и технике. Это должно было вызвать у хортистов положительные эмоции. К тому же, пытаясь ободрить министров, он заявил, что немцы из-за престижа будут защищать Сталинград до конца. Наконец он проронил, что и против венгерской армии идет концентрация русских сил и можно ожидать их сильного наступления. Но в тылу венгров расположены большие резервы немецких войск якобы для подготовки мощного весеннего наступления⁴².

Долго ждать не пришлось. 12 января 1943 года советские войска с Урывского плацдарма прорвали фронт 2-й венгерской армии. В течение первых трех дней боя были разгромлены 7-я, 20-я и 12-я дивизии, а также 700-я немецкая бронетанковая группа. Подполковник Гал сообщал, что из 13-го пехотного полка, насчитывавшего 4200 человек, погибли 3322. В донесении командира 19-й дивизии полковника Ференца Лошкаи о боях с 14 января по 6 февраля 1943 года упоминается и о национальных меньшинствах, «способствовавших поражению» венгерской армии, в том числе и о русинах, которых тянуло домой в Карпаты⁴³.

По данным на 10 февраля 1943 года, из 200-тысячной 2-й венгерской армии в живых остались 2567 офицеров и 73 040 солдат. Через две недели после этой сводки министр обороны информировал совет министров о положении 2-й венгерской армии на российском фронте. Там он заявил, что по сведениям, поступившим до сих пор, «наши потери» убитыми, ранеными и попавшими в плен составили примерно 70 тысяч человек. Трудно сказать, почему он уменьшил эту цифру более чем в два раза. Но он тут же обвинял немцев в переоценке своих сил и недооценке русских. У советских воинов было много автоматов и минометов. Многие венгерские солдаты при отступлении бросали оружие. В венгерской армии приходился на полкилометра один пулемет. Кроме плохого вооружения у нее были и проблемы с питанием. В армии не было жиров. Он сделал вывод, что венгерское командование больше не пошлет на фронт ни людей, ни вооружение⁴⁴.

В ходе январского наступления войск Красной армии на Дону 200-тысячная 2-я венгерская армия была наголову разгромлена и, по признанию Хорти, сделанному им в письме Гитлеру, потеряла 80 тыс. солдат и офицеров убитыми и 63 тыс. ранеными⁴⁵. Регент не упомянул о пленных. Но уже к 19 января 27 500 офицеров и солдат хортистской армии были пленены. Как доложил военный министр на заседании правительства 2 марта 1943 года, 75% ее вооружения стоимостью 367 млн. пенгё было уничтожено в ходе зимнего наступления советских войск⁴⁶.

Донесения некоторых командиров воинских частей из 2-й армии проливают свет на некоторые причины поражения венгерской армии. Так, в сводке командира 22-го пехотного полка 6-й дивизии полковника Золтана Фаркаша о боях с 12 января по 16 февраля 1943 года обращалось внимание на наличие большого числа национальных меньшинств, подчеркивалось, что в пехоте в основном бежали румыны, словаки и русины. Он признавал, что в военном отношении они не были подготовлены. Как только русские приближались, они сразу оттягивались, и это оказывало вредное влияние на остальных. Где возникала паника, везде зачинщиками были представители национальных меньшинств. Подполковник Вечи из 35-го пехотного полка писал о боях с 1 января по 28 февраля 1943 года. В записи за 9 января он отметил следующее: после обеда прибыло пополнение, из 400 солдат 360 были без винтовок. Это уже четвертая рота, в которой на всех по 30 винтовок. В ротах такому пополнению не рады, ибо среди безоружных много представителей чужих национальностей. 12 января в 15.30 доно-

сил старший лейтенант Имре Белшё, что во 2-м батальоне очень многие бегут. В этом отношении от него не отстает и 3-й батальон. Весь полк занят этой мыслью. В отношении вновь прибывших командир полка считает это понятным, ибо там было более 500 хонведов без оружия. К 24 января в полку осталось 38 офицеров и 1100 солдат⁴⁷.

Подполковник Эде Марани из 1-го Будапештского округа попытался обобщить опыт названных боев, и 15 февраля направил сообщение военному министру. Среди прочего, он писал, что во 2-й армии слабы были резервы, да к тому же они не имели винтовок. Выдали им по 2–3 гранаты и бросили их в бой. Оказавшись совершенно безоружными, они разбежались. За ними и остальные, побросав оружие, попытались спастись бегством. В этих условиях пришлось отменить полученный приказ о расстреле каждого десятого безоружного, чтобы остановить беспорядочную лавину. Командиры видели, что 80% запаса было брошено в бой без винтовок⁴⁸.

Кроме того, десятки тысяч солдат из Венгрии были направлены на Украину охранять германские тылы против партизан, прежде всего пути передвижения войск, и в район брянских лесов. Их было шесть дивизий, и они тоже несли ощутимые потери.

Не лучше было положение трудового народа и внутри страны. Венгрия со значительными пережитками феодализма, особенно в сельском хозяйстве, не нашла ничего лучше, как продолжать политику обработки государственных и частных крупных латифундий путем применения подневольного принудительного труда

батраков, сезонных рабочих-отходников и других людей, мобилизованных при помощи жандармерии и иных органов насилия. Установив в начале войны твердую плату за труд, хозяева всячески старались нарушать договорные условия, сложившиеся на практике предыдущих лет. В строго секретном письме 11 ноября 1942 года министр земледелия писал министру внутренних дел, что принятые меры привели к успешному завершению сельскохозяйственных работ с меньшими неприятностями, чем в мирные годы. Интернировать пришлось всего около 50 человек, и на осень он просил военной помощи. Тех, которые не хотели работать на условиях хозяев, он предлагал не только интернировать, но и призывать по военной линии и таким способом принудить их к этому⁴⁹.

К этому времени в министерство земледелия поступили жалобы, особенно от сезонников из Подкарпатья, на распоряжение властей комитета Фейер рассчитаться с ними не по договору в натуре, а деньгами. Аналогичных жалоб было много изо всех комитатов. Так, в комитате Боршод батраки и отходники выступали против того, что в натуре стали выдавать им только норму по карточкам, а остальное пересчитывали по государственным заготовительным ценам и выдавали в деньгах, за которые те не могли купить одежду и обувь. В комитате Абауй-Торна часть батраков работала босиком. В ответ на это в министерстве предложили им и другим рабочим носить обувь на деревянной подошве⁵⁰. Были жалобы и другого рода. Хозяева виноградников из Эгера туда же жаловались, что рабочие в районе Дьендеша не хотят работать полное

время и самовольно сокращают рабочий день. Чиновник из министерства сообщал: рабочее время «от восхода до захода солнца» определено еще в 49 параграфе II ст. закона 1898 года, и поэтому не обязательно, чтобы это фигурировало в договоре.

10 марта 1943 года министр внутренних дел сообщил на совещании начальников комитатов, что для уклоняющихся от сельскохозяйственных работ создан в Кишбере лагерь интернированных. К этому времени уже был издан циркуляр министерства земледелия о том, что те, которые в прошлом году работали в сельском хозяйстве по найму, должны заключить договора и на этот год и приступить к работе с 15 марта 1943 года. Для обеспечения названных работ предписывалось применять все законы о военной трудовой повинности. Тех, кто нарушил это постановление, не подчинился призыву на военную работу, — интернировать в рабочие лагеря и заставить работать под военным контролем. В конце же года власти приняли решение и в будущем году все (зарплату и методы) оставить по-прежнему с тем уточнением, что если кто-то не подпишет к 1 февраля 1944 года договор, того гражданские власти и войска пошлют работать уже по собственному усмотрению⁵¹.

В 1943 году в Венгрии в сельском хозяйстве работало 380 тыс. добровольно заключивших договора наемных рабочих, из них 170 тысяч на территории, находившейся под военным контролем. Там же работало семь рабочих рот национальных меньшинств, насчитывавших всего около 1500 человек. Массовая мобилизация велась только в Задунайский

край, в том числе Мезёхедьешское имение. Для 317 частных и государственных хозяйств, особенно за Дунаем, было мобилизовано под видом военной службы около 17 тыс. сельскохозяйственных рабочих. На место работы было доставлено 9300 человек, 353 бежали в пути. С 16 мая по 18 октября 1943 года из мобилизованных на военные работы бежали 1759 человек. Интернированы местными властями были 739 рабочих, но до лагеря в Кишбер доставлены всего 314. О других сведений нет. Наказаны военными были 283 человека из бежавших, отказавшихся работать или саботировавших, 17 человек — преданы военному трибуналу. В одном из документов мобильного штаба, занимавшегося сельхозрабочими, указывалось, что мобилизованные из национальных меньшинств на эти работы во всех местах, где они находились, постоянно подстрекали, уговаривали к побегу, отказу в работе. Результат такого саботажа — низкая продуктивность, подрыв дисциплины и массовые побегии. Это и неудивительно, ибо их ловили на полях, улицах, базарах — оборванных, голых и босых. Примерно в середине сентября было среди них около 3 тысяч таких рабочих, которых в плохую погоду из-за отсутствия одежды нельзя было использовать на работе. В тот же период в лагере интернированных в Тарчпусте было около 60 сельхозрабочих настолько оборвавшихся, что было принято решение (осуществленное в сентябре) направить их обратно в пересыльную тюрьму, поскольку они не имели ни одежды, ни одеял⁵².

Страницей выше в этом деле сохранился документ-требование из Капошвара в министерство и Мараморошское ад-

министративное управление Подкарпатя срочно интернировать братьев Семена и Юрия Юга из села Селище, бежавших из имения графа Ласло Нишки в селе Глаборпуста, где они работали в качестве мобилизованных по военной линии. Из Хуста было направлено по военной линии 20 сельскохозяйственных рабочих в Пустадерегди около Таполца в хозяйство размером в тысячу хольдов. Прибыли они 30 июня, условия их не устраивали, и 14 июля они бежали. Двое были из Дулова и Чомалева, а остальные из Изы. Последний бежал 31 августа. В одном из донесений следственного центра жандармерии министру внутренних дел содержалось сообщение, что мобилизованных сельскохозяйственных рабочих по военным законам избивают, связывают. По приказу военного начальника в хозяйстве около Мишкольца было связано 200 рабочих.

Инспектор по надзору за рабочей силой в комитате Шомодь писал 10 сентября 1943 года из Капошвара своему коллеге по Мараморошскому административному управлению в Хуст, чтобы доставили силой Михаила Штефана и Михаила Хименца из Кривы в арендное имение Иштвана Палотаи в Силашпусте, бежавших оттуда, будучи мобилизованными по военной линии. А также доставить туда же давно разыскиваемых бежавших жителя Кривы Петра Варади и Николая Сливку из Изы. В тот же день инспектор направил письмо в министерство земледелия: срочно доставить в другое имение того же арендатора, Уйпусту, бежавших рабочих, выделенных для военных работ, — Василия Улинца и Анну Бурч из Нового Давыдкова. 12 октября тот же инспектор Йожеф Рацкеви обратился в

Хуст. Он требовал интернировать в лагерь Тарчпусты мобилизованных военным путем на сельскохозяйственные работы и бежавших жителей Хуста Василя и Дмитрия Химчуков и Йосифа Сирка. Они работали в имении в Адорьяпуге сезонными рабочими. Там из 15 таких же хустских отходников осталась одна Мария Варади, остальные бежали. В связи с интенсивным интернированием в лагере Тарчпуста обратились к министру внутренних дел с вопросом, какая вместимость этого лагеря; он ответил 7 августа 1943 года, что есть 500 свободных мест, но, учитывая их временное пребывание в лагере, они отправятся в поместья, лагерь способен принять неограниченное количество интернированных. До этого времени в 1943 году там из одной Свалявы побывал 41 интернированный сельскохозяйственный рабочий⁵³.

По поводу использования рабочей силы царил полный хаос. В Подкарпатье из многих сел русинов-лесорубов отправили на сельскохозяйственные работы в основном вглубь Венгрии, часть — в Германию. В области недоставало рабочей силы на лесоразработках. Лесное управление Свалявы попросило от Ужгорода восполнить ее. Из Надьварада в Сваляву прислали 60 сельскохозяйственных рабочих и крестьян, которые никогда не работали на лесоразработках и не могли быть использованы. Инспектор по надзору за рабочей силой из Капошвара предвзято относился не только к рабочим из бывшей Карпатской Украины, но и к тем, которые попали в состав Венгрии по решению первого Венского арбитража. Когда родители мобилизованных на эти работы из Бене, Вари и Квасова пожаловались на

предоставленное им несоответствующее жилье, недостаточное питание и другие недостатки, то инспектор попытался все это отрицать. В Воловском округе в то время жили 42 тыс. человек. Четверть из них, мужчин и женщин, добровольно или принудительно взятых по мобилизации на военные работы, трудились на полевых или лесовых работах или находились на военной службе. В этих условиях начальник округа Эндре Дудич обратился к военному начальнику коневодческого хозяйства Мезэшхедьеша с просьбой отпустить 28 человек на 3–4 недели на косьбу⁵⁴. Обычно такие просьбы не исполнялись.

Начальник Берегского административного управления 2 апреля получил предписание министерства земледелия направить 300 сельскохозяйственных рабочих в комитат Шомодь, о чем хозяйственный контролер известил коллегу в Капошваре. Об этом оповестили население барабаном. Но добровольцев не было, никто не хотел заключать договора. Тогда начальник Берегского административного управления Корнелий Бескид 12 апреля 1943 года предписал сельскому начальству Нового Давыдка направит на военные работы сроком на шесть месяцев 20 мужчин первого разряда и 36 женщин второго разряда плюс 20% сверх того. Тогда намеченных людей под жандармским конвоем доставили в имение Алайошне Када в Эндрец и в имение Иштвана Палотаи в Визвар, а из села Олагово — в имение Кароя Немештоти в Керестури. 6 июня самый старший из группы, работавшей в хозяйстве Када, Илья Ладани написал жалобу на их содержание и направил в Берегское административное управ-

ление, после чего состоялась беседа жалобщика с начальником Сигетварского округа; и когда они не смогли договориться, рабочие прекратили трудиться, начальник округа 10 июня интернировал участников переговоров в лагерь Кишбер, и в тот же день из этого имения бежали остальные русины. В списке их было 26 человек и пожилая женщина, имя которой не знали.

16 июня поступил ответ из Мукачева, в котором указывалось, что все проверено, и регентский комиссар потребовал немедленно отпустить арестованных девушек до 19 лет, а таких там было более половины. Степан Вайда в своем ответе предположил, что арестованные девушки в имении Алайошне Када не были допрошены с переводчиком, а интернированы на основе одностороннего заявления хозяйки. Этот случай получил широкую огласку, его обсуждали на заседании Всевенгерской комиссии 42-х. Выступавший Демко 25 июня информировал, что около 77–100 тыс. рабочих, которые до войны и после ее начала работали в сельском хозяйстве на Большой венгерской низменности, были из Подкарпатья. Это было бы возможно и сейчас, но нет организации, которая направляла бы их на работу. Тогда с помощью жандармов на военные работы собирали 16–18-летних девушек из Великих Лучок и Нового Давыдкава. Об условиях им ничего не говорили, договор с ними не заключили, они не получали достаточного питания, похудели и, извините, завшивели в тех местах, куда их вывезли. Все они хотят домой. Родители посылают им посылки и деньги, ибо они не обеспечены. Когда это выяснили через регентского комиссара П.В. Томчани, то

определили, что произошло злоупотребление, нарушение законов. Из донесения хозяйственного надсмотрщика видно, что против девушек, работавших в имении Алайошне Када, подано дело об интернировании за саботаж. Не могу себе представить, продолжал он, что эти девушки могут саботировать. Наверно, просили есть и не получили, а за это сейчас их еще и закроют. Последовала реплика председателя Ференца Ронкаи: «Но они не хотят работать, господин депутат!»⁵⁵

Трудности с рабочей силой внутри Венгрии усугублялись постоянным требованием Германии направить ей рабочих разных отраслей хозяйства. После начала войны с Советским Союзом венгерские рабочие нелегально бежали из Германии из-за плохого питания, невыплаты обещанного заработка, 62 человека бежали уже в сентябре. На допросе в будапештской полиции возвратившиеся заявили, что на завтрак давали им 200 граммов черного кофе без сахара и хлеба, а в обед и на ужин только картофельное пюре. В ноябре и декабре 1941 года неорганизованно вернулись из Германии в Венгрию 14 355 сельскохозяйственных и лесорубочных, в том числе и многие из Подкарпатья. Среди них и пятеро по фамилии Лойка из Хустского округа⁵⁶.

Сохранился документ (от 1–4 июля 1941 года), по которому венгерское правительство согласилось направить в Германию 3 тыс. промышленных рабочих и столько же их помощников, а также 300 инженеров по самолетостроению. В 1942 году в Венгрии вербовку в Германию вели только среди национальных меньшинств, причем на лесоразработки вербовали в основном румын и русинов, а

те медленно работали, особенно румыны. На русинов и румын в венгерское посольство в Берлине поступило 1100 жалоб. На территории Австрии осенью 1942 года работало около 10 тыс. промышленных и сельскохозяйственных рабочих, в том числе 2–3 тысячи на предприятиях Германа Геринга в Линце, писал главный консул Барковци из Берлина главному консулу в Вене Карою Ботмеру. Германские власти утверждали, что в Германии всего осталось промышленных рабочих из Венгрии 1500–2000 человек и просили пополнить их до 6 тысяч. В венгерском министерстве промышленности, поскольку добровольной вербовкой это сделать уже нельзя, решили обеспечить это путем мобилизации и выслать в Германию около 20 военных рабочих рот⁵⁷.

В январе 1943 года римско-католический священник Антал Хохман посещал лагерь, в которых проживали рабочие из Венгрии. Он посетил районы Линца, Штутгарта. В районе Алена самые многочисленные из них три группы лесорубов русинов он тоже навестил. Лесное управление Алена отдало 10 русинов городской управе подметать улицы. В Кеннингсбронне из 26 в основном малолетних русинов 11 вшивых и грязных не работают: шесть больных и пять босых. Немцы относятся к ним с самым большим отвращением и презрением. Хохман заключил: «Да, большой славы они нам не принесли». Тот же священник в донесении венгерскому посланнику в Берлине Стояи 30 марта 1943 года писал о своей поездке в Брауншвейг. Там из Венгрии работали 323 человека, в основном украинцы из окрестностей Мукачева. Три дня он потратил на то, чтобы разыскать но-

вых венгров на предприятиях Германа Геринга в Ватенштадте. Посетил два лагеря. В том числе в № 8 нашел 14 из них: венгров только двое, а остальные принадлежали к национальным меньшинствам. Дома их было семеро. Они производили очень печальное впечатление, как та собака, которую постоянно бьют, которая уже никому не верит, в страхе отворачивается и от той руки, которая хочет ее погладить. Невообразимо их недоверие. Когда он их хотел переписать, они не назвали ни своих имен, ни имен тех, которые отсутствовали.

В лагере Брауншвейг Хохман встретился с комиссией, пытавшейся выявить обстоятельства убийства «одного венгра». Нашли его убитым на пашне. Им оказался украинец Юрий Шалада из Березного. Полицейский нашел у него не отправленное сестре Юлии Шалада в Березный письмо, написанное незадолго до смерти. О нем говорили, что он был настроен коммунистически. Он считал себя украинцем. Полиция не исключала политический характер убийства.

В донесении инспектора Эндре Тёрёка, проверявшего некоторые лагеря в июле 1943 года, говорилось, что у встретившихся ему 18 рабочих из села Горинчева (Мараморошское административное управление) только у шести была обувь⁵⁸.

Венгерское правительство в отношениях с Германией очутилось в таком положении, что оказалось беспомощным изменить что-нибудь в положении своих граждан на ее территории. Правительство Миклоша Каллаи избрало тактику «качелей», лавирования между Германией и западными союзниками антигитлеровской коалиции. 7 января 1943 года премьер-

министр сделал доклад на заседании правительства, в котором подчеркнул, что 1942 год начался посещением Венгрии Иоахимом Риббентропом. После мезёхедьской охоты он провел несколько дней в Будапеште и потребовал, чтобы Венгрия приняла участие в войне против России полной военной силой. 20 января по этому поводу по военной линии прибыл Вильгельм Кейтель. В феврале ухудшились отношения со Словакией, а позже обострились и с Румынией. 28 февраля к Ласло Бардошии явились германский и итальянский посланники и, по поручению своих правительств, выразили пожелание, чтобы Венгрия порвала дипломатические отношения с теми государствами, которые до конференции в Рио-де-Жанейро или на ее основе объявили себя в состоянии войны с Германией, Италией и Японией.

3 марта совет министров решил повредить отношения с Бразилией. Заявлено об этом было только 2 мая. Рассмотрев внешнеполитические события до конца года, Каллаи перешел к внутренней политике. Он намеревался объединить все слои населения страны, решить такие вопросы, как обеспечение населения продуктами, и другие. Он готовился к концу войны, для чего считал нужным сохранить военную силу и внутреннее спокойствие. Он подчеркивал, что за границей обвиняют Венгрию в феодальном образе жизни и в угнетении национальных меньшинств, и предложил по этим вопросам подготовить и принять законы.

По первому вопросу у него тут же нашлся оппонент в лице министра внутренних дел. Ференц Керестеш-Фишер просил в вопросе о национальных мень-

шинствах быть осторожным и пока не выносить его на обсуждение общественности, ибо это имело бы тяжелые последствия. Что касается социальных мероприятий, то он бы не делал оправданий перед границей. Кто знает, как будет выглядеть Венгрия после войны. Но в области сельского хозяйства и он за быстрые «лечебные» меры. Министр финансов Ремени-Шнеллер заявил, что в Венгрии многие находящиеся на руководящих постах придерживаются мнения о неизбежном поражении Германии. Но такие есть и в Италии, и в Германии⁵⁹.

Зря беспокоился министр внутренних дел по поводу взглядов премьера на проблемы национальных меньшинств. Миклош Каллаи еще 4 ноября 1942 года, выступая при обсуждении бюджета национальных меньшинств, похвалил руководство этой проблемой государственным секретарем канцелярии премьера и высказался за его сохранение, против образования министерства национальных меньшинств, ибо тогда появилось бы больше пожеланий, чем те, которые «я в наши времена считал бы правильным обсуждать, если и не решать». Именно поэтому и не трудно было ему снять свое предложение. На заседании правительства 23 февраля он рекомендовал уже обсудить только проект о социальных мероприятиях. Но на этот раз министр внутренних дел уже был не намерен связывать правительство и этим законом, ибо кто знает, каким будет положение через полгода и что можно будет осуществить из него. Премьер не согласился с доводами министра. По его взглядам, страну нужно занять социальными реформами. На это нужно обратить внимание и за границы.

Этим премьер надеялся дать хороший материал парламенту. Многие правительственные программы обещали реформы в социальной области. Сегодня общественное мнение уже почти им не верит, поэтому он предложил провести его через парламент. Даже такое предложение премьера совет министров пока не принял⁶⁰.

Между тем проблема национальных меньшинств интересовала не только правительственные круги, но и тех венгров, которые хотели удержать хотя бы уже приобретенные после Мюнхена территории. Меморандум о настроении русского народа, адресованный венгерскому правительству, датирован 24 июля. В нем написано, что он составлен в Мако, а автор его — депутат государственного собрания. Автор отмечал, что он три недели находился в Подкарпатье, беседовал с многими крестьянами, интеллигентами, венгерскими служащими и пришел к выводу, что теперь уже русский народ и представить себе не может жизнь в рамках венгерского государства, в душе он полностью отошел от венгров и от сегодняшних своих руководителей. В Венгрии общее представление, что русский народ тихий, мирный, терпеливый, не любящий работать, потребляет больше меры спирт, в основном денатурат; эта народная группа не имеет национального самосознания. Эта оценка, по мнению автора меморандума, «совершенно ошибочна».

Общий уровень образования русского народа значительно выше, «чем думают в альянсе». Каждый моложе 40 лет окончил восьмилетнюю школу. В 1919 году в Подкарпатье были три горожанские школы, а в 1939-м — 22. У русинов пробудилось национальное самосознание, и

кто обидит их, того считают врагом. В крае очень большое влияние учителей — они выходцы из крестьян и поддерживают связь с народом. Влияние их больше, чем попов, которые ближе к венграм. За данную венграм информацию о неблагонадежных и левых попы отдалили народ от себя. К хустскому священнику, депутату парламента, крестьяне не пошли на похороны.

Украинское направление возникало, по-видимому, из-за того, что возвратившиеся с Первой мировой войны русины много говорили о встрече за Карпатами с 40-миллионным украинским народом, язык которого такой же, как и у русинов, но он располагает более богатым пшеничным краем, чем венгерский Алфёлд. Русины увидели в нем могучий братский народ.

Существующее в Подкарпатье русское направление выступает за установление культурных связей с Россией и считает, что и язык их древнерусского происхождения. Чехи ловко использовали эти противоречия для разделения русинов, что оказало очень большое влияние на них. И сегодня часть русинов открыто признает себя украинцами, а другая — великороссами. Экономическое положение русского народа в период чешской эры, как общеизвестно, было лучшим, чем после его присоединения к Венгрии. Пришедшая венгерская армия официально обещала русинам братство, полное взаимопонимание, а в противоположность этому они испытали со стороны властей грубое обращение с ними. Их избивали, называли по-всякому, упрекали их в том, что они не чувствуют себя венграми и не говорят по-венгерски. В этом месте он изложил основной постулат венгерского

русинизма. Они ни на минуту никогда не чувствовали себя венграми, а считали себя русинами, особой народной группой со своим национальным сознанием, образованием и культурой.

В газетах они читали официальные венгерские заявления о полной автономии. Они полагали при ее помощи осуществить те их пожелания, которые не выполнили чехи. Но произошло не то, чего они ждали. Служащих-русинов подвергли мучительной и длительной процедуре проверки, часть из них понизили в должности. Многих переместили на территорию собственно Венгрии, и не только служащих, но даже таких, как рабочие по уходу за дорогами. Их места заняли прибывшие из Венгрии. Многие не приняли этих перемен и вообще ушли с работы.

Политические свободы полностью упразднены. Нет никакой партийной жизни. Призванных от Подкарпатья в государственное собрание депутатов массы русинов презирали. Они в села не ходили, да и не могли, ибо не знали, что сказать людям. Культурная жизнь полностью прекращена. Народные дома опустели, библиотеки венгры без разбора сожгли – в Хусте сожгли полностью библиотеку сельскохозяйственной палаты, большая часть которой состояла из редких специальных книг. Такая участь постигла и школьные библиотеки. Не надо думать, что автор меморандума был вообще против такого варварства. Он продолжал: «...вместо того, чтобы уничтожить только для нашей нации вредные книги». Хотя он правдиво подметил и то, что хоры, оркестры полностью прекратили действовать. В качестве характерного примера там приведено, что в Ясиня дей-

ствовало промышленное училище, хорошо оборудованное и с интернатом, в которое принимали учеников после окончания четырех классов горожанской школы и обучали молодежь отделке дерева. После того как венгры закрыли эту школу, часть оборудования вывезли в Сигет, а оставшиеся машины использовали частники для производства игрушек. Утверждали, что школы приходилось закрывать потому, что они опустели, нет учеников. Автор меморандума с этим не согласился, считал, что это обстоятельство, обезлюдение, являлось следствием общего положения дел.

Акционерное общество «Латорица» получило право использовать рабочих как мобилизованных на военную службу, и платили главам семьи за принудительный труд на лесоразработках жалкую пендшину, на которую семьи не могли прокормиться. Собеседники особенно осуждали насильственную мобилизацию на сельскохозяйственные работы в помещичьи и графские имения в Венгрии. Жандармы силой сгоняли на эти работы население, особенно молодых девушек и таких, которые никогда раньше такую работу не выполняли. Кроме плохого питания и прочего обращалось внимание и на небезукоризненное моральное отношение к ним. Много говорили о весеннем общем собрании Подкарпатской сельскохозяйственной палаты, где стихийно прорвался поток жалоб. С большим огорчением крестьяне говорили и о том, что у руських крестьян только две возможности: или бежать, или подохнуть. Регентский комиссар, видя критическое настроение, после первого выступления ушел.

Два года тому назад венгры в Подкарпатье распространили версию, что русины не имеют права на народную самостоятельность. И кто не хочет быть венгром, может выехать, а кто не выедет, того выселят. Об этом говорили открыто везде. Весть об этом обошла всю русьскую землю, и влияние ее было тем более разрушительным, что нет больших патриотов, чем русины, которые считали, что за пределами их родного края, гор и долин, и жить нет смысла.

Деятельность контрразведки породила самое большое противодействие: около 1000–1500 человек держали в тюрьме месяцами без всякого основания. Через год после присоединения края к Венгрии из-за безвыходного положения эмигрировали 8–10 тысяч человек, главным образом молодежи. Создалось такое положение, что если поставить вопрос на голосование, то в Подкарпатье 90% населения будет против венгров.

Для исправления положения осталось всего несколько месяцев. Но несмотря на это, он предлагал попытаться что-то предпринять таким путем и такими средствами, которые бы соответствовали особому складу русьской души, ибо если не удастся добраться до нее, если не удастся привязать русинов в их душе к государственной идее святого Иштвана, тогда мы не только потеряем Подкарпатье, но оно станет вечными воротами, через которые север и восток будут постоянно угрожать Венгрии⁶¹.

Приведенные здесь основные положения меморандума на 18 страницах долго изучались в Министерстве внутренних дел, а затем в канцелярии премьер-министра. Во втором ее отделе, по националь-

ным меньшинствам, пришли к заключению, что автор его «по-деловому занимается проблемами Подкарпатья, теми ошибками, которые допускает администрация, главным образом жандармерия, в отношении к русьскому народу». И тут же записали, что в нем нет ничего не известного отделу. А также и то, что этим уже занималось и правительство по докладу регентского комиссара⁶².

На заседании совета министров этот вопрос поднял министр внутренних дел 14 сентября 1943 года. По записи в протоколе, он предложил обсудить внутреннее положение в стране, вопрос о завоеванных территориях и национальный вопрос. Он потребовал изменить политику по этим проблемам на случай окончания войны. Его беспокоило, что произойдет с полосой территории, присоединенной к Венгрии от Словакии, щепетильной называл проблему Подкарпатья. Нужно быть готовым на случай голосования после войны. «Мы определенно избаловали русинов», — полагал он. Такое же положение и в Бачке. Премьер-министр Каллаи признавал допущенные ошибки в национальном вопросе. По его мнению, для удержания завоеванных территорий нужно бы искать соглашения с доброжелательными элементами возвращенных в состав Венгрии национальных меньшинств. В Подкарпатье нужно было провести народное голосование сразу после присоединения, но мы это тогда не считали нужным. Так хотя бы сейчас надо сделать все, что случилось бы венграм, заключил премьер⁶³.

Когда регентский комиссар Томчани излагал 5 октября жалобы на представителей властей, которые вызвали среди на-

селения неприятное впечатление, премьер не считал их «чрезмерными» и подчеркивал необходимость создания русинской партии. Мотивировал он свою позицию и тем, что в Северной Америке много русинов, которые следят за положением в Подкарпатье. Министр внутренних дел согласился с премьером, уточняя, что членами этой русинской партии могут быть и члены правящей партии Венгрии. Председателем русинской партии был предложен Андрей Бродий, депутат парламента, но, не совсем доверяя и ему, вести дела партии поручили Эндре Кричфалуши-Грабарю, бывшему начальнику личной охраны Хорти, одно время возглавлявшему венгерскую полевую жандармерию в оккупированных районах Галиции. Тогда же Каллаи изложил кредо своей позиции, которую он намеревался занять по отношению к русинам, назвав ее «средней»: не проявлять к ним «ни боязни, ни зверств», но антивенгерские явления подавлять⁶⁴. Так мыслили себе тогдашние правители решение проблемы национальных меньшинств.

Одним из рычагов, который намеревались использовать в этой сложной ситуации, был школьный вопрос. В канцелярии премьер-министра зафиксировали много жалоб. С одной стороны, против преподавания на венгерском языке в национальных школах (словацких и немецких), а с другой – венгры подвергли критике то, что разрешение преподавать на родном языке везде мешает даже добровольной ассимиляции живущих в венгерском окружении. Для выяснения этого министр культов и просвещения созвал совещание, на котором от канцелярии премьер-министра присутствовали госсе-

кретарь Тибор Патаки и начальник отдела Пал Балла. Министр выразил готовность удовлетворить пожелания национальных меньшинств. Там поручили Артуру Бонишу (Бенишу), специалисту по школам национальных меньшинств, подготовить документ об изменениях в системе преподавания. По его проекту, с которым согласились присутствовавшие, в селах, в которых проживали только национальные меньшинства, преподавание в школах вести только на родном языке, а где венгров большинство, там большее место предоставить венгерскому языку. До тех пор преподавание в начальных школах велось по трем правилам. В одних преподавание шло на венгерском языке, но и родной язык был обязательным предметом. В других применялся смешанный способ, то есть часть предметов преподавалась и на родном языке. Во всех национальных школах обязательным был венгерский язык как предмет. Предлагалось особенно разобраться в Подкарпатье, где были только русские и венгерские школы. На совещании принципом венгерского правительства в Подкарпатье провозгласили: венгерские школы создавать только там, где они нужны из-за венгерских учеников. Но в период военной администрации в Ужанской и Мараморошской Верховине в малых селах, где вообще не было венгров, открыли много венгерских школ. Причем по статистике получалось, что в этих школах венгров было много.

В апреле 1943 года Артур Бониш и судья Енё Бернолак поехали в Подкарпатье, и на месте удостоверились, что статистические данные везде сфальсифицированы с целью получить разрешение на откры-

тие венгерских школ. В некоторых из этих школ преподавание и не начиналось, они оставались школами только на бумаге. Эта афера была раскрыта и доведена до регентского комиссара и министерства.

На втором совещании в министерстве просвещения, летом, Артур Бониш получил задание подготовить новый проект, рассчитанный уже на 1943–1944 учебный год и касавшийся всех школ национальных меньшинств. Пожелания родителей учащихся национальных школ не учитывались. В отношении Подкарпатья бали приняты следующие решения, затронувшие 73 школы: 33 школы с венгерским языком преподавания, в которых родной язык был в качестве обязательного предмета, преобразованы в школы смешанного преподавания, где часть предметов преподавалась на родном языке; восемь преобразованы в национальные школы, а из бывших трех смешанных две — в национальные. Кроме того, в Подкарпатье закрыли 12 школ с венгерским языком преподавания. Там же в пользу венгров преобразовали девять школ. Две школы из руських переведены в смешанные, а одна в венгерскую и шесть смешанных — в школы с венгерским языком преподавания с обязательным предметом родного языка.

В результате в Подкарпатье сложилась следующая картина. В Середнем нет руського отделения школы. В комитатах Унг, Берег и Угоча в переселенческих колониях пока остаются школы руськие, со временем нужно их упразднить, преобразовать в венгерские. Предлагалось особое внимание обратить на район Севлюша, где до Первой мировой войны началась ассимиляция, остановленная при чехах. В Ужгороде и в Мукачево решено было

оставить только по одной начальной школе с руським языком преподавания.

По протоколу совещания у министра культов и просвещения Енё Синьеи-Мерше 16 июня, Тибор Патаки настаивал на быстром проведении в жизнь проекта Бониша. Синьеи его предложение считал неосуществимым, во-первых, из-за отсутствия учителей, знающих язык, а во-вторых, он не считал целесообразным немедленно предоставлять такие уступки национальным меньшинствам. После доклада Бониша министр попросил подчеркнуть в проекте те школы, в которых срочно нужно провести реформу, и дал указание обсудить этот вопрос с регентским комиссаром⁶⁵. Так фактически провалился еще один из замыслов правительства.

К тому же правящие круги все более беспокоило усиливавшееся партизанское движение в разных концах страны. Начальник центра государственной безопасности Венгрии доносил начальнику Генштаба о действиях партизан в брянских лесах, Северо-Восточных Карпатах и других местах, по показаниям шести партизан, добровольно сданных пограничникам в районе Ясиня (Досина) 27 июля 1943 года, дополненных показаниями пастуха, и по немецким данным, полученным от пограничников и гестапо, о боях с партизанами Сидора Ковпака в июле. О партизанах, добровольно сданных венгерским пограничникам, необходимо сказать подробнее, поскольку до последнего времени об этой группе в исторических исследованиях полно домыслов. Участники этой группы в январе и феврале 1942 года были призваны в 47-й полк венгерской армии в Залаэгерсег, их вывезли для охраны тылов немецкой и вен-

герской армий, 28 июля у Брянской Гуты они попали в плен к партизанам. Это было соединение Сидора Ковпака. В его составе они прошли весь рейд соединения по немецким тылам до Карпат. По свидетельству дневника начальника штаба соединения и воспоминаниям Ковпака в книге «От Путивля до Карпат», они, став партизанами, хорошо воевали против оккупантов на протяжении года. 27 июля генерал Ковпак отпустил их из партизанского соединения, устроив им торжественные проводы. Трое из них были закарпатские украинцы: Иван Козуб из Великих Комят, Иван Драгун из Нижней Нересницы и Андрей Гамада из Доробратова, остальные венгры⁶⁶.

Отпустили их с оружием — по автоматической винтовке, по 50 патронов, по 3–4 гранаты, снабдили всем нужным на первое время. Перед отходом выступавшие на митинге призывали их организовать партизанское движение в родных местах и вызывать симпатии к русским. К границе проводили их два партизана. Они перешли ее недалеко от Татарского перевала⁶⁷.

Сегодня трудно определить, чем руководствовались представители властей, но они отпустили задержанных по домам. И те тихо сидели не только до конца войны, но и после нее. Когда Ковпак был председателем Верховного Совета Украины, он пытался связаться с закарпатцами из этой группы, но они не откликнулись, хотя проживали там.

В вышеприведенном документе венгерскому начальнику Генштаба сообщалось, что граница укреплена. Назначен новый начальник пограничников жандармский подполковник Золтан Аги, ко-

торому подчинены посланные следователи и Ужгородский учебный батальон.

Это мероприятие особого успеха иметь не могло. Были иные пути. Так, с 7 августа в районе Хуста начала действовать десантная группа разведчиков, интернациональная по составу, во главе с венгром Ференцом Патаки, в которой был один чех и остальные пятеро закарпатские украинцы. О ней будет сказано ниже.

Начальник Генерального штаба венгерской армии, в свою очередь, предписал начальнику 1-го отдела осуществить мероприятия, которые бы воспрепятствовали просачиванию партизан в Подкарпатье, и информировал, что отряды Ковпака после сражения у Делятина 9 августа отступили в основном в Буковину. В связи с их постоянными активными действиями он просил погранвойска в Подкарпатье всегда держать в боевой готовности. Он считал также целесообразным вывести в Подкарпатье, особенно в долину Тисы, подвижные отряды, солдат которых там могли бы и обучать⁶⁸.

В этой ситуации венгерское правительство, особенно его глава Миклош Каллаи, постепенно меняло свои взгляды. Если Каллаи в июне 1942 года, после посещения ставки Гитлера в Польше, заявил, что и в будущем правительство намерено в полной мере выполнять взятые на себя обязательства в отношении стран оси, то после поражения 2-й венгерской армии на Дону и изменения положения на фронтах в 1943-м он заговорил по-другому. 14 сентября 1943 года министр иностранных дел информировал правительство, что к нему явился германский посланник Дитрих фон Ягов и по поручению правительства передал на немецком

языке устное заявление о событиях в Италии: падении правительства Бенито Муссолини и об образовании правительства Пьетро Бадольо. Министр подчеркивал щепетильное положение, в котором оказалась Венгрия в связи с событиями в Италии. Он рекомендовал негласно сочувствовать, но ничего вовне не сообщать. Он подчеркнул, что де-юре распался тройственный союз, и Германия признала правительство Бадольо.

Премьер-министр Каллаи в этой ситуации изложил свою и правительства позицию следующим образом. Первое – венгерское правительство в связи с капитуляцией Италии считает тройственный союз упраздненным, но не делает из этого никаких выводов и не видит причин и способа изменить венгеро-немецкие отношения. Второе – военные отношения с Германией будут направлены к тому, чтобы Венгрия была способной защитить границы и внутренний порядок собственными силами. Поэтому венгерская армия не может быть использована за границей. Армию нужно вернуть с русского фронта⁶⁹. Третье – внутренний порядок и обеспечение производства требуют, чтобы промышленные центры Будапешт, Мишколц, Дьёр были обезопасены от воздушных бомбардировок. Учитывая это, венгерское правительство считает нужным, чтобы немецкие военные перевозки осуществлялись в обход этих городов⁷⁰.

На этом же заседании совета министров военный министр сообщил (принимая во внимание партизанское движение и определенные мобилизационные меры в Румынии⁷¹), что начальник Генерального штаба просит мобилизовать отдельные армейские корпуса. С согласия премьер-

министра надо мобилизовать пять пехотных полков и семь артиллерийских дивизионов, а также русинскую горную бригаду. Они останутся пока на своих местах. Правительство приняло это к сведению⁷². Тогда же венгерское правительство получило сведения о том, что немцы освободили лидера украинских националистов Степана Бандеру, чтобы он организовал украинцев на борьбу против Советского Союза. Немецким оккупационным властям все больше забот причиняла постоянно возрастающая численность партизан в Галиции, к которым присоединялись недовольные немцами украинцы⁷³.

Подкарпатье и до того было напичкано войсками. Из 26 военных комендатур 8-го кошицкого военного корпуса большинство было размещено в этом крае. Они были в Солотвине, Ставном, Хусте, Усть-Черной, Ясиня, Мараморош-Сигете, Мукачеве, Великом Березном, Селюше, Воловом, Перечине, Рахове, Тячеве, Ужгороде, Воловце. Командование обосновалось около Поляны⁷⁴. И министр внутренних дел принимал свои меры. В циркуляре от 21 сентября Керестеш-Фишер сообщал о расширении территории применения жандармерией оружия. Среди других мест он назвал в Подкарпатье следующие поселения, подвластные жандармским заставам: Кострино, Люта, Жденево, Нижние Верецки, Воловец, Пилипец, Майдан, Воловое, Нижний Синевир, Нижняя Колочава, Немецкая Мокра, Усть-Черна, Ясиня, Квасы, Требушаны, Косовская Поляна. Он просил оповестить и население⁷⁵.

Поздней осенью совет министров одобрил предложение министра хонведов: в целях укрепления дисциплины на предпри-

ятнях, находившихся под военным контролем, рабочих, нарушивших порядок, приведший к упадку производства, после отбытия интернирования собрать в рабочие роты (в Венгрии рабочими называли штрафные роты) и направить на фронт⁷⁶.

Премьер Каллаи рекламировал политику его правительства в отношении национальных меньшинств, провозглашал их полное правовое и фактическое равенство, свободу пользоваться национальными языками. Призывал даже помогать их развитию, как и их национальных культур. Но... строго следить за тем, чтобы это не было использовано во вред безопасности и единства государства. Можно согласиться с Т. Патаки, что политика правительства Каллаи по национальному вопросу не отличалась от политики прежних правительств. Об этом свидетельствует и следующий факт. В конце 1943 года министр промышленности по предложению регентского комиссара Томчани рекомендовал совету министров принять указ, по которому промышленные и торговые объединения в Подкарпатье, вернее их руководящие правления, распускались. Главная причина была в том, что туда были избраны люди, не пользовавшиеся доверием венгров. Но, учитывая то, что венгры и тогда путем выборов большинство в них не получили бы, принято постановление о роспуске старых правлений и назначении новых. Оно касалось и секретарей этих правлений⁷⁷.

Между тем венгерские власти форсировали разбирательство дел прежних лет, которые по разным соображениям держали в подвешенном состоянии. Таким было дело русина столяра М. Гучканюка и его сторонников из Великого Бочкова,

стремившихся отторгнуть Подкарпатье от Венгрии на коммунистических началах. Тот же министр юстиции спрашивал премьера, что делать с другим делом из того же Великого Бочкова – Ивана Романца и его 15 единомышленников. Против них 2-й отдел канцелярии премьер-министра выдал санкцию 3 декабря 1942 года. Но на основе договоренности регентского комиссара с премьером, министром иностранных дел и начальником Генштаба дело временно отложено и участников движения держат под наблюдением. Они не были коммунистами, а выступали за присоединение Подкарпатья к украинскому национальному государству⁷⁸.

Только в 1943 году был предан суду особого трибунала пяти в Дебрецене русин крестьянин Иван Попаденец из Нижнего Селища за то, что он 2 июля 1941 года прочитал в присутствии односельчан письмо своего сына Юрия, бежавшего в Россию, который хвалил дела в Советском Союзе. Тогда же дебреценский прокурор выдвинул обвинение против Петра Варшабюка и четырех его товарищей из Богдана за высказывания против венгерских оккупантов. Та же прокуратура Дебрецена обвинила пожилых лесорабочих из Рахова, украинцев Ивана Шмило и Николая Михалюка, за их надежду на скорую победу Советского Союза и освобождение Закарпатской Украины. В данном деле десятки групповых дел с такими и аналогичными обвинениями⁷⁹.

Венгерский премьер Каллаи также посетил Подкарпатье и в Хусте присутствовал на открытии памятника. В произнесенной им 8 ноября речи он заявил, что русинский народ нашел убежище и сво-

боду в Венгрии, и подчеркнул: без руководящей роли венгерского народа нельзя построить государство⁸⁰.

Об откликах в швейцарской печати на выступление Каллаи в Хусте писал ему посланник в Берне Дьердь Бешшенеи. Он отметил, что сообщение МТИ Венгерского телеграфного агентства газеты поместили на видном месте, но его положение, относящееся к «руководящей роли венгров», послужило поводом для критики как в швейцарских, так и в живущих здесь иностранных кругах. Связана она была с планами переустройства Средней Европы на федеративных основах. Сторонники этого плана считали позицию Венгрии препятствием его осуществления. В рукописи донесения посланник намеревался сообщить Каллаи (но затем вычеркнул) следующее: «С венгерской точки зрения все это вызывает вредную реакцию, ибо, с одной стороны, дает оружие в руки вражеской пропаганды, а с другой стороны, затрудняет работу тех наших друзей, которые во всех направлениях стремятся вызвать понимание сегодняшнего положения Венгрии»⁸¹.

Венгерское правительство внимательно следило за любыми сообщениями, особенно в западной печати, относившимися к Подкарпатью. Венгры использовали любую зацепку, которая давала бы им малейшую возможность рассчитывать на сохранение Подкарпатья в составе Венгрии после войны. Особое внимание ее представители обращали на печать в нейтральных странах.

Так, сообщение в швейцарской *Berner Tagblatt* 13 мая 1942 года в статье о внешней политике Советского Союза: «Насколько бы не выглядело несвоевремен-

ным, Советская Россия сохраняет свой интерес к Подкарпатской Руси», — повергло в уныние правящие круги Венгрии. Не обрадовало их и сообщение во многих газетах этой страны о публикации в «Нью-Йорк таймс» о том, что Советский Союз пообещал гарантировать чехословацкому правительству восстановление старых границ, то есть Москва не стремится приобрести Закарпатье. При любом из этих вариантов Венгрия не могла мечтать о сохранении его за собой⁸².

Венгерский посланник в Лиссабоне Андор Водианер 26 августа 1942 года общал в министерство иностранных дел в Будапеште об обмене нотами между Англией и лондонским чехословацким правительством об упразднении Мюнхенского соглашения. В английской ноте от 5 августа 1942 года заявлялось, что в связи с заявлением Уинстона Черчилля 30 сентября 1940 года оно не признает Мюнхенское соглашение. Министр иностранных дел правительства Чехословакии Ян Масарик ответил Антони Идену с благодарностью. «Дейли телеграф» и «Дейли геральд», комментируя эти ноты, отметили, что это не означает, что Англия во всяком случае будет цепляться за версальские границы. В таком духе высказывались и некоторые другие английские газеты. Упомянутое выступление Черчилля Эдвард Бенеш толковал так, как и на этот раз Масарик. Тогда по поводу интерпретации Бенеша венгерский посланник в Лондоне Дьердь Барца направил ноту протеста госсекретарю Александру Кадогану и указывал, что нейтральная и находившаяся в то время в дипломатических отношениях с Англией Венгрия считает действующими мюнхенские границы, ус-

тановленные между Венгрией и Чехословакией. Незадолго до этого было дано указание ряду венгерских газет ответить британской официальной прессе в Лондоне на опубликованный в ней призыв, в котором Павел Цибере (малоизвестный в Подкарпатье его представитель в лондонском правительстве Чехословакии) призвал закарпатских украинцев саботировать госпоставки, не идти в армию и дезертировать к русским на фронте или к партизанам, продолжать борьбу⁸³.

Венгерские дипломаты собирали любые материалы, которые, по их мнению, помогли бы удержать за Венгрией территории, полученные при поддержке гитлеровской Германии. Весной 1943 года венгерский консул в Женеве Реньеи направил венгерскому посланнику в Берн рукопись профессора Женевского университета Алдо Дами *La Ruthénie Subcarpathique* – Aldo Dami (327 страниц машинописи). Он просил для него материальную помощь от венгерского МИДа (1000–1500 швейцарских франков) и предлагал купить у швейцарского издательства 500 экземпляров книги. Свое предложение мотивировал прежде всего тем, что автор в ней проводит ту идею, что считает Закарпатье органической частью Венгрии. И эта книга могла бы потеснить вышедшую ранее в Париже на французском языке единственную книгу научного характера по этому вопросу парижского профессора Марте́ла Рене под названием *Ruthénie Subcarpathique*. Для тогдашних правителей Венгрии это было тем более желательным, что книга Рене была написана с чешской и проукраинской позиций⁸⁴.

Между тем отношения Венгрии с Германией продолжали обостряться. Этому

способствовал и доклад министра иностранных дел Венгрии Енё Гици на закрытом заседании комиссий по иностранным делам палаты представителей и верхней палаты государственного собрания 13 января 1944 года. Это был самый объемный доклад за все годы войны (37 страниц).

В начале он отметил ухудшавшиеся отношения с Румынией: до 8 декабря румыны в Южной Трансильвании реквизировали у венгров 4,5 тыс. голов крупного рогатого скота, а венгров из этой территории собрали в рабочие лагеря. Затрагивая Московскую конференцию министров иностранных дел союзников, он подчеркнул, что Англия оттягивала открытие второго фронта, а русские были против открытия фронта на Балканах. Солидную часть доклада министр посвятил встрече Иосифа Сталина, Уинстона Черчилля и Франклина Рузвельта в Тегеране. Говорил об активизации внешней политики СССР, о заключении им договора с Чехословакией, выяснил отношения с польским лондонским правительством, которое обратилось к Международному Красному Кресту с просьбой проверить могилы около Катыни. Вслед за этим были прерваны представителем Чехословакии Каролом Рипкой переговоры между Польшей и Чехословакией по поводу Среднеевропейской конфедерации. Причем министр подчеркивал, что план этой конфедерации до известной степени поддерживала и Англия, которая должна была быть «санитарным кордоном» с острием, направленным против СССР. Довольно детально он говорил о движении четников Дража Михайловича, то есть сторонника короля и югославского лондонского правитель-

ства, и о партизанах Иосипа Броз Тито, воевавших против усташей и немцев. Министр напомнил, что летом 1943 года немцам впервые удалось окружить 56–60-тысячную армию Тито, но только с помощью Михайловича, замкнувшего кольцо в Юго-Восточной Боснии. Тито прорвал окружение на участке Михайловича.

После падения Италии Пьетро Бадольо призвал итальянскую армию присоединиться к Тито. Таким образом в руках Тито оказалось вооружение 2-й итальянской армии. Тито направил эмигрантскому правительству меморандум, содержащий требование включить представителей партизан в состав правительств. Не получив удовлетворительного ответа, в ноябре Тито образовал свое правительство и созвал временный парламент. Войска Михайловича на местах заключали с немцами договора о прекращении огня, а иногда и выступали вместе. При этом Михайлович молчал. Учитывая соотношение сил, Гици высказал сомнение насчет возможности закончить партизанскую войну до высадки десанта на континент, но выразил твердую уверенность в открытии второго фронта. Принимая во внимание положение на Восточном фронте, успехи Красной армии, министр сделал вывод, что война приближается к критическому концу. В то же время он хвалил немецкую армию за то, что в России она сдала огромные территории, не нарушив свои ряды. Далее он говорил о том, как Англия и США рассчитывали удержать Россию подальше от сердца Европы и что военный потенциал

СССР якобы иссяк. Восстановить же разрушенное в ходе войны СССР не сможет без помощи англосаксов. Но для англоамериканцев останется война на Дальнем Востоке.

Следовательно, по его мнению, ни одна из сторон не сможет принудить к чему-либо другую. Но остается фактом, что в случае победы союзников Советский Союз будет значительным фактором в установлении порядка в новой Европе, если удастся немного урезать его территориальные претензии. В создавшихся условиях Венгрии нужно подготовиться защитить свои границы. До сих пор «нам удалось» удержать основные силы армии от участия в войне, «но наши материальные ресурсы, к сожалению, ограничены, и теперь и в будущие месяцы нам нужно иметь в виду только один интерес — интерес Венгрии»⁸⁵.

Хотя доклад Гици был сделан на закрытом заседании, его содержание немедленно стало известным Гитлеру. Его агентурой Венгрия была перенасыщена и в верхних эшелонах власти. К тому же во исполнение намеченных в докладе планов Миклош Хорти написал письмо Гитлеру с просьбой отвести венгерские войска с советского фронта на венгерскую границу. Политикой правительства Каллаи Гитлер и ранее был недоволен и предлагал регенту его заменить. Когда этого не произошло, Гитлер, напуганный возможным повторением событий в Италии и потерей очередного союзника, на этот раз Венгрии, решил оккупировать ее⁸⁶.

Глава пятая

В условиях двойной оккупации

19 марта 1944 года гитлеровские войска оккупировали территорию союзной Венгрии. Хорти оставили на своем посту, но правительство Каллаи сместили. Назначили новое, которому оккупанты доверяли. Между тем венгерские органы власти, в том числе и правосудие, продолжали карательные меры против национальных меньшинств, в том числе и против закарпатских украинцев. На помощь к ним подключились гестапо и служба безопасности новых хозяев страны короны святого Стефана. Так, заместитель главного прокурора Дебрецена Шандор Мезё 24 марта 1944 года направил «венгерскому королевскому суду» этого города обвинительный акт за распространение «ложных слухов» против Дмитрия Грабаря из Голубино. В свое время его как полицейского старшину перевели из Подкарпатья в венгерский город Хайдунанаш. Там он, начиная с 1941 года, на работе и в других местах часто повторял: венгерское радио никогда не говорит правду, а газеты не сообщают действительность. Русский солдат вооружен лучше немецкого и

лучше воюет и выиграет войну. Поэтому участие Венгрии в войне не сулит ей ничего хорошего. Нужно ее прекратить и не продолжать бессмысленные разрушения. Его обвиняли за восхваления Бенеша и чехов и за то, что он высказывался за победу не только русских, но и англичан¹.

Положение населения Подкарпатья с последней декады марта усложнилось появлением в крае немецкой полиции и армии. В донесении начальника полиции Берегова министру внутренних дел в Будапеште по этому поводу сказано: в ходе оккупации Венгрии в Берегово прибыло 45–50 немецких полицейских, а 30 марта – примерно 300 немецких солдат. В столовых, пивных и так далее они стали платить марками, выпущенными для территории военных действий. Банки их не принимали. Торговцев с оружием в руках заставляли давать им товары: бросят за них 10–20 военных марок или ничего и уходят с товаром. Из квартир венгров пьяные немцы силой забирали и уносили белье, у одного на 500 пенгё. Немецкий полицейский ка-

питан 31 марта собрал с евреев в Берегове 1 млн. пенгё².

В донесении о политическом и экономическом положении за март 1944 года в тот же адрес начальник полиции Мукачева начал с того, что все правые партии почти бездействуют. Усилилось только коммунистическое движение, но всех коммунистов, о которых знали, интернировали. Отмечал рост цен. О прибытии в город немецких войск он писал, что это у многих подорвало настроение. Не забыл и о бесчинствах пьяных немецких солдат. Упомянул и о том, что русинская политическая партия так и не была образована. «Русины в целом неизменно верят в то, что в скором времени произойдут известные перемены в их пользу, и на этой территории прекратится господство венгров»³.

С 1 апреля 1944 года территория Венгрии восточнее Тисы была объявлена территорией немецких военных действий. Находившиеся там венгерские воинские части переподчинялись немецкому командованию. В спешном порядке начали создаваться три венгерские армии. При этом распоряжением венгерского военного министерства для обучения солдата разрешалось израсходовать по 10 патронов и одной гранате⁴.

Был упразднен регентский комиссариат и назначен правительственным комиссаром Северо-Восточной территории военных действий отставной генерал Андраш Винце. В эту территорию вошло и все Подкарпатье. В новых условиях правительства Стояи особенно свирепствовала венгерская полиция. Начальник мараморош-сигетской полиции доносил в Министерство внутренних дел о выполнении его распоряжения об аресте всех

коммунистов или левых на протяжении 48 часов. По распоряжению солотвинской полиции в Великом Бочкове интернировали даже пожилую вдову бывшего сенатора Чехословакии Ивана Локоты якобы за распространение коммунистических идей. Так же поступили и с Иваном Калиничем, заведующим корчмой в Кушнице, за то, что высказался против поставок скота⁵.

Правительственный уполномоченный занимался и эвакуацией с территории военных действий. 27 апреля он сообщал алишпанам комитатов Унг, Берег, Угоча и Мараморош, руководителям Ужанского, Бережского, Мараморошского административных управлений и градоначальнику Ужгорода, что в ходе эвакуации вывозят материалы, не имеющие с военной точки зрения большой ценности, и мало значащие вещи. И просил для этого не выдавать вагоны⁶.

Премьер-министр Венгрии Деме Стояи 4 мая, ссылаясь на заседание совета министров от 26 апреля, направил директивы министру юстиции Иштвану Анталу, которыми следует руководствоваться как гражданской, так и военной администрации в вопросе по национальным меньшинствам. В этих указаниях повторены фактически все постулаты прежних венгерских правительств в национальном вопросе, подчеркивая необходимость обеспечения спокойствия в интересах страны. Сохранить вес и руководящую роль венгров, но в то же время удовлетворить законные пожелания национальных меньшинств, но только до такой степени, пока они не угрожают единству и целостности государства. Но в то же время власти должны подавлять любые проявления

сепаратистских устремлений: «но умно... не творить лишних мучеников национальных меньшинств».

Основной смысл этого письма заключался в указании на необходимость строго выполнять германо-венгерское соглашение 1940 года, предоставлявшее особые права немецкому национальному меньшинству в Венгрии, и рекомендацию дружить с проживавшими в Венгрии немцами-швабами⁷.

Именно так понял суть директив премьер-министра и начальник Генерального штаба Янош Вереш в приказе от 22 мая, касавшегося отношений венгров с национальными меньшинствами. Все сводилось к тому, что, поскольку судьба Венгрии базируется на союзе с Германией, нужно любить домашних немцев⁸.

Обо всем этом Стояи и Вереш писали как раз в то время, когда военный трибунал начальника Генштаба, на этот раз Вереш, устроил одну из самых беспощадных массовых расправ над русинами-украинцами Подкарпатья. Все началось с того, что 17 августа 1943 года с подмосковного аэродрома Быково в тыл врага в район Драгова была десантирована группа разведчиков в составе семи человек во главе с Ференцом Патаки, о чем упоминалось выше. В ее составе было пять закарпатских украинцев: Степан и Василий Чижмари, Семен Лизанец, Михаил Дякун и Иван Ловга, а также чех Вацлав Цемпер. Лизанец и Дякун были радистами. Их заданием был сбор информации о передвижении войск в сторону Восточного фронта и других данных, интересовавших советское военное командование. Группа успешно работала и вскоре создала мощную сеть, нужную для выполнения зада-

ния, от Хуста до Кошице. Сам руководитель группы, венгр по национальности, в сопровождении радиста Михаила Дякуна перебрался в Будапешт осенью того же года. Ему и там удалось подключить к своей работе ряд помощников, в том числе закарпатских студентов. На протяжении полугода десантникам удалось скрывать свое присутствие и деятельность от венгерских властей. Занимавшиеся этим вопросом Б. Спивак и О. Довганич недоумевали, как произошел их провал, и прибегали к домыслам и догадкам.

О том, что десант осуществлен, власти знали. Они арестовали Петра Ковача из Драгова за то, что он 18 августа 1943 года спрятал для десантников груз, сброшенный с советского самолета. Затем он был интернирован⁹.

28 февраля 1944 года состоялась очередная встреча подпольщиков с тремя членами десантной группы в Хусте на квартире семьи Логойды. Дом окружили жандармы. В неравном бою три десантника — Степан Чижмар, Семен Лизанец, Вацлав Цемпер и три члена семьи Логойды были убиты. Начались массовые аресты подпольщиков, оказывавших помощь десантникам в сборе информации. Жандармерия, действовавшая в Подкарпатье, задержала сотни человек. Срочно была организована выездная сессия военного трибунала начальника Генерального штаба венгерской армии с местом заседания в Мараморош-Сигете, то есть на территории, не входившей в административное управление Подкарпатья, но с 1 апреля ставшей зоной военных действий германской армии. Арестованных венгерские власти называли партизанами. Как писал в одном из своих донесений начальник

комитата Мараморош (не путать с Мараморошским административным управлением Подкарпатья) государственному секретарю министерства внутренних дел Венгрии Ласло Баки, жандармерия передала военному трибуналу 250 «вовлеченных русинов, суд над которыми проходит здесь в Марамороше».

Исследователи-историки, изучавшие этот вопрос, сетовали на отсутствие достоверных архивных материалов для реконструкции разворачивавшихся событий. Вполне допустимо предположить, что документы этого процесса уничтожены или скрыты. Начальником Генерального штаба, которому подчинялся этот трибунал, был генерал Янош Вереш, ставший министром обороны временного венгерского правительства, порвавшего с гитлеровской Германией. Он был лично заинтересован скрыть свои кровавые деяния периода хортизма. Это предположение подтверждается и тем, что он направил министру внутренних дел 5 октября 1944 года копию протокола заседания военного трибунала от 28 апреля. Там рассмотрено выделенное в отдельное производство дело нотари из Нижнего Селища Ласло Даллоша, попа из Хуста Юлия Коссея и учителя Василия Врановского. Согласно этому протоколу, Коссей выдал братьев Чижмарей и партизана Семеона. О них он заявлял Даллошу, говорил на улицах Хуста, рассказывал на квартире хустского попа Русинкова, писал в органы безопасности в Ужгород. В результате это дошло до сведения начальника хустского округа Лайоша Ийеша и руководителя административной экспозитуры Белы Дудинского.

Их арестовали только для того, чтобы отвести от них подозрение остальных

привлеченных к суду. Вереш просил министра своей властью освободить их (сохранив содержание протокола в тайне). Министр внутренних дел Коссея выпустил, а Даллоша уже не было в живых¹⁰.

Характерно, что в донесениях из закарпатских административных управлений, а также из Мукачева и Ужгорода, по этим вопросам многозначительно молчали. Кратко упомянул об этом первым начальник полиции Марамороша в ежемесячном донесении министру внутренних дел за февраль 1944 года. Он сообщил, что 28 февраля в Хусте жандармерия раскрыла партизанское движение, распространившееся на всю территорию Закарпатья и частично Северной Трансильвании. В ходе перестрелки жандармы убили шесть партизан и 14 арестовали. Продолжается процесс раскрытия организаций. Подобных явлений в Марамороше не наблюдается¹¹.

Между тем в Ужгороде были приняты 18 апреля особые правила административного управления на территории военных действий¹².

Позже и начальник комитата Мараморош (соседнего с Подкарпатьем) в донесении государственному секретарю МВД Ласло Баки остановился и на этом вопросе. Сначала он сообщил о брошенных в Соплонц около Тячева восьми партизанах, часть из которых убили, а остальные скрылись. Они были в основном из бежавших из Подкарпатья в Россию после его присоединения к Венгрии. Сбросили примерно по 10 партизан в районах Мукачева и Свалявы. Свалявские парашютисты полностью скрылись, а приземлившиеся около Мукачева вступили с жандармерией в бой. Он ут-

верждал, что в мараморошском комитате нет почвы для партизан. Румыны вообще относятся лояльно, «чего нельзя сказать о русинах, которые в этом отношении вообще не могут быть названы заслуживающими доверия». Причину он видел в существовавшем регентском комиссариате Подкарпатья, простое установление которого сильно раздуло национальную самоуверенность, чему, конечно, способствует и приближение русской армии. На основе опыта он утверждал, что румынское население вместе с нами желает и ждет окончательной победы Германии, в противоположность русинам, которые, в свою очередь, надеются на победу русских.

В отношении суда военного трибунала в Мараморош-Сигете над 250 русинами, завербованными разведчиками для сбора информации, он сообщал Баки, что к этому времени вынесено десять смертных приговоров, пять из которых приведены в исполнение (25 апреля). Еще ждут приговора суда 64 арестованных русина. Начальник комитата хвалил жандармов за «их успехи», а Баки хвалил его за донесение¹³.

Начальник полиции Мукачева в донесении за апрель не упоминал об этом судебном процессе, а рассуждал о росте сил правых партий и о том, что население уже пять недель не получало жиров вообще, а русины уверены, что эти территории будут присоединены к Украине. А в информации за май он писал о распаде правящей партии и усилении других правых партий и образовании, наконец, Русской национальной партии в присутствии 30 человек под руководством Андрея Бродия, Михаила Демко и Александра Ильницького. Они заявили, что их партия

насчитывает 2859 русинов¹⁴. В то же время в Ужгороде распространялась листовка за подписью президиума Краевой национальной рады с призывом создавать на фабриках и заводах национальные советы, быть готовыми взять власть. Это было совместное воззвание подпольщиков и партизан. На следующий день центральный следственный отдел жандармерии оповестил об образовании Закарпатского национального совета — правительства. В донесении начальника полиции Мукачева также сообщалось, что 24 мая из города вывезено 33 тысячи собранных там евреев¹⁵, не указывалось куда.

Еще в начале второй декады мая следственный центр жандармерии информировал МВД о мощном партизанском движении в Закарпатье и возможном предстоящем его усилении¹⁶. Он не ошибся. Вслед за этим часто поступали сообщения о столкновениях партизан с войсками и оценка их в Генштабе Венгрии. 24 мая в Подкарпатье рота венгерских солдат вела бой с партизанами в селе Ганьковица, на север от Свалявы и на восток от дороги на Поляну¹⁷.

В донесении руководства военными предприятиями из Свалявы командованию 8-го кошицкого корпуса о настроении в мае 1944 года указывалось, что нет пищи, обуви и т. д., а рабочие требуют повышения заработной платы. Производство падает в основном из-за отсутствия сырья. В связи с партизанским движением военные предприятия Свалявы, Кушницы, Майдана, Волового требуют охраны. Почти нет семьи, из которой кто-то не бежал бы в СССР. Теперь они возвращаются в качестве партизан, и их боятся. Предназначенные для борьбы с партизанами от-

ряды не могут справиться с этой задачей, так как нет у них настроения на самопожертвование, и отсюда вытекает волынка, безрезультативность. «Может быть, не нарушу границу дозволенного, если скажу, что бояться». Однажды напали на партизанский отряд во время ужина, но вместо того, чтобы их окружить, начали постреливать издали и дали им возможность уйти. А в другом случае уже окруженной группе позволили прорваться¹⁸.

Сохранился протокол совещания военных от 10 июня 1944 года, на котором рассматривались массовые заявления на перевод фабрик и заводов в состояние военных предприятий. Целью ставилось прикрепить рабочих, заморозить заработную плату, обеспечить их сырьем и продовольствием централизованным способом. Из списка было исключено 57 мельниц. И без того на 10 тыс. военных предприятий еще не установлен военный контроль. Военных начальников на предприятиях призывали полностью искоренить политическую агитацию. Представитель 8-го военного корпуса признавал, что на его территории действуют партизаны и парашютные десанты. Противодействие им слабое. Уполномоченный правительства в Подкарпатье не предпринимает мер. На военных предприятиях оружия нет и применять его не разрешено. Раньше было выдано оружие и боеприпасы для военных предприятий, но позже их отозвали¹⁹.

Для облегчения борьбы с партизанами Винце и военные руководители экспозитур в июне предложили премьер-министру Стояи снять надписи кириллицей на дорогах, магазинах, станциях, селах и т. д. Стояи не согласился, считая, что это вы-

зовет у населения догадку об очень тяжелом военном положении²⁰.

10 июня министр внутренних дел направил всем начальникам административных управлений Подкарпатья и военным комендантам прифронтовой территории распоряжение расширить сеть слежки, всех строго проверять и усилить борьбу против партизан²¹.

Между тем закончилось разбирательство дел военным трибуналом в Мараморош-Сигете против арестованных русинов, обвиненных в содействии парашютистам-разведчикам. Среди них был и разведчик-десантник, единственный арестованный тогда из группы Патаки, Василий Чижмар. 33 патриота-антифашиста были приговорены к высшей мере наказания — смертной казни. Над частью из них решение суда было приведено в исполнение в мараморош-сигетской тюрьме, а 21 осужденного одновременно, для устрашения населения, казнили по месту жительства 17 июня в Хусте, Севлюше, Чернотисове и Текове, устроив публичную расправу. В этот день погибли Василий Попадинец, Михаил Калинич, Иван Дякун, Елена Гандера, Михаил Гечка, Евгений Лейзман, Петр Роман, Юлий Уйфалуши, Михаил Панько и другие²².

В момент начала арестов подпольщиков в Хусте (28 февраля) Ференц Патаки находился в Будапеште, где выполнял задание с помощью антифашистов, с которыми уже был налажен контакт. Он жил в столице и пригородах Будапешта, постоянно меняя место передач по радиации. Обстановка в столице Венгрии была напряженной до предела. Германия готовилась к оккупации своего союзника, правительство которого вызывало подозрение.

В германских правящих кругах был разработан план «Маргаретта». Наличие его и намерение гитлеровцев оккупировать Венгрию было последним его сообщением в Москву, переданным 17 марта, за два дня по приведения плана в действие. В день ввода германских войск в Венгрию 19 марта 1944 года, возвращаясь с задания с рацией в сумке, его радист Михаил Дякун заснул в трамвае и на конечной остановке в районе Неплигета был схвачен полицейскими, его замучили на допросах. Вскоре был схвачен и Патаки. Его держали сначала в тюрьмах Будапешта, затем в Берегове и Ужгороде. Не добившись желаемых показаний, в конце августа 1944 года специальный трибунал начальника Генерального штаба венгерской армии в Ужгороде приговорил Ференца Патаки к смертной казни. Но привести приговор в исполнение сразу хортисты не решились. В сентябре 1944 года Красная армия, выполняя свою освободительную миссию, вступила на венгерскую землю. Отступавшие в обозе гитлеровцев их венгерские квислинги прихватили с собой и свои жертвы. Уже после государственного переворота, падения хортизма и захвата власти нилашистами Ференц Патаки вместе с 10 другими патриотами был казнен в пограничном с Австрией городе Шопроне 4 ноября 1944 года²³.

В то же время хортисты в условиях немецкой оккупации истребляли инородцев и другим путем. Встречаются среди них и закарпатцы. Так, 29 июля 1944 года начальник Генштаба сообщал воинским частям и подразделениям, что военный трибунал 19-й запасной дивизии приговорил 12 июня служившего в 44-й саперной роте Ивана Мазюту за попытку к де-

зертирству к смертной казни, и в тот же день он был казнен²⁴.

Между тем партизанское движение в Закарпатье набирало силу. Способствовала этому и активная деятельность украинского штаба партизанского движения, возглавлявшаяся генералом Строкачем. Среди эмигрировавших в СССР в 1939–1940 годы и среди перешедших на сторону Красной армии на Восточном фронте отбирались добровольцы, которые заканчивали специальные курсы и проходили практику в известных отрядах и соединениях, действовавших в тылу противника на Украине и на территории Польши. В 1944 году украинский штаб партизанского движения направил в Закарпатье целый ряд небольших партизанских групп с целью оказания помощи населению края, боровшегося против как венгерских, так и немецких оккупантов. Они, как правило, комплектовались на интернациональной основе, но были среди них и со специфическими заданиями представители венгерской и чехословацкой эмиграции в СССР. Среди них были группы Г. Володина, И. Мельникова, С. Сопилкова, И. Маслова, В. Лаврова, И. Косика, А. Тканко, Д. Усты, И. Пришепы, В. Русина, В. Буянова, В. Хоменко, М. Перечинского, И. Капитана, Я. Ванягина и других. Часть из них переросла в соединения и отряды, как Тканко, Русина, Усты и Пришепы, а также Перечинского. Об их боевых действиях и успехах создана большая литература, особенно мемуарного характера²⁵. Краткое удачное обобщение научного характера дано во втором томе очерков истории Закарпаття²⁶. По мере расширения партизанского движения украинский штаб переподчинял отряды

партизан сопредельным фронтам. Так, отряд Перечинского был передан 11 сентября в распоряжение Первого Украинского фронта. По приказу Строкача от 7 октября отряд Усты – Прищепы был передан в подчинение полковника В.С. Погребенко, действовавшего в качестве представителя партизанского штаба при военном совете Четвертого Украинского фронта²⁷.

В Подкарпатье в то время борьбу против партизан совместно вели карательные органы двух стран – Венгрии и Германии. Просмотр донесений гестапо и органов СД, действовавших на этой территории, свидетельствует о том, что они сообщали в Берлин информацию, полученную от своих венгерских коллег. Да и у тех было не много точных сведений о количестве десантных групп, отрядов, соединений, действовавших в крае, их численном составе, масштабах поддержки их населением. Во втором томе «Очерков» сказано, что летом и осенью 1944 года территория Подкарпатье от Волосянки на Великоберезнянщине до Нижнего Быстрога на Хустщине была охвачена пламенем партизанской войны. В составе отрядов и соединений насчитывалось почти 1700 бойцов, которые провели более 130 боевых операций и поддерживались значительной частью населения края.

Учитывая такое состояние вопроса и тот факт, что в научной литературе почти не использовался материал различных центров венгерских карательных органов о борьбе с партизанами, приведем выдержки из некоторых донесений. Так, в секретной ежедневной сводке отдела следственного центра жандармерии от 20 июня 1944 года наряду с другими фактами по стране сообщалось, что из десантников,

высаженных возле Мукачева в начале мая, до 18-го восемь человек убиты. 18-го произошло столкновение возле Нижнего Синевира партизан с лесниками и жандармами, а 19-го жандармский патруль вел борьбу с группой партизан на север от Поляны. 19 июня произошло столкновение жандармов с беглыми солдатами возле села Счастлиное в Подкарпатье. 15 июня в Хусте рабочие на перегонном заводе взорвали 27 бочек нефти и 127 – смеси бензина со спиртом. 20 июня 25/20 рота в бою с партизанами потеряла двух солдат убитыми²⁸. 27 июня сообщалось о партизанах в долине Латорицы. За четыре дня до того поступили сведения о действиях партизан в Верхнем Студеном за 8 километров от Лавочного.

Только в сводку за 12 июля попало сообщение о десанте на Полонине Руной, и то не точно. Высадка состоялась 9-го, а в сводке сообщалось, что 10-го. Тогда туда прибыла первая часть партизан из группы А. Тканка, вскоре переросшая в партизанское соединение, насчитывавшее более 800 бойцов. Но конкретно венгерские власти ничего не знали. В тот же день они сообщали о бое с партизанами возле Ремет, в котором было убито три венгерских солдата. После этого Полонина Руна часто фигурировала в донесениях, в том числе и за 26 июля²⁹. В сводке центрального следственного отдела жандармерии за 25 июля сообщалось, что в окрестностях Извора (Свалявский округ) поймали партизанку, называвшуюся Раисой Шевцовой, которая заявила: их, 11 десантников, сбросили еще 10 марта 1944 года, и пятеро из них уже погибли. В том же документе содержалась информация и о том, что партизаны 22 июля побывали в селении Оленёво

на Свалявшине и в тот же день в Пастилках на Перечинщине, в том числе среди них была и женщина³⁰.

В информационном же сообщении Генерального штаба венгерской армии от 25 июля содержалось сообщение, что в районе Сколе (Нижние Верещки) 10 венгерских солдат-связистов столкнулись с партизанами на горе Лиза. Один солдат убит, остальных увезли в лагерь, где находилось около 300 партизан. Солдат там отпустили, но без оружия. В этом же документе помещены такие сведения: к этому времени в Закарпатье — Сваляве, Перечине, Тересве, Хусте, Рахове и трех городах — Ужгороде, Мукачеве и Сигете было сосредоточено 13 115 тонн боеприпасов, что достаточно для 38 пехотных дивизий или четырех армий³¹.

С приближением фронта непосредственно к венгерской границе властей все больше беспокоила проблема эвакуации. В одном из дел документов правительственного комиссара Северо-Восточной территории военных действий Андраша Винце сосредоточена его переписка с начальником Генерального штаба венгерской армии Яношем Верешем, точнее инструкции последнего, на основе которых он рассылал распоряжения о том, что фронтом обозначена территория в 50 километров. И с нее не нужно мешать бежать венграм, членам их семей, а также немцам и русинам, сотрудничавшим с оккупантами, которым грозит смертная казнь. Им предписывалось оказывать помощь, брать на порожний транспорт и так далее. Ужгород и Мукачево не входили в пятидесятикилометровую полосу. Но беженцев разрешалось поселять только на левом берегу Тисы, однако указыва-

лось мешать тем, которые хотели бежать и с других территорий³².

Начальник Генерального штаба 28 июля распорядился полностью эвакуировать карпатскую оборонительную систему. Поручено это было 8-му кошицкому военному округу. Кроме того, он приказал дальнейшее приспособление северо-восточной части Закарпатья к эвакуации территории военных действий, с последующим вывозом оттуда людей, что тоже было возложено на тот же военный округ. Как это замышлялось, свидетельствует телеграмма начальника Великоберезнянского округа в адрес ПКСВТВД, в которой он сообщал, что эвакуации с территории округа (48 сел) подлежат 34 427 русинов, 567 венгров и немцев, 8818 голов крупного рогатого скота и 2727 лошадей. Для венгров и немцев он просил 120 15-тонных вагонов. Русинов он предлагал переселить в район Турья Ремет³³.

Но уже 12 августа, когда затея оказалась неосуществимой в связи с быстро менявшейся обстановкой на фронте, Винце с согласия начальника Генерального штаба и командования 1-й венгерской армии отменил вывоз с этой территории всего гражданского населения. Однако он подчеркивал: остаются в силе упоминавшиеся в этих двух распоряжениях места об использовании всех военнообязанных, левенте, лошадей и повозок этих территорий. Остаются в силе и места о добровольном выселении оттуда отдельных лиц и их имущества.

В то же время он предписал провести эвакуацию территорий военных действий на следующих ее частях: в комитате Мараморш — округ Верхней Вишовы; на территории Закарпатья — полностью ок-

руга Велико-Березнянский, Перечинский, Нижне-Верецкий, Воловской, Раховский и Свалявский. Из Иршавского округа — села Лисичево, Кушница, Суха Бронька, Долгое, в Хустском округе — Липецкую Поляну, Березово и Нижний Быстрый, в округе Тересвянской долины — Немецкую Макрую, Руськую Мокру, Луково, Усть Черную, Красную, Дубовое, Тарасовку и Широкий Луг. Он отменил все прежние распоряжения, и начальники округов становились председателями комиссий по эвакуации³⁴.

В МВД в Будапеште 5 августа зарегистрировали документ под названием «Коммунистическое движение в Подкарпатье». В нем отмечалось, что в Закарпатье проживает «большое число» населения коммунистического настроения. Оно ожидает победы русских и их прихода в свой край. В начале квартала особенно заметным было движение, которое могло служить интересам коммунистов, в принадлежащих к Солотвинскому управлению Рахове, Великом Бочкове и Дубовом. Руководители и опасные члены этих организаций были интернированы, и поэтому усиленно проводившаяся работа ослабла. Удаление с территории Закарпатья не внушающих доверия и подозреваемых в коммунизме продолжается и на основе распоряжения правительственного комиссара территории военных действий³⁵.

В середине августа советник германского посольства в Будапеште Файне потребовал, чтобы венгерский министр иностранных дел заключил с хорватским министром договор о пропуске венгерских войск для борьбы с партизанами на хорватской территории. Немцы упорно добивались участия венгерских войск в

борьбе против партизан на Балканах, но венгерское правительство с такой же последовательностью уклонялось от этого. Обсуждая этот вопрос, теперь оно согласилось на переход венгерскими войсками хорватской границы на глубину до 10 километров³⁶.

Они не справлялись с партизанами и на собственной территории. Приведу только несколько фактов, относившихся к Подкарпатью августа 1944 года. 3 августа происходили бои партизан в Симерках с семью жандармами из Черноголовой. В последний день июля аналогичные бои велись и на востоке края в окрестности Ясиня. 2 августа партизаны с карателями сражались северо-восточнее Перечина, и в окрестностях Березников, и в Буковцах около Свалявы. 8 августа высадился десант парашютистов севернее Нового Села Береговского округа. На северо-западе края партизаны в тот же день на лесопилке в Лютой разоружили сторожей. 16 августа в сводке о левых движениях сообщалось об усилении партизанского движения в Закарпатье, а также сведения об активизации его в Свалявском и Воловском округах. В обобщении партизанского движения с 15 по 22 августа приведены 22 случая о его активности в разных местах³⁷. 25 августа партизаны из соединения Тканко (около 60 человек) в долине Шипот у Полонины Руной напали на лагерь интернированных Бела Таня. Охрану разоружили и раздетой отпустили, а узников освободили. Позднее жандармское управление уточняло: там было 53 человека охраны и 74 интернированных рабочих³⁸.

В августе правительство заявило о роспуске всех политических партий. Это уже

сделало правительство генерала Лакатоша. Оно было создано по замыслу Хорти с целью поиска выхода Венгрии из войны. Правые считали правительство Лакатоша правительством среднего класса, и, по их мнению, по отношению к ним реакционным и презирали его. Партийную работу не прекращали. В этом вопросе и само правительство не было последовательным. Канцелярия премьер-министра 17 августа предприняла экстренные меры для организации издания в Подкарпатье газеты на русском языке. Для этого специально из Будапешта был командирован туда главный королевский советник Геза Люке³⁹. Но и он не смог ничего сделать.

В связи с изменениями на Восточном фронте, овладением войсками Красной армии южно-трансильванскими перевалами и движением их в направлении Венгерской низменности, боясь окружения в районе Северо-Восточных Карпат, венгерское командование начало постепенно отводить войска на границы Венгрии. Как это отразилось на положении населения Закарпатья, свидетельствует жалоба нотари из Майдана правительственному уполномоченному Андрашу Винце в Ужгороде о том, что отступающие солдаты «взламывают, воруют, грабят, забирают свиней, картофель, сено, уничтожают урожай и ничего не платят»⁴⁰.

Правящие круги не прекращали борьбу и против своих политических противников, хотя и не переставали призывать население к сплочению против внешних врагов. Как отмечалось в донесении политической полиции Будапешта в МВД, один из двух следственных отделов за левыми движениями, с целью тесного сотрудничества с жандармерией, обосновал-

ся в столице на Чиллагхедь, где занимался в основном раскрытием и следствием Партии мира, Народным фронтом и партизанами. В этом же документе говорится, что 22 августа на заводе Манфреда Вайса во время воздушной тревоги был взорван склад магнезии, взрыв осветил весь город. Это позволило полиции предположить диверсию с целью подачи сигнала⁴¹.

29 августа немецкие следственные органы СД в Будапеште арестовали Марию Балью, студентку по философской специальности, родом из Берегова, за распространение листовки, подписанной «Свободный фронт студентов». В названной ею квартире было найдено около 700 штук подпольных листовок, подготовленных к отправке почтой, и большое количество записок о движении. Арестованную женщину вместе с найденной у нее продукцией подпольной печати немецкая служба безопасности передала следственной группе в Чиллагхедь. Там она была по-новому допрошена и сообщила, что распространение листовок путем почты поручил ей инженер, фамилию которого она не знает. Начальник группы включил и этот факт в донесение центру государственной безопасности МВД от 30 августа и отметил, что допросы Балью продолжаются⁴². Дальнейшую судьбу 21-летней студентки университета проследить не удалось.

В сентябре — октябре борьба против оккупантов усилилась и соединилась с освободительной миссией войск Красной армии. В сводке следственного центра жандармерии от 12 сентября 1944 года о ежедневных событиях сообщалось о действиях партизан в Берегском комитате, в том числе о том, что 8 сентября в селе Яловое было около 20 партизан, кото-

рые затем ушли в направлении Жданёва. 12 сентября партизаны вели борьбу и в Иршавском округе в селениях Локоть и Ивашковица. Их там было 30 человек. В тот же день аналогичные бои велись в Подобовце и Тюшке Мараморошского административного управления, на следующий — в селе Голубино (Берегское управление). По донесению командования дополнительного карпатского отряда хонведов 16 сентября 100 партизан в окрестностях села Дусина (10 километров юго-восточнее Свалявы) уничтожили телефонную связь и увезли с собой главного нотариуса. На следующий день они действовали в селениях, расположенных вблизи Свалявы, в том числе в Лопушанке. 18-го партизаны вели бой с жандармами в селе Счастливое, в котором погиб жандармский старшина Йозеф Домбовари. На помощь жандармам из Мукачевы были высланы воинские силы⁴³.

Власти предпринимали и другие меры с целью умиротворения населения. Так, во 2-й отдел канцелярии премьер-министра 14 сентября поступило донесение начальника комитета Мараморош Соплонцаи об арестах населения с целью реторсий. Осталась запись ответа отдела на бланке: «Мы сделали нужные шаги для мараморошских реторсионных арестов, и поэтому больше нечего делать»⁴⁴. Партизаны, в свою очередь, не прекращали борьбу. 16 сентября они действовали в селе Керещки. 18-го 10 партизан в венгерской и немецкой форме проводили работу среди населения в Лисичеве. 21-го народны мстителы вели борьбу с жандармами в Оленёво и в Загатье, а в Вучковому — с военными патрулями. 20 сентября в селе Вышка (недалеко от Ставного) три

партизана попросили у жителя села и получили питание. Один из них был в немецкой, а два в русской форме. В тот же день в селе Люта было пять советских партизан. В центр власти сообщали о боях жандармов с партизанами 24-го в Стужице, а на следующий день в Волоськом⁴⁵. В последний день сентября в Чинадиеве поезд подорвался на mine.

В октябре особо активизировались отряды соединений Тканка, Русина и объединенный отряд Усты — Прищепы: 2-го между Камяницей и Перечином был взорван военный поезд, 5-го между Беней и Вилоком и в Великом Березном пустили под откос поезд. 7 октября партизаны сражались с неприятельскими войсками в Лесарне (Бережское управление) и в многих местах в Ужанской долине, в том числе и в Буковцове. На Мараморошине в Дубовом партизанский отряд из 35–40 человек разоружил военную охрану, один венгерский солдат-русин добровольно ушел к партизанам. В тот же день доносили о партизанах в Великих Лазах, под Ужгородом. 12-го они свободно передвигались в Квасово (Берег) — 30 человек, Раково на Ужанщине — 40 человек. 15-го партизаны объявились в Шаланках и вступили в бой с жандармами. В день государственного переворота в Будапеште (15 октября) в Дубовом партизаны разоружили противоздушный военный пост. На следующий день партизаны очутились в Анталовцах, фактическом пригороде Ужгорода, 17-го в Бабич-Покутье напали на находившуюся в селе роту венгерских солдат и один взвод роты разоружили. То же произошло и в отношении роты, находившейся в Крайней Мартинке. Писали и о событиях, происходивших в те дни в Зад-

нем по поводу столкновения населения с вражескими войсками⁴⁶.

Партизанское движение в Закарпатье затрагивалось в трудах многих историков, но в основном по отчетам его руководителей. Вышеприведенные материалы показывают, как оно отражено в документах тех венгерских сил, которые вели борьбу с ним с целью его удушения. Однако несмотря на все их усилия, они не смогли реализовать свои намерения. Для подведения итогов приведу данные, опубликованные в первые годы после войны и поэтому самые достоверные. Так, партизанская группа А.В. Тканко за короткое время с 12 человек выросла в партизанское соединение, объединявшее 883 человека. Десантный отряд В.П. Русина вырос с 17 человек в соединение, насчитывавшее более 200 партизан, и так далее⁴⁷.

По неполным данным, закарпатские партизаны с июля по ноябрь 1944 года уничтожили 3600 вражеских солдат и офицеров, 1663 взяли в плен, вывели из строя 24 паровоза, 218 вагонов и платформ, 25 автомашин, подорвали 5 мостов, 3 склада и так далее⁴⁸.

Положение населения края в последний год венгерской оккупации отразилось и в менявшейся позиции такого ярого прислужника хортистов, каким был главный советник при всех регентских комиссарах Ильницкий. Вдруг он еще в начале февраля 1944 года поднял вопрос о «рабочих ротах», комплектовавшихся из представителей национальных меньшинств. «Это предприятие, — даже по его мнению, — произвело на Закарпатье неслыханно плохое впечатление». Целую массу людей, рабочих в течение многих месяцев, в большинстве весь год, использовали военные.

В своей одежде, оборванных, на фронте или далеко от дома в задунайских шахтах при плохом обращении⁴⁹.

Такое положение не изменилось и через 8 месяцев. 6 октября правительственный комиссар территории военных действий в Ужгороде получил сообщение от военных властей о необходимости обмундировать, точнее, одеть русинов, собранных в военные рабочие роты. Заметим, что это происходило тогда, когда уже в течение целой недели войска Красной армии постепенно овладевали всеми восточно-карпатскими перевалами и вели бои по всему фронту на территории Закарпатья. Как отмечалось в этом документе, в казармах Ньиредьхазы с 8 августа размещены русинские рабочие, которые были несколько месяцев на фронте, и их гражданская одежда, белье столь неполное и ветхое, что с наступлением первых морозов они не смогут выполнять никакую работу. Огромное количество народа, 5–6 тыс. человек, без одежды и обуви, с обмороженными ногами вместо рабочей силы станут обузой, и их придется лечить. 3 октября сюда прибыли первые 49 человек из рабочих рот тех тысяч русинов, которых запросили через 8-й военный округ. Из них 40 босых, а девять — в очень ветхой обуви, у 36 нет одеял, а 6 из них настолько оборванные, что их появление вызвало всеобщий скандал. Уполномоченный правительства не нашел ничего лучшего, как предложить облечь таких в одежду, оставшуюся после вывоза евреев из страны⁵⁰.

Дни венгерских оккупационных властей были сочтены. Им приходилось задумываться над последствиями своих деяний. Центральный правительственный

уполномоченный Читари в телеграмме в адрес Винце сообщал, чтобы тот обратил внимание на распоряжение начальника Генерального штаба от 7 октября, имеющее большую важность: «прекратить лишние разрушения» и строго следить за его исполнением⁵¹.

Однако Винце не унимался. Все мужское население в Ужгородском округе было мобилизовано на сооружение укреплений. Когда к нему обращались (12 октября 1944 года) представители местных властей с просьбой отпустить часть его на сельскохозяйственные работы, он взамен хотел получить еще больше мужчин на военные работы⁵². К этому времени венгерский МИД получил донесение из Берна о том, что 6 октября опубликованы условия союзников для капитуляции Венгрии. Выдержки из ряда газет и вырезка из *Daily Sketch* с требованием отвести венгерские войска за трианонские границы, выступить против германской империи, предоставить свою территорию для антинемецкого похода⁵³.

Еще почти за три недели до этого, 18 сентября, швейцарская газета *Der Bund* обсуждала судьбу Закарпатья — останется ли оно в Венгрии или перейдет к Чехословакии? Автор статьи ставил вопрос: не намерен ли Советский Союз наложить руку на этот населенный украинцами край? Вряд ли можно поверить, что нуждающийся в поддержке России Бенеш осмелился бы противостоять русским, если бы такое требование возникло⁵⁴. Не остались в стороне и провенгерски настроенные круги в Швейцарии. В обзоре печати за октябрь венгерского посольства из Берна в основном обращено внимание на условия перемирия для

Венгрии. В некоторых статьях затрагивался вопрос и о будущих границах. В *Gazette de Lausanne* от 6 октября 1944 года содержалось высказывание за сохранение за Венгрией территорий, перешедших к ней по Венским арбитражам. Алдо Дами в той же газете в четырех колонках «смело себя защищал» от обвинений в «ревизионизме» и «мюнхенизме» и отстаивал захваченные Венгрией территории⁵⁵.

Журналисты не были в курсе намерений хортистов. Пределом их мечтаний было прибытие англо-американских войск хотя бы на небольшую территорию в Задунайском крае. Миссия генерала Надаи в англо-американский штаб в Касерте (Италия) успеха не имела. Там Венгрии порекомендовали, если она намерена просить перемирия, обратиться в Москву. После этого венгерская делегация во главе с главным инспектором жандармерии армейским генералом бывшим военным аташе в Москве Габором Фараго была тайно направлена в столицу Советского Союза. Получив от Молотова условия союзников о перемирии, он сообщил их Хорти. Венгерский регент, приняв их, попросил советское правительство приостановить наступление на фронте на три дня для подготовки условий их выполнения. Просьба была удовлетворена. Но под влиянием бесед с гитлеровскими эмиссарами он передумал, подал в отставку и попросил убежища в Германии. Эти события произошли 15–16 октября. Хорти передал власть Ференцу Салашу, и Венгрия продолжила войну на стороне Германии, оставшись последним ее сателлитом.

15 октября, услышав зачитанное от имени Хорти обращение к населению, якобы он только сейчас просит от союз-

ников условия перемирия, начальник Марамошского комитета писал уполномоченному правительства на территории военных действий Винце, что положение тяжелое, у него нет власти, но и военные не имеют достаточных полномочий: «Уже и благосклонные румыны против нас». Заявление же регента вызвало у него разочарование. До сих пор убеждали население о конечной победе на стороне Германии, «теперь все пропало». И закончил, что гражданская война неизбежна⁵⁶.

Вопросом судьбы Закарпатской Украины интересовались многие. Венгерский посланник Вилмош Бём уже после войны (8 мая 1946 года) доносил из Стокгольма министру иностранных дел Яношу Дьён-дьёши о своих беседах в Праге, в том числе и с президентом Эдвардом Бенешем. Последний заявил, что Чехословакия должна быть чисто национальным государством, поэтому он хочет удалить национальные меньшинства. Этим он руководствовался и в вопросе Закарпатья. «Для меня было совершенно новым, — писал Бём, — что сказал мне совершенно секретно президент». Якобы он был инициатором отделения Закарпатья от Чехословакии еще в 1939 году. Якобы он предложил Закарпатья Советскому Союзу, чтобы тем путем освободить Чехословакию от украинского национального меньшинства и обеспечить стране возможность преобразоваться в национальное государство. Это предложение он держал в тайне всю войну, и только после ее окончания оно было осуществлено⁵⁷.

В. Бём сомневался в этом и в донесении дважды употребил слово «якобы». На самом же деле Эдвард Бенеш два раза в

1939 году поднимал этот вопрос в беседах с полпредом СССР в Великобритании И.М. Майским, первый раз — при встрече 22 сентября. По записи в дневнике Майского, в отношении «Рутении» (Карпатской Украины) Бенеш высказал мнение, что она непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословацкой республики Бенеш мысленно всегда считал «Рутению» будущей частью СССР. Бенеш просил только устроить так, чтобы СССР имел общую границу со Словакией, доносил Майский. Вторая встреча Майского с Бенешем состоялась 21 ноября. По интересующему нас вопросу у Бенеша уже возник и альтернативный вариант. Он допускал федеративную связь Чехословакии с Советским Союзом, из чего вытекала необходимость установления общей границы между этими странами путем включения Карпатской Украины в состав либо Чехословакии, либо СССР. Бенешу безразлично, сообщал Майский, какая из этих двух альтернатив будет принята. Ему важна лишь общая граница между обоими государствами. Венгрия не имеет ни малейших прав владеть Карпатской Украиной⁵⁸.

В 1944 году нередко уделяли внимание Закарпатья. Так, еще 22 апреля в газете Picture Post была опубликована статья, озаглавленная «Рутенская земля ждет русских», в которой подчеркивалось: в течение тысячи лет рутены по существу оставались слугами венгерских господ. С годами росла их духовная и материальная бедность. В Европе не было более низкого уровня жизни, чем у полумиллиона русинов. По поводу борьбы в годы Второй мировой войны против венгерских оккупантов в статье отмечено, что

«ее ведет физически и человечески» хороший народ, в том числе гуцулы. Затрагивая проблему перспективы, автор статьи предсказывал, что Закарпатье станет мостом, который свяжет с Востоком и Чехословакию, и Венгрию⁵⁹.

В отношении мечты и желания украинского населения Закарпатья в этой статье удачно подмечена надежда на помощь Красной армии. Она тогда представляла собой единственную силу, способную освободить край из-под двойного гнета — гитлеровской и хортистской военщины. Постепенно вся территория Закарпатья стала территорией военных действий. Укрепления в Северо-Восточных Карпатах на линии Арпада заняла 1-я венгерская армия. Она должна была защищать венгерскую границу на этом участке вместе с 1-й немецкой танковой армией генерал-полковника Хайнрици, в подчинении которого она находилась. В составе группировки насчитывалось 10 немецких и 8 венгерских дивизий с приданными частями, всего 300 тыс. человек. Готовилось крупное наступление войск Второго и Третьего украинских фронтов против группировки армий противника «Южная Украина» в районе Яссы — Кишинев. У командования Первого Украинского фронта вызрела идея продолжить наступление севернее Карпат с выходом в Германию и осуществить то же с юга войсками Второго и Третьего украинских фронтов, оставив с обеих сторон горного массива заслоны, минув борьбу в горах.

Ставка Верховного главного командования решила по-другому. 30 июля 1944 года она создала на стыке Первого и Второго Украинских фронтов Четвертый Украинский фронт с целью преодоления севе-

ро-восточного хребта Карпат и выхода на Венгерскую низменность. Через неделю в его состав были включены 1-я гвардейская армия (командующий генерал-полковник А.А. Гречко), 18-я армия (командующий генерал-лейтенант Е. П. Журавлев), 8-я воздушная армия (командующий генерал-лейтенант В.Н. Жданов), 17-й гвардейский корпус (командующий генерал-майор А.И. Гастилович), 1-й чехословацкий корпус и целый ряд приданных частей. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник И.Е. Петров, а начальником штаба — генерал-лейтенант Ф.К. Корженевич и членом военного совета — генерал-полковник Л.З. Мехлис.

Выполняя директивы Ставки, войска Четвертого Украинского фронта медленно продвигались в направлении восточно-карпатских перевалов. 6 августа они овладели Дрогобычем, а на следующий день — центром нефтедобычи Бориславом. 15 августа Ставка разрешила Четвертому Украинскому фронту временно перейти к обороне. Новое наступление намечалось на 28 августа. Но за два дня до того оно было отменено.

Между тем 20 августа войска Второго и Третьего Украинских фронтов начали Яско-Кишиневскую наступательную операцию и в течение последующих четырех дней разгромили основные силы противника в этом регионе. 24 августа началось восстание в Румынии, и она заявила о выходе из гитлеровской коалиции. 12 сентября в Москве Румыния подписала перемирие с союзниками и перешла на их сторону в борьбе против германской коалиции. Это дало возможность войскам Второго Украинского фронта выйти на Венгерскую равнину и продолжить наступ-

ление с юга в обход Чехословакии. По свидетельству начальника Генерального штаба С.М. Штеменко, отпала необходимость брать карпатские перевалы большой силой лобовым ударом⁶⁰.

Однако обстановка так быстро менялась, что приходилось менять планы стратегических наступлений отдельных частей. В Словакии началось национально-освободительное восстание. Силы патриотов и немецких карателей были неравны. Восставшие обратились к советскому правительству за помощью. Правительство и Ставка верховного главнокомандования приняли решение удовлетворить просьбу и наступать в направлении Карпат. Решение, как отмечал К.С. Москаленко, «невыгодное в военном отношении, но необходимое политически»⁶¹.

Оно было принято 2 сентября. Основной смысл его: подготовить и провести в помощь национальному восстанию наступательную операцию частью сил Первого Украинского фронта. Командующий фронтом И.С. Конев возложил эту задачу на правофланговую 38-ю армию, предварительно договорившись о передаче в ее распоряжение 1-го чехословацкого корпуса из Четвертого Украинского фронта и нанесении вспомогательного удара в районе Санок одним из корпусов этого фронта. 4 сентября командующий 38-й армией Москаленко получил уточненную директиву фронта. На подготовку наступления давалось пять дней и столько же на его осуществление. Нужно было прорвать оборону противника в Восточных Бескидах и через Дуклинский перевал выйти в район Старой Любовни и Пряшева, после чего соединиться с

повстанцами в Словакии. Наступление в Карпатах затянулось по различным причинам на 2,5 месяца.

Путь в Чехословакию через Дуклинский перевал был открыт. К первым числам октября войска Четвертого Украинского фронта вышли на тогдашнюю венгерскую границу и овладели всеми восточно-карпатскими перевалами от Татарского до Ужокского. Предстояло одолеть так называемую линию Арпада. Это было глубоко эшелонированное мощное оборонительное сооружение в десятки километров шириной. Оно позволяло венгерским властям быть уверенными в непроходимости в условиях горных массивов линии Арпада и надеяться удержать даже только собственными силами войска Красной армии от проникновения на венгерскую территорию. Венгерская и немецкая армии сначала оказывали упорное сопротивление наступающим войскам, которые в первые дни продвигались в среднем всего по 2 километра в день. В то же самое время в Москву прибыла венгерская делегация просить условия перемирия. Положение венгерских армий на фронтах становилось критическим — 1-й и 2-й армиям угрожало быстрое и полное окружение.

В связи с получением венгерской делегацией в Москве условий союзников о перемирии от 11 октября и согласием советского правительства по просьбе венгерского приостановить наступление войск Красной армии в Венгрии, бои до 15 октября не велись. Штаб командования 1-й венгерской армии тогда находился в Хусте. Начальник Генштаба Вереш приказал войскам отступать на линию Бодрога. Но немцы это отменили и образовали линию обороны в районе Чо-

па. Командующий 1-й венгерской армией генерал Бела Миклош с начальником своего штаба перешел на сторону Красной армии, но без войск. С этого дня наступление возобновилось со всей силой. На протяжении последующих 12 дней вся территория Закарпатья была освобождена войсками Четвертого Украинского фронта. На ходе самих боев останавливаться не буду. Они изложены довольно полно на основе микрофильма документов Центрального архива МО РФ в Подольске во втором томе «Очерков» на украинском языке⁶².

Самые кровопролитные бои произошли в районе Чопа, в которых погибло более 300 солдат и офицеров, освобождавших край. По данным военных комиссариатов, при освобождении Закарпатья отдали свою жизнь 3147 солдат и офицеров Красной армии, погребенных в 345 захоронениях. В Ужгороде в 1945 году воздвигнут памятник на Холме Славы воинам, погибшим за освобождение Закарпатской Украины. Там похоронены 924 бойца и офицера Красной армии⁶³.

Закарпатские украинцы принимали участие в боях во многих странах на сто-

роне антигитлеровской коалиции. Больше всего их было в Советском Союзе (в армии, партизанах). Закарпатцы прошли от Бузулука до Праги в составе чехословацких воинских формирований. Еще в феврале 1944 года они составляли до 40% их личного состава. (В октябре 1943 года в бригаде насчитывалось 3348 человек, 2210 из них были украинцами.) В армиях других стран антигитлеровской коалиции воевали 1968 закарпатских украинцев.

Освобождение Закарпатья войсками Четвертого Украинского фронта Красной армии создало благоприятные предпосылки для украинского населения Закарпатья — осуществить наконец его вековую мечту — воссоединиться со своими кровными братьями в едином украинском государстве — УССР.

Учитывая наличие по этому поводу значительного количества литературы, отражающей приверженность ее авторов к тем или иным политическим симпатиям, снижающую их научную ценность, а иногда и искажающую историческую достоверность, автор не имеет возможности в представленном читателю труде основательно остановиться на этой проблеме.

Часть пятая

Закарпатская Украина

Закарпатская Украина (конец 1944 – 1945 год)

Уже в ходе освобождения Закарпатья войсками 4-го Украинского фронта Красной армии, несмотря на указание Генштаба командирам подразделений разъяснять встречающему их населению освободительную миссию Красной армии на территории своего союзника – Чехословакии, развернулось мощное стихийное движение за воссоединение края с родственным народом Советской Украины. На местах возникали органы власти – народные комитеты, – которые брали власть в свои руки. Во второй половине октября – первой половине ноября 1944 года быстрыми темпами возрождалась политическая жизнь в крае. Ее возглавили вышедшие из подполья коммунисты и партизаны. (В этих условиях остатки других партий не осмелились поднимать голову.) Они возродили коммунистические организации на местах и к концу второй декады ноября 1944 года создали самостоятельную Коммунистическую партию Закарпатской Украины.

Следует напомнить, что гитлеровская Германия в 1939-м отдала Карпатскую Украину хортистской Венгрии, против

этого официально протестовал Советский Союз. Но 21 июня 1941 года в ноте-меморандуме Министерства иностранных дел Германии, переданной советскому правительству уже после нападения на СССР, Германия неуклюже пыталась собрать воедино свои обвинения в адрес правительства Москвы, призванные оправдать вероломное нападение. Между прочим, в меморандуме упомянуто и население Закарпатской Украины. Сделано это было в таком плане: коммунистическая пропаганда в Венгрии «действовала прежде всего среди русинского населения, которое она пленила надеждами освобождения Советской Россией»¹.

Согласно договоренности между правительством СССР и лондонским правительством Чехословакии в изгнании, на освобожденную часть Закарпатья, в Хуст, прибыла миссия этого правительства во главе с министром Франтишеком Немцем (в нее входили и гражданские и военные отделы). Целью миссии было восстановление власти правительства Чехословакии по его разумению. По договоренности с командованием 4-го Украинского

фронта миссия получила право проводить свою деятельность за линией фронта только на территории пяти восточных округов края, но сразу наткнулась на трудности, связанные с уже созданными там органами власти — народными комитетами.

В составе этой чехословацкой миссии был и Иван Туряница, бывший в домюнкенской Чехословакии руководителем красных профсоюзов и хорошо знавший настроение населения Закарпатья. В дни оккупации Карпатской Украины венгерскими войсками он эмигрировал в СССР. Там он прошел подготовку борьбы с нацистским агрессором, а когда на территории СССР были созданы воинские чехословацкие подразделения для борьбы с гитлеровцами совместно с войсками Красной армии, он стал политработником (по тогдашней чешской терминологии — культработником, или просветителем) в первой бригаде чехословацких войск. Прибыв в Закарпатье и увидев начало создания двоевластия, Туряница порвал с командой Немца и возглавил движение за воссоединение края с Советской Украиной. На первом съезде Компартии Закарпатской Украины он был избран первым секретарем ЦК. Съезд принял решение вести борьбу за воссоединение края с Советской Украиной.

26 ноября 1944 года в Мукачево собрался съезд представителей народных комитетов Закарпатской Украины и единогласно принял манифест, обязавший образованную там Народную раду Закарпатской Украины осуществить вековую мечту населения края — воссоединиться в едином украинском государстве — Украинской Советской Социалистической Республике. Правительство Закарпатской

Украины немедленно направило в адрес верховных органов СССР и УССР соответствующую просьбу.

Председателем Народной рады Закарпатской Украины был избран Иван Туряница. Ему пришлось добиваться проведения этих решений в жизнь. Но его труд не был оценен по достоинству — даже Никита Хрущев в своих воспоминаниях, в которых сплошь и рядом перепутаны события, уже после смерти Туряницы рекомендовал Киеву (из Москвы): «Подумайте, ведь он заслуживает того, чтобы как-то отметить его деятельность в Закарпатье. Он сыграл там положительную роль в конце войны»². Закончил он тем, что не знает, что в этом плане было сделано.

В 1941 году на Западе уже занимались планами послевоенного устройства в мире. По просьбе Великобритании памятную записку по этому вопросу составил 1 февраля и Эдвард Бенеш. В ней в отношении Подкарпатской Руси сказано, что он считает ее составной частью Чехословацкой республики и «никогда не откажется от этой точки зрения». Наоборот, как только позволят обстоятельства, она опять должна быть возвращена под управление Чехословакии³. Как было сказано выше, в разговоре с советским полпредом в Лондоне осенью 1939 года он высказывал другое мнение, которое импонировало правительству Советского Союза, хотя оно тогда открыто на это не реагировало.

В 1941 году и в Советском Союзе началась подготовка к созданию правительственной комиссии, в задачу которой были включены разработки вариантов будущего мира и связанные с этим вопросы стратегии. В конце октября 1941 года один из заместителей наркома иностранных дел

Лозовский С.А. подготовил И.В. Сталину записку с предложением создать две комиссии: финансово-экономическую и политическую, которая занялась бы разработкой вопросов границ Советского Союза, Германии, ее союзников и государственного устройства этих стран в послевоенный период.

События развивались следующим образом. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 28 января 1942 года было принято постановление о комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира. В нем определялись задачи и утверждался состав комиссии по подготовке материалов. В нее вошли: Вячеслав Молотов – председатель и члены – А.Я. Вышинский, В.Г. Деканозов, С.А. Раковский, А.А. Соболев, К.А. Уманский, Я.В. Суриц и Й. Варга. Вопросы Центральной Европы входили в компетенцию Деканозова и Сурица.

Рассматривая стратегические вопросы, комиссия рекомендовала иметь на западных границах соседями дружественные государства и получить возможность оказывать свое влияние на государства Центральной и Юго-Восточной Европы. В качестве проводника своего влияния была рекомендована Чехословакия. Для этого планировалось создание мощного чехословацкого государства и установление с ним общей границы, как это предлагал в своей первой беседе с И.М. Майским в Лондоне Эдвард Бенеш. Уже тогда в этой комиссии обсуждалась проблема выселения немцев из Чехословакии, возвращения ей Тешинской области, принадлежащей тогда Польше и, если появится иная возможность, то прирезать к ней дополнительные территории⁴.

4 сентября 1943 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) при Народном комиссариате иностранных дел была образована комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства под председательством М.М. Литвинова (тогда заместителя наркома иностранных дел и одновременно полпреда СССР в США) и комиссия по вопросу перемирия под руководством К.Е. Ворошилова. В связи с границами Чехословакии затрагивался вопрос и Закарпатской Украины (в материалах комиссии Литвинова она фигурировала как Прикарпатская Украина). Комиссия считала, что СССР выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии, которая ввиду политических настроений ее населения, а также в связи с недавним подписанием советско-чехословацкого пакта о взаимопомощи на 20 лет, способна быть важным проводником «нашего влияния» в Центральной и Юго-Восточной Европе. Следовательно, и эта комиссия по стратегическим соображениям высказалась за общую границу с этой страной⁵. В этом плане нужно прежде всего учитывать и решение проблемы Закарпатской Украины.

Уместно сказать, что некоторые научные работники, так или иначе затрагивавшие в своих трудах эту проблему, выражают сомнение насчет правомерности оценки движения в Закарпатье за воссоединение как стихийного. Одни исследователи идут на поводу формулировок, содержащихся в документах – донесениях тех представителей лондонского чехословацкого правительства в изгнании, которые преследовали цели определенной политической группы и, находясь в тылу, нарушали условия военного коман-

дования фронта, провоцировали конфликт с ним.

Некоторые из исследователей восстают против термина «воссоединение», потому что Закарпатье никогда не входило в состав Украины. Но тот, кто внимательно читал документы, в которых Вячеслав Молотов употреблял этот термин, заметил бы, что он этого и не утверждал — он имел в виду объединение народов в едином государстве. Молотов употреблял слово «воссоединение» так, как оно толкуется в первом томе четырехтомного словаря русского языка. В.В. Марьина в своей книге дважды возвращается к этому вопросу. Приведем одну цитату: «Термин «воссоединение», в действительности не отвечавший исторической правде, поскольку Закарпатская Украина никогда не входила ни в состав России, ни в состав Украины»⁶... А ведь употребление этого термина в данном конкретном случае этого и не требует.

Сам президент Бенеш, особенно после подписания договора с СССР в декабре 1943 года, несмотря на свои прежние высказывания советским дипломатам в Лондоне, давал указания в инструкциях своим представителям на удержание Подкарпатской Руси в составе Чехословакии в послевоенный период.

Кроме этих проблем, у отдельных исследователей возник ряд вопросов, касающихся правовых претензий того или другого государства на владение территорией Закарпатской Украины. Они поднимались как авторами разделов или параграфов второго тома «Очерков» истории края, изданных в Ужгороде на украинском языке (особенно в параграфах последней главы тома, принадлежащих перу

И.М. Гранчака и М.П. Макары), так и в авторской позиции В.В. Марьиной, а также в приведенных в ее книге документах или выдержках из них.

Самым большим недостатком книги, названной последней, является недоразумение, связанное с непризнанием ею различий в смысле слов «народный» и «национальный», одинаковом в украинском и русском языках и отличном в чешском. Так, в чешском языке «народни» означает «национальный» (например, «народни вибор» означает «национальный комитет»), а слову «народный» в чешском языке соответствует «лидови» (например, «лидова република» — народная республика). Поскольку В.В. Марьина пользовалась в основном документами чешского происхождения, авторы которых употребляли эти слова в чешском понимании, и эти термины как-то по недосмотру переводчиков перекочевали в издания на русском языке, эти понятия были, мягко говоря, искажены.

Чтобы не быть голословным, следует упомянуть о следующем. Документ № 31у В.В. Марьиной озаглавлен «Манифест первого съезда национальных комитетов Закарпатской Украины», в то время как он официально назывался: «Манифест первого съезда народных комитетов Закарпатской Украины о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной»⁷.

Остановившись на изложении основных положений названного документа, Марьина указывает на некоторые изменения, внесенные постфактум в этот исторический документ. Воспроизведем дословно: «Съезд единодушно принял постановление, гласящее: «1. Воссоединить

Закарпатскую Украину со своей великой матерью Советской Украиной. 2. Присоединить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики и Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик включить (в последующих публикациях документа это слово было заменено на «принять». — *В. М.*) Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики. 3. Избрать Народную Раду (в дальнейших публикациях — Народный Совет. — *В. М.*) как единственную центральную власть, действующую по воле народа на территории Закарпатской Украины. 4. Уполномочить и обязать (слово «обязать» в дальнейших публикациях исключено. — *В. М.*) Народную Раду Закарпатской Украины осуществить постановление съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине»⁸.

Под последующими изданиями, по видимому, надо полагать совместное советско-чехословацкое издание документов и материалов по истории советско-чехословацких отношений, конкретно вторую книгу четвертого тома 1983 года издания. Трудно судить, кому из составителей и редакционной коллегии тома принадлежит идея «улучшить» текст исторического документа, что в мировой практике в серьезных научных изданиях вообще не принято. Но факт остается фактом — в рассматриваемом документе по всему его тексту в издании на русском языке проведена замена слова «воссоединение» на «присоединение», за исключением первого пункта постановляющей его части. Даже второе предложение первого абзаца манифеста в этом варианте звучит: «Окончилось столетнее господ-

ство чужеземцев на исконной земле Закарпатской Украины». В оригинале же сказано: «Положен конец многовековому господству венгров и всех чужеземцев на исконных украинских землях Закарпатской Украины».

Кстати, взаимоотношения чехословацкого (лондонского) правительственного делегата Франтишека Немеца и генерала Гасала (провозгласившего себя главнокомандующим чехословацких войск) на освобожденной части Закарпатской Украины с командующим войсками 4-го Украинского фронта генералом армии И.Е. Петровым и членом военного совета фронта Л.З. Мехлисом освещены по односторонним чехословацким источникам, ранее опубликованным в Праге.

Симпатии автора книги в споре сторон по нарушениям советско-чехословацких договоренностей явно на стороне чешских представителей (он считает позицию командования 4-го Украинского фронта по отношению к чехословацкой правительственной делегации «фарисейской» и «лицемерной»), хотя командование советских войск не могло не реагировать на действия гражданских и военных представителей чехов, создававших резервный полк и другие военные службы в тылу Красной армии в полосе военных действий фронта, причем не пополняя войсками 1-й чехословацкий корпус. Чешская администрация протестовала против того, чтобы советское командование принимало заявления от русских и украинцев, желавших добровольно сражаться в рядах армии против венгерских и немецких захватчиков. Чашу терпения переполнило появление без уведомления командования фронта около 40 офицеров

чехословацкой армии (контрразведки) из-за рубежа, которые, переодевшись в гражданскую одежду, пробрались в запретную зону военных действий.

В книге много мест, содержащих домыслы. К таким относятся и рассуждения о причине отставки Петрова с должности командующего фронтом. Автор хотел бы связать это с конфликтом с Немцем, слабым продвижением войск фронта в январе – феврале 1945 года. А ведь Петров был переведен на работу на другой фронт в конце марта, когда войска 4-го Украинского фронта уже вели бои за освобождение промышленного района Моравской Остравы. На эту проблему проливает свет документ, направленный Ставкой Верховного главнокомандования за подписью Сталина и Антонова лично Петрову и Мехлису, опубликованный во втором томе воспоминаний маршала Советского Союза К.С. Москаленко⁹.

В нападках на военное командование и центральную власть Советского Союза не отставали и авторы второго тома «Очерков», изданных в 1995 году в Ужгороде, похлестче подбирая выражения. Они не приняли во внимание «правку», осуществленную в четвертом томе документов о советско-чехословацких отношениях на русском языке, хотя и сообщили, что И.И. Поп «нашел в московских архивах» экземпляр манифеста на русском языке, и цитировали первоначальный вариант. Однако И.М. Гранчак счел возможным поставить под сомнение всенародный характер съезда. Он сообщил читателям: на первом съезде присутствовали 663 делегата, а в Закарпатье было более 500 населенных пунктов. Но он не учел, что это были делегаты народных

комитетов, при создании которых мелкие населенные пункты присоединялись к более крупным. Не выдерживают критики и все перечисленные им примеры противников воссоединения. Красноречиво против этого говорит следующий факт. Узнав о готовящемся съезде представителей народных комитетов в Мукачево, Немец срочно созвал представителей пяти округов в Хуст, чтобы опередить Мукачево и образовать там земскую управу, то есть областную чехословацкую администрацию. Это совпало с приглашением Немца к Петрову на 13.30. Первоначально он даже отказал Петрову. Только когда убедился, что на созванное им совещание никто не пришел, он послал Петрову телеграмму: придет к 13 часам.

Гранчак назойливо в третьем параграфе несколько раз возвращался к утверждению, что съезд народных комитетов, хотя и был наибольшим форумом в истории Закарпатья, но все же не был всенародным, и выискивал те социальные и национальные слои, которые могли бы быть против такого решения. Он не учел, что значительная часть коллаборационистов в октябре бежала в обозе венгеро-немецких оккупантов, более 100 тыс. евреев из Закарпатья уже были вывезены в германские лагеря смерти и физически уничтожены. Десятки тысяч украинцев – узников венгерских тюрем и лагерей интернированных еще не возвратились домой, как и тысячи насильственно мобилизованных на военные работы. Не собирались возвращаться в Закарпатье и немцы, мобилизованные в германские войска СС. Служивших в венгерской армии солдат, с приближением Красной армии разбежавшихся по домам, собирали в ка-

честве военнопленных. Если бы Гранчак учел все это, то не написал бы, что лишь треть населения была тогда за воссоединение с Советской Украиной. Поднят им и вопрос о референдуме, который предлагал провести Бенеш. Но ведь тот факт, что манифест подписали более четверти миллиона населения края¹⁰, то есть почти все взрослое население, Гранчак признает. Однако Марьина разделила точку зрения Виднянского и Гайдоша, ошибочно утверждавших, что число подписавших «Манифест» составило лишь 50% взрослого населения. В таком случае население края должно было насчитывать уже более миллиона человек, что произошло только позже – в течение 50 лет.

Гранчак пустился в излишние рассуждения об авторстве текста манифеста. Он утверждал, что документ написан в кабинетах ЦК ВКП(б), ибо ни один «настоящий» закарпатец не мог бы критиковать положение населения края в чехословацкий период наравне с прежним венгерским господством, не мог бы употребить термин «закарпато-украинский народ», поскольку там живут и другие народы: венгры, немцы, румыны, словаки. А ведь это выглядит подтасовкой. Речь идет о борьбе украинского населения края за воссоединение с СССР. В то время число румын, словаков, немцев в Закарпатье было очень небольшим – значительным по численности оставалось только венгерское национальное меньшинство. (Желицки писал, что венгры на этом съезде представлены не были, а М. Троян, изучавший социальный и национальный состав его делегатов, писал, что там присутствовало 12 венгров, конкретно указав, от каких населенных пунктов, два

немца, несколько евреев, три словака и один цыган)¹¹.

Продолжая фантазировать вокруг авторства манифеста, Гранчак полагал, что оно принадлежит ученому или политическому деятелю «киевско-московских кругов». Он высказывал свое убеждение, что с текстом его знакомилась и редактировали и Л. Брежнев, возглавлявший политотдел 18-й армии, и Л. Мехлис, которого он называет не членом военного совета фронта, кем тот в то время был, а командовавшим «органами НКВД в Закарпатье», и Н. Хрущев, возглавлявший ЦК КП(б)У. Среди закарпатских коммунистов, возглавлявших движение за воссоединение, утверждал он, и вообще среди политического актива в целом в те времена не было человека, который мог бы написать такой документ. «Мы разделяем точку зрения, – писал он, – что «Манифест» был составлен в кабинетах ЦК ВКП(б) и послан в Киев для перевода на украинский язык». Он рассмотрел и ряд других вариантов и предложений, высказывавшихся за пределами зала заседания, не имевших никакого влияния на единогласное принятие решения съезда, обратившегося к верховной власти Украины и СССР с просьбой воссоединить Закарпатскую Украину с СССР.

На съезд было приглашено 126 гостей. Среди них было семь командиров партизанских соединений и отрядов, в том числе А. Тканко и В. Русин. Командование 18-й армии представлял начальник политуправления полковник Л. Брежнев и начальник 7-го отдела (работа среди населения) полковник С. Тюльпанов. Большинство приглашенных гостей составляли представители активных борцов за

воссоединение прежних десятилетий. Их список и составил присутствовавший на съезде также в качестве гостя будущий профессор Ужгородского университета М. Троян.

На съезде делегатов народных комитетов в Мукачеве 26 ноября 1944 года было провозглашено государственное образование Закарпатская Украина с единственным заданием — осуществить воссоединение края с Советской Украиной. Докладчиком на съезде по этому вопросу был избранный за неделю до того на съезде Компартии Закарпатской Украины первым секретарем краевой партийной организации Иван Туряница, который выполнил наряду с требованиями народных комитетов и рекомендацию Компартии. Кроме манифеста о воссоединении Закарпатской Украины с УССР и выходе из состава Чехословакии, зачитанного на съезде Д. Тарахоничем при всеобщем одобрении и торжественном ликовании, была создана законодательно-распорядительная государственная власть — Народная рада Закарпатской Украины, провозглашенная как единственно реальная власть, действующая по воле народа в крае. В нее были избраны 17 человек, председателем стал Иван Туряница, а заместителями — П. Линтур и П. Сова.

Кроме того, съезд принял постановление о конфискации земельных угодий венгерских и немецких помещиков и бежавших с ними коллаборационистов и наделении земель и лесом крестьян, рабочих и служащих Закарпатской Украины.

На следующий день было создано правительство Народной рады Закарпатской Украины. Члены его назывались уполномоченными Рады. Они возглавили отде-

лы: внутренних дел и государственной безопасности (И. Ваш), коммунального хозяйства (П. Сова), финансов (Т. Ивашко), земледелия (М. Молдавчук), лесного хозяйства (М. Цуперяк), промышленности и торговли (С. Вайс), юстиции (С. Борецкий), образования (И. Керча), коммуникаций (Г. Русин), здравоохранения (И. Керечанин), социального обеспечения (Ф. Чекан).

Немедленно начался процесс социально-экономических преобразований. Совершенствовалась структура государственного управления, уточнялись функции окружных, городских и сельских народных комитетов, а также центральных органов Народной рады. Создавались общественные организации, в том числе профсоюзные, молодежные, кооперативные. Одновременно Народная рада распустила и запретила на территории края фашистские и профашистские партии и организации. 18 декабря 1944 года был создан Специальный суд Закарпатской Украины, рассматривавший в основном дела военных преступников и сотрудничавших с оккупационными властями. В тот же день был принят декрет Народной рады о создании вооруженных сил по защите края от внешних и внутренних врагов. Базировались они в основном на бывших партизанах с центральным штабом в Ужгороде и окружными штабами в центрах округов. Поскольку к их работе в силу необходимости привлекались на время рабочие и служащие, назывались они народной дружиной. Начальником центрального штаба был назначен Герой СССР А.С. Тканко.

15 апреля 1945 года декретом Народной рады на народную дружину была воз-

ложена и обязанность охраны государственной границы. Оперативное руководство было поручено начальнику центрального штаба народной дружины. Ему была подчинена и народная милиция.

17 декабря 1944 года в Мукачево состоялся Первый съезд Союза молодежи Закарпатской Украины. На нем с изложением задач создаваемой организации выступил И. Туряница. Эти задачи заключались в поддержке Народной рады, ее целей и задач в осуществлении воссоединения Закарпатской Украины с УССР. Ей предстояло продолжить сбор подписей взрослого населения под манифестом Первого съезда народных комитетов, вступать в создаваемые вооруженные силы Закарпатской Украины для защиты от внешних и внутренних врагов (в том числе и происков тех членов чехословацкой лондонской правительственной делегации, которые выступали против стратегической задачи правительства края), поддерживать и проводить в жизнь все его начинания. Секретарем центрального комитета Союза молодежи Закарпатской Украины был избран Д. Тарахонич, его первым заместителем М.И. Бабидорич, а редактором газеты «Молодь Закарпаття» был утвержден В.В. Хайнас.

Между тем продолжали обостряться отношения между Народной радой и правительственной чехословацкой (лондонской) делегацией, особенно военной ее частью. Делегация стремилась подчеркивать свои права, ссылаясь на советско-чехословацкий союзнический договор (декабрь 1943 года) и соглашение от 8 мая 1944 года, на основе которого в пяти восточных округах Закарпаття, освобожденных Красной армией, стремилась провес-

ти мобилизацию местного украинского населения в чехословацкую армию и установить свою администрацию. Дело дошло до того, что И. Туряница 30 ноября 1944 года в письме в адрес Немца, в котором информировал его о решениях Первого съезда народных комитетов Закарпатской Украины, в том числе и о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословакии, предложил ему и его «гражданскому и военному аппарату покинуть в трехдневный срок территорию Закарпатской Украины». Поскольку чехословацкое представительство продолжало настаивать на своих правах на владение Закарпатьем, 5 декабря Народная рада приняла решение, обязывавшее все сельские, городские и окружные народные комитеты прервать все сношения и связи с уполномоченным Чехословакии министром Немцем и его гражданской и военной администрацией, которая в настоящее время находится в Хусте, и по всем вопросам управленческого, военного и иного характера выполнять только распоряжения Народной рады и поддерживать служебные контакты только с ней¹².

В тот же день И. Туряница направил письмо и президенту Чехословакии с просьбой дать скорейшее указание Немцу об отъезде с территории Закарпатской Украины¹³. Бенеш решил Турянице не отвечать, а Немцу дал инструкцию: «Пусть будет, что будет, мы будем придерживаться договора и будем требовать от Москвы следования ему, ни от чего не откажемся и от своих прав не отступим»¹⁴. Сначала по поводу прав. О каких правах представители чехов говорили? Они господствовали в Закарпатье 20 лет и не выполнили ни одного пункта из постановлений Сен-

Жерменского мирного договора о предоставлении краю автономии, о чем говорилось в одной из глав этой книги. Когда они после Мюнхена бросили страну на произвол судьбы, отказались защищать ее от немецко-фашистской агрессии и принять помощь Советского Союза, эмигрировали на Запад, передав власть сторонникам гитлеровской Германии, а Гаха и Хвалковский без одного выстрела приняли гитлеровский протекторат. Когда патриоты Закарпатья поднялись с оружием в руках против одновременной агрессии хортистов, чешский генерал Прхала приказал чешским войскам в Карпатской Украине покинуть ее через Словакию и Румынию. Они ушли, не оказав помощи сопротивлявшимся наступавшей регулярной армии венгров. Они потеряли не только юридическое, но и моральное право господствовать над населением края.

Как складывались отношения советского правительства с лондонским правительством Чехословакии в изгнании в последующие годы войны? Президент Бенеш продолжал во всех своих инструкциях и указаниях подчиненным отстаивать позицию правительства о необходимости после войны восстановить Чехословацкую республику в домюнхенских границах. Но для этого прежде нужно было освободить ее из-под власти гитлеровских оккупантов. Для этого нужна была мощная армия, какой в то время обладал только Советский Союз. Таким образом, стратегические интересы двух стран совпали, Бенеш прибыл в Москву, и 12 декабря 1943 года был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией. В беседах с Молотовым и Ста-

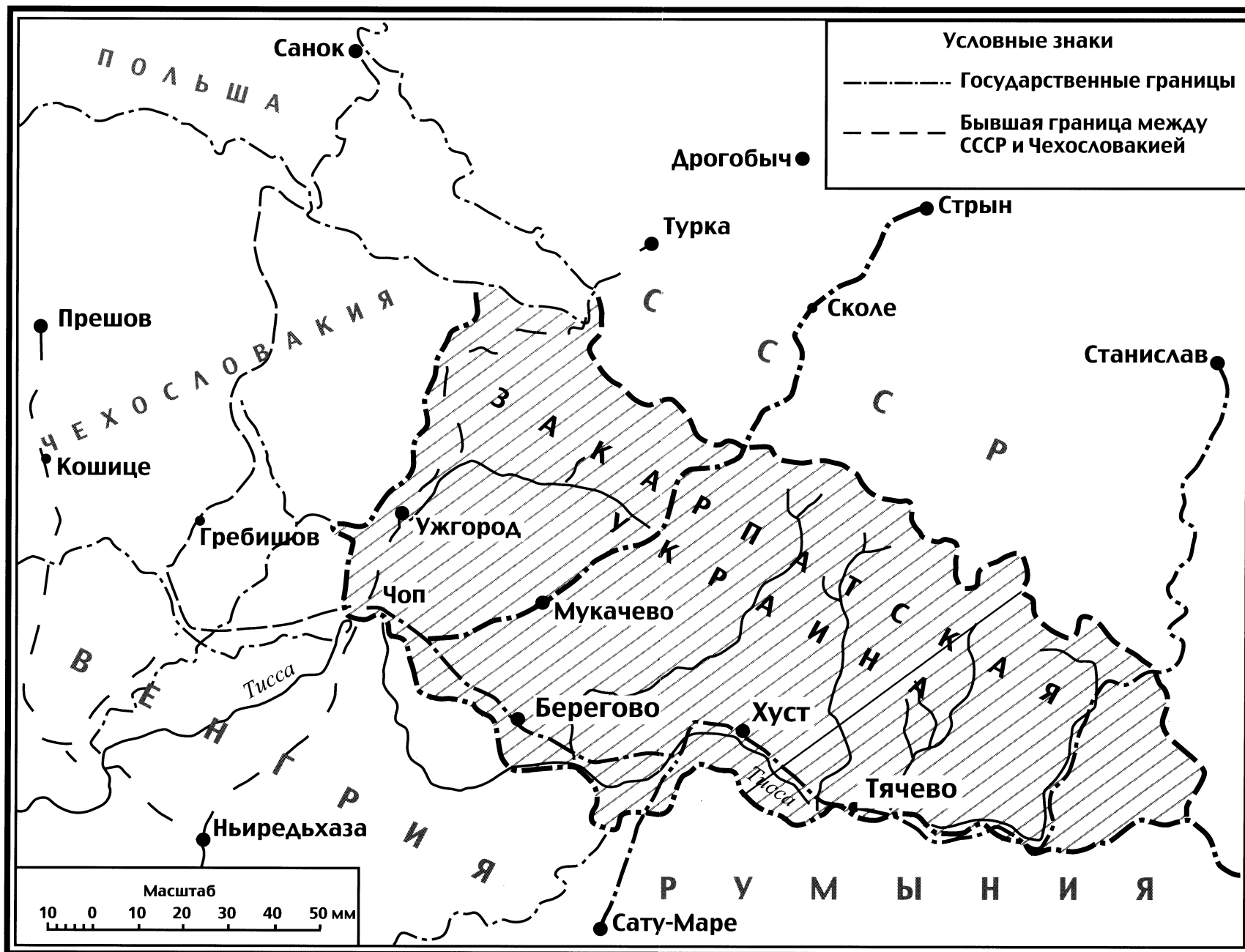
линым затрагивалась и проблема Закарпатской Украины, они выразили свое удовлетворение признанием чехословацкой стороной украинцами ее населения и готовностью в культурном отношении сблизить его с Украиной. Тогда еще не решался вопрос о будущей государственной принадлежности Закарпатской Украины, и Бенеш пытался получить согласие на сохранение ее в составе Чехословакии «с особым режимом автономии». Но тогда Сталин уклонился от ответа, как и в вопросе о переселении немцев и венгров из будущей Чехословакии.

О событиях на территории Закарпатской Украины вплоть до декабря 1944 года кратко было уже рассказано. Действия Народной рады в отношении уполномоченного чехословацкого правительства в изгнании и его гражданских и военных служб Бенеш встретил негативно, но не рекомендовал применить против них насилие, прежде всего потому, что «у нас нет достаточных сил для этого».

И в советском правительстве, куда была направлена просьба Первого съезда народных комитетов Закарпатской Украины о воссоединении края с СССР, думали о том, как бы решить этот вопрос при наличии договора СССР с Чехословакией с обещанием помочь восстановить Чехословацкую республику в домюнхенских границах. Но тут подвернулся случай. 27 декабря 1944 года заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский принял посла Чехословакии З. Фирлинге-ра. Его сопровождал правительственный уполномоченный немец и делегация Словацкого национального совета (СНС). Они просили обсудить с ними ситуацию в Закарпатской Украине и сотрудничество с

КАРТА ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЫ

после подписания Договора между Союзом Советских Социалистических Республик
и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине 27 июня 1945 года

военными Красной армии, освобождавшей Словакию. По первому вопросу замнаркома высказал мысль, что там происходит сильное народное движение, движение национальное и исторически обоснованное, и от советского правительства нельзя ожидать, что оно захочет это движение тормозить и выступит против него.

На следующий день Вячеслав Молотов принял делегацию в том же составе. На этот раз с ней прибыл и находившейся в Москве И. Петрушак, член чехословацкого Государственного совета в Лондоне от украинского крыла Закарпатья, член правительственной делегации (Немеца) на освобожденной территории. Нарком выслушал (в присутствии Вышинского) сообщения Фирлингера и Немеца, после чего посол спросил Молотова, есть ли у него какие-либо претензии к действиям чехословацкой делегации в Закарпатье и считает ли он, что с чешской стороны действия в чем-либо были ошибочны или неправильны. «Молотов ответил несколько уклончиво, — читаем в донесении посла, — что мы не могли ожидать от советского правительства, чтобы оно тормозило стихийное проявление воли населения, которое чувствует свою национальную принадлежность к великому украинскому народу».

Из бесед с Молотовым у посла сложилось впечатление, что советское правительство смотрит на проблему Закарпатья как в принципе решенную ходом событий, но по просьбе чешской стороны оставляет ее открытой до того момента, когда об этом можно будет вести переговоры. На Немеца переговоры с Молотовым провели такое воздействие, что он рекомендовал (в депеше Бенешу) правитель-

ству немедленно заняться проблемой Закарпатской Украины, ибо исключено, чтобы чехословацкие административные органы могли действовать на ее территории против воли местного населения.

В ответе — инструкции Немецу президент Бенеш с ним не согласился. Он в ходе более поздних переговоров рассчитывал получить некоторые преимущества, такие как установление между Закарпатской Украиной и Словакией довоенной административной границы и оставление в Словакии около 100 тыс. украинцев. Это ему удалось.

Вопрос о государственной принадлежности Закарпатской Украины оставался, по крайней мере для чешской стороны, неясным вплоть до 23 января 1945 года, до встречи руководителя загранбюро Коммунистической партии Чехословакии Клемента Готвальда в Москве с Вячеславом Молотовым и Иосифом Сталиным. Молотов пригласил Готвальда для разговора о том, как воспринимает чехословацкая сторона события, развивавшиеся в Закарпатской Украине. Позже к беседе подключился и Сталин. Готвальд рассказал и о требовании Народной рады покинуть территорию Закарпатской Украины службами Немеца. Сталин воспользовался этим и тут же в его присутствии продиктовал письмо Бенешу в Лондон. В нем он сообщал, что узнал от Готвальда, что чехословацкое правительство испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине, полагая, что советское правительство думает односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине вопреки договору между нашими странами.

«Должен Вам сказать, — продолжал он, — что если у Вас создалось такое пред-

положение, то это основано на недоразумении. Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы должно быть помните, я не дал тогда на это своего согласия. Но из того, что Советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что Советское правительство намерено будто бы нарушить договор между нашими странами односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Такое предположение было бы оскорбительным для Советского правительства»¹⁵.

После этого он перешел к сути дела, подчеркивая, поскольку вопрос о Закарпатской Украине поставлен самим населением края, «его, конечно, придется решить». Но он может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после нее, когда это найдут целесообразным оба правительства. В то же время Сталин пообещал Чехословацкой республике оказать всяческое содействие в ее освобождении и восстановлении. Как раз тогда войска Красной армии вели тяжелые кровопролитные бои уже на территории Чехословакии.

Бенеш ответил Сталину 29 января. Он подтвердил, что в связи с событиями в Закарпатской Украине, действиями местных деятелей, «в некоторых наших кругах действительно возникло беспокойство». К этому присоединились некоторые заявления киевской радиостанции. Но ни он

лично, ни чехословацкое правительство ни на минуту не допускали, что советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине и согласился со Сталиным о путях и времени его решения. Он высказал пожелание, чтобы это произошло по окончании войны с Германией, когда будет обеспечено восстановление домюнхенских границ Чехословакии с Германией и Польшей. (Бенеш не упомянул границу с Венгрией, которая фактически восстанавливалась по перемирию от 20 января 1945 года). Президент также хотел обсудить этот вопрос с чешскими деятелями в Праге. Он заверил маршала, что не менял своей позиции после беседы с Майским в сентябре 1939 года и не сделает этого и в будущем. Наконец, Бенеш поблагодарил Сталина за решимость оказать Чехословацкой республике всяческое содействие в деле ее освобождения и восстановления¹⁶.

Обсуждение этой проблемы нашло продолжение в марте 1945 года в Москве в дни возвращения Бенеша из Лондона на освобожденную территорию Чехословакии. Первая встреча с Молотовым произошла 21 марта. На ней в Кремле с советской стороны присутствовали Молотов, Вышинский и посол Зорин, а с чехословацкой Бенеш, министр Масарик и посол Фирлингер. Третьим пунктом обсуждалась проблема Закарпатской Украины. Бенеш изложил свое видение истории вхождения Закарпатской Украины в состав Чехословакии, «чтобы она не досталась Венгрии», и Прага рассматривала Закарпатскую Украину как некий мандат, пока проблема окончательно не будет решена. И эти предпосылки созданы только теперь. Но еще осталось решить вопросы чешских капита-

ловложений в край в период чешского правления и будущей границы между Закарпатской Украиной и Словакией. Фирлингер по последнему вопросу поддержал президента, и Молотов заверил, что границы останутся старыми.

23 марта по инициативе Бенеша состоялась его вторая встреча с Молотовым в Кремле. На ней присутствовали с советской стороны посол Зорин, а с чехословацкой — министр Ян Масарик и посол Фирлингер. Молотов начал с того, что он возвращается к вопросу о Закарпатской Украине после того, как поговорил по этой проблеме со Сталиным и другими советскими деятелями. Перед всеми ними возник вопрос, что сказать об этом президиуму Верховного Совета СССР, куда поступила просьба съезда народных комитетов Закарпатской Украины. В письме Бенеша Сталину сказано, что он не менял своей точки зрения и не собирается делать этого в будущем. Молотов попросил, чтобы президент объяснил более подробно свою точку зрения. Бенеш изложил историю включения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии и заявил, что он всегда в отношениях с советскими представителями подчеркивал, что считает присоединение Закарпатской Украины к Советскому Союзу естественным и что сегодня, когда вопрос стал актуальным, можно договориться о процедуре.

Молотов ответил, что передачу не требуется осуществить уже сегодня, но он был бы рад, если бы он мог получить от президента заявление для Верховного Совета. Причем первый заместитель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР подчеркнул, что письмо будет секретным, и президент Че-

хословакии может прибегнуть к формулировкам, которые уже использовал в первой беседе с послом Майским. Такое письмо он считал бы желательным, и президиум Верховного Совета «будет за это очень благодарен Чехословакии». Бенеш вновь интересовался, где будет проходить граница между Словакией и Закарпатской Украиной. Молотов показал ему на карте. 26 марта Бенеш направил Молотову письмо такого содержания. Но в то же время подчеркнул пожелание, чтобы переход Закарпатской Украины от Чехословакии к УССР был осуществлен в границах, которые существовали между Словакией и Закарпатской Украиной в Чехословацкой республике и в соответствии с содержанием его ответа маршалу Сталину.

Между тем время шло. Война в Европе закончилась. Новое чехословацкое правительство переехало из Кошице в Прагу. В Закарпатской Украине правительство Народной рады продолжало социально-экономические преобразования, в том числе провело аграрную реформу, разделив землю среди тех, кто ее обрабатывал. Народная рада приняла постановление об открытии с октября 1945 года первого в истории Закарпатья высшего учебного заведения — Ужгородского государственного университета.

При обсуждении вопроса о предстоящих в июне в Москве переговорах чехословацкой делегации с представителями польского правительства об отношениях двух стран было внесено предложение премьеру З. Фирлингера поручить той же делегации подписать с правительством СССР договор о воссоединении Закарпатской Украины с УССР. Предложение

было принято. Кроме премьера в состав делегации Чехословакии вошли министры З. Неедли, Л. Свобода, А. Прохазка, государственный секретарь В. Клементис, а также Рипка. С 25 июня делегация вела переговоры с поляками.

28 июня Фирлингера и Клементиса принял Сталин. В переговорах участвовали Молотов и Зорин. Фирлингер от имени чехословацкого правительства, считавшего момент подходящим, предложил заключить договор Чехословакии с СССР о Закарпатской Украине. После краткой беседы и обсуждения текста договора Сталин и Молотов рекомендовали подписать отредактированный текст 29 июня 1945 года. Через советское посольство в Праге текст договора и протокол к нему был передан правительству Чехословакии. После обсуждения правительство документа одобрило с небольшими замечаниями и рекомендовало президенту уполномочить премьер-министра и статс-секретаря подписать договор.

29 июня 1945 года договор между СССР и Чехословакией о Закарпатской Украине был подписан по уполномочию Президиума Верховного Совета СССР Молотовым, по уполномочию президента Чехословакии – Фирлингером и Клементисом. Основные положения его включены в первую статью: «Закарпатская Украина (носящая, согласно Чехословацкой Конституции, название Подкарпатская Русь), которая на основании Договора от 10 сентября 1919 года, заключенного в Сен-Жермен ан Лэ, вошла в качестве автономной единицы в рамки Чехословацкой Республики, воссоединяется, в согласии с желанием, проявленным населением Закарпатской Украины,

и на основании дружественного соглашения обеих Высоких Договаривающихся Сторон, со своей вековой родиной – Украиной и включается в состав Украинской Советской Республики.

Границы между Словакией и Закарпатской Украиной, существовавшие ко дню 29 сентября 1938 года, становятся, с внесенными изменениями, границами между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой согласно прилагаемой карте»¹⁷.

Этот договор подлежал утверждению Президиумом Верховного Совета СССР и чехословацким национальным собранием. Обмен ратификационными грамотами намечался в Праге. Выступавший на церемонии подписания договора Молотов подчеркнул большое политическое значение этого акта, которым осуществляется вековая мечта закарпато-украинского народа – воссоединение со своей родиной – Украиной. Несмотря на то, что закарпато-украинский народ, заявил он, еще в конце IX века подпал под венгерскую власть, он по своим этническим признакам, по языку, быту, по своим историческим судьбам остается частью украинского народа.

22 ноября 1945 года Временное национальное собрание Чехословакии ратифицировало названный договор. На следующий день после годовщины Первого съезда народных комитетов Закарпатской Украины, заявившего о выходе из состава Чехословацкой республики, 27 ноября 1945 года и Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал советско-чехословацкий договор о Закарпатской Украине¹⁸.

В шестом томе сборника документов «Шляхом Жовтня» опубликовано 219 до-

кументов и материалов, частично отразивших ту огромную работу, которую провела Народная рада, выполняя решения Первого съезда народных комитетов. 22 января 1946 года указом Президиума Верховного Совета СССР в составе УССР

была образована Закарпатская область с центром в Ужгороде. В нее вошли два города и 13 округов. Через день указом Президиума Верховного Совета УССР с 25 января в Закарпатской области было введено законодательство УССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1944–1945 гг. закончился длительный этап в многострадальной судьбе небольшого славянского народа – русинов, влачивших практически целое тысячелетие жалкое существование под чужеземным игом и вынужденных вести постоянную борьбу с угнетателями. На протяжении столетий население этого края обращало свои взоры на восток, туда, где за Карпатскими горами жили их кровные братья, мечтая воссоединиться с ними. Проходили годы, десятилетия, века, менялись правители, племена превращались в народности, народы и нации, но русины до конца так и не ассимилировались в среде своих поработителей.

Жители Закарпатья стремились использовать любые возможности, чтобы освободиться от рабской зависимости. Однако силы сторон в этом не прекращавшемся противостоянии были неравны, и малочисленные и более слабые русины раз за разом терпели поражение в борьбе с поработителями. В новое время Средняя Европа стала ареной сильнейших политических потрясений, по ней прокатились многочисленные войны, ре-

волюции и восстания, не раз перекраивались границы государств региона, но русины по-прежнему оставались под властью чужеземных господ.

Изложенные в данном исследовании исторические факты наглядно свидетельствуют о том, что наиболее передовые слои населения края, немногочисленные представители местной интеллигенции прекрасно осознавали, что за Карпатским хребтом живут «свои», регулярно посещали основные культурные центры России и Украины, стремясь обеспечить себе всестороннюю поддержку со стороны Москвы и Киева в борьбе за воссоединение с братьями – восточными славянами.

Материалы, приведенные в монографии, ясно показывают, что такой момент в конечном счете настал, однако только после того, как Вооруженные силы Советского Союза разгромили на своей территории войска гитлеровской коалиции, включая армии хортистской Венгрии, и вступили на территорию Центральной Европы. К этому времени украинское население многонациональной Закарпатской Украины консолидировало свои си-

лы и открыто заявило о твердом желании в будущем жить в едином государстве со своими кровными братьями.

В осуществлении вековой мечты закарпатцев основную роль сыграла (наряду с победами Красной армии) решительная воля правительства Советского Союза, которому пришлось вести нелегкую дипломатическую борьбу против попыток соседних с Закарпатьем государств прибрать к своим рукам этот лакомый кусочек территории в самом центре Европы.

Командующий 1-й Гвардейской армией 4-го Украинского фронта А.А. Гречко в своих воспоминаниях «Через Карпаты»¹ подробно описал ход боевых действий по освобождению Закарпатской Украины, что в известной мере оправдывает автора данного исследования, не оставившегося подробно на этой странице истории.

Благодаря умелым дипломатическим действиям советского правительства в конце Второй мировой войны в Европе проблема воссоединения Закарпатской Украины с УССР была решена. Это выразилось не только в отказе Венгрии от претензий на территорию Закарпатского края, но и в согласии европейских государств на воссоединение Подкарпатской Руси с Украиной.

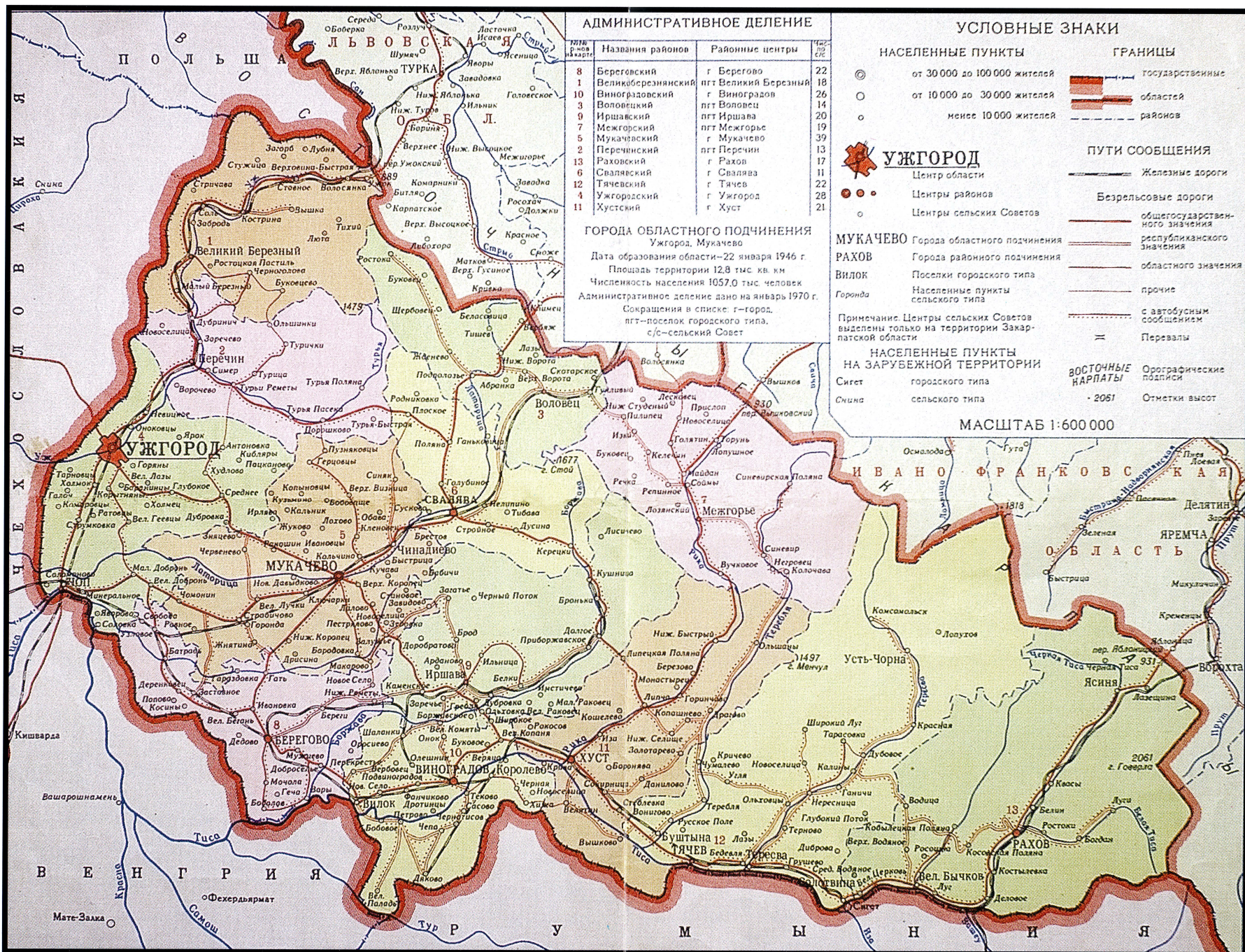
С тех пор прошло уже шесть десятилетий, но противники исторического акта о воссоединении еще и сегодня пытаются найти какие-либо аргументы или лазейки (преимущественно «юридического» характера), которые, по их мнению, подтвердили бы тезис о «неправомерности» включения Закарпатской Украины в состав УССР.

В завершение хотелось бы обратить внимание читателя на то, что в середине

40-х годов находились и такие закарпатские политики, которые, исходя из личных соображений, пусть и не всегда корыстных, активно пытались ставить под сомнение историческую закономерность воссоединения украинского народа в едином государстве. К их числу относился и делегат состоявшегося в ноябре 1944 г. съезда Народных комитетов Закарпатской Украины Василий Маркуш (Маркус). Хотя он и не голосовал против резолюции съезда о воссоединении Закарпатья с УССР, но в знак протеста против принятых решений эмигрировал сначала в Европу, а затем в США. В эмиграции он написал и опубликовал книгу «Присоединение Закарпатской Украины к Советской Украине», которая была издана на украинском языке в Киеве в 1994 г. В ней он оспаривает правомерность акта о воссоединении. В 1999 г. в сборнике «Закарпатье под Венгрией. 1938–1944 гг.» во введении, написанном соавтором данной книги совместно с В.И. Худаничем (Ужгород), отмечается: «Конец венгерской оккупации в 1944 г. и присоединение Закарпатья к Украине в 1945 г. в рамках УССР считаем положительным и прогрессивным актом»².

В другой статье того же сборника – «Закарпаты в эмиграции в годы войны» – О. Данко и упоминавшийся выше В. Маркус (оба из США) признают, что из различных ветвей закарпатской эмиграции в 30–40-е гг. именно та ее часть, которая оказалась в Советском Союзе, сыграла наиболее значительную роль в событиях, «произошедших в Закарпатье в 1939–1944 гг. Нет сомнений также в том, что решающей была победа советского оружия

ЗАКАРПАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

и дипломатии»³. Это один из показательных примеров того, какие метаморфозы могут происходить во взглядах специалистов, изучающих историю Закарпатья в XX веке. Если эмигранты волны 1945–1946 гг. становятся на более объективные

позиции, то некоторые из оставшихся в крае после Второй мировой войны историков и политиков сегодня проповедуют русинизм или уезжают за границу, пропагандируя свои взгляды в ближнем и дальнем зарубежье.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Наименование населенных пунктов Карпатской Украины, перешедших по решению 1-го Венского арбитража к Венгрии

Полностью к Венгрии перешли города Ужгород и Мукачево и населенные пункты Береговского округа. Включая Берегово, их было 41: Асталь, Ардов, Батьево, Бенья, Береги, Берегово, Блажиево, Бовтрадь, Бадьолов, Боржава, Бучу, Вари, Великая Бегань, Великое Гутово, Вышние Ремета, Вилок, Гаранглаб, Гать, Гетень, Геня, Гомок, Грабаров, Дедово, Запсонь, Квасово, Керестур, Кидьовш, Малая Бегань, Малое Гутово, Мочола, Мужиево, Нижние Ремета, Новое Село, Оросиево, Попово, Рафайлово, Четово, Чома, Шом, Яношово.

Частично перешли к Венгрии три округа и одно село из Иршавского округа — Шаланки.

Из Мукачевского округа — 14 населенных пунктов: Баркасово, Дресино, Формош, Ключарки, Нижний Коропец, Паланок, Павшин, Подгорб, Подмонастырь, Росвигово, Новое Село, Серне, Слобода, Жнятино.

Из Севлюшского округа — 18 населенных пунктов: Аклин, Черный Ардов, Батар, Бекень, Чепа, Чома, Дяково, Дюла, Фаркашфалва, Федорово, Фертешалмаш, Форголань, Карачины, Матиево, Великая Паладь, Петрово, Черный Поток, Новое Село.

Из Ужгородского округа — 21 населенный пункт: Агово, Баранинцы, Батфалва, Часловцы, Малая Добронь, Великая Добронь, Дравцы, Эсень, Малые Гейовцы, Великие Гейовцы, Гомок, Хелмец, Йовра, Кетерген, Концово, Корытняны, Минай, Радванка, Сальюка, Шишловцы, Тарновцы¹.

Приложение 2

**Список назначенных венгерскими властями советников
при военном командовании оккупантов в Подкарпатье**

- Великоберезнянский округ — Янош Мелеш, греко-католический поп.
Хустский округ — Иожеф Биро, бывший сельский писарь в Черном Ардове, и Иштван Будаи, адвокат из Хуста.
Иршавский округ — Дьёрдь Бенце из Билок и Иштван Тот, адвокат из Иршавы.
Мукачевский округ — Михаил Демко, Мукачево, и Лайош Мартон, учитель.
Перечинский округ — Иван Петенко, директор горожанской школы.
Раховский округ — Юрий Ворохта, Рахов, и Дьёрдь Трахлер, Великий Бочков.
Севлюшский округ — Иван Данканич, начальник налогового управления, и Шандор Уйхейи, бывший начальник округа.
Свалявский округ — Иван Сливканич.
Тячевский округ — Петро Гапка, адвокат.
Ужгородский округ — Рудольф Манкович, советник лесного управления.
Воловский округ — Иван Сопко, греко-католический священник.
21 марта 1939 года².

Приложение 3

**Список административных руководителей
при окружных военных комендатурах на Рутенской земле**

- Информация для премьеры. 21 марта 1939 года.
Великоберезнянский округ — Эрнё Горзо из Берегова.
Хустский округ — Иштван Балаш, начальник округа из Залаэгерсеге, и Эмил Касарда из Ужгорода.
Иршавский округ — Енё Добош, бывший начальник округа, Иршава.
Мукачевский округ — Михаил Солич, бывший начальник округа, Мукачево, и Иштван Роман, адвокат из Ужгорода.
Перечинский округ — Элек Бескид, бывший начальник округа, Ужгород.
Раховский округ — Иван Кофланович, бывший начальник округа из Хуста, и Ласло Терек, служащий из Берегова.
Севлюшский округ — Янош Варга, начальник округа из Пюшпеккладаня.
Свалявский округ — Эмил Рошкович, городской советник из Мукачева.
Тячевский округ — Ласло Андрейович, начальник округа из Марцали, и Эндре Дудич, административный практикант из Берегова.

Ужгородский округ — Шимон Грибовски, начальник округа из Ужгорода.
 Воловский округ — Иштван Медведь, административный практикант из Хуста³.

Приложение 4

**Наименования населенных пунктов Закарпатья по округам
и их изменения в периоды вхождения в то или другое государство**

Населенный пункт	Чехословакия	Венгрия
Великобerezнянский округ		
Бегендятская Пастиль	Beġind'atská Pastil	Alsópásztély
Буковцево	Bukovcová	Ungbükkös
Великий Березный	Velký Berezní	Nagyberezna
Верховина-Быстрая	Bystrý	Határszög
Волосьянка	Volosianka	Hajárd
Вышка	Viška	Viharos
Гусный	Husný	Erdőludas
Домашин	Domašin	Domafalva
Завасина	Zavolosina	Szénástelek
Забродь	Zabrod'	Révhely
Загорб	Zahorb	Határhegy
Княгиня	Kňahynín	Csillagfalva
Костева Пастиль	Kostěva Pastil	Nagypásztély
Кострино	Kostrina	Csontos
Лубня	Lubňa	Kiesvölgy
Луг	Luh	Ligetes
Люта	Ljutá	Havasköz
Малый Березный	Malý Berezní	Kisberezna
Мирча	Mirče	Mércsa
Ростоцкая Пастиль	Rostocká Pastil	Felsőpásztély
Руський Мочар	Močár	Oroszmocsár
Смереково	Smereková	Szemerekő
Соль	Sol'	Sóslak
Ставное	Stavné	Fenyvesvölgy
Стричава	Stričava	Eszterák
Стужица	Nová Stučica / Stará Stučica	Patakdifal / Patakófalu
Сухой	Suchý	Szuhapatak
Тихий	Tichý	Tiha
Ужок	Užok	Uzsok
Черноголова	Černohlava	Sóshát

Ужгородский округ

Андреевка	Andrašovce	Andrásháza
Антоновка	Antalovce	Antalóc
Баранинцы	—	—
Барвинкош	—	—
Бачово	Báčovo	Bacsó
Великая Добронь	—	Nagydobrony
Великие Геевцы	—	Nagygejőc
Великие Лазы	Veliké Lazy	Nagyláz
Верхняя Солотвина	Vyšní Slatina	Ftlerszlatina
Волковое	Vlkovyje	Ungordas
Галоч	—	—
Глубокое	Hluboká	Mélyút
Гойдош	Gajdoš	Nagyajdos
Горяны	Hořany	Gerény
Демечи	—	Demicső
Долгое Поле	Dovhé	Unghosszúmező
Доманинцы	Domanince	Alsódomonya
Дравцы	—	Ungdaróc
Дубровка	Doubrovka	Ungtölgyes
Ирлява	Irlava	Ungsasfalva
Камяница	Kamenica nad Užem	Ókemence
Кибляры	Kobyláry	Köblér
Комаровцы	Ruské Komárovce	Oroszkomoró
Концово	—	Koncháza
Лемковцы	—	—
Ленцы	—	—
Малая Добронь	—	Kisdobrony
Малые Геевцы	—	Kisgejőc
Минай	—	Minaj
Минеральное (до 1945 года Ашвань)	—	Ásvány
Невицкое	Nevické	Nevicke
Нижняя Солотвина	Nižní Slatina	Alsószlatina
Оноковцы	Onokovce	Felsődomonya
Ореховица	Ořehovice	Rakonca
Павлово	—	—
Пацканово	—	Kisrát
Петровка	—	—
Подгорб	Podhorb	Hegyfark
Прикордонное	—	—

Ратовцы	–	Szalóka
Русские Комаровцы	Ruské Komárovice	Oroszkomoró
Середнее	Seredné	Szerednye
Соловка	–	–
Соломоново	–	Salamon
Солонцы	–	Kereknye
Сторожница	–	Ódarma
Стрипа	Stripa	Sztrippa
Струмковка (до 1948 года Сюрте)	–	Szúrte
Тарновцы	–	Tarnóc
Тисянка	–	–
Ужгород	Užhorod	Ungvár
Холмок	–	Homok
Холмец	–	Helmec
Худлово	Chudlovo	Horlyó
Цегловка	–	Téglás
Цыгановцы	Ciganovce	Cigányos
Чабановка	–	–
Часловцы	–	Császlóc
Червоное	–	–
Чертеж	Čertež	Ungcsertész
Чоп	Čop	Csap
Шишловцы	–	Sislóc
Яворово	–	–
Ярок	Jarok	Árok ⁴
Перечинский округ		
Ворочеве	Voročov	Kapuszög
Дубринич	Dubrínice	Bercsényifalva
Завбуч	–	–
Заречево	Zářečí	Drugetháza
Лицицары	–	–
Липовец	Lipovec	Hárs
Лумшоры	–	–
Маюрки	–	–
Мокра	Mokré	Mokra
Новоселица	Novoselic	Újkemence
–	Olšinky	Egreshát
Пастилки	Pastilky	Kispásztély
Перечин	Perečín	Perecseny
Полянская Гута	Huta	Unghuta
Порошково	Poroškov	Poroskó

Раково	Rakov	Rákó
Свалявка	—	—
Симер	Simir	Ószemere
Симерки	Simirky	Újszemere
Турица	Tuřice	Nagyturjaszög
Туричка	Tuřičky	Kisturjaszög
Турья Реметы	Tuří Remety	Turjaremete
Турья-Быстрая	Tuří Bystrý	Turjasebes
Турья-Пасика	Tuří Paseka	Turjavágás
Турья-Поляна	Tuří Polana	Turjamező
Свалявский округ		
Березники	Bereznik/ Borouřina	Bereznek/ Borsfalva
Брестов	Brestov	Lonbos
Волчий	—	—
Ганьковица	Hankovice/ Hliněnc	Kisanna/ Pásztorlak
Голубино	Holubinné	Galombos
—	Dračiny	Újtövisfalva
Дусина (до 1946 года Зайгов)	Dusina	Zajgó
Керецки	Kerecky	Kerecke
Лопушанка	—	—
Малая Мартинка	Malá Martinka	Mártenka
Нелипино	Nelipeno	Hársfalva
Новое Село	Nové Selo	Szuskóújfalu
Оленево	Oleňovo	Szarvaskút
Павлово	Pavlovo	Kispáloc
Пасика	Paseka	Kishidvég
Плава	Plavja	Zsilip
Плоский Поток (до 1945 года Шибеш Поток)	—	—
Плоское (до 1945 года Домбоштелек)	Ploské	Dombostelek
Поляна	Polana	Polena
Родниковая Гута	Isvorská Huta	Forráshuta
Родниковка (до 1948 года Извор)	Isvor	Beregforrás
Росош	Rosoše	Kopár
Сасовка	Sasovka	Szászóka
Свалява	Svalava	Szolyva
Солочин	Soločín	Királyfiszállás
Стройное	Strojno	Halmos
Сусково	Suskovo	Bányafalu
Тибав	Tybava	Havasalja

Уклин	Uklín	Aklos
Черник	Černík	Csernik
Яковское	Děakovice	Kisvadas

Воловецкий округ

Абранка	Abranka	Ábránka
Белаговица	Bělasovice	Bagolyháza
Буковец	Bukovec	Beregbárdos
Быстрый	Bystrý	Sebesfalva
Вербяз	Verbjaž	Verebes
Верхние Ворота (до 1945 года Верхние Веретки)	Vyšní Věrevky	Felsőverecke
Верхняя Грабовница	Vyšní Hrabovnice	Felsőgereben
Воловец	Volovec	Valóc
Гукливое	Huklivý	Zúgó
Жденёво	Zdenovo	Szarvasháza
Завадка	Závadka	Rákóciszálás
Задольное	Zadílský	Rekesz
Збины	Zbyny	Izbonya
Кичерный	Kučerný	Nagycserjés
Конора	Kanora	Kanora
Котельница	Kotelnice	Katlanfalu
Лазы	Lazy	Timsor
Латорка	Latorica	Latorcaő
Нижние Ворота (до 1945 года Нижние Веретки)	Nižní Věrecky	Alsóverecke
Нижняя Грабовница	Nižní Hrabovnice	Alsógereben
–	Nižní Rostoka	Alsóhatárszeg
Пашковцы	Paškovce	Hidekrét
Перекрестный	Perekrestní	Pereháza
Подполье	Podplasí	Vézérszállás
Ростока	Nová Rostoka / Vysní Rostoka	Újrosztoka / Felsőhatárszeg
Скотарское	Skotarský	Kisszolyva
Тишев	Tisov	Csendes
Щербовец	Šerbovec	Beregsziklás
Яловое	Jalové	Jávor

Мукачевский округ

Бабичи	Babice	Bábakút
Баркасово	–	–
Белебово	Belebovo	Kiscserjés
Бенедиковцы	Benedikovce	Benedeki

Березинка	Berezinka	Nírhalm
Бобовище	Boboviště	Borhalm
Бородовка (до 1946 года Барбово)	Barbovo	Bárdháza
Брестов	Brestov	Ormód
Буковинка	Bukovinka	Beregbükkös
Быстрица	Rjapid'	Pepede
Великие Лучки	Veliké Loučky	Nagylucska
Верхний Коропец	Vyšní Koropec	Felsőkerepec
Верняя Визница	Vyšní Vyznice	Felsőviznice
Вонковое	—	—
Гандеровица	Handerovice	—
Герцовцы	Hercovce	Hegyrét
Грабовое	Hrabovo	Szidorfalva
Грибовое	Hribovce	Gombás
Горонда	Goronda	Gorond
Делок	—	—
Драгиня	—	—
Дрисина	Dresina	Dercen
Домбок	Dombok	Dombok
Дубино	Dubino	Dombó
Жборовцы	Zborovce	Rónofalu
Жнятино	Žňatino	Izsnyéte
Жуково	Žukovo	Zsukó
Завидово	Zavidovo	Dávidfalva
Залужье	Záluš	Beregkisalmás
Зняцево	Zňacevo	Ignóc
Зубовка (до 1945 года Фогараш)	Fogaraš	Beregfogaras
Ивановцы	Ivánovce	Iványi
Ильковцы	Ilkovce	Ilkó
Кайданово	Kajdanovo	Kajdanó
Кальник	Kalník	Beregsárrét
Кинлодь	—	—
Кирово	—	—
Кленовец	Nový Klenovec	Nyárasdomb
Клочки	Kločky	Lakatosfalva
Ключарки	Klučarký	Várkulcsa
Клячаново	Kličanovo	Klacsanó
Кольчино	Kolčino	Kölcseény
Коноплевцы	Kenderešov	Kendereske
Копыновцы	Kopinovce	Nagymogyorós
Крытое	—	—

Косино	Kosino	Kockaszállás
Кузьмино (до 1946 года Балажиево)	Kuzmino	Beregszilvás
Кучава (до 1945 года Немецкая Кучава)	Německá Kučová	Németkucsava
Куштановица	Kuštanovice	Kustánfalva
Лавки	Lávky	Lóka
Лалово	Lalovo	Beregleányfalva
Лесарня	Lesarna	Erdőpatak
Лесковое	—	—
Лецовица	Lecovice	Kislécfalva
Лохово	Lochovo	Beregszőllős
Макарово	Makarjevo	Makarja
Микуловцы	Mikulovce	Kismogyorós
Медведовцы	Medvědovce	Fagyalos
Мукачево	Mukačevo	Munkács
Нижняя Визница	Nížní Vyznice	Alsóviznice
Нижний Коропец	Nížní Kerepec	Alsókerepec
Новое Давыдково	Nové Davidkovo	Újdávidháza
Новое Село	Nové Selo	Újfalu
Новоселица	Novoselice	Kisrétfalva
Обава	Obava	Deskófalva
Ольховица	—	—
Павшин	—	—
Паланок	—	—
Пацканово	Packaňovo	Patakos
Пестрялово	Pistrjalovo	Pistraháza
Плоскановица	—	—
Подгород	—	—
Подгоряны	Podhoraňy	Órhhegyalja
Подмонастырь	Podmonastýr	Klastromalja
Поростяница	Trštenice	Nádaspatak
Пузняковцы	Puzňakovce	Szarvasrét
Ракошин	Rákošin	Bereg-rákos. В 1958 году к нему при- соединили Бенедиковцы, Кайданово, а в 1960-м Руськое, Чоповцы
Ровное	—	—
Ромочевица	Romočevice	Romocsafalva
Росвигово	—	—
Ростовятица	—	—
Руська Кучава	Ruská Kučová	Oroszkucsova

Руськое	Ruské	Orosztelek
Серне	–	–
Синяк	Siňák	Kékesfüred
София	Žofie	Zsófiáfalva
Становое	Stanovo	Szánfalva
Старое Давыдково	Staré Davidkovo	Ódavidháza
Страбичово	Strabičovo	Mezőterebes
Счастливое	Serenčovce	Szerecsfalva
Феделешово	Fedelesšovce	Fedelesfalva
Форморш	–	–
Фридьешово	Fridčšovo	Frigyesfalva
Чабин	–	–
Червенёво	Červeňovo	Csrlenő
Черевцы	Čerejovce	Cserház
Чинадиево	Čiňad'ovo	Szentmiklós
Чомонин	Čomonín	Csongor
Чоповцы	Čapovec	Csapolc
Шелестово	Šelestovo	Szélestó
Шкуратовцы	Škuratovce	Bereghalmos
Яблонов	Jablonovo	Beregnagymás
Иршавский округ		
Арданово	Ardanovo	Ardánháza
Бабици (выделены в 1925 году из Загатья)	Babice	–
Белки	Bilky	Bilke
Богаревица	Bogarovice	Falucska
Брод	Brod	Bród
Бронька	Suchá-Broňká	Szuhabronka
Великая Ростока	Rostoka	Gázló
Великий Раковец	Veliký Rakovec	Nagyrákóc
Воловица	Volovice	Beregpálfalva
Волоськое	Voloské	Oláhcsertész
Горбок	–	–
Гребля	Hrebla	Felsőkaraszló
Дешковица	Deškovice	Deskúfalva
Дилок	Dilek	Beregpapfalva
Долгое	Dovhé	Dolha
Доробратово	Drahobratovo	Drágabártfalva
Дубровка	Doubravka nad Boržava	Cserhalom
Дубы	Dubov	Dubi
Дунковица	Dunkovice	Nyirosújfalu

Заболотное	—	—
Загатье	Zahat´a	Hátmeg
Заречье	Záříčí	Alsókaraszló
Ивашковица	Ivaškovice	Ivaskófalva
Ильница	Ilnice	Ilonca
Иршава	Iršava	Ilosva
Имстичево	Imstičovo	Misztice
Камянское (до 1948 года Кивяждь)	Kivjažd´	Beregkövesd
Климовица	Klimovice	Klimovic
Кобалевица	Kobalovice	Gálfalva
Колодное	Kolodné	Tőkésfalu
Крайняя Мартинка	Krajní Martinka	Végmártonka
Кушница	Kušnice	Kovácsrét
Лисичево	—	—
Лоза	Loza	Füzesmező
Локоть	Lokot´	Nagyábránka
Луково	Lukovo	Lukova
Малая Ростока	—	—
Малый Раковец	Malý Rakovec	Kisrákóc
Медяница	Měděnice	Medence
Негрово	Negrovo	Kaszárfalva
Нижнее Болотное	—	—
Ольховка (до 1945 года Ельвеш)	Vlachovo	Ólyvös
Осой	Osoj	Szajkófalva
Подгорное	—	—
Покутья	Pokut´a	Bábokút
Приборжавское (до 1960 года Заднее)	Zadné	Zárnya
Сельце	Selce	Beregkisfalud
Смологовица	Smologovice	Kisábránka
Собатин	Sobatin	Szombota
Суха	—	—
Хмельник	Chmelník	Komlós
Черный Поток	Šerný Potok	Kenéspatak
Шаркадь	Šarkad´	Kissarkad
Севлюшский округ		
Бобовое* (Бекень)	Bobové	Bekény

* Отмеченные звездочкой населенные пункты переименованы в 1946 г.

Боржавское* (Великая Чингава)	Veliká Čengava	Nagycsongava
Братово* (Ботар)	Batar	Botár
Буковое* (Факовбики)	Fakovbiky	Fokóbika
Вербовец	Vrbovec	Verbőc
Вербовое	—	—
Вилок	Vylok	Újlak
Виноградов* (Севлюш)	Sevluš	Nagyszőlős
Великая Копаня	Veliká Kopaňa	Felsőveresmart
Великая Паладь* (Надь Палад)	Veliká Palad	Nagypalágy
Великие Комяты	Veliké Komňaty	Magyarkomját
Веряця	Verjacja	Verőce
Гетеня	Hetina	Tizahetény
Горбки	Hrbky	Rákospatak
Гудя	Gud' a	Gődényháza
Девичье* (Форголань)	Forgolaň	Forgolány
Дротинцы* (Сирма)	Sirma	Tizsásirma
Дяково* (Неветленфалу)	Nevetlenfalu	Neveletlenfalu
Заболотье	—	—
Затисовка* (Чоума)	Čouma	Csóma
Керачин	Karačiny	Karacsfalva
Клиновецкая Гора	—	—
Клиновое* (Аклин)	Oklin	Akli
Королево	Kralovo nad Tisou	Királyháza
Малая Копаня	Malá Kopaňa	Alsóveresmart
Малая Чингава	—	—
(с 1946 года включена в состав Великих Комят)		
Матеево* (Матяшфалва)	Mat' asfalva	Mátyásfalva
Новое Клиновое	—	—
Новое Село* (Тисауйхей)	Tisaujhej	Tiszaúhely
Новоселица	Novoselice	Sófalu
Олешник* (Эгреш)	Olešnik	Szőllősegres
Онок	Onok	Ilonokújfalú
Перекрестье* (Тисакерестур)	Tisakerestur	Tizakerestur
Петрово* (Пейтерфалва)	Pejterfalva	Péterfalva
Подвиноградов* (Ардовец)	Ardovec	Szőllősvégardó
Притисанское	—	—
Пушкино	—	—
Ростока	Rostoka	Szőllősróstoka
Руськая Долина	—	—
Сасово	Sasovo	Szászfalu

Теково* (Текохаза)	Tekohaza	Tekeháza
Тросник	–	Sásvár
Фанчиково	Fančikovo	Fancsika
Фаркашфалва	–	–
Федорово	Fedorovo	–
Фертешалмаш	–	–
Хижа* (Малая Тарна)	Malá Tarna	Kistárna
Холмовец	Cholmovec	Hömlócz
Чепа	Čepa	Csepe
Черный Поток	Černá	Csernató
Чернотисов* (Черный Ардов)	Černý Ardov	Feketeardó
Шаланки	Šalanki	Salánk
Широкое* (Вышний Шард)	Višní Šard	Felsőšárd
Юловцы	Julovce	Gyla
Хустский округ		
Александровка	Šandrovo	Sándorfalva
Березово	Berezovo	–
Боронява	–	–
Велятин	Velatin	Veléte
Вертеп	–	–
Вышково	Výškovo nad Tisou	Visk
Гонцош	–	–
Горинчево	Horinčovo	Herincse
Данилово	Danilovo	Husztsósfalva
Драгово	Drahovo	Kövesliget
Дилек	–	–
Забродь	–	–
Залом	–	–
Заречное	–	–
Золотарево	Zlotáry	Ötvösfalva
Иза	Iza	Iza
Каллов	–	–
Карповтлаш	–	–
Киреши	–	–
Кичерели	–	–
Копашнево	Kopašnovó	Gernyés
Кошелево	Košelovo	Keselymező
Крайнее	–	–
Крайниково	Krajníkova	Mihálka
Крива	Křivá	Tizsakirva
Кривый	–	–

Кутлаш	–	–
Липецкая Поляна	Lipecka Polana	Lipcsemező
Липча	Lipča	Lipcse
Липовец	–	–
Лунка	–	–
Мадярош	–	–
Медвежий	–	–
Монастырец	–	–
Нанково	Nankovo	Husztköz
Нижнее Селище	Nižní Seliště	Alsószelistye
Нижний Быстрый	Nižní Bystrý	Alsóbisztra
Носеч	–	–
Облаз	–	–
Ожоверх	–	–
Октябрьское	–	–
Ольшаны	–	–
Осава	–	–
Поляна	–	–
Поточек	–	–
Противень	–	–
Ракош	–	–
Рокосов	Rokosov	Rakasz
Ряпидь	–	–
Слоновый	–	–
Сокрыница	Sekernice	Szeklence
Становец	–	–
Стеблевка	Sadoboš	Száldobos
Сюрюк	–	–
Тополин	–	–
Хуст	Chust	Huszt
Хустец	–	–
Чертож	–	–
Шаян	–	–
Широкое	Nižní Sárd	Alsósárd
Яблонька	–	–
Межгорский (до 1953 года Воловский) округ		
Буковец	Bukovec	Bükköspatak
Верхний Быстрый	–	–
Верхний Студеный	Vyšní Studený	Felsőhidegpatak
Вучковое	Vučkovo	Vucskómező
Голятин	Holatín	Tarfalu

Горб	—	—
Горбы	—	—
Дел	—	—
Жиганы	—	—
Завейка	—	—
Заверхая Кичера	—	—
Загорб	—	—
Запеределье	—	—
Изки	Izky	Iszka
Келечин	Kelečín	Kelecsény
Колочава (с 7 приселками)	Koločava	Alsókalocsa
Косов Верх	—	—
Кужбеи	—	—
Лесковец	Lachovec	Lengyelszállás
Лозянский	Lozanecký	Cserjés
Лопушное	—	—
Майдан	Majdan	Majdánka
Межгорье (до 1953 года Воловое)	Volové	Ökörmező
Мерешор	—	—
Негровец	Negrovec	Felsőkalocsa
Нижний Студеный (до 1945 года Студеный Поток)	Nižní Studený	Alsóhidegpatak
Новоселица	Novoselice	Tarújfalu
Пилипец	Pilipец	Fülöpfalva
Подобовец	Podobovec	Padóc
Подчумань	—	—
Поток	—	—
Прислоп	Příslop	Peroszló
Рекеты	Rekyty	Rekettye
Репинное	Repinné	Repenye
Речка	Řečka	Kispatak
Ростока	Rostoka	Rosztoka
Свобода	—	—
Синеvir (до 1946 года Нижний Синеvir)	Sinovír	Felsőszinevér
Синеvirская Поляна (до 1923 года Вышний Синеvir)	Sinevirská Polana	Alsószinevér
Соймы	Sojmy	Vizköz
Сопки	—	—

Стригальна	—	—
Сухой	—	—
Тетковцы	—	—
Торунь	Torun	Toronya
Тюшка	Ťuška	Csuszka
Тячевский округ		
Беловарцы	Bělovarce	Kiskirva
Бедевля	Bedevla	Bedőháza
Бобовое	—	—
Бребоя	—	—
Буштина	Buštino	Bustyaháza
Буштинская Гандал	Buštinský Handal	Handalbustyaháza
Валемонолуй	—	—
Валепригода	—	—
Валепропиль	—	—
Валесилише	—	—
Валестиркули	—	—
Валигово	—	—
Ведричка	—	—
Великая Уголька	—	—
Вовчий	—	—
Вонигово	Vonihovo	Vajság
Вышеватый	—	—
Вышний Дубовец	—	—
Ганичи	Ganiče	Gánya
Глиняный	—	—
Глубокий Поток	—	—
Груники	—	—
Грушево	Hrušovo	Szentmihálykörtvélyes
Диброва (до 1948 года Нижняя Апша)	Nižní Apša	Alsóapsa
Добрянское	—	—
Дубовое	Dubové	Dubó
Дулово	Dulové	Dulfalva
Думбрава	—	—
Дубровка	—	—
Калины	Kaliny	Alsókalinfalva
Квасный	—	—
Колодное	Kolodné	Darve
Комсомольск (Немецкая Мокра)	Německá Mokrá	Németmokra
Красная	Krásná	Tarackraszna

Кривое	Křivé	Nagykirva
Кричево	Kríčevo	Kricsfalva
Лазы	—	—
Лопухов (до 1946 года Брустура)	Brustury	Brusztura
Малая Уголька	—	—
Нересница	Neresnice	Nyéresháza
Нижний Дубовец	—	—
Новобарово	Nové Barovo	Újbárd
Новоселица	Novoselice	Taracújfalu
Нягово	Ňagova	Nyégova
Округла	Okrouhlá	Kerekhegy
Ольховчик	—	—
Ольховцы	Vulchovce	Irhóc
Ольховцы-Лазы	—	—
Павлик	—	—
Пещера	—	—
Петрушев	—	—
Подишор	—	—
Подплеша	Podpleša	Podosalja
Пригодь	—	—
Раково	—	—
Ровное	—	—
Руня	—	—
Руськая Мокра	Ruská Mokrá	Oroszmokra
Русское Поле (до 1946 года Урмезев)	Ruské Pole	Úrmező
Сасово	—	—
Соленое	—	—
Солотвина	Slatinské Doly	Aknaszlatina
Стримба	—	—
Тарасовка	Tarasová	Tereckipatak
Теребля	Tereble	Talaborfalu
Тересва	Teresva	Taracköz
Терново	Trnovo nad Tisou	Kökényes
Тисолово	—	—
Топориш	—	—
Топчино	—	—
Тячев	Ťačevo	Técső
Угля	Uhla	Uglya
Усть-Черная	Ust' Černá	Királymező
Фонтиясы	—	—

Чумалево	Čomalovo	Csománfalva
Широкий Луг (до 1946 года Сейлешни Лонка)	Široký Luh	Széleslonka
Раховский округ		
Белая Церковь	Bílá Cirkev	Tiszafejéregyház
Белин	Bélin	Bilin
Богдан	Bohdan	Tiszabogdány
Великий Бычков	Veliký Bočkov	Nagybocskó
Верхнее Водяное (до 1946 года Вышня Апша)	Vyšní Apša	Felsőpapsa
Водица (до 1946 года Апшица)	—	—
Говерла	—	—
Деловое (до 1946 года Требушаны)	Trebušany	Terebesfejérgpatak
Квасы (до 1946 года Тисаборкут)	Kvasy	Tiszaborkút
Кобылецкая Поляна	Kobylecká Polana	Gyertyánliget
Косовская Поляна	Kosovská Polana	Kaszómező
Костылевка (до 1946 года Берлабаш)	—	—
Круглый	—	—
Крушник	—	—
Лазещина	—	—
Луг	Luh	Lonka
Луги	—	—
Ольховатый	—	—
Подерей	—	—
Рахов	Rachov	Rahó
Росошка	Rozsoška	Részécska
Ростоки	—	—
Среднее Водяное (до 1946 года Средняя Апша). Сельскому управлению подчинены села Добрик и Плаюц	Střední Apša	Középpapsa
Сытный	—	—
Тростянец	—	—
Хмелев	—	—
Черная Тиса. Сельсовету подчинено село Стебный	—	—
Ясиня	Jasiňa	Kőrösmező

Береговский округ

Бадов	–	–
Батрадь (до 1946 года Бовтрадь)	Bovtrad'	Bótrágy
Береги	Veliký Berehy	Nagybereg
Берегово	Berehovo	Beregszász
Бодолов	Bodolov	Badaló
Боржава	–	–
Вары	Vári	Vári
Великая Бакта	Bakta	Bakta
Великая Бегань	Veliká Běgaň	Nagybégány
Вышние Реметы	Vyšné Remety	Felsőremete
Гараздовка (до 1946 года Гут)	Veliké Gutovo	Nagygut
Гать	Hat'	Gát
Геча	Geča	Gecsa
Грабарово	–	–
Даниловка	–	–
Дедово (до 1946 года Дейда)	Děda	Déda
Деренковец (до 1946 года Шом)	Šom	Beregsom
Доброселье (до 1946 года Бене)	Bene	Bene
Заставное (до 1946 года Запсонь)	Zapsoň	Zápszony
Звонковое	Malý Horonglab	Kisharangláb
Змеевка	Kid' oš	Kigyós
Ивановка (до 1946 года Яноши)	Janoš	Jánosi
Каштаново	–	–
Квасово	–	–
Косино	Kosino	Kaszony
Липово	–	–
Лужанка	–	–
Малая Бегань	Malá Běgaň	Kisbégány
Мочола	Močola	Mocsola
Мужиёво	Mužiěvo	Muzsaly
Нижние Реметы	Nižné Remety	Alsóremete
Новое Село (до 1946 года Уйфалу)	Újfalu	Újfalu
Няраш Горонда	–	–
Оросиево	Orosi	Oroszi
Попово (до 1946 года Попи)	Popi	Papi
Рафайлово	–	–
Свобода	Svoboda	Szvoboda
Солнечное	–	–
Узловое (до 1946 года Батьёво)	Bat'evo	Bátyú
Хомок	Homok	Holmok

Четово	–	–
Чикош Горонда	–	–
Чома	Çома	Csoma

Приложение 5

**Население Карпатской Украины
после 1-го Венского арбитража по роду занятий⁵**

Род занятий	Число, чел.	Доля, %
Сельское хозяйство	400 294	72,5
Горнорудная промышленность	3024	0,6
Промышленность	53 931	9,7
Торговля и кредит	24 019	4,3
Транспорт	16 056	2,9
Служащие и свободные профессии	16 117	2,9
Вооруженные силы	2530	0,5
Домашняя прислуга	2202	0,4
Другие и безработные	14 807	2,7
Неизвестных занятий	19 144	3,5
Всего населения	552 124	100

Население Закарпатья
по чехословацкой переписи 1930 года, чел.⁶

Род занятий	Население	Работающие					Вспомогательные члены семьи	Иждивенцы в семье	Домашние прислуги
		всего	самост. и аренд.	служащие	мел. служащие	рабоч. слуги			
Сельское хозяйство	424 048	108 432	74 131	98	244	33 959	69 134	246 241	241
Лесоводство и рыболовство	56 808	17 053	24	433	899	15 697	8	39 438	249
Промышленность	86 590	29 224	8376	670	985	19 193	330	56 290	746
Торговля и кредит	41 550	11 634	7175	791	2468	1200	1144	26 932	1840
Транспорт	23 094	6068	1324	839	1646	2259	67	16 740	219
Общественная служба и свободные профессии	30 072	11 759	869	6967	3298	625	7	16 737	1569
Армия	7703	6791	—	297	378	6116	—	870	42
Домашние слуги	4101	2488	245	1	16	2226	3	1586	24
Другие занятия	26 056	14 211	14 183	—	4	24	5	11 390	450
Безработные	25 335	8794	—	—	—	8794	7	16 527	7
Всего	725 357	216 454	106 327	10 096	9938	90 093	70 705	43 811	5387

Численность основных групп населения Карпатской Украины (национальность) по венгерской переписи от 15 июля 1939 года⁷ (данные по административным управлениям и округам регентского комиссариата)

Округ	Численность, чел.		Украины		Евреи		Венгры	
	численность, чел.	доля, %	численность, чел.	доля, %	численность, чел.	доля, %	численность, чел.	доля, %
Бережское административное управление								
Иршавский	57 565	85,1	48 998	85,1	5282	9,2	2092	3,6
Мукачевский	72 831	84,3	61 361	84,3	3876	5,3	3837	5,3
Свалявский	60 933	80,9	49 271	80,9	6150	10,1	2743	4,5
Всего	191 329	83,4	159 636	83,4	15 308	8,3	8677	4,5
Мараморошское административное управление								
Хустский	82 015	84,6	61 123	84,6	10 310	12,6	10 040	12,2
Виноградовский	62 032	70,4	43 682	70,4	3451	5,6	14 503	23,4
Воловский	41 533	86,2	35 813	86,2	5156	12,4	439	1,1
Раховский	67 314	59,3	39 939	59,3	8918	19,3	10 584	15,7
Тячевский	94 795	67,8	64 213	67,8	12 750	13,4	7591	8,0
Всего	347 689	70,4	24 277	70,4	40 585	11,7	43 155	12,4
Ужанское административное управление								
В. Березнянский	52 172	90,8	47 329	90,8	2560	4,9	1179	2,2
Перечинский	26 666	90,9	24 249	90,9	425	1,0	1253	4,7
Собранецкий	24 057	5,7	1392	5,7	392	1,6	2036	8,5
Ужгородский	25 648	81,6	29 914	81,6	1822	7,1	1265	4,9
Всего	128 543	73,1	93 884	73,1	5199	4,0	5750	4,5
Всего в крае	667 561	74,6	498 290	74,6	61 092	9,2	57 562	8,6

Кроме того, от Подкарпатья присоединили к территории трианонской Венгрии Чонгор (Чомонин) и Росвигово и 5 сел Вилокского округа, где проживали 7362 чел., в т. ч. 2202 украинца.

Приложение 6

Число и площадь землевладений в кадастровых хольдах в Подкарпатья по венгерской переписи населения от 15 июля 1939 года⁸

Группы величины хозяйств по кад. хольдам	Число	Площадь
До 1	64 048	33 160
1–5	84 764	266 003
5–10	26 256	195 793
10–20	10 376	152 495
20–50	2608	79 849
50–100	644	46 380
100–500	683	157 921
500–1000	162	117 180
1000–3000	158	258 843
Свыше 3000	83	788 283
Всего	189 767	2 095 9571

Приложение 7

Вторая мировая война в Закарпатье

Разведывательные и партизанские отряды и группы, десантировавшиеся в Закарпатье в 1942–1944 годах

Командир	Наименование	Дата десантирования	Число
А. Борканюк	Без наименования	4 января 1942 года	6
Ф. Патаки	«Закарпатцы»	19 августа 1943 года	7
Г. Володин	Имени Суворова	6 мая 1944 года	11

Командир	Наименование	Дата десантирования	Число
И. Мельников	Имени Ватутина	11 мая 1944 года	11
С. Сопилков	Без наименования	10 июня 1944 года	15
И. Маслов	Без наименования	Начало июля 1944 года	16
И. Косик	Без наименования	—	—
В. Буров	Без наименования	—	—
А. Тканко	Без наименования	9 июля 1944 года	19
Д. Уста	Имени Ф. Ракоци	8 августа 1944 года	23
И. Прищепа	Без наименования	25 августа 1944 года	22
Я. Ванягин	Разведгруппа	28 августа 1944 года	6
В. Русин	Без наименования	7 сентября 1944 года	19
М. Перечинский	«За свободу Чехословакии»	27 сентября 1944 года	18
В. Буянов	Без наименования	11 октября 1944 года	23
В. Хоменко	Имени Ленина	11 октября 1944 года	18
И. Капитан	Разведгруппа	Летом 1944 года	2

**Военно-разведывательные группы,
действовавшие в Закарпатье в 1939–1944 годах**

Место действия	Командиры групп	Годы
Буштино, Тячевский округ	П. Микулинец, М. Рушак	1939–1941
Воловец — Мукачево	Х. Росоха	1939–1941
Вучковое — Межгорье	Й. Лой, Ф. Попович	1939–1941
Богдан, Раховский округ	Состав группы: М. Колочук, И. Мартиш, О. Приймак	1939–1941
Ужгород	Л. Варга	1940
Мукачевский, Иршавский, Перечинский округа	И. Иванчулинец	1944
Перечинский, Великоберезнянский округа	В. Когут	1944

Командный состав Четвертого Украинского фронта

Командующий войсками — генерал-полковник **Петров И.Е.**; с 26 марта 1945 года — генерал **Еременко А.И.**

Командующие армиями:

- 1-я гвардейская армия — генерал-полковник **Гречко А.А.**;
- 18-я армия — генерал-лейтенант **Журавлев Е.П.**;

- 38-я армия — генерал-полковник **Москаленко К.С.**;
- 60-я армия — генерал-полковник **Курочкин П.А.**;
- 8-я воздушная армия — генерал-полковник авиации **Жданов В.П.**

Командиры корпусов:

- 17-й отдельный гвардейский стрелковый — генерал-майор **Гастилевич А.Н.**;
- 18-й гвардейский стрелковый — генерал-майор **Афонин Н.М.**;
- 3-й горно-стрелковый — генерал-майор **Веденин А.Я.**;
- 11-й стрелковый — генерал-майор **Запорожченко М.И.**;
- 15-й стрелковый — генерал-майор **Тертышный П.В.**;
- 28-й стрелковый — генерал-майор **Озимин М.И.**;
- 30-й стрелковый — генерал-майор **Лазько Г.С.**;
- 52-й стрелковый — генерал-майор **Бушев С.М.**;
- 67-й стрелковый — генерал-майор **Шмиго И.С.**;
- 95-й стрелковый — генерал-майор **Мельников И.И.**;
- 101-й стрелковый — генерал-лейтенант **Бондарев А.Л.**;
- 106-й стрелковый — генерал-майор **Ильиных П.Ф.**;
- 107-й стрелковый — генерал-лейтенант **Гордеев Д.В.**;
- 126-й легкий горно-стрелковый — генерал-майор **Соловьев В.Н.**;
- 127-й легкий горно-стрелковый — генерал-майор **Жуков Г.А.**;
- 31-й танковый — генерал-майор танковых войск **Кузнецов Г.Г.**;
- 8-й штурмовой авиационный — генерал-лейтенант авиации **Нанейшвили В.В.**;
- 10-й истребительный авиационный — генерал-майор авиации **Головня М.М.**;
- 1-й Чехословацкий армейский — генерал **Кратохвил Я.**, с 10 сентября 1944 года — генерал **Свобода Л.**, с 6 апреля 1945 года — генерал **Клапалек К.**

Командиры дивизий:

- 2-я гвардейская воздушно-десантная — полковник **Черный С.М.**;
- 128-я гвардейская горно-стрелковая — генерал-майор **Колодубов М.И.**;
- 129-я гвардейская стрелковая — генерал-майор **Гринченко Т.У.**;
- 8-я стрелковая — полковник **Угрюмов Н.С.**;
- 9-я пластунская стрелковая — генерал-майор **Метальников П.И.**;
- 24-я стрелковая — генерал-майор **Прохоров Ф.А.**;
- 30-я стрелковая — генерал-майор **Янковский В.П.**;
- 70-я гвардейская стрелковая — генерал-майор **Гусев И.А.**;
- 81-я стрелковая — полковник **Матусевич И.И.**;
- 100-я стрелковая — генерал-майор **Красавин Ф.М.**;
- 107-я стрелковая — полковник **Петренко В.Я.**;
- 121-я стрелковая — полковник **Доценко П.М.**;
- 138-я стрелковая — полковник **Васильев В.Е.**;
- 140-я стрелковая — генерал-майор **Киселев А.Я.**;
- 141-я стрелковая — полковник **Пахомов И.С.**;
- 148-я стрелковая — полковник **Гольцов М.И.**;

- 151-я стрелковая — генерал-майор **Подшивайлов Д.П.**;
- 155-я стрелковая — генерал-майор **Смирнов А.С.**;
- 161-я стрелковая — полковник **Новожилов В.И.**;
- 167-я стрелковая — полковник **Дряхлов И.Д.**;
- 183-я стрелковая — генерал-майор **Василевский Л.Д.**;
- 211-я стрелковая — подполковник **Един И.П.**;
- 226-я стрелковая — генерал-майор **Коропотян Н.А.**;
- 237-я стрелковая — полковник **Тетенко М.Г.**;
- 241-я стрелковая — полковник **Андриенко А.Т.**;
- 242-я горно-стрелковая — генерал-майор **Лисинов В.Б.**;
- 246-я стрелковая — полковник **Козаринов Д.Л.**;
- 271-я стрелковая — генерал-майор **Моложаев В.И.**;
- 76-я стрелковая — генерал-майор **Бежко П.М.**;
- 302-я стрелковая — полковник **Клименко А.Я.**;
- 304-я стрелковая — полковник **Гальцев А.С.**;
- 305-я стрелковая — полковник **Васильев А.Ф.**;
- 317-я стрелковая — полковник **Жердиенко Н.Т.**;
- 318-я горно-стрелковая — генерал-майор **Гладков В.Ф.**;
- 322-я стрелковая — генерал-майор **Зубов П.И.**;
- 336-я стрелковая — генерал-майор **Борисов М.Ф.**;
- 340-я стрелковая — генерал-майор **Пархоменко Ф.Н.**;
- 351-я стрелковая — генерал-майор **Дударев И.Ф.**;
- 13-я артиллерийская — генерал-майор артиллерии **Кофанов В.И.**;
- 24-я артиллерийская — полковник **Джинчарадзе Г.М.**;
- 10-я гвардейская истребительная авиационная — генерал-майор авиации **Ухов В.П.**;
- 15-я гвардейская истребительная авиационная — генерал-майор авиации **Лакеев И.А.**;
- 224-я штурмовая авиационная — генерал-майор авиации **Котельников**;
- 227-я штурмовая авиационная — подполковник **Левадный А.С.**;
- 1-я Чехословацкая смешанная авиационная — подполковник **Будин**.

Приложение 8

Документы

*Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании
Закарпатской области в составе Украинской ССР*

Утвердить представление Президиума Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики об образовании Закарпатской области с центром в городе Ужгород.

В состав Закарпатской области включить города: Ужгород и Мукачево и округа: Береговский с центром в городе Берегово; Великоберезнянский с центром в селе Великий Березный; Воловецкий с центром в селе Воловец; Воловский с центром в селе Волово; Иршавский с центром в селе Иршава; Мукачевский с центром в городе Мукачево; Перечинский с центром в селе Перечин; Раховский с центром в селе Рахово; Свалявский с центром в селе Свалява; Севлюшский с центром в городе Севлюш; Тячевский с центром в селе Тячево; Ужгородский с центром в городе Ужгород и Хустский с центром в городе Хуст.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.

Москва, Кремль. 22 января 1946 года.

Указ Президиума Верховного Совета УССР о введении на территории Закарпатской области законодательства Украинской Советской Социалистической Республики

В связи с ратификацией 27 ноября 1945 года Президиумом Верховного Совета Союза ССР договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине и образовании в результате этого Закарпатской области в составе УССР Верховный Совет УССР постановляет:

Ввести с 25 января 1946 года на территории Закарпатской области законодательство Украинской Советской Социалистической Республики.

Председатель Президиума Верховного Совета УССР М. Гречуха.

Секретарь Президиума Верховного Совета УССР А. Межжерин.

Киев. 24 января 1946 года.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
АЗС	– Автономный земледельческий союз
АМО РФ	– Архив Министерства обороны Российской Федерации
ДВП	– Документы внешней политики СССР
ЗОГА (ГАЗО)	– Закарпатский областной государственный архив
ЗУ	– Закарпатская Украина
ИДА	– Историко-дипломатический архив
КПЧ	– Коммунистическая партия Чехословакии
МВД	– Министерство внутренних дел
МИД	– Министерство иностранных дел
НКИД	– Народный комиссариат иностранных дел
НХП	– Народная христианская партия
ОУН	– Организация украинских националистов
ПКСВТВД	– Правительственный комиссар северо-восточной территории военных действий
РНАП	– Русская национальная автономная партия
СНС	– Словацкий национальный совет
СДП	– Социал-демократическая партия
УНО	– Украинское национальное объединение
УФ	– Украинский фронт
АА	– Auswärtiges Amt, Berlin
ААД	– Auswärtiges Amt Deutschland
ААН	– Archivum Akt Nowych w Warszawie
АДАР	– Akten zur deutschen auswärtige Politik
Ált	– Általános
Bd	– Band
ВЕО	– Békeelőkészítő Osztály
ВМ	– Belügyi Minisztérium

BMI	– Belügyi Minisztérium Irattára
Biz (BI)	– Bizalmi
D	– Dossié
DPE	– Departament Polityczny-ekonomiczny
DBFP	– Documents on British Foreign Policy
DGFP	– Documents on German Foreign Policy
DIMK	– Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához
EI	– Elnöki
F	– Fond
FKT	– Forradalmi Kormányzótanács
FM	– Földművelési Minisztérium
Főn	– Főnöki
FSzB	– Fegyverszüneti Bizottság
FT	– Filmtár
GPO	– Gazdaság-politikai Osztály
HdmO	– Hadművelési Osztály
Hds	– Hadsereg
HL (HIL)	– Hadtörténelmi Intézet Levéltára
HM	– Honvédelmi Minisztérium
HTKB	– Hadművelési Terület Kormánybiztossága
HMTI	– Horthy Miklós titkos iratai
IM	– Igazságügyi Minisztérium
Jkv	– Jegyzőkönyv
K	– Kötet
KHO	– Könnyű hadosztály
KRPU	– Konsulat RP w Użgorodze
K-27	– ME. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek
K-58	– KÜM. A miniszter kabinetjének iratai
K-63	– KÜM. Politikai iratok
K-64	– KÜM. Reservált politikai iratok
K-74	– KÜM. Számjeltáviratok
K-81	– KÜM. Képviselések. Magyar követség. Bécs
K 83	– KÜM. Képviselések. Magyar követség. Berlin
K-84	– KÜM. Képviselések. Magyar követség. Bern
K-89	– A Ruténföld visszacsatolásával kapcsolatos hiranyag
K-98	– KÜM. Képviselések. Magyar követség. Bratislava
K-99	– KÜM. Képviselések. Magyar követség. Róma
K-100	– KÜM. Képviselések. Római magyar követség. Katonai attashé iratai
K-105	– KÜM. Képviselések. Vatikáni magyar követség
K-121	– Istambuli konzulátus
K-145	– (MGH) Magyarok munásgondozó hivatal. Berlin

- K-429** – Kozma Miklós iratai
K-513 – Országgyűlési Levéltár
K 609 – KÜM. Sajtó
KN – Országgyűlés Képviselőházának Naplója
KÜM – Külügyminisztérium Levéltára
L – Lap
ME – Miniszterelnökség
MSZ – Ministerstwo spraw zagranicznych
MT – Minisztertanácsi
NSz – Nemzetközi Szerződések
OB – Országos Bizottság
OgyL – Országgyűlési Levéltár
OL – Magyar Országos Levéltár
Old – Oldal
Óe – Órzet egység
P III – Departament polityczny
PB – Poselstwo RP w Belgradzie
PBp – Poselstwo RP w Budapesztcie
PIA – Párttörténet Intézet Irattára
Pol – Politikai
P-24 – Nationaliteten in Ungarn
1550 – Politische Abteilung. Pol. IV. Politische Beziehungen zwischen Italia und Ungarn
2980 E – Büro des Reichsministers 35. Ungarn
6147 E – Politische Abteilung. IV. Ungarn. Pol. 2A
6638 E – Politische Abteilung. IV. P. 2. Politische Beziehungen zwischen Ungarn und Deutschland
7424 – Büro des Staatssekretärs. Pol. IV. 6. Ungarn 5
7427 – Politische Abteilung. IV. Politische Beziehungen Ungarns zu Deutschland
7428; 7796 – Politische Abteilung. IV. Ungarn. Po 29
F 1-F 20 – Swekretariat des Deutschen Aussenministers
1346 – Politische Abteilung. V. Po. 3. Politische Beziehungen zwischen Polen und Ungarn
1550 – Politische Abteilung. IV. Italien. Politische Beziehungen zwischen Italien und Ungarn. Bd/e 5
1863-1864 – Politische Abteilung. IV. Po. 3. Politische Beziehungen der Tschechoslowakei zu Ungarn
1969 – Politische Abteilung. IV. Politische Beziehungen zwischen der Karpato-Ukraine und Ungarn
3037 – Reichskanzlei. Band 1502. Auswärtiges Amt. Ungarn. Band 2

Res	– Reservált
S	– Seite
Sz	– Szám
ÚMKL	– Új Magyar Központi Levéltár
Vkf	– Vezérkari főnök
W	– Wydział wschodni
X	– 9581. 36119 t. Magyar követség. Moszkva

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Hómán Bálint és Szekfű Gyula. Magyar történet. Bp., 1941. 1. k. 71. old.
- ² Magyarország története. Bp., 1984. 8. k. 634–650. old.
- ³ *Сова П.П.* Прошлое Ужгорода. Ужгород, 1937. С. 13–16.
- ⁴ *Лелекач Н.Н.* Про принадлежность Закарпаття до Київської Русі в X–IX ст. // Наукові записки Ужгородського державного університету. Ужгород, 1949. Т. 2. С. 25–39.
- ⁵ Hómán Bálint és Szekfű Gyula. Magyar történet. Bp., 1941. 1. k. 80. old.
- ⁶ *Сова П.П.* Указ. соч. С. 28–31.
- ⁷ *Пушкаш А.И.* Национальный вопрос в Закарпатье накануне Второй мировой войны // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 176–177.
- ⁸ Magyarország története. 1–2. k. 1302–1350. old.
- ⁹ ÚMKL. KÜM. Bé.o. IV. 178. 13. l. – Расшифровка названий архивов дана в списке условных сокращений.
- ¹⁰ ЗОГА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 620. Л. 4.
- ¹¹ Там же. Ф. 151. Оп. 2. Д. 1366. Л. 1.
- ¹² Там же. Оп. 4. Д. 1447. Л. 2–3.
- ¹³ Там же. Д. 1440. Л. 1–2.
- ¹⁴ Там же. Д. 2794. Л. 88.
- ¹⁵ Там же. Л. 136.
- ¹⁶ Там же. Л. 156.
- ¹⁷ *Коломиец И.Г.* Социально-экономические отношения и общественное движение во второй половине XIX столетия. Томск, 1961. Т. 1. 404 с.; 1962. Т. 2. 678 с.
- ¹⁸ *Коломиец И.Г.* Указ соч. Т. 2. С. 542–543.
- ¹⁹ Там же. С. 541–542.
- ²⁰ Нариси історії Закарпаття (1918–1945). Ужгород, 1995. Т. 2. С. 12–36.
- ²¹ *Данилюк Д.Д.* Історіографія Закарпаття в новітній час (1917–1985). Львів, 1987.
- ²² Шляхом Жовтня. Зб. док. Ужгород, 1957–1967.
- ²³ Історія міст і сіл Української РСР. (В 26-ти томах.) Закарпатська область. Київ, 1969.
- ²⁴ *Співак Б.І.* Нарис історії революційної боротьби трудящих Закарпаття в 1930–1945 рр. Львів, 1963.
- ²⁵ *Ілько В.И.* Аграрные отношения в Закарпатье в эпоху империализма 1900–1944. Львов, 1984. Он еще в 1973 г. опубликовал во Львове книгу: Закарпатське село на початку ХХ ст. (1900–1919), а в 1981 г. депонировал в ИНИОН АН СССР рукопись монографії: Социально-экономические отношения в закарпатском селе в 1919–1938 гг. Ужгород, 1981.

- ²⁶ *Болдижар М.* Закарпаття між двома світовими війнами. Ужгород, 1993.
- ²⁷ *Магочій Павел Роберт.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994. Перевод с английского.
- ²⁸ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 25–26.
- ²⁹ Там же. С. 24.
- ³⁰ *Поп И.И.* Историография истории русин и Подкарпатской Руси // Славяноведение. М., 2003. № 1. С. 57–72.
- ³¹ Там же. С. 65.
- ³² Там же. С. 62.
- ³³ Там же. С. 65.
- ³⁴ Нариси історії Закарпаття / Ред. Гранчак І.М. і др. Ужгород, 1993, 1994. Т. 1–2. Членом редколегії другого тома был и И.И. Поп.
- ³⁵ *Данилюк Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах. Ужгород, 1997.
- ³⁶ Славяноведение. 2003. № 1. С. 65.
- ³⁷ *Мишанич О.* «Карпаторусинство», його джерела й еволюція у ХХ ст. Івано-Франківськ, 1992, 1999.; *Мишанич О.* Політичне русинство і що за ним. Ужгород, 1993; «Карпаторусинство»: історія і сучасність / Ред. Мишанич О. Київ, 1994; *Мишанич О.* «Энциклопедия Подкарпатской Руси» і що за нею? Київ, 2002; *Бача Ю.* Політичне русинство – політична провокація. Пряшів, 1996.; Ванат І. До питання про так звану українізацію русинів Пряшівщини. Пряшів, 1993; *Маркусь В.* Політична і державно-правова еволюція українського Закарпаття. Київ, 1993.
- ³⁸ Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. 431 с.
- ³⁹ Славяноведение. М., 2003. № 1. С. 107–110.
- ⁴⁰ Там же. С. 109.
- ⁴¹ Стенографический отчет. XVIII съезд ВКП(б). М., 1939. С. 14.
- ⁴² *Macartney С.А.* Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London – New York – Toronto, 1937.
- ⁴³ Закарпаття під Угорщиною. 1938–1944 рр. Нью-Йорк – Чикаго – Ужгород, 1999.
- ⁴⁴ *Марына В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003.

Часть первая

Закарпатье в революционной буре 1918–1919 годов

Глава первая

Планы воюющих сторон по переустройству Средней и Юго-Восточной Европы.

Распад Австро-Венгерской монархии

¹ ÚMKL. KÜM. III/3. 1207. Bé. o. 1945. 160. 1

² *Jászi Oszkár.* Magyarország jövője és Dunai Egyesült Államok. Bp., 1918.

³ Ibid. 169–170. old.

⁴ Magyarország története. 1849–1918. Bp., 1972. IV. k. 619–620. old.

⁵ *Galántai József.* Magyarország az első világháborúban. 1914–1918. Bp., 1974. 175–178. old.

⁶ *May A.* The Passing of the Habsburg Monarchy 1914–1918. Philadelphia, 1966. V. 1. P. 262–263.

⁷ *Masaryk T.G.* A világforradalom. Emlékek, gondolatok. 1914–1918. Praha, 1928. 161. old.

⁸ *Galántai József.* Op. cit. 210. old.

⁹ *Zeman Z.A.* The Break-up of the Habsburg Empire. 1914–1918. London – New York – Toronto, 1961. P. 126.

¹⁰ *May A.* Op. cit. V. II. P. 590.

¹¹ OL. Filmtár. W. 273.

¹² Országgyűlési nyomtatványai. Képviselőház. Napló. 1918. április 25, május 11, július 5.

¹³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Washington, 1939. V. 1. P. 808–809; *Lansing R.* Wars Memoirs. London, 1935. P. 267–269.

¹⁴ Papers... V. 1. P. 809–810; *Masaryk T.G.* Op. cit. 312. old.

¹⁵ *May A.* Op. cit. V. II. P. 754–758.

¹⁶ *Mamatay V.* The United States and east Central Europe. 1914–1918. New Jersey, 1958. P. 323.

¹⁷ *Kővágó László.* A magyarországi délszlávok 1918–1919-ben. Bp., 1964. 60. old.

¹⁸ *Писарев Ю.А.* Образование югославского государства. М., 1975. С. 297–299.

¹⁹ *Rubint Dezső.* Az összeomlás. Bp., 1922. 307. old.

²⁰ Ibid.

²¹ *Galántai József.* Op. cit. 431. old.

Глава вторая

Закарпаття в буржуазно-демократической революции

¹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 40.

² Görög-Katholikus Szemle. 1918. XI. 2, 5, 7, 10, 17; Új Magyarország. 1918. XI. 5; Az Újság. 1918. XI. 6.

³ *Співак Б., Троян М.* 40 незабутніх днів: 3 історії боротьби за владу Рад на Закарпатті в 1919 році. Ужгород, 1967. С. 32.

⁴ PIA. A XVI. 2/5.

⁵ *Співак Б., Троян М.* Указ. соч. С. 36–40.

⁶ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 48.

⁷ ГАЗО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

⁸ *Hajdu Tibor.* A polgári demokrácia külpolitikája 1918–1919-ben // Századok. Bp., 1967. 5. sz., 887–888. old.

⁹ *Mérei Gyula.* A magyar októberi forradalom és a polgári pártok. Bp., 1969. 170–172. old.

¹⁰ Világ. 1918. X. 15.

¹¹ ÚMKL. KÜM. III/3. 1207/BEO. 1945. 161–162. 1.

¹² *Král Václav.* Intervenční válka československé buržoazie proti Maďarské Sovjetské Republice v roce 1919. Praha, 1954. S. 32.

¹³ OL. ME. MT jkv., 1918. nov. 29. 3–5. l.

¹⁴ Ibid. dec. 1. 7–8. l.

¹⁵ Ibid. 1. 9, 11–18. l.

¹⁶ *Hajdu Tibor.* A polgári demokrácia külpolitikája. 1918–1919-ben // Századok. 1967. 5. sz. 880. old.; Ibid. Az 1918-as magyarországi polgári demokratikus forradalom. Bp., 1968. 118. old.

¹⁷ Magyarország története. 1849–1918. Bp., 1972. IV. 8. k., 119–120. old.

¹⁸ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 54.

¹⁹ *Клочурак Степан.* До волі. Нью-Йорк, 1978. С. 111–112.

²⁰ Степан Клочурак-младший, Дмитро Иванюк, Иван Климуш, Степан Клочурак-старший, Иван Тимчук, Юрий Кабанюк и другие.

²¹ *Клочурак Степан.* Указ. соч. С. 114–116.

²² Там же. С. 118–119.

²³ Там же. С. 121.

²⁴ Magyarország története. 1849–1918. Bp., 1972. IV. 8. k., 120. old. Вслед за Спиваком, Трояном, Ванатом и авторы «Очерков» приводят дату 21 декабря.

- ²⁵ Решение вопроса русинов, проживавших в комитатах Землен, Шарош, Абауй-Толна и Сентеш, откладывалось до общего мирного договора. (Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 55.)
- ²⁶ Magyarország története. 1849–1918. Bp., 1972. IV. 8. k., 120. old.
- ²⁷ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 56–57.
- ²⁸ Magyarország története. 1849–1918. Bp., 1972. IV. 8. k., 120. old.
- ²⁹ *Macartney C.A.* Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London – New York – Toronto, 1937. P. 203.
- ³⁰ *Ibid.* P. 204.
- ³¹ *Ibid.*
- ³² *Клочурак Степан.* Указ. соч. С. 97–110.
- ³³ Там же. С. 122–130.
- ³⁴ Там же. С. 131–132.
- ³⁵ Там же. С. 133.
- ³⁶ *Сміян П.К.* Жовтнева революція і Закарпаття (1917–1919 рр.). Львів, 1972.
- ³⁷ *Піпаш Володимир.* Республіка з нашої долі // Закарпатська Правда. — 1992. — 29 апреля; *Болдижар М.* Закарпаття між двома світовими війнами. Ужгород, 1993.
- ³⁸ Книга перепечатана в Ужгороді в 1992 році.
- ³⁹ *Клочурак Степан.* Указ. соч. С. 142–151.
- ⁴⁰ Там же. С. 151.
- ⁴¹ Népszava. — 1918. — 20.11.
- ⁴² HL. Fegyv. Szün. Biz. 1919. 817. V. 27 919; PIA. VM. 1919. 3767; Vörös Újság. 1919. 20. II; Századok, 1954. 3. sz. 571. old.
- ⁴³ Göög-katholikus Szemle. — 1919. — 21.01.
- ⁴⁴ *Бадан О.* Закарпатська Україна: Соціально-економічний нарис. Харків, 1929. С. 159–160.
- ⁴⁵ *Співак Б., Троян М.* Указ. соч. С. 47; Нариси історії Закарпаття. С. 65.
- ⁴⁶ *Veneš Edvard.* Světová válka a naše revoluce. Praha, 1930. D. III. S. 534.
- ⁴⁷ *Сміян П.К.* Указ. соч. С. 69.
- ⁴⁸ *Русак Ю.* Воспоминания. Ужгород, 1938. С. 50–60.
- ⁴⁹ В 1927–1928 годах отдельные части их публиковались на чешском языке. Второе, переработанное, издание вышло в издательстве «Карпатский голос» в Филадельфии (США). Основное в переработке заключается в замене слова «русин» наименованием «украинец».
- ⁵⁰ *Волошин Августин.* Спомини: Релігійно-національна боротьба карпатських русинів-українців проти мадярського шовінізму. Филадельфія, 1959. С. 45–50.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 55.
- ⁵³ *Магочий Павло Роберт.* Формування національної самосвідомості. С. 57.
- ⁵⁴ *Tajtók L.* Národnodemokratická revolúcia na Východnom Slovensku v roku 1918. Bratislava, 1972. S. 97–103.
- ⁵⁵ *Hatalák Petr.* Jak vznikla myšlenka připojení Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod, 1935. 38 s.
- ⁵⁶ *Мельникова И.Н.* Как была включена Закарпатская Украина в состав Чехословакии. 1919 г. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1951. Т. 3. С. 104–135.
- ⁵⁷ *Магочий П.Р.* Указ. соч. С. 51–56, 62–66; Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 58–62.
- ⁵⁸ *Магочий П.Р.* Указ. соч. С. 52.
- ⁵⁹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 56.
- ⁶⁰ *Macartney C.A.* Op. cit. P. 202.
- ⁶¹ *Hatalák Petr.* Op. cit. S. 12–13.

- ⁶² Ibid. S. 15.
- ⁶³ Просвіта. — 1918. — 20.04; 04.07; Американський Русський Вестникъ. — 1918. — 01.08.
- ⁶⁴ Американський Русський Вестникъ; Просвіта. — 1918. — 08.08. Цит. по: *Магочій Павло Роберт*. Формування національної самосвідомості. С. 54–55.
- ⁶⁵ *Винниченко В.* Відродження нації. Київ — Відень, 1920. Ч. 3. С. 292–293.
- ⁶⁶ *Маланчук В.Ю.* Історія однієї зради. Львів, 1958. С. 50.
- ⁶⁷ *Ллойд Джордж.* Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 128.
- ⁶⁸ *Винниченко В.* Указ. соч. Ч. 3. С. 33.
- ⁶⁹ *Józsa Antal.* A szovjet köztársaságok szövetsége 1919-ben // A Magyarországi Tanácsköztársaság 50.évfordulója. Nemzetközi tudományos ülészak (Budapest, 1969, március 17–19). Budapest, 1970. 340. old.
- ⁷⁰ *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне. М.—Л., 1933. Ч. 4. С. 54–56.
- ⁷¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. 2. С. 421.
- ⁷² *Hatalák Petr.* Op. cit. S. 29.
- ⁷³ Американський Русський Вестникъ. — 1918. — 14 сентября. Цит. по: *Магочій Павло Роберт*. Формування національної самосвідомості. С. 56.
- ⁷⁴ В то же время, например, если из 50 человек 26 проголосовали в пользу Чехословакии или кого-то другого, то и остальные 24 голоса передавались победителю, независимо от того, за кого они голосовали.
- ⁷⁵ *Miller Hunter.* My Diary at the Peace Conference of Paris. New York, 1924–1926. Vol. 1. С. 21.
- ⁷⁶ *Macartney C.A.* Op. cit. P. 115.
- ⁷⁷ *Danko Joseph.* Plebiscite of Carpatho-Rutheniens in the United States Recommending Union of Carpatho-Rutheniawith the Czechoslovak Republic // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences. New York, 1964–1968. V. 11. № 1–2. P. 184–207.
- ⁷⁸ *Mamatey Victor S.* The Slovaks and Carpatho-Rutheniens // The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policies. Kentucky, 1967. P. 224–249.
- ⁷⁹ *Снівак Б., Троян М.* Указ. соч. С. 42.
- ⁸⁰ *Ванат Іван.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. Пряшів, 1979. Кн. 1. С. 96.
- ⁸¹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 61.
- ⁸² Там же. С. 62.
- ⁸³ *Hanak Walter K.* Subcarpathian — Ruthenian Question: 1918–1945. Austin, Texas. Pennsylvania, 1962. P. 50.
- ⁸⁴ Ibid. P. 44–45.
- ⁸⁵ *Бенеш Э.* Речь о подкарпатско-русской проблеме. Ужгород, 1934. С. 23, 58–59.
- ⁸⁶ *Мельникова И.Н.* Указ. соч. С. 120; *Штейн Б.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М., 1949. С. 197; *Masaryk T.G.* Cesta demokracie. 1918–1920. Praha, 1933. Т. 1. S. 67.
- ⁸⁷ *Волошин Августин.* Указ. соч. С. 55.
- ⁸⁸ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Washington, 1943. V. 4. P. 59–61.
- ⁸⁹ *Tompson C.T.* The Peace Conference. Day by Day. New York, 1920. P. 261.
- ⁹⁰ *Hajdu Tibor.* A Magyarországi Tanácsköztársaság. Вр., 1969. 24. old.; *Siklós András.* Magyarország 1918/1919. Вр., 1978. 249. old.; *Линтаи Эрвин.* Венгерская Советская Республика. М., 1970. С. 97.
- ⁹¹ *Tompson C.T.* The Peace Conference. Day by Day. New York, 1920. P. 273–275; *Böhm Vilmos.* Két fordalom tüzeében. München, 1923. S. 239.
- ⁹² Подробнее см.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. 1918–1927. М., 1981. С. 67–75.
- ⁹³ *Волошин Августин.* Указ. соч. С. 55.
- ⁹⁴ *Ключурак Степан.* Указ. соч. С. 164–167.

- ⁹⁵ *Борцак І.* Карпатська Україна в міжнародній грі. Львів, 1938. С. 22–34; *Журавський-Граєвський П.* Питання Підкарпатської Русі на Міжнародній конференції в Парижі // Зустрічі. Нью-Йорк, 1990. С. 130–136.
- ⁹⁶ *Ванат Іван.* Указ. соч. Кн. 1. С. 77–78.
- ⁹⁷ Версальський мирний договір / Под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М., 1925. С. 38–39.
- ⁹⁸ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 239.

Глава третья

Советская власть в Руськой Краине

- ¹ *Магочий Павло Роберт.* Формування національної самосвідомості. С. 61–62.
- ² *Стівак Б., Троян М.* 40 незабутніх днів: З історії боротьби за владу Рад на Закарпатті в 1919 році. Ужгород, 1967.
- ³ Там же. С. 61–62.
- ⁴ Там же. С. 71.
- ⁵ PIA. 601. f. 1/2a. бe. A Forradalmi Kormányzótanács II. számú ülése. 1919 márc. 25. 1. l.
- ⁶ Ibid. FKT X. 1919. április. 7. 4. l.
- ⁷ Ibid. 1–4. l.
- ⁸ Ibid. 1/16. FKT. 10. l.
- ⁹ *Král Václav.* Intervenciční válka československé buržoasie proti Maďarské sovětské republice v roce 1919. Praha, 1954. S. 96–97.
- ¹⁰ *Липтаи Эрвин.* Венгерская Советская Республика / Пер. с венг. М., 1970. С. 212.
- ¹¹ *Breit József.* A Magyarország 1918–19. évi forradalmi mozgalmak és a vörös háború története. Bp., 1930. 41. old.
- ¹² Népszava. — 1919. — 25.03.
- ¹³ Népszava. — 1919. — 23.06.
- ¹⁴ ЗОГА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 706. Л. 89.
- ¹⁵ *Vietor Martin.* Slovenská sovietska republika v r. 1919. Bratislava, 1955. S. 176.
- ¹⁶ *Волошин Августин.* Спомини. Релігійно-національна боротьба карпатських русинів-українців проти мадярського шовінізму. Філадельфія, 1959. С. 55.
- ¹⁷ *Ключурак Степан.* До волі. Нью-Йорк, 1978. С. 176–180.

Часть вторая

Подкарпатье в составе Чехословакии

Глава первая

В годы военной диктатуры

- ¹ *Žatkovič G.* Exposé dr. G. I. Žatkoviče, býveho gubernatora Podkarpatskoj Rusi — Homestead. S. A. P. 26–28.
- ² *Masaryk T.G.* Cesta demokracie. 1918–1920. Praha, 1934. T. I. S. 466–469.
- ³ Közlöny: Uzshorod. — 1919. — 26.09.
- ⁴ HL. Magyar Nemzeti hadsereg fővezérsége. 1919. II. c. oszt. 1222/420, 440. l.
- ⁵ HL. MNHV. 1920. 101/1, 269. l.
- ⁶ Ibid. 1919. II. c. oszt. 1222/420. 440. l.
- ⁷ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 119–120.
- ⁸ Zbírka zákonů a nařizení statu Československého. Praha. 1920. Č. XXVI. S. 255–256, 265–266.
- ⁹ Ibid. Č. LXV. S. 913–914.

- ¹⁰ Шляхом Жовтня: Сборник документов. Ужгород, 1957. Т. 1. С. 221–222.
- ¹¹ Там же. С. 232; Правда. — 1920. — 05.05; Munkás Újság. — 1920. — 09.05.
- ¹² Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 312; Шляхом Жовтня: Сборник документов. Ужгород, 1957. Т. 1. С. 298; *Кремпа Иван*. За интернациональное единство рабочего движения Чехословакии. М., 1979. С. 312.
- ¹³ *Macartney C.A.* Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London – New York – Toronto, 1937. P. 223.
- ¹⁴ *Магочий Павло Роберт*. Формування національної самосвідомості. С. 172.

Глава вторая

Восстановление и расширение деятельности партий в Подкарпатской Руси

- ¹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 127–135.
- ² *Macartney C. A.* Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London – New York – Toronto, 1937. P. 203.
- ³ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 133–134.

Глава третья

Планы хортистской Венгрии в отношении Подкарпатья

- ¹ Подробнее см.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии: Ноябрь 1918 — апрель 1927 г. М., 1981. С. 197.
- ² *Kovács Endre.* Magyar-lengyel kapcsolatok a két világ háború között. Bp., 1971. 27. old.
- ³ OL. K-64. 1920. 2/7. 403. 367–380. 1.; 2/10. 318. 132–137. 1.; 2/7. 388. 157. 1.; 357. 1–2. 1.; 353. 53–59. 1.; 397. 89–90. 1.; 391. 91. 1.
- ⁴ A határban a Halál kaszál... Fejezetek Prónai Pál feljegyzéseiből. Bp., 1963. 224–228. old.
- ⁵ AAN. MSZ. PRP w Belgradzie. 1931–1937. 26 (W). K. 182.
- ⁶ Szózat. — 1922. — 08.01.
- ⁷ AAN. MSZ. PRP w Belgradzie. 1931–1937. 26 (1 W). K. 183.
- ⁸ См.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии: Апрель 1927 — февраль 1934. М., 1995. С. 25–26.
- ⁹ OL. FT. 10929.d. Auswärtiges Amt. Abteilung II. b. Pol. L 430/L 123306.
- ¹⁰ Ibid. 10931. d. K 321 K /109404-405; 109415-417; 109424-425.
- ¹¹ Ibid. K 109429-432.
- ¹² Ibid. K 109442-445.
- ¹³ Ibid. K 109451-452.
- ¹⁴ Ibid. K 109456-457.
- ¹⁵ Ibid. K 109464.
- ¹⁶ Ibid. K 109479-480.
- ¹⁷ Ibid. K 109487-492.
- ¹⁸ Horthy Miklós titkos iratai. Bp., 1963. 68–81. old.
- ¹⁹ Az Est. — 1928. — 12.05.
- ²⁰ Александр Мильеран в период подписания Венгрией Трианонского мирного договора (4 июня 1920 года) написал письмо, в котором предусмотрел возможность в будущем исправить «несправедливости». Тогда он был премьер-министром Франции, а в сентябре его избрали президентом.
- ²¹ Daily Mail. — 1928. — 24.08; Pesti Hírlap. — 1928. — 25.08.
- ²² Между прочим, позднее генеральный секретарь фашистской партии Италии, заместитель Муссолини Старче назвал эту венгерскую организацию второй фашистской партией в Европе (Nemzeti Újság. — 1932. — 19.10.)

- ²³ 8 órai Újság. — 1929. — 11.06.
²⁴ Magyarország. — 1930. — 01.06.
²⁵ Új Nemzedék. — 1930. — 31.10.
²⁶ Le complot rouge en Ruthenia. Paris, 1930.
²⁷ Československá Republika. — 1928. — 28.10.
²⁸ Magyarország. — 1930. — 22.07.
²⁹ HL. Vkf. 1924. 2a oszt. 63. d. 456. l.
³⁰ Magyarország. — 1930. — 20.08.
³¹ Magyarország. — 1931. — 16.06.
³² ÚMKL. KÜM. Bé. o. III/3. 1207. 1945. 164. l.
³³ Macartney C.A. Problems of the Danube Basin. Cambridge, 1945. P. 151.

Глава четвертая

Социально-экономическое положение

- ¹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 150–180.
² Там же. С. 151.
³ Там же. С. 158.
⁴ Пруниця С.Ю. До питання про характер економічної політики буржуазної Чехословаччини на Закарпатті // Великий Жовтень і розквіт возз'єднанного Закарпаття. Ужгород, 1970. С. 169.
⁵ В 1930-е годы был опубликован на чешском и русском языках сборник статей, подводивший итоги деятельности чешских властей в хозяйственных, политических и культурных областях: Подкарпатская Русь за годы 1919–1936. Ужгород, 1936. Там опубликована и статья: Северин Рон. Промышленность Подкарпатской Руси в 1919–1936 годах. С. 56 и др.
⁶ Statistická příručka Republiky Československé. Praha, 1921; Statistická příručka Republiky Československé. Praha, 1932. Dil. IV.
⁷ Гранчак І., Міщенко Н., Пальок В. Робітництва горде ім'я. Ужгород, 1976. С. 48–51.
⁸ Dvacet let československého zemědělství: 1918–1938. Praha, 1938. S. 36.
⁹ Ibid. S. 28–29.
¹⁰ Československá statistika. Praha, 1935. Sv. 92. 105. 115; Macartney C.A. Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London – New York – Toronto, 1937. P. 236.
¹¹ Илько В.И. Социально-экономические отношения в закарпатском селе в 1919–1938 гг. Ужгород, 1981. (№ 8649). Рукопись монографии.
¹² Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 167–180.
¹³ Там же. С. 176.

Глава пятая

Политика чехословацкого правительства по отношению к Подкарпатской Руси

- ¹ HL. MNHV. 101/1. 1920. 263. l. (Обобщающий обзор о ЧСР от 3 января 1920 года).
² Этот термин в украинском переводе приведен как «российский язык».
³ Магочий П.Р. Формування національної самосвідомості. С. 86.
⁴ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 180.
⁵ Macartney C.A. Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London – New York – Toronto, 1937. P. 239.
⁶ Магочий П.Р. Указ. соч. С. 126–127.

- ⁷ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 192; *Macartney C.A.* Op. cit. P. 239–240.
- ⁸ *Магочій П.П.* Указ. соч. С. 127.
- ⁹ *Brandejs Jan.* Vývoj politických poměrů na Podkarpatské Rusi v období 1918–1935 // Podkarpatská Rus. Bratislava, 1936. S. 84.
- ¹⁰ Этим термином в чешском языке тогда отличали закарпатских украинцев (малороссов) от русских, которых продолжали называть великороссами.
- ¹¹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 193–194; *Macartney C.A.* Op. cit. P. 240.
- ¹² *Macartney C.A.* Op. cit. P. 225.
- ¹³ *Магочій П.П.* Указ. соч. С. 235.
- ¹⁴ *Macartney C.A.* Op. cit. P. 225.
- ¹⁵ Автор знает по собственному опыту, что в селе Великие Комяты, насчитывавшем более 5 тыс. жителей, единственный (кроме жандармских чинов) гражданин чешской национальности, Шлейзингер (мелкий предприниматель, имевший небольшой цех по производству масла, сыра и других молочных продуктов), был назначен правительственным комиссаром вместо избранного населением старосты. В дальнейшем он оставался на этой должности на протяжении почти всего периода вхождения Закарпаття в состав Чехословакии, несмотря на то что местные жители неоднократно избирали собственного главу самоуправления.
- ¹⁶ *Statistický lexikon obcí v republice československé.* Т. 4: Podkarpatská Rus. Praha, 1928; *Statistický lexikon obcí v republice československé.* Т. 4: Země Podkarpatoruská. Praha, 1937. В том числе в Ужгороде жили 4752 чеха, в Мукачево — 2284, а в Берегове — на 5 человек меньше.
- ¹⁷ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 355.
- ¹⁸ В распоряжении сказано: чехословацким языком, якобы такой существовал, но это соответствовало тогдашнему представлению о единой чехословацкой нации. (Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 214.)
- ¹⁹ Эти сведения почерпнуты из: ЗОГА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 253. Л. 17, 31–32.

Глава шестая

В условиях мирового экономического кризиса и депрессии

- ¹ Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 338.
- ² Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 205.
- ³ *Пруниця Ю.С.* Занепад промисловості і погіршення становища робітників Закарпаття в роки економічної кризи (1929–1933 рр.) // Наукові записки Ужгородського державного університету. Ужгород, 1958. Т. 36. С. 108–110.
- ⁴ Карпатська правда. — 1932. — 20.03; 1932. — 21.08.
- ⁵ ЗОГА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 158. Л. 140; Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 211.
- ⁶ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 213–214.
- ⁷ Там же. С. 216.
- ⁸ *Macartney C.A.* Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London – New York – Toronto, 1937. P. 240.
- ⁹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 216.
- ¹⁰ *Каминский Иосифь.* Законопроектъ объ автономіи Подкарпатской Руси. Ужгород, 1931. — 33 с.
- ¹¹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 217–228.
- ¹² *Nemzeti Újság.* — 1934. — 24.05.
- ¹³ *Pesti Napló.* — 1934. — 02.07.
- ¹⁴ ААН. MSZ. Р III. 1936–1937. 11 с. 5458. К. 61–62.
- ¹⁵ *Феникш С.А.* Ужгород — Америка: Путевые заметки: 13. X. 1934 — 19. V. 1935. — Ужгород, 1936. — 480 с.

- ¹⁶ Франтишек Егличка — словацкий сепаратист, пользовался поддержкой венгерского и польского правительств, возглавлял в 1920-е годы так называемое словацкое правительство в изгнании.
- ¹⁷ *Фенцик С.А.* Указ. соч. С. 47, 309.
- ¹⁸ Там же. С. 411. Концовка этого предложения — ответ на разговоры о его намерении перейти в православие.
- ¹⁹ AAN. MSZ. P III. 1936–1937. 11 с. 5458. К. 16.
- ²⁰ Ibid. К. 31–32.
- ²¹ Ibid. К. 10–16.
- ²² Ibid. К. 21.
- ²³ Ibid. К. 51.
- ²⁴ Ibid. К. 1–3.
- ²⁵ Ibid. К. 18.
- ²⁶ Ibid. К. 39.
- ²⁷ Ibid. К. 44.
- ²⁸ Ibid. К. 64.
- ²⁹ Ibid. К. 92.
- ³⁰ Ibid. К. 94–96.
- ³¹ Ibid. К. 131, 135–136.
- ³² Ibid. К. 47–49.
- ³³ Ibid. К. 54–59.
- ³⁴ Ibid. К. 82, 137–140.
- ³⁵ Ibid. К. 113.
- ³⁶ Ibid. К. 147.

Глава седьмая

Накануне перемен

- ¹ *Macartney С.А.* Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London – New York – Toronto, 1937. P. 239.
- ² В чехословацкой статистике были две графы: евреи по национальности (židové) и по религии — израильтяне (июдеи). Число их не совпадало. В графе «евреи по национальности» их насчитывалось меньше — 5897 человек. Не все евреи по вероисповеданию считали себя евреями по национальности. Некоторые из них по старинке называли себя венграми или другие, по новым веяниям, «чехословаками» (Statistický lexicon obcí v republice Československé. Díl 4. Země Podkarpatoruská. Praha, 1937). И в венгерском статистическом сборнике: Beszélő Számok. Budapest, 1939. VII. 34–35. old., приводятся данные о религии евреев в Чехословакии как определяющей их национальность.
- ³ Statistický lexicon obcí v republice Československé. Díl 4. Země Podkarpatoruská. Praha, 1937; Beszélő Számok. Budapest, 1939. VII. 34–35. old.
- ⁴ Statistická ročenka. Praha, 1937. S. 20.; Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 240.
- ⁵ Ibid. С. 240.
- ⁶ *Сливка Ю.Ю.* Революційно-визвольна боротьба на Закарпатті в 1929–1937 рр. Київ, 1960. С. 91.
- ⁷ Statistický lexicon obcí v republice Československé. Díl 4. Země Podkarpatoruská. Praha, 1937.
- ⁸ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 245.
- ⁹ Там же. С. 246.
- ¹⁰ *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии: Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 99–112.
- ¹¹ *Macartney С.А.* Op. cit. P. 118; Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 346–347.

- ¹² По другим данным, она собрала 79 409 голосов (AAN. MSZ. P III. 1937. 31 с. 5459. К. 34).
- ¹³ *Macartney C.A.* Op. cit. P. 240; AAN. MSZ. P III. 1937. 31 с. 5459. К. 34; *Магочий П.П.* Формування національної самосвідомості. С. 136.
- ¹⁴ *Магочий П.П.* Формування національної самосвідомості. С. 134.
- ¹⁵ AAN. MSZ. P Bp. 1933–1939. 25 (11, 13 с). К. 2–3.
- ¹⁶ Újság. — 1932. — 06.10; Budapesti Hirlap. — 1932. — 20.12; Pesti Napló. — 1932. — 09.10.
- ¹⁷ Budapesti Hirlap. — 1932. — 25.12.
- ¹⁸ Pesti Napló. — 1933. — 11.04; 1933. — 22.03.
- ¹⁹ Budapesti Hirlap. — 1933. — 16.05; 18.05.
- ²⁰ Pesti Hirlap. — 1933. — 02.08; 11.09.
- ²¹ Függetlenség, Újság. — 1933. — 13.12.
- ²² Hétfői Napló. — 1934. — 19.03.
- ²³ Pesti Napló. — 1934. — 20.04.
- ²⁴ Названия изданий, вышедших в свет в одном и том же году в Ужгороде и Праге, разные. Ужгородское издание озаглавлено: *Бенеш Эдвард*. Речь о Подкарпатурской проблеме. Ужгород, 1934. И изданная там же на чешском языке она звучит идентично: *Beneš Edvard. Řeč o podkarpatoruské problemě. Užhorod, 1934.* А в Праге в издательстве «Орбис» она названа: *Beneš Edvard. Řeč o problému podkarpatoruském a jeho vztahu k Československé republice. Praha, 1934.* Магочий ссылается на пражский вариант на украинском языке: Промова про підкарпатурський проблем і його відношення до Чехословацької республіки. Ужгород, Прага, 1934. И. Поп ссылается на пражский вариант на русском языке, который оказался отредактированным следующим образом: *Бенеш Э.* Речь о Подкарпатской проблеме: Подкарпатская Русь с точки зрения международной политики. Прага, 1934.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Magyarország. — 1934. — 04.05.
- ²⁷ Nemzeti Újság. — 1934. — 24.05; Függetlenség. — 1934. — 24.05.
- ²⁸ Hétfői Napló. — 1934. — 18.04.
- ²⁹ Függetlenség. — 1934. — 19.06.
- ³⁰ *Krofta Kamil.* Podkarpatská Rus a Československo. Praha, 1934. S. 61.
- ³¹ Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 350.
- ³² Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 247–249.
- ³³ *Борканюк О.* Чим є для нас Радянський Союз. Ужгород, 1976. С. 240–268.
- ³⁴ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 249.
- ³⁵ *Húsek J.* Rodí se Podkarpatoruský národ? // Podkarpatoruská revue. Bratislava, 1936. T. 1. № 6–8. S. 7–8.
- ³⁶ AAN. MSZ. P III. 1937. 11 с. 5459. К. 34.
- ³⁷ Ibid. 1938. 11 с. 5460. К. 72.
- ³⁸ Ibid. 1937. 11 с. 5759. К. 7.
- ³⁹ Для сравнения: венгерские партии тогда собрали 32 749 голосов, а все украинские и русофильские партии национального направления вместе взятые (без коммунистов) — только 59 206 (AAN. MSZ. P III. 1937. 11 с. 5759. К. 34).
- ⁴⁰ Национальный вопрос в Восточной Европе: Прошлое и настоящее. М., 1935. С. 188.
- ⁴¹ Магочий почему-то зачислил горожанскую школу в разряд средней школы, причем только ее одну. (*Магочий П.П.* Указ. соч. С. 206.)
- ⁴² AAN. MSZ. P III. 1937. 11 с. 5459. К. 39.
- ⁴³ Данные по школам, приводимые в научных трудах, значительно разнятся. Так, во втором томе «Очерков» опубликованы сведения, согласно которым в 1936–1937 учебном году в

Подкарпатской Руси уже насчитывалось 365 чешских начальных школ против 463 украинских, 117 венгерских, 24 немецких и 4 румынских (Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 252). Магочий приводит цифру 463 школы на 1938 год, но оговаривает, что это перевод с официального чешского «подкарпаторуски» как «русский», и эта цифра касается школ с русским и украинским языком преподавания или местным диалектом. Причем в приведенной им таблице чешских начальных школ было только 188, одна чешская гимназия и еще три гимназии с чешскими, а одна с венгерским отделами. Еще было одно чешское педучилище. (*Магочий П.П.* Указ. соч. С. 206.)

⁴⁴ AAN. MSZ. P III. 1937. 11 с. 5459. К. 11.

⁴⁵ Ibid. Konsulat Polski. Użgorod, 1938. 11. К. 3.

⁴⁶ Ibid. К. 28.

⁴⁷ *Борканюк О.* Ким є для нас Радянський Союз. Ужгород, 1976. С. 273.

Глава восьмая

Проблема автономии

¹ AAN. MSZ. P III. 1937. 11 с. 5459. К. 8–9.

² Ibid. 10–11.

³ *Борканюк О.* Чим є для нас Радянський Союз. Ужгород, 1976. С. 271.

⁴ Там же. С. 272.

⁵ *Магочій П.П.* Формування національної самосвідомості. С. 137; Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 264.

⁶ AAN. MSZ. 1937. DPE. P III. WW. 11 с. 5459. К. 2.

⁷ Ibid. К. 35.

⁸ Ibid. К. 38–41. П.П. Магочий, останавливаясь на Карпаторусском союзе, созданном в Питсбурге в июне 1933 года, который объединил в одной организации православных и греко-католиков — эмигрантов из Закарпатья и вскоре стал их общим представителем, утверждал, что якобы эта организация снабжала Фенцика деньгами для продолжения античехословацкой пропаганды. (*Магочій П.П.* Указ. соч. С. 132.) Причем он ссылался на опубликованное Фенциком «опровержение» на обвинение об его источниках финансирования. Фенцик писал: «Наши американские братья вручили мне 40 000 корун с тем, чтобы я распорядился этой суммой по своему личному усмотрению». (Там же. С. 236.) Выше в тексте приведен действительный источник происхождения этой суммы.

⁹ AAN. MSZ. 1937. DPE. P III. WW. 11 с. 5459. К. 42–43.

¹⁰ Ibid. К. 44–49.

¹¹ AAN. MSZ. Konsulat RP w Użgorodze. 1938. 11. К. 14.

¹² Ibid. К. 23–25, 113.

¹³ Ibid. К. 27.

¹⁴ Нашъ Путь. — 1938. — 29.03; Русскій Вестникъ. — 1938. — 03.04; AAN. MSZ. Konsulat RP w Użgorodze. 1938. 11. К. 39–42.

¹⁵ AAN. MSZ. Konsulat RP w Użgorodze. 1938. 11. К. 52–54.

¹⁶ Ibid. К. 61–62.

¹⁷ Ibid. К. 65–68.

¹⁸ Ibid. К. 63–64.

¹⁹ Алексей Геровский считался в Чехословакии нежелательной личностью. Прокуратура даже выпустила циркуляр о его аресте за преступления против государства. Но депутат Андрей Бродий подал по этому поводу интерpellацию в палату депутатов и таким путем добился аннулирования постановления прокуратуры.

²⁰ *Борканюк О.* Указ. соч. С. 275.

- ²¹ AAN. MSZ. Konsulat RP w Użgorodze. 1938. 11. K. 72–75.
- ²² Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 257; См.: Карпатська правда. — 1938. — 22.05; 29.05.
- ²³ Там же. Т. 2. С. 275.
- ²⁴ AAN. MSZ. Konsulat RP w Użgorodze. 1938. 11. K. 88–88a.
- ²⁵ Ibid. K. 76–83.
- ²⁶ Ibid. K. 106–108.
- ²⁷ Ibid. K. 91–92.
- ²⁸ Ibid. K. 93.
- ²⁹ Ibid. K. 103.
- ³⁰ Ibid. K. 109–112.
- ³¹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 277–279.

Глава девятая

Дипломатические усилия хортистов, направленные на захват Подкарпатья

- ¹ OL. K-64. 1938. 23. 136. 1–2. 1.
- ² Ibid. 17. 138. 1–2. 1.
- ³ Ibid. K-74. 1938. Bejövö. Berlin. — 1938. — 04.03.
- ⁴ *Juhász Gyula*. Magyarország külpolitikája. 1919/1945. Második, átdolgozott kiadás. Budapest, 1975. 180. old.
- ⁵ *Ádám Magda*. Magyarország és a kisantant a harmincas években. Budapest, 1968. 170–171. old.; OL. K-63. 1939. 247; 277.
- ⁶ Ibid. 168. old.
- ⁷ ADAP. Ser. D. Bd. 1. Baden-Baden, 1950. S. 25–32.
- ⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 35–36.
- ⁹ Венгрия и вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 64.
- ¹⁰ O Československé zahraniční politice. Praha, 1958. S. 320.
- ¹¹ DIMK. II. k. 284–286. old.
- ¹² ADAP. Ser. D. Bd. II. S. 105–107.
- ¹³ OL. K-63. 1938. 7. 1455. 1–3. 1.
- ¹⁴ AAN. MSZ. P III. 1 W. 6571. K. 43–44.
- ¹⁵ DIMK. I. k. 556. old.
- ¹⁶ AAN. MSZ. P III. 1936–1938. 49 W. 6571. K. 34–43.
- ¹⁷ *Kovács Endre*. Magyar-lengyel kapcsolatok a két világháború között. Budapest, 1971. 312. old.
- ¹⁸ ADAP. Ser. D. Bd. II. № 60.
- ¹⁹ OL. K-63. 1938. 17. 138. 1–2. 1.
- ²⁰ DIMK. II. k. 286. old.
- ²¹ Ibid. 290. old.
- ²² Ibid. 317. old.
- ²³ Ibid. 326–327. old.
- ²⁴ Ibid. 397. old.
- ²⁵ OL. K-64. 1939. 42. 394 (390). 1–2. 1.
- ²⁶ Ibid. 1938. 49. 685 (557). 1–4. 1.
- ²⁷ BMI. V-10150/2. 7. 1.
- ²⁸ Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. 1. С. 71.
- ²⁹ OL. K-83. 1939. Összefoglaló pol-jelentés 1938. évről. 150. 1.
- ³⁰ BMI. V-10150/2. 9. 1.

- ³¹ OL. K-63. 1938. 21/7. 2492. 1–2. 1.
- ³² BMI. V-55184/2. 23. 1.
- ³³ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 287–288. old.; DGFP. Ser. D. Vol. XII. P. 609–611.
- ³⁴ BMI. V-60150/2. 10. 1.
- ³⁵ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 288. old.
- ³⁶ BMI. V-55184/1. 4. 1.
- ³⁷ DGFP. 1818–1945. SER. Vol. II. P. 611.
- ³⁸ Нюрнбергский процесс над главными немецкими преступниками: Сб. материалов: В 7 т. М., 1958. Т. 2. С. 270.
- ³⁹ BMI. V-55184/2. 23. 1.
- ⁴⁰ Нюрнбергский процесс над главными немецкими преступниками: Сб. материалов: В 7 т. М., 1958. Т. 2. С. 270.
- ⁴¹ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 292. old.; DGFP. Ser. D. Vol. II. P. 651.
- ⁴² Ibid. 293. old.
- ⁴³ BMI. V-55184/1. 5. 1.
- ⁴⁴ Венгрия и вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 97.
- ⁴⁵ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 194.
- ⁴⁶ OL. K-64. 1938. 7/a. 819. 1. 1.
- ⁴⁷ Ibid. 830. 3. 1.
- ⁴⁸ Ibid. K-74. 1938. Bejövő. London. 5528/32. 1. 1.
- ⁴⁹ ÚMKL. KŰM. BEO. 72. d. 27(1–87). 27–29. 1.
- ⁵⁰ Ibid. 34–37. 1.
- ⁵¹ Ibid. 42. 1.
- ⁵² OL. K-74. 1938. Bejövő. London. 6037/76. 103. 1.
- ⁵³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 226–228.
- ⁵⁴ DBFP. Ser. D. Vol. II. № 7.
- ⁵⁵ DIMK. II. k. 624. old.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ ÚMKL. KŰM. BEO. 72. d. 65. 1.
- ⁵⁸ DIMK. II. k. 629–630. old.
- ⁵⁹ ÚMKL. KŰM. BEO. 72. d. 65. 1.
- ⁶⁰ OL. K-64. 1938. 7/a. 848. 3. 1.
- ⁶¹ HMTI. 178. old.; DIMK. II. k. 616–617. old.
- ⁶² DGFP. Ser. D. Vol. II. P. 863–864; A Wilhelmstrasse és Magyarország. 297–298. old.
- ⁶³ OL. K-64. 1938. 7/a. 865. 1. 1.
- ⁶⁴ Ibid. 17/a. 872. 1. 1.
- ⁶⁵ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 206–216; A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 296–297. old.
- ⁶⁶ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 284.
- ⁶⁷ Там же. С. 203.
- ⁶⁸ DGFP. Ser. D. Vol. II. № 925; ADAP. Ser. D. B. II. № 23.
- ⁶⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 221.
- ⁷⁰ Там же. С. 224–225.
- ⁷¹ Там же. С. 239–240.
- ⁷² DIMK. II. K. 636–637. old.

- ⁷³ OL. K-64. 1938. 7/a. 910. 1. 1.
- ⁷⁴ *Прасолов С.И.* Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. // Мюнхен — преддверие войны. М., 1988. С. 64.
- ⁷⁵ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 299. old.
- ⁷⁶ AAN. MSZ. 1938. P III. 1 W. 6571. K. 101–102.
- ⁷⁷ OL. K-64. 1938. 17. 154. 1–2. 1.
- ⁷⁸ *Ibid.* K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 5393/72. 1–2. 1.
- ⁷⁹ *Ibid.* 5398/74. 1–2. 1.
- ⁸⁰ *Kovács Endre.* Magyar-lengyel kapcsolatok a két világháború között. Budapest, 1971. 321. old.
- ⁸¹ OL. K-64. 1938. 17. 309. 1–3. 1.
- ⁸² *Ibid.* K-63. 1938. 7/32. 1224. 1–2. 1.
- ⁸³ *Kovács Endre.* Op. cit. 323. old.
- ⁸⁴ OL. K-64. 1938. 17. 402. 1. 1.
- ⁸⁵ Венгрия и вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 93.; DIMK. II. k. 397. old.
- ⁸⁶ *Kovács Endre.* Op. cit. 325. old.
- ⁸⁷ OL. K-63. 1938. 17/7. 2065. 1–3. 1.
- ⁸⁸ DIMK. II. k. 446–449. old.
- ⁸⁹ *Ibid.* 464–470. old.
- ⁹⁰ *Ibid.* 588–593. old.
- ⁹¹ OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6032/166. 1. 1.; 6033/167. 1. 1.
- ⁹² *Ibid.* 6045/174. 1–2. 1.
- ⁹³ *Ibid.* 6112/191. 1–2. 1.
- ⁹⁴ DIMK. II. k. 653–654. old.
- ⁹⁵ *Ibid.* k. 654. old.
- ⁹⁶ АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 1–10.
- ⁹⁷ ADAP. Ser. D. Vol. II. № 373, 574, 583, 584; DBFP. Ser. 3. Vol. III. № 43, 44.
- ⁹⁸ OL. K-74. 1938. Berlin. Bejövő. 982/169. 1. 1.
- ⁹⁹ *Ibid.* K-64. 1938. 7/a. 918. 1–2. 1; 919. 3. 1.
- ¹⁰⁰ DIMK. II. k. 673–674. old.
- ¹⁰¹ *Ibid.* 680–681. old.
- ¹⁰² OL. K-64. 1938. 7/a. 936. 1.
- ¹⁰³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 284.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 274.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 306.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 299.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 317–318.
- ¹⁰⁸ Times. — 1938. — 28.11.

Часть третья

Автономная Подкарпатская Русь и Карпатская Украина

Глава первая

Первый Венский арбитраж и раздел Закарпатья

¹ OL. K-64. 1938. 7/a. 950. 4. 1.

² *Ibid.* 971. 1. 1.; 972. 1. 1.

- ³ *Györkei Jenő. Egy különös döntés története // Köztársaság. 1993. 10. sz., 60–65. old.*
- ⁴ *Ibid.*
- ⁵ Венгрия и вторая мировая война. С. 108.
- ⁶ Там же. С. 109–110.
- ⁷ ÚMKL. KÜM. BEO. 72. d. 37, 38. 4. l.
- ⁸ *Ibid.* 5. l.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ OL. K-74. 1938. Bejövő. Párizs. 6385/75. 1–2. l.
- ¹¹ *Ibid.* K-64. 1938. 7/a. 951. 1–3. l.
- ¹² *Ibid.* 959. 1–2. l.
- ¹³ DIMK. II. k. 720–721. old.
- ¹⁴ АВР РФ. Ф. 05. 1938. Оп. 18. Д. 52. П. 142. Л. 6.
- ¹⁵ OL. Szent-Iványi. Kézirat. 158. l.
- ¹⁶ DIMK. II. k. 780–781. old.
- ¹⁷ OL. K-63. 1938. 7/7. 3265 (3475). 1–6. l.
- ¹⁸ *Ibid.* 3265 (3476). 1–6. l.
- ¹⁹ ÚMKL. M-1. KÜM. BEO. 1945. IV/52. 40194. 5. l.
- ²⁰ *Ibid.* 40777. 2–3. l.
- ²¹ OL. K-64. 1939. 7/a. 994. 1–2. l.
- ²² *Ibid.* 1006. 1–2. l.
- ²³ OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6450/118. 1. l.
- ²⁴ *Ibid.* K-100. 1938. 773. 1, 26. l.
- ²⁵ *Ibid.* K-64. 1938. 1019. 1–3. l.
- ²⁶ Чехословацкую делегацию возглавлял Йозеф Тисо, премьер-министр Словакии; члены делегации: посланник Иван Крно, министр юстиции Словакии Фердинанд Дурчанский, дивизионный генерал Рудольф Виест, советник посольства Перегрин Фиса и секретарь посольства Антон Старка. Венгерскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Калман Каня. Члены делегации: Пал Телеки, министр культов и просвещения, статс-секретари Тибор Пехи и Тибор Патаки, посланник Янош Веттштейн, советник посольства Лайош Кул, советник министра Пал Шебештьен и полковник Генштаба Рудольф Андорка.
- ²⁷ ÚMKL. KÜM. BEO. 1945. 40. d. IV/52. 40777. 3. l.
- ²⁸ АВР РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 9.
- ²⁹ OL. K-84. (Bermi követség). 1938. 6. l.
- ³⁰ ÚMKL. KÜM. BEO. 1945. 41255. 9. l.
- ³¹ DIMK. II. k. 751. old.
- ³² *Ibid.* 750–753. old.
- ³³ Здесь речь идет уже о нелегальной переброске в Чехословакию венгерских членов «гвардии оборванцев» с целью совершения на ее территории террористических актов и подстрекательства местного населения к восстанию против чехов. Так венгерская сторона, по-видимому, понимала «волеизъявление» русинов требовать плебисцит.
- ³⁴ DIMK. II. k. 357–359. old.
- ³⁵ Эдмунд Бачинский принадлежал к русофильскому направлению, считавшему местное население русским.
- ³⁶ OL. K-64. 7. Komáromi tárgyalások jegyzőkönyve. 1938. 12.X. 2. l.
- ³⁷ Венгрия и вторая мировая война. С. 109–110.
- ³⁸ OL. K-64. 7. Komáromi tárgyalások jegyzőkönyve. 1938. 13.X. 1–2. l.

- ³⁹ ÚMKL. M-1. KÜM. BEO. 1945. IV/52. 40777. 4. 1.
- ⁴⁰ ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.
- ⁴¹ Там же. Л. 10.
- ⁴² OL. ME. MT. Jkv. 1938. 14.X.
- ⁴³ Ibid. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6478/124. 1. 1.
- ⁴⁴ Ibid. Kimenő. Prága. 6160/89. 1. 1.
- ⁴⁵ Ibid. Bejövő. Varsó. 6471/300. 1. 1.; Kimenő. Budapest. 6158/134. 1. 1.
- ⁴⁶ OL. K-64. 1939. 7/a. 4042. 1–2. 1.
- ⁴⁷ Ibid. 1056. 1–2. 1.
- ⁴⁸ OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6450/118. 1. 1.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 10.
- ⁵⁰ OL. FT. 306202. 1938. 177. pol. 3. 1.
- ⁵¹ Ibid. K-64. 1938. 7/a. 987. 3. 1.
- ⁵² Ibid. ME. L. 1939. 17753. 6. 1.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ OL. K-74. 1938. Kimenő. Róma. 6160/89. 1. 1.
- ⁵⁶ Ibid. K-64. 1939. 7/a. 1041. 1. 1.
- ⁵⁷ Ibid. K-74. 1938. Bejövő. Prága. 6492/172. 1. 1.
- ⁵⁸ Horthy Miklós titkos iratai. 183–184. old.
- ⁵⁹ OL. K-27. 1938. 13. X. (1).
- ⁶⁰ DIMK. II. k. 792–794. old.
- ⁶¹ DGFP. Ser. D. Vol. IV. Dok. 53; A Wilhelmstrasse és Magyarország. 303–306. old.;
OL. Szent-Iványi. Kézirat. 168–169. l. Подробнее об этой беседе см.: *Пушкаш А.И.*
Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 254–260.
- ⁶² OL. K-64. 1939. 7/a. 1109. 1–7. 1.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ ADAP. Ser. D. IV Bd. Dok. 60, 64; DIMK. II. k. 796–797. old.; Венгрия и вторая мировая война.
С. 114.; OL. K-64. 1939. 112. 1-3. 1.; Ol. Szent-Iványi. Kézirat. 172–173. l.
- ⁶⁵ DIMK. II. k. 799–800. old.
- ⁶⁶ Ibid. 800–801. old.
- ⁶⁷ OL. K-74. 1938. Moszkva. Kimenő. 6610/42. 1–2. 1.
- ⁶⁸ Ibid. FT. 1938. X-36 202. 181. pol. Főn. 1–3. 1.
- ⁶⁹ *Ránki György.* Adatok a magyar külpolitikához // Századok. 1959. 1. sz., 145. old.
- ⁷⁰ *Худанич Василь.* Розчленування Чехословаччини й окупація Закарпаття Угорщиною,
1938–1939 рр. // Закарпаття під Угорщиною 1938–1944 рр. Нью-Йорк — Чикаго — Ужгород, 1999.
С. 17–18.
- ⁷¹ ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- ⁷² Там же. Л. 15.
- ⁷³ DIMK. II. k. 809. old.
- ⁷⁴ A Wilhelmstrásse és Magyarország. 306–307. old.
- ⁷⁵ ADAF. Ser. D. Vol. IV. Dok. 72, 73.
- ⁷⁶ DIMK. II. k. 828. old.
- ⁷⁷ Ibid. 829. old.
- ⁷⁸ OL. K-64. 1938. Kimenő. Berlin. 6321/194. 1–2. 1.
- ⁷⁹ Ibid. 1939. 7/a. 1157. 1–2. 1.

- ⁸⁰ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 308–309. old.
- ⁸¹ OL. K-63. 1938. 7/7. 3265 (3644). 1–2. l.; K-73. 1938. Bejövő. Berlin. 335. pol./216. 1. l.
- ⁸² DIMK. II. k. 835. old.
- ⁸³ Ibid. 836. old.
- ⁸⁴ OL. K-73. 1938. Kimenő. Róma. 6335/123. 1. l.
- ⁸⁵ Ibid. 6336/124. 1. l.
- ⁸⁶ Ibid. 6338/198. 1. l.
- ⁸⁷ Ibid. 6339/199. 1–2. l.
- ⁸⁸ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 309–311. old.
- ⁸⁹ DIMK. II. k. 842–844. old.
- ⁹⁰ Ibid. 847–849, 853–854. old.
- ⁹¹ OL. K-74. 1938. Kimenő. Berlin. 6363/201. 1–2. l.
- ⁹² Ibid. ME. L. 1939. 7/a. 17753. 7. l.
- ⁹³ АВП РФ. Ф. 05. 1938. Оп. 18. Д. 52. П. 142. Л. 7–9; ДВП СССР. Т. XXI. С. 591–592.
- ⁹⁴ OL. FT. X-36202. 1938. 174. pol. 1–2. l.; 177. pol. 1–3. l.
- ⁹⁵ ÚMKL. M. 1. KŰM. 1945. BEO. IV/52. 40777. 5. l.
- ⁹⁶ Ibid. 41255. 10. l.
- ⁹⁷ OL. K-64. 1939. 7/a. 1253. 1–2. l.
- ⁹⁸ Ibid. 994. 1. l.
- ⁹⁹ Ibid. 1094. 1–2. l.
- ¹⁰⁰ Ibid. 1096. l.
- ¹⁰¹ Ibid. 1101. 1–2. l.
- ¹⁰² Ibid. 1095. 1. l.
- ¹⁰³ AAN. MSZ. P III. 1936–1938. 49 W. 6597. K. 248–250.
- ¹⁰⁴ Ibid. K. 250–251.
- ¹⁰⁵ Ibid. K. 255–260.
- ¹⁰⁶ OL. K-64. 1939. 7/a. 1202. 1–2. l.
- ¹⁰⁷ AAN. MSZ. P III. 1936–1938. 49 W. 6597. K. 255–266.
- ¹⁰⁸ DIMK. II. k. 727. old.
- ¹⁰⁸ OL. K-64. 1939. 7/a. 1671. 1. l.
- ¹¹⁰ Ibid. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6570/331. 1. l.
- ¹¹¹ Ibid. Bejövő. Bukarest. 6631/141. 1. l.
- ¹¹² Ibid. 6682/184. 1. l.
- ¹¹³ Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. 235. l.; OL. K-64. 1939. 7/a. 1069. 1. l.
- ¹¹⁴ AAN. MSZ. P III. 1936–1938. 49 W. 6597. K. 260.
- ¹¹⁵ Ibid. K. 267.
- ¹¹⁶ OL. Szent-Iványi. Kézirat. 236. l.; K-74. Bejövő. Berlin. 6722/244. 1. l.
- ¹¹⁷ Ibid. K-64. 1939. 7/a. 1257. 1. l.
- ¹¹⁸ Ibid. 1258. 1–3. l.
- ¹¹⁹ Ibid. K-63. 1938. 7/7. 3665. 1–2. l.
- ¹²⁰ Ibid. K-64. 1939. 7/a. 1258. 1–2. l.
- ¹²¹ *Ránki György*. Op. cit. 1. sz. 145. old.
- ¹²² Ibid. 157. old.
- ¹²³ OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6754/151. 1. l.; 6757/152. 1–2. l.
- ¹²⁴ Ibid. K-64. 1939. 7/a. 1283. 1. l.
- ¹²⁵ Ibid. 1263. l.

- ¹²⁶ Ibid. 1260. 1. 1.
- ¹²⁷ OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6775/155. 1. 1.
- ¹²⁸ Ibid. K-64. 1939. 7/a. 1288. 1–3. 1.
- ¹²⁹ DIMK. II. k. 879–880. old.
- ¹³⁰ DGFP. Ser. D. Vol. IV. № 99/1.; A Wilhelmstrasse és Magyarország. 312–317. old.
- ¹³¹ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 317. old.
- ¹³² DGFP. Ser. D. Vol. IV. № 99.
- ¹³³ OL. Szent-Iványi. Kézirat. 185. 1.
- ¹³⁴ DGFP. Ser. D. Vol. IV. № 94.
- ¹³⁵ ÚMKL. M. 1. KÜM. BEO. 1945. IV. 41255. 11. 1.
- ¹³⁶ OL. ME. 1939. G. 18339. 11–13. 1.
- ¹³⁷ Борканюк О. Чим є для нас Радянський Союз. Ужгород, 1976. С. 280.; Худанич Василь. Розчленування Чехословаччини й окупація Закарпаття Угорщиною, 1938–1939 рр. // Закарпаття під Угорщиною 1938–1944 рр. Нью-Йорк — Чикаго — Ужгород, 1999. С. 19.
- ¹³⁸ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 321. old.

Глава вторая

Проблемы Карпатской Украины в политике соседних государств после Мюнхена

- ¹ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 325. old.
- ² Венгрия и вторая мировая война. С. 119–120.
- ³ Правда. — 1938. — 20.11.
- ⁴ OL. K-84. Berni köv. 1939. 6. biz. 1–9. 1.
- ⁵ Ibid. 12–14. 1.
- ⁶ Ibid. 15–26. 1.
- ⁷ DIMK. II. k. 85. old.
- ⁸ Спутник агитатора. — 1939. — № 9. — С. 40.
- ⁹ Мировое хозяйство и мировая политика. — 1958. — № 12. — С. 35.
- ¹⁰ Új Magyarország. — 1938. — 06.11.
- ¹¹ Pester Lloyd. — 1938. — 10.11.
- ¹² Képviseleti Napló. 1935–1940. k. 10.
- ¹³ Illés József. A ruszinszkói kérdés. Budapest, 1939. 19–20. old.
- ¹⁴ OL. K-99. 1939. 134. pol. 19. 1.
- ¹⁵ Ibid. K-74. Kimenő. Bécs. 5192/13. 1. 1.
- ¹⁶ Ibid. Bejövő. Róma. 6861/162. 1. 1.; Kimenő. Róma. 6452/137. 1. 1.
- ¹⁷ DIMK. III. k. 107–109. old.
- ¹⁸ Венгрия и вторая мировая война. С. 130.
- ¹⁹ OL. K-84. 1938. 112. biz. 8. 1.
- ²⁰ Berner Tagblatt. — 1938. — 14.10.
- ²¹ National Zeitung. — 1938. — 28.10.; 03.11.; OL. K-84. 1938. 118. biz. 2–6. 1.
- ²² La Suisse. — 1938. — 05.11.
- ²³ OL. K-64. 1939. 16. 1353. 1–3. 1.
- ²⁴ Ibid. 1938. 33/a. 1332. 3. 1.; 1359. 1–2. 1.
- ²⁵ OL. ME. MT jkv. 1939. jan. 20. 32. 1.
- ²⁶ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 325. old.
- ²⁷ OL. K-64. 1939. 33/a. 1441. 1. 1.
- ²⁸ Ibid. 1373. 1. 1.; 1379. 1. 1.; 1383. 1.

- ²⁹ Ibid. 1322. 1. l.
- ³⁰ OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6448/4321. l.; 6849/433. 1–2. l.
- ³¹ Ibid. Kimenő. Varsó. 6444/187. 1. l.; OL. K-64. 1939. 33/a. 1331. 1–3. l.
- ³² Ibid. 6858/440. 1–2. l.
- ³³ Ibid. 6451/190. 1–2. l.
- ³⁴ Ibid. 6483/198. 1. l.
- ³⁵ OL. Kozma Miklós iratai. 27. cs. Naplójegyzetek. 1938. nov.
- ³⁶ Венгрия и вторая мировая война. С. 136–140.
- ³⁷ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 327. old.
- ³⁸ OL. K-99. 1938. 936. k. a. 2–3. old.
- ³⁹ Ibid. K-64. 1939. 33/a. 1461.; K-99. 1938. 926. k. a. 2. l.
- ⁴⁰ Ibid. K-99. 1938. 926. k. a. 3. l.
- ⁴¹ Ibid. k. a. 4–5. l.
- ⁴² Ibid. k. a. 6–7. l.
- ⁴³ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 327–328. old.
- ⁴⁴ Magyar Nemzet. — 1938. — 20.11.
- ⁴⁵ OL. K-64. 1938. 33/a. 1404. 11. l.; DGFP. Ser. D. Vol. IV. № 124; Венгрия и вторая мировая война. С. 145.
- ⁴⁶ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 328–329. old.; DIMK. III. k. 143–144. old.; Венгрия и вторая мировая война. С. 141.
- ⁴⁷ OL. K-99. 1938. 926. k. a. 7. l.; DIMK. III. k. 141–142. old.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 129. old.
- ⁵⁰ Венгрия и вторая мировая война. С. 139, 146.

Глава третья

Карпатская Украина

- ¹ OL. ME. L. 1940. 17419. 1–3. l. PIA. A. XI. 13/1938/5; PIA. XXII. 71/1938/1.
- ² ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 227–228. l.
- ³ Népszava. — 1938. — 18.11.
- ⁴ Magyar Nemzet. — 1938. — 18.11.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Magyarorság. — 1938. — 18.11; Újság. — 1938. — 19.11.
- ⁷ Карпатська Україна і Августин Волошин. Ужгород, 1995. С. 15–17; Закарпаття під Угорщиною. С. 27.
- ⁸ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 325. old.
- ⁹ Ibid. 327. old.
- ¹⁰ В серии «Народы мира», издававшейся тогдашним Институтом этнографии Академии наук СССР, рассматривались только первые три из названных здесь четырех диалектов. В начале данной книги показано, что венгерское правительство тогда взяло от Августина Волошина письменное обязательство держаться в стороне как от украинского, так и русофильского течений.
- ¹¹ OL. K-84. 1938. (Berni követség) 130. biz. 1–6. l.
- ¹² Ibid. FT. X-36202. 1938. 221. pol.; DIMK. III. k. 227–228. old.
- ¹³ Ibid. K-64. 1939. 21. 31. 1–2. l.
- ¹⁴ ДВП МИД РФ. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 20.
- ¹⁵ OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 206. l.; OL. K-27. 1939. jan. 14. 7–9. l.

- ¹⁶ Ibid. K-27. 1939. jan. 14. 9. 1.
- ¹⁷ Этот вопрос подробно освещен в книге: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 326–343.
- ¹⁸ Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. 1. С. 90.; A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 342–348. old.
- ¹⁹ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 346. old.
- ²⁰ Ibid. 347–350. old.
- ²¹ Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. С. 85–90; OL. K-27. 1939. jan. 20. 82. 1.
- ²² *Ránki György.* Hamis tanuk leleplezése // Magyar Nemzet. — 1962. — 28.11.; A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 355. old.
- ²³ OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 215. 1.
- ²⁴ Ibid. K-64. 1939. 33/a. 1424. 1–2. 1.
- ²⁵ DIMK. III. k. 163–164. old.
- ²⁶ Ibid. 166. old.
- ²⁷ Ibid. 297–298. old.
- ²⁸ OL. K-63. 1939. 21/7. 635. 1–8. 1.
- ²⁹ Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 140–141. 1.
- ³⁰ DIMK. III. k. 417–419. old.
- ³¹ OL. K-63. 1939. 21/7. 635. 1–5. 1.
- ³² DIMK. III. k. 497. old.
- ³³ Ibid. 498. old.
- ³⁴ Ibid. 435–437. old.
- ³⁵ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 W. 6572. K. 7–9.
- ³⁶ OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 241. 1.
- ³⁷ Ibid. K-64. 1939. 17. 51. 1-2. 1.
- ³⁸ Ibid. K-63. 1939. 7/4. 194 (875). 1–2. 1.
- ³⁹ DIMK. III. k. 271–272. old.
- ⁴⁰ Ibid. 190–191. old.
- ⁴¹ OL. K-63. 1939. 7/4. 4504.
- ⁴² Ibid. 401. 1–3. 1.
- ⁴³ Deutsches Zentralarchiv (Potsdam). 62. DI. NSDAP. Dienststelle Rosenberg. Aussenpolitischen Amt. 619. P. EDP. 210. d. 18–106. Karpato-Ukraine. S. 3–4.
- ⁴⁴ AAN. MSZ. P III. 1939. 11 c. T. 2. 5462. K. 40.
- ⁴⁵ Ibid. K. 40. ob.
- ⁴⁶ OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 243. 1.
- ⁴⁷ Ibid. K-63. 1939. 1057. 1-3. 1.
- ⁴⁸ Ibid. 387. 1–2. 1.
- ⁴⁹ DIMK. III. k. 153. old.
- ⁵⁰ AAN. MSZ. P III. 1939. 11 c. 5461. K. 12–13.
- ⁵¹ DIMK. III. k. 354. old.
- ⁵² AAN. MSZ. P III. 1939. 11 c. 5461. K. 75–76.
- ⁵³ Ibid. K. 97–99.
- ⁵⁴ DIMK. III. k. 184. old.
- ⁵⁵ AAN. MSZ. P III. 1938. 11 c. 5460. K. 60–61.
- ⁵⁶ Ibid. 49 c. T. 1. 5436. K. 40–41.
- ⁵⁷ Ibid. 1939. 11 c. 5461. K. 82–84, 88–89, 100–101, 147.

- ⁵⁸ Ibid. К. 89.
- ⁵⁹ Ibid. Т. II. 5880. К. 19.
- ⁶⁰ Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. 1. С. 95.
- ⁶¹ OL. K-64. 1939. 33/a. 101. 1. 1.
- ⁶² Ibid. 414. 10. 1.
- ⁶³ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 369. old.
- ⁶⁴ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 W. 6572. K. 4–5.
- ⁶⁵ OL. K-64. 1939. 33/a. 101. 1. 1.
- ⁶⁶ Ibid. 155. 4. 1.
- ⁶⁷ Ibid. 172. 1–3. 1.
- ⁶⁸ DIMK. III. k. 513–514. old.
- ⁶⁹ OL. K-119. 1939. 13. biz. 1–2. 1.
- ⁷⁰ В министерство иностранных дел Венгрии 3 марта 1939 года поступило донесение венгерского консула из Братиславы Дьюлы Петравича, в котором сообщалось: здешние торговцы лесом, имеющие в Карпатской Украине свои интересы и знающие положение в ее лесном хозяйстве, информировали его, что «в настоящее время в Русинии не ведется вырубка леса в больших размерах» (OL. K-64. 1939. 33/a. 194. 1. 1.; DIMK. III. k. 522. old.).
- ⁷¹ OL. K-64. 1939. 33/a. 194. 1. 1.; DIMK. III. k. 522. old.
- ⁷² AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. Т. I. 5436. К. 44.
- ⁷³ DIMK. III. k. 515. old.
- ⁷⁴ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. Т. I. 5436. К. 44.
- ⁷⁵ Ibid. К. 16–20.
- ⁷⁶ OL. K-64. 1939. 33/a. 206. 1–2. 1.
- ⁷⁷ Ibid. 207. 1–2. 1.
- ⁷⁸ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. Т. I. 5436. К. 16–20.
- ⁷⁹ Ibid. К. 24.
- ⁸⁰ Ibid. К. 26.
- ⁸¹ DIMK. III. k. 498. old.
- ⁸² Павел Коссей в шифротелеграмме венгерского посланника в Праге Яноша Веттштейна министру в Будапешт 30 ноября 1938 года фигурирует как «русинский депутат ЧС парламента» под кличкой Kossay, предлагавший, чтобы Венгрия обещала автономию Подкарпатыю при вхождении в ее состав. В то время он очень хотел стать министром в Подкарпатском правительстве. Позднее, точно через два месяца, он фигурирует уже под собственной фамилией в информации заведующего политическим отделом венгерского МИДа Лайоша Кула посланнику в Берлине, согласно которой в период избрания президентом Эмиля Гаху стремились заменить Юлия Ревая на посту министра Коссеем, но тогда это не удалось. Ревай заручился поддержкой Кундта и Хенкке, с чем пришлось тогда считаться премьеру Рудольфу Берану (DIMK. III. k. 190, 409–410. old.).
- ⁸³ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. Т. I. 5436. К. 3–7.
- ⁸⁴ AAN. MSZ. P III. 1939. 11 c. Т. III. 5463. К. 42–49.
- ⁸⁵ Ibid. К. 79, 89–91.
- ⁸⁶ Ibid. Т. II. 5462. К. 55–63.
- ⁸⁷ Об Андрее Ливицком см: *Михутина И.В.* О происхождении и судьбах украинской политической эмиграции. 1920–1945 гг. // Национальный вопрос в Восточной Европе: Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 140–141.
- ⁸⁸ AAN. MSZ. P III. 1939. 11. c. Т. III. 5463. К. 1–4.
- ⁸⁹ Ibid. 1 c. 49. c. Т. I. 5436. К. 9–11.

- ⁹⁰ Сапоица депутат или сенатор польского сейма, Чадек, Гурский, Жибарский, Островский, Яворский, Бартошек и другие. (AAN. MSZ. P III. 1939. 11 с. Т. III. 5463. К. 96.)
- ⁹¹ AAN. MSZ. P III. 1939. 11 с. Т. III. 5463. К. 186.
- ⁹² В польских документах и печати Карпатская Украина упоминалась как Закарпатская Украина.
- ⁹³ AAN. MSZ. P III. 1939. 11 с. Т. III. 5463. К. 102.
- ⁹⁴ Ibid. К. 103–104.
- ⁹⁵ Ibid. К. 94–95.
- ⁹⁶ Ibid.
- ⁹⁷ Ibid. К. 51–52.
- ⁹⁸ Hétfői Hírek. — 1938. — 28.11.
- ⁹⁹ Függetlenség. — 1939. — 02.02.
- ¹⁰⁰ Pester Lloyd — 1939. — 12.02; Új Magyarország — 1939. — 12.02; Nemzeti Újság — 1939. — 12.02.
- ¹⁰¹ По официальным данным, в выборах приняли участие 92,5% имевших право голоса, за единый список Украинской национальной обороны проголосовало 92,4% принявших участие. (Карпатская Украина. Ужгород, 1999. С. 104.)
- ¹⁰² Magyar Nemzet. — 1939. — 09.03.
- ¹⁰³ DIMK. III. k. 478. old.; AAN. MSZ. P III. 1939. 11 с. Т. II. 5462. К. 130–131.
- ¹⁰⁴ AAN. MSZ. P III. 11 с. Т. I. 5461. К. 94–95.
- ¹⁰⁵ Ibid. 1 с. 49 с. Т. I. 5436. К. 38.
- ¹⁰⁶ Ibid.
- ¹⁰⁷ Függetlenség. — 1939. — 07.03.
- ¹⁰⁸ Esti Újság. — 1939. — 01.02.
- ¹⁰⁹ Ibid. 1939. 15320.
- ¹¹⁰ Ibid. 1937. 1717. 1–3. 1.
- ¹¹¹ Ibid. KÜM. Képviselőtestület. Berni követség. 1939. 6. biz. 1–2. 1.
- ¹¹² AAN. MSZ. P III. 1939. 1 с. 49 с. Т. I. 5436. К. 46.
- ¹¹³ DIMK. III. k. 527–528. old.
- ¹¹⁴ AAN. MSZ. P III. 1939. 11 с. Т. III. 5463. К. 155–157.
- ¹¹⁵ Ibid. К. 158–159.
- ¹¹⁶ PIA. Külpolitikai összesítő. 1939. 20.1.
- ¹¹⁷ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 367. old.
- ¹¹⁸ DIMK. III. k. 520–521. old.
- ¹¹⁹ OL. K-64. 1939. 33/a. 210. 1–2. 1.
- ¹²⁰ DIMK. III. k. 528. old.
- ¹²¹ OL. KÜM. Képviselőtestület. Berlini követség. 1940. Összesítő a politikai helyzetről 1939. 894. 1.
- ¹²² DIMK. III. k. 536–538. old.
- ¹²³ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 367–368. old.
- ¹²⁴ DIMK. III. k. 539. old.
- ¹²⁵ Ibid. 517. old.
- ¹²⁶ Ibid. 541. old.
- ¹²⁷ OL. K-63. 1939. 7/25. 1130. 1–2. 1.
- ¹²⁸ DIMK. III. k. 542. old.
- ¹²⁹ Закарпаття під Угорщиною 1938–1944 рр. Нью-Йорк – Чикаго – Ужгород, 1999. С. 30–31.
- ¹³⁰ DIMK. III. k. 550. old.
- ¹³¹ OL. K-64. 1939. 65. 182. 1–2. 1.
- ¹³² Ibid. K-63. 1939. 33/a. 1135, 1136. 1–2. 1.

Глава четвертая

Оккупация Карпатской Украины венгерскими войсками

- ¹ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 368. old.; Венгрия и вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 126. Этот документ многократно печатался за рубежом, в том числе в Венгрии, Англии (например, DGFP. Ser. D. Vol. VIII. Doc. № 60), и удивляет, почему в Українськом історике в 1995 году опубликовали его на С. 235 в столь вольном, если не сказать искаженном виде.
- ² DIMK. III. k. 550. old.
- ³ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. T. I. 5436. K. 65.
- ⁴ DIMK. III. k. 552. old.
- ⁵ OL. K-64. 1939. 33/a. 211. 1. 1.; 212. 1. 1.
- ⁶ DIMK. III. k. 351. old.
- ⁷ A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968. 368–369. old.
- ⁸ Венгрия и вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 158.
- ⁹ OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 246. 1.
- ¹⁰ DIMK. III. k. 542–545. old.
- ¹¹ Нариси історії Закарпаття. Т. II. (1918–1945). Ужгород, 1955. С. 314.
- ¹² DIMK. III. k. 554. old.
- ¹³ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. T. I. 5436. K. 85–86.
- ¹⁴ В сборнике документов по внешней политике этого периода в примечании к упоминавшемуся венгеро-чешскому инциденту в окрестностях Мукачевы отмечено: он был спровоцирован утром 14 марта венграми, которые обвинили в этом Чехословакию. (DIMK. III. k. 555. old.)
- ¹⁵ DIMK. III. k. 554–555. old.
- ¹⁶ OL. K-89. 1939. 400. 23, 29. 1.
- ¹⁷ Ibid. 30. 1.; DIMK. III. k. 556–557. old.
- ¹⁸ Ibid. 31–31. 1.; DIMK. III. k. 564. old.
- ¹⁹ Нариси історії Закарпаття. Т. II. (1918–1945). Ужгород, 1955. С. 315.
- ²⁰ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. T. I. 5436. K. 88, 90.
- ²¹ Нариси історії Закарпаття. Т. II. (1918–1945). Ужгород, 1955. С. 315–316.
- ²² ADAP. Ser. D. Bd. IV. S. 219.
- ²³ Ibid. S. 240.
- ²⁴ OL. K-89. 1939. 462. 2. 1.; K-63. 1939. 7/7. 18 (1347) 161. 1.; DIMK. III. k. 567. old.
- ²⁵ Ibid. K-63. 1939. 7/7. 18 (1347). 58. 158. 1.; DIMK. III. k. 570. old.
- ²⁶ Ibid.; Ibid. k. 570–571. old.
- ²⁷ DIMK. III. k. 577–578. old.
- ²⁸ Нариси історії Закарпаття. Т. II. (1918–1945). Ужгород, 1955. С. 333–334.
- ²⁹ OL. K-89. 1939. 462. 17–18. 1.
- ³⁰ *Andorka Rudolf*. A madridi követségtől Mauthausenig. Budapest, 1978. 88–89. old.
- ³¹ OL. K-89. 1939. 400. 18. 20. 1.
- ³² Речь идет о подполковнике бароне Кароле Унгаре (Ungár Károly), ставшем в английском переводе Унгером.
- ³³ *Паркер Роберт*. Будапештская штаб-квартира. S. u., s. a. С. 26.
- ³⁴ OL. K-89. 1939. 400. 18. 11. 1.
- ³⁵ Закарпаття під Угорщиною. С. 36–38.
- ³⁶ OL. K-99. 1939. 481/50. fñn. 3. 1.

- ³⁷ Ibid. K-27. 1939. 17. III. 32, 34. l.
- ³⁸ Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 240. l.
- ³⁹ DIMK. III. k. 558–559. old.
- ⁴⁰ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. T. I. 5436. K. 105–106.
- ⁴¹ OL. K-63. 1939. 7/7. 18 (1347). 1–2. l.
- ⁴² DIMK. III. k. 574–575. old.
- ⁴³ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. T. II. 5437. K. 4–5.
- ⁴⁴ Ibid. K. 14.
- ⁴⁵ Ibid. K. 17.
- ⁴⁶ DIMK. III. k. 568–569. old.
- ⁴⁷ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. T. II. 5437. K. 26.
- ⁴⁸ Ibid. K. 30.
- ⁴⁹ Ibid. K. 32, 34, 39.
- ⁵⁰ DIMK. III. k. 602–603. old.
- ⁵¹ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. T. II. 5437. K. 62.; DIMK. III. k. 603. old.
- ⁵² DIMK. III. k. 607. old.
- ⁵³ AAN. MSZ. P III. 1939. 1 c. 49 c. T. II. 5437. K. 129–130.
- ⁵⁴ OL. K-64. 1939. 33/a. 297. 1. l.
- ⁵⁵ DIMK. III. k. 623–625. old.
- ⁵⁶ OL. K-63. 1939. 21/7. 695. 299. l.
- ⁵⁷ Ibid. K-64. 1939. 23. 426. 1–16. l.
- ⁵⁸ DIMK. III. k. 578. old.
- ⁵⁹ Ibid. 588. old.
- ⁶⁰ Ibid. 609–610, 637. old.
- ⁶¹ Ibid. IV. k. 109. old.
- ⁶² Ibid. III. k. 651. old.
- ⁶³ Ibid. IV. k. 109. old.
- ⁶⁴ Ibid. III. k. 672–673. old.
- ⁶⁵ OL. K-89. 1939. 400. 4–5. l.
- ⁶⁶ DIMK. IV. k. 109. old.
- ⁶⁷ OL. K-89. 1939. 400. 9. l.
- ⁶⁸ Ibid. 7. l.
- ⁶⁹ Ibid. 6. l.
- ⁷⁰ DIMK. IV. k. 127. old.
- ⁷¹ Закарпаття під Угорщиною. С. 40.
- ⁷² OL. K-63. 1939. 65. 583. 1–3. l.; 668. 1–2. l.
- ⁷³ DIMK. IV. k. 122. old.
- ⁷⁴ OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 257–258. l.; K-64. 1939. 2. 335. 1–6. l.
- ⁷⁵ Ibid. K-63. 1939. 181. 1–6. l.
- ⁷⁶ Ibid. K-27. 1939. 4. IV.
- ⁷⁷ DIMK. IV. k. 153. old.
- ⁷⁸ OL. KŰM. Képviseltek. Berni Követség. 1939. 55. biz. 3–15. l.
- ⁷⁹ ÚMKL. KŰM. M-1. 71. d. IV/184. 1946. BEO. 76. res. 3–6. l.
- ⁸⁰ ÚMKL. KŰM. 1946. BEO. 72. d. 76. res. 3–5, 75–76. l.
- ⁸¹ OL. K-64. 1939. 33/a. 172. 1–3. l.; 414. 11. l.
- ⁸² Ibid. K-63. 1939. 7/7. 18. 102, 145–146.

⁸³ ÚMKL. KÜM. 1946. BEO. IV. 1. 162. 1.

⁸⁴ DIMK. III. k. 614–615. old.

Часть четвертая

Подкарпатье под властью хортистов

Глава первая

Режим военной администрации

¹ DIMK. III. k. 578. old.

² OL. K-63. 1939. 7/7. 1367. 1. 1.

³ AAN. MSZ. P III. 1939. 11 c. T. III. 5463. K. 209.

⁴ Ibid. K. 212–213.

⁵ Ibid. 851/b. W. 6634. K. 1–6, 8–10.

⁶ Ibid. K. 7.; OL. K-63. 1939. 7/7. 18. 164–166. 1.

⁷ *Andorka Rudolf*. A Madridi követségél Mauthausenig. Budapest, 1978. 119. old.

⁸ Ibid. 151. old.

⁹ DIMK. III. k. 605–606. old.

¹⁰ Ibid. 652–653. old.

¹¹ Ibid. 673–675. old.

¹² OL. K-63. 1939. 7. 1458. (1816). 1. 1.

¹³ DIMK. III. k. 678–680. old.

¹⁴ OL. K-98. 1939. 49. fön. 1–4. 1.

¹⁵ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 3–4. 1.

¹⁶ Ibid. 5–6. 1.

¹⁷ Ibid. 9–10. 1.

¹⁸ В венгеро-русском двухтомном словаре (Hadrovics — Gáldi) по поводу «нотаря» и «нотариуса» допущена путаница.

¹⁹ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 13–14. 1.

²⁰ Ibid. 14. 1.

²¹ OL. ME. 1939. L. 15981. 1–2. 1.

²² Ibid. 15836. 1–5. 1.

²³ Ibid. 16053. 1–2. 1.

²⁴ VMI. V-19430. V/18. 1.; Закарпаття під Угорщиною. С. 40.

²⁵ OL. ME. 1939. L. 16630. 1–67. 1.

²⁶ Ibid. 16326. 2. 1.

²⁷ Ibid. 16016. 1–3. 1.

²⁸ Nemzeti Újság. — 1939. — 20.04.

²⁹ OL. K-84. 1939. 44. biz. 1–10. 1.; Ibid. K-27. 1939. márc. 17. 32. 1.; Budapesti Hirlap. — 1939. — 24.03; Uj Magyarország, Pesti Napló, Függetlenség от 24 марта 1939 года.

³⁰ OL. ME. L. 1939. 17222. 1–4. 1.

³¹ Ibid. K-98. 1939. 45. pol. 7. 1.; 50. pol. 2–4. 1.

³² Ibid. K-84. 1939. 43. biz. 1–8. 1.

³³ Pesti Napló. — 1939. — 17.03.

³⁴ OL. K-92. 41. cs. 1–6. 1.

³⁵ Ibid. K-98. 1939. 286. res. pol. 2–3. 1.

- ³⁶ Ibid. K-64. 1939. 368. 1–4. 1.
³⁷ Ibid. ME. 1939. L. 16467. 1. 1.
³⁸ Ibid. 16357. 1–3. 1.
³⁹ Ibid. K-99. 1939. 481. 50. fõn. 1–5. 1.
⁴⁰ Ibid. 6. 1.
⁴¹ AAN. MSZ. P III. 1938. 48 W. 6593. K. 5–8.
⁴² Ibid. P III. 1939. 7 W. 1. 6577. K. 1–8.
⁴³ Ibid. K. 9–16.
⁴⁴ Ibid. K. 17–20.

Глава вторая

Правда и мифы об автономии Подкарпатья

- ¹ OL. ME. MT jkv. 1939. márc. 17. 34. 1.
² Ibid. H. 1940. 19163. 4. 1.
³ OL. BM. VII. Res. 1943. 7. 2486. 12–15. 1.
⁴ Ibid. ME. H. 1940. 19168. 1–10. 1.
⁵ В архиве он помещен в списке проектов под № 19068. К этому времени в распоряжении премьера был уже проект под названием «Проект автономии Центрального русского национального совета. Броди», который был зарегистрирован первым среди проектов под № 19067.
⁶ *Zseliczky Béla. Kárpátalja a cseh és a szovjet politika érdekerében. 1922–1945.* Budapest, 1998.
⁷ *Tilkowszky Lóránt. Revízió és nemzetségpolitika Magyarországon (1938–1941).* Budapest, 1967. 152–237. old.
⁸ *Баран О.* Проблема закарпатської автономії в Угорщині 1939–41 pp. // Закарпаття під Угорщиною. С. 49–63.
⁹ 5 декабря 1938 года заняли свои места в венгерском парламенте 17 приглашенных без выборов депутатов от территории, переданной Венгрии по первому Венскому арбитражу. Среди них из той части, которая входила в Подкарпатскую Русь, были адвокат Эндре Корлат, бывший министр Степан Фенцик, член аграрной партии Юлий Фелдеши и главный редактор газеты венгерского меньшинства в Мукачеве Аладар Возари.
¹⁰ OL. ME. H. 1940. 19177; PIA. A. XIII. 1/1939/2.
¹¹ АВР РФ. Ф. 77. Оп. 14. П. 6. Д. 7. Л. 216.
¹² OL. ME. P. 1940. 17060. 1–4. 1.
¹³ Принудительная организация хортистов, в которой заставляли подростков с 12 лет до призыва в армию еженедельно посещать военные занятия. Уклонявшихся привлекали к различного рода наказаниям вплоть до тюремного заключения по решению суда.
¹⁴ OL. ME. H. 1940. 19167. 29. 1.
¹⁵ Ibid. L. 1939. 17253. 6–8. 1.
¹⁶ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 11. 1.
¹⁷ OL. ME. L. 1939. 17253. 1–4. 1.
¹⁸ Ibid. 10–17. 1.
¹⁹ ÚMKL. KÜM. 1945 — BEO. IV. 304 (193). I.a. 108. 1.
²⁰ Ibid. 109–118. 1.
²¹ Ibid. 115–117. 1.
²² OL. ME. L. 1939. 17703. 1–4. 1.
²³ Ibid. 1940. 16042. 1–6. 1.
²⁴ Ibid. BM. Res. 1941. 6. 13143. 10. 1.

- ²⁵ Ранее в это понятие включалась вся территория Словакии и Подкарпатья.
- ²⁶ OL. ME. H. 1940. 19167. 5. l.
- ²⁷ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 304 (193). 1a. 122–123. l.
- ²⁸ OL. ME. MT jkv. 1939. jun. 27. 2. l.; 194. l.
- ²⁹ Ibid. H. 1940. 19167. 6. l.
- ³⁰ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 15. l.
- ³¹ Ibid. 5. l.
- ³² ÚMKL. ME. L. 1939. 19738. 1–5. l.
- ³³ OGYL. Ogy. Bizottságok jegyzőkönyvei. VI. k. 361. old.
- ³⁴ Закарпаття під Угорщиною. С. 56.
- ³⁵ OL. ME. L. 1939. 18130. 1–3. l.
- ³⁶ На начальном этапе оккупации, до назначения регентского комиссара, многие полагали, в том числе и Телеки, что это будет уполномоченный представитель правительства.
- ³⁷ OL. ME. L. 1939. 19282. 15. l.
- ³⁸ Ibid. 2. l.
- ³⁹ Получив эти сведения, правительство решило проверить их достоверность и дало указание провести перепись безработных, имеющих высшее и среднее образование, во всех трех подкарпатских административных экспозитурах (Ужанской, Бережской и Мараморосской) и получило неутешительные для себя результаты. Безработных было по управлениям 346, 653, 709 человек, что по краю в целом составило 1708 безработных. (OL. ME. H. 1940. 15235. 1–16. l.)
- ⁴⁰ OL. ME. H. 1939. 15235. 6. l.
- ⁴¹ Ibid. 10. l.
- ⁴² Ibid. 17714. 1–16. l.
- ⁴³ Ibid. 17818. 1–5. l.
- ⁴⁴ Ibid. 17753. 2–4. l.
- ⁴⁵ AAN. MSZ. P III. 1939. 7 W. 6577. K. 79–88.
- ⁴⁶ Ibid. K. 56–59, 63–64, 66–68.
- ⁴⁷ Ibid. K. 69–70.
- ⁴⁸ Ibid. K. 83–88.
- ⁴⁹ Ibid. K. 93–94.
- ⁵⁰ OgyL. Pénzügyi bizottság ülése. Jkv. IV. k. 266–267. old.
- ⁵¹ OL. ME. H. 1940. 19167. 6–7. l.
- ⁵² ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 16. l.
- ⁵³ Ibid. 17–19. l.
- ⁵⁴ Ibid. 24. l.
- ⁵⁵ Ibid. 21–22. l.
- ⁵⁶ Ibid. 13. l.
- ⁵⁷ Ibid. Fencik. 243–244. l.
- ⁵⁸ OL. ME. H. 1940. 19167. 24–25. l.
- ⁵⁹ *Tilkovszky Lóránt*. Op. cit. 218–219. old.; *Zseliczky Béla*. Op. cit. 60. old. и др.
- ⁶⁰ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 304. 193. 1a. 112. l.
- ⁶¹ АВП РФ. Ф. 17. Оп. 16. П. 8. Д. 13. Л. 43.
- ⁶² OL. ME. MT jkv. 1942. febr. 3. 119. l.
- ⁶³ OL. BM. Res. 1940. 8. 5001 (5911). 15–16. l.
- ⁶⁴ Ibid. 12–13. l.
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 17. Оп. 16. П. 8. Д. 12. Л. 41.

⁶⁶ *Zseliczky Béla*. Op. cit. 56. old.; Славяноведение. М., 2003. № 1. С. 109.

⁶⁷ Ibid. 61. old.

⁶⁸ OL. ME. L. 1940. 15486. 2–10. l.

Глава третья

Подкарпатье на первом этапе Второй мировой войны

¹ OL. FM. Ált. 1939. 62. 131955. 1–2. l.

² Ibid. 76016. 4–8. l.

³ Ibid. 130149. 11, 40–81, 84–86. l.

⁴ Однорочна работа мадярского правительства за народ Подкарпатья. Что сталося доси на Подкарпатю. Вступне слово барона Перни Жигмонда, регентского комиссара, и Александер Ильницький, головный советодатель. Унгвар, 1940. С. 6, 25–26.

⁵ OL. ME. G. 1939. 16997. 4. l.

⁶ OgyL. 36 OB. XXIII. k. 3–36. l.; Ibid. 42 OB. 137. ülése. 1942 márc. 5. 133–134. l.

⁷ OL. ME. L. 1939. 20692. 1–4. l.

⁸ Ibid. P. 1940. 29177. 1–2. l.

⁹ Ibid. 20177. 1–6. l.

¹⁰ OL. ME. MT jkv. 1941. márc. 28. 7–10. l.

¹¹ Ibid. 1941. aug. 26. 22–23. l.

¹² ГАЗО. Ф 14 с./103. ДД. 183–3977.

¹³ *Магочий Павло Роберт*. Формування національної самосвідомості. С. 150.

¹⁴ ЗОГА. Ф. 45. Оп. 2. Д. 644. Л. 8–14.

¹⁵ PIA. A. IV. 15/107. 5–22. l.; OL. ME. 1939. P. 19973. 1–7. l.

¹⁶ ЗОГА. 29 с/92. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁷ PIA. A. IV. 1940. 9. 1–5. l.

¹⁸ Ibid. 15/69. 1–3. l.

¹⁹ OL. ME. G. 1943. 15053. 195–214. l.; Ibid. VM. Res. 1942. 6. 24860. 2–3. l.; PIA. A. XII. 71/1941/56. 1–2. l.; Ibid. A. IV. 15/100. 1–3. l.; 15/69. 1–3. l.

²⁰ PIA. A. XXII. 5/51/56. 1–2. l.

²¹ OL. VM. VII. Res. 1943. 1. 1698. 1–7. l.

²² Ibid. 8. l.

²³ Ibid. 29–34. l.

²⁴ OL. VM. VII. Res. 1943. 1. 1698 (2). 1. l.

²⁵ Ibid. 1–3. l.

²⁶ Ibid. 1698 (1). 39. l.

²⁷ Ibid. 1698 (2). 4. l.

²⁸ OL. ME. 1940. G. 15829. 1–33. l.

²⁹ PIA. A. XII. 7/1940/14. 1–6. l.

³⁰ HL. NM. 1. oszt. 1942. 4114. 1–2. l.

³¹ HL. NM. H. Napló. 1942. I. 12. 1181, 1184. l. По рассматриваемой проблеме см. также в Военном дневнике записи от 6, 7, 8, 10 на листах 1150–1152, 1158, 1160–1162, 1167, 1171, а также документы, сохранившиеся в 1-м отделе Генштаба: HL. NM. Vkf. 1. oszt. 1942. 4114. 1–8. l.

³² PIA. A. XII. 71/1941/56. 1–2. l.

³³ OL. IgM. Borkányuk Elek és a kárpát-urainai kommunista szervezet tagjai elleni pernek a Kurai 1944. 2048. fől. sz. 8–10. l.

³⁴ Ibid. 13–16. l.

- ³⁵ Ibid. 27. l.
- ³⁶ Ibid. 192–193. l.
- ³⁷ Ibid. 18–19. l.
- ³⁸ OL. ME. 1940. G. 16085. 1–10. l.; OL. IM. Ált. 1940. T. 11694. 1–3. l.
- ³⁹ OL. IM. Ált. 1940. T. 16692. 1–14. l.
- ⁴⁰ Ibid. BM. Res. 1939. T. 1. 15201. 2–3. l.; OL. ME. 1941. G. 22526. 6–17. l.
- ⁴¹ Ibid. ME. 1940. G. 21623. 1–6. l.; OL. IM. Ált. 1939. T. 53498. 1–2. l.
- ⁴² По донесению ужгородской полиции в МВД, только во второй четверти 1940 года в Подкарпатье органы следствия «неофициально» проверили 114 846 писем. (PIA. A. XII. 71/1940/6. 2. l.)
- ⁴³ OL. ME. 1940. G. 17200. 1–8. l.; Ibid. 1941. G. 16040. 1–9. l.
- ⁴⁴ Ibid. 15454. 1–6. l.; Ibid. IM. Ált. 1939. T. 60972. 1–2. l.; Ibid. BM. Res. 1940. 8. 5001. 46–47. l.
- ⁴⁵ OL. BM. Res. 1940. 8. 16733. 1–14. l.; Ibid. IM. Ált. 1940. T. 18324. 1–2. l.; 25193. 1–2. l.
- ⁴⁶ OL. ME. 1940. G. 17979. 1–10 l.; Ibid. IM. Ált. 1939. T. 53355. 1–6. l.; 53499. 3. l.; 54953. 1. l.
- ⁴⁷ Ibid. 1941. T. 52118. 1–2. l.
- ⁴⁸ Ibid. ME. 1940. G. 15087. 5–8. l.; 17295. 1–9. l.; 16297. 1–10. l.; 15796. 1–8. l.; 17070. 9. l.; 16157. 4–8. l.; Ibid. 1942. G. 20696. 34. l.
- ⁴⁹ Ibid. 1940. G. 1940. G. 22537. 1–13. l.
- ⁵⁰ Ibid. 1941. G. 17366. 4–7. l.
- ⁵¹ Ibid. ME. 1940. G. 15402. 1–16. l.; Ibid. IM. Ált. 1940. 12085. 1. l.; 12079. 1–2. l.; 12081. 1–3. l.
- ⁵² OL. IM. Ált. 1939. L. 17890. 1–3. l.
- ⁵³ Ibid. 17660. 1–13. l.
- ⁵⁴ Ibid. G. 17555. 1–6. l.
- ⁵⁵ Ibid. L. 18355. 1–2. l.
- ⁵⁶ OL. ME. Nemzetiségi és kisebbségi osztály iratai. Földreformrevízióval kapcsolatos iratok. 229, 232, 13–16, 220–226.; OL. ME. Tájékoztatási osztály. Földreform d. 64. 44–62, 68, 71–72. l.
- ⁵⁷ Ibid. 202–212. l.
- ⁵⁸ Ibid. MT jkv. 1940. nov. 23. 102–103. l.
- ⁵⁹ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. III/3. 384. 31–51. l.
- ⁶⁰ OgyL. OB. Jegyzőkönyvei. VI. k. 202–203. l.
- ⁶¹ PIA. A. IV. 4/1939/ 5. 1–11. l.
- ⁶² OL. ME. 1939. L. 18582. 1–13. l.; Ibid. BM. Res. 1939. 1. 8050. 2l.; PIA. Külpolitikai Összítő. 1939. X.13.
- ⁶³ Ibid. BM. Res. 1939. 1. 13704; 16382 (14138); 12853. 2. l.
- ⁶⁴ Ibid. ME. L. 1939. 17903. 1–9. l.
- ⁶⁵ Ibid. K. 98. 1939. 86. pol. 2–7. l.
- ⁶⁶ Ibid. K-83. 1940. 161. pol. Főn. 717. l.
- ⁶⁷ Ibid. 687. l.
- ⁶⁸ Ibid. ME. 1941 P. 17283. 1–2. l.; 17284. 1. l.
- ⁶⁹ PIA. A. XXII. 5. 13 /1941/ 29. 1–30. l.
- ⁷⁰ BMI. V-128424. 76. l.
- ⁷¹ OL. K-121. 1941. 40. biz. 1. l.
- ⁷² PIA. A. XXII. 71 /1942/ 53. 23–38. l.
- ⁷³ OL. BM. Res. 1942. 7. 6006. 212–213. l. В архиве сохранились выдержки из двух тетрадок пропагандистских материалов украинских национальных организаций в Закарпатье в 1942 году (PIA. A. XXII. 5. 13. /1942/ 8).
- ⁷⁴ OL. BM. Res. 1942. 6. 24860. 2–3. l.
- ⁷⁵ Ibid. 1. 24167. 2–4. l.

- ⁷⁶ Ibid. ME. 1939. L. 18555. 1–3. l.
- ⁷⁷ Ibid. 18134. 1–28. l.
- ⁷⁸ Ibid. KÜM. Pol. 1940. 21/7. 695. 296–300. l.
- ⁷⁹ Ibid. GPO. 1940. 56043. 2. l.
- ⁸⁰ Ibid. 1939. Iktatlan. 167–174. l.
- ⁸¹ Ibid. ME. L. 1939. 18385. 3. l.
- ⁸² Ibid. 1939. 19548. 1–13. l.
- ⁸³ Ibid. 20514. 1–3. l. Филлер — сотая доля пенгё.
- ⁸⁴ Pfyff v. Altishofen.
- ⁸⁵ OL. ME. 1939. L. 15945. 1–2. l.; Ibid. MT. Jkv. 1940. márc. 18. 43–44. l.
- ⁸⁶ OL. ME. 1940. L. 17919. 1–4. l.
- ⁸⁷ PIA. A. XXII. 7. /1940/ 18. 1. l.
- ⁸⁸ OL. ME. 1940. P. 21269. 1–4. l.
- ⁸⁹ Ibid. BM. Res. 1940. 8. 5002. 1–2. l.
- ⁹⁰ Ibid. 1. 9246. 2–3. l.; Ibid. 5–12. l.; Ibid. 1941. 7. 9495. 36. l.
- ⁹¹ OL. ME. MT jkv. 1940. szept. 11. 129–131. l.
- ⁹² OgyL. A 36. tagu Honvédelmi OB. Jegyzőkönyv № 12. 1–5. l.
- ⁹³ OL. ME. MT jkv. 1940. okt. 11. 59–66. l.
- ⁹⁴ Ibid. BM. Res. 1940. 1. 5390. 1–17. l.
- ⁹⁵ Ibid. 1941. 1. 10825. 4–7. l.
- ⁹⁶ Ibid. 1940. 1. 5390. 23. l.
- ⁹⁷ Ibid. 1941. 6. 8133. 1. l.
- ⁹⁸ Ibid. 9839. 2–3. l.
- ⁹⁹ OL. K-84. 1940. 286. biz. 2–12. l.
- ¹⁰⁰ Подробнее см. об этом: *Лушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. С. 171–188.
- ¹⁰¹ OL. K-63. 1941. 21/7. 2676. 1–2. l.
- ¹⁰² PIA. IV. 15/13. 3–14. l.; PIA. A. XXII. 5/51/ 31. 8–15. l.
- ¹⁰³ OL. ME. 1939. L. 18095. 1, 8–21. l.
- ¹⁰⁴ Ibid. 18106. 1–2. l.
- ¹⁰⁵ Ibid. 1940. L. 15541. 1–5. l.
- ¹⁰⁶ Ibid. MT. Jkv. 1940. szept. 4. 18, 25. l.
- ¹⁰⁷ Ibid. IM. BI. 1941. 1273. 1. l.
- ¹⁰⁸ PIA. A/ XXII. 71/1941/ 69. 5. l.
- ¹⁰⁹ OL. BM. Res. 1940. 1. 5759. 4–6. l.; Ibid. MT. Jkv. 1941. jún. 17. 26. l.

Глава четвертая

В годы войны гитлеровской коалиции против Советского Союза

- ¹ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. I. 1-12. /B/ 13. 1. l.; Ibid. 23. 16–32. l.; BMI. V-101594. 1. l.
- ² PIA. A. IV. 4 /1941/ 25. 1. l.; Ibid. A. XVII. 1 /1941/ 116. 1. l.
- ³ OL. IM. BI. 1943. 1342/1. 2–16. l.
- ⁴ OL. BM. Res. 1941. 1. 10825. 1–5. l.
- ⁵ Magyarország története. 1918–1919 / 1919–1945. Budapest, 1976. 8. k. 1071. old.
- ⁶ OL. BM. Res. 1941. 6. 12542. 2–8. l.
- ⁷ PIA. A. XXII. 71 /1941/ 27. 4–5. l.
- ⁸ OL. K-84. 1941. 167. biz. 5. l.
- ⁹ Ibid. K-63. 1941. 249. 907. l.; Ibid. 816–817. l.

- ¹⁰ Ibid. ME. 1941. P. 22790. 1. 1.
- ¹¹ Ibid. 1940. G. 15150. 38–46. 1.; Ibid. 1941. B. 15102. 57–102. 1.
- ¹² PIA. A. IV. 4. /1942/ 22. 7–65. 1.
- ¹³ OL. BM. Res. 6. 1942. 10924. 3–6. 1.
- ¹⁴ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. I. 1–12. /B/ 23. 19–32. 1.
- ¹⁵ OL. KÜM. GPO. 1942. 83. res. 2–6. 1.; Ibid. 286. res. 10–18. 1.
- ¹⁶ PIA. A. XXII. 71. /1942/ 53. 34. 1.
- ¹⁷ OL. BM. Res. 1942. 6. 15195. 1–6. 1.
- ¹⁸ PIA. A. XXII. 71. /1942/ 53. 63–64. 1.
- ¹⁹ OL. ME. Kállay Miklós ME félhivatalos levelezése. MÉP ügyek. 10–26. 1.
- ²⁰ Ibid. KÜM. GPO. 1941. 836. res. 2–3. 1.
- ²¹ Ibid. 1942. 319. res. 2. 1.
- ²² OL. ME. 1942. L. 1652. 38. 1.; Ibid. K-99. 1942. 35/főn. 5–6. 1.
- ²³ OL. ME. P. 1943. 15885. 3–8. 1.
- ²⁴ BMI. V-101594. 1.
- ²⁵ OL. IM. Ált. T. 1942. 15430. 1–4. 1.
- ²⁶ Ibid. 55755. 1–2. 1.
- ²⁷ OL. ME. 1942. G. 15580. 1–13. 1.
- ²⁸ MT jkv. 1942. okt. 27. 97–98. 1.
- ²⁹ OL. BM. Res. 1942. 4. 19558. 1–3. 1.; Ibid. 19619. 1. 1.
- ³⁰ Ibid. 1. 21167. 1–2. 1.
- ³¹ Ibid. 4. 16320. 1–4. 1.
- ³² PIA. A. IV. 2/1. 91–92. 1.
- ³³ OL. ME. 1943. P. 1639. 1–3, 61, 64–65, 68. 1.
- ³⁴ ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. III/3. 1688. 189. 1.
- ³⁵ Подробнее см.: *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 299–338.
- ³⁶ HL. 2. Hds. 1942–1943. 6. KNO. 1, 11. 1.
- ³⁷ HL. 2. Hadsereg iratai. 1942. 10. fasc. 2321/2. d. 1. a. 279. 1.
- ³⁸ BMI. V-19430. IX. 264–265. 1.
- ³⁹ HL. HM. Vkf. 1942. 4779. 1. 1.; Ibid. 2. Hds. Iratai. 17. 588. 1.
- ⁴⁰ ИДА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 9. Л. 270–280.
- ⁴¹ АМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 57. Л. 199.
- ⁴² OL. ME. MT jkv. 1943. jan. 7. 10–12. 1.
- ⁴³ A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál. 37. old.; HL. 2. Hds. 1943/ 12. fasc. 4. 4. 1.; 40–41. 1.
- ⁴⁴ HL. HM. 2. hds. Iratai. 17 fasc. 1. 583. 1.; OL. ME. MT jkv. 1943. febr. 23. 53–55. 1.
- ⁴⁵ ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.
- ⁴⁶ OL. ME. MT Jkv. 1943. márc. 2. 109–110. 1.
- ⁴⁷ HL. HM. 2. mhs. 1942–1943. 12. fasc. 15. 1.; 19. f. 5, 8, 24. 1.
- ⁴⁸ Ibid. 15. f. 6. 1.
- ⁴⁹ OL. FM. Ált. 1942. 62. 110470. 1–3. 1.
- ⁵⁰ Ibid. 266009. 1–2. 1.; 266726. 1–6. 1.; 113468. 1–15. 1.
- ⁵¹ Ibid. 212093. 1. 1.; 210220. 101–103. 1.; 114075. 1–2. 1.; 210126. 286. 1.
- ⁵² Ibid. 216150. 1–8. 1.; 212093. 16–17. 1.
- ⁵³ Ibid. 210010. 2–3. 1.; 213461. 90–94. 1.; PIA. A. XIII. 3. /1943/ 37. 61, 77. 1.; 29. 1. 1.
- ⁵⁴ Ibid. 213461. 52–53, 121–123. 1.; 215662. 1.
- ⁵⁵ Ibid. 211308. 12–13, 15–16, 32–33, 162–164.; OgyL. 42. OB. XXIX. k. 169–170. 1.

- ⁵⁶ PIA. A. XIII. 2. /1941/ 7. 1–3. 1.; OL. FM. Ált. 1942. 62. 110469. 1–4. 1.
- ⁵⁷ OL. K-83. 1941. MGH. 1–2. 1.; Ibid. 1942. 20888. 32, 37. 1.; Ibid. 1943. 111. biz. 1. 1.
- ⁵⁸ Ibid. K-145. 1943. 111. biz. 3. 1.; 118. biz. 2. 1.; 97. biz. 2. 1.; 61387. 1–3. 1.
- ⁵⁹ Ibid. ME. MT jkv. 1943. jan. 7. 1–4, 13–15. 1.
- ⁶⁰ Ibid. 1943. febr. 23. 51–53. 1.
- ⁶¹ OL. ME. 1943. P. 30797. 1–17. 1.
- ⁶² Ibid. 1. 1.
- ⁶³ Ibid. MT jkv. 1943. szept. 14. 143–145. 1.
- ⁶⁴ Ibid. okt. 5. 2–3. 1.
- ⁶⁵ OL. ME. 1943. P. 25100. 1–3, 23–26, 33–35, 43–44, 56, 58–59. 1.
- ⁶⁶ Ференц Лукач из Балатонуйлака, Калман Маркович — Ботфа, Ласло Селечиван — Печетсег, Гёргей Марошан — Балваньощчаба, Габор Магор — Сосар.
- ⁶⁷ HL. HM. Vkf. HdmO. 1943. 536, 1–3. 1.
- ⁶⁸ Ibid. 5777. 1. 1.
- ⁶⁹ После катастрофы венгерской армии на Дону остались две группы оккупационных войск в тылу: западная (около Бобруйска) в составе трех легких дивизий — 46 тыс. человек и такая же по численности восточная группа в районе Киева (шесть батальонов). (OL. BEO. 1945. HM. I/1. I/12. B/19. 1. 1.)
- ⁷⁰ OL. ME. MT jkv. 1943. szept. 14. 131–136. 1.
- ⁷¹ Отношения Венгрии с Румынией сохранялись напряженными. Румынское правительство стремилось изгнать венгров из Южной Трансильвании. У венгров провели полную реквизицию продуктов питания, забирали скот, Румынию покинуло около 150 тыс. венгров. Румыны из Северной Трансильвании бежали в Румынию. Министр иностранных дел Румынии предложил вести с Венгрией переговоры для выяснения вопросов. Но Венгрия заявила, что она готова при условии, если границы будут укреплены по решению второго Венского арбитража. Так встреча не состоялась.
- ⁷² OL. ME. MT jkv. 1943. szept. 14. 146. 1.
- ⁷³ OL. ME. 1943. P. 29750. 1–2. 1.
- ⁷⁴ HL. Vkf. Eln. 1943. 689. 1. 1.
- ⁷⁵ Ibid. HM. Vkf. 1943. 1. oszt. 6180. 1. 1.
- ⁷⁶ PIA. A. XIII. 2 /1943/ 46. 1. 1.
- ⁷⁷ OL. IM. VI. 1943. 1358/2. 9–20. 1.; Ibid. ME. MT jkv. 1943. dec. 28. 79–84. 1.
- ⁷⁸ Ibid. ME. 1943. G. 18967. 6–11. 1.
- ⁷⁹ Ibid. 20223. 14–15. 1.; 15514. 1. 1.; 15053. 192, 195–212, 257. 1.
- ⁸⁰ Függetlenség. — 1943. — 09.11.
- ⁸¹ OL. K-84. 1943. 469. biz. 1. 1.
- ⁸² Ibid. K-84. 1942. 185. biz. 3. 1.; 1943. 131. biz. 3. 1.
- ⁸³ Ibid. ME. 1942. P. 25462. 2–3. 1.; IM. Eln. VI. 1293./81. 5. 1.
- ⁸⁴ OL. K-84. 1943. 224. biz. 1–3. 1.
- ⁸⁵ OL. KÜM. Ist. Konz. 1944. 42 biz. 1–37. 1.
- ⁸⁶ Об обстоятельствах оккупации Венгрии см: *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 375–385.

Глава пятая

В условиях двойной оккупации

- ¹ OL. ME. 1944. G. 16369. 33. 1.
- ² PIA. A. XXII. 71. /1944/ 30. 2–3. 1.
- ³ Ibid. 53. 7–9. 1.

- ⁴ HL. I. Hvd. Hdt. P-ság. 1944. 18. 1, 4. 1.
- ⁵ PIA. A. IV. /1944/ 215. 1. 1.; 233. 1. 1.; 234. 1. 1.
- ⁶ OL. ME. НТКВ. 1944. 100925. 2. 1.
- ⁷ Ibid. IM. BI. 1944. 1358/2. 3–5. 1.; PIA. A. XII. /1944 /161. 2–4. 1.
- ⁸ HL. HM. Vkf. Eln. 1944. 409. 1–4. 1.
- ⁹ PIA. A. 2. VII. 17. 1. 1.
- ¹⁰ Ibid. 4. VII. 9. 2–12. 1.
- ¹¹ OL. BM. Res. 1944. 4. 1006. 4–5. 1.
- ¹² Ibid. ME. 1944. P. 20979. 1–3. 1.
- ¹³ Ibid. BM. Res. 1944. 4. t. sz. n. 4–7. 1.
- ¹⁴ Уполномоченный правительства на территории военных действий Андраш Винце только 28 июля сообщил премьеру о том, что начала действовать, как заявил Бродий, Единая народная автономная партия подкарпатских русинов. (OL. ME. 1944. P. 24450.2.1.)
- ¹⁵ PIA. A. XXII. 71 /1942/ 53. 12, 14, 42–44. 1.; OL. ME. 1944. P. 22470. 1. 1.
- ¹⁶ Ibid. VII. 2/45. 2. 1.
- ¹⁷ HL. Vkf. 1. oszt. 1944. Tájékoztató. 2. 1.
- ¹⁸ PIA. A. XXII. 5. 6/23. 1–4. 1.
- ¹⁹ Ibid. A. XIII. 1 /1944/ 8. 34. 1.
- ²⁰ OL. ME. 1944. P. 25062. 1–14. 1.
- ²¹ PIA. A. XXII. 61 /1944/ 157. 1. 1.
- ²² *Співак Б.І.* Нариси історії революційної боротьби. С. 345.
- ²³ Герои сопротивления. М., 1990. С. 175–176.
- ²⁴ HL. Vkf. Eln. 1944. 603. 1. 1.
- ²⁵ *Тканко О.В.* Третій десант: 3 шоденника партизанської боротьби. Київ, 1985; *Алексеевко Г.Д.* Шли на битву партизаны. Ужгород, 1987; *Русин В.П.* На крутих перевалах. Київ, 1983; *Казначеев Г.В.* Народные мстители // Они освобождали Закарпатье. Ужгород, 1974.
- ²⁶ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 512–520.
- ²⁷ HL. Partizányűjtemény. Beszámoló az «Uszta» magyar partizán különítmény 1944. aug. 8-tól szept. 6-ig, valamint az egyesített «Uszta — Priscsepa» küll. 1944. szept. 6-tól október 26-ig terjedő harci és párt-politikai tevékenységéről. 5. 1.
- ²⁸ PIA. A. VII. 2/82. 3–4. 1.; 3. 1.
- ²⁹ Ibid. 2/32. 1. 1.; 2/44. 7. 1.; 2/51. 1.
- ³⁰ Ibid. 2/85. 1–2. 1.
- ³¹ HL. HM. Vkf. 3. oszt. 1944. Tájékoztató. 5, 1. 1.
- ³² OL. ME. НТКВ. 1944. 100329. 1–35. 1.
- ³³ Ibid. 100195. 1. 1.
- ³⁴ Ibid. 100213. 1–4. 1.
- ³⁵ PIA. A. IV. 4 /1944/ 146. 3. 1.
- ³⁶ OL. ME. MT jkv. 1944. aug. 17. 2. 1.
- ³⁷ PIA. A. VII. 2/68. 1. 1.; 2/82. 2. 1.; 2/31. 1. 1.; 2/83. 2–5. 1.; 2/57. 3. 1.; IV. 4. /1944/ 146. 2. 1.
- ³⁸ HL. HM. Vkf. 1. oszt. 1944. aug. 26. 2. 1.; PIA. A. VII. 2. 47. 4. 1.
- ³⁹ OL. ME. 1944. P. 25755. 1–2. 1.
- ⁴⁰ Ibid. НТКВ. 1944. 10257. 1–8. 1.
- ⁴¹ PIA. A. XIII. 1 /1944. 1. 4–10. 1.
- ⁴² Ibid. BŐ. A. VII. 2/70. 3. 1.; OL. BM. B. 1944. 50218/127. 3–4. 1.
- ⁴³ OL. BM. Res. 1943. 1. 28227. 3–5. 1.; PIA. A. VII. 2/31. 1. 1.; 2/82. 2–3. 1.; 2/83. 6. 1.

- ⁴⁴ Ibid. ME. 1944. G. 26216. 1–2. 1.
- ⁴⁵ Ibid. BM. 1944. 2. 17261. 3. 1.; PIA. A. VII. 2/82. 4, 3. 1.
- ⁴⁶ PIA. A. VII. 2/32. 1–2. 1.; 2/10. 3. 1.; 2/32. 3. 1.; 2/69. 3. 1.; XXI. 2/14. 3. 1.
- ⁴⁷ *Тканко О.В.* Партизанський рух на Закарпатській Україні в Велику вітчизняну війну (Дисертація). Чернівці, 1949. С. 235–236.
- ⁴⁸ *Русин В.П.* Партизанское движение на Закарпатье в период второй мировой войны // В сім'ї єдиній. Ужгород, 1954. С. 164.
- ⁴⁹ OL. ME. 1943. D. 18054. 23. 1.
- ⁵⁰ Ibid. NTKV. 1944. 100551. 1. 1.
- ⁵¹ Ibid. 100450. 4. 1.
- ⁵² Ibid. 100552. 1. 1.
- ⁵³ OL. K-84. 1944. 75. pol. 1–2. 1.
- ⁵⁴ Ibid. 337. res. 6. 1.
- ⁵⁵ Ibid. 363. res. 4. 1.
- ⁵⁶ PIA. A. XXII. 62/50. 1–2. 1.
- ⁵⁷ ÚMKL. M-1. KŮM. VEO. 1946. 164. res. 61. 1.
- ⁵⁸ ДВП МИД РФ. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 122, 327.
- ⁵⁹ ÚMKL. KŮM. 1945. VEO. IV. 177. 1–2. 1.
- ⁶⁰ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1974. Кн. 2. С. 228.
- ⁶¹ *Москаленко К.С.* На юго-западном направлении: 1943–1945. М., 1976. Кн. 2. С. 432.
- ⁶² Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 534–542.
- ⁶³ Там же. С. 542.

Часть пятая

Закарпатская Украина (конец 1944–1945 год)

- ¹ Названная нота-меморандум впервые опубликована в Военно-историческом журнале. — 1991. — № 6. — С. 32–40.
- ² Вопросы истории. — 1991. — № 7–8. С. 88–89.
- ³ Там же. С. 184.
- ⁴ Вестник. — № 4. С. 107.
- ⁵ Там же. С. 130.
- ⁶ *Марына В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг.: Документальный очерк. М., 2003. С. 154.
- ⁷ Там же. С. 221; Історія міст і сіл Української РСР. Київ, 1969. С. 104–105. (Факсимиле.)
- ⁸ *Марына В.В.* Указ. соч. С. 83.
- ⁹ *Москаленко К.С.* На юго-западном направлении. Кн. 2. С. 570.
- ¹⁰ По некоторым данным чехословацкого деятеля — более 300 тысяч.
- ¹¹ Нариси історії Закарпаття. Т. 2. С. 595.
- ¹² Шляхом Жовтня. Зб. док. Ужгород, 1965. Т. VI. С. 89–90.
- ¹³ Там же. С. 90–91.
- ¹⁴ *Марына В.В.* Указ. соч. С. 236.
- ¹⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1983. Т. 4. Кн. 2. С. 277.
- ¹⁶ Там же. С. 287–288.
- ¹⁷ Шляхом Жовтня: Зб. док. Ужгород, 1965. Т. VI. С. 284. Договор между СССР и ЧСР о Закарпатской Украине на следующий день после его подписания и протокол к нему были опубликованы в

центральной печати в Москве, столице Украины Киеве. В Закарпатье повсеместно по этому поводу прошли митинги и торжества. Эти документы вместе с речами при их подписании Фирлингера и Молотова в 1947 году вошли в третий том документов и материалов: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. С. 309–316. Там же опубликована справка о Закарпатской Украине (с. 316–319). В конце тома помещена карта Закарпатской Украины в новых, незначительно измененных границах.

¹⁸ Там же. С. 372, 375.

Заключение

¹ *Гречко А.А.* Через Карпаты. М., 1970.

² Закарпаття під Угорщиною. 1938–1944 рр. С. 10.

³ Там же. С. 103.

Приложения

¹ Seznam obcí a okresů Republiky Česko-Slovenské, které byly připojeny k Německu, Maďarsku a Polsku. Praha, 1939. S. 21.

² OL. ME. 1939. L. 16054. 1–2. 1

³ Ibid. 16055. 1–2. 1.

⁴ Здесь и далее в приложениях наименования населенных пунктов Закарпатья на чешском и в некоторых случаях на венгерском языках даны только для оставшихся в составе Чехословакии после первого Венского арбитража.

⁵ OL. ME. 1939. G. 16268. 6. 1.

⁶ Ibid. 5. 1

⁷ Ibid. KÜM. GRO. 1940. 52557. 3, 15. 1

⁸ OL. ME. 1754. Tájékoztatói osztály. Földreform dossie. 9. 1.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

A

- A határban a Halál kaszál... Fejezetek Prónai Pál feljegyzéseiből. Budapest, 1963.
- A Wilhelmstrasse és Magyarország. Budapest, 1968.
- Ádám Magda.* Magyarország és a kisantant a harmincas években. Budapest, 1968.
- Andorka Rudolf.* A madridi követségtől Mauthausenig. Budapest, 1978.
- A 2. Magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál. Budapest, 1959. 37. old.
- AAN. MSZ. 1937. DPE. P III. WW. 11 c. 5459. K. 2; 35; 38–49.
- AAN. MSZ. Konsulat Polski. Użgorod, 1938. 11. K. 3; 14; 23–25; 27–28; 39–42; 52–54; 61–68; 72–83; 88–88a; 91–93; 103; 106–113.
- AAN. MSZ. PBp. 1933–1939. 25 (11, 13 c). K. 2–3.
- AAN. MSZ. PRP w Belgradzie. 1931–1937. 26 (1 W). K. 183.
- AAN. MSZ. P. III. 11 c. T. I. 5461. K. 94–95.
- AAN. MSZ. P. III. 1 c. 49 c. T. I. 5436. K. 38.
- AAN. MSZ. P. III. 1936–1937. 11 c. 5458.
- AAN. MSZ. P. III. 1936–1937. 11 c. 5458. K. 1–3; 10–16; 18; 21; 31–32; 39; 44; 47–49; 51; 54–59; 61–62; 64; 92; 94–96; 113; 131; 135–140; 147.
- AAN. MSZ. P. III. 1936–1938. 49 W. 6571. K. 34–43.
- AAN. MSZ. P. III. 1936–1938. 49 W. 6597. K. 248–251; 255–266; 267.
- AAN. MSZ. P. III. 1937. 11 c. 5459. K. 8–11; 34; 39.
- AAN. MSZ. P. III. 1937. 11 c. 5759. K. 7; 34.
- AAN. MSZ. P. III. 1937. 31 c. 5459. K. 34.
- AAN. MSZ. P. III. 1938. 11 c. 5460. K. 60–61; 72.
- AAN. MSZ. P. III. 1938. 49 c. T. 1. 5436. K. 40–41.
- AAN. MSZ. P. III. 1938. 48 W. 6593. K. 5–8.
- AAN. MSZ. 1938. P. III. 1 W. 6571. K. 43–44; 101–102.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 1 W. 6572. K. 7–9.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 11 c. T. 2. 5462. K. 40.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 11 c. T. 2. 5462. K. 40 ob.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 11 c. 5461. K. 12–13; 75–76; 82–84; 88–89; 97–101; 147.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. T. II. 5880. K. 19.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 11 c. T. II. 5462. K. 55–63.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 1 W. 6572. K. 4–5.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 1 c. 49 c. T. 1. 5436. K. 3–7; 9–11; 16–20; 24; 26; 44; 46; 65; 65–86; 88; 90; 105–106.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 1 c. 49 c. T. II. 5437. K. 4–5; 14; 17; 26; 30; 32; 34; 39; 62; 129–130.

- AAN. MSZ. P. III. 1939. 11 c. T. III. 5463.
K. 1–4; 42–49; 51–52; 79; 89–91; 94–96;
102–104; 155–159; 209; 212–213.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 11 c. T. II. 5462.
K. 130–131.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 851/b. W. 6634.
K. 1–10.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 7 W. 1. 6577. K. 1–20.
- AAN. MSZ. P. III. 1939. 7 W. 6577. K. 56–59;
63–64; 66–70; 79–88; 93–94.
- ADAP. Ser. D. Bd. 1. Baden-Baden. 1950.
S. 25–32.
- ADAP. Ser. D. Bd. II. S. 105–107.
- ADAP. Ser. D. Bd. II. № 60.
- ADAP. Ser. D. B. II. № 23.
- ADAP. Ser. D. Vol. II. № 373, 574, 583, 584.
- ADAP. Ser. D. IV Bd. Dok. 60, 64.
- ADAF. Ser. D. Vol. IV. Dok. 72, 73.
- ADAP. Ser. D. Bd. IV. S. 219; 240.
- Az Est. — 1928. — 12.05.

B

- Beneš Edvard.* Světová válka a naše revoluce.
Praha, 1930. D. III. S. 534.
- Beneš Edvard.* Řeč o podkarpatoruské prob-
leme. Užhorod, 1934.
- Beneš Edvard.* Řeč o problému
podkarpatoruském a jeho vztahu k
Československé republice. Praha, 1934.
- Bőhm Vilmos.* Két forradalom tüzében.
München, 1923.
- Breit József.* A Magyarországon 1918–1919. Évi
forradalmi mozgalmak és a vörös háború
története. Bp., 1930. 41.
- Brandejš Jan.* Vývoj politických poměrů na
Podkarpatské Rusi v období 1918–1935 //
Podkarpatská Rus. Bratislava, 1936.
- Beszélő Számok. Budapest, 1939. VII. 34–35. old.
- Budapesti Hirlap. — 1932. — 20.12.
- Budapesti Hirlap. — 1933. — 16.05.
- Budapesti Hirlap. — 1933. — 18.05.
- Budapesti Hirlap. — 1939. — 24.03.
- Berner Tagblatt. — 1938. — 14.10.

- BMI. V-10150/2. 7. 1; 9. 1.
- BMI. V-55184/2. 23. 1.
- BMI. V-55184/1. 4. 1; 5. 1.
- BMI. V-60150/2. 10. 1.
- BMI. V-19430. V/18. 1.
- BMI. V-19430. IX. 264–265. 1.
- BMI. V-128424. 76. 1.
- BMI. V-101594. 1. 1.

Č

- Československá Republika. — 1928. — 28.10.
- Československá statistika. Praha, 1935. Sv. 92.
105. 115

D

- Daily Mail. — 1928. — 24.08.
- Danko Joseph.* Plebiscite of Carpatho-
Rutheniens in the United States
Recommending Union of Carpatho-
Rutheniawith the Czechoslovak
Republic // The Annals of the
Ukrainian Academy of Arts and
Sciences. New York, 1964–1968. V. 11.
№ 1–2. P. 184–207.
- Dvacet let československého zemědělství:
1918–1938. Praha, 1938. S. 36.
- Deutsches Zentralarchiv (Potsdam). 62. DI.
NSDAP. Dienststelle Rosenberg.
Aussenpolitischen Amt. 619. P. EDP. 210.
d. 18–106. Karpato-Ukraine. S. 3–4.
- DIMK. I. k. 556. old.
- DIMK. II. k. 85. old.
- DIMK. II. k. 284–286. old.
- DIMK. II. k. 317. old.; 326–327. old.; 397. old.
- DIMK. II. k. 446–449. old.; 464–470. old.
- DIMK. II. k. 588–593. old.
- DIMK. II. k. 616–617. old.; 624. old.;
629–630. old.; 636–637. old.; 653–654.
old.; 673–674. old.
- DIMK. II. k. 720–721. old.; 727. old.;
750–753. old.; 780–781. old.; 792–794. old.;
796–797. old.
- DIMK. II. k. 809. old.; 828. old.4; 829. old.; 835.
old.; 836. old.; 842–844. old.; 879–880. old.
- DIMK. III. k. 107–109. old.; 141–144. old.;

153. old.; 163–164. old.; 166. old.; 184. old.;
190–191. old.

DIMK. III. k. 227–228. old.; 271–272. old.;
297–298. old.

DIMK. III. k. 351. old.; 354. old.

DIMK. III. k. 409–410. old.; 417–419. old.;
435–437. old.; 478. old.; 497. old.;
498. old.

DIMK. III. k. 513–515. old.; 517. old.;
520–522. old.; 527–528. old.; 536–539.
old.; 541–545 old.; 550. old.; 552. old.;
554–559. old.; 564. old.; 567–569. old.;
570–571. old.; 574–575. old.; 577–578.
old.; 588. old.

DIMK. III. k. 602–603. old.; 607. old.;
609–610. old.; 614–615. old.; 623–625.
old.; 637. old.; 651. old.; 672–673. old.

DIMK. III. k. 605–606. old.; 652–653. old.;
673–675. old.; 678–680. old.

DIMK. IV. k. 109. old.; 122. old.; 127. old.;
153. old.

DGFP. 1818–1945. SER. Vol. II. P. 611.

DGFP. Ser. D. Vol. II. № 7; 925.

DGFP. Ser. D. Vol. II. P. 863–864.

DBFP. Ser. 3. Vol. III. № 43, 44.

DGFP. Ser. D. Vol. IV. Dok. 53.

DGFP. Ser. D. Vol. IV. № 94; 99; 99/1;
124.

DGFP. Ser. D. Vol. VIII. Doc. № 60.

DGFP. Ser. D. Vol. XII. P. 609–611.

E

Esti Újság. — 1939. — 01.02.

F

Függetlenség. — 1933. — 13.12.

Függetlenség. — 1934. — 24.05.

Függetlenség. — 1934. — 19.06.

Függetlenség. — 1939. — 02.02.

Függetlenség. — 1939. — 07.03.

Függetlenség. — 1939. — 24.03.

Függetlenség. — 1943. — 09.11.

G

Galántai József. Magyarország az első

világháborúban. 1914–1918. Bp., 1974.
175–178. old.

Görög-katholikus Szemle. — 1919. — 21.01.

H

Hajdu Tibor. A polgári demokrácia külpolitiká-
ja 1918–1919-ben // Századok. Bp., 1967. 5.
sz., 887–888. old.

Hajdu Tibor. A Magyarországi
Tanácsköztársaság. Bp., 1969. 24. old.

HL. Fegyv. Szün. Biz. 1919. 817. V. 27 919.

Hatalák Petr. Jak vznikla myšlenka připojití
Podkarpatskou Rus k Československu.
Užhorod, 1935. 38 s.

Hanak Walter K. Subcarpathian — Ruthenian
Question: 1918–1945. Austin, Texas.
Pensylvania, 1962. P. 50.

HL. Fegyv. Szün. Biz. 1919. 817. V. 27 919.

HL. I. Hvd. Hdt. P-ság. 1944. 18. 1, 4. 1.

HL. Magyar Nemzeti hadsereg fővezérsége.
1919. II. c. oszt. 1222/420, 440. 1.

HL. MNHV. 1919. II. c. oszt. 1222/420. 440. 1.

HL. MNHV. 1920. 101/1, 269. 1.

HL. MNHV. 101/1. 1920. 263. 1. (Обобща-
ющий обзор о ЧСР от 3 января
1920 года.)

HL. Vkf. 1924. 2a oszt. 63. d. 456. 1.

HL. Vkf. Eln. 1943. 689. 1. 1.

HL. Vkf. 1. oszt. 1944. Tájékoztató. 2. 1.

HL. Vkf. Eln. 1944. 603. 1. 1.

HL. HM. 1. oszt. 1942. 4114. 1–2. 1.

HL. HM. H. Napló. 1942. I. 12. 1181, 1184. 1.

HL. HM. Vkf. 1. oszt. 1942. 4114. 1–8. 1.

HL. HM. Vkf. 1942. 4779. 1. 1.

HL. HM. 2. Hds. Iratai. 17. 588. 1.

HL. HM. 2. hds. Iratai. 17 fasc. 1. 583. 1.

HL. HM. 2. mhs. 1942–1943. 12. fasc. 15. 1.;
19. f. 5, 8, 24. 1.

HL. HM. 2. mhs. 1942–1943. 15. f. 6. 1.

HL. HM. Vkf. HdmO. 1943. 536. 1–3. 1.

HL. HM. Vkf. HdmO. 1943. 5777. 1. 1.

HL. HM. Vkf. 1943. 1. oszt. 6180. 1. 1.

HL. HM. Vkf. Eln. 1944. 409. 1–4. 1.

- HL. HM. Vkf. 3. oszt. 1944. Tájékoztató. 5, 1. 1.
- HL. HM. Vkf. 1. oszt. 1944. aug. 26. 2. 1.
- HL. 2. Hds. 1942–1943. 6. KHO. 1, 11. 1.
- HL. 2. Hadsereg iratai. 1942. 10. fasc. 2321/2. d. 1. a. 279. 1.
- HL. 2. Hds. 1943/ 12. fasc. 4. 4. 1.; 40–41. 1.
- HL. Partizángyűjtemény. Beszámoló az «Uszta» magyar partizán különítmény 1944. aug. 8-tól szept. 6-ig, valamint az egyesített «Uszta — Priscsepa» kül. 1944. szept. 6-tól október 26-ig terjedő harci és pártpolitikai tevékenységéről. 5. 1.
- HMTI. 178. old.
- Horthy Miklós titkos iratai. Bp., 1963. 68–81. old.
- Hétfői Napló. — 1934. — 19.03.
- Hétfői Napló. — 1934. — 18.04.
- Húsek J.* Rodí se Podkarpatoruský národ? // Podkarpatoruská revue. Bratislava, 1936. T. 1. № 6–8. S. 7–8.
- Hétfői Hírek. — 1938. — 28.11.
- I**
- Illés József.* A ruszinszkói kérdés. Budapest, 1939. 19–20. old.
- IM. Eln. BI. 1293./81. 5. 1.
- J**
- Józsa Antal.* A szovjet köztársaságok szövetsége 1919-ben // A Magyarországi Tanácsköztársaság 50. Évfordulója. Nemzetközi tudományos ülészak (Budapest, 1969, március 17–19). Budapest, 1970. 340. old.
- Juhász Gyula.* Magyarország külpolitikája. 1919/1945. Második, átdolgozott kiadás. Budapest, 1975. 180. old.
- K**
- Kövágó László.* A magyarországi délszlávok 1918–1919-ben. Bp., 1964. 60. old.
- Král Václáv.* Intervenční válka československé buržoazie proti Maďarské Sovjetské Republice v roce 1919. Praha, 1954.
- Közlöny: Uzshorod. — 1919.
- Krofta Kamil.* Podkarpatská Rus a Československo. Praha, 1934. S. 61.
- Kovács Endre.* Magyar-lengyel kapcsolatok a két világháboró között. Budapest, 1971. 312. old.
- Képviseleti Napló. 1935–1940. X. k.
- L**
- Lansing R.* Wars Memoirs. London, 1935. P. 267–269.
- Le complot rouge en Ruthénie. Paris, 1930.
- La Suisse. — 1938. — 05.11.
- M**
- Magyarország története. 1849–1918. Bp., 1972. IV. k. 619–620. old.
- May Artur.* The Passing of the Habsburg Monarchy 1914–1918. Philadelphia, 1966. V. 1. P. 262–263.
- Masaryk T.G.* A világforradalom. Emlékek, gondolatok. 1914–1918. Praha, 1928. 161. old.
- Masaryk T.G.* Cesta demokracie. 1918–1920. Praha, 1933. T. 1. S. 67.
- Mamatay V.* The United States and east Central Europe. 1914–1918. New Jersey, 1958. P. 323.
- Mérei Gyula.* A magyar októberi forradalom és a polgári pártok. Bp., 1969. 170–172. old.
- Macartney C.A.* Problems of the Danube Basin. Cambridge, 1945. P. 151.
- Macartney C.A.* Hungary and her successors. The Treaty of Trianon and its Consequences. 1919–1937. London — New York — Toronto. 1937. P. 203–236.
- Miller Hunter.* My Diary at the Peace Conference of Paris. New York, 1924–1926. Vol. 21.
- Mamatey Victor S.* The Slovaks and Carpatho-Ruthenians // The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policies. Kentucky, 1967. P. 224–249.
- Munkás Úság. — 1920. — 09.05.
- Magyarság. — 1930. — 01.06.
- Magyarság. — 1931. — 16.06.
- Magyarság. — 1934. — 04.05.
- Magyarság. — 1938. — 19.11.
- MT jkv. 1942. okt. 27. 97–98. 1.
- Magyar Nemzet. — 1938. — 18.11.
- Magyar Nemzet. — 1938. — 20.11.
- Magyar Nemzet. — 1939. — 09.03.

N

Népszava. — 1918. — 20.11.

Népszava. — 1919. — 25.03.

Népszava. — 1919. — 23.06.

Népszava. — 1938. — 18.11.

Nemzeti Újság. — 1929. — 11.06.

Nemzeti Újság. — 1932. — 19.10.

Nemzeti Újság. — 1934. — 24.05.

Nemzeti Újság. — 1939. — 12.02.

Nemzeti Újság. — 1939. — 20.04.

National Zeitung. — 1938. — 28.10.

National Zeitung. — 1938. — 03.11.

O

Oszkár Jászai. Magyarország jövője és Dunai Egyesült Államok. Bp., 1918.

Országgyűlési nyomatványai. Képviselőház. Napló. 1918, április 25, május 11, július 5.

O Československé zahraniční politice. Praha, 1958. S. 320.

OgyL. Ogy. Bizottságok jegyzőkönyvei. VI. k. 361. old.

OgyL. Pénzügyi bizottság ülése. Jkv. IV. k. 266–267. old.

OgyL. 36 OB. XXIII. k. 3–36. 1.

OgyL. OB. Jegyzőkönyvei. VI. k. 202–203. 1.

OgyL. 42 OB. 137. Ülése. 1942 márc. 5. 133–134. 1.

OgyL. 42. OB. XXIX. k. 169–170. 1.

OgyL. A 36. Tagu Honvédelmi OB. Jegyzőkönyv № 12. 1–5. 1.

OL

OL. Filmtár. W. 273.

OL. Kozma Miklós iratai. 27. cs. Naplójegyzetek, 1938. nov.

OL. Szent-Iványi. Kézirat. 158. 1.

OL. Szent-Iványi. Kézirat. 168–169. 1.

OL. Szent-Iványi. Kézirat. 172–173. 1.

OL. Szent-Iványi. Kézirat. 236. 1.

OL. Szent-Iványi. Kézirat. 185. 1.

OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 206. 1.

OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 215. 1.

OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 140–141. 1.

OL. ME. MT jkv., 1918. nov. 29. 3–5. 1.

OL. ME. MT jkv., 1918. dec. 1. 7–8. 1.

OL. ME. MT jkv., 1918. dec. 1. 9. 11–18. 1.

OL. ME. MT. Jkv. 1938. 14. X.

OL. ME. L. 1939. 7/a. 17753. 7. 1.

OL. ME. 1939. G. 18339. 11–13. 1.

OL. ME. MT jkv. 1939. jan. 20. 32. 1.

OL. ME. L. 1940. 17419. 1–3. 1.

OL. FT. 10929. d. Auswärtiges Amt. Abteilung II. b. Pol. L 430/L 123306.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /109404–405.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /109415–417.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /109424–425.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /K 109429–432.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /K 109442–445.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /K 109451–452.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /K 109456–457.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /K 109464.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /K 109479–480.

OL. FT. 10931. d. K 321 K /K 109487–492.

OL. FT. 306202. 1938. 177. pol. 3. 1.

OL. FT. X-36202. 1938. 174. pol. 1–2. 1.

OL. FT. X-36202. 1938. 177. pol. 1–3. 1.

OL. FT. X-36202. 1938. 221. pol.

OL. K-27. 1938. 13.X. (1).

OL. K-27. 1939. jan. 14. 7–9. 1.

OL. K-27. 1939. jan. 14. 9. 1.

OL. K-27. 1939. jan. 20. 82. 1.

OL. K-63. 1939. 247.

OL. K-63. 1939. 277.

OL. K-63. 1938. 7. 1455. 1–3. 1.

OL. K-63. 1938. 21/7. 2492. 1–2. 1.

OL. K-63. 1938. 7/32. 1224. 1–2. 1.

OL. K-63. 1938. 17/7. 2065. 1–3. 1.

- OL. K-63. 1938. 7/7. 3265 (3475). 1–6. 1.
OL. K-63. 1938. 7/7. 3265 (3644). 1–2. 1.
OL. K-63. 1938. 7/7. 3665. 1–2. 1.
OL. K-63. 1939. 21/7. 635. 1–8. 1.
OL. K-64. 1920. 2/7. 403. 367–380. 1.
OL. K-64. 1920. 2/10. 318. 132–137. 1.
OL. K-64. 1920. 2/7. 388. 157. 1.
OL. K-64. 1920. 357. 1–2. 1.
OL. K-64. 1920. 353. 53–59. 1.
OL. K-64. 1920. 397. 89–90. 1.
OL. K-64. 1920. 391. 91. 1.
OL. K-64. 1938. 23. 136. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 42. 394(390). 1–2. 1.
OL. K-64. 1938. 49. 685(557). 1–4. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 819. 1. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 830. 3. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 848. 3. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 865. 1. 1.
OL. K-64. 1938. 17/a. 872. 1. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 910. 1. 1.
OL. K-64. 1938. 17. 154. 1–2. 1.
OL. K-64. 1938. 17. 309. 1–3. 1.
OL. K-64. 1938. 17. 402. 1. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 918. 1–2. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 919. 3. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 936. 1.
OL. K-64. 1938. 7/a. 950/4. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 994. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1006. 1–2. 1.
OL. K-64. 1938. 1019. 1–3. 1.
OL. K-64. 7. Komáromi tárgyalások jegyzőkönyve. 1938. 13. X. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 4042. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1056. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1041. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 112. 1–3. 1.
OL. K-64. 1938. Kimenő. Berlin. 6321/194. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1157. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1253. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 994. 1. 1.
OL. K-64. 1094. 1–2. 1.
OL. K-64. 1096. 1.
OL. K-64. 1101. 1–2. 1.
OL. K-64. 1101. 1095. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1202. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1671. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1069. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1257. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1258. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1283. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1263. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1260. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 7/a. 1288. 1–3. 1.
OL. K-64. 1939. 16. 1353. 1–3. 1.
OL. K-64. 1938. 33/a. 1332. 3. 1.
OL. K-64. 1938. 33/a. 1359. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 33/a. 1441. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 33/a. 1373. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 33/a. 1379. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 33/a. 1383. 1.
OL. K-64. 1939. 33/a. 1322. 1. 1.
OL. K-64. 1939. 33/a. 1331. 1–3. 1.
OL. K-64. 1939. 33/a. 1461.
OL. K-64. 1938. 33/a. 1404. 11. 1.
OL. K-64. 1939. 21. 31. 1–2. 1.
OL. K-64. 1939. 33/a. 1424. 1–2. 1.
OL. K-73. 1938. Bejövő. Berlin. 335. pol./216. 1. 1.
OL. K-73. 1938. Kimenő. Róma. 6335/123. 1. 1.
OL. K-73. 1938. Kimenő. Róma. 6336/124. 1. 1.
OL. K-73. 1938. Kimenő. Berlin. 6338/198. 1. 1.
OL. K-73. 1938. Kimenő. Berlin. 6339/199. 1–2. 1.
OL. K-74. 1938. Bejövő. Berlin. 4. III. 1938.
OL. K-74. 1938. Bejövő. London. 5528/32. 1. 1.
OL. K-74. 1938. Bejövő. London. 6037/76. 103. 1.
OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 5393/72. 1–2. 1.
OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 5398/74. 1–2. 1.

- OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6032/166. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6033/167. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6045/174. 1–2. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6112/191. 1–2. 1.
 OL. K-74. 1938. Berlin. Bejövő. 982/169. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6450/118. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Kimenő. Prága. 6160/89. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6471/300. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Kimenő. Budapest.
 6158/134. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6450/118. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Prága. 6492/172. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6471/300. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Kimenő. Budapest.
 6158/134. 1. 1.)
 OL. K-74. 1938. Kimenő. Berlin. 6363/201.
 1–2. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6570/331. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Bukarest.
 6631/141. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Bukarest. 6682/184.
 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Szent-Iványi. Kézirat. 235. 1.
 OL. K-74. Bejövő. Berlin. 6722/244. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6754/151. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6757/152.
 1–2. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6775/155. 1. 1.
 OL. K-74. Kimenő. Bécs. 5192/13. 1. 1.
 OL. K-74. Bejövő. Róma. 6861/162. 1. 1.
 OL. K-74. Kimenő. Róma. 6452/137. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6448/4321. 1.
 OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6849/433.
 1–2. 1.
 OL. K-74. 1938. Kimenő. Varsó. 6444/187. 1. 1.
 OL. K-74. 1938. Kimenő. Varsó. 6858/440.
 1–2. 1.
 OL. K-74. 1938. Kimenő. Varsó. 6451/190.
 1–2. 1.
 OL. K-74. 1938. Kimenő. Varsó. 6483/198. 1. 1.
 OL. K-83. 1939. Összefoglaló pol- jelentés
 1938. évről. 150. 1.
 OL. K-84. (Berni követség). 1938. 6. 1.
 OL. K-84. Berlini köv. 1939. 6. biz. 1–9. 1.
 OL. K-84. Berlini köv. 1939. 6. biz. 12–14. 1.
 OL. K-84. Berlini köv. 1939. 6. biz. 15–26. 1.
 OL. K-84. 1938. 112. biz. 8. 1.
 OL. K-84. 1938. 118. biz. 2–6. 1.
 OL. K-84. 1938. (Berni követség) 130. biz.
 1–6. 1.
 OL. K-99. 1939. 134. pol. 19. 1.
 OL. K-99. 1938. 936. k. a. 2–3. old.
 OL. K-99. 1938. 926. k. a. 2. 1.
 OL. K-99. 1938. 926. k. a. 3. 1.
 OL. K-99. 1938. 926. k. a. 4–5. 1.
 OL. K-99. 1938. 926. k. a. 6–7. 1.
 OL. K-99. 1938. 926. k. a. 7. 1.
 OL. K-100. 1938. 773. 1, 26. 1.
 OL. K-63. 1939. 21/7. 635. 1–5. 1.
 OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 241. 1.
 OL. K-64. 1939. 17. 51. 1–2. 1.
 OL. K-63. 1939. 7/4. 194 (875). 1–2. 1.
 OL. K-63. 1939. 7/4. 4504.
 OL. K-63. 1939. 401. 1–3. 1.
 OL. Szent-Iványi. Kézirat. 1. r. 243. 1.
 OL. K-63. 1939. 1057. 1–3. 1.
 OL. K-63. 1939. 387. 1–2. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 101. 1. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 414. 10. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 101. 1. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 155. 4. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 172. 1–3. 1.
 OL. K-119. 1939. 13. biz. 1–2. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 194. 1. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 206. 1–2. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 207. 1–2. 1.
 OL. ME. L. 1939. 15320.
 OL. ME. L. 1937. 1717. 1–3. 1.
 OL. KÜM. Képviseltek. Berni követség.
 1939. 6. biz. 1–2. 1.
 OL. K-64. 1939. 33/a. 210. 1–2. 1.

- OL. KÜM. Képviseltek. Berliini követség.
1940. Összesítő a politikai helyzetről 1939.
894. l.
- OL. K-63. 1939. 7/25. 1130. 1–2. l.
- OL. K-64. 1939. 65. 182. 1–2. l.
- OL. K-63. 1939. 33/a. 1135, 1136. 1–2. l.
- OL. K-64. 1939. 33/a. 211. 1. l.
- OL. K-64. 1939. 33/a. 212. 1. l.
- OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 246. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 23, 29. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 30. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 31–31. l.
- OL. K-89. 1939. 462. 2. l.
- OL. K-63. 1939. 7/7. 18 (1347) 161. l.
- OL. K-63. 1939. 7/7. 18 (1347). 58. 158. l.
- OL. K-89. 1939. 462. 17–18. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 18. 20. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 18. 11. l.
- OL. K-99. 1939. 481/50. főn. 3. l.
- OL. K-27. 1939. 17. III. 32, 34. l.
- OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 240. l.
- OL. K-63. 1939. 7/7. 18 (1347). 1–2. l.
- OL. K-64. 1939. 33/a. 297. 1. l.
- OL. K-63. 1939. 21/7. 695. 299. l.
- OL. K-64. 1939. 23. 426. 1–16. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 4–5. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 9. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 7. l.
- OL. K-89. 1939. 400. 6. l.
- OL. K-63. 1939. 65. 583. 1–3. l.
- OL. K-63. 1939. 65. 668. 1–2. l.
- OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 257–258. l.
- OL. K-64. 1939. 2. 335. 1–6. l.
- OL. K-63. 1939. 181. 1–6. l.
- OL. K-27. 1939. 4. IV.
- OL. KüM. Képviseltek. Berni Követség.
1939. 55. biz. 3–15. l.
- OL. K-64. 1939. 33/a. 172. 1–3. l.
- OL. K-64. 1939. 33/a. 414. 11. l.
- OL. K-63. 1939. 7/7. 18. 102, 145–146.
- OL. K-63. 1939. 7/7. 1367. 1. l.
- OL. K-63. 1939. 7/7. 18. 164–166. l.
- OL. K-63. 1939. 7. 1458. (1816). 1. l.
- OL. K-98. 1939. 49. főn. 1–4. l.
- OL. ME. 1939. L. 15981. 1–2. l.
- OL. ME. 1939. L. 15836. 1–5. l.
- OL. ME. 1939. L. 16053. 1–2. l.
- OL. ME. L. 1939. 16630. 1–67. l.
- OL. ME. L. 1939. 16326. 2. l.
- OL. ME. L. 1939. 16016. 1–3. l.
- OL. K-84. 1939. 44. biz. 1–10. l.
- OL. K-27. 1939. márc. 17. 32. l.
- OL. ME. L. 1939. 17222. 1–4. l.
- OL. K-98. 1939. 45. pol. 7. l.
- OL. K-98. 1939. 50. pol. 2–4. l.
- OL. K-84. 1939. 43. biz. 1–8. l.
- OL. K-92. 41. cs. 1–6. l.
- OL. K-98. 1939. 286. res. pol. 2–3. l.
- OL. K-64. 1939. 368. 1–4. l.
- OL. ME. 1939. L. 16467. 1. l.
- OL. ME. 1939. L. 16357. 1–3. l.
- OL. K-99. 1939. 481. 50. főn. 1–5. l.
- OL. K-99. 1939. 481. 50. főn. 6. l.
- OL. ME. MT jkv. 1939. márc. 17. 34. l.
- OL. ME. MT jkv. H. 1940. 19163. 4. l.
- OL. BM. VII. Res. 1943. 7. 2486. 12–15. l.
- OL. ME. H. 1940. 19168. 1–10. l.
- OL. ME. H. 1940. 19177.
- OL. ME. P. 1940. 17060. 1–4. l.
- OL. ME. H. 1940. 19167. 29. l.
- OL. L. 1939. 17253. 6–8. l.
- OL. ME. L. 1939. 17253. 1–4. l.
- OL. ME. L. 1939. 17253. 10–17. l.
- OL. ME. L. 1939. 17703. 1–4. l.
- OL. ME. L. 1940. 16042. 1–6. l.
- OL. BM. Res. 1941. 6. 13143. 10. l.
- OL. ME. H. 1940. 19167. 5. l.
- OL. ME. MT jkv. 1939. jun. 27. 2. l.
- OL. ME. MT jkv. 1939. jun. 27. 194. l.
- OL. H. 1940. 19167. 6. l.
- OL. ME. L. 1939. 18130. 1–3. l.
- OL. ME. L. 1939. 19282. 15. l.

- OL. ME. L. 1939. 19282. 2. 1.
 OL. ME. H. 1940. 15235. 1–16. 1.
 OL. ME. H. 1939. 15235. 6. 1.
 OL. ME. H. 1939. 15235. 10. 1.
 OL. ME. H. 1939. L. 17714. 1–16. 1.
 OL. ME. H. 1939. 17818. 1–5. 1.
 OL. ME. H. 1939. 17753. 2–4. 1.
 OL. ME. H. 1940. 19167. 6–7. 1.
 OL. ME. H. 1940. 19167. 24–25. 1.
 OL. ME. MT jkv. 1942. febr. 3. 119. 1.
 OL. BM. Res. 1940. 8. 5001 (5911). 15–16. 1.
 OL. BM. Res. 1940. 8. 5001 (5911). 12–13. 1.
 OL. ME. L. 1940. 15486. 2–10. 1.
 OL. FM. Ált. 1939. 62. 131955. 1–2. 1.
 OL. FM. Ált. 1939. 62. 76016. 4–8. 1.
 OL. FM. Ált. 1939. 62. 130149. 11. 1.
 OL. FM. Ált. 1939. 62. 130149. 40–81. 1.
 OL. FM. Ált. 1939. 62. 130149. 84–86. 1.
 OL. ME. G. 1939. 16997. 4. 1.
 OL. ME. L. 1939. 20692. 1–4. 1.
 OL. ME. P. 1940. 29177. 1–2. 1.
 OL. ME. P. 1940. 20177. 1–6. 1.
 OL. ME. MT jkv. 1941. márc. 28. 7–10. 1.
 OL. ME. MT jkv. 1941. aug. 26. 22–23. 1.
 OL. ME. 1939. P. 19973. 1–7. 1.
 OL. ME. G. 1943. 15053. 195–214. 1.
 OL. BM. Res. 1942. 6. 24860. 2–3. 1.
 OL. BM. VII. Res. 1943. 1. 1698. 1–7. 1.
 OL. BM. VII. Res. 1943. 1. 1698. 8. 1.
 OL. BM. VII. Res. 1943. 1. 1698. 29–34. 1.
 OL. BM. VII. Res. 1943. 1. 1698 (2). 1. 1.
 OL. BM. VII. Res. 1943. 1. 1698 (2). 1–3. 1.
 OL. BM. VII. Res. 1943. 1. 1698 (1). 39. 1.
 OL. BM. VII. Res. 1943. 1. 1698 (2). 4. 1.
 OL. ME. 1940. G. 15829. 1–33. 1.
 OL. IgM. Borkányuk Elek és a kárpát-urainai kommunista szervezet tagjai elleni pernek a Kurai 1944. 2048. föl. sz. 8–10. 1.
 OL. IgM. Borkányuk Elek és a kárpát-urainai kommunista szervezet tagjai elleni pernek a Kurai 1944. 2048. föl. sz. 13–16. 1.
 OL. IgM. Borkányuk Elek és a kárpát-urainai kommunista szervezet tagjai elleni pernek a Kurai 1944. 2048. föl. sz. 27. 1.
 OL. IgM. Borkányuk Elek és a kárpát-urainai kommunista szervezet tagjai elleni pernek a Kurai 1944. 2048. föl. sz. 192–193. 1.
 OL. IgM. Borkányuk Elek és a kárpát-urainai kommunista szervezet tagjai elleni pernek a Kurai 1944. 2048. föl. sz. 18–19. 1.
 OL. ME. 1940. G. 16085. 1–10. 1.
 OL. IM. Ált. 1940. T. 11694. 1–3. 1.
 OL. IM. Ált. 1940. T. 16692. 1–14. 1.
 OL. BM. Res. 1939. T. 1. 15201. 2–3. 1.
 OL. ME. 1941. G. 22526. 6–17. 1.
 OL. ME. 1940. G. 21623. 1–6. 1.
 OL. IM. Ált. 1939. T. 53498. 1–2. 1.
 OL. ME. 1940. G. 17200. 1–8. 1.
 OL. ME. 1941. G. 16040. 1–9. 1.
 OL. ME. 1940. G. 15454. 1–6. 1.
 OL. IM. Ált. 1939. T. 60972. 1–2. 1.
 OL. BM. Res. 1940. 8. 5001. 46–47. 1.
 OL. BM. Res. 1940. 8. 16733. 1–14. 1.
 OL. IM. Ált. 1940. T. 18324. 1–2. 1.
 OL. IM. Ált. 1940. T. 25193. 1–2. 1.
 OL. ME. 1940. G. 17979. 1–10. 1.
 OL. IM. Ált. 1939. T. 53355. 1–6. 1.
 OL. IM. Ált. 1939. T. 53499. 3. 1.
 OL. IM. Ált. 1939. T. 54953. 1. 1.
 OL. IM. Ált. 1941. T. 52118. 1–2. 1.
 OL. ME. 1940. G. 15087. 5–8. 1.
 OL. ME. 1940. G. 17295. 1–9. 1.
 OL. ME. 1940. G. 16297. 1–10. 1.
 OL. ME. 1940. G. 15796. 1–8. 1.
 OL. ME. 1940. G. 17070. 9. 1.
 OL. ME. 1940. G. 16157. 4–8. 1.
 OL. ME. 1940. G. 1942. G. 20696. 34. 1.
 OL. ME. 1940. G. 1940. G. 22537. 1–13. 1.
 OL. ME. 1941. G. 17366. 4–7. 1.
 OL. ME. 1940. G. 15402. 1–16. 1.
 OL. IM. Ált. 1940. 12085. 1. 1.
 OL. IM. Ált. 1940. 12079. 1–2. 1.
 OL. IM. Ált. 1940. 12081. 1–3. 1.
 OL. IM. Ált. 1939. L. 17890. 1–3. 1.

- OL. IM. Ált. 1939. L. 17660. 1–13. l.
OL. IM. Ált. 1939. G. 17555. 1–6. l.
OL. IM. Ált. 1939. L. 18355. 1–2. l.
OL. ME. Nemzetiségi és kisebbségi osztály
iiratai. Földrefjrmrevizióval kapcsolatos irra-
tok. 229, 232, 13–16, 220–226.
OL. ME. Tájékoztatási osztály. Földreform
d. 64. 44–62, 68, 71–72. l.
OL. ME. Tájékoztatási osztály. Földreform
d. 64. 202–212. l.
MT jkv. 1940. nov. 23. 102–103. l.
OL. ME. 1939. L. 18582. 1–13. l.
OL. BM. Res. 1939. 1. 8050. 2l.
OL. BM. Res. 1939. 1. 13704.
OL. BM. Res. 1939. 1. 16382 (14138).
OL. BM. Res. 1939. 1. 12853. 2. l.
OL. ME. L. 1939. 17903. 1–9. l.
OL. K. 98. 1939. 86. pol. 2–7. l.
OL. K-83. 1940. 161. pol. Főn. 717. l.
OL. K-83. 1940. 161. pol. Főn. 687. l.
OL. ME. 1941 P. 17283. 1–2. l.
OL. ME. 1941 P. 17284. 1. l.
OL. K-121. 1941. 40. biz. 1. l.
OL. BM. Res. 1942. 7. 6006. 212–213. l.
OL. BM. Res. 1942. 6. 24860. 2–3. l.
OL. BM. Res. 1942. 1. 24167. 2–4. l.
OL. ME. 1939. L. 18555. 1–3. l.
OL. ME. 1939. L. 18134. 1–28. l.
OL. KÜM. Pol. 1940. 21/7. 695. 296–300. l.
OL. GPO. 1940. 56043. 2. l.
OL. GPO. 1939. Iktatlan. 167–174. l.
OL. ME. L. 1939. 18385. 3. l.
OL. ME. 1939. L. 19548. 1–13. l.
OL. ME. 1939. L. 20514. 1–3. l.
OL. ME. 1939. L. 15945. 1–2. l.
OL. MT. Jkv. 1940. márc. 18. 43–44. l.
OL. ME. 1940. L. 17919. 1–4. l.
OL. ME. 1940. P. 21269. 1–4. l.
OL. BM. Res. 1940. 8. 5002. 1–2. l.
OL. BM. Res. 1940. 1. 9246. 2–3. l.
OL. BM. Res. 1940. 1. 9246. 5–12. l.
OL. BM. Res. 1941. 7. 9495. 36. l.
OL. ME. MT jkv. 1940. szept. 11. 129–131. l.
OL. ME. MT jkv. 1940. okt. 11. 59–66. l.
OL. BM. Res. 1940. 1. 5390. 1–17. l.
OL. BM. Res. 1941. 1. 10825. 4–7. l.
OL. BM. Res. 1940. 1. 5390. 23. l.
OL. BM. Res. 1941. 6. 8133. 1. l.
OL. BM. Res. 1941. 6. 9839. 2–3. l.
OL. K-84. 1940. 286. biz. 2–12. l.
OL. K-63. 1941. 21/7. 2676. 1–2. l.
OL. ME. 1939. L. 18095. 1, 8–21. l.
OL. ME. 1939. L. 18106. 1–2. l.
OL. ME. 1940. L. 15541. 1–5. l.
OL. MT. Jkv. 1940. szept. 4. 18, 25. l.
OL. IM. BI. 1941. 1273. 1. l.
OL. BM. Res. 1940. 1. 5759. 4–6. l.
OL. MT. Jkv. 1941. jún. 17. 26. l.
OL. IM. BI. 1943. 1342/1. 2–16. l.
OL. BM. Res. 1941. 1. 10825. 1–5. l.
OL. BM. Res. 1941. 6. 12542. 2–8. l.
OL. K-84. 1941. 167. biz. 5. l.
OL. K-63. 1941. 249. 907. l.
OL. K-63. 1941. 249.816–817. l.
OL. ME. 1941. P. 22790. 1. l.
OL. ME. 1940. G. 15150. 38–46. l.
OL. ME. 1941. B. 15102. 57–102. l.
OL. BM. Res. 6. 1942. 10924. 3–6. l.
OL. KÜM. GPO. 1942. 83. res. 2–6. l.
OL. KÜM. GPO. 1942. 286. res. 10–18. l.
OL. BM. Res. 1942. 6. 15195. 1–6. l.
OL. ME. Kállay Miklós ME felhivatalos lev-
elezése. MÉP ügyek. 10–26. l.
OL. KÜM. GPO. 1941. 836. res. 2–3. l.
OL. KÜM. GPO. 1942. 319. res. 2. l.
OL. ME. 1942. L. 1652. 38. l.
OL. K-99. 1942. 35/főn. 5–6. l.
OL. ME. P. 1943. 15885. 3–8. l.
OL. IM. Ált. T. 1942. 15430. 1–4. l.
OL. IM. Ált. T. 1942. 55755. 1–2. l.
OL. ME. 1942. G. 15580. 1–13. l.
OL. BM. Res. 1942. 4. 19558. 1–3. l.

- OL. BM. Res. 1942. 4. 19619. 1. 1.
OL. BM. Res. 1942. 1. 21167. 1–2. 1.
OL. BM. Res. 1942. 4. 16320. 1–4. 1.
OL. ME. 1943. P. 1639. 1–3, 61, 64–65, 68. 1.
OL. ME. MT jkv. 1943. jan. 7. 10–12. 1.
OL. ME. MT jkv. 1943. febr. 23. 53–55. 1.
OL. ME. MT. Jkv. 1943. márc. 2. 109–110. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 110470. 1–3. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 266009. 1–2. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 266726. 1–6. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 113468. 1–15. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 212093. 1. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 210220. 101–103. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 114075. 1–2. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 210126. 286. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 216150. 1–8. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 212093. 16–17. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 210010. 2–3. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 213461. 90–94. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 213461. 52–53,
121–123. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 215662. 1.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 211308. 12–13,
15–16, 32–33, 162–164.
OL. FM. Ált. 1942. 62. 110469. 1–4. 1.
OL. K-83. 1941. MGH. 1–2. 1.
OL. K-83. 1942. 20888. 32, 37. 1.
OL. K-83. 1943. 111. biz. 1. 1.
OL. K-145. 1943. 111. biz. 3. 1.
OL. K-145. 1943. 118. biz. 2. 1.
OL. K-145. 1943. 97. biz. 2. 1.
OL. K-145. 1943. 61387. 1–3. 1.
OL. ME. MT jkv. 1943. jan. 7. 1–4, 13–15. 1.
OL. ME. MT jkv. 1943. febr. 23. 51–53. 1.
OL. ME. 1943. P. 30797. 1–17. 1.
OL. ME. 1943. P. 30797. 1. 1.
OL. MT jkv. 1943. szept. 14. 143–145. 1.
OL. MT jkv. 1943. okt. 5. 2–3. 1.
OL. ME. 1943. P. 25100. 1–3, 23–26, 33–35,
43–44, 56, 58–59. 1.
OL. BEO. 1945. HM. I/1. I/12. B/19. 1. 1.
OL. ME. MT jkv. 1943. szept. 14. 131–136. 1.
OL. ME. MT jkv. 1943. szept. 14. 146. 1.
OL. ME. 1943. P. 29750. 1–2. 1.
OL. IM. BI. 1943. 1358/2. 9–20. 1.
OL. ME. MT jkv. 1943. dec. 28. 79–84. 1.
OL. ME. 1943. G. 18967. 6–11. 1.
OL. ME. 1943. G. 20223. 14–15. 1.
OL. ME. 1943. G. 15514. 1. 1.
OL. ME. 1943. G. 15053. 192, 195–212, 257. 1.
OL. K-84. 1943. 469. biz. 1. 1.
OL. K-84. 1942. 185. biz. 3. 1.
OL. K-84. 1943. 131. biz. 3. 1.
OL. ME. 1942. P. 25462. 2–3. 1.
OL. K-84. 1943. 224. biz. 1–3. 1.
OL. KÜM. Ist. Konz. 1944. 42 biz. 1–37. 1.
OL. ME. 1944. G. 16369. 33. 1.
OL. ME. HTKB. 1944. 100925. 2. 1.
OL. IM. BI. 1944. 1358/2. 3–5. 1.
OL. BM. Res. 1944. 4. 1006. 4–5. 1.
OL. ME. 1944. P. 20979. 1–3. 1.
OL. BM. Res. 1944. 4. t. sz. n. 4–7. 1.
OL. ME. 1944. P. 24450. 2. 1.
OL. ME. 1944. P. 22470. 1. 1.
OL. ME. 1944. P. 25062. 1–14. 1.
OL. ME. HTKB. 1944. 100329. 1–35. 1.
OL. ME. HTKB. 1944. 100195. 1. 1.
OL. ME. HTKB. 1944. 100213. 1–4. 1.
OL. ME. MT jkv. 1944. aug. 17. 2. 1.
OL. ME. 1944. P. 25755. 1–2. 1.
OL. NTKB. 1944. 10257. 1–8. 1.
OL. BM. B. 1944. 50218/127. 3–4. 1.
OL. BM. Res. 1943. 1. 28227. 3–5. 1.
OL. ME. 1944. G. 26216. 1–2. 1.
OL. BM. 1944. 2. 17261. 3. 1.
OL. ME. 1943. D. 18054. 23. 1.
OL. ME. NTKB. 1944. 100551. 1. 1.
OL. ME. NTKB. 1944. 100450. 4. 1.
OL. ME. NTKB. 1944. 100552. 1. 1.
OL. K-84. 1944. 75. pol. 1–2. 1.
OL. K-84. 1944. 337. res. 6. 1.
OL. K-84. 1944. 363. res. 4. 1.

P

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Washington, 1939. V. 1. P. 808–809.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Washington, 1943. V. 4.

Pester Lloyd. — 1938. — 10.11.

Pester Lloyd — 1939. —12.02.

PIA

PIA. BM. 1919. 3767.

PIA. BM. 1919. 3767.

PIA. A XVI. 2/5.

PIA. 601. f. 1/2a. 8e. A Forradalmi Kormányzótanács II. Számu ülése. 1919 márc. 25. 1. 1.

PIA. FKT X. ülése. 1919. április 7. 4. 1.

PIA. FKT X. ülése. 1919. április 7. 1–4. 1.

PIA. 1/16. FKT. 10. 1.

PIA. A. XI. 13 /1938/ 5.

PIA. XXII. 71 /1938/ 1.

PIA. Külpolitikai összesítő. 1939. 20.I.

PIA. A. XIII. 1 /1939/ 2.

PIA. A. IV. 15 / 107. 5–22. 1.

PIA. A. IV. 1940. 9. 1–5. 1.

PIA. A. IV. 1940. 15 / 69. 1–3. 1.

PIA. A. XII. 71 /1941/ 56. 1–2. 1.

PIA. A. IV. 15/100. 1–3. 1.

PIA. A. IV. 15/69. 1–3. 1.

PIA. A. XXII. 5/51/56. 1–2. 1.

PIA. A. XII. 7 /1940/ 14. 1–6. 1.

PIA. A. XII. 71 /1941/ 56. 1–2. 1.

PIA. A. XII. 71 /1940/ 6. 2. 1.

PIA. A. IV. 4. /1939/ 5. 1–11. 1.

PIA. Külpolitikai Összítő. 1939. X.13.

PIA. A. XXII. 5. 13 /1941/ 29. 1–30. 1.

PIA. A. XXII. 71 /1942/ 53. 23–38. 1.

PIA. A. XXII. 5. 13. /1942/ 8.

PIA. A. XXII. 7. /1940/ 18. 1. 1.

PIA. IV. 15/13. 3–14. 1.

PIA. A. XXII. 5. /51/ 31. 8–15. 1.

PIA. A/ XXII. 71. /1941/ 69. 5. 1.

PIA. A. IV. 4. /1941/ 25. 1. 1.

PIA. A. XVII. 1. /1941/ 116. 1. 1.

PIA. A. XXII. 71. /1941/ 27. 4–5. 1.

PIA. A. IV. 4. /1942/ 22. 7–65. 1.

PIA. A. XXII. 71. /1942/ 53. 34. 1.

PIA. A. XXII. 71. /1942/ 53. 63–64. 1.

PIA. A. IV. 2/1. 91–92. 1.

PIA. A. XIII. 3. /1943/ 37. 61, 77. 1.; 29. 1. 1.

PIA. A. XIII. 2. /1941/ 7. 1–3. 1.

PIA. A. XIII. 2. /1943/ 46. 1. 1.

PIA. A. XXII. 71. /1944/ 30. 2–3. 1.

PIA. A. XXII. 71. /1944/ 53. 7–9. 1.

PIA. A. IV. /1944/ 215. 1. 1.

PIA. A. IV. /1944/ 233. 1. 1.

PIA. A. IV. /1944/ 234. 1. 1.

PIA. A. XII. /1944/ 161. 2–4. 1.

PIA. A. 2. VII. 17. 1. 1.

PIA. A. 4. VII. 9. 2–12. 1.

PIA. A. XXII. 71. /1942/ 53. 12, 14, 42–44. 1.

PIA. A. VII. 2/45. 2. 1.

PIA. A. XXII. 5. 6/23. 1–4. 1.

PIA. A. XIII. 1. /1944/ 8. 34. 1.

PIA. A. XXII. 61. /1944/ 157. 1. 1.

PIA. A. VII. 2/82. 3–4. 1.

PIA. A. VII. 2/32. 1. 1.

PIA. A. VII. 2/44. 7. 1.

PIA. A. VII. 2/51. 1.

PIA. A. VII. 2/85. 1–2. 1.

PIA. A. IV. 4. /1944/ 146. 3. 1.

PIA. A. VII. 2/68. 1. 1.

PIA. A. VII. 2/82. 2. 1.

PIA. A. VII. 2/31. 1. 1.

PIA. A. VII. 2/83. 2–5. 1.

PIA. A. VII. 2/57. 3. 1.

PIA. A. VII. IV. 4. /1944/ 146. 2. 1.

PIA. A. VII. 2. 47. 4. 1.

PIA. A. XIII. 1. /1944/ 1. 4–10. 1.

PIA. BÖ. A. VII. 2/70. 3. 1.

PIA. A. VII. 2/31. 1. 1.

PIA. A. VII. 2/82. 2–3. 1.

- PIA. A. VII. 2/83. 6. 1.
 PIA. A. VII. 2/82. 4, 3. 1.
 PIA. A. VII. 2/32. 1–2. 1.
 PIA. A. VII. 2/10. 3. 1.
 PIA. A. VII. 2/32. 3. 1.
 PIA. A. VII. 2/69. 3. 1.
 PIA. A. VII. XXI. 2/14. 3. 1.
 PIA. A. XXII. 62/50. 1–2. 1.
 Pesti Hirlap. — 1928. — 25.08.
 Pesti Hirlap. — 1933. — 02.08.
 Pesti Hirlap. — 1933. — 11.09.
 Pesti Napló. — 1934. — 02.07.
 Pesti Napló. — 1932. — 09.10.
 Pesti Napló. — 1933. — 11.04.
 Pesti Napló. — 1933. — 22.03.
 Pesti Napló. — 1934. — 20.04.
 Pesti Napló. — 1939. — 24.03.
 Pesti Napló. — 1939. — 17.03.
- R**
- Rubint Dezső.* Az összeomlás.
 Bp., 1922. 307. old.
- Ránki György.* Adatok a magyar
 külpolitikához // Századok.
 1959. 1. sz., 145. old.
- Ránki György.* Hamis tanuk leleplezése //
 Magyar Nemzet. — 1962. — 28.11.
- S**
- Századok, 1954. 3. sz. 571. old.
- Siklós András.* Magyarország 1918/1919. Bp.,
 1978. 249. old.
- Szózat. — 1922. — 08.01.
- Statistická příručka Republiky
 Československé. Praha, 1921.
- Statistická příručka Republiky
 Československé. Praha, 1932. Díl. IV.
- Statistický lexikon obcí v republice
 československé. T. 4: Podkarpatská Rus.
 Praha, 1928.
- Statistický lexikon obcí v republice
 československé. T. 4: Země Podkarpatoruská.
 Praha, 1937.
- Statistická ročenka. Praha, 1937.

T

- Tajtak L.* Národnodemokratická revolúcia na
 Východnom Slovensku v roku 1918.
 Bratislava, 1972. S. 97–103.
- Tompson C.T.* The Peace Conference. Day by
 Day. New York, 1920.
 Times. — 1938. — 28.11.
- Tilkovszky Lóránt.* Revízió és nemzetségpoliti-
 ka Magyarországon (1938–1941). Budapest,
 1967. 152–237. old.

U

- ÚMKL. KÜM. III/3. 1207/BEO. 1945.
 161–162. 1.
- ÚMKL. KÜM. Bé. o. III/3. 1207. 1945. 164. 1.
- ÚMKL. KÜM. BEO. 72. d. 27 (1–87). 27–29. 1.
- ÚMKL. KÜM. BEO. 72. d. 27 (1–87). 34–37. 1.
- ÚMKL. KÜM. BEO. 72. d. 27 (1–87). 42. 1.
- ÚMKL. KÜM. BEO. 72. d. 65. 1.
- ÚMKL. KÜM. BEO. 72. d. 65. 1.
- ÚMKL. KÜM. BEO. 72. d. 37, 38. 4. 1.
- ÚMKL. M-1. KÜM. BEO. 1945. IV/52.
 40194. 5. 1.
- ÚMKL. KÜM. BEO. 1945. 40. d. IV/52.
 40777. 3. 1.
- ÚMKL. KÜM. BEO. 1945. 41255. 9. 1.
- ÚMKL. M. 1. KÜM. 1945. BEO. IV/52.
 40777. 5. 1.
- ÚMKL. M. 1. KÜM. 1945. BEO. IV/52.
 41255. 10. 1.
- ÚMKL. M. 1. KÜM. BEO. 1945. IV. 41255. 11. 1.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 227–228. 1.
- ÚMKL. KÜM. M-1. 71. d. IV/184. 1946.
 BEO. 76. res. 3–6. 1.
- ÚMKL. KÜM. 1946. BEO. 72. d. 76. res.
 3–5, 75–76. 1.
- ÚMKL. KÜM. 1946. BEO. IV. 1. 162. 1.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40.
 3–4. 1.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40.
 5–6. 1.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40.
 9–10. 1.

- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 13–14. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 14. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 11. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945 — BEO. IV. 304 (193). I.a. 108. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945 — BEO. IV. 304 (193). I.a. 109–118. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945 — BEO. IV. 304 (193). I.a. 115–117. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 304 (193). I.a. 122–123. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV/175. 1245/40. 15. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV/175. 1245/40. 5. l.
- ÚMKL. ME. L. 1939. 19738. 1–5. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 16. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 17–19. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 24. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 21–22. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 1245/40. 13. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. Fencik. 243–244. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 175. 304. 193. I.a. 112. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. III/3. 384. 31–51. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. I. 1–12. /B/ 13. 1. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. 23. 16–32. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. I. 1–12. /B/ 13. 1. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. 23. 16–32. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BMI. V-101594. 1. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. I. 1–12. /B/ 23. 19–32. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. III/3. 1688. 189. l.
- ÚMKL. M-1. KÜM. BEO. 1946. 164. res. 61. l.
- ÚMKL. KÜM. 1945. BEO. IV. 177. 1–2. l.
- Új Nemzedék. — 1930. — 31.10.
- Újság. — 1932. — 06.10.
- Újság. — 1933. — 13.12.
- Újság. — 1938. — 19.11.
- Új Magyarország. — 1938. — 06.11.
- Új Magyarország — 1939. — 12.02.
- Új Magyarország. — 1939. — 24.03.

V

- Világ. 1918. X. 15.
- Vörös Újság. 1919. 20. II
- Vietor Martin*. Slovenská sovietska republika v r. 1919. Bratislava, 1955.

Z

- Zeman Z.A.* The Break-up of the Habsburg Empire. 1914–1918. London — New York — Toronto, 1961. P. 126
- Žatkovič G.* Exposé dr. G. I. Žatkoviče, bývšeho gubernatora Podkarpatskoj Rusi — Homestead. S.A.
- Zbírka zákonů a nařízení statu Československého. Praha, 1920. Č. XXVI. S. 255–256, 265–266.
- Zseliczky Béla.* Kárpátalja a cseh és a szovjet politika érdekerében. 1922–1945. Budapest, 1998.

A

- Американский Русский Вестникъ. — 1918.
- Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне. М. — Л., 1933. Ч. 4. С. 54–56.
- АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 1–10.
- АВП РФ. Ф. 05. 1938. Оп. 18. Д. 52. П. 142. Л. 6.
- АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 9.
- АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 10.
- АВП РФ. Ф. 05. 1938. Оп. 18. Д. 52. П. 142. Л. 7–9.
- АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. П. 6. Д. 7. Л. 216.
- АВП РФ. Ф. 17. Оп. 16. П. 8. Д. 13. Л. 43.
- АВП РФ. Ф. 17. Оп. 16. П. 8. Д. 12. Л. 41.
- АМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 57. Л. 199.

Б

- Болдижар М.* Закарпаття між двома світовими війнами. Ужгород, 1993.
- Бадан О.* Закарпатська Україна. Соціально-економічний нарис. Харків, 1929. С. 159–160.
- Бенеш Э.* Речь о подкарпатско-русской проблеме. Ужгород, 1934. С. 23, 58–59.
- Бенеш Э.* Речь о подкарпатской проблеме: Подкарпатская Русь с точки зрения международной политики. Прага, 1934.
- Борщак І.* Карпатська Україна в міжнародній грі. Львів, 1938. С. 22–34.
- Боркняк О.* Чим є для нас Радянський Союз. Ужгород, 1976. С. 240–268.
- Баран О.* Проблема закарпатської автономії в Угорщині 1939–1941 рр. // Закарпаття під Угорщиною. С. 49–63.

В

- Военно-исторический журнал. — 1991. — № 6. — С. 32–40.
- Вопросы истории. — 1991. — № 7–8. — С. 88–89.
- Вопросы истории. — 1991. — № 7–8. — С. 184.
- Волюшин Августин.* Спомини. Релігійно-національна боротьба карпатських русинів-українців проти мадярського шовінізму. Філадельфія, 1959.
- Винниченко В.* Відродження нації. Київ — Відень, 1920. Ч. 3. С. 292–293.
- Ванат Іван.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. Пряшів, 1979. Кн. 1. С. 96.
- Версальський мирний договір / Под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М., 1925.
- Венгрия и вторая мировая война: секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 64.

Г

- ГАЗО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.
- ГАЗО. Ф. 14 с./103. ДД. 183–3977.

Гранчак І., Міщенко Н., Пальок В.

- Робітництва горде ім'я. Ужгород, 1976. С. 48–51.
- Герои сопротивления. М., 1990. С. 175–176.

Д

- Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 35–36.
- Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. 1. С. 71.
- ДВП СССР. Т. XXI. С. 591–592.
- ДВП МИД РФ. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 20.
- Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений М., 1983. Т. 4. Кн. 2.

Ж

- Журавський-Гравський П.* Питання Підкарпатської Русі на Міжнародній конференції в Парижі // Зустрічі. Нью-Йорк, 1990. С. 130–136.

З

- Закарпатский областной государственный архив (ЗОГА). Ф. 29. Оп. 3. Д. 706. Л. 89.
- ЗОГА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 253. Л. 17, 31–32.
- ЗОГА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 158. Л. 140
- ЗОГА. Ф. 45. Оп. 2. Д. 644. Л. 8–14.
- ЗОГА. 29 с/92. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- Закарпаття під Угорщиною. 1938–1944 рр. Нью-Йорк—Чикаго—Ужгород, 1999.

И

- ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.
- ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 20. Л. 15.
- ИДА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 9. Л. 270–280.
- ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

К

- Ключурак Степан.* До волі. Нью-Йорк, 1978. С. 111–112.
- Краткая история Чехословакии. М., 1988.
- Кремпа Иван.* За интернациональное единство рабочего движения Чехословакии. М., 1979.

Карпатська правда. — 1932. — 20.03; 1932. — 21.08.

Карпатська правда. — 1938. — 22.05; 29.05.
Каминский Иосифь. Законопроектъ объ автономіи Подкарпатской Руси. — Ужгород, 1931. — 33 с.

Карпатська Україна і Августин Волошин.
Ужгород, 1995. С. 15–17.

Карпатская Украина. Ужгород, 1999.

Л

Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 128.

Липтаи Эрвин. Венгерская Советская Республика / Пер. с венг. М., 1970.

М

Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина 1939–1945 гг.: Документальный очерк. М., 2003.

Мельникова И.Н. Как была включена Закарпатская Украина в состав Чехословакии. 1919 г. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1951. Т. 3. С. 104–135.

Магочій Павло Роберт. Формування національної самосвідомості. Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994.

Маланчук В.Ю. Історія однієї зради. Львів, 1958. С. 50.

Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 421.

Мировое хозяйство и мировая политика. — 1958. — № 12. — С. 35.

Михутина И.В. О происхождении и судьбах украинской политической эмиграции. 1920–1945 гг. // Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1995. С. 140–141.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении: 1943–1945. М., 1976. Кн. 2. С. 432.

Н

Нариси історії Закарпаття. Ужгород, 1994. Т. 2
Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1935. С. 188.

Нашъ Путь. — 1938. — 29.03.

Нюрнберский процесс над главными немецкими преступниками: Сб. материалов: В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 270.

О

Однорочна робота мадярського правительства за народ Подкарпатя. Что сталося доси на Подкарпатю: вступне слово барона Перни Жигмонда, регентского комиссара и Александер Ильницькій головный советодатель. Унгвар, 1940. С. 6, 25–26.

П

Писарев Ю.А. Образование югославского государства. М., 1975. С. 297–299.

Піпаш Володимир. Республика з нашої долі // Закарпатська Правда. — 1992. — 29 апреля.

Просвіта. — 1918. — 20.04; 04.07.

Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 99–112, 254–260.

Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. 1918–1927. М., 1981. С. 67–75.

Правда. — 1920.

Пруниця С.Ю. До питання про характер економічної політики буржуазної Чехословаччини на Закарпатті // Великий Жовтень і розквіт воз'єднанного Закарпаття. Ужгород, 1970. С. 169.

Пруниця Ю.С. Занепад промисловості і погіршення становища робітників Закарпаття в роки економічної кризи (1929–1933 рр.) // Наукові записки Ужгородського державного університету. Ужгород, 1958. Т. XXXVI. С. 108–110.

Промова про підкарпаторуський проблем і його відношення до Чехословацької республіки. Ужгород, Прага, 1934.

Прасолов С.И. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. // Мюнхен — преддверие войны. М., 1988. С. 64.

Правда. — 1938. — 20.11.

Паркер Роберт. Будапештская штаб-квартира. S. u., s. a. С. 26.

Пушкаш А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 171–188.

Р

Русак Ю. Воспоминания. Ужгород, 1938. С. 50–60.

Русский Вестник. — 1938. — 03.04.

Русин В.П. Партизанское движение на Закарпаття в период второй мировой войны // В сім'ї єдиній. Ужгород, 1954. С. 164.

С

Сівак Б., Троян М. 40 незабутніх днів: з історії боротьби за владу Рад на Закарпатті в 1919 році. Ужгород, 1967.

Сівак Б.І. Нариси історії революційної боротьби трудящих Закарпаття в 1930–1945 рр. Львів, 1963.

Северин Рон. Промышленность Подкарпатской Руси в 1919–1936 годах // Подкарпатская Русь за годы 1919–1936. Ужгород, 1936.

Сміян П.К. Жовтнева революція і Закарпаття (1917–1919 рр.). Львів, 1972. С. 56.

Сливка Ю.Ю. Революційно-визвольна боротьба на Закарпатті в 1929–1937 рр. Київ, 1960. С. 91.

Спутник агитатора. — 1939. — № 9. — С. 40.

Славяноведение. — 2003. — № 1. — С. 109.

Т

Тканко О.В. Партизанський рух на Закарпатській Україні в Велику Вітчизняну війну (Дисертація). Чернівці, 1949. С. 235–236.

Ф

Фенцик Степан. Ужгород — Америка: Путевые заметки: 13. X. 1934 — 19. V. 1935. Ужгород, 1936. — 480 с.

Х

Худанич Василь. Розчленування Чехословаччини й окупація Закарпаття Угорщиною, 1938–1939 рр. // Закарпаття під Угорщиною 1938–1944 рр. Нью-Йорк — Чикаго — Ужгород, 1999. С. 17–18.

Ш

Штейн Б. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М., 1949.

Шляхом Жовтня: Сборник документов. Ужгород, 1957.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1974. Кн. 2. С. 228.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аги Золтан 396
Адам Магда 108, 138
Акош А. 102
Александр 5
Алимов 251
Алфелди Михаил 370
Альгенбург Гюнтер 202, 268, 269
Андорка Рудольф 156, 157, 219, 274, 293
Андрашко Михаил 30
Андрейович Ласло 445
Андриенко А.Т. 468
Андрич 154
Андрушків Николай 239
Антал Йозеф 298
Антал Иштван 326, 404
Анталовский Евгений 380
Антонов 428
Антонов-Овсенко Владимир 46
Антонович 306
Ануфрий Юлий 240
Апор Габор 142, 143, 166, 197
Аржас 238
Арки А. 77
Арцишевский Мирослав 197, 278
Аттолико Бернардо 158, 202, 220, 243
Афонин Н.М. 467
Ашкенази Ашиаш Алексей 347

- Бабидорич М.И. 431
Бадан А. 37
Бадольо Пьетро 397, 401
Бакач-Бешшенъеи Дьёрдь 141, 154, 293, 295, 399
Баки Ласло 406, 407
Бактаи Янош 298
Балаж Иван 350
Балаш Иштван 444
Балла Пал 394
Балтазар Геза 378
Бальо Мария 413
Бальфур Артур 50, 52, 54
Бандера Степан 358, 397
Бандусяк Дмитрий 357, 370
Банфи 355
Баран Александр 312, 313
Бардошши Ласло 197, 280, 331, 357, 365, 366, 369, 371, 372, 376, 381
Барковци 389
Барга Карой 300
Барток Ласло 294, 295
Барток Бела 328
Барту Луи 139
Барца Дьёрдь 149, 150, 153, 158, 165–167, 247, 284–286, 302, 399
Басаги Иштван 382
Батя Томаш 88
Батлер Р. 285
Бачинский Михаил 353
Бачинский Эден 367
Бачинский Эдмунд 76, 120, 125, 130, 131, 135, 172, 176, 177, 184, 186, 189, 191, 228, 248, 297, 327
Бачо Анна 340
Бежко П.М. 468
Бек Юзеф 137, 141, 142, 151, 154, 155, 157, 159, 168, 169, 175, 184, 185, 193, 195, 197, 199, 209, 210, 213, 215–217, 232–236, 242–244, 247, 252, 254, 258, 262, 268, 272, 276–280, 282
Бела III 4, 5
Бела IV 5
Белшэ Имре 384
Бём Вилмош 417
Бенедек 4
Бенеш Эдвард 15, 20, 28, 37, 50, 51, 54, 55, 81, 104, 113–116, 118, 135, 139, 153, 158, 166, 177, 236, 399, 403, 416, 417, 424–426, 429, 431–435

- Бенца Юрий (Бенце Дьёрдь) 321–323, 329, 444
Беран Рудольф 113, 247, 248, 257, 261
Берзинец Ержи 105, 106
Беринкеи Ш. 52, 57
Бернолак Енё 394
Берталан 176
Бесараб Василий 351
Бескид Александр 324
Бескид Элек 444
Бескид Корнелий 387
Бескид Антал (Антон Григорьевич) 40, 50, 51, 62, 73, 74, 93, 103, 118
Бетка Бела 370
Бетлен Иштван 80, 82, 83, 84, 156, 194, 243, 311–313
Бибидорич М.И. 431
Бисун М. 357
Биро Йожеф 444
Бобрик Арно 238
Богдан 371
Богут Енё 370
Боднар Иван 119
Бойко Иижи 261
Бокотей 323
Бокшай А. 37, 324
Бокшай Иван 298
Болдижар М. 11, 35
Бондарев А.Л. 467
Бониш (Бениш) Артур 394, 395
Бонкало Александр (Шандор) 6, 10, 13, 30
Бонне Жорж 152, 165, 285
Бонцош Миклош 326
Бора Анатолий 370
Борецкий С. 430
Борисов М.Ф. 468
Борканюк Василий 347, 348
Борканюк Дмитрий 348
Борканюк Досья 348
Борканюк Олекса (Алексей Алексеевич) 101, 117, 135, 205, 339, 344–346, 348, 358, 465
Борканюк Степан 348
Босси Рауль 277
Ботмер Карой 389
Борщак 54

- Брандейс Ян 95
Братман Й. 308
Браухич Вальтер фон 146
Брашайко Михаил 31, 35, 36, 38, 54, 76, 113, 119, 252
Брашайко Юлий 30, 35, 54, 68, 69, 76, 77, 113, 119, 120, 252, 254, 264, 293, 296, 319, 324, 355, 356, 370
Брашайко Антон 356
Брейха Ян 68, 69, 70, 71
Бродий Андрей 76, 108, 113, 120, 121, 128, 130–135, 174, 176–178, 185, 190, 191, 196, 209, 215, 223, 224, 228, 254, 255, 257, 258, 276, 282, 293, 297, 298, 308, 309, 311, 315–317, 320–324, 327–329, 332, 337, 349, 353, 361–364, 367, 394, 407
Брежнев Леонид 429
Брэтиану Ион 60
Будаи Иштван 298, 317, 322, 324, 329, 444
Будаи Ласло 297
Будин 468
Буза Барна 28
Булеца Виктор 380
Бурзы Николай 378
Буриан И. 23
Буров И. 466
Бурункаи М. 344
Бурч Анна 386
Бушев С.М. 467
Буянов В. 409, 466
- Ваи Ласло 311
Вайда Степан 388
Вайс К. 77
Вайс Манфред 36, 413
Вайс С. 430
Вайцеккер Эрнст 145–147, 163, 186–188, 231, 242, 243, 256, 263, 264, 273, 358
Валигурский Андрей 240
Ванат Иван 14, 49, 54
Ванситтарт Роберт 284
Ванягин Я. 409, 466
Варади Петр 386
Варади Мария 387
Варга Василий 365, 370
Варга (Караман) Иван 339
Варга Иосиф 42

- Варга Л. 466
Варга Янош 444
Варщабюк Петр 398
Василевский Л.Д. 468
Васильев А.Ф. 467
Васильев В.Е. 468
Василько, князь 4, 5
Васовчик Юлий 315, 316
Васюта Василий 351
Ваш Иван 430
Веденин А.Я. 467
Велич Ласло 227
Вербещук Иван 352
Вереш Янош 405, 406, 411, 419
Вернле Янош 178, 244–247, 260, 268, 271, 277, 286, 303
Верт Хенрик 164, 268, 269, 273, 275, 281, 291, 293, 296, 299, 304, 369, 371
Веттштейн Янош 155, 165, 185, 186, 188, 190, 192, 246, 247, 260, 263, 264, 270, 294
Ветулани 130
Вечеи 384
Вёрманн Эрнст 154, 202, 218, 226
Виднянский 429
Виест Рудольф 171
Викс, подполковник 53
Виллани Фридьеш 137, 142, 143, 166, 169, 182, 187, 188, 190, 193, 198, 200, 201, 203, 211, 212, 214, 218, 221, 229, 264, 268
Виллат Лонс 83
Вильгельм II 184
Вильсон Вудро 23, 27, 41–43, 46–51, 53, 313
Вимател Ганс фон 241
Винер Рудольф 341
Винниченко В. 44, 45, 46
Винце Андраш 404, 411, 413, 416, 417
Винчи Луиджи 201
Вирван Иван 343
Вислоцки (Ваньо Гунянка) 364
Витовский Дмитрий 35
Вихнаньский 260, 261
Владар Габор 312
Владимир 250
Владимир IV Рюрикович 5
Владимир II 5

- Владимир Галицкий 4
Владимир Ярославич 4
Водианер Андор 399
Возари Аладар 298, 299, 315, 329
Володин Г. 409, 465
Волошин Августин 7, 29, 39, 40, 52, 53, 63, 68, 69, 73, 76, 77, 94, 95, 109, 113, 119, 123, 125, 126, 131, 135, 177, 191, 202, 203, 209, 215, 228, 231, 237–241, 244–246, 250–252, 254, 256–261, 264, 270, 272–275, 291–296, 301–303, 305, 306, 309, 310, 319, 325, 355, 356, 360, 372
Волощук Иван 38
Ворон Андрей 370
Ворохта Юрий 444
Ворошилов Климент 425
Врангель Петр 320
Врановский Василий 406
Врецьона Евгений 239
Вышинский Андрей 425, 432–434
- Габерман Самуэль 345, 346
Габор Эден 240
Гавел Бела 362
Гавелка 261
Гагатко Андрей 73, 76, 77, 91, 95, 120, 121
Гаджега Ю. (Русак Ю.) 37, 38, 68, 69, 76
Гаевич Петр 321, 322
Гайда 119, 301
Гайдош 248, 429
Галагурич Василий 351
Галифакс Эдвард 138, 139, 150, 165, 167, 185, 243, 285
Галко 126
Гальцев А.С. 468
Гамада Андрей 396
Ганак Валтер К. 49
Гандера Елена 408
Ганчин Михаил 46, 47
Гапка Петро (Петр) 298, 324, 329, 331, 444
Гарами Эрнё 36
Гардош Юлий 43, 46, 51, 52
Гасал 427
Гаскон А. Д. Ф. 244
Гасилович А.Н. 418, 467
Гаталак Петр 40, 42, 43, 48

- Гафенку Григорий 263, 278–280
Гаха Эмил 257–259, 264, 270, 273, 302
Гебей Петр 29
Геблер 239
Гелетка, супруги 377
Геллерт Андор 237
Герандо Фердинанд 83
Геринг Герман 139, 147, 150, 158, 159, 163, 194, 213, 231, 236, 262, 374, 389
Геровский Алексей 104–108, 131, 132, 134, 135, 249, 257, 282, 364
Гертруда 5
Гечка Михаил 408
Гёмбеш Дюла 107, 114–116, 137, 164
Гжибаньский В. 114
Гиммлер Генрих 251
Гитлер Адольф 84, 96, 111, 112, 114, 116, 137–140, 143, 144, 146–148, 150–155, 158–160, 163, 175, 176, 178–185, 195, 196, 199, 203, 211–214, 226, 230–232, 234, 235, 239, 241–243, 247, 250, 251, 253, 254, 262–264, 268–270, 273, 276, 278, 281, 282, 287, 292, 295, 301, 302, 303, 341, 365, 376, 384, 396, 401
Гици Енё 400, 401
Глагол Михаил 350
Глазков 251
Гладков В.Ф. 468
Глинка Андрей 81, 129, 264
Годжа Милан 28, 39, 40, 113, 118, 125, 126, 131, 132, 158, 176
Годинка Антал 6, 10, 13, 30, 327
Гойдич С. 185
Голиба Петр 363
Голланд Арпад 378
Головня М.М. 467
Голота 309
Голубович С. 29, 34
Гольцов М.И. 467
Гомичко (Гомичков) Владимир 321, 329, 332, 364
Гордеев Д.В. 467
Горкин А. 469
Горзо Эрнё 444
Готвальд Клемент 101, 433
Гоффман Гамилтон 231, 240, 241, 252, 270, 273
Гощук Иван 31
Грабарь Дмитрий 403
Грабарь Константин 118, 127, 135, 176

- Гранатиер Антал 171
Гранди Дино 149
Гранчак И.М. 12, 13, 38, 97, 274, 426, 428, 429
Грац Густав 140
Грашши Йозеф 382
Гренджа-Донский 304
Гречко А.А. 418, 440, 466
Гречуха М. 468
Грибовски Шимон 445
Григорьев 119
Гринченко Т.У. 467
Губаи Дюла 297
Губер Отто 318
Гусев И.А. 467
Гуслей Петр 365
Гутович Евгений 239
Гучканюк (М.) Николай 347, 348, 398
Гюлхер Якоб 353
- Давидович Андраш 318
Далалде Эдуард 148, 152, 159
Даллош Ласло 406, 407
Дами Алдо 400, 416
Даниил (Данило) Галицкий 4, 5
Данилюк Д. 13
Данканич Иван 444
Данко Иосиф 48
Данко О. 440
Даноци Дьёрдь 298
Дарани Калман 138–140, 143, 164, 178–181, 182, 187–189, 200, 214, 226, 300, 311
Декан Йозеф 345, 346
Деканозов Владимир 425
Дельбос Ивон 139
Демко Михаил 76, 128, 134, 177, 209, 298, 315, 323, 324, 329, 337, 364, 388, 407, 444
Деникин Антон 44, 45, 63, 105
Деха Василий 238
Димитру 60
Джинчарадзе Г.М. 468
Длугошовский Вьенява 250
Доболци Андраш 320
Добош Енё 444

- Добрянский Адольф 105, 228
Добрянский Виктор 6
Довганич О.Д. 12, 405
Долинай Николай 120, 250, 264, 296, 324, 355, 356
Долинай Петро 30
Домбовари Йожеф 414
Домище Василий 341
Дональд Роберт 82
Доценко П.М. 467
Драгула Николай 120, 327, 362
Драгун Иван 396
Дребитька 371
Дряхлов И.Д. 468
Дубанич Иван 350
Дудакевич О. 31
Дударев И.Ф. 468
Дудаш Михаил 346
Дудинский Бела 406
Дудич Эндре 387, 445
Дулишкович Евмен 298
Дурчанский Фердинанд 173, 186, 189, 263, 264, 270
Духнович Александр 103, 104, 120, 224, 225, 333, 362
Дьемеери Шандор 311
Дьёндьёши Янош 417
Дьёркеи Енё 164
Дякун Иван 408
Дякун Михаил 405, 409
- Евсинов 251
Егличка Франтишек 81, 106
Егри Ференц 328
Един И.П. 468
Едьед (Эдьед) Иштван 327, 328, 329
Еременко Андрей 466
- Жаткович Григорий 46–49, 51, 52, 54, 62, 67–71, 73, 74, 91, 104
Жаткович Павел 46
Жданов В.Н. 418
Жданов В.П. 467
Желицкий Б.Й. 14, 15, 312, 313, 333, 429
Желтвай В. 37, 38

Жердиенко Н.Т. 468
Жидовский Петр 171, 173, 176, 248, 249
Жилинский Роберт 26, 354
Жиндей Ференц 311
Жуков Г.А. 467
Журавлев Е.П. 418, 466
Журавский 54

Завадяк 371
Затворницкий Михаил 338, 339
Зах Эмил 311
Заиц Йозеф 95, 120, 125, 135
Замфиреску А.Д. 278
Запорожченко М.И. 467
Зейс-Инкварт Артур 264, 267
Зёлди Мартон 298, 299
Зорин 434, 435, 436
Зубов П.И. 468

Иван Анатолий 380
Ивановчик Василий 238
Иванчулинец И. 466
Ивашко Т. 430
Игнат Андрей 380
Иден Антони 167, 399
Ийеш Лайош 406
Иллеш Бела 72
Иллеш Йозеф 211, 255, 294, 297, 306, 311, 328
Ильиных П.Ф. 467
Илько В.И. 11, 85, 89
Ильницкий Александр 224, 258, 319, 326–329, 332, 407, 415
Имреди Бела 144–148, 150–154, 156, 163–165, 173, 179, 181, 187, 189, 195, 198, 200, 212, 214, 217, 222, 230, 235, 255, 256, 285, 298, 301, 311, 312
Ира Лонгин 255
Исак Имре 298

Йодль Альфред 147

Кад Алайошне 387, 388
Калоган Артур 149, 165–167, 284, 285, 399
Казалет Виктор 82

- Каледин Алексей 251
Калинин Михаил 408, 469
Каленюк 304
Каллаи Миклош 374, 376, 377, 381, 389, 390, 393, 394, 396–399, 401, 403
Калман 5
Камбон Жюль 51, 52
Каминский Геза 7
Каминский Йосеф (Иосиф) 29, 59, 76, 102, 121, 125, 177, 178, 224, 258, 319, 323, 329
Канарис Вильгельм 231, 236, 293, 303
Канюка Иван 342
Каня Калман 137, 138, 140–142, 144–147, 149, 150, 151, 153–158, 163, 165–175, 177–180, 184, 186–189, 193, 195–199, 201–203, 205, 209–218, 220–222, 232, 233, 243, 262, 293, 304
Капитан И. 409, 466
Карбованец М. 356
Карл I, император Австрии 22
Кармасин Франц 237, 267, 284
Карой Викторне 336
Каройи Дюла 311
Каройи Михай 19, 20, 23, 26, 28–30, 34, 39, 52, 57, 72, 108, 213, 258
Кароль II 197, 237, 261, 276
Касарда Эмил 444
Касижицкий Тадеуш 252
Качур Иван 352
Кванишевский М. 105
Кедюлич Иван 240, 341, 342
Кейтель Вильгельм 143, 144, 178, 236, 373, 390
Керестеш-Фишер Ференц 311, 316, 320, 325, 327, 328, 338, 344, 359, 362, 371, 373, 390, 397
Керечанин И. 430
Кертес Иштван 286
Керча И. 430
Кешеля 362
Кёваго Дюла 345
Киселев А.Я. 467
Клайст 241, 242
Клапалек К. 467
Клемансо Жорж-Бенжамен 22, 50, 51
Клементис В. 436
Клима Е. 101
Клименко А.Я. 468
Климпотюк Василий 338
Климпотюк Михаил 338

- Климбуш Василий 31, 34, 35, 76, 252,
Климбуш Дмитрий 238, 238, 249, 250, 252
Климбуш Иван 29, 34
Клодиус 360
Клофач Вацлав 60, 61
Клочурак Степан (младший) 29–31, 34–36, 54, 63, 76, 119, 131, 135, 177, 259, 260, 310
Кляп М.И. 97
Кобр Милош 271
Кобылянский Тадеуш 127, 130, 133, 141, 155–157, 197, 198, 215, 233
Ковалевский 372
Ковач (Домашин) Петр 339, 405
Ковач Иван 254
Ковач Эндре 141, 156
Ковач Янош 344
Ковпак Сидор 395, 396
Когут В. 466
Когутич Дмитрий 342
Кожевников Петр 250, 251
Козар Лайош 361
Козаринов Д.Л. 468
Козма Миклош 164, 173, 194, 207–209, 217, 220, 259, 312, 332, 363, 365, 367, 368, 371, 380
Козуб Иван 396
Колени Дьёрдь 379
Колодубов М.И. 467
Коломиец Иван 9, 10, 13
Колонна Асканио 115
Колочук М. 466
Комаринский Владимир 252, 310
Комарницкий Михаил 39
Конев Иван 419
Коновалец Евгений 250, 251, 295, 305
Контратович Ирен 327, 377
Коперлос Иван 238
Кордт Эрих 160, 202, 204
Корженевич Ф.К. 418
Корлат Эндре 77, 121, 131, 134, 178, 223, 224, 255, 332
Корниш Дюла 311
Коропотян Н.А. 468
Косик И. 409, 466
Коссей Павел 120, 125, 130, 176, 248, 249
Коссей Юлий 406

- Котельников 468
Кофанов В.И. 468
Кофланович Иван 444
Кочерган 304
Кочетова Ксения 362
Кошельников 306
Коштура И. 72
Кошут Лайош 19
Краковец Карой 323
Крамарж Карл 37, 50, 51, 91
Красавин Ф.М. 467
Кратохвил Я. 467
Кричфалуши-Грабарь Эндре 394
Криштоффи Йожеф 130, 135, 155, 233
Крно Иван 170, 172, 173, 202
Крофта Камил 116, 160, 163, 165, 166
Крук Бела 370
Крышеник Иван 350
Кугель Хаим 121
Кузеля 306
Кузнецов Г.Г. 467
Кул Лайош 241
Кульчицкий Евгений 238
Кун Бела 45, 46
Курницкий П. 239, 240, 248–250, 251, 254, 257, 292
Курочкин П.А. 467
Курта Андрей 350
Куртяк Иван 31, 76, 101, 103, 104, 108, 113, 120, 121, 223, 228
Куткафалви Миклош 80
Кутлан С. 61
- Лаборец, князь 3, 4
Лаваль Пьер 142
Лавров В. 409
Ладани Илья 387
Ладжинский 364
Лазар Михаил 349
Лазаревский 80
Лазько Г.С. 467
Лакеев И.А. 468
Лакатош 413

- Лакота Иван 100
Ламмерс 163
Лансинг Роберт 22, 23, 43, 50, 54, 55
Ларош Жюль 54
Латор Геза 318
Лауб Янош 344
Лацинский (Лачинский) Вацлав 129, 267
Лебович Енё 339, 340
Левадный А.С. 468
Лейзман Евгений 408
Лелекач Н.Н. 3, 4
Лендьел Бела 155, 175, 214, 216, 301
Лендьел Федор 352
Ленин Владимир 46
Ленько Алексей 341
Ливицкий Андрей 251
Ливицкий Николай 251
Лизанец Семен 405
Линтур П. 362, 430
Липский Юзеф 151, 152, 198, 241
Лисинов В.Б. 468
Литвинов Максим 229, 425
Ллойд Джордж Дэвид 22, 50, 53, 60
Ловга Иван 405
Логойда 364, 405
Лозан 371
Лозовский С.А. 425
Лой Й. 466
Локота Иван 339–341, 347, 404
Локота Николай 347, 348
Лошкаи Ференц 383
Лошонци 376
Лукач Енё 342–344
Лукач Ю. 38
Любеньский Михал 154, 156, 194–196, 198, 201, 216
Любомирский Ст. 241
Люке Геза 413
- Магистрата Массимо 202
Магочи-Диц Шандор 376
Магочий Павло Роберт 12–14, 40, 41, 43, 48, 49, 57, 74, 96, 132, 339

- Мазюта Иван 409
Майороши Иштван 318
Майский И.М. 417, 425, 434, 435
Макара М.П. 426
Макаренко 126, 260, 261
Макартни Карлайсл А. 15, 33, 34, 41, 48, 49, 84
Макино 50
Маккензен Ганс 242
Малеш Юлий 342
Малинич 371
Малипетр Я. 100
Маллика Алексей 352
Малош Юрий 341
Мамати Виктор 48
Маниу Юлиу 27
Манкович Рудольф 444
Марании Эде 384
Марина Александр 261
Марина Юлий 224, 249, 297, 298, 308, 315, 324, 329
Маринич Э. 224
Мария Терезия 295
Маркусь В. (Маркуш) 14, 15, 226, 440
Мароши Ференц 148, 149, 284
Мартиш И. 466
Мартон Лайош 444
Мартос Б. 44
Марьина В.В. 15, 426, 429
Масарик Томаш Гарриг 20, 21, 42, 43, 47–49, 51, 52, 67, 68, 70, 73, 93, 113, 177, 399, 434
Масарик Ян 435
Маскай Петр 370
Маслов И. 409, 466
Матусевич И.И. 467
Мах Шаньо 264
Мачек 294, 295
Медве Михайло 30
Медведь Иштван 445
Медвецкий Андрей 31
Меддьеши Лайош 370
Межжерин А. 468
Мезё Имре 382
Мезё Шандор 403

- Мелеш Янош 444
Мельник Андрей 250, 305
Мельник Юрий 323
Мельников И.И. 409, 466, 467
Мельникова И.Н. 41
Метальников П.И. 467
Мехлис Лев 418, 427–429
Мешко Аристид 379
Микец Эден 311
Миклош Бела 420
Микулинец П. 466
Миня Эмиль 254
Миллер Хунтер 48
Мильеран Александр 82, 102
Мирцюк 306
Михайлович Дража 400, 401
Михалкович Янош 229
Михални Иван 261
Михалюк Николай 398
Мишанич О. 14
Можарович Михаил 345, 346
Молдавчук М. 430
Моложаев В.И. 468
Молотов Вячеслав 416, 425, 426, 432–436
Мольтке Ханс 232, 233
Мондок Иван 72
Монтгомери Джон 167, 286, 287
Морваи Жигмонд 318
Москаленко К.С. 419, 428, 467
Мосьцицький Игнацы 156, 168, 196
Мотыльчак Иван 342
Мошкович Филипп 347
Мстислав 5
Муссолини Бенито 83, 115, 116, 143, 144, 148, 152, 158–160, 169, 182, 184, 185, 191, 192, 193, 199, 200, 212, 219–221, 250, 282, 397
- Надаи 304, 352, 416
Надь Вилмош 378
Надь Михай 343
Надь-Тшнади Андраш 311
Нанейшвили В.В. 467

- Науман Фридрих 19
Невицкая Ирина 40, 119, 126, 250
Невицкий Евгений 50, 51
Невицкий Омелян 40
Неедли Зденек 436
Нейрат Константин 213, 236
Немец Франтишек 423, 424, 427, 428, 431–433
Немештоти Карой 387
Немчук Дмитрий 35, 357
Немчук Н. 36, 54
Никл 360
Никольсон Гарольд 54, 55
Ницка Ласло 386
Новак Иштван 8
Новакович В. 298, 352
Новожилов В.И. 468
Нокс Д. 149
Нозл Леон 241
Няради 294
- Овсяник 251
Одиньский 261
Озимин М.И. 467
Олдерман Сидней 146
Олег, князь 3
Ольдофреди А. 237, 270
Онацкий 305
Орландо Витторио 22, 50
Орловский Леон 141, 193–197, 216, 232, 235, 236, 243, 247, 250, 257, 277, 279, 292, 303
Ортугаи Енё 328
Освальд Дьёрдь 311, 312, 356
Осипович Игнацне 335
Остапчук Я. 76
Острица 306
Отглик Ласло 297, 327, 328
Ошват Иштван 379
- Павлюк Антон 301
Палотаи Иштван 386, 387
Палффи Геза 333
Панасович Юрий 351

- Панькевич Иван 92
Панько Михаил 408
Папее Казимир 127–129, 133, 247–249, 251, 257, 259
Папп Антал 7, 8, 29
Паратунский Н. 356
Пари 67, 70
Париани Альберто 140, 169
Паркани Иван 176, 177, 261
Паркер Роберт 275
Пархоменко Ф.Н. 468
Паскевич И.Ф. 6
Пастой Амон 375
Патаки Тибор 154, 202, 255, 293, 296, 297, 311, 315–317, 319–322, 324, 326–329, 353, 356, 267, 394–396, 398, 405, 408, 409
Патаки Ференц 408, 465
Пахомов И.С. 467
Пачута Николай 42, 43
Пашич Никола 21
Пекарь (Забродь) Михаил 339
Пекарь Юрий 378
Пелени Янош 167, 168, 271
Пелчинский Тадеуш 155
Передарук Дмитрий 347
Передарук Евдоха 347
Перевузник Юрий 250, 264, 356
Перени Жигмوند 82, 299, 311, 319, 324, 325, 326, 328, 329, 332, 344, 361–363
Перечинский М. 409, 410, 466
Перт Э. 158, 199
Петенк Петр 35
Петенко Иван 444
Петлюра Симон 44, 45, 63, 250
Петравич Дюла 130, 133–135, 237, 239, 240
Петренко В.Я. 467
Петреску-Комнен 197
Петрецкий 322
Петрище П.А. 49
Петров И.Е. 418, 427, 428, 466
Петрушевич Е. 34, 35, 45, 54, 63
Петрушак И. 433
Пешек Йозеф 92
Пешак Иван 128, 133, 176, 177, 184, 248

- Пиж 364
Пилсудский Юзеф 80
Пинтер Бела 353
Пишон С. Ж. 50, 54
Планчак Иван 341
Планчак Юрий 350
Погребенко В.С. 410
Подшивайлов Д.П. 468
Поп И.И. 12–14, 428
Попаденец Иван 351, 398
Попаденец Юрий 398
Попадинец Василий 408
Попов П.Х. 251
Попович Василий 375, 377
Попович Михаил 323, 370
Попович Ф. 466
Попп Иван 131, 132, 282
Посохов 251
Потемкин Владимир 166, 176, 191, 192
Прем 173
Престая Михаил 351
Приймак О. 466
Приходько В.П. 12
Прищепа И. 409, 410, 414, 466
Прокоп Константин 68, 76
Пронаи Пал 80
Проهازка А. 436
Прохоров Ф.А. 467
Пружинский Микулаш 263
Прхала (Пырхала) Лев 241, 246, 259, 270, 273, 432
Пуанкаре Раймонд 50
Пуза Евгений 34, 36, 54, 63, 69, 76
- Рабар Янош 328, 329
Радочаи Ласло 328, 367
Райзман Г. 77
Райкович П. 185
Райх 239
Раковский Иван 228, 425
Ракоци 363
Рац Ене 144, 178, 225, 312

- Рацкеви Йозеф 386
Рачинский Рогер 278, 279, 293
Рачинский Эдвард 153
Рашшай Карой 311
Ревай Юлий 119, 123, 125, 126, 131, 132, 135, 176, 177, 185, 191, 228, 237, 251, 252, 254, 256, 259–261, 291, 294, 295, 304, 310, 356, 367, 370
Ревай Федор 304, 367
Редвард Ф. Г. 244
Ремени-Шнеллер 390
Рене Мартел 400
Реннер Карл 23
Ренсимен Уолтер 149
Реньеи 400
Рети Василий 352
Реут Юрий 349
Риббентроп Иоахим 138, 143–145, 147, 154, 163, 178, 180–182, 185–193, 198–204, 210, 213, 219–222, 230, 231, 234, 236, 241–243, 262, 270, 273, 281–284, 286, 302, 303, 373, 376, 390
Рибивський Юрій 239
Ридек Раймон 379
Ридз-Смигли Эдвард 168, 196
Рипка Кароль 105, 106, 436
Рихтер 125
Ришко Бела 298, 323, 331
Рогач Иван 241, 252
Розенберг Альфред 213, 231, 236, 238, 251, 252, 295
Розовский Александр 346
Розовский Виталий 345
Розсипал Антонин 94, 95, 97, 118
Ронкаи Ференц 337, 388
Ронкаллини 356
Роман, князь 4
Роман Иван 250
Роман Иштван 444
Роман Петр 408
Романец Иван 398
Романив Ю. 239
Романчук Василий 241
Росоха Иван 238, 241
Росоха Степан 126, 238, 241, 260
Росоха Х. 466
Ростислав III Мстиславович 5

- Ротермир Герольд Сидней 81, 82
Ротман Николай 339, 340
Рошкович Эмил 444
Рузвельт Франклин Делано 400
Русин В.П. 409, 415, 429, 466
Русин Г. 414, 430
Русинков 406
Рушак М. 466
- Сабади Вилмош 316
Сабадюк М. 34
Сабо Дьёрдь 356, 357
Сабо Евмен 29
Сабо Ласло 139, 169, 213, 218–221
Сабо Орест 10, 29, 30, 31, 32, 38, 39, 58, 123, 296, 347, 348
Сабо Шимон 8, 29, 39
Саймон Джон 286
Салаши Ференц 416
Сантаи Самой Иштван 258
Самуэли Тибор 62
Сарджент Орм 167
Свобода Людвик 436, 467
Севрюк 306
Секфю Дюла 3
Семец 260
Семеон 406
Семьон Василий 339, 341
Семьон Федор 341
Сент-Ивани Домокош 164, 204, 227, 232, 239
Сивак 264
Сигемицу Мамору 183, 184
Сидор Кароль 247, 248, 263, 270
Сидор Эмил 349
Силвестер Петер Янош 375
Сильвай Иван 6
Симкович Шаламон 341
Симулик Дмитрий 351
Симулик Иван 31, 352
Синда 50
Синьеи-Мерше Енё 395
Сирк Йосиф 387

- Сирко Павел 340
Сирови Ян 158, 166, 176, 177, 190, 256
Скрдлиджевский 248
Скоропадский Павел 238, 306
Слесарчук Юрий 351
Сливка Николай 386
Сливканич Иван 444
Слосарчук Михаил 370
Смирнов А.С. 468
Смиян Петр 35
Соболев А.А. 425
Собран Василий 351
Сова П.П. 3, 4, 185, 430
Сокол Мартин 264
Солич Михаил 444
Соловьев В.Н. 467
Соляк Иван 351
Сомбатхеи Ференц 297, 299, 341, 348, 359, 369, 378
Соннино Г.С. 50
Сопилков С. 409, 466
Сопко Иван 444
Соплонцаи 414
Спивак Борис 11, 38, 40, 48, 57
Спилка Юрий 238
Сталин Иосиф 15, 229, 350, 400, 425, 428, 432–436
Станинец Юлий 238
Станканинец Антоний 299, 371
Стахович Вацлав 156, 157, 216
Степиняц 294
Стефанив 238
Стодола Корнел 28
Стойка Александр 103, 209, 259, 299, 310, 328
Стойка Шандор 329
Стоядинович Милан 154
Стояи Дёме 138, 142–144, 146–148, 151, 154, 158, 159, 163, 186, 187, 189, 220–222, 226, 242, 262–265, 268, 281, 282, 303, 304, 357, 358, 360, 376, 389, 404, 405, 408
Странявски Шандор 255
Стрипский Гиадор 6, 10, 30
Стршибрный И. 129
Судислав 5
Сулинчак В. 6, 327

- Суриц Я.В. 425
Сухевич Роман 239
Сцитовский 380
- Такач-Толваи Йожеф 210, 299
Тали Эндре 318
Таня Бела 412
Тарахонич Дмитрий 338, 430, 431
Татареску Георге 116
Телеки Пал 79, 80, 171, 173, 202, 203, 204, 268, 269, 275, 276, 281–284, 293, 296, 299, 301–304, 310–313, 315, 316, 318–321, 323, 326, 328–332, 335, 349, 351, 352, 354, 356, 360–363, 366, 380, 381
Теллак В. 38
Тепланский М. 263
Терек Карой 343
Терек Ласло 444
Тёрёк Эндре 389
Терлеи Балинт 337
Тертышный П.В. 467
Тетенко М.Г. 468
Тилковски Лорант 312, 313
Тисовский 372
Тисо Йозеф 170–172, 174, 177, 186, 189, 202, 203, 239, 264, 265, 270
Ташнади-Надь А. 300
Тито Иосип Броз 401
Титулеску Николае 114–116, 194
Тканко А.В. 409, 410, 412, 414, 415, 429, 430, 466
Товтин Андрей 350
Томчани Вилмош 359, 370, 373, 393, 398
Томчани Калман 311, 352
Томчани П.В. 388
Тороньский (Торонский) Эмил 68, 69, 134
Тот Иосиф 340
Тот Иштван 444
Траверзер Говард 167
Трахлер Дьёрдь 444
Троян Михаил 11, 38, 40, 48, 57, 429, 430
Трумбич Анте 21
Тардьё Андре 51–53
Тоуссаинт Рудольф 241
Тука Войтех 264, 270

- Телеки Пал 79, 80
Тулаев 251
Тур Михаил 341
Туряница Иван 424, 430, 431
Туряница Юрий 382
Тусар Властимил 91, 92
Тюльпанов С. 429
- Угрюмов Н.С. 467
Удержал Ф. 100
Уйпетери Элемер 293
Уйфалуши Юлий 408
Улейн Антал 83
Улинец Василий 386
Уллайн-Ревички Антал 286, 287
Уманский К.А. 425
Унгер 275
Уста Дюла 409, 410, 414, 466
Ухов В.П. 468
Уэллес Самнер 167
Уйсаси Иштван 218
- Файне 412
Фалувеги Алберт 382
Фараго Габор 416
Фаринич М. 185
Фаркаш Золтан 384
Фацендис Доминико 185
Фелдеш (Фелдеший) Юлий 135, 223, 224, 258, 322–324, 329, 367
Фенцик Степан (Русинский) 103–108, 113, 120, 121, 124, 125, 127–130, 132–135, 176–178, 184, 185, 207, 209, 223–225, 228, 249, 250, 254–258, 297, 308, 309, 313–315, 320–323, 328, 329, 333, 355, 365
Фехер Василий 340
Фехтель Иван 351
Филак М. 38
Фирлингер З. 432–436
Фленько Федор 342
Флинтич Михаил 351
Франко Франсиско 250, 310
Франше д'Эспере Л. 60
Фридманский 380

Фюзешшери Калман 34

Фюлеп Дежё 350

Хайду Еромош 6

Хайду Тибор 29

Хайнас В.В. 431

Хайнрици 418

Халупчинский Мичислав 106, 128–130, 132–134, 234, 248

Хауз 51

Холлошши Йожеф 298

Харди Калман 243, 303

Хвалковский Франтишек 166, 168, 180, 181, 185, 186, 188–190, 202, 203, 205, 245–248, 251, 257, 259, 263, 264, 270, 273, 302, 432

Хевель Вальтер 230

Хедервари Шандор Куэн 165

Хейяш Иван 173

Хенкке Андреас 270

Хеслени Йожеф 382

Химинец Михаил 250

Хименц Михаил 386

Химчук Василий 387

Химчук Дмитрий 387

Хланга А.В. 85

Хлатки Зигмунт 310

Ходацкий Марьян 103, 106, 107

Хокки Карой 77, 121, 131, 134, 254, 298, 316, 318, 329

Хокки Эгри 121

Хоман Балинт 3, 299, 311, 333, 355

Хоменко В. 409, 466

Хомлок Шандор 164, 217

Хорват Бела 260, 261, 310, 316

Хори Андраш 137, 141, 142, 154–157, 168, 174, 175, 178, 198, 199, 201, 209, 215–217, 235, 236, 242, 243, 248, 268, 272, 276, 277, 279, 282, 283

Хорти Миклош 15, 75, 79, 80, 141, 143–147, 149, 150, 174, 178, 184, 185, 193–196, 207, 211, 214, 217, 222, 226, 230, 243, 244, 268, 269, 274, 286, 296, 302, 318–321, 323, 329, 332, 341, 350, 351, 378, 381, 384, 394, 401, 403, 413, 416

Хохман Антал 389

Хромей Василий 370

Хрущев Никита 424, 429

Худанич Василий 15, 205, 226, 440

Хуска 301

- Цап Михаил 351
Цемпер Вацлав 405
Цибере Павел 400
Циник Михаил 351
Цисарж 240
Цмур Василий 338
Цуперяк М. 430
Цурканович Иларион 76, 91, 120, 121
- Чаки Иштван 159, 164, 168, 169, 173, 175, 182, 193, 202, 212, 216, 222, 229–231, 235, 236, 239, 241–245, 247, 248, 257, 262, 263, 267–269, 271–273, 275–277, 279, 281–283, 284–286, 291, 295, 299, 300, 302–304, 310, 311, 319, 365
Чатари Бела 298
Чаффи 38, 130
Чекан Томаш 323, 327
Чекан Ф. 430
Чемберлен Невил 116, 139, 142, 149, 150, 152–154, 158, 166, 167, 185, 243, 284, 286
Чепеш Федор 350
Чепинец В. 224
Черни Я. 73
Чернох Янош 8
Черчилль Уинстон 399, 400
Чех Иштван 298
Чешок Леон 238
Чиано Галеаццо 137, 142, 143, 158, 159, 169, 174, 181, 182, 187–189, 190–193, 198–204, 210–212, 220, 221, 229, 235, 247, 263, 264, 278, 284
Чижмарь Степан 405, 406
Чижмарь Василий 405, 406, 408
Читари 416
Чичерин Георгий 83
Чобан Иван 350
Чопей Г. 43, 224, 297
Чори Василий 349
Чорный С.М. 467
Чундак Андрей 342
Чучка Ю. 15, 38
- Шалада Юлия
Шалада Юрий 389
Шандор Золтан 346
Шандор Имре 340

- Шандор Петё 83
Шаркань Эндре 376
Шварцов 357
Швегла Антонин 67, 68, 93–95
Швейницер-Шомбор Йожеф 331, 343, 344, 366
Шевцова Раиса 410
Шенборн-Бухгайм 361
Шембек Ян 156, 157, 292
Шенбергер Давид 341
Шептицкий Андрей 299
Шеранич Федор 341
Шён Ханс 82
Шёнборн-Бухгайм 86, 87, 308
Шёнхерц Золтан 339, 340
Шиклош Андраш 31
Шименфалви Арпад 298, 328
Шимкович Шаламон 339
Шкрамко Алекса 239
Шлахта Алиса 301
Шмиго И.С. 467
Шмидт Отто 202
Шмило Иван 398
Шпак Г. 125, 224, 321, 322
Шпак Иван 329, 364
Шпеник А. 224
Шпигель Лайош 77, 346
Штьеньовский Й. 293, 308
Штеменко С.М. 419
Штефан Агошт (Августин, Агоштон) 29–32, 58, 59, 294, 356
Штефан Михаил 386
Штефен 298
Штефуца Йосиф 370
Штфан Валер 164
Шуйок Дежё 286, 287
Шульц Габор 298
Шупка Геза 28
Шушниг Курт фон 137
Шченьовский Й. 324

Щадей Василий 238
Щембек Ян 127

Эган 15

Эдьед Иштван 319, 320

Экхард Тибор 311

Эндре 5

Эндре II 4, 5

Эннок Эдмонд 61, 67, 68, 70, 130

Эрде Лайош 316

Эрдманнсдорф Отто 147, 178, 181, 184, 186, 187, 189, 207, 214, 220, 221, 226, 241, 267, 268, 269, 302, 360

Эренфельд Петер (Петр) 71, 74, 92

Эстерхази Мориц 336

Эстерхази Янош 254, 267

Эттвени Оливер 225

Юг Семен 386

Юг Юрий 386

Юнгерт-Арноти Михай 166, 176, 183, 191, 192, 199

Юхас Дюла 138

Ягов Дитрих фон 396

Якубович Герман 339, 340, 341

Яни Густав 320, 373

Янковский В.П. 467

Янчишин Иван 131

Ярий Рико 251, 305

Ярош Андор 255, 300, 312, 323

Яси Оскар 19, 20, 27–29

Яцук Алексей 347

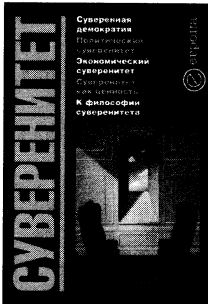
СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть первая	
Закарпатье в революционной буре 1918—1919 годов	17
Глава первая	
Планы воюющих сторон по переустройству Средней и Юго-Восточной Европы. Распад Австро-Венгерской монархии	19
Глава вторая	
Закарпатье в буржуазно-демократической революции	25
Глава третья	
Советская власть в Русьской Краине	57
Часть вторая	
Подкарпатье в составе Чехословакии	65
Глава первая	
В годы военной диктатуры	67
Глава вторая	
Восстановление и расширение деятельности партий в Подкарпатской Руси	75
Глава третья	
Планы хортистской Венгрии в отношении Подкарпатя	79
Глава четвертая	
Социально-экономическое положение	85
Глава пятая	
Политика чехословацкого правительства по отношению к Подкарпатской Руси	91

Глава шестая	
В условиях мирового экономического кризиса и депрессии	99
Глава седьмая	
Накануне перемен	109
Глава восьмая	
Проблема автономии	125
Глава девятая	
Дипломатические усилия хортистов, направленные на захват Подкарпатья	137
Часть третья	
Автономная Подкарпатская Русь и Карпатская Украина	161
Глава первая	
Первый Венский арбитраж и раздел Закарпатья	163
Глава вторая	
Проблемы Карпатской Украины в политике соседних государств после Мюнхена	207
Глава третья	
Карпатская Украина	223
Глава четвертая	
Оккупация Карпатской Украины венгерскими войсками	267
Часть четвертая	
Подкарпатье под властью хортистов	289
Глава первая	
Режим военной администрации	291
Глава вторая	
Правда и мифы об автономии Подкарпатья	311
Глава третья	
Подкарпатье на первом этапе Второй мировой войны	335
Глава четвертая	
В годы войны гитлеровской коалиции против Советского Союза	369
Глава пятая	
В условиях двойной оккупации	403
Часть пятая	
Закарпатская Украина (конец 1944 – 1945 год)	421
Заключение	439

Приложения	443
Приложение 1. Наименование населенных пунктов Карпатской Украины, перешедших по решению 1-го Венского арбитража к Венгрии	443
Приложение 2. Список назначенных венгерскими властями советников при военном командовании оккупантов в Подкарпатье	444
Приложение 3. Список административных руководителей при окружных военных комендатурах на Рутенской земле	444
Приложение 4. Наименования населенных пунктов Закарпатья по округам и их изменения в периоды вхождения в то или другое государство	445
Приложение 5. Численность основных групп населения	462
Приложение 6. Число и площадь землевладений в кадастровых хольдах в Подкарпатье по венгерской переписи населения от 15 июля 1939 года	465
Приложение 7. Вторая мировая война в Закарпатье	465
Приложение 8. Документы	468
Условные сокращения	470
Примечания	474
Использованные источники и литература	510
Указатель имен	527

СУВЕРЕНИТЕТ

Сборник / сост.: Никита Гараджа
145x200 мм, 304 с. – (Политучеба)
ISBN 5-9739-0075-4

Не часто под одной обложкой оказываются статьи крупных государственных чиновников, опытных политиков и серьезных публицистов-аналитиков. Объединяющая их тема: Россия у всех авторов одна. И беспокойство по поводу того, как России сохранить национальное «Я», у них одно – выраженное через разные предметы: политику, экономику, мир ценностей.

Беспокойство понятно, ведь в сегодняшнем мире одна страна, США, стремится утвердить свой суверенитет через отказ всем другим в праве быть собой, а европейские страны мечутся между традиционной склонностью к самостоятельному существованию и попыткой утвердить единое «Я» для Европы – Европы без России. Всех авторов объединяет понимание того, что защита суверенитета России возможна только в активном залоге: через его утверждение заново, через постановку амбициозных задач и их решение через демократическую модель обустройства общества. И если первую задачу Россия решала всегда, то вторую разом с первой – никогда еще в тысячелетней своей истории.

Олег Айрапетов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1801–1914)

160x215 мм, 672 с. – (Империи)
ISBN 5-9739-0064-9

Сейчас, когда Россия вновь утверждает свое место в мире, нередко встречая сильное сопротивление и на Западе, и на Востоке, особенно важно заново рассмотреть, как складывалась внешняя политика зрелой Российской империи при пяти царях: Александре I, Николае I, Александре II, Александре III и Николае II. Мир изменился, и нынешняя Россия имеет не много общего с давней империей, однако безусловно важно изучить удачи и просчеты российской дипломатии, верные и ошибочные оценки ситуации, правильное построение стратегии и жестокие стратегические ошибки. Наиболее интересны, пожалуй, печальные повторы заблуждений, в основе которых лежала не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка положения дел. Слишком часто Россия оказывалась заложницей иллюзий возможности иметь друзей в той области отношений, где значение имели исключительно интересы.

Александр Шубин

**ПРЕДАННАЯ ДЕМОКРАТИЯ.
СССР и неформалы (1986-1989)**

Предисловие: Владимир Прибыловский
160x215 мм, 344 с. – (СССР)
ISBN 5-9739-0028-2

Это книга в жанре свидетельства. Неформалы (не путать с правозащитниками) сначала искренне стремились к «правильному» социализму, затем столь же искренне увлеклись – реконструируя себе идеологию по давним книгам – кто анархо-синдикализмом, кто линией конституционных демократов, кто еще чем-то. Неформалы сыграли весьма существенную роль в период бури и натиска поздней горбачевской перестройки. Автор был в самой гуще краткого по времени движения идеалистов-неформалов конца семидесятых – восьмидесятых годов прошлого века и пережил все стадии этого движения.

Джейн Джекобс

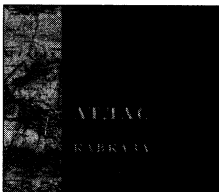
**ЗАКАТ АМЕРИКИ.
ВПЕРЕДИ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

145x200 мм, 264 с. – (Империи)
ISBN 5-9739-0071-1

Джейн Джекобс – автор бестселлера 60-х годов прошлого века «Жизнь и смерть великого американского города». Эта книга впервые позволила читателю усомниться в том, что «король одет»: что профессионалы знают о том, что нужно людям, и о том, как удовлетворить их потребности наилучшим образом.

Книга в первую очередь интересна простой интерпретацией незатейливых фактов, совокупность которых камнями на камне не оставляет от мифов о том, что за океаном все устроено гораздо лучше, чем в пенатах.

К огорчению любителей мифотворчества, проклятый жилищный вопрос, как выясняется, мучит североамериканцев (и в США, и в Канаде) ничуть не меньше, а то и больше; от былой этики профессиональных корпораций осталось немного; фабрики по выдаче дипломов вытесняют школы, где еще сохранен контакт студента и преподавателя; создание гигантских пригородов добывает традиционные городские ценности.

Артур Цуциев

АТЛАС ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАВКАЗА (1774-2004)

275x220 мм, 128 с.

ISBN 5-9739-0045-2

50 карт настоящего атласа и сопровождающие их комментарии прослеживают более чем 200-летнее развитие административно-территориальной и национально-государственной композиции Кавказского региона, отражают историко-территориальные и статусные предпосылки современных этнополитических противоречий и конфликтов.

Издание рассчитано на студентов-историков, политологов, других специалистов, изучающих политическую историю Кавказа, юга России, а также – на широкий круг читателей, интересующихся кавказской историей или, в качестве политиков, вовлеченных в ее конструирование сегодня.

ВСЯ ПОЛИТИКА

Хрестоматия / сост.: Владимир Нечаев, Александр Филиппов

160x215 мм, 440 с. – (Политучеба)

ISBN 5-9739-0052-5

Наконец-то есть самоучитель политических знаний для человека, окончившего среднюю школу и не утратившего желания разобраться в мире, в стране. Жанр хрестоматии соблюден здесь в точности: десятки документов, выступлений и интервью российских политиков, критиков наших и иностранных собраны в дюжину разделов – от того, что такое вообще политика, и до того, чем в наше время является вопрос о национальном суверенитете; от сжатой и емкой характеристики основных политических идеологий до политической системы государства и сути ее реформирования.

Василий Ульяновский

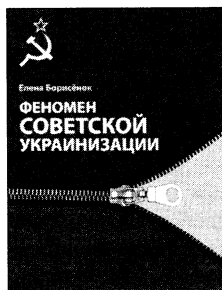
СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Предисловие: Вячеслав Глазычев

160x215 мм, 448 с. – (Империи)

ISBN 5-9739-0043-6

Книга Василия Ульяновского – при всей ее научной фундаментальности – чрезвычайно занимательна для читателя, увлеченного российской стариной, дела которой вновь и вновь оживают в наше время. Феномен самозванства и феномен его успеха, скорость и легкость, с которой боярство и церковь, дворяне и крестьянство присягали на верность Годунову, Самозванцу, Шуйскому, новому Самозванцу, польскому королевичу Владиславу, – все это представляет меньшую загадку для читателя, пережившего перестройку и референдум о сохранении СССР, Беловежские соглашения и путч, борьбу парламента с первым президентом России и много чего еще. В книге ярко звучат голоса свидетелей и участников событий Смутного времени, проясняется их подоплека и позднейшее нагромождение мифов вокруг них.

Елена Борисёнок

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ УКРАИНИЗАЦИИ.

1920–1930-е годы

145x200 мм, 256 с. – (Евровосток)

ISBN 5-9739-0079-7

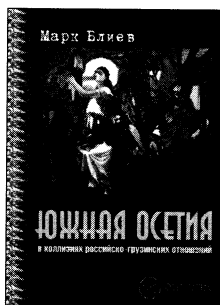
В монографии впервые в отечественной историографии анализируется национальная политика большевиков в отношении Украинской ССР в 1920–1930-е годы, получившая название украинизации. Украинизация рассматривается на широком общественно-политическом фоне как элемент сложных маневров советского руководства и в центре, и в республике. В книге представлены предпосылки, этапы и результаты политики украинизации, прослеживается ее связь с общим курсом партийного и советского руководства. Показано также восприятие большевистской национальной политики широкими слоями населения Украины – интеллигенцией, чиновничеством, рабочими, крестьянами.

Наталья Козлова
СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ.
СЦЕНЫ ИЗ ИСТОРИИ

Предисловие: Глеб Павловский
145x200 мм, 544 с. – (Империи)
ISBN 5-9739-0017-7

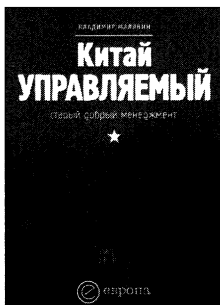
Книга Натальи Козловой – результат кропотливых изысканий в собрании «Народного архива», созданного пятнадцать лет назад. Из множества дневниковых записей, сделанных вполне заурядными людьми, автор выбрала несколько автобиографий невеликих чинов карьеристов, которые предпринимали героические усилия, чтобы, подобно щепочкам, удержаться в водоворотах большой истории советской страны. В книгу вошла бесхитростная хроника одной из миллионов простых женщин, на чьих плечах устояла страна в ситуациях, в которых, кажется, устоять было нельзя.

Марк Блиев
ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В КОЛЛИЗИЯХ
РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

145x200 мм, 472 с. – (Евровосток)
ISBN 5-9739-0035-5

Обстоятельная книга Марка Блиева погружает читателя в историю с древнейших времен, включая вековые попытки грузинских князей лишить осетин воли, земли и крайне непоследовательные действия российских наместников на Кавказе. Северная Осетия жила по законам Российской империи, Южная – практически оставалась под властью грузинских угнетателей. Особенно ценна возможность шаг за шагом проследить, как новая Грузия стремилась вытеснить осетин из родных мест, для начала в 1990 году отказав Южной Осетии в праве на автономное существование. Сочинские соглашения эпохи игр Шеварднадзе с Ельциным сделали Россию единственным гарантом существования Южной Осетии, которому постоянно угрожает авантюризм Тбилиси.

Владимир Малявин

**КИТАЙ УПРАВЛЯЕМЫЙ:
СТАРЫЙ ДОБРЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ**

145x200 мм, 304 с. – (Формы правления)

ISBN 5-9739-0013-4

Впечатляющие экономические достижения Китая привлекли к нему пристальное внимание специалистов по менеджменту и корпоративной стратегии во всем мире. Но взгляд их обычно скользит по поверхности вещей... Автор этой книги, известный отечественный Китаевед, предлагает взглянуть в культурную подопку китайских особенностей менеджмента. И находит там духовные истины, способные обеспечить успех в бизнесе.

**Все книги можно приобрести
в издательстве «Европа» по адресу:
г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1,
тел. 745-52-25, факс 725-78-67
www.europublish.ru**

Серия «Евровосток»

Андрей Пушкаш

**Цивилизация или варварство:
Закарпатье 1918-1945**

Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*
Литературный редактор *А. Пряжникова*
Художественный редактор *С. Захаров*
Технический редактор *А. Монахов*
Корректоры *О. Кандидатова, В. Кинша*
Обложка *А. Жернакова*
Верстка *П. Борисова, О. Павловский*

Подписано в печать 02.10.2006. Формат 70×90 1/16. Гарнитура Newton.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 41,24.
Тираж 1000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.
Тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru
www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Момент»

Монография посвящена одному из самых сложных и запутанных периодов в истории Закарпатья, борьбе европейских держав за контроль над этим краем. Раскрыты многие прежде не известные либо вызывавшие противоречивое толкование эпизоды внутренней и внешней политики соседних государств в изучаемый период. Большое внимание уделено судьбам многочисленного населения, проживавшего в Закарпатье при различных властях и режимах. При написании труда были использованы не публиковавшиеся ранее материалы из архивов Венгрии, Польши, Германии, Чехии, Словакии, России. Многие из этих документов сегодня недоступны.

ISBN 5-9739-0083-5

9 785973 900830